

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 2 (62) Т. 4

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабиц М. – д-р юр. наук, проф. Бания-Лукского университета (Бания Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибило В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Ключко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 2 (62) Vol. 4

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ

- 7 **Абдурахманова М. С.** Роль армянского купечества в развитии транзитной торговли через Дагестан в XVII – XVIII вв.
- 11 **Ананьев Д. А.** Источники по дореволюционной истории Сибири в архивных и книжных собраниях США, Канады, Великобритании и Германии
- 17 **Головань Н. С.** Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941 – 1945 гг.)
- 21 **Гузаров В. Н.** Отдых и лечение партийных руководителей томской губернии: 1920 – 1925 гг.
- 26 **Каплунов В. А.** Особенности научной работы и формирования фондов в музее-заповеднике «Томская Писаница»
- 31 **Чернышов С. А.** Политические трансформации аборигенных государственных образований западной Сибири после их включения в состав Московского государства
- 37 **Чотбаев А. Е.** Защитное вооружение и воинское снаряжение кочевников Казахстана VIII – VI вв. до н. э.
- 41 **Шамеев А. М.** Роль и место интеллигенции Кабардино-Балкарии в развитии демократических преобразований, взаимоотношениях власти и общества в конце XX века
- 46 **Шигапов Ф. Ф.** Проблемы и перспективы институционального сотрудничества совета Россия – НАТО

ПЕДАГОГИКА

- 49 **Барина Л. В., Плетенёва И. Ф.** Сотрудничество семьи и образовательного учреждения как средство развития обучаемых
- 53 **Гришина Ю. И., Ковшур Т. Е.** Мониторинг состояния физической подготовленности студентов при выполнении силового норматива комплекса ГТО
- 58 **Жуков Р. С., Шаньшина Г. А., Щербинин П. Т.** Влияние самостоятельной работы на уровень физической подготовленности студентов учреждений среднего профессионального образования
- 63 **Зиновьева Н. Б.** Об общей теоретической концепции цикла документоведческих дисциплин в условиях разработки программ магистерской подготовки
- 66 **Кравчук Т. А., Стафеева А. Ю.** Волонтерская деятельность как средство формирования компетенций будущих специалистов туристической индустрии

HISTORY

- 7 **M. S. Abdurakhmanova.** The role of Armenian merchants in the development of transit trade through Dagestan in the 17th – 18th centuries
- 11 **D. A. Ananyev.** Sources on pre-Revolutionary history of Siberia in the archives and book collections of the USA, Canada, the UK and Germany
- 17 **N. S. Golovan.** The housing and living conditions of Kuzbass urban population (1941 – 1945)
- 21 **V. N. Guzarov.** Recreation and treatment of Tomsk province party leaders: 1920 – 1925
- 26 **V. A. Kaplunov.** Peculiarities of research activities and collections formation at "Tomskaya Pisanitsa" museum-reserve
- 31 **S. A. Chernyshov.** Political transformation of the aboriginal states of Western Siberia after their inclusion in Muscovite state
- 37 **A. E. Chotbaev.** Defensive armament and military equipment of Kazakhstan nomads in the 8th – 6th centuries BC
- 41 **A. M. Shameev.** The role and place of Kabardino-Balkaria intelligentsia in the development of democratic reforms and government-society relations in the late 20th century
- 46 **F. F. Shigapov.** Challenges and perspectives of institutional cooperation of NATO-Russia Council

PEDAGOGICS

- 49 **L. V. Barinova, I. F. Pleteneva.** The cooperation between the family and the educational institution as a means of students' development
- 53 **Yu. I. Grishina, T. E. Kovshura.** Monitoring of female students' physical fitness in their performance of the GTO strength standard exercises
- 58 **R. S. Zhukov, G. A. Shanshina, P. T. Sherbinin.** Influence of independent work on the level of physical fitness of secondary vocational institutions female students
- 63 **N. B. Zinovieva.** On the general theoretical conception of documentation subjects cycle in developing Master's Degree programmes
- 66 **T. A. Kravchuk, A. Yu. Stafeeva.** Volunteering as a means of developing competencies of future specialists for tourist industry

- 73 **Печерина О. В.** Формирование профессиональной компетентности будущих специалистов физической культуры и спорта в условиях непрерывной практики
- 77 **Плетенёва И. Ф., Барина Л. В.** Интеграция философских и педагогических знаний как фактор становления и развития научной педагогики
- 81 **Урусова Л. Х.** К вопросу о современном отцовстве и маскулинности
- 84 **Чурекова Т. М., Штогрин Е. Н.** Предпосылки приобщения школьников к общественно полезному труду
- 88 **Чусовитина О. М., Шмакова А. Н.** Исследование профессиональной идентичности абитуриентов училища олимпийского резерва
- 92 **Шевченко О. Н., Давлятова С. В.** Рассогласованность и дезорганизация внутрисемейных отношений как фактор социальной нестабильности семьи

ФИЛОЛОГИЯ

- 98 **Арбачакова Л. Н.** Роль сказителя в сюжетостроении Шорских героических сказаний
- 101 **Ащеулова И. В.** Деконструкция советской истории в романе Саши Соколова «Палисандрия»
- 105 **Балашова Н. П.** Вегетативный код лингвокультуры в описании луны
- 109 **Бидинова А. К.** Падежные формы в говорах теленгитского диалекта алтайского языка
- 115 **Владимиров О. Н.** Образ «молодой старости» в поздней лирике И. Бунина
- 120 **Гончарова А. А.** Генезис лингвистической философии в эпистемологии Античности
- 126 **Горбенко А. Ю.** «Слепые фарисеи» и «слуга народа»: идеологема «врага» в автомифотворчестве Г. Гребенщикова
- 129 **Долгих В. П., Чепкасов А. В.** Импровизация в выступлении спикера как средство речевого воздействия
- 134 **Донгак А. С.** Литературные сюжеты в исполнительской традиции тувинцев
- 139 **Жданов С. С.** Между «долом» и «вершиной»: немецкая горная идиллия и псевдоидиллия в поэзии Саши Черного
- 144 **Ковтун Н. В., Степанова В. А.** Трансформация погребального обряда в поздних рассказах В. Распутина
- 152 **Лаптева Е. А.** Структурная характеристика медицинских терминов-синонимов (на материале научных текстов в области дерматологии и венерологии)
- 157 **Напреенко Г. В.** Идентификационная лингвистика как аспект лингвоперсонологии
- 162 **Петропавловская Ю. А.** Особенности создания концепции корпоративного издания
- 169 **Старикова Л. С.** «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика

- 73 **O. V. Pecherina.** The formation of future physical culture and sports experts' professional competence in continuous practice
- 77 **I. F. Pleteneva, L. V. Barinova.** Integration of philosophical and pedagogical knowledge as a factor of emergence and development of scientific pedagogics
- 81 **L. Kh. Urusova.** To the question of modern fatherhood and masculinity
- 84 **T. M. Churekova, E. N. Shtogrina.** Preconditions of teaching socially useful work to secondary school students
- 88 **O. M. Chusovitina, A. N. Shmakova.** The research of professional identity of the Olympic Reserve College applicants
- 92 **O. N. Shevchenko S. V. Davlyatova.** Mismatch and disruption of family relations as a factor of the family' social instability

PHILOLOGY

- 98 **L. N. Arbachakova.** The role of the storyteller in the plot of Shor heroic legends
- 101 **I. V. Asheulova.** The deconstruction of Soviet history in Sasha Sokolov's novel «Palisandre» («Astrophobia»)
- 105 **N. P. Balashova.** Vegetative metaphors in the description of the Moon
- 109 **A. K. Bidinova.** Case forms in the speech varieties of the Telengit dialect of the Altai language
- 115 **O. N. Vladimirov.** The conception of «young senility» in Ivan Bunin's late lyrics
- 120 **A. A. Goncharova.** Linguistic philosophy genesis in antique epistemology
- 126 **A. Yu. Gorbenko.** «Blind pharisees» and «people's servant»: the ideologeme of «enemy» in G. Grebenshchikov's auto-myth-making
- 129 **V. P. Dolgikh, A. V. Chepkasov.** Improvisation in the speaker's speeches as means of speech influence
- 134 **A. S. Dongak.** Literary Plots in Performance Tradition of Tuvans
- 139 **S. S. Zhdanov.** Between «dale» and «peak»: German mountain idyll and pseudo-idyll in Sasha Chorny's poetry
- 144 **N. V. Kovtun, V. A. Stepanova.** The transformation of obsequies in V. Rasputin's late novels
- 152 **E. A. Lapteva.** The structural characterization of medical synonymic terms (based on the scientific articles in the field of dermatology and venereology)
- 157 **G. V. Napreenko.** Identification linguistics as an aspect of lingvopersonology
- 162 **Yu. A. Petropavlovskaya.** Corporate media: aspects of concept formation
- 169 **L. S. Starikova.** The «camp prose» in the context of the Russian literature of the 20th century: concept, framework, specificity

- 175 **Тимченко А. Г.** Вербализация сторон света в русских говорах Красноярского края (бинарные оппозиции «восток-запад», «юг-север»)

- 179 **Ходанен Л. А., Ямадзи Асута.** Поэтическая мифология снов в творчестве М. Ю. Лермонтова
183 **Шкурят Л. С.** Нравственный выбор героя и его трагическая судьба в романе Ю. В. Бондарева «Непротивление»

ФИЛОСОФИЯ

- 189 **Боровкова О. В.** Проблема опыта в исторической науке
193 **Гаврилов Е. О.** Игровая религиозность как репрезентант современных тенденций социального развития
199 **Иванова Н. А.** Моральный габитус науки: теоретические кодификации и особенности формирования
206 **Казаков Е. Ф.** От души к психике
210 **Козырева М. В., Махалов М. С.** Концепции культуры в контексте качества жизни
214 **Лалуев В. Я.** Методологические принципы анализа религиозных пророчеств
220 **Пешев О. О.** Нормативная концепция образования в аналитической философии Р. С. Питерса
224 **Сигарева Е. В.** Философско-экологический аспект исследования глобальных проблем и региональные особенности социально-экологического развития в Кузбассе
228 **Тащиан А. А.** Ритмика природы в метафизике Св. Августина
232 **Типикина Л. П.** Душа русской культуры в «серебряном веке»
236 **Щербинин М. Н., Захарова О. В.** Познавательный инфинитизм в становлении-развитии человеческой сущности

РЕЦЕНЗИИ

- 239 **Васильев В. П., Васильева Э. В.** О серии монографических работ З. М. Богословской, посвящённых вариантологии
241 **Красиков В. И.** Что же делается в современной русской философии? Рецензия: Кто сегодня делает философию в России. Том III / автор-составитель А. С. Нилогов. М.: ООО "Сам Полиграфист", 2015. 736 с.: ил. ISBN: 978-5-00077-142-6

РЕЗОЛЮЦИЯ

- 243 Международная научно-практическая конференция «Профессиональное образование и занятость молодёжи: XXI век. Преемственность в деятельности профессиональных образовательных организаций региона в условиях модернизации» (Кемерово, 18 – 19 марта 2015 г.)
247 Правила для авторов журнала
249 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 175 **A. G. Timchenko.** Verbalization of the cardinal points in the Russian dialects of Krasnoyarsk Territory (*semiotic binary oppositions «East-West», «South-North»*)

- 179 **L. A. Khodanen, Yamadzy Asuta.** Poetic dream mythology in M. Yu. Lermontov's works
183 **L. S. Shkurat.** Moral choice and tragic fate of the protagonist in Yu. V. Bondarev's novel "The Non-Resistance"

PHILOSOPHY

- 189 **O. V. Borovkova.** The problem of experience in the historical science
193 **E. O. Gavrilov.** Game religiousness as representant of current trends of social development
199 **N. A. Ivanova.** Moral scientific habitus: theoretical codification and features of formation
206 **E. F. Kazakov.** From soul to psyche
210 **M. V. Kozyreva, M. S. Mahalov.** Concepts of culture in the context of quality of life
214 **V. Ya. Laluev.** Methodological principles of religious prophecies analysis
220 **O. O. Peshev.** Normative conception of education in R. S. Peters's analytical philosophy
224 **E. V. Sigareva.** Philosopho-ecological aspect of the research of global problems and regional characteristics of the socio-ecological development in Kuzbass
228 **A. A. Tashchian.** Natural rhythms in St. Augustine's metaphysics
232 **L. P. Tipikina.** The soul of the Russian culture in the "Silver Age"
236 **M. N. Shcherbinin, O. V. Zakharova.** Cognitive infinitism in formation-development of human essence

REVIEWS

- 239 **V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva.** On Z. M. Bogoslovskaya works in variantology
241 **V. I. Krasikov.** What is going on in modern Russian philosophy? Review of: Kto segodnja delaet filosofiju v Rossii. Tom III (Who is now making philosophy in Russia? Vol. 3) / by A. S. Nilogov. M.: ООО "Sam Poligrafist", 2015. 736 p. ISBN: 978-5-00077-142-6

RESOLUTION

- 243 International scientific and research conference "Professional education and youth employment: the 21st century. Succession in the work of the region's educational institutions under the conditions of modernization" (Kemerovo, 18 – 19 March 2015)
247 Information and instructions for authors
249 Subscribe to Bulletin of KemSU

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

**РОЛЬ АРМЯНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ
ЧЕРЕЗ ДАГЕСТАН В XVII – XVIII ВВ.**

М. С. Абдурахманова

**THE ROLE OF ARMENIAN MERCHANTS IN THE DEVELOPMENT OF TRANSIT TRADE THROUGH
DAGESTAN IN THE 17TH – 18TH CENTURIES**

M. S. Abdurakhmanova

В статье раскрывается роль армянского купечества в развитии российско-восточной торговли через Дагестан. Показаны основные пункты ведения торговли армянами-купцами в Прикаспийском Дагестане, проанализирована роль армянского купечества в развитии российско-дагестанской торговли, охарактеризован ассортимент товаров, маршруты армянских купцов и их роль в установлении новых торгово-дипломатических путей России с восточными странами.

The paper discusses the role of Armenian merchants in the development of Russia-East trade through Dagestan. The main sites of Armenian merchants' trade in Caspian Dagestan are shown, the role of Armenian merchants in the development of the Russian-Dagestan trade is analysed, the range of goods, routes of the Armenian merchants and their role in establishing new trade and diplomatic ways between Russia and Eastern countries is characterized.

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, армянское купечество, торговая политика России, транзитная торговля, предметы торговли, пошлины.

Keywords: Dagestan, Derbent, Armenian merchants, trade policy of Russia, transit trade, subjects of trade, duty.

Начиная со второй четверти XVII в. Российское государство начинает переориентировать свою торговлю на Восток и юг к Каспийскому морю. В этом деле немаловажную роль сыграли климатические условия и удобный водный Волжско-Каспийский торговый путь. Вследствие этого Прикаспийский Дагестан стал транзитным центром торговых отношений Российского государства со странами Востока. Россия была заинтересована в шелке-сырце, который выращивали в Персии в большом количестве. До середины XVII в. из Персии шелк-сырец и другие восточные товары поставлялись в Европу через Турцию, а затем водным путем в западноевропейские страны. Продавать шелк-сырец и другие товары через Турцию было намного опаснее и убыточнее, чем через Российское государство. Используя Турцию как транзитное государство для реализации своих товаров, армянское купечество Новой Джульфы имело большие шансы подвергнуться разбойному нападению, этот риск повышался на море. Черноморские пираты не упускали шанс ограбить богатые суда не только армянского купечества, но всех тех, кто попадался на их пути. В середине века армяне посчитали выгодным ездить через Дагестан, Москву и Архангельск, затем водным путем в Европу [3, с. 35 – 36].

Во второй половине XVII в. Российское правительство неоднократно вело переговоры с Персией о поставке шелка-сырца армянскими купцами из Персии в Российское государство. Имея большое влияние на персидскую внешнюю политику, армянские купцы были основными поставщиками восточных товаров на российский рынок. Для устранения спорных вопросов между двумя странами периодически ко двору

шаха направлялись русские послы и гонцы, а оттуда приезжали персидские послы.

Персидский шах и русский царь регулярно обменивались «любительскими грамотами», уверяя друг друга в добрых намерениях, любви, в крепкой братской дружбе и сотрудничестве. В 1623 г. персидский шах отправляет российскому царю Михаилу Федоровичу «грамоту», где сообщает, что отпустил из Персии русского посла, и отправляет в Россию своего посла для переговоров и для улучшения отношений между Россией и Персией [12, л. 42]. Все это выдвинуло Прикаспийские области, в частности дагестанский регион, на положение главных районов торговли Персии с Российским государством.

В 1666 г. представители Армянской торговой компании начали вести переговоры с правительством Алексея Михайловича о своей деятельности в Российском государстве. Речь шла о завозе шелка-сырца в Россию и западноевропейские страны через Дагестан в Москву. Армяне уверяли, что они будут меньше ездить в Турцию для торговых операций и все свои торговые интересы направят на Российское государство. Это должно было повлиять на развитие и процветание таких торговых городов, как Дербент, Астрахань, Москва и Архангельск. Армянское купечество просило налоговых послаблений членам Армянской торговой компании и уравнивания их с российским купечеством. Эти предлагаемые условия были взаимовыгодны как для Армянской торговой компании, так и для Российского государства.

Шах Персии также оказывал армянам защиту и покровительство, а они своими коммерческими способностями расширяли персидскую торговлю, обога-

щая и себя, и шахскую казну. «Армяне, – отмечал Шарден, – более подходят для занятий торговлей благодаря тому, что живут они очень бережливо и умеренно, и когда отправляются из дому в путешествие, то делают большие запасы. Перевозка всех этих запасов обходится им дешево, так как они на каждые шесть нагруженных товарами верблюдов получают седьмого бесплатно для перевозки утвари и съестных припасов. Когда они приезжают в город, где должны прожить некоторое время, то собираются по 5 – 6 человек и все вместе снимают пустую комнату, которая тотчас же оказывается меблированной, так как каждый везет с собой матрацы, одеяла, хозяйственную утварь, что дает большую экономию в путевых издержках» [20, с. 85]. Путешественник начала XVII столетия Пьетро делла Валле, хорошо знавший Иран и джюльфинцев, сравнивал их с генуэзцами, отмечая, что «армяне были так нужны шаху персидскому, как генуэзцы королю испанскому, так как они одни без других не могли жить» [3, с. 129].

В 1667 г. 31 мая был заключен торговый договор между представителями Армянской торговой компанией Степаном Ромадамским и Григорием Лусиковым и Российским государством. Армянская торговая компания обязывалась вывозить из Персии и Прикаспийских государств через территорию Дагестана и дербентский порт в Астрахань и другие российские города и далее в западно-европейские государства шелк-сырец и другие восточные товары [8, с. 158].

Подчеркивая значимость заключенного договора для Дагестана, Е. И. Козубский писал: «С воцарением Романовых, возобновились торговые сношения Дербента с Астраханью. Шах Аббас II в 1664 г. дозволил русским купцам торговать беспошлинно в приморских городах его государства. Персия имела выгоду в развитии этой торговли, так как она могла получать товары из Европы только через Россию. Средоточием персидской торговли была Астрахань, которая вела ее главным образом через Дербент. Персидские купцы прибывали на государевых бусах, приспособленных к морскому плаванью судам, которые московское правительство держало для торговли по Каспию. Бусы приставали к Дербенту и Баку, откуда купцы ездили в Шемаху, где происходил главный торг персиян с русскими. Главным вывозным товаром из Персии был шелк-сырец... 31 мая 1667 г. была дарована жалованная грамота армянской компании на привоз в Россию шелка-сырца, предоставлявшая подданным шаха армянам Степану Ромоданскому и Григорию Лусикову, привозить все количества шелка сухим путем и морем в Астрахань» [11, с. 156].

Удачное географическое и геополитическое положение Дербента и наличие в конце XVII – XVIII в. морского порта способствовало огромной его роли в обеспечении крупномасштабного шелкового транзита из Персии как по морю, так и по суше. Астрахань – «средоточие персидской торговли на Каспии» вела ее главным образом через Дербент, в котором проживало постоянно или временно восточное купечество, состоявшее в большинстве своем из армянских купцов «компанейщиков», т. е. купцов из Джюльфинской торговой компании [17, с. 106].

Кроме марены и шелка-сырца, транзитом через Дербент из Азербайджана и Персии в Россию армянами-купцами ввозились шелковые изделия – камка, бархат, атлас, тафта, дараи, производившиеся в Тебризе, Шемахе, Баку, Гандже, Ардебиле [15, с. 9]. Эти ткани продавались купцами в российских городах, где они пользовались большим спросом. «Персидские товары, – писал Н. Костомаров, – были в большом ходу в России; в Москве был особый персидский гостинный двор с лавками. Сам царь Алексей Михайлович, который вел значительную персидскую торговлю, подобно своему отцу, беспрестанно посылал в Персию посланников к шаху... и приказывал закупать персидские товары, которые препровождались в Шемаху, а оттуда в Баку и Дербент, где нагружались в бусы и отправлялись в Астрахань. Главным вывозным товаром из Персии был шелк-сырец и его-то правительство брало исключительно в свои руки, так что при Михаиле и Алексее Михайловиче русские, покупая или выменивая шелк-сырец, привозили его в Москву и сдавали в казну государя, а казна продавала европейским купцам» [13, с. 46].

Политика российского правительства способствовала привлечению армян в Прикаспийские области и в последующий период. Так, Петр I приказал армян «содержать... в крепком охранении и поступать с ними, таким образом, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли» [14, с. 253]. Всего в 1735 г. в Прикаспийских областях армян и грузин насчитывалось 450 семей [4, с. 507]. Их переселение в Западный Прикаспий поощрялось российским правительством с целью оживить экономику края, наладить торговлю важным для России сырьем – шелком-сырцом, хлопком, «чтобы они (армянские купцы – авт.) к размножению коммерции с российскими купцами имели старание, и для того шелк и другие персидские товары, которые от них прежде всего отпускаемые в европейские государства, привозили б в Россию...» [14, с. 253].

В то же время российское правительство стремилось создать благоприятные условия для заселения Прикаспийских областей христианами армянского, грузинского и русского происхождения с целью иметь в Прикаспии социальную опору, жизненные интересы которой совпали бы с политическими интересами России. Генерал-лейтенанту Матюшкину было предписано принимать армянских купцов, ремесленников и крестьян и отводить им земли для поселения у крепости Святого Креста, в Дербенте и Баку, «дабы они имели купечество» [12, с. 558 – 559]. В результате подобной политики уже к 1725 г. в Дербенте была иная этническая картина. Здесь были созданы слободы армян и грузин со своими церквями, самоуправлением.

Укреплению положения армянских купцов в России, в том числе и в Прикаспии, способствовала также льготная система налогообложения. Армяне пользовались свободой торговли с уплатой «обыкновенных пошлин», правом «суда по своим законам», правом свободного вероисповедания. Их было запрещено записывать в посад и определять в какие-то не было службы. Представители местной власти обязаны были по отношению к восточным купцам «держаться ласку и

привет доброй... оберегать, чтобы им ни от кого никаких обид не было» [23, с. 138].

Государство хорошо отладило и саму систему беспрепятственного продвижения купцов по территории Российского государства. В более опасные и длинные маршруты восточному купечеству представлялись определенные льготы при налогообложении. В случае если на караван нападали разбойники, происходила утрата имущества, проводника в результате стихийного бедствия, то российское правительство выплачивало так называемую страховку. Тем самым возмещало некоторую часть полученных убытков или делало поблажки при налогообложении.

Как уже было отмечено, основная роль в торговом-посреднической деятельности Дагестана принадлежала армянам. Они же были лидерами в производстве вина и водки, инициаторами и создателями крупнейших торговых компаний и объединений. Благодаря их неутомимой предпринимательской деятельности, Прикаспийские области имели торговые связи с Востоком, Россией и Европой [1, с. 186 – 188]. Армянское купечество Дагестана занималось реэкспортом как восточных товаров, так и русских, имевших здесь широкий спрос.

Исследование данных о коммерческой деятельности армянских купцов и их торговых оборотах в Прикаспии показывает, что они проявляли в этой области большую активность. По сведениям Ф. И. Соймонова, «армяне издавна вдалились в купечество, и может быть жили между булгарами, не для какой другой причины, как чтоб скупать у них россиян драгоценную рухлядь и юфти...» [19, с. 258]. Армяне являлись крупными потребителями изделий русского мануфактурного производства, в то же время являлись посредниками в торговле народов Кавказа с Русским государством, так как «...онные наиболее знают в тамошних странах и как прибыточные торги отправлять...» следует [1, с. 207].

Деятельность армянских купцов в Прикаспии способствовала развитию и процветанию таких крупных центров региональной и международной торговли, как Астрахань, Терки, крепость Святого Креста, Кизляр, Дербент, располагавшие вдоль берега Каспийского моря на Волжско-Каспийском торговом пути, а также обеспечению первоочередных потребностей населения Прикаспия в местной и привозной продукции сельскохозяйственного и ремесленного производства. Армянские купцы в поисках новых рынков сбыта товаров выезжали на российские ярмарки, где приобретали суконные, льняные, хлопчатобумажные, шелковые ткани, железные и другие мелкие товары, которые привозили на Северный Кавказ и продавали в основном в Кизляре, казачьих станицах и русских поселках на кавказской линии, а также в аулах горцев [1, с. 189].

Архивные данные Дербентской таможни показывают, что в Дербент и через Дербент в Астрахань в первой половине XVIII в. проследовали ширванские, ереванские, нахичеванские, джувинские, гянджинские армяне. Ассортимент товаров, ввозимых ими, очень пестрый и показывает значительность торговых операций, проводимых ими в регионе. Основной удельный вес приходился на ценнейший по тем вре-

менам товар – шелк-сырец пряженный и изделия из него [9, с. 9], так как армяне пользовались льготными условиями ввоза шелка в Россию. Шелк-сырец, шелковые ткани, производимые в Прикаспийских областях, Закавказье и Иране потреблялись как на месте, так и вывозились в Астрахань и другие российские города. В 1767 г. из Ирана армянами было привезено 1255 пудов шелка, а в следующем году – 1284 пуда. В 1769 г. количество завезенного шелка превысило 2000 пудов [6, с. 25].

Среди товаров, вывозимых армянами из России в Прикаспийские города и страны Востока, упоминаются разные сорта холста (например, в августе – сентябре 1725 г. армяне вывезли 8370 аршин холста), крашенина и пестрядь-белоглазка, красные кожи, савры и овчинки, изделия из кожи, складные ножи, висючие замки, иголки, наперстки, гребни, фарфоровые кувшинчики, нателные кресты, деревянная посуда, писчая бумага, икра, рыба и др. [7, с. 192 – 193]. Из общего перечня товаров видно, что армяне отдавали предпочтение широте ассортимента.

Велика была роль армян в развитии кизлярско-астраханской торговли. Так, судя по данным Астраханской таможни, в 1739 г. в кизлярско-астраханской торговле приняли участие 40 торговцев, которые привезли 48 партий товара на сумму 9345 руб., из которых 23 купца являлись армянами. В основном стоимость товаров одного купца составляла от 30 до 260 рублей. Но среди них выделяются и более крупные торговцы, сумма которых определяется в 300 и более руб. Так, трое армянских купца Саркис Микасов, Осип Манвелов и Павел Иванов привезли товара на сумму 3337 руб., в том числе 50 пудов «шемахинского вареного шелка» и 1 пуд 21 фунтов «шелку вареного кизлярской работы» [21, л. 67].

Активное участие армянских купцов, опиравшихся на богатый коммерческий опыт и традиции, в транзитной торговле через Дагестан и Россию в европейские страны способствовало пополнению государственной казны. Общая сумма пошлин от русско-персидской транзитной торговли за 8 лет (1737 – 1745 гг.) превысила сумму в 500 тыс. руб. [2, с. 213]. В этом процессе «шелкового транзита» роль Кизляра была особой и приносила кизлярскому армянскому купечеству значительную прибыль. По свидетельству современника, «сей торг столько прибыточен, что из кизлярских армян, как говорят, иногда могут получить на один рубль 50 %. По такому выгодному торгу многие из них находят имущее называющихся богатыми астраханских купцов, употребляющих все свои капиталы для увеличения пользы, от торговых оборотов быть могущей» [17, с. 447].

Вывозили шелк из Кизляра в Астрахань и тифлиские армяне. Но в отличие от астраханских они доставляли и другие товары. Особенно интересно отметить, что тифлисский армянин Григорий Пирсаидов привез из Кизляра в Астрахань 70 ведер чихиря «тавлинского по 80 коп. ведро» другой тифлисский армянин привез «30 чекменей черкасских за 24 руб., 25 шаловаров за 12 руб., 12 бурок за 8 руб., 11 лисиц за 55 руб.» [21, л. 86], как видно из общего ассортимента, товары местного кавказского происхождения.

Активное участие в кизлярско-астраханской торговле принимали, кроме собственно кизлярских и астраханских армян, купцы из разных городов Закавказья и Ирана – это шемахинские, джультинские, нахичеванские армяне. Они также поставляли товар разного ассортимента. Одни из них везли из Кизляра в Астрахань восточные, а другие – купленные ими в Кизляре товары местного происхождения. Так, например, нахичеванский армянин Савелий Степанов привез 4 апреля 1739 г. из Кизляра в Астрахань следующие восточные товары: платки гилянские, шемахинские, кашанские, суси шемахинские, мови кизилбашские, а также местные товары – шкуры лисиц, волков, корсаков, бирюков, хорьков, воск, сукна черкесские, корень марены, бурки и т. п. [21, л. 87].

По сохранившимся таможенным материалам мы можем проследить степень участия армянского купечества в транзитной торговле через Дагестан и в последующий период. Если, например, взять 1746 г., то в документах не отражен привоз шелка. Это связано, на наш взгляд, с тем, что начали функционировать заводы по изготовлению шелка, куда шелк-сырец поступал беспошлинно. Об этом говорит и цолнер Кизлярской пограничной таможни М. Тарумов: «Шелк-сырец... объявляют по привозе в Кизляре в таможне; но только со оных... шелку-сырцу по силе Е.И.В. указам пошлин не берется» [5, с. 84].

Отсутствие шелка в кизлярско-астраханской торговле за 1746 г. можно еще объяснить и опустошительными походами Надир-шаха в Азербайджане и Дагестане, в результате чего «почти прекратился экспорт шелка-сырца из Гиляна и Ширвана» [10, с. 322], которые являлись главными поставщиками этого товара. Как свидетельствует И. Лерх, «в 1745 – 1746 гг. Надир потребовал от шемахинцев 150 тысяч рублей, а чиновники, чтобы получить и свою долю, еще больше увеличили эту сумму» [10, с. 330].

В торговых отношениях Кизляра с Астраханью за 1747 г. первое место по количеству привезенных товаров принадлежит кизлярским армянам, которые доставили 13 партий товаров на сумму 2977 руб. Сред-

ди них есть и такие, которые в течение года побывали в Астрахани дважды. Это Осип Сафаров, который привозил товар из Кизляра 1 и 18 апреля на сумму 95 руб., а также Калуст Павлов, привезший товар 18 апреля и 5 мая на сумму 839 руб. [22, л. 72].

Российские власти делали все возможное, чтобы создать армянскому купечеству по возможности благоприятные для коммерции условия. Со дня своего основания Кизляр был именно тем местом, где оно чувствовало себя наиболее комфортно и защищено. В ряде случаев российские чиновники злоупотребляли своим служебным положением и завышали пошлины, о чем свидетельствует ряд материалов. Так, армянский купец Якуб Григорьев высказал недовольство на двойное обложение пошлиной привезенных им товаров [3, с. 167]. В 1690 г. 18 джультинских купцов жаловались на астраханских и саратовских воевод за неправильное взыскание с них пошлин с провозимых товаров. В Астрахани их продержали 8 недель, к тому же их вынудили продавать свой товар по дешевой цене. Астраханский таможенный голова взял с них пошлины даже за личные вещи (одежду). В Москве же поборы за личные вещи не брали, чем астраханский голова «обесчестил» армян. Более того, армянам дали худой струг, который на Волге потек и промочил 12 тай шелку-сырца. Саратовский таможенный голова также притеснял армянских купцов, несмотря на жалованные грамоты [3, с. 203 – 205]. Несмотря на отдельные инциденты, российские чиновники выполняли свои обязанности исправно по отношению к армянским купцам.

Таким образом, армяне проявляли большую активность в торговых оборотах Дагестана, являясь одновременно и поставщиками восточных товаров, и крупными потребителями продукции русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связей с всероссийским рынком. В то же время армянское купечество выполняло роль посредника в торговых взаимоотношениях народов Дагестана между собой и с Россией.

Литература

1. Аганесова Д. В., Суздальцева, И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007. 244 с.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. 950 с.
3. Армяно-русские отношения в XVII в. // Сборник документов. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1953. 287 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.
5. Гамрекелли В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 112 с.
6. Гильденштедт И. А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. СПб., 1809. 384 с.
7. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: МГУ, 1982. 216 с.
8. Зевакин Е. С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях в XVII в. // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1940. № 8.
9. Иноземцева Е. И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Iran & Caucasus (Иран и Кавказ). Yerevan, 1998. Vol. 2.
10. История Азербайджана. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1958. Т. 1. 402 с.
11. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. 468 с.
12. Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг. // Оттиск из «Русского вестника». Т. 68. б. г.
13. Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1862. 126 с.

14. Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения // Исторические записки / отв. ред. А. Л. Сидоров. Т. 57. М., 1956. С. 232 – 254.
15. Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения XVI – XVII вв. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1954. 26 с.
16. Магомедов Н. А., Магарамов Ш. А. Индийское купечество в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью в XVII в. // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. С. 105 – 108.
17. Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губернии. СПб., 1809. 496 с.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 77. 1623 г. Оп. 2. Д. 1. Л. 41 – 49.
19. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. 380 с.
20. Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джувльфинских купцов XV – XVII вв. Тбилиси, 1937. 242 с.
21. Центральный государственный архив Астраханской области (ЦГА АО). Ф. 394. 1739 г. Оп. 1. Д. 35. Л. 65 – 88.
22. ЦГА АО. Ф. Кизлярской комендатуры. Ед. хр. 3792. Л. 70 – 76.
23. Юхт А. И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3.

Информация об авторе:

Абдурахманова Минаш Салавутдиновна – старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Дагестанского государственного педагогического университета, соискатель Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, sharafutdin@list.ru.

Minash S. Abdurakhmanova – Senior Lecturer at the Department of History and Theory of the State and the Law, Dagestan State Pedagogical University; post-graduate student at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan scientific center of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 25.02.2015 г.

УДК 930 (57) “15/19”

ИСТОЧНИКИ ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ В АРХИВНЫХ И КНИЖНЫХ СОБРАНИЯХ США, КАНАДЫ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ

Д. А. Ананьев

SOURCES ON PRE-REVOLUTIONARY HISTORY OF SIBERIA IN THE ARCHIVES AND BOOK COLLECTIONS OF THE USA, CANADA, THE UK AND GERMANY

D. A. Ananyev

В XX в. для зарубежных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем и в СССР, была сопряжена с множеством трудностей. В этих условиях особое значение приобретали усилия западных исследователей, направленные на формирование архивных и книжных собраний «россики» в их собственных странах. Цель настоящей статьи – дать обзор основных коллекций документальных материалов и печатных изданий по дореволюционной истории Сибири, хранящихся за рубежом, что необходимо для более объективной оценки источниковой базы, имеющейся в распоряжении западных сибиреведов. Установлено, что такие коллекции материалов, связанных с начальными веками сибирской истории, отложились в фондах архивов и библиотек Канады, Великобритании, Германии, других стран. Наиболее крупные собрания материалов по истории России и Сибири находятся в США: Библиотеке Конгресса США, Гарвардском, Йельском, Колумбийском, Гавайском университетах, Калифорнийском университете в Беркли, Университете штата Аляска в Фэрбэнксе, Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Национальном архиве США (Вашингтон) и др. В большинстве случаев такие документальные собрания появлялись благодаря усилиям исследователей – выходцев из России: Ф. А. Голдера, М. З. Винокурова, Б. А. Бахметьева, Дж. Ленсена, А. Я. Гутмана-Гана, В. Ладно-Моцарского, А. С. Лукашкина и др. Для западных сибиреведов известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась привлечением опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки. При всем разнообразии источников по истории Сибири, имеющихся в архивных и книжных собраниях за пределами России, перед западными исследователями по-прежнему стоят задачи дальнейшего расширения источниковой базы, активизации сотрудничества с российскими научными центрами, архивами и библиотеками.

In the XX century the research work in the Russian and later Soviet archives and libraries entailed great difficulties for foreign researchers. Under these circumstances the efforts of Westerners scholars aimed at creating archives and book

collections of "Rossica" in their own countries were of key importance. The purpose of the paper is to review main collections of documentary materials and printed editions on pre-revolutionary history of Siberia in foreign countries in order to make an objective evaluation of historical sources available to Western researchers. The author shows that such collections of materials connected with the early period of Siberian history have been deposited in the archives and libraries funds in Canada, Great Britain, Germany, and other countries. The largest collections of "Rossica" and "Sibirica" are located in the USA - in the Library of Congress; Harvard and Yale Universities; the University of Hawaii and the UC Berkeley; the University of Alaska Fairbanks; Hoover Institution on War, Revolution, and Peace at Stanford University; the National Archives in Washington, DC etc. For the most part these documentary collections appeared owing to the efforts of researchers who came from Russia – F. A. Golder, M. Z. Vinokourov, B. A. Bakhmeteff, G. A. Lensen, A. Ya. Gutman-Gan, V. Lado-Motsarskiy, A. S. Lukashkin and others. Western researchers compensated certain limitations of available sources on Siberian history by using the published materials, translating historical documents into English and German. With all the variety of sources on Siberian history kept in the archives and book collections outside Russia, Western historians still have the tasks of further expansion of source base, more active cooperation with the research centres, archives and libraries in Russia.

Ключевые слова: история Сибири, западная историография, исторические источники, архивные и книжные собрания.

Keywords: history of Siberia, Western historiography, historical sources, archives and book collections.

Для современной отечественной историографии характерен повышенный интерес к достижениям зарубежных ученых, которые «вносят очень существенный и оригинальный вклад» в изучение российской истории [9, с. 10], в том числе в разработку проблем, связанных с историей присоединения и освоения Сибири. Особое внимание западные исследователи уделяли начальным векам так называемой «русской восточной экспансии», в течение которых России удалось заложить прочную основу для своего присутствия в Северной Азии и Северо-Тихоокеанском регионе.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались на Западе в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры; резко возросло количество публикаций по истории освоения Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки; были предложены новые исследовательские подходы и концепции, накоплен значительный историографический опыт – в первую очередь, исторической наукой США, Канады, Великобритании и Германии. В то же время отечественные исследователи нередко обвиняли западных коллег в предвзятости и тенденциозности, игнорировании работ советских и российских историков, использовании очень ограниченного круга источников.

Действительно, в XX в. для зарубежных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем и в СССР, была, как правило, сопряжена с множеством трудностей. В этих условиях особое значение приобретали усилия западных исследователей, направленные на формирование архивных и книжных собраний «россики» в их собственных странах. Цель настоящей статьи – дать обзор основных коллекций документальных материалов и печатных изданий по дореволюционной истории Сибири, хранящихся в зарубежных архивах и библиотеках, что необходимо для более объективной оценки источниковой базы, имеющейся в распоряжении западных сибиристов.

Наиболее крупными собраниями материалов по истории России и Сибири располагают научные и

образовательные центры США. Первые, совсем небольшие библиотеки славянской литературы появились в Новом Свете уже в XVIII в. благодаря стараниям членов Американского философского общества в Филадельфии (с 1743 г.) и Американской академии искусств и наук в Бостоне (с 1780 г.). В XIX в. книги, изданные в России, регулярно пополняли фонды Библиотеки Конгресса, Йельского, Гарвардского и Корнельского университетов, Нью-Йоркской публичной библиотеки. С 1880-х гг. обмен книжными изданиями между США и Россией осуществлялся на основе официального межгосударственного соглашения [7].

В 1906 г. Библиотека Конгресса приобрела коллекцию книг и рукописей, собранных красноярским купцом и библиофилом Г. В. Юдиным. Большую роль в судьбе юдинского книжного собрания сыграл выходец из России, сотрудник Библиотеки Конгресса А. В. Бабин (1866 – 1930), который не только перевозил книги в Вашингтон, но и опубликовал описание коллекции на английском и русском языках. Коллекция Г. В. Юдина включала в себя многочисленные материалы по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (карты, записки путешественников, материалы Российско-Американской компании и пр.). Наряду с А. В. Бабиным обработкой материалов занимались М. З. Винокуров, Г. К. Дерман, специалисты Славянской секции Библиотеки Конгресса, созданной в 1917 г. на волне возросшего интереса американцев к России и Восточной Европе. Впрочем, из-за нехватки квалифицированных сотрудников работа по обработке, классификации и каталогизации приобретенных изданий затянулась на долгие годы, вследствие чего юдинское собрание долго оставалось недоступным для американских читателей [6].

Наряду с коллекцией Г. В. Юдина Библиотека Конгресса располагает и другими источниками по истории освоения Северной Азии и Северо-Тихоокеанского региона. Фонды Рукописного отдела включают в себя документы по истории академических экспедиций в Сибири и деятельности Российско-Американской компании, собранные известным американским историком Ф. А. Голдером [3, с. 344; 4,

с. 278; 6; 15; 29]; 15 томов материалов «Исследовательского проекта по истории Аляски», который был реализован в 1936 – 1938 гг. на средства гранта, полученного от Фонда Рокфеллера [14, р. 202]; собрание документальных источников «Россия – Москва», содержащее, среди прочего, документы, связанные с организацией академических экспедиций в Сибири в XVIII в. и др.

Наиболее крупной коллекцией, хранящейся в Рукописном отделе, являются архивы Русской православной церкви на Аляске, полученные М. З. Винокуровым в 1927 – 1940 гг. [1], в том числе весь архив Аляскинского духовного правления и духовной консистории, переданный Библиотеке Конгресса в 1928 и 1940 гг. [14]. Архивы РПЦ на Аляске включают в себя примерно 150 тыс. ед. хр. В основном это документы церковных учреждений, связанные с управлением 17 приходами и 36 домовыми церквями, располагавшимися в пределах епархии; материалы Российско-Американской Компании, связанные с взаимоотношениями с РПЦ; источники личного происхождения (дневники и путевые журналы) и др. В соответствии с заключенным соглашением, обязанность Библиотеки Конгресса заключалась не только в том, чтобы сохранить архивы, но и в том, чтобы сделать их доступными для использования представителями православной церкви.

До своей смерти в 1983 г. М. З. Винокуров проделал огромную работу по приведению архива в порядок. Начатое им дело продолжила сотрудница Библиотеки Конгресса А. Шэлкоп. Благодаря ее усилиям значительная часть систематизированных материалов (микрофиши с копиями книг, рукописей, журналов, фотографий и других документов, касающихся Восточной Сибири и Русской Америки) была передана Исторической библиотеке штата Аляска, где осуществлялась дальнейшая систематизация материалов при участии профессора антропологии Лидии Блэк (Университет штата Аляска, г. Фэрбенкс) и специалиста по истории Русской Америки Ричарда Пирса [10; 20; 28]. Среди прочего, в коллекции М. З. Винокурова имеются различные периодические издания Сибири и Дальнего Востока с 1909 по 1919 г. («Енисейское слово», «Иркутская незабудка», «Камчатский вестник», «Камчатский листок» и др.). В 1996 г. небольшая часть коллекции микрофиш была передана научной библиотеке Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова, но в целом, по замечанию В. А. Самсоновой, материалы, собранные М. З. Винокуровым, требуют более обстоятельного изучения отечественными историками.

С 1995 г. Программа Национальной цифровой библиотеки обеспечила распространение во Всемирной сети высококачественных копий рукописей, карт, аудио- и видеозаписей, фотографий и печатных изданий, хранящихся в Библиотеке Конгресса, в том числе материалов, имеющих отношение к истории Сибири. В 1997 – 1998 гг. на волне дискуссии между сенатором Т. Стивенсом и директором библиотеки Дж. Биллингтоном возник проект «Встреча на границах» (Meeting of Frontiers), нацеленный на создание цифро-

вой коллекции материалов, повествующих об освоении и заселении Сибири и российского Дальнего Востока, Аляске и северо-западного побережья Америки.

В декабре 1999 г. открылся веб-сайт «Встреча на границах». К участию в проекте были привлечены РГБ (Москва) и РНБ (Санкт-Петербург), Институт «Открытое общество», Библиотека Расмусона (Университет штата Аляска в Фэрбенксе), Институт истории СО РАН и Государственная публичная научно-техническая библиотека (Новосибирск), Томский и Иркутский государственные университеты, музеи Омска, Томска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Улан-Удэ. В 2001 – 2002 гг. сканировались материалы в Новосибирске и Иркутске. Одновременно Библиотека Конгресса заключила договор с Государственной библиотекой Геттингенского университета о создании цифровых копий материалов из коллекции Г. Т. фон Аша. На сайте «Встреча на границах», среди прочего, размещены некоторые материалы библиотеки Г. В. Юдина.

Наряду с Библиотекой Конгресса значительными архивными собраниями «россики» располагают Нью-Йоркская публичная библиотека, Гарвардский и Колумбийский университеты (Бахметьевский архив). В Национальном архиве США (Вашингтон) находится архив г. Ново-Архангельска за 1802 – 1867 гг., переданный США по условиям договора о продаже Аляски. Материалы по истории Русской Америки, собранные известным американским историком Г. Г. Бэнкрофтом в процессе работы над «Историей Аляски», хранятся в Бэнкрофтской библиотеке Калифорнийского университета в Беркли. Там же находится коллекция материалов одного из основоположников американского «сибиреведения» Р. Дж. Кернера, подаренная библиотеке в 1957 г. вдовой историка и включающая в себя микрофильмы, более тысячи книг и брошюр, а также несколько сотен экземпляров периодических изданий.

Коллекциями материалов по истории освоения русскими Северной Азии и Северо-Тихоокеанского региона располагают Орегонское историческое общество (г. Портленд, США), Музеи Вениаминова и Баранова на Аляске (г. Кадьяк, США) [13, р. 32; 19, р. 5]. В библиотеке Гавайского университета обширная коллекция книг по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки появилась благодаря усилиям журналиста и политолога К. Менерта (1906 – 1984), библиографа П. Полански и известного историка-сибироведа Дж. Стефана, который приобретал издания во время своих многочисленных поездок в СССР, а впоследствии организовывал регулярный книжный обмен с советскими библиотеками. В начале 2000-х гг., завершив преподавательскую деятельность, Дж. Стефан передал университетской библиотеке собственную коллекцию материалов по истории российского Дальнего Востока, Китая и Японии.

Крупное архивное собрание «россики» в США имеется в Гуверовском институте войны, революции и мира (в системе Стэнфордского университета). Своим появлением оно обязано Ф. А. Голдеру (1877 – 1929), основоположнику историко-сибиреведческих исследований в США. В 1914 г. Ф. А. Голдер впервые

посетил Россию с целью поиска и изучения архивных материалов, имевших отношение к американской истории. В течение нескольких месяцев исследователь трудился в архивах Гидрографического департамента, Академии наук, Военного министерства и др. Плодотворной работе помешала начавшаяся Первая мировая война, и в ноябре Ф. А. Голдер был вынужден вернуться в США. Несмотря на непродолжительность своего пребывания в Петрограде, исследователь успел подготовить известный «Указатель материалов по американской истории в русских архивах», опубликованный в 1917 г. и содержащий перечень документов по истории российско-американских дипломатических отношений [17].

В 1916 г. в связи с приближавшейся полувековой годовщиной продажи Аляски Американское географическое общество обратилось к Ф. А. Голдеру с просьбой вновь совершить поездку в Петроград, чтобы найти в архивах и перевести на английский язык журнал Г. В. Стеллера, участника Второй Камчатской экспедиции. В начале марта 1917 г. историк прибыл в Россию, и, несмотря на бурные политические события, до конца лета активно занимался архивными изысканиями. За считанные месяцы, проведенные в революционной России, историк сумел собрать необходимый материал (лоцманские книги, официальные рапорты, журнал Г. В. Стеллера), впоследствии включенный в его двухтомный труд «Плавания Беринга...» [18]. Кроме того, ему удалось вывезти в США коллекцию различных материалов (книг, газет, листовок, прокламаций и т. п.), связанных с революционными событиями.

В 1920 г. Ф. А. Голдер отправился в трехлетнюю поездку по Восточной Европе и Ближнему Востоку с целью сбора книг и рукописей для фондов Библиотеки Гувера. В Советской России, при содействии А. В. Луначарского и М. Н. Покровского, ему удалось собрать несколько десятков тысяч разнообразных материалов. Коллекция Ф. А. Голдера, хранящаяся в Гуверовском институте, включает в себя письма, дневники, копии архивных документов по истории России XIX – начала XX в., в т. ч. источники по истории Сибири и Русской Америки. Меньшая по объему коллекция документов, собранных Ф. А. Голдером, находится в другом книжном хранилище Стэнфордского университета – Библиотеке Сесила Х. Грина. Среди имеющихся рукописей – источники, имеющие отношение к Первой Камчатской экспедиции В. Беринга и истории Русской Америки.

В большинстве случаев такие документальные собрания появлялись благодаря усилиям исследователей – выходцев из России. Так, в Библиотеке Гуверовского института хранится коллекция русского эмигранта А. Я. Гутмана-Гана (1873 – после 1933), собиравшего материалы по истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке [8; 21]. Библиотека Йельского университета располагает коллекцией материалов по истории России и Русской Америки, собранных эмигрировавшим из России накануне революции В. Ладом-Моцарским (1898 – 1971) и связанных с Россией и Русской Америкой (часть его

коллекции хранится в библиотеке Университета штата Аляска в Фэрбэнксе). Среди русских эмигрантов крупным коллекционером был А. С. Лукашкин (1902 – 1988), создатель «Дальневосточного архивного фонда», насчитывающего 101 наименование дореволюционных периодических изданий. Коллекция хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско, которым долгое время руководил А. С. Лукашкин; копии изданий в виде микрофильмов – в Беркли и Стэнфорде.

Выходцы из России создавали аналогичные коллекции материалов и в других странах. Так, в библиотеке Байе Университета Мельбурна хранится крупнейшее в Австралии собрание материалов о России, созданное русским эмигрантом, уроженцем Томска К. М. Хотимским (1915 – 1990). При участии К. М. Хотимского формировались коллекции «россики» в Библиотеке Фишера Сиднейского университета и Русском эмигрантском архиве Австралийского национального университета (г. Канберра). Американский историк русского происхождения Дж. А. Ленсен после стажировки в СССР в начале 1960-х гг. привез коллекцию микрофильмов с редкими архивными документами. В 1981 г., уже после смерти Ленсена, собранную им коллекцию источников по истории Азиатской России (кроме микрофильмов и ксерокопий она включает в себя ок. 4 тыс. томов печатных изданий) приобрел Центр славистики в Университете Хоккайдо (Саппоро).

В Канаде материалами по истории освоения Северной Азии и Северо-Тихоокеанского региона располагает Институт европейских и российских исследований (до 1998 г. – Институт советских и восточно-европейских исследований) Карлтонского университета в Оттаве, Арктический институт Северной Америки, который с 1975 г. является подразделением Университета Калгари.

В Национальном архиве Соединенного Королевства хранятся документы, связанные с деятельностью Московской компании, активно участвовавшей в открытии Северного морского пути в XVI – начале XVII в.; различные материалы по истории Сибири и Русской Америки, собранные английскими дипломатами, путешественниками и коммерсантами, в том числе документы из фонда Компании Гудзонова залива. В Британском музее находится архив английского путешественника и историка У. Коукса (1747 – 1804), автора первых в английской историографии специальных работ по сибирской истории [2]. Школа славянских и восточноевропейских исследований располагает обширной коллекцией документальных источников по истории Сибири и Дальнего Востока, собранных ее первым директором Б. Пэрсом. Для специалистов, занимающихся арктической проблематикой большой интерес представляют фонды Шеклтонской мемориальной библиотеки, действующей при Институте полярных исследований им. Р. Ф. Скотта в Кембриджском университете.

Многие источники по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки были переведены и опубликованы на английском и немецком языках, что дела-

ло их доступными для более широкого круга исследователей. В этой связи необходимо отметить заслуги таких исследователей, как Дж. Ф. Баддели [12], Т. Армстронг [11], Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон, Б. Дмитришин [27], Д. Коллинз [26], Р. Пирс, П. Полански, Р. Фишер и др.

Так, в 2000 г. увидела свет серия репринтов «Сибирские открытия», подготовленная к печати британским историком Д. Н. Коллинзом. В рамках серии Д. Коллинз переиздал на английском языке источники повествовательного характера: записки и воспоминания участников посольских миссий (И. Идес, А. Брандт), ученых и инженеров (С. Бергман, Ч. Г. Хоуз, А. Нобл), путешественников (Ф. Нансен), предпринимателей (М. Прайс, С. Тернер), журналистов (И. Стадлинг, Р. Л. Райт, Б. Дигби), политических и общественных деятелей (И. В. Шкловский, В. М. Зензинов), в разное время побывавших в Сибири.

Свой вклад в публикацию источников по сибирской истории внесли американские и канадские исследователи. С 1972 г. в издательстве Р. Пирса в г. Кингстон (Канада) публиковались труды по истории Аляски и северной части Тихоокеанского региона, в т. ч. записки Е. Е. Врангеля, Г. И. Давыдова, Я. Е. Нецветова, Г. И. Шелихова, атлас М. Д. Тебенькова в 30-томном издании «Alaska History Series». Во второй половине 1980-х гг. сотрудники Центра исследований Северо-Тихоокеанского региона (г. Портленд; США) Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон издали трехтомный сборник документов «В Сибирь и Русскую Америку», подготовленный к печати в сотрудничестве с Б. Дмитришиным. В сборник включены некоторые редкие, ранее не публиковавшиеся документы из коллекции Г. В. Юдина, фондов Национального архива США, рукописного отдела Библиотеки конгресса в Вашингтоне и Бэнкрофтской библиотеки в Беркли.

В Германии материалы по истории России и Сибири хранятся в фондах Баварской государственной библиотеки в Геттингене, библиотеки Института восточно-европейской истории при Свободном универ-

ситете в Западном Берлине и др. [16, р. 276 – 277]. Ценным источником по истории Сибири служат изданные на немецком языке труды исследователей Сибири XVII – XVIII вв., в том числе участников Второй Камчатской экспедиции, позволяющие судить о состоянии естествознания в эпоху раннего Просвещения.

С конца 1990-х гг., ввиду того, что до сих пор была опубликована лишь малая часть материалов экспедиции, немецкие исследователи В. Хинцше, Т. Николь, Д. Дальман совместно с российскими историками (А. Х. Элерт, О. В. Новохатко и др.) осуществляют издание документальной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». В рамках серии на немецком и русском языках публикуются документы, научные отчеты и описания путешествий Г. В. Стеллера, С. П. Крашенинникова, И. Э. Фишера [22 – 25] и др.

Выводы

На протяжении всего XX в. западные исследователи-сибиреведы последовательно расширяли круг доступных источников. Коллекции документальных материалов и печатных изданий, связанные с начальными веками сибирской истории, отложились в фондах архивов и библиотек США, Канады, Великобритании, Германии, других стран. Большую роль в формировании таких коллекций сыграли историки – выходцы из России. Для западных сибиреведов известная ограниченность источниковой базы во многом компенсировалась привлечением опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки, обращением к работам представителей русской и советской историографии. Несмотря на разнообразие источников по истории Сибири, имеющихся в архивных и книжных собраниях за пределами России, перед западными исследователями по-прежнему стоят задачи дальнейшего расширения источниковой базы, активизации сотрудничества с российскими научными центрами, архивами и библиотеками.

Литература

1. Белобородько В. Л. Архив русской церкви на Аляске в Библиотеке Конгресса США // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 189 – 192.
2. Болдырева Н. Д. Документальная «Росси́ка» в архивах Англии // История СССР. 1960. № 5. С. 214 – 218.
3. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834 – 1867. М., 1990. 368 с.
4. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732 – 1799. М., 1991. 303 с.
5. Петров Е. В. Фонды русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная росси́ка. Итоги и перспективы возвращения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (16 – 17 ноября 2000 г.). М., 2000.
6. Пивоваров Е. Г. У истоков американской архивной «росси́ки»: А. В. Бабин (1866 – 1930) и Ф. А. Голдер (1877 – 1929) // Росси́ка в США: сб. статей (материалы к истории русской политической эмиграции). М., 2001. Вып. 7.
7. Пивоваров Е. Г. Формирование коллекции славянских материалов Библиотеки Конгресса США (к истории русско-американских культурных контактов: 1765 – середина 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.
8. Полански П. Библиотекведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. Науч.-информ. альманах. 2002. № 3.
9. Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. 696 с.

10. Самсонова В. А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестник Дальневосточной гос. науч. библиотеки. 2002. № 2.
11. Armstrong T. Yermak's Campaign in Siberia. London: Hakluyt Society, Second Series 146. 1974. 315 p.
12. Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China: being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602 – 1676. 2 vols. London: Macmillan, 1919.
13. Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580 – 1700: A Historiographical Review // Sibirica. A Journal of the North Pacific Studies Center. Portland, 1990b. Vol. 1. № 1. P. 31 – 34.
14. Dorosh J. T. The Alaskan Russian Church Archives // Quarterly Journal of Current Acquisitions. Vol. 18. № 4 (August 1961). P. 193 – 203.
15. Dubie A. An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. New York, 1989. 278 p.
16. Geyer D. Die Geschichte Russlands in den historischen Forschung der BRD und Westberlins // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. Stuttgart, 1976. Jg. 27. H. 5.
17. Golder F. A. A Guide to Materials for American History in Russian Archives. 2 vols. Washington, 1917.
18. Golder F. A. Bering's Voyages: An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relations of Asia and America. 2 Vols. New York, 1922 – 1925.
19. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // Sibirica II. Lancaster University, 1986. № 2. P. 6 – 15.
20. Pierce R. A. M. Z. Vinokoureff: Profile of a Russian Emigre Scholar and Bibliophile // M. Z. Vinokoureff. A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. Juneau, Alaska, 1986.
21. Polansky P. Pacific Rim Librarianship: Collectors of Russian Materials on the Far East // Indiana Slavic Studies. 2006. Vol. 16.
22. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. I. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1740. Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2000.
23. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. II. Georg Wilhelm Steller. Stepan Kraseninnikov. Johann Eberhard Fischer. Reisetagebuecher. 1735 bis 1743. Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2000.
24. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. III. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1739. Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2001.
25. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Band IV, 2. Dokumente zur 2. Kamcatkaexpedition 1730 – 1733. Akademiegruppe. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2004.
26. Siberian Discovery. 12 vols. Ed. by D. Collins. Richmond: Curzon Press, 2000.
27. To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion (1558 – 1867): 3 Vols. Portland: Oregon Historical Society, 1985 – 1989.
28. Vinokoureff M. Z. A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. Juneau, Alaska, 1986.
29. Zalewski W. Collectors and Collections of Slavica at Stanford University: A Contribution to the History of American Academic Libraries. Stanford, 1985.

Информация об авторе:

Ананьев Денис Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск, denis.ananyev@gmail.com.

Denis A. Ananyev – Candidate of History, Senior Research Associate at the Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 25.02.2015 г.

УДК 94(571.17)“1941–1945”:64+365.4

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗБАССА (1941 – 1945 гг.)*Н. С. Головань***THE HOUSING AND LIVING CONDITIONS OF KUZBASS URBAN POPULATION (1941 – 1945)***N. S. Golovan*

В статье проведен сравнительный анализ жилищного фонда городов Кемеровской области, выявлен характер застройки городов, представлена характеристика бытовых условий и степени благоустройства жилья горожан. Раскрыты общие и отличительные черты быта городского населения, отмечены роль и усилия партийного руководства по решению жилищной проблемы как на начальном, так и на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Уделено внимание вопросу условий проживания в общежитиях.

The paper deals with a comparative analysis of housing funds of cities and towns in Kemerovo region. The nature of cities / towns development is revealed; the information regarding the characteristic of living conditions and the level of housing improvements of townspeople is presented. The common and distinctive features of everyday life of the urban population are revealed. The paper notes the role and efforts of the party leadership concerning the housing problem solving at the initial stage as well as at the final stage of the Great Patriotic War. The attention is paid to the living conditions in the dormitories.

Ключевые слова: жилой фонд, городская застройка, быт, жилье, город, Великая Отечественная война.

Keywords: housing funds, cities / towns development, everyday life, housing, city / town, Great Patriotic War.

В условиях Великой Отечественной войны советское правительство было вынуждено задействовать промышленный потенциал Кузнецкого бассейна. Необходимость эффективного управления сложившимся многоотраслевым комплексом предопределила выделение Кузбасса в 1943 г. в самостоятельную административную единицу – Кемеровскую область. Безусловно, первоочередной задачей областного руководства стал контроль над выполнением производственных планов и заданий.

Экономический рост был достигнут во многом экстенсивными методами: численность промышленно-производственного персонала выросла с 132,3 тыс. чел. в 1940 г. до 248,2 тыс. чел. в 1945 г. [1, с. 150]. Главным источником пополнения трудовых ресурсов в первые месяцы войны стало эвакуированное население. Его численность в Кемеровской области к началу 1943 г. составила 207 тыс. чел., большая часть эвакуированных была размещена в таких городах, как Кемерово, Осинники, Прокопьевск, Сталинск [23, с. 234; 29, с. 54, 88 – 89]. Население Ленинск-Кузнецкого возросло в 1,2 раза, Анжеро-Судженска, Кемерово и Сталинска – в 1,3 раза, Белова и Прокопьевска – в 1,4 раза [24, с. 28; 29, с. 92].

Механический рост населения чрезвычайно обострил жилищную проблему в городах Кузнецкого бассейна. Ответственность за ее разрешение была возложена на горсоветы, при которых создавались специальные комиссии с широкими полномочиями. В частности, решением № 339 исполкома Кемеровского горсовета разрешалось уплотнять жильцов в своих домовладениях, квартирах там, где жилая площадь превышала 4 кв. м на одного человека [30, с. 22, 39]. Комиссии по расквартированию в г. Тайге предоставлялось право вселять и переселять в частные, а также государственные квартиры, взимать штраф или отправлять на исправительно-трудовые работы сроком до 30 дней в отношении тех, кто не исполнял решение исполкома [30, с. 25]. Благодаря усилиям комиссий в срочном порядке было проведено массовое уплотнение и подселение жильцов.

В условиях крайнего дефицита жилой площади были задействованы и переоборудованы под общежития казарменного типа помещения, не предназначенные для проживания: клубы, промышленные и подсобные помещения, хозяйственные строения [5, л. 36]. Широкое распространение получило сооружение мало затратного и быстро возводимого жилья в виде «засыпух» и землянок [21, с. 26 – 28]. Постройки подобного типа возводились как по линии промышленных предприятий, так и самостоятельно населением.

В первые годы войны, когда все ресурсы были сконцентрированы вокруг стратегически важных вопросов, социальные проблемы, в числе которых – улучшение жилищно-бытовых условий, оказались второстепенными. Однако уже на завершающем этапе войны внимание правительства было обращено не только на восстановление разрушенного жилого фонда западных районов страны, но и на решение жилищной проблемы в восточных регионах [22, с. 65 – 104].

Ключевым направлением улучшения жилищных условий стало возведение жилья. Жилищное строительство, осуществлявшееся в годы войны, не изменило структуру жилого фонда в городах Кузбасса. Жилой фонд по-прежнему подразделялся на государственный (обобщественный) и индивидуальный (личный). В 1945 г. наибольшим удельный вес обобщественного жилого фонда был в Анжеро-Судженске, Кемерове, Сталинске, Прокопьевске. В таких городах, как Гурьевск, Салаир, развитие которых началось в XIX столетии, доля индивидуального жилья преобладала над обобщественным и составляла 67 – 75 %.

Государственный жилищный фонд принадлежал ведомствам и местным советам. При этом большая часть находилась в ведении промышленных предприятий: в Ленинск-Кузнецком 71 % числился за угольным трестом «Ленинскуголь», в Сталинске 32 % – за Кузнецким металлургическим комбинатом (КМК), в Прокопьевске – за шахтами трестов «Сталинуголь», «Прокопьевскуголь» [2; 4, л. 115 – 116; 7, л. 44; 25, л. 8]. Жилой фонд, принадлежавший местным советам, был незначительным. На его долю в Сталинске прихо-

дилось до 4,5 %, в других городах этот показатель был еще меньше.

К концу войны города Кузбасса состояли из многочисленных, достаточно удаленных друг от друга районов, каждый из которых представлял собой хаотично застроенное поселение. Подобный характер застройки, основанный на принципе «предприятие-поселок», сложился в годы индустриализации, в годы войны он только усилился. Так, Киселевск состоял из 9 районов, Ленинск-Кузнецкий – из 14, Прокопьевск – из 16. В угледобывающих городах застройка по принципу «шахта – поселок» проявилась с исключительной выразительностью. К 1948 г. в Прокопьевске насчитывалось 13 шахтовых поселков, в Киселевске – 10, в Сталинске – 9, в Ленинск-Кузнецком – 8, в Кемерове – 7, в Осинниках – 4, в Анжеро-Судженске – 3 [2; 3; 4; 6, л. 3.]. Одновременно специфика добывающей промышленности заставляла концентрировать производственную базу достаточно далеко от местожительства. В связи с этим нередко были случаи, когда рабочим приходилось ночевать в комбинатах шахт (как это было на шахтах «№ 5-7», «№ 9-15» в Анжеро-Судженске) [6, л. 107].

По типу застройки и степени благоустройства отдельные районы городов резко отличались друг от друга. Условно можно выделить три их типа. Первый тип – это старые районы, сохранившие вид, характерный для сельской местности. Они были застроены мелкими рублеными индивидуальными домами, как правило, с тесовыми крышами. К домам примыкали земельные участки, размеры которых в пределах одного и того же селитебного района колебались в пределах от 300 кв. м до 1000 кв. м. Иногда размеры городских усадеб достигали 0,5 га, что было связано с присоединением территорий близлежащих деревень и поселков. В годы войны произошло значительное расширение земельных площадей, занятых под огороды. В 1943 г. в Кемеровской области 54 % горожан занималось огородничеством [1, с. 217]. Подобного рода районы преобладали в северных городах Кемеровской области (в Мариинске, Тайге), а также размещались в Ленинск-Кузнецком на месте бывшего села Кольчугино, в Сталинске – в районе деревни Феськи, в Нижней Колонии, в Анжеро-Судженске – в поселке Федоровка и поселке при шахте «№ 5-7».

Другим повсеместно распространенным, а во многих городах – преобладающим типом застройки, были районы «шанхаев» и «нахаловок», появление которых относится к периоду индустриализации 1930-х гг. В годы войны их число значительно возросло. Жилой фонд в таких районах был наиболее малоценным и «изношенным», представлял собой скопление землянок, глинобитных и саманных домиков, при каждом из которых был разбит небольшой огород или пара грядок. Особенно велико количество подобных поселений было в Прокопьевске – это Парниковка, Голубевка, Марс, Водоканал, частично Старый Прокопьевск; в Кемерове такие районы располагались по берегам р. Искитимка, т. н. Шетинкин лог, в логах за шахтой «Центральная»; в Анжеро-Судженске – это поселки Федоровский, Тербиловка, Порываевка; в Сталинске – в Верхней и Нижней колониях, Куйбышеве, Абагуре.

Соцгорода, возведенные в 1930-е гг., были самыми благоустроенными районами в городах Кузбасса, они

представляли собой двух-, трехэтажную застройку каменных домов. Соцгорода располагались в центральном районе Сталинска, на Тыргане в Прокопьевске, в районе современного железнодорожного вокзала в Кемерове.

Трудности военного времени ухудшили состояние жилого фонда, о чем свидетельствуют материалы проверок 1945 г. Достаточно безрадостную картину выявила проверка состояния ЖКХ Кузнецкого металлургического комбината. В акте проверки отмечалось: «Все 56 временных рубленых дома и 330 бараков пришли в ветхое состояние и многие из них угрожают обрушением. Стены от вертикальной оси отклонялись на 20 см, в бараках – до 25 см. Щиты между стойками каркаса выпадали» [25, л. 10, 11]. Возведенное в 1930-е гг. временное жилье (каркасно-засыпные, фанерные, камышитовые бараки, дома «герардовского» типа (между сборными щитами такого дома засыпался шлак)) восстановлению не подлежало, т. к. его эксплуатация была рассчитана максимум на 15 лет. На долю подобного жилья в городах Кемеровской области в 1945 г. приходилось больше 40 % личного фонда и значительный процент жилья обобщественного фонда (например, в Сталинске таковой являлась половина обобщественного фонда) [8, л. 44, 170]. В Томске, для сравнения, в 1945 г. доля домов, построенных из прочего и смешанного материала, составляла 6 % обобщественного фонда и 9,4 % – личного [27, с. 156].

Дома капитальной застройки в жилом фонде предприятий были немногочисленными, но и они находились в полуразрушенном состоянии. Так, треть домов квартирного типа треста «Сталинуголь» в Прокопьевске требовала сноса или ремонта [4, л. 115]. Исключением являлся жилой фонд Томской железной дороги, состоявший на 88 % из каменных и деревянных домов. Однако и здесь, как свидетельствует перепись жилого фонда, к середине 1945 г. обострилась жилищная проблема: каждый третий железнодорожник «нуждался в жилье» [12, л. 1; 14, л. 3].

В отчетах предприятий области отмечалось, что доля населения, которая в 1945 г. проживала в общежитиях, была невероятно высока. В распоряжении самых крупных предприятий области – угольных комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь» – находилось 317 и 83 общежития соответственно [6, л. 13, 22, 124]. Всего в них проживало 70 тыс. горняков, 30 тыс. из них размещались на двух-, трехъярусных нарах. В целом это составило 84 % от общей численности рабочих комбината «Кузбассуголь» и 62 % – комбината «Кемеровоуголь» [28, с. 189 – 200].

Работники металлургической промышленности также были вынуждены ютиться в общежитиях. По данным отчетной документации, в конце 1945 г. в общежитиях КМК проживало 20 % от общего числа рабочих – это 12400 человек, из них 7238 человек располагались на двухъярусных нарах. На одного человека в общежитиях приходилось 3,6 кв. м, а в общежитиях с двухъярусной системой – всего 1,8 кв. м. Четверть трудящихся 11 горнорудных предприятий КМК проживали в аналогичных условиях. Были беспрецедентные случаи, как, например, на Мойском руднике, где в бараке площадью 105 кв. м проживало 108 человек [25, л. 8].

Жилой фонд строительных организаций в большинстве своем также был представлен общежитиями. Крупнейший строительный трест в Кемеровской области «Сталинскпромстрой» размещал своих работников в 40 общежитиях [19], где 3 тыс. строителей проживало на двухъярусных нарах [5, л. 112]. Общежития составляли 60 % от всей жилой площади, находившейся на балансе треста «Кемеровопротомжилстрой». В них проживало 80 % от общей численности рабочих [9, л. 34]. Трест «Кузбассшахтострой» в составе своего жилого фонда имел 6664 кв. м общежитий и 5409 кв. м в домах квартирного типа [11, л. 23]. На машиностроительных предприятиях Кемеровской области сложилась подобная ситуация: почти половина всех работников завода «Свет шахтера» в Анжеро-Судженске проживала в общежитиях [10, л. 129].

Нередкими были случаи, когда предприятия арендовали частные квартиры, используя их под общежития, но размеры таких общежитий были невелики, например, в комнате площадью 13 кв. м проживало 5 человек [6, л. 21].

Само понятие «общежитие» оправдывало свое смысловое значение. Проживание, быт, действительно, были общими, потому что иначе не могло быть, когда на незначительной жилой площади было сосредоточено огромное количество людей. Особенно затруднительно было наладить быт семейным парам [20, с. 126 – 137].

Бытовые условия в общежитиях заставляли население приспосабливаться к определенному образу жизни, когда приходилось мириться с антисанитарией, теснотой, с отсутствием света, воды, постельного белья. Недостаточное количество ватных матрацев в общежитиях заставляло жильцов делать их из соломы и сена. Солома сбивалась, рабочий был вынужден периодически подвязывать наволочку, в конце концов, получался один узел, который можно было положить разве что под голову. Очень часто жильцам приходилось спать на голых досках. Дефицит посуды заставлял рабочих готовить еду в консервных банках. Общежития не были оснащены достаточным количеством мебели. Одежда и вещи зачастую громоздились прямо на спальном месте [17]. В коридорах и комнатах царил полумрак. Известны случаи, когда в связи с отсутствием тепла рабочие вынуждены были спать в верхней одежде и обуви. Незначительное количество умывальников создавало очереди. Настоящим бичом того времени был педикулез.

Конечно, отсутствие элементарных удобств, перенаселенность – все это минусы быта общежитий. Однако плата за проживание в общежитии была номинальной. Она не соответствовала экономически обоснованному тарифу, более того, она даже не покрывала расходы на содержание общежитий. В какой-то мере это было проявлением госпатерналистского начала советской жилищной политики [16, с. 66 – 69]. Одновременно общежития играли роль общественно-политических центров: собрания, посвященные боевым сражениям на фронте, лекции, встречи и беседы обеспечивали информирование трудящихся, мобилизацию на выполнение первоочередных производственных планов [15, с. 177 – 180].

Безусловно, быт в общежитиях в годы войны – это пример крайнего дискомфорта, с которым население

городов было вынуждено мириться. Однако и те, кто проживал в квартирах, в том числе коммунальных, индивидуальных домах испытывали значительные бытовые трудности. На частной квартире съёмщики, как правило, имели только угол, поскольку поселить их удавалось «путем убеждений домохозяев и административных мер» [6, л. 21]. Зачастую в одном помещении проживало несколько семей. Так, в 1945 г. в жилом фонде КМК в 21 комнате проживала 61 семья [25, л. 5].

В тесноте и скученности проживали жители всех городов. Средний размер жилой площади, приходившейся на одного человека в городах Кемеровской области, составлял от 2 до 4 кв. м. По сравнению с довоенным уровнем он сократился: в 1940 г. в Кемерове и Сталинске в среднем приходилось 5,1 кв. м и 5,4 кв. м соответственно [18, с. 107 – 112]. К концу войны в критическом положении находились жители Ленинск-Кузнецкого и Салаира: на одного человека здесь приходилось менее 2 кв. м. Необходимо при этом учитывать, что в квартирных домах этот показатель был выше, а в общежитиях, особенно с ярусной системой, гораздо ниже.

В условиях острой нужды жилплощади приходилось идти на непопулярные, но необходимые меры – снос ветхого жилья. В частности, 11 горнорудных предприятий Кузнецкого металлургического комбината по этой причине лишились в период 1943 – 1945 гг. 2272 кв. м. Более 11 тыс. кв. м жилого фонда Томской железной дороги было списано по ветхости в 1942 – 1944 гг. [13, л. 8; 25, л. 20]. К тому же жилой фонд области с окончанием войны стал сокращаться в связи с тем, что в жилых помещениях стали размещать детские сады, ясли, больницы [6, л. 10].

К концу войны и без того невысокий уровень благоустройства жилищного фонда городов Кемеровской области заметно снизился, что связано с увеличением доли временного жилья. В лучшем положении находились жители крупных городов – Сталинска и Кемерова. Но даже в этих городах обобщественный жилой фонд был оборудован водопроводом, канализацией, центральным отоплением лишь на треть.

Самой насущной к концу войны оставалась проблема обеспечения населения водой. В большинстве городов водопровод отсутствовал, поэтому горожане использовали колодезную, талую и дождевую воду. Проблема водоснабжения напрямую отразилась на работе банно-прачечного хозяйства. Заместитель председателя облисполкома С. В. Пушкаренко в своем докладе отмечал, что прачечные обслуживали только предприятия и организации, трудящиеся этой возможности были лишены. В среднем за месяц бани во многих городах простаивали 10 – 12 дней [26]. Главными причинами этого стали перебои в подаче воды и недостаток угля. Такая работа городских бань и отсутствие воды в жилых домах приводили к тому, что члены семей шахтеров посещали без того перегруженные шахтовые мойки.

В связи с отсутствием системы центрального отопления в городах области населению самостоятельно приходилось отапливать углем и дровами собственное жилье. При этом большинство горожан испытывало огромные трудности в доставке топлива. По этому поводу шахтеры говорили: «Уголь легче привезти на себе, чем получить на него талон». С одной сторо-

ны, это объяснялось отсутствием должного контроля со стороны партийного руководства. Отчасти это было связано с дефицитом транспорта, услуги которого оплачивались из расчета 1 руб. 37 коп. за тонно-километр [6, л. 30, 91].

В годы Великой Отечественной войны уклад повседневной жизни советских граждан был нарушен. Чрезвычайно обострился жилищный вопрос. Его решение в городах Кузнецкого бассейна на начальном этапе войны сводилось к размещению эвакуированного населения, созданию самых простых, элементарных бытовых условий, на заключительном этапе – к проведению инвентаризации жилищных фондов, развертыванию жилищного строительства. В период 1941 – 1945 гг. незначительное увеличение жилищного фонда городов Кемеровской области (за счет переоборудования нежилых помещений и возведения жилья времен-

ного типа) отразилось на его качественных показателях: снизился процент жилья, оснащенного центральной системой водопровода, отопления, канализации. Уплотнение жильцов привело к заметному сокращению размера жилой площади, приходившейся на одного человека. Значительная часть населения городов проживала в общежитиях, расселение в них осуществлялось по производственному принципу. Промышленные предприятия, которым принадлежала основная часть жилищного фонда городов, совместно с городскими советами сыграли главную роль в налаживании быта своего персонала. Ведомственная принадлежность жилых домов отразилась на характере застройки городов Кузбасса: то, что формально называлось «городом», по существу представляло собой множество возведенных вокруг производственных предприятий и при этом удаленных друг от друга поселений.

Литература

1. Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Ставрополь, 1967. 332 с.
2. Архив гл. архитектора г. Ленинск-Кузнецкого. Генеральный план г. Ленинск-Кузнецкого. М., 1947.
3. Архив гл. архитектора г. Киселевска. Генеральный план г. Киселевска. М., 1948.
4. Архив УКСа г. Прокопьевска. Проект планировки и застройки. Пояснительная записка. Прокопьевск; М., 1949.
5. ГАКО. Ф. П–75. Оп. 2. Д. 55.
6. ГАКО. Ф. П–75. Оп. 2. Д. 272.
7. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 8. Д. 3.
8. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 17. Д. 147.
9. ГАКО. Ф. Р–304. Оп. 17. Д. 112.
10. ГАКО. Ф. Р–621. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАКО. Ф. Р–887. Оп. 1. Д. 5.
12. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 29.
13. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 33.
14. ГАНО. Ф. Р–1694. Оп. 9. Д. 40.
15. Горлов В. Н. Советские общежития рабочей молодежи // Отечественная история. 2004. № 5. С. 177 – 180.
16. Ермоленко Т. Патерналистские традиции российской политической культуры // Власть. 2001. № 1. С. 66 – 69.
17. За стеной у шахткома // Кузбасс. 1946. 30 марта.
18. Зяблицева С. В. Жилищные проблемы Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Вклад сибиряков в победу Великой Отечественной войны. Кемерово, 2005. С. 107 – 112.
19. Иванов Ф. Улучшить бытовые условия строителей // Большевицкая сталь. 1946. 6 июля.
20. Исаев В. И. Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 126 – 137.
21. Ксенц С. М. Жилище сибирского шахтера: драма с продолжением. Родители // Перспективы Сибири. 2004. Вып. 1. С. 26 – 28.
22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М: Политиздат, 1971. Т. 6. 528 с.
23. Кузбасс. Прошлое, настоящее, будущее. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. 365 с.
24. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.
25. НФ ГАКО. Ф. Р–143. Оп. 3. Д. 609.
26. Пушкаренко С. В. Об улучшении жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в городах Кузбасса // Кузбасс. 1945. 28 марта.
27. Томск – 400 лет. Юбилейный статистический сборник. Томск, 2004. 268 с.
28. Угольная промышленность Кузбасса (1721 – 1996 гг.). Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1997. 301 с.
29. Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. 219 с.
30. Этот день мы приближали, как могли // Сборник документальных материалов / отв. ред. В. А. Сергиенко. Кемерово, 2005. 261 с.

Информация об авторе:

Головань Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сибирского государственного индустриального университета, gnsmgou@rambler.ru.

Natalia S. Golovan – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Social Sciences and the Humanities, Siberian State Industrial University.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.

УДК 329. 15: 615.83: 94(571.16) «1920/1925»

ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ ПАРТИЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1920 – 1925 гг.**В. Н. Гузаров****RECREATION AND TREATMENT OF TOMSK PROVINCE PARTY LEADERS: 1920 – 1925****V. N. Guzarov**

С конца 1920 г. правительство начало создавать систему санаторно-курортного лечения. Для каждой губернии резервировалось определенное количество мест. Руководящие работники Томской губернии лечились на курортах юга страны и Сибири. В летний сезон 1923 г. на южных курортах отдыхало 17 товарищей из Томской губернии. С 1922 г. для томичей резервировалось 20 мест на сибирских курортах. В сибирских здравницах отдыхали преимущественно работники районного масштаба.

The government began to organize a system of spa treatment since the late 1920. A certain number of rooms was reserved for each province. Senior officials of Tomsk province were treated at the South and Siberia resorts. Seventeen comrades from Tomsk Province had a rest at the South resorts during the 1923 summer season. Since 1922 twenty seats were reserved for the provincial officials at the Siberian resorts. Siberian health resorts mostly provided health services to officials of the district level.

Ключевые слова: курорты, санатории, квоты, распределение путевок, оплата.

Keywords: resorts, spas, quotas, distribution of the resort cards, payment.

Советская историческая литература создала образ коммуниста-аскета, безразличного к благам цивилизации. Публикации того времени не касались тематики, связанной с уровнем жизни партийных руководителей, их отдыхом и лечением на курортах. Д. Волкогонов первым отметил ленинское внимание к проблемам восстановления санаториев и курортов для руководителей партии и государства [2, с. 257]. В декабре 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) об использовании Крыма для лечения трудящихся [5, с. 60 – 61], а 12 января 1921 г. – постановление Совета Труда и Оборона (СТО) об экстренном оборудовании крымских курортов [5, с. 164 – 166]. В августе 1921 г. В. И. Ленин дал указание организовать регулярный поезд на Крым и достроить участок железной дороги Сочи – Адлер [6, с. 344, 387]. В исследовании А. А. Ильюхова отмечено выделение правительством в 1921 – 1922 гг. для каждой губернии 8 – 12 мест на курортах юга страны [7, с. 182]. На материалах Сибири эта проблема затрагивалась в публикациях Г. Л. Олеха [10], А. Б. Коновалова [8], И. Д. Боечко и В. А. Козлова [1]. Г. Л. Олех отметил выделение партийным центром Сибири в начале 1921 г. для каждого губернского комитета РКП(б) по пять путевок на южных курортах страны. Он указал также стоимость путевки в Ялту в 1924 г. [10, с. 97, 114]. В книге Б. А. Коновалова выделена глава, посвященная материально-бытовому снабжению номенклатуры, в том числе и курортному лечению. Тем не менее многие сюжеты отдыха и лечения партийной элиты изучены до сих пор недостаточно. Выявление нового фактического материала по конкретным губерниям будет способствовать углубленному изучению проблемы. Без этого наше представление о государственном аппарате того времени будет оставаться неполным.

В конце гражданской войны лидер партии и глава советского правительства В. И. Ленин стремился как можно быстрее восстановить курорты. Руководители

советского и партийного аппарата довольно быстро приобщились к стандартам отдыха, выработанным обществом в дореволюционный период. В Сибири управление курортами было передано Сибирскому отделу здравоохранения (Сибздраву) – отделу Сибирского революционного комитета (Сибревкома). К середине 1920 г. относятся первые упоминания о распределении курортных мест для томских товарищей. В мае 1920 г. губернский комитет РКП(б) просил губернский исполнительный комитет Совета (губисполком) отправить на курортное лечение товарища Глюка [22, л. 149].

Деление РКП(б) на управляющих и управляемых протекало весьма болезненно. В 1920 г. в партии шли споры о верхах и низах. Прежнее коммунистическое равенство уходило в прошлое. Рабочая среда негативно воспринимала привилегии начальства. Парткомы вынуждены были считаться с общественным мнением и отстаивать интересы пролетариев. В июне 1920 г. проводилась проверка социального положения отдыхающих сибирского курорта «Карачи». Из общего числа поправлявших там здоровье томичей 56 % составляли советские служащие, 33 % – рабочие и крестьяне, а 11 % – вообще не принадлежали к классу трудящихся. Причем в категорию рабочих и крестьян включались партийные работники. Для документов того времени характерно сознательное отождествление социального происхождения с социальным положением. По итогам проверки Томскому губернскому комитету (губкому) РКП(б) была послана телеграмма с требованием более внимательно отбирать кандидатов на отдых и лечение [31, л. 301].

В 1920 г. губернский комитет РКП(б) и губернский исполком Совета (губисполком) приняли активное участие в создании Томского физиотерапевтического института. В новую лечебную структуру передали оборудование, конфискованное из кабинетов частных врачей и профессоров Томска. Институт возглавил доктор Яков Захарович Штамов (1885 – 1939),

которого в 1923 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени [21, л. 208 – 209]. Я. З. Штамов возглавлял также известный курорт Сибири «Озеро Карачи». К лету 1921 г. партийные и советские органы упорядочили распределение мест на курортах страны. 26 июля 1921 г. Томский губком коммунистов получил подробную инструкцию ЦК РКП(б) по этому вопросу. Документ квотировал 60 % мест для работников физического труда. Теперь путевки выдавались на месяц и только тем ответственным товарищам, списки которых утвердил ЦК РКП(б). На каждую губернию выделялось по пять курортных мест: три в Крыму, одно – на Кавказе и на побережье Краснодарского края. Для Москвы и Петрограда резервировалось по 10 мест [13, л. 124].

Восстановление новой властью здравницы в Крыму вызвало много разговоров в среде рядовых коммунистов. В начале летнего сезона 1921 г. нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко поспешил успокоить пролетарскую общественность и опровергнуть нежелательные слухи. В центральной газете страны он опубликовал статью «Правда о всероссийской здравнице» [11]. К сожалению, содержание статьи не соответствовало ее названию. Нарком не сообщил число курортных мест, количество бесплатных путевок, социальный состав отдохнувших. Верный соратник В. И. Ленина ограничился общими рассуждениями о том, как бывшие буржуазные курорты стали доступны для трудящихся, а частные врачи были изгнаны оттуда.

В июле 1921 г. Сибздрав установил четкий порядок направления на лечение. Каждому кандидату выдавалось свидетельство на прием в лечебное учреждение. По итогам обследования заполнялась санаторно-курортная карта, и определялось место лечения. Так, в августе 1921 г. на лечение в «Белокуриху» направили троих товарищей из Боготола: Нилова Андрея Евсеевича, заведующего отделом управления города, Кузнецова Василия Анатольевича – председателя горисполкома, Богашева Сергея Михайловича – секретаря парткома. В марте 1922 г. губернская газета опубликовала информацию о наличии мест на курортах [9]. В мае 1922 г. правительство резко увеличило число санаториев в Ялте, Ессентуках, Анапе, Сочи и Евпатории. На всю Сибирь ЦК РКП(б) выделил 31 место, а на Томскую губернию – пять [14, л. 180]. В ноябре 1922 г. ЦК РКП(б) дал Томску 5 дополнительных мест в Ялту [15, л. 267]. Возросло число путевок и на курорты Сибири. 4 июля 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) предложило Томскому губкому РКП(б) 13 мест на курортах Сибири [32, л. 66]. В июле 1922 г. заведующий агитационным отделом Тайгинского райкома РКП(б) Иван Иванович Воскресенский отдыхал на курорте «Боровое», а председатель городского исполкома лечился на юге. Некоторым руководителям Тайгинского райкома Сиббюро ЦК РКП(б) заменило Ялту на «Боровое» [24, л. 776 – 777].

На территории губернии насчитывалось несколько домов отдыха, расположенных в районе «Басандайки». Семь дач носили название «Отрадный уголок», а четыре – «Орлиное гнездо». Использовались

также 13 дач бывшей городской управы и 12 национализированных частновладельческих построек. В 1921 г. дачи заняли военные учебные заведения, кроме «Орлиного гнезда» и «Отрадного уголка». Последними с 1921 г. распоряжался губернский отдел здравоохранения [3, л. 153]. В мае 1922 г. штат обслуживающего персонала профсоюзного дома отдыха составлял 12 человек [4, л. 128].

Томский физио-терапевтический институт принимал на лечение товарищей со всей Сибири. Непосредственно для работников Томской губернии в декабре 1922 г. выделили только 7 мест. Из них одно – Томскому уездному комитету РКП(б). Срок лечения составлял до одного месяца [33, л. 178]. Многие товарищи рассматривали Томский физио-терапевтический институт как промежуточный этап на пути на южный курорт. 12 января 1923 г. Арнольд Самойлович Айзенберг подал заявление в Мариинский уездный комитет РКП(б) с просьбой отправить его в Томск, в физио-терапевтический институт, а затем на юг [25, л. 7]. 30 января 1923 г. на лечении в физико-терапевтическом институте находились: Антон Верениковский, Михаил Жуков, Ян Пронько, Стефан Лаврентьев, Ангелина Фурсова, Михаил Салах, Иван Гребнев и другие.

20 февраля 1923 г. «Правда» опубликовала статью Арона Борисовича Залкинда «Заболевание и лечение партийных работников». Известный врач ограничился банальностями о ценности здоровья, опустив все серьезные проблемы организации курортного обслуживания граждан. Через месяц, 3 апреля 1923 г. та же газета поместила правительственное сообщение о распределении среди регионов мест в домах отдыха на летний сезон, оплачиваемых за счет государства. О курортах в данном сообщении умалчивалось. Всего выделялось 10000 мест. Из них для Петроградской губернии СНК квотировал 2200 мест, Московской – 1200, Тульской – 400 и так далее. Сибирь в этом перечне не упоминалась.

Путевки на курорт резервировались, прежде всего, для первых лиц губернии. 5 апреля 1923 г. закрытое заседание президиума губкома РКП(б) предоставило полуторамесячный отпуск Василию Степановичу Корневу, председателю губернского исполкома, со дня окончания сессии ВЦИК в Москве [18, л. 31]. Это было удобно, поскольку отпадала необходимость возвращаться в Томск, а затем вновь ехать через Москву на юг. 27 июня 1923 г. секретарь организационного отдела Томского губкома Владимир Иванович Иванов-Незнамов прошел медицинское обследование для отправки на курорт «Боровое».

В первой половине марта 1923 г. в Томском физио-терапевтическом институте помимо иногородних, поправляли свое здоровье и томицы: от губкома РКП(б) – Иван Коваль, Павел Соколов, Кузьма Рублев, Ангелина Фурсова и другие. В апреле 1923 г. руководство физио-терапевтического института просило товарищей не приезжать на лечение вместе с детьми. Однако часть пациентов игнорировала эту рекомендацию. 9 мая 1923 г. секретарь Томского губернского комитета РКП(б) Василий Андреевич Строганов со-

общал Сибздраву, что люди прибывают в институт целыми семьями, с детьми, нянями и даже прислугой. Жены работников сибирского центра и их родственники занимают отдельные палаты, особое место в столовой. Однако Строганов не рискнул назвать фамилии нарушителей порядка [26, л. 326 – 327].

На летний сезон 1923 г. Томской губком РКП(б) получил 17 путевок на южные курорты республики и 12 – в сибирские здравницы, такие как: «Усолье», «Карачи», «Белокуриха», «Аул», «Лебяжье», «Боровое» [16, л. 53, 94], Томский физико-терапевтический институт [15, л. 267]. К лету 1923 г. для руководителей государственных и партийных учреждений выпустили рекламный проспект о курортах Сибири тиражом 550 экземпляров. В нем перечислялись все действующие здравницы края, указывался их медицинский профиль, а также маршрут следования от станций железной дороги.

В марте 1923 г. Алексей Рогалис, секретарь Мариинского укома РКП(б), отдыхал в «Боровом». 28 мая 1922 г. губком РКП(б) выделил путевку на курорт «Боровое» Виктору Степановичу Митряеву, председателю Томского городского совета. В 1920 г. он уже отдыхал в «Боровом», а в 1921 г. – в Кисловодске. В мае 1923 г. на курорте «Карачи» поправлял здоровье технический секретарь Ленинск-Кузнецкого райкома РКП(б) Андрей Илларионович Суслов. Иногда путевки пропадали. 11 июня 1923 г. Кемеровский райком вернул в губком РКП(б) две путевки, поскольку не нашлось желающих отдыхать в Сибири.

Секретарь организационного отдела Томского губкома Владимир Иванович Иванов-Незнамов провел отпуск в «Боровом» с 5 июля по 20 августа 1923 г. Секретарю Анжеро-Судженского райкома Алексею Григорьевичу Акулову и его жене, заведующей отделом работниц, Марине Николаевне предоставили отпуск с 20 июля 1923 г. Первому – на полтора месяца, второй – на два. С 1 августа 1923 г. секретарь губкома РКП(б) Василий Андреевич Строганов уехал в отпуск на юг на полтора месяца [19, л. 399]. В это же время его заместитель Михаил Давыдович Каменский отправился лечиться на Кавказ. Председатель губисполкома Василий Степанович Корнев также отдыхал на юге.

С 17 апреля по 24 июня 1923 г. через специальную медицинскую комиссию прошло 77 человек, в том числе трое беспартийных. Из всех обследованных товарищей только 11 получили направление на южные курорты страны. С 1 сентября 1923 г. по 1 февраля 1924 г. в Томском физико-терапевтическом институте получили стационарное лечение 48 ответственных работников Томской губернии. В их числе: Яков Ширман из Ленинского района Томска, Михаил Коновалов, уполномоченный профсоюза по Кузнецкому уезду и др.

В ноябре 1923 г. Главное курортное управление распорядилось закрыть Томский физико-терапевтический институт. Доктор Я. З. Штамов просил освободить его от заведывания учреждением. 16 ноября 1923 г. секретарь Томского губкома РКП(б) В. С. Калашников направил письмо в Сиббюро ЦК РКП(б) с

просьбой сохранить институт. Только 3 декабря 1923 г. Народный комиссар здравоохранения и начальник главного курортного управления Н. А. Семашко изменил свою позицию. Сибирскому курортному управлению было предписано оставить Томский физико-терапевтический институт. В итоге учреждение удалось сохранить. В институте продолжала работать комиссия по освидетельствованию ответственных работников, направляемых на лечение. Некоторые товарищи считали физио-терапевтический институт местом отдыха со спиртными напитками. 6 февраля 1924 г. Сиббюро ЦК РКП(б) вынуждено было издать специальный циркуляр, осуждавший эту порочную практику.

9 января 1924 г. «Правда» опубликовала информацию о всесоюзном съезде организаторов курортного дела. Форум открыл нарком здравоохранения Н. А. Семашко, признавший, что государство не сможет содержать часть курортных мест. Обслуживание санаториев возлагалось на хозяйственные органы. Общее руководство здравницами оставалось за Главным курортным управлением. Совещание подвело итоги прошлого сезона. Из общего количества лечебных коек-месяцев 22355 – 13575 были бесплатными, 5018 – сданы в аренду для лечения трудящихся и 3762 – использованы для платных больных. Крым единовременно принимал 6847 человек, а Кавказ – 5229.

Управление курортами Сибири (СИБКУРУПР) размещалось в Новониколаевске и подчинялось Народному комиссариату здравоохранения РСФСР. С апреля 1924 г. СИБКУРУПР требовало предоплату половины стоимости курортного лечения. Стоимость одного койко-места устанавливалась в 80 червонных рублей в месяц или 120 рублей за 6 недель [20, л. 376]. В начале марта 1924 г. Сиббюро выделило Томскому губкому РКП(б) 15 мест на курортах Сибири на период с 16 июля по 31 августа: «Карачи», «Усолье», «Аул», «Лебяжье», «Белокуриха», «Шира», 23 мая 1924 г. коммунистическая фракция губисполкома выделила 1100 рублей для бронирования этих мест [27, л. 234]. Заместитель секретаря губкома Моисей Абрамович Вольфович предупреждал уездные и районные комитеты, что каждый из них может рассчитывать не более чем на одно – два места. В июле 1924 г. секретарь Томского уездного комитета Алексей (Александр) Георгиевич Бабий просил губком выделить одно освобождающееся место в доме отдыха своему помощнику Офицерову. На август 1924 г. Томскому уездному комитету РКП(б) дали два места в доме отдыха.

Курортные места предназначались, прежде всего, для руководящих кадров. Однако в пропагандистских целях ЦК РКП(б) продолжал настаивать на повышении процента рабочих среди отдохнувших. 4 июля 1924 г. закрытое заседание президиума Прокопьевского райкома заслушало циркулярное распоряжение ЦК РКП(б) от 19 апреля 1924 г. В числе направляемых на курорты рабочие должны были составлять не менее 75 %. Комиссия райкома перевыполнила задание Москвы и отобрала кандидатами на курортный отдых более 90 % рабочих [29, л. 129]. Парткомы по-

прежнему не делали разницы между социальным происхождением и положением. Государственные служащие продолжали считать себя рабочими.

С мая 1924 г. вводилось обязательное освидетельствование специальной врачебно-контрольной комиссией всех претендентов на курортные места. Комиссия действовала при губернском отделе здравоохранения. По результатам медицинского освидетельствования комиссия направляла людей либо на юг, либо в Томский физио-терапевтический институт или на курорты Сибири. Президиум губкома РКП(б) утверждал постановления врачебной комиссии и тем самым завершал распределение курортных мест. Моисею Абрамовичу Вольфовичу предоставили отпуск и путевку на юг с 23 июня по 1 августа 1923 г. [23, л. 65], а Василию Степановичу Калашникову – с 1 августа на полтора месяца [17, л. 173]. В июле – августе 1924 г. секретарь первого городского райкома Томска П. Т. Сальников отдыхал в доме отдыха на «Басандайке». На время отпуска секретарям губкома РКП(б) выплачивалось единовременное денежное пособие на лечение [30, л. 273].

Попытки губернских комитетов направить товарищей на юг сверх установленных норм не приветствовались центром. В ноябре 1924 г. Томский губком РКП(б) без согласования с ЦК РКП(б) командировал заведующего организационным отделом Щегловского уездного комитета РКП(б) Колесникова в Москву для лечения и последующего назначения на работу в Крым. У Колесникова был туберкулез гортани. 13 ноября ЦК сообщил, что оставит Колесникова на месячное лечение в подмосковном санатории, но за счет средств Томского губкома.

Ограниченное число курортных мест вызывало недовольство их распределением. Кроме того, курорты были далеко неравноценными. В октябре 1924 г. на пленуме Центральной контрольной комиссии Е. М. Ярославский выступал с докладом о партийной этике. Он процитировал записку, в которой предлагалось направлять ответственных партийных работников на те же курорты, что и рабочих. Однако своего отношения к этому предложению Емельян Михайлович не высказал [12]. В конце сезона 1924 г. проводилось обследование курортов «Карачи», «Боровое», «Шира». В итоге была прекращена торговля пивом, улучшено санитарное состояние столовых, хлебопекарен. На курорте «Боровое» организовали отдельную столовую для туберкулезных больных. Администрации курортов удалось существенно улучшить состояние купален. Поезда из Ачинска до станции Шира отправлялись два раза в неделю: по понедельникам и четвергам.

Накануне летнего сезона 1925 г. врачебное освидетельствование при Томском физико-терапевтическом институте прошли 156 человек. На курортное лечение направлялись 146 товарищей: Майоров Михаил Александрович – секретарь окружкома, С. А. Проскуряков – заведующий орготделом окружкома, Цехер Арон Абрамович – заведующий агитпропом, Куликовский Кирилл Григорьевич – уполномоченный окружного архива, Илья Ильич Гозенпуд – заведующий отделом

пропаганды окружкома, Александр Александрович Дятлов – заведующий общим отделом окружкома, Степан Кириллович Иванов – заведующий учетно-распределительным подотделом окружкома, Лев Пейсахович Соскин – заведующий агитационно-пропагандистским отделом первого райкома РКП(б), Александр Дмитриевич Ширшов – заведующий окружным здравотделом, Виктор Григорьевич Львов – член окружной КК, Алексей Николаевич Гушин – помощник прокурора, Петр Дмитриевич Федоров – секретарь райкома РЛКСМ, Лагздин Эдуард Фрицович – ответственный секретарь партколлегии губернской КК. Значительное число путевок было выделено сотрудникам ОГПУ: Куракину Петру Николаевичу, Михальченко Алексею Ильичу, Рабиновичу Залику Израилевичу, Воробьеву Александру Ивановичу, Солоницину Ивану Гавриловичу, Муратову Николаю Тимофеевичу, Каменскому Федору Петровичу, Павловскому Льву Львовичу и др.

В апреле 1924 г. Главное курортное управление вновь повысило цены на путевки до 138 рублей в Симеизе и до 150 в Евпатории. Причем требовалась предварительная оплата полной стоимости всех путевок. Только после этого высылались в Томск соответствующие документы на курортное лечение. На летний сезон 1925 г. для Томской губернии выделялось 117 мест на все курорты. В апреле 1925 г. коммунистическая фракция Томского губисполкома ассигновала на оплату путевок 15000 рублей. Причем эта сумма рассматривалась как предварительная [28, л. 95]. Между организациями места были распределены следующим образом: город Томск – 40, Мариинский уезд – 9, Колпашевский район – 2, Кузнецкий район – 1, Кемеровский – 41, Судженский – 24.

10 декабря 1925 г. по инициативе секретаря Томского окружкома А. А. Цехера была создана новая комиссия по освидетельствованию кандидатов на санаторно-курортное лечение. Члены прежней комиссии со временем разъехались из Томска. В состав новой комиссии вошли: В. Г. Львов, А. Я. Иванов и А. Баскаков. Губком РКП часто обращался в губисполком с просьбой выдать товарищу деньги на путевку и проезд до курорта. 30 сентября 1925 г. губернский комитет РКП(б) просил губисполком о такой услуге для отъезжавшей в Кисловодск гражданки Головой.

Система отдыха и лечения партийных руководителей Томской губернии начала формироваться со второй половины 1920 г. Если в 1921 г. томичам было предоставлено 5 мест на южных курортах, то в 1923 г. – уже 17. В дальнейшем количество выделяемых путевок только росло. В 1924 г. путевка стоила 120 рублей, что составляло месячную зарплату секретаря губернского комитета РКП(б). В пропагандистских целях ЦК РКП(б) требовал от местных организаций направлять на курорты преимущественно рабочих. Однако эта установка не выполнялась. С лета 1921 г. начали действовать сибирские курорты. В сезон 1922 г. для томичей резервировалось до 20 мест. В этих лечебных учреждениях отдыхали работники уездного и районного масштаба. Наиболее доступны

ми для канцелярских служащих оставались дома отдыха на Басандайке. Система санаторно-курортного отдыха и лечения укрепляла здоровье руководящих

партийных кадров губернии, повышала их деловую активность.

Литература

1. Боечко И. Д., Козлов В. А., Кузик Б. И. Курорты Восточной Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. 350 с.
2. Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. Кн. 2. М.: Новости, 1994.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 100.
4. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 430.
5. Декреты советской власти. М.: Политиздат, 1986. Т. XII.
6. Декреты советской власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2009. Т. XVIII.
7. Илюхов А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны (1917 – 1921 гг.). М.: РОССПЭН, 2007.
8. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945 – 1964). Кемерово: Сибирская книгоиздательская фирма, 2005. 312 с.
9. Красное знамя. 1922. 20 марта.
10. Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
11. Правда. 1921. 13 июня.
12. Правда. 1924. 9 октября.
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27.
14. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62.
15. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66.
16. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93.
17. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 99.
19. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Т. 1.
20. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Т. 2.
21. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105.
22. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 164.
23. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237.
24. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Т. 2.
25. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 546.
26. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 553.
27. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 578.
28. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 639.
29. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 881.
30. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 882.
31. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 946.
32. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 38.
33. ЦДНИТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8.

Информация об авторе:

Гузаров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Национального исследовательского Томского политехнического университета, vladimirguzarov@mail.ru.

Vladimir N. Guzarov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Regional Studies, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2014 г.

**ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ
«ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»****В. А. Каплунов****PECULIARITIES OF RESEARCH ACTIVITIES AND COLLECTIONS FORMATION
AT "TOMSKAYA PISANITSA" MUSEUM-RESERVE****V. A. Kaplunov**

Статья посвящена рассмотрению основных направлений научной работы музея-заповедника «Томская Писаница», роли музея как научного учреждения. Рассматривается роль музея-заповедника «Томская Писаница» как научно-музейного центра по собиранию, хранению и изучению копий наскальных изображений памятников Сибири и Центральной Азии.

The paper is devoted to the main directions of research activities at "Tomskaya Pisanitsa" museum-reserve, examining the role of the museum as a research institution. The author discusses the museum's role of a museum-research center for collecting, storing and researching copies of images from rock art sites of Siberia and Central Asia.

Ключевые слова: Томская Писаница, музей-заповедник, музейные фонды, музейные экспозиции.

Keywords: Tomskaya Pisanitsa, museum-reserve, collections, exhibitions.

Научная работа музея-заповедника «Томская Писаница» является устойчивым, постоянно развивающимся направлением деятельности музейного учреждения. Она направлена на решение основных задач строительства, функционирования и развития трех основных научных направлений работы музея-заповедника: история, культура и природа в их органичном музейном единстве, на основании научной концепции музея как комплексного историко-культурного и природного.

Каждый из функционирующих сейчас на территории музея-заповедника десяти экспозиционных комплексов при их создании требовал серьезной научной работы: разработка концепции, выбор места, обеспечение коммуникациями, подбор и реставрация экспонатов, подготовка к экскурсионному обслуживанию, разработка экскурсии и многое другое, имеющее прямое отношение к специфике музейной научной работы.

Особый научный подход требовала музеефикация самой Томской писаницы, учитывая отсутствие опыта музеефикации в нашей стране археологических памятников в природной среде. Первостепенными стали научные задачи музеефикации памятника наскального искусства, создание научной концепции будущего музея-заповедника. Эта работа началась еще до создания музея-заповедника в 1970 – 1980-е гг. в коллективе созданной в Кемеровском государственном университете кафедры археологии под руководством доктора исторических наук А. И. Мартынова. Она была поддержана Управлением культуры Кемеровского Облсиполкома (В. И. Бедин), Кемеровским Отделением ВООПИК (Г. В. Корницкий).

Томская писаница – памятник уникальный, учитывая, что в Сибири, где достаточно много памятников наскального искусства, вряд ли найдется другой такой памятник древнего наскального искусства, который может сравниться с Томской писаницей по количеству научных публикаций на протяжении почти 250 лет. Известно более 300 разного рода публикаций о памятнике и созданном на его основе музее-запо-

веднике [18]. Все это свидетельствует об устойчивом научном интересе к памятнику, и в итоге это сыграло свою роль, способствуя созданию в наше время музея-заповедника «Томская Писаница».

С созданием музея-заповедника «Томская Писаница» сразу же обозначились основные направления научной деятельности, связанные определенным образом со спецификой музея-заповедника, его ролью в науке и обществе.

Исследование самого памятника активизировалось в 1960-е и последующие годы и проводилось в основном сотрудниками Кемеровского педагогического института и созданной в 1975 г. кафедрой археологии Кемеровского государственного университета. В те же годы появляется ряд научных статей и книг, посвященных Томской писанице [11; 14 – 15], в том числе монография о Томской писанице и других памятниках на Томи, опубликованная в Москве издательством «Искусство» [23]. Это научное направление по изучению археологического памятника, сложившееся еще до создания музея-заповедника, продолжило интенсивно развиваться с созданием музея-заповедника. В исследованиях в разные годы принимали участие А. И. Мартынов [10], И. В. Ковтун [7], Г. С. Мартынова [16 – 17], Е. С. Барина, И. Д. Русакова и О. С. Советова и другие ученые [2; 20; 24]. Вместе с тем с созданием музея-заповедника и к обычной в таких случаях исследовательской работе по изучению памятника прибавились новые научные задачи по музеефикации Томской писаницы. Более остро встал вопрос о сохранении памятника и его реставрации как объекта историко-культурного наследия и основного недвижимого экспоната, своего рода основы музея-заповедника. Значительно возросла роль научных исследований скалы с рисунками. Сами по себе встали задачи ее геологического изучения, мониторинга и многие другие вопросы. В этом плане музей многие годы работал совместно с НИИ реставрации Минкультуры России. Здесь разрабатывались и применялись технологии закрепления камня, реставрации испорченных участков скалы, создание систем защиты от разрушительного воздействия

воды, перепадов температуры, естественного разрушения поверхностного коркового слоя камня [1; 22].

Было проведено геологическое обследование самой скалы и выявление факторов ее естественного разрушения, на основании которых проведены защитные работы. Любой музей как учреждение многофункционален, он призван собирать, изучать и сохранять историко-культурное наследие, с учетом его профиля применять различные формы просветительской работы и многое другое. Причем надо иметь в виду, что функции музея постоянно меняются, расширяются, возникают новые требования общества, которые музей должен учитывать.

В качестве научного учреждения музей-заповедник все годы своего развития выступал как активный организатор или участник научных конференций, семинаров, «круглых столов» и других научных мероприятий.

Одним из основных направлений научных исследований коллектива музея-заповедника «Томская Писаница» наряду с научно-практической работой по сохранению памятника стали проблемы музеефикации как самой Томской писаницы, так и вообще памятников наскального искусства Сибири. Это связано с тем, что Томская писаница стала первым в Сибири музеефицированным археологическим памятником. Эта работа активна и продолжается в настоящее время как одно из основных направлений научных исследований. Оно включает: научную оценку потенциала недвижимого археологического наследия Сибири, теоретические и практические исследования, разработки и рекомендации, изучение опыта и возможностей музеефикации конкретных археологических объектов, оказание научно-методической и практической помощи в музеефикации памятников в ряде регионов Сибири [12 – 13].

Большое место в научной работе музея-заповедника занимают проводимые многие годы работы по изучению изображений, открытию новых рисунков и реставрационные работы на испорченных еще до создания музея плоскостях с древними рисунками. Эта работа сама по себе носит исследовательский характер, учитывая, что нет уникальных методик по реставрации камня, возвращения естественного цвета испорченным поверхностям. Нужны были проверки времени применяемых методов и технологий и многое другое [21; 24].

К числу фундаментальных направлений научных исследований относится проведение самостоятельных или совместных с другими научными учреждениями и вузами искусства, археологии и этнографии полевых исследований, экспедиций по изучению памятников, направленных на сбор материалов для фондов и экспозиций и изучение памятников. Только по наскальному искусству исследования проводились в Притомье, Горном Алтае, Хакасии, южной части Красноярского края и за рубежом – в Казахстане, Киргизии и Монголии. Это направление в научной работе позволило ежегодно пополнять основной и вспомогательный фонды музея-заповедника «Томская Писаница». За период 2006 – 2015 гг. музеем было проведено 28 научных экспедиций по исследованию памятников наскального искусства, археологии и эт-

нографии коренных малочисленных народов и русских. Экспедиционная исследовательская работа способствует развитию научного сотрудничества музея, профессиональному росту научных кадров и является основным источником пополнения фондов музея. Только через экспедиционные исследования был создан фонд археологических экспонатов, насчитывающий 724 предмета, этнографическая коллекция предметов материальной культуры русских – 933 предмета основного фонда, собранных в результате проведения научных экспедиций сотрудниками музея-заповедника – Е. А. Москвиной и Л. А. Скрыбиной.

Целое направление исследовательской и научно-практической работы в области музееведения сложилось в музее-заповеднике «Томская Писаница», связанное с созданием экспозиционных комплексов музея-заповедника: этнографического «Улус Кезек», геолого-минералогического «Музея естественной истории», природного: животный и растительный мир, мини-зоопарк на территории музея-заповедника. Показательно, что вся эта многогранная научно-исследовательская работа, направленная на создание музейных комплексов под открытым небом, проводилась в тесном контакте и при участии сотрудников кафедр археологии, зоологии и ботаники Кемеровского государственного университета; кафедры геологии Кузбасского государственного технического университета, НИИ природного и культурного наследия Министерства Культуры РФ [5]. Ведущие ученые постоянно привлекались музеем к совместной работе: при создании «Музея естественной истории» кандидат геолого-минералогических наук А. Н. Кондаков и другие геологи Кузбасса [8 – 9].

Значительные работы были проведены по исследованию территории историко-культурного ландшафта музея-заповедника совместно с сотрудниками биологического факультета Кемеровского государственного университета, к этой работе активно привлекались кандидаты биологических наук Н. А. Фомина и А. Ф. Белянкин [25 – 26]. При создании мини-зоопарка помощь и консультации оказывал заведующий кафедрой зоологии Н. В. Скалон. Состав обитающих птиц изучали сотрудники орнитологи А. Ф. Белянкин и Н. В. Климова [3 – 4; 6]. К научно-практической работе по созданию экспозиционных комплексов постоянно привлекались студенты исторического и биологического факультетов КемГУ. С их помощью были проанализированы растительные сообщества, выявлены редкие растения, разработаны экологические тропы познания природы музея-заповедника «Томская Писаница», намечены природные рекреации. Большая работа была проведена по изучению сообщества птиц, обитающих на территории музея. Студенты принимали участие в создании этнографической экспозиции «Кезек», «Славянский мифологический лес» и «Археодром».

В конце прошлого века Томская писаница была первым в Сибири музеефицированным памятником археологии, тем самым было положено начало музеефикации памятников археологического наследия в Сибири.

С созданием музея-заповедника сложилась принципиально иная система отношения к памятнику ар-

хеологического наследия, изменились его функции. Если до создания музея-заповедника памятник был объектом антропогенного разрушения и только научного изучения, то с превращением в своеобразный недвижимый экспонат под открытым небом он приобрел ответственного собственника (пользователя), предотвратившего его дальнейшее антропогенное разрушение. К функции памятника историко-культурного наследия и научного изучения, каким он был до создания музея, добавились научно-практические задачи по его реставрации с целью сохранения памятника от естественного разрушения. Возникли новые задачи, связанные с музеефикацией недвижимого памятника. Это создание подходов, рекреаций, системы охраны и видеонаблюдения экспозиционного осмотра и т. д. Проведение комплекса работ по его обустройству и требовало научного подхода. Памятнику был нанесен антропогенный урон примерно на 40 % поверхности скалы с древними рисунками. Музеем-заповедником проводились в 2000-е гг. значительные научно-практические работы по реставрации и консервации скалы, для этой работы привлекались специалисты ГосНИИРеставрация [1; 21; 24].

Чтобы памятник «заработал» как центральный уникальный экспонат музея-заповедника, необходима была подготовка общедоступной научной и научно-популярной литературы, памятных сувениров для посетителей, нужно было разработать символ-знак памятника и всего музея-заповедника, созданного на основе Томской писаницы. Таким символом стало древнее изображение совы на Томской писанице. Вместе с тем возникла, как обязательная при музеефикации объектов на природе, открытая стендовая экспозиция, призванная дать посетителю возможность получить информацию о памятнике. С этой целью при спуске на Томскую писаницу была создана площадка, на которой развернута стендовая экспозиция, посвященная истории исследования памятника, его особенностям, месту в историко-культурном археологическом наследии Сибири и страны. Ознакомившись с ней, посетитель получает сведения о художественных особенностях изображений, о шедеврах первобытного искусства среди рисунков Томской писаницы и сможет глубже и конкретнее понять значение Томской писаницы как природно-исторического святилища. Рядом стоит гранитная плита, на которой высечены слова из хронографа XVII в. «Не дошед острогу, на край реки Томи, лежит камень велик и высок, а на нем написано: звери и скоты и птицы и всякие подобия ... а егда по некоторому прилучаю отторгнется камень, а внутри того писано якож и на край» [17].

Все это входит в необходимый набор действий по музеефикации любого археологического памятника. Они необходимы и подчеркивают переход объекта из состояния памятника наследия в объект современного музейного показа. В результате уже несколько десятилетий существования музея посетители приходят к этому основному экспонату, древнему святилищу с уникальными наскальными изображениями, предварительно получив знания о значении памятника, истории его, уникальности, спускаются по ступенчатой дороге, на площадку самого памятника, получают

особое впечатление и историко-культурные знания от посещения Томской писаницы. Так памятник археологического прошлого служит людям сейчас.

Вторым значительным археологическим музейным экспозиционным комплексом стал созданный в музее-заповеднике «Музей наскального искусства Азии». Он логически вписывается как необходимая часть всего комплекса музея-заповедника и как продолжение знакомства с древним наскальным искусством как частью мирового культурного наследия. Кроме этого надо учитывать два немаловажных обстоятельства. Это первый в стране музей, посвященный только наскальному искусству. В нем собраны материалы со многих известных петроглифических памятников Сибири, Центральной и Средней Азии. Они размещены по хронологическому принципу, что позволяет познакомиться с богатым миром петроглифов, проследить эволюцию наскального искусства, увидеть общие черты и особенности древних рисунков разного времени и разных территорий. И совсем не случайно экспозиция музея петроглифов все эти годы пользуется неизменным интересом как у школьников, так и у взрослых посетителей.

Отдельные памятники наскального искусства и сюжеты входят в экспозиции многих краеведческих музеев, но специального музея, посвященного только этому пласту общечеловеческой культуры, в стране не было. В мире тоже не очень много музеев наскального искусства. В Европе можно отметить «Такум» и «Богуслен» в Швеции, Велкомоника в Северной Италии, Тамгалы в Казахстане.

Музей петроглифов Азии имеет свою определенную направленность: показать, какую значительную роль играют эти памятники в мировой истории и культуре, их информативность, историзм, связь с мировоззрением, особенности как вида творческой деятельности и многое другое.

С созданием музея-заповедника повысился и расширился научный интерес к памятнику, отмечен рост научных и научно-прикладных исследований Томской писаницы, открытие новых неизвестных ранее изображений, разработки новых методов исследования памятника [7; 24].

Музей-заповедник «Томская Писаница» с начала своего создания формировался как музейный и научный центр, занимающийся изучением наскального искусства и созданием фонда копий петроглифических памятников Азии. Не случайно в 1995 г. музеем-заповедником была проведена Всероссийская научная конференция по наскальному искусству, собравшая значительное количество исследователей. В ее работе приняли участие ученые из городов Сибири, Казахстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Якутии, Тувы, Республики Алтай, Болгарии [20]. Эта научная конференция была посвящена 265-летию первой публикации о Томской писанице в Стокгольме [21].

В августе 2011 г. музеем-заповедником «Томская Писаница» совместно с Администрацией Кемеровской области, Кемеровским государственным университетом, Сибирской Ассоциацией исследователей первобытного искусства и Институтом экологии человека Сибирского отделения РАН была проведена еще одна

международная научная конференция на тему «Наскальное искусство в современном обществе» [22].

Участие в проведении экспедиций и экспозиционные поездки сотрудников музея, привлечение других специалистов по сбору материалов по наскальному искусству на территории Красноярского края и Хакасии. В них принимали участие сотрудники музея и кафедры археологии КемГУ О. С. Советова, А. И. Мартынов, Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, Л. Л. Бове.

Деловые, научные связи музея с учеными-петроглифистами страны и зарубежья, приобретение копий древних изображений памятников наскального искусства способствовали формированию имиджа музея-заповедника «Томская Писаница» как научного учреждения музейного профиля и пополнению фондов копий наскальных изображений. В результате фонды музея-заповедника пополнились коллекциями материалов памятников Саймалы Таш (Киргизия); Бичикту-Бом, Сутерлю, Гора Хрустальная (Республика Алтай). Музею были переданы копии изображений, с которыми работал В. Д. Кубарев (Институт археологии и этнографии СО РАН). В деятельности музея-заповедника важное место заняли долгосрочные научные связи с музеями и научно-исследовательскими учреждениями страны: с ГИМ, Русским музеем, Красноярским краеведческим музеем, Минусинским, Хакасским, Тувинским, Горно-Алтайским республиканскими музеями; музеями-заповедниками «Тальцы», «Шушенское» и др., Институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Институтом реставрации Минкультуры, Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом археологии РАН (Москва), ИИМК (Санкт-Петербург); кафедрами ряда университетов страны: кафедра археологии и музей археологии, этнографии и экологии КемГУ, кафедра музейного дела и музей КемГУКИ, соответствующие тематике научных исследований кафедры Томского Федерального исследовательского университета, лабораторией археологии Сибирского Федерального университета, Омского, Горно-Алтайского, Алтайского, Тувинского, Хакасского государственных университетов. Из зарубежных университетов и научных центров необходимо отметить научные связи с университетом Упсала и музеем наскального искусства «Танум». Многолетние связи музей-заповедник поддерживает с научным центром Э. Анати – «Велкамоника» в Северной Италии и университетом в Турине: участие в конференциях, научные командировки сотрудников музея И. Д. Русаковой и Е. С. Бариновой, Г. С. Мартыновой, А. И. Мартынова, А. Ф. Покровской. В результате МЗТП известен как научный музейный центр не только в России, но и за рубежом.

Сбор научных материалов, экспонатов, пополнение фондов является одной из основных задач любого музея. Поэтому на протяжении всего периода развития музея-заповедника пополнение изображений памятников наскального искусства было и остается основной задачей. В результате музей-заповедник превратился в настоящее время в крупный современный музейный центр научного сохранения разного вида копий древнего наскального искусства, насчитывающий более 5000 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фондов. Интересно, что коллекция

копий наскальных рисунков начала формироваться еще в 1960-е гг., когда А. И. Мартыновым с группой студентов были начаты работы по изучению и копированию изображений Томской писаницы и других памятников древнего наскального искусства на Томи, которые полностью вошли в первое монографическое издание писаниц Притомья [23]. Материалы этих исследований Томской, Тутальской и Новоромановской писаниц частично стали основой фондов будущего музея-заповедника, часть материалов этих исследований хранится в фондах «Музея археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета.

В 1990-е гг. пополнение основного фонда МЗТП по писаницам Притомья проводилось его сотрудниками. В результате в фондах имеются копии петроглифов Томской, Новоромановской, Тутальской, Никольской писаниц; Висячего камня [19, с. 148 – 155].

В 1990-е гг. в фонды музея была передана большая коллекция копий, снятых А. П. Окладниковым на памятниках Восточной Сибири. Во второй половине XX в. академик А. П. Окладников был основоположником современного направления в археологии по изучению памятников наскального искусства Сибири. В фондах музея находится большое количество единиц хранения копий, снятых этим ученым при исследовании памятников по Ангаре (Баля, Каменные острова, Марактуй, Свирен и др.); по Амуру, Алдану и притокам, на р. Лене (Шишкинская писаница и др.); по памятникам Забайкалья и Горного Алтая [19, с. 151 – 153].

Томская писаница стала первым в Сибири музеефицированным археологическим памятником наскального искусства, поэтому опыт создания музея-заповедника «Томская Писаница» представляет определенную практическую и научно-методическую ценность. Естественно, что музею-заповеднику постоянно приходится оказывать методические услуги, консультации, делиться в разной форме опытом музеефикации археологических объектов. Главным специалистом музея-заповедника «Томская Писаница» академиком РАЕН А. И. Мартыновым оказывалась консультативная помощь Департаменту культуры Хабаровского края по оценке комплекса Сакачи-Алян как объекта музеефикации; разрабатывались предложения по музеефикации объектов с наскальными изображениями в Республиках Алтай, Тыва и других местах.

Особое место в деятельности музея занимает научно-просветительная работа. Она также является одним из основных направлений деятельности музея и, учитывая специфику музея-заповедника, осуществляется по трем основным направлениям: постоянная экскурсионная работа на территории музея-заповедника; выпуск научно-популярной литературы и буклетов, рассчитанных на разные группы населения и постоянные тематические выставки музея в учебных заведениях, библиотеках, больницах и других местах массового посещения. За шесть лет (с 2008 по 2013 гг.) музеем-заповедником было проведено 111 тематических выставок материалов из фондов музея.

Успехи в научной работе музея-заповедника «Томская Писаница» постоянно поддерживаются тесным сотрудничеством с учеными как в сфере музее-

ведения, так и других наук. В музее-заповеднике в годы становления работали и работают в настоящее время А. И. Мартынов – Заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор, с 1991 по 2004 гг. директором музея-заповедника была кандидат исторических наук, доцент Г. С. Мартынова. В настоящее время в музее работают кандидаты наук – А. Ф. Покровская, Е. А. Орлова, А. Н. Мухарева. В 1988 – 1990 гг. директором музея был кандидат наук, а ныне доктор исторических наук, этнограф В. М. Кимеев. В разные годы в музее-заповеднике работали – доктор культурологии, профессор А. М. Кулемзин; доктор исторических наук И. В. Ковтун; кандидаты наук – Л. А. Скрыбина, И. Д. Русакова, П. В. Герман. Работе музея, сотрудничая, постоянно помогают доктора наук О. С. Советова, Н. В. Скалон, сотрудники кафедры музейного дела КемГУКИ, студенты и маги-

странты кафедры археологии КемГУ и кафедры музейного дела КемГУКИ. Все это позволяет обеспечивать развитие музея-заповедника и активно поддерживать научные связи.

В настоящее время комплексный историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» является одним из научных центров в Сибирском регионе и в России по проблемам музейного строительства, музеефикации археологического наследия страны, по сохранению и использованию археологического наследия, в вопросах реставрации, внедрения новых современных технологий и форм работы с посетителями, разработке новых современных концепций использования объектов материального и нематериального культурного наследия в природной среде и технологиях современного использования историко-культурных ландшафтов.

Литература

1. Агеева Э. Н., Коганович А. В. Превентивная консервация на памятнике наскального искусства Томская писаница // Наскальное искусство в современном обществе: материалы Международной научной конференции. Кемерово: Кузбассиздат, 2011. Т. I. С. 172 – 175.
2. Барина Е. С., Русакова И. Д. Новые петроглифы на Томи // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск, ИА и Э СО РАН, 1995. С. 58 – 61.
3. Белянкин А. Ф. Летнее поселение птиц музея-заповедника «Томская Писаница» // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат, 1988. Вып. 1. Природа. С. 70 – 78.
4. Белянкин А. Ф. Наземные позвоночные животные музея-заповедника «Томская Писаница» // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат, 1988. Вып. 1. Природа. С. 46 – 52.
5. Каулен М. Эрмитаж эпохи энеолита // Культура. 1999. № 1. С. 4.
6. Климова Н. В. Орнитофауна музея-заповедника «Томская писаница» // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат, 1988. Вып. 1. Природа. С. 60 – 69.
7. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассиздат, 1993. 140 с.
8. Кондаков А. Н., Возная А. А. Геология района Томской писаницы // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат 1998. Вып. I. Природа. С. 23 – 30.
9. Кондаков А. Н., Возная А. А. Палеоландшафты окрестностей «Томской писаницы» в голоцене // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат 1998. Вып. I. Природа. С. 31 – 37.
10. Мартынов А. И. К вопросу о типологии памятников петроглифического искусства Сибири // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 13 – 18.
11. Мартынов А. И. Лодки в страну предков. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1966. 36 с.
12. Мартынов А. И. Музеефикация памятников историко-культурного наследия и исторических мест – проблема национальная // Второй Северный археологический конгресс. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006. С. 278 – 280.
13. Мартынов А. И. О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. М., 2002. С. 190 – 192.
14. Мартынов А. И. Писаница на Томи. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1987. 56 с.
15. Мартынов А. И. Эхо веков. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1970. 52 с.
16. Мартынова Г. С., Мартынов А. И., Русакова И. Д. Полевые исследования музея-заповедника «Томская Писаница» // Наскальное искусство Азии: сб. научных статей. Кемерово: Кузбассиздат, 1995. Вып. I. С. 75.
17. Мартынова Г. С., Покровская А. Ф. Исследователи Томской писаницы. Кемерово, 2000.
18. Музей-заповедник «Томская Писаница». Библиографический указатель (1730 – 2012). Научное издание / сост. С. В. Иванова, ред. А. Ф. Покровская, предисл. А. И. Мартынов. Кемерово: Примула, 2012. С. 60.
19. Мухарева А. Н., Русакова И. Д. Петроглифические коллекции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Наскальное искусство в современном обществе. Кемерово, 2011. С. 148 – 155.
20. Наскальное искусство Азии: сб. научных статей. Кемерово: Кузбассиздат, 1995. Вып. I. С. 71 – 74.
21. Наскальное искусство Азии: материалы научной конференции, посвященной 265-летию первой публикации о Томской писанице в Стокгольме // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассиздат, 1997. Вып. 2.
22. Наскальное искусство в современном обществе. К 200-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Международной научной конференции 22 – 26 августа 2011 г. Кемерово. Т. 1 – 2. Кемерово, 2011.
23. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.

24. Русакова И. Д. Музей-заповедник «Томская Писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы: UNECKO, 2004. С. 57 – 62.
25. Фомина Н. А. Краткая характеристика растительного покрова музея-заповедника «Томская Писаница» // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат 1998. Вып. I. Природа. С. 56 – 59.
26. Фомина Н. А. К вопросу об организации учебных троп природы в музее-заповеднике «Томская Писаница» // Музей-заповедник «Томская Писаница»: сб. статей. Кемерово: Кузбассиздат 1998. Вып. I. Природа. С. 20 – 22.
27. Strahlenberg F. I. Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Информация об авторе:

Каплунов Валерий Александрович – директор ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница», соискатель ученой степени кандидата культурологии (Кемерово, Россия), mztpt@bk.ru.

Valeriy A. Kaplunov – Director of “Tomskaya Pisanitsa” museum-reserve, post-graduate student.

(Научный руководитель: **Мартынов Анатолий Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, prof_martynov@mail.ru.

Research Advisor: Anatoliy I. Martynov – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 16.03.2015 г.

УДК 39 + 571. 1/5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ АБОРИГЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ ИХ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С. А. Чернышов

POLITICAL TRANSFORMATION OF THE ABORIGINAL STATES OF WESTERN SIBERIA AFTER THEIR INCLUSION IN MUSCOVITE STATE S. A. Chernyshov

В статье рассматривается процесс политического развития аборигенных народов Западной Сибири после их включения в состав Московского государства. Делается вывод, что после присоединения Западной Сибири основным субъектом политической жизни постепенно становится русская царская администрация. Это происходит путем постепенного выхолащивания реальной власти местных князей, активной работы с аборигенными элитами и позиционирования московского царя как естественного правопреемника власти в Сибирском ханстве.

The paper presents the process of political development of the indigenous peoples of Western Siberia after their inclusion in Muscovite state. It is concluded, that after the accession of Western Siberia Russian imperial administration gradually became the main subject of political life. This was done by gradually diluting the real power of local princes, active work with the aboriginal elites and the positioning of the Moscow tsar as a natural successor of power in the Khanate of Siberia.

Ключевые слова: Сибирь, государство, политика, аборигены, русские.

Keywords: Siberia, state, politics, aboriginals, Russian.

Научные исследования политической истории аборигенов Западной Сибири впервые стали появляться лишь в середине XVIII в. Однако долгое время в изучении сибирской истории XVI – XX вв., а также более ранних периодов, все равно преобладал унифицированный, «москвоцентричный» подход, предполагавший рассмотрение распространения политического влияния, государственных и идеологических концепций только с запада на восток – из столицы на периферию. Обратное влияние накопившегося у сибирских аборигенов опыта государственного строительства и социально-политических отношений в целом считалось ничтожным. Это наложило определенный отпечаток на комплексное изучение исторического взаимодействия столицы и периферии и вылилось в конечном счете в болезненные поиски национально-территориальной идентичности, которые мы видим в

настоящее время на Урале и в Западной Сибири. Напротив, комплексное изучение политической истории аборигенных народов этой территории позволило бы выявить полицентрические факторы государственного строительства, что, несомненно, важно для научной мысли и актуальной политической практики.

Начало научной систематизации документов и иных свидетельств положено в трудах Г. Ф. Миллера [14], который сосредоточился на изучении военно-административных вопросов. Дальнейшее закрепление выдвинутых концепций Миллера было достигнуто в трудах И. Э. Фишера [24], П. С. Паласа, затем отчасти и в трудах Н. М. Карамзина [9, с. 481 – 503]. Особый этап на этом периоде изучения аборигенной государственности связан с именами П. А. Словцова [20] и С. У. Ремезова. Два последних автора, несмотря на «сибирскую» локацию и примерно одинаковый

период работы, сделали различные выводы относительно уровня социально-политического развития сибирских аборигенов. Ремезов, издавая известные «Чертежные карты Сибири», не оставил на них места для сомнений: на чертежах, сделанных в начале XVIII в., упоминаются исключительно аборигенные политические объединения с «вкраплениями» русских городов. В свою очередь П. А. Словцов подчеркивал архаические черты социально-политической жизни аборигенов Западной Сибири, описывал быт и религию местных народов как «близкую к первобытному строю» и даже не рассматривал возможность наличия сколько-либо развитых политических институтов.

В этот же период особо следует выделить материалы начала XVIII в., собранные в сборнике «Памятники Сибирской истории» и демонстрирующие критический настрой к «официальной» государственной версии политического освоения Сибири, признавая живучесть аборигенных политических институтов: «Сибирь жила еще на прежних основаниях» [17, с. 3]. Следует также отметить описания западноевропейскими очевидцами локальных социально-экономических отношений в Сибири, об азиатских (монгольских, тюркских и т. п.) истоках местной государственности. В этих источниках впервые ставится вопрос потенциальной вероятности хозяйственного и политического регресса местных народов: «в более древние времена эту страну населяли народы более высокого развития, нежели ныне» [8, с. 32].

Практически в том же ключе к исследованию политической системы аборигенов Сибири подходят и исследователи XIX – начала XX вв. Среди работ этого периода необходимо отметить пятитомный «Исторический очерк Сибири» В. К. Андриевича, П. Н. Бущинского; исследования Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и других исследователей. Перечисленные авторы критикуют «москвоцентричный» подход к политической истории Западной Сибири: по меткому замечанию А. П. Щапова, сделанному в середине XIX в., «у нас русские историки только в первой главе обыкновенно выскажут несколько слов о русских племенах или народах, так же, как только в первой главе скажут несколько слов о русской географии или географическом влиянии на историю – как будто племена и народы вдруг исчезают бесследно с лица русской земли, не оказав никакого влияния на русский народ, на русскую историю». Однако концептуальных альтернатив такому подходу, основанных на комплексном рассмотрении собственно аборигенной политической истории, в данный период, по сути, представлено не было.

Работы совершенно иного рода начинают публиковаться в 1920 – 1930-е гг. История Сибири сильно политизируется в части описания социального и политического строя местных народов. С одной стороны, первые работы советских историков были направлены на «разоблачение царизма, его колониальной политики, а также решительную борьбу с пережитками великорусского шовинизма» (работы А. П. Окладникова, С. Б. Окуня и др.). С другой стороны, эти же работы представляли социально-политический строй местных народов как отсталый, подчеркивая цивилизационную

важность для западносибирских аборигенов в их включении в состав Русского государства.

Характерными в этом смысле представляется работы Н. М. Козьмина, в которых автор рассматривает социально-экономические и политические отношения аборигенов Сибири исключительно через призму формационного подхода, пытаясь описать существующие институты посредством марксистских терминов [11, с. 75]. Наиболее законченной эта концепция предстает в трудах С. В. Бахрушина [4], в которых автор смещает акценты политической истории Зауралья от взаимоотношений русских и аборигенного населения к рассмотрению собственно аборигенной социально-политической традиции.

В 1950 – 1960-х гг. эта проблематика находит свое отражение также в работах В. В. Покшишевского, В. Н. Скалона, З. Я. Бояршиновой, А. А. Преображенского, А. П. Окладникова, В. А. Александрова, А. Н. Копылова, М. И. Белова и других авторов. В итоге к 1970-м гг. складывается достаточно «политкорректный» подход к описанию политической истории сибирских аборигенов, сводившийся к мирному сосуществованию русского и местного населения и мирного же включения аборигенов в состав Московского государства через хозяйственные, культурные связи. При этом собственно попытки охарактеризовать уровень политического развития аборигенов, за редким исключением, не предпринимаются.

Особое значение для исследуемой темы имеют работы, изданные с конца 1980-х гг. по настоящее время. Именно в этот период исследователи постепенно отходят и от идеологизированных подходов в оценке политической жизни аборигенов Западной Сибири, и от сугубо этнографических описаний. Так, А. Г. Нестеров в 1988 г. впервые предлагает использовать русские летописи для комплексного анализа политических отношений русских княжеств и сибирских «государств» [16, с. 14]. В литературе 1990-х гг. уже признается неоднозначный, многофакторный характер как присоединения Сибири к Русскому государству, так и дальнейшего сосуществования в рамках одной политической реальности аборигенов и служивых людей [25]. Любопытно при этом, что взгляды некоторых исследователей к 2000-м гг. эволюционировали: так, в 1983 г. З. П. Соколова констатирует [21, с. 152] существование у насельников Западной Сибири исключительно архаических родовых общественных отношений, а в работе конца 2000-х гг. тот же автор уже признает, что «сообщения о родовом строе у обских угров появились лишь в XIX в. – ранние сообщения XIV – XVI вв. ничего такого не содержат» [22, с. 319].

Особо следует отметить исследования западносибирской государственности, проводимые в отдельных регионах России. В частности, в Татарстане, который по известным причинам культивировал исторические обоснования собственной государственности – и заодно стимулировал подробные специализированные исследования Сибирского ханства и других государственных образований Зауралья, посвященные этой проблеме. (Прим. автора: хотя местные исследователи начали публиковать работы на подобную тематику еще в позднесоветский период – например, Г. Л. Файза-

рахманов). Среди прочих следует выделить работы С. Х. Алишева, в которых государственность в Западной Сибири описывается через дипломатические документы XIV – XV вв. [1]. Документы, появляющиеся в ходе международных сношений различных государств, также дали богатый материал для исследований А. В. Парунина [18]. В тот же период В. П. Костюков одним из первых доказательно постулирует тезис, согласно которому западносибирская государственность имеет родовые корни в Золотой Орде и других осколках империи Чингизидов [12] и напрямую говорит о типологической близости всех евразийских государств. Е. Ю. Коблова впервые специализированно исследует взаимосвязи и политическую эволюцию Ишимского, Тюменского и Сибирского ханств [10].

Термин «аборигенное государственное образование» в данной статье упоминается, имея в виду форму организации политической власти у аборигенов Западной Сибири. Употребляя форму «государственное образование», мы подчеркиваем, что местные аборигены фактически приблизились к полноценному функционированию основных политических институтов (своего времени), с поправкой на особенности рассматриваемой территории.

Согласно одному из авторов теории раннего государства Х. М. Классену, условия, при которых общество путем политической эволюции приходит к формированию государственности, следующие [23, с. 105]: 1) достаточная численность населения; 2) контроль над определенной территорией; 3) система производства избыточного продукта для содержания «специалистов»; 4) наличие идеологии, которая оправдывает неравенство и иерархию.

Проведем краткий анализ политических образований Западной Сибири по этим критериям на примере ключевого для этого региона Сибирского ханства. Территорию, которая контролировалась центральной властью ханства, можно оценивать по-разному. По традиции, заложенной еще С. Ремезовым и Г. Ф. Миллером, Сибирское ханство – это компактное образование на Тоболе и Иртыше («треугольник образуемый Тоболом с Турою и Иртышом с Омью» [14, с. 476]), ограниченное в территории и относительно единое по этническому составу, то есть объединяющее местные группы сибирских татар. Согласно другому подходу, границы Сибирского ханства определяются по месту нахождения военных укреплений – фактически пограничных пунктов верховного правителя – в данном случае, хана Кучума. Их местонахождение, в основном, известно. Крайней точкой ханства на западе в этом случае будет «Тархарский городок» на Тоболе, на востоке – «городок Куллары» на Иртыше чуть ниже устья реки Туи. На севере Миллер отмечает «острой займище царя Кучума» и «татарское городище» [14, с. 476] на Тавде около рек Тобол и Бизик соответственно. Особенно насыщенной на укрепления была область вокруг столицы Искера (Кашлыка), вокруг которого известны укрепления Сузгун-Тура, Бицик-тура, городок на Чувашском мысе, городок мурзы Аттики, Ебалака и т. д.

В конечном счете дискуссия о границах Сибирского ханства сводится к решению вопроса о том, что считать территориями, контролируруемыми централь-

ной властью этого государственного образования. Или это территория, непосредственно подчиняющаяся хану, или все податные единицы, связанные с ханом отношениями власти и подчинения – как правило, через выплату ясака.

Последнее обстоятельство долгое время не считалось основанием для расширения формальных границ Сибирского ханства за счет соседних, зависимых от него аборигенных политических объединений. Так, С. В. Бахрушин отмечает, что зависимость исследуемых им остяцких и вогульских княжеств от «татарских ханов» ограничивалась «лишь уплатой ясака и военной помощью», что означает отсутствие «прочной связи» этих народов с Сибирским царством и предательство Кучума местными правителями в критический момент первых побед русских [3, с. 114]. Но дело в том, что ни в чем другом, кроме выплаты ясака и «военной помощи» (то есть, защитой территории со стороны центрального правительства и предоставление воинов с мест в случае конфликтов), по сути, подчинение той или иной территории центральному правительству в центральноазиатской традиции и не проявлялось. Никаких «общегосударственных бюджетов» или социальной системы, естественно, не существовало, и различные части государства объединялись с конкретными практическими задачами – добровольно или принудительно, в результате конфликтов.

Это обстоятельство позволило говорить исследователям по меньшей мере с 1970-х гг. о том, что «в политической зависимости от Сибирского ханства находились не только входившее в него население, но и племена и роды, обитавшие на смежных с ханством территориях» [25, с. 105]. Кроме того, в пользу этой версии говорит и наличие унифицированных устойчивых податных образований, которые русские встретили по всей территории Западной Сибири – вплоть до бассейнов Томи и Чулыма. Даже ханты нижней Оби находились в политической зависимости от Сибирского ханства и были организованы в податные единицы [2, с. 113].

Говоря о населении, следует отметить, что по плотности населения порядка 0,3 – 0,5 человека на квадратный километр Сибирское ханство к середине XVI в. заметно уступало Московскому государству, где в тот же период при населении 7 – 8 млн человек и площади территории около 2,8 млн квадратных километров плотность населения составляла порядка 2,5 человека на квадратный километр [6, с. 112]. То есть Сибирское ханство по территориальной организации было «очаговым» государственным образованием, в котором территории с большой плотностью населения сочетались с практически безлюдными территориями и протяженными внешними границами.

Это должно было наложить свой отпечаток на социально-политическую организацию местного населения. Очевидно, что при низкой плотности населения социальная и политическая жизнь должна быть сконцентрирована в крупных поселениях городского типа, тем более что сеть средневековых городов считается одним из признаков государственности.

Сведения о городах в Сибирском ханстве обрывочны и носят, как правило, оценочный характер. Исследователи называют цифры от 15 до 70 городков

[25, с. 18]. Главная проблема в том, что археологических исследований средневековых городов Западной Сибири немного. В первые десятилетия никто не занимался изучением средневековых городов в Сибири, а когда сюда потянулись первые научные экспедиции – в начале XVIII в., то многие поселения попросту поглотила вода. Например, вот что пишет Г. Ф. Миллер об Искере почти через 200 лет после того, как его взяли русские: «в том месте река Иртыш, протекая, подмывает берег, так и здесь часть горы обвалилась. Уверяют, что со стороны реки часть площади много или мало, – неизвестно, обвалилась» [14, с. 233]. Кроме того, строительство русских поселений прямо на месте городков местного населения не оставляло шансов будущим археологическим раскопкам. Например, татарский город Чимги-Тура был уничтожен новой застройкой русской Тюмени.

Основные черты структуры внутреннего устройства Сибирского ханства описаны уже в работах советских историков – и они вполне находятся в русле теории о том, что государственные образования в Западной Сибири формировались по тем же принципам, которые господствовали в тюркоязычном и постзолотоордынском мире: «Сибирское ханство состояло из нескольких улусов, возглавлявшихся беками или мурзами, которые находились в той или иной степени зависимости от верховного правителя ханства» [16, с. 15]. Между центральной властью и князем (беком) существует система сдержек и противовесов, при которой, с одной стороны, ханское правительство ограничивает власть региональных правителей, забирая у них внешнеполитические, военные, и часть фискальных компетенций, и, напротив, региональные правители ограничивают власть хана, поскольку им непосредственно подчиняется большая часть податного и военнообязанного населения. Именно эти обстоятельства позволяют историкам говорить о том, что «централизация власти в Сибирском ханстве была слабой» [3, с. 43], и «во внутреннюю жизнь улусов центральная власть, как правило, не вмешивалась, посылая для управления улусами сборщиков ясака» [3, с. 37].

Определенные сведения имеются и о центральном аппарате управления Сибирского ханства – по аналогии с иными подобными государствами и по имеющимся письменным, археологическим и этнографическим источникам. Главой центрального аппарата власти, естественно, был сам хан. Далее центральная власть разбивалась на территориальную (через есаулов и сборщиков ясака, о которых сказано выше) и тех чиновников, которые находились непосредственно в столице. Прежде всего, это карача (визирь, «думчий царев» в русских летописях) и вельможи – советники хана [16, с. 18]. Наиболее значимые вельможи при этом имели дарованные властью хана (то есть в рамках его собственного улуса) крепости с податным населением. В источниках упоминается «городок Атик-мурзы», «большого князца Бегиша», «княжев городок», «Карачин» городок, город мурзы Чангулы и т. д. [4, с. 156]. Понятно, что по средневековым традициям институты государственного управления были тесно и практически неразличимо переплетены с придворными службами, что в совокупности с практическим отсутствием письменных источников не

дает возможности детального анализа функционального отраслевого управления в центральном аппарате Сибирского ханства. Но очевидно, что эти функции были достаточно понятны: внешнеполитическая, военная, фискальная, с определенного момента – религиозная и так далее.

Наконец, известно три основных направления консолидации региональных княжеств и создания централизованного государства в ханстве Кучума:

- 1) создание стабильной фискальной системы;
- 2) создание военно-оборонительной (строительство на границах военных городков и т. д.) и другой инфраструктуры – прежде всего, дорог. «Сложившиеся маршруты приобрели статус государственных. Создана система переправ через реки, построены инженерные сооружения. Вплоть до начала XVIII века Россия не занималась в Западной Сибири прокладкой новых дорог» [23, с. 176];

- 3) попытка введения единой веры – ислама, что началось практически сразу после воцарения Кучума в Сибирском ханстве. Хан пригласил из Бухары проповедников, которые распространяли веру сначала среди сибирских татар, а затем среди соседних народов [23, с. 175].

Именно на этом пути реформ и застал Сибирское ханство конфликт с Русским государством – сначала опосредованно, а затем и непосредственно.

Вместе с тем, согласно современным представлениям, очевидно, что локальное социально-политическое развитие аборигенных народов Западной Сибири не прерывается после начала включения этой территории в состав Московского государства (то есть с конца XVI – начала XVII вв.). Рассмотрим компоненты политической эволюции аборигенных государственных образований в рассматриваемый период.

Первый – «замена» элиты на лично обязанную московскому царю. Дело в том, что в Сибирском ханстве и на соседних территориях при борьбе с завоевательными походами русских, по сути, исчез цвет местной политической знати – как когда-то было в Казани после русского завоевания [6, с. 56]. Причины разные: физическое истребление, миграции, междоусобицы и т. д. Например, по свидетельству Г. Ф. Миллера, «только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанакowych юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род со времен Кучума» [15, с. 201]. То есть на смену царскому роду Кучумовичей, а также княжеским фамилиям, которые были тесно связаны с этим родом, приходит новая формация правителей, уже явно не обладающих авторитетом прежних лидеров, хотя и являющихся легитимными для подвластного населения. Условно новых правителей можно назвать «вторым эшелонем власти» Сибирского ханства.

Вначале эти правители не являются ставленниками русских. Напротив, московская администрация поддерживает правящих князей, поставленных по местным обычаям, взамен на выполнение в отношении подвластного населения определенных требований русского царя – прежде всего, сбора ясака. По описанию С. В. Бахрушина, «во главе хантыйской или мансийской волости оно оставляло представителей старой племенной знати, используя их в собственных

целях, и их руками держа все племя» [2, с. 151]. По сути, речь идет об опосредованном управлении – переходной форме подчинения одного политического объединения другому.

На следующем этапе местные правители-князья, оставаясь на все том же уровне обособленности (фактически являясь независимыми правителями при формальном признании власти русского царя), проходят «отсев»: русская администрация начинает поддерживать в местных элитах тех, кто выгоден ей с определенными целями. Яркий пример – смена власти табаринскими татарами в Пелыме, где в результате формально «внутренних» интриг в 1598 г. к власти пришел Воча-мурза, поддержанный русскими. Он тут же отплатил своим покровителям, «ударив государю челом 40 соболями единойжды», при том, что годовая норма сбора ясака с этого образования составляла 68 соболей [15, с. 18]. А в Пиковской волости селькупов в 1629 г. еще отмечается правление местного князя Сонгура, однако уже через 10 лет – некоего Судзи Иванки, «выдвинувшегося за большие услуги перед новой властью» [19, с. 170].

Постепенно местные правители начинают делиться царской администрацией на тех, кто поддерживает Москву, и тех, кого в грамотах царю называют «изменниками». Это проявляется как в риторике обращений, так и в характеристике самих правителей. Например, именно в этот период в отношении некоторых местных правителей впервые употребляется уничижительное слово «князец», но только тех, кто не поддерживает власть русских. Так, в грамоте царя Василия Шуйского в Сургут, датированной маем 1610 г., говорится: «Бил нам челом Пегие орды князь (Прим. автора: курсив здесь и далее мой) Тайбохта Воня сказал: послан он е был с нашими служивыми людьми на наших изменников на Менлея, да на Чулымских и Кетских князьков, и он де тех изменников князьков под нашу царскую руку привел» [14, с. 432]. То есть, помимо прочего, в рядах местной элиты искусственно культивируется противостояние друг другу. Это приводит к ослаблению единой антирусской фронды среди местных правителей.

Вторая тенденция – выхолащивание реальной власти местных правителей. Другими словами, постепенно меняется формальный источник власти: вместо власти «от земли», по праву родства, сибирские князья начинают получать власть как пожалование от московского царя.

Наиболее отчетливо это проявляется в Кодском княжестве. После перехода этого государственного образования под власть московского царя в течение полувека здесь правит местная княжеская династия [2, с. 116] по праву родства в выделившейся элите. Однако затем в грамотах московского царя все чаще встречаются упоминания о том, что Кодский князь получает свои «вотчины» за службу и «кровь» от государя московского на правах условного владения [2, с. 125]. Среди прочих, именно это обстоятельство стало причиной масштабного восстания остяков в 1662 г. [2, с. 133].

Для выхолащивания реальной власти местных князей как нельзя лучше подходили и непрекращающиеся междоусобицы, в ходе которой местные правители захватывают власть в соседних княжествах,

смещая друг друга. Так, после гибели Вони в 1602 г. в Пегой Орде начинает править васюганский князь Кичей, чья военная мощь была очень тесно связана с поддержкой русских «служивых людей». Вначале Кичей еще пытался формально обосновать свое правление как опекунство сына, женившегося ранее на дочери Вони [19, с. 152]. Но затем и здесь источником власти становится пожалование московского государя как единственно стабильное в такой ситуации для элиты обоснование.

В результате уже к XVIII в., то есть всего за 100 лет нахождения под властью московского царя, древние местные княжеские династии фактически прерываются [19, с. 150]: сильные и авторитетные представители местной знати убиты в междоусобицах, а их владения постоянно переходят из рук в руки.

Третья тенденция – подчеркнутая идеологическая преемственность московского царя от прежней власти. Системы государственного управления в Сибирском ханстве и Московском царстве были весьма близки – настолько, что, присоединяя обширные территории Зауралья, московские цари просто «перевели» на себя ясак, уплачиваемый ранее сибирским ханам [3, с. 51]. Ситуация также не уникальна: за полвека до присоединения Западной Сибири точно такой же стратегии Москва придерживалась и в Казанском ханстве – московский государь объявлялся преемником казанских ханов, о чем подданных извещали специальные грамоты [3, с. 51].

Но эта преемственность, на наш взгляд, не ограничивалась исключительно внутренними, локальными правилами государственного устройства. Проводя подчеркнутую политику преемственности, московские цари де-факто и де-юре сохраняли сами аборигенные государства, становясь их новыми правителями. То есть Сибирское ханство после завоевания русскими формально сохранялось – просто его новым правителем «по должности» становится московский царь, который «по совмещительству» управляет и другими завоеванными государствами.

Казанское, Астраханское и Сибирское ханства оказались настолько нужными московскому правителю и местному населению образованиями, что де-юре сохранились вплоть до петровских реформ государственного управления [23, с. 175], то есть около полутора веков после их завоевания. Россия как бы «переваривала» присоединенные владения, которые, по выражению Г. Ф. Миллера, оставались в ее составе чем-то «чужеземным» [15, с. 88]. Последнее выражалось в том, что Сибирское ханство как личное владение московского государя некоторое время управлялось через Посольский приказ, затем в 1599 г. перешло в ведение приказа, который управлял Казанью и Астраханью, и только в 1637 г. получило собственный Сибирский приказ.

Обстоятельство формального сохранения Сибирского ханства умело использовалось в качестве идеологического аргумента укрепления власти московского царя в Зауралье. Подавая себя как законного правопреемника прежних правителей, московские цари отрешивались от местных политических противостоятелей, как бы пребывая над схваткой.

Четвертая тенденция – архаизация общественно-политических отношений местного населения. Как

отмечала ещё Г. Н. Пелих: «возрожденные формы родоплеменного быта были поставлены на службу колониальным властям» [19, с. 171]. Следствие этого процесса – постепенное затухание жизни в оставшихся автохтонных городах Западной Сибири. «К началу XVIII века собственно сибирских автохтонных городов не существовало. Такова цена, которую сполна уплатили коренные сибиряки за насильственное их порабощение» [13, с. 119]. *(Прим. автора: при этом на месте многих из них возникли русские города, то есть городская традиция в Западной Сибири не прерывалась).*

Политической эволюции в смысле прогрессивного развития местных политических образований Московское правительство в Западной Сибири не обеспечивало – эта территория должна была быстро интегрироваться в общерусские отношения. Если новые административные структуры и создавались – то по большей части исключительно для того, чтобы обеспечить колониальные потребности новой власти в сборе ясака. И в целом «целью было не закрепить за собой новообретенные владения, поставивши в каждом значимом участке по крепости с гарнизоном, а подвести под ясачный сбор максимальное количество сибирских туземцев» [25, с. 67]. Отсюда и особенности структуры населения первых русских городов в Западной Сибири – это сплошь «служивые люди». Так, по подсчетам О. Н. Вилкова, «население города Сургута состояло на всем протяжении конца XVI – начала XVII века из одних лишь служилых людей, ружников и оброчников, и не имевшее иного населения» [7, с. 3].

Отсутствие стабильной системы государственной власти в Западной Сибири остро чувствуют и местные князья, которые в первое время еще имеют реальную власть. Вспомним эпизод строительства Томска по

челобитной князя Тояна. Вопрос государственного значения Тоян поехал решать не к местному воеводе, а напрямик в Москву – туда, где реальная и стабильная власти. Там же был решен вопрос об освобождении зуштинцев от ясака, и обещана помощь Тояна в покорении киргизов, чатских татар и теленгутов [14, с. 313]. Таким образом, налицо явное противопоставление интересов местных воевод с интересами государства: решать стратегические вопросы местные правители вынуждены в Москве. Точно также московские князья «за справедливостью» ездили в Каракорум, поскольку, хотя в их землях и были монгольские представители – тайши, но реальная власть все равно находилась в столице, у хана.

Автохтонный политогенез в Западной Сибири постепенно сходит на нет, сменяясь колониальной государственной политикой Московского царства. Последние местные князья упоминаются в летописях в конце XVIII в. – в Сосьве и Казыме [2, с. 139], однако местные роды к этому времени сменяются на ставленников русской администрации, получая взамен пожалованные вотчины в средней полосе России. Например, после уничтожения самостоятельности Кодского княжества к 1643 г. последнего князя Димитрия Алачева пожаловали званием московского дворянина с прилагающейся к званию вотчиной на Вычегде [13, с. 55].

Таким образом, с момента присоединения Западной Сибири к Московскому государству основным субъектом политической жизни постепенно становится именно русская царская администрация. Это происходит путем постепенного выхолащивания реальных полномочий аборигенных князей, активной работе с местными элитами и позиционирование московского царя как естественного правопреемника власти в Сибирском ханстве.

Литература

1. Алишев С. Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII – XVI вв. Казань, 2009. 253 с.
2. Бахрушин С. В. Остязие и вогульские княжества в XVI – XVII вв. // Научные труды С. В. Бахрушина. М., 1955. 452 с.
3. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири // Научные труды С. В. Бахрушина. М., 1955. 452 с.
4. Бахрушин С. В. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII веков: в 4-х т. Т. 2. М., 1955. 469 с.
5. Беляков А. В. Крещение служилых Чингизидов в России XVI – XVII вв. // Российская история. 2011. № 1. С. 107 – 115.
6. Вернадский Г. В. Московское царство. М., 1997. 314 с.
7. Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII веке. Новосибирск, 1997. 52 с.
8. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 244 с.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4-х кн. Репринт. Т. 3. Ростов н/Д, 1994. 503 с.
10. Коблова Е. Ю. Ишимское ханство в источниках и историографии // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2010. С. 25 – 38.
11. Козьмин Н. П. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М., 1934. 150 с.
12. Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды. Казань, 2010. 200 с.
13. Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. 136 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. Т. 1. М., 1937. 549 с.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. Т. 2. М., 1941. 638 с.
16. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV – XVI вв.: археология и история. М., 1988. 21 с.
17. Памятники сибирской истории XVII века. Т. 1: от 1700 до 1713 гг. СПб., 1882.
18. Парунин А. В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480 – 1490 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Казань, 2010. С. 44 – 52.
19. Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 220 с.
20. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. Кн. 1: с 1585 – до 1742 года. М., 1838. 189 с.

21. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983. 212 с.
22. Соколова З. П. Ханты и Манси: взгляд из XXI века. М., 2009. 792 с.
23. Трепавлов В. В. Западная Сибирь после Ермака: Российское «царство» и Татарский «юрт» // Российская история. 2012. № 2. С. 173 – 180.
24. Фишер И. Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания Сибирской земли российским оружием. СПб., 1774. 415 с.
25. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. 312 с.
26. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М. – Л., 1946. 319 с.

Информация об авторе:

Чернышов Сергей Андреевич – соискатель кафедры востоковедения Исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, 1502911@mail.ru.

Sergey A. Chernyshov – post-graduate student at the Department of Oriental studies, National Research Tomsk State University.

(Научный руководитель: **Шерстова Людмила Ивановна** – доктор исторических наук, заведующая кафедрой востоковедения Томского государственного университета, sherstova58@mail.ru.

Research advisor: Ludmila I. Sherstova – Doctor of History, Head of the Department of Oriental studies, National Research Tomsk State University).

Статья поступила в редколлегию 12.03.2015 г.

УДК 903.22

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ВОИНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНА VIII – VI ВВ ДО Н. Э.

А. Е. Чотбаев

DEFENSIVE ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT OF KAZAKHSTAN NOMADS IN THE 8TH 6TH CENTURIES BC

А. Е. Chotbaev

В статье анализируются уже опубликованные археологические материалы характеризующие уровень военного дела древних кочевников Казахстана. Затрагиваются некоторые проблемы изученности данного направления в археологической науке Казахстана, решение которых позволит полноценно оценить динамику роста военного дела кочевников. Данная работа является первым опытом комплексного анализа предметов снаряжения и защитной экипировки происходящих из территории Казахстана с предварительными выводами о ценности рассматриваемых материалов в реконструкции военного дела населения Евразии.

The paper analyzes the published archaeological materials characterizing the state of military affairs of ancient nomads of Kazakhstan. The author discusses some problems in the study of this direction of archaeological science in Kazakhstan, whose solution will allow to fully assess the dynamics of growth of nomads' military affairs. This work is the first comprehensive analysis of the items of equipment and protective clothing originating from the territory of Kazakhstan with prior conclusions about the value of the materials for the reconstruction of the military affairs of the population of Eurasia.

Ключевые слова: археология, военное дело, оружие, Казахстан, доспех.

Keywords: archeology, military, weapons, Kazakhstan, armour.

Изучению данного вопроса посвящено немало работ, но они в основном касаются экипировки и защитного снаряжения происходящих из сопредельных территории Казахстана. Относительно Казахстанских изделий специализированных исследований до сегодняшнего дня нет, но здесь необходимо отметить то, что некоторые из уже опубликованных материалов в прошлом столетии были привлечены исследователями в качестве аналогии и/или при уточнении ареала распространения рассматриваемой категории вещей. Такой подход при изучении военного снаряжения и военного дела в целом не позволит получить полноценную картину о снаряжении древнего воина. На

современной стадии, когда существуют широкие возможности ознакомления с материалами соседних стран, становится необходимым проводить работы с максимальным привлечением материалов из всего ареала распространения кочевнических культур раннего железного века с идентичными чертами мировоззрения, быта. При таком подходе территория Казахстана становится огромным пятном в изучении военного дела, так как данная территория являлась в древности местом, где протекали этнокультурные взаимосвязи, в результате чего прогрессивно внедрялись новации, которые в первую очередь отразились на предметах оружия и экипировки, что в свою оче-

редь стала определяющим фактором процветания общества, роста и обогащения.

С динамичным ростом оружия и его разнообразия появляются новые защитные приспособления, модифицируются уже имеющиеся, на что красноречиво указывают археологические материалы собранные за прошедшее время из памятников раннего железного века Казахстана, основную массу которых составляют предметы вооружения. Среди них нам известны предметы защитного вооружения и боевого снаряжения, состоящие из типичного для этого времени комплекса – шлема, защитного доспеха с различными портупейными ремнями для подвешивания оружия, колчана, ножен и других воинских приспособлений.

Доспехи, вероятно, были изготовлены в основном из кожи, так как до сегодняшнего дня известны лишь несколько находок металлических панцирей, широко бытовавшие в это время в Причерноморье. Можно отметить лишь одну бронзовую пластину с изображениями воинов, облаченных тяжелой защитной одеждой [2, с. 32]. На этой пластине сюжетная композиция, состоящая из нескольких персонажей. Половина пластины сломана еще в древности. Здесь присутствуют изображения всадника и пеших воинов. Вооружение у них разнообразное. На целой стороне изображены три силуэта, один на лошади, другой находится перед всадником в сидячей позе, причем он сидит на подогнутой левой ноге. Третий находится позади всадника, у него в руке оружие напоминающее чекан, считающийся одним из ведущих форм оружия ближнего боя в эпоху ранних кочевников [30, с. 124, рис. 77], они применялись и при совершении культовых обрядов [12, с. 75]. У всех персонажей на голове четко прорисованы головные уборы, похожие на плоские шлемы.

Нам известны несколько шлемов, датируемых первой половиной раннего железного века. Б. З. Рабинович собрал шлемы из Кубани, Поволжья и Западной Сибири и сгруппировал их на две группы: Греческого типа и Северо-Кавказские [21, с. 100 – 171]. По мнению А. Владимировского, бронзовые шлемы бытовали VI – V вв до н. э., а со II в до н. э. появляются железные, а также он разделяет их на кубанские, аттические, халкидские, коринфские, фракийские, чешуйчатые и кожаные [5, с. 44].

М. П. Грязнов в свое время опубликовал шлем, найденный на Алтае [6, с. 12, рис. 5, 11]. В работе Е. Е. Кузьминой опубликован шлем из Самарканда [16, с. 120 – 126, рис. 1].

На территории Казахстана на сегодняшний день известны два шлема, один найден на территории Жетысу при раскопках городища Кысымчи [13, с. 297, таблица 8].

В 2013 г. случайно найден и был предоставлен А. К. Кушкумбаевым еще один шлем. Шлем шаровидный, с вырезами в районе глаз и затылка. По бокам, в нижней кайме фиксируются по два небольших сквозных отверстия, предположительно для крепления приспособления из кожи или металла, предназначенного для защиты шеи [30, с. 130, рис. 80].

Одним из ярких предметов воинской экипировки являются наборные боевые пояса. Принадлежность

таких поясов к боевой экипировке бесспорно, но здесь необходимо отметить и то, что воины могли пользоваться простыми кожаными поясами, на такую мысль наталкивает небольшое количество находок поясов, состоящих из различных металлических обойм и пластин. Три экземпляра наборных поясов были найдены и рассмотрены М. К. Кадырбаевым [18, с. 346, рис. 39]. Еще один, четвертый, экземпляр найден А. З. Бейсеновым в воинском захоронении в кургане 12 могильника Майкубень-III [1, с. 216]. Пояс из кургана 3 могильника Нурманбет-IV состоит из 10 прямоугольных обойм длиной 33 см, шириной 13 см. Обоймы украшены тремя поперечными углубленными полосами с крупными выступами, по три на каждой полосе. Второй пояс найден в кургане 1 могильника Нурманбет-IV. На тазовых костях скелета находились также 10 прямоугольных обойм. На лицевой стороне пяти из них имеются петли, на одном сохранен кусок кожи. Обоймы располагались поочередно: одна с петелькой, за ней следовала обойма без петли. Длина обойм 3,5 – 4 см, ширина 1,5 – 2 см. Одна обойма имеет более крупные размеры. Остальной инвентарь представлен бронзовым кинжалом с массивной фигурной рукоятью и бронзовым ножом с кольцевым навершием [18, с. 344, рис. 38. – 1, 5].

Третий пояс происходит из кургана 1 могильника Тасмола-II. Форма обойм в виде римской цифры X. На середине имеется отверстие, длинные радиальные концы обоймы соединены поперечной планкой. В центральной части пояса находился круглый в сечении бронзовый стержень. Слева от пояса найдены были остатки берестяного колчана с пятью стрелами и бронзовым ножом с кольцевым навершием [18, с. 350, рис. 48. – 2, 3, 5, 6, 8, 12]. Первые два экземпляра М. К. Кадырбаев относил к первому этапу (VII – VI вв. до н. э.), последний – ко второму этапу (V – III вв. по М. К. Кадырбаеву) тасмолинской культуры. Майкубенский пояс датируется концом VI – началом V вв. до н. э. Этим временем датируется и поясной набор из погребения 1, кургана 27 некрополя Тегисжол [41, с. 315 – 324; с. 321, рис. 4, 1].

Поясной набор, по форме повторяющий обойму из кургана 1 некрополя Нурманбет IV, найден в кургане 4 некрополя Аксуат [19, с. 139, рис. 12]. В предварительном порядке этот курган продатирован II – I вв. до н. э. [19, с. 136]. Однако есть основание удревить дату этого поясного набора до V в. до н. э.

Типологический ряд данных поясных наборов можно продолжить по находкам последних лет, среди которых особый интерес вызывают поясные накладки, найденные недавно в погребении 2 кургана 4а некрополя Аксуат I, датированного авторами V – III вв. до н. э. [10, с. 51, рис. 1].

Ближайшие аналогии к центральноказахстанским поясам имеются в Северном Казахстане. Это наборный пояс из могильника Алыпкаш [12, с. 106, рис. 20. – 9]. Ему аналогичен и пояс из Вавилонки в Восточном Казахстане [11, с. 299, табл. XXIX, 7]. На обоймах последнего отсутствует центральное отверстие.

Похожие пояса происходят с сопредельных территорий. Пояс из кургана 4 могильника Бобровка в

Южном Зауралье характеризуется прямоугольными обоймами с петельками на лицевой стороне. К категории случайных находок относятся три обоймы из района г. Троицка [3, с. 133, рис. 10, 11 – 16, 18 – 20].

Обоймы, найденные в кургане 1 могильника Николаевка, близки к экземпляру из кургана 1 могильника Нурманбет-IV, с той лишь разницей, что на первых отсутствуют петли [24, с. 28, рис. 2].

В Горном Алтае наборный пояс найден в могильнике Кызык-Телань [23, рис. 5, 2].

В сакских памятниках Памира наборные пояса отмечены в нескольких пунктах, в том числе в могильниках Можуташ-II (курган 4), Тегермансу-I (курганы 7 и 9А), Истык (курган 2). Обоймы из Тегермансу-I, курган 7 [17, с. 61, табл. 21. – 7, 8, 10, 11], имеют черты, присущие изделиям из Центрального Казахстана. Для Памирских памятников характерны и некоторые предметы конского снаряжения, особо близкие к центральноказахстанским материалам. Иногда они сочетаются с наборными поясами.

Указанные воинские наборные пояса из Северного и Восточного Казахстана, а также из Южного Зауралья, Горного Алтая и Памира имеют очевидную схожесть с центральноказахстанскими. Она должна объясняться этнокультурной близостью сакских племен указанных регионов. Эти племена имели много общего в плане ведения хозяйства, социального устройства, образа жизни. Вместе с тем ведущей чертой, обуславливающей близость в материальной культуре, погребальном обряде, являлась общность происхождения.

Североказахстанские памятники в настоящее время охарактеризованы некоторыми исследователями в рамках улубаевско-тасмолинской культуры, являющейся северным локальным вариантом Тасмолы [27, с. 79]. Южнозауральские комплексы А. Д. Таировым объединены в особый Бобровский этап раннесакского времени [25, с. 19]. По мнению ученого, памятники этого периода, включая и погребальный инвентарь, находят аналогии из комплексов VII – VI вв. до н. э. восточных районов Евразии, но особенно из Северного и Центрального Казахстана.

Ранние кочевники Южного Зауралья в это время являлись, по мнению ученых, составной частью тасмолинской «историко-этнографической общности», кроме того, получали от центральноказахстанских металлургов сырье, также и готовую продукцию [26, с. 96].

Горно-Алтайскую находку, вероятно, следует объяснять этнокультурными контактами казахстанско-алтайского населения, возможными передвижениями сакских групп на территорию Алтая. Что касается Памирских обойм, однозначно трактовать их сложно, вероятным кажется предположение о каких-то тасмолинско-среднеазиатских связях, имевших характер культурно-экономических обменов, вплоть до фильтрации небольших групп казахстанского происхождения в районы Средней Азии.

В свое время Б. А. Литвинский для Памирских памятников особо отмечал в области оружия и украшения «удивительную близость с Центральным Ка-

захстаном» [17, с. 177]. И по отношению к наборным поясам этот исследователь подчеркивает «явную и едва ли случайную схожесть» их с центральноказахстанскими [17, с. 129].

Интересным представляется наличие наборных поясов в комплексах ананьинской культуры раннескифского периода. В частности, три экземпляра найдены в погребении 704 (2 пояса) и в квадрате III/7 Старшего Ахмыловского могильника [20, с. 242, табл. 105:1 d, 1p; с. 196, табл. 59]. По мнению исследователей, такие детали погребального инвентаря, как наборные пояса, для ананьинской культуры являются результатом внешнего культурного воздействия [9, с. 96]. С. Н. Коренюк отмечает «сложившиеся тесные связи носителей ананьинской культуры с племенами Казахстана и Южной Сибири» [14, с. 122].

В древности и средневековье разносторонне украшенные воинские наборные пояса бытовали на очень широкой территории степей Евразии. Публикации и анализу их посвящена солидная литература.

В отношении поясов, их оформления, а также ношения в древних обществах существовал широкий набор понятий и традиций. Особое место принадлежит военной функции. В. Н. Добжанский, подчеркивая именно военную функцию поясов, считает, что «наметившийся в эпоху бронзы приоритет военной функции над магической приобретает полную силу в обществах ранних кочевников от Центральной Азии до Северного Причерноморья» [8, с. 67].

У древних кочевников Казахстана наборные воинские пояса, подобные найденным в могильниках Тасмола-II, Нурманбет-IV, Майкубень-III, Тегисжол, сопровождавшиеся кинжалом, колчаном и другими предметами экипировки, являлись одним из традиционных и излюбленных снаряжений всадника – воина.

Наборные воинские пояса раннего железного века согласуются со всем степным, скотоводческим обликом. Рассмотренный вкратце еще неполный перечень наборных поясов сакских регионов имеет много общего, обусловленного не только культурными контактами, обменом, но, вероятно, и различными передвижениями населения на раннем этапе эпохи nomadism.

Неотъемлемой частью снаряжения воина является колчан. По археологическим и иконографическим материалам известны сведения о двух приспособлениях для ношения стрел и лука, так называемые колчаны и горит.

Колчан предназначен для ношения стрел, изготавливался из дерева, бересты, кожи. По археологическим материалам можно предположить, что колчан со стрелами носили подвешенными в поясе с левой стороны. Такие находки нам известны из памятников некрополя Шиликти, Карамурын I [28; 18].

Колчаны хорошей сохранности происходят из погребений Горного Алтая, Монголии и Тувы [15, с. 65 – 74; 7, с. 34].

Горит предназначен для ношения стрел вместе с луком. Иконографические материалы дают множество изображений рассматриваемых предметов. На петроглифах в силу нечеткости рисунков говорить о кон-

кретных формах колчанов затруднительно, но миниатюрные фигуры и изображения их на каменных стенах, сосудах и украшениях делают возможным в какой-то мере представить картину, хоть и не полную, о колчанах и горитах. По мнению В. Д. Кубарева, в рассматриваемую эпоху в колчанах носили стрелы вместе с луком [15, с. 72].

На изображении воинов Сагыра, как мы уже отмечали, имеются колчаны, куда вложены лук, но стрел здесь не видно. Наверное, данное изображение не дает нам целостной информации о колчанах. Можно предположить, что воины носили отдельные колчаны со стрелами, но нельзя отбросить и тот факт, что гориты имели дополнительные кармашки, отделяющие стрелы от лука. Такого мнения придерживается и автор исследований петроглифов данного урочища [22, с. 168]. Мнения исследователей по этому вопросу разные, В. Д. Кубарев считает, что луки и стрелы носились в разных колчанах [15, с. 72], а Е. В. Черненко

приходит к мнению о бытовании горита, где были два кормана, предназначенные для стрел и лука [29, с. 51].

Таким образом, известные нам предметы снаряжения и защитной экипировки воина раннего железного века Казахстана включают в себя выше перечисленные наименования, но этот список нам кажется неполным. Также здесь необходимо отметить, что основную массу экипировки древнего воина занимают наборные боевые пояса. Объяснить количественную разницу, наверное, можно с сырьем, из которого они изготавливались. Результаты предварительного анализа показали, что воин-кочевник был экипирован защитной одеждой, включающей в себя различные приспособления, основным из которых был боевой пояс. Снаряжение также состояло из необходимого и практичного набора.

Работа в данном направлении находится в начальной стадии, тем не менее предварительные работы указывают на необходимость в дальнейшей разработке данного вопроса.

Литература

1. Бейсенов А. З. Новые памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения: сб. материалов научной конференции. Алма-Ата, 1989. С. 214 – 217
2. Бейсенов А. З. Сарыарқа – далалық өркениеттің алтын бесігі. Алматы: Technology of Imaging, 2011. 32 с.
3. Боталов С. Г., Таиров А. Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 131 – 140.
4. Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 315 – 324.
5. Владзимирский А. Скифы – конные стрелки из лука // Военно-исторический журнал Para-bellum. 2008. № 29. С. 44 – 50.
6. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М., 1947. Вып. 18. С. 9 – 17.
7. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1982. 256 с.
8. Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 162 с.
9. Иванов В. А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железа (к проблеме происхождения и семантики) // Уфимский археологический сборник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 86 – 96.
10. Кариев Е., Оралбай Е. Х-образные поясные накладки из Восточного Казахстана // Известия НАН РК 3(289). Алматы, 2013. С. 50 – 60.
11. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.
12. Кочев В. А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. № 4. С. 74 – 82.
13. Копылов И. И. Находки скифского шлема в Семиречье // Ученые записки Алма-Атинского госпединститута. (Серия: Общественно-политическая). Алма-Ата, 1957. Т. XIV (2). С. 281 – 292.
14. Кореньюк С. Н. О связях ананьинских племен Прикамья с населением Казахстана и Южной Сибири // XI Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 20 – 31.
15. Кубарев В. Д. О работах на Алтае // АО-1981. М., 1983. С. 204 – 210.
16. Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда // СА. 1958. № 4. С. 120 – 126.
17. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 272 с.
18. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
19. Оралбай Е. К. Тарбағатай теріскейіндегі 2013 жылғы қазба жұмыстарының қорытындысы // Труды ФИА в г. Астана. Астана: Изд. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 131 – 139.
20. Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы: (старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 275 с.
21. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: 1947. Т. 1. С. 100 – 171.
22. Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.
23. Суразаков А. С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 42 – 52.

24. Таиров А. Д. Исследования памятников раннего железа в Челябинской области // АО-1984. М.: Наука, 1986. С. 155 – 160.
25. Таиров А. Д. Фигурка воина из поселка Элеватор // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 144 – 146.
26. Таиров А. Д. Взаимосвязи ранних кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана во второй половине VI – V веках до новой эры // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск, 1992. С. 96 – 98.
27. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
28. Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 50 – 61.
29. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
30. Чотбаев А. Вооружение древних кочевников кказахских степей (VIII – VI вв. до н. э.). Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 200 с.

Информация об авторе:

Чотбаев Айдос Ербулатович – аспирант гуманитарного факультета НГУ, archtopmail@mail.ru.

Aidos E. Chotbaev – post-graduate student at the Faculty of Humanities, Novosibirsk State University.

(**Научный руководитель: Худяков Юлий Сергеевич** – главный научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, доктор исторических наук, профессор, khudjakov@mail.ru.

Research advisor: July S. Khudiakov – Doctor of History, Professor, Chief Research Associate at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Статья поступила в редколлегию 20.04.2015 г.

УДК 323.329

РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В РАЗВИТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XX ВЕКА

А. М. Шамеев

THE ROLE AND PLACE OF KABARDINO-BALKARIA INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF DEMOCRATIC REFORMS AND GOVERNMENT-SOCIETY RELATIONS IN THE LATE 20TH CENTURY

A. M. Shameev

В статье дается попытка определить и показать место, значение и роль интеллигенции КБР в развитии демократических преобразований, взаимоотношениях власти и общества в конце XX века. Выявляются трудности и ошибки в процессе сближения, степени участия власти и общества в общественно-политической жизни республики на примере интеллигенции.

The paper attempts to identify and show the place, the importance and role of Kabardino-Balkaria Republic intelligentsia in the development of democratic reforms and government-society relations in the late 20th century. The author identifies the problems and errors in the process of rapprochement, the degree of participation of government and society in the public political life of the republic (with the example of intelligentsia).

Ключевые слова: интеллигенция, демократия, власть, общество, процесс, политика, республика, автономия, идеология, организация.

Keywords: intelligentsia, democracy, power, society, process, politics, republic, ideology, organization.

Развал СССР и крах перестройки подвели черту над попытками социалистического реформаторства. Кризис во всех сферах жизнедеятельности человека, группах и слоях населения, который сопровождал возникновение суверенных государств на обломках Советского Союза, был крайне тяжелым.

В большинстве новых независимых стран начался процесс формирования национальных (этнократических) государств. Одно из них – Российская Федерация. В ее состав на месте автономных республик появились республики – государства. «Образовалось 89 субъектов. Из них 21 республика, 10 автономных

округов, 49 областей, 6 краев, 1 автономная область и 2 города федерального значения: Москва и Санкт-Петербург» [3, с. 11].

Целью статьи является – показать место, значение и степень участия интеллигенции КБР в развитии демократических преобразований, взаимоотношениях власти и общества в конце XX века.

Делая небольшой историографический обзор, необходимо отметить научные монографии, основой которых стали докторские диссертации: С. И. Аккиевой, Е. Х. Апажевой, З. Я. Емтыль, Б. Х. Мамсирова, Д. Х. Мекулова, В. И. Чуприна [1, 2, 7, 14, 15,

17]. Сюда необходимо добавить авторские коллективные публикации, документальные, справочные издания и энциклопедии, в которых в той или иной степени касаются данной проблемы.

Крах тоталитарной системы и распад советской империи оставили после себя ранее никогда не встречавшийся человеческий тип, самый факт существования которого поставил под вопрос, усложнил, а иногда сделал невозможным любые прогрессивные программы по переустройству общества.

Именно в это время все застарелые, скрываемые и сдерживаемые много лет ложью идеологического и репрессивного аппарата национальные противоречия начали вырываться наружу. Это были сильнейшие элементы возрождения национального самосознания, осознания собственных интересов, протеста против давящей воли командно-административного центра [3, с. 4].

Массовая деформация сознания, которой не избежал ни один народ бывшего Советского Союза, сопоставима лишь с социально-экономическими и политическими аномалиями, происшедшими за годы коммунистического режима.

Глубокому трансмутационному воздействию подвергся и адыгский менталитет, представший еще к моменту Октябрьского переворота (1917 г.) в измененном виде в результате трагических событий связанных с Кавказской войной.

В дальнейшем трагические последствия уничтожения в 1930-е гг. адыгской (кабардинской) интеллигенции, начавшей формироваться в конце XIX – начала XX веков, проявились в относительной неспособности к позитивной самотрансформации национального сознания народа в решающий момент ее истории.

В 50 – 60-е гг. в Кабардино-Балкарии стала складываться почти на пустом месте новая прослойка национальной интеллигенции. Этому во многом способствовало постановление ЦК ВКП(б) «О работе Кабардинского обкома ВКП(б)» от 7 апреля 1948 г., в котором были особо отмечены недостатки в деятельности областной парторганизации в вопросе подготовки кадров высокой квалификации из коренных национальностей. В дальнейшем ряды интеллигенции росли как количественно, так и качественно, и именно интеллигенция на долгие годы определяла основные направления развития общества. Но ее общественно-политическая, реже творческая, активность не выходила, за редким исключением, за рамки дозволенного и полностью зависела от того, насколько ей это позволит партийная власть и органы госбезопасности.

Такое положение дел в данном вопросе было преобладающим до середины 80-х годов XX в., когда по инициативе партийно-государственных руководителей в стране, началось обновление экономических основ, политического устройства, культурной и духовной жизни общества.

Организация, политизация и интеграция национально-культурных общественных объединений в политическую систему нашей страны активно происходили в последние 10 – 15 лет прошлого столетия.

Их востребованность в то время была обусловлена беспомощностью политического руководства, неспособностью преодолеть лавинообразное нарастание социально-экономического кризиса. Поэтому национальные общественные объединения, изначально провозглашавшие культурно-просветительские цели, в конце 80-х гг. политизировались, стали активно участвовать в политике, а в начале 90-х гг. заняли лидирующее положение в политической жизни большинства национальных республик Северного Кавказа.

Так, уровень политической активности, духовно-нравственного благополучия многонациональной и многоконфессиональной Кабардино-Балкарии, как например, в Адыгее, Карачаево-Черкесии, во многом определялся позицией и характером деятельности национальных и религиозных объединений, общественных организаций, а также отделений политических партий, зарегистрированных и действующих на ее территории.

Высоким авторитетом среди своих этносов тогда пользовалась кабардинская «Адыгэ Хасэ» и балкарское «Тёре», организованные в 1985 г., под названиями «Ашамаз» и «Ныггыш» [1, с. 310 – 312; 8, с. 479].

Инициатором их создания, лидерами и основной движущей силой стали представители местной национальной интеллигенции. В целом именно они в первую очередь влияли на вектор политического развития республики.

Поначалу главными проблемами, основными направлениями их деятельности служили вопросы культурного, культурно-языкового возрождения, широкая демократизация государственной и общественной жизни республики, территориальная реабилитация репрессированных народов, изучение демократических проблем, влияние на демократические процессы в Кабардино-Балкарии. Однако постепенно под влиянием реальных политических обстоятельств на первый план в их деятельности выходят вопросы общественно-политической активности местного населения и в дальнейшем они становятся массовыми общественными организациями.

Помимо них в Кабардино-Балкарии были созданы и другие национальные общественно-политические организации и общества: славянское «Вече», татское «Тавуши», армянское «Ахбюр», грузинское «Ириони», осетинское «Ныха» и др. Их численный состав колебался от нескольких сот до нескольких тысяч.

В те годы одной из актуальных проблем общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии являлась проблема взаимодействия исполнительных органов власти с общественными объединениями, число которых росло день ото дня. Актуальной по той причине, что от этого в немалой степени зависит стабильность в обществе, а значит и успешное проведение экономических реформ. Но в условиях кризиса в политической жизни, условиях участившихся межнациональных конфликтов экономика республики, как и всей страны, оказалась в тяжелой ситуации.

В конце 80 – 90-х гг. происходит нарастание таких тенденций практически во всех территориальных образованиях страны, в том числе и в Кабардино-

Балкарии. Так, в 1991 г. «в промышленности республики произошел небывалый до этого спад производства на 1,2 %. В сельском хозяйстве также допущено сокращение реализации скота и птицы, в живом весе на 4,6 %, валовый надой молока в колхозах и совхозах уменьшился на 3,6 %, производство шерсти на 6 %. Снижение производства наблюдалось и в перерабатывающей промышленности» [10].

Если оставить в стороне весьма широкий круг вопросов, характеризующих содержание собственно политического процесса и общей социально-экономической ситуации, то взаимодействие государства и общества в той Кабардино-Балкарии осуществлялось по двум основным направлениям:

– во-первых, это целенаправленная деятельность законодательной и исполнительной власти по гармонизации межнациональных отношений и поддержания гражданского мира;

– во-вторых, это взаимодействие с наиболее активными структурами формирующегося гражданского общества – общественными и религиозными объединениями [4, с. 164].

Если сравнивать решение таких вопросов в Кабардино-Балкарии с другими республиками региона, то они успешно решались, например, в Адыгее с другими республиками региона, менее удачно – в Караево-Черкесии.

Кабардинские и балкарские национальные движения в начале 90-х гг. XX в. не были однородными по составу и политическим целям. В них входило несколько организаций, в частности «Адыгэ Хасэ», «Конгресс кабардинского народа», «Тёре», «Национальный Совет балкарского народа».

Необходимо сказать и о том, что помимо представителей местной интеллигенции они объединяли людей и других социальных слоев, политических взглядов. Разными были и лидеры этих организаций – формальные и неформальные.

Порой их деятельность определялась желанием войти во власть, личными амбициями, старыми обидами и т. д. Не всегда они были послушным оружием и не всегда выполняли те задачи, которые возлагались на них теми, кто был у власти, пример других республик, когда власть переходила из рук в руки оппозиции, подогревая амбициозные устремления части лидеров национального движения [3, с. 17 – 24; 10].

В такой ситуации власти республики были вынуждены прислушиваться к голосу этих общественных партий и движений. В частности рассмотрение любого национального вопроса в партийных инстанциях сопровождалось активизацией выдвижения собственных инициатив общественными объединениями, общественно-политическими организациями.

Благодаря настойчивости этих организаций, «мозговым центром» которых являлись представители местной, в первую очередь научной, творческой интеллигенции, в республике стали больше внимания уделять изучению кабардинского и балкарского языков. В январе 1991 г. принимается решение, по которому кабардинский, балкарский и русский языки приобретают статус государственных. Чуть позже были

приняты республиканские законы «О культуре», «О языке», «Об образовании». В учебных заведениях республики стали преподавать такие дисциплины, как «История народов КБР», «Культура и этнология народов КБР». Для этих целей в КБГУ была организована соответствующая кафедра.

При всем этом власть по мере необходимости и целесообразности использовала возможность этих организаций, но не желала тесного смыкания с национальным движением. Уже в мае 1992 г., в Кабардино-Балкарии был принят «Закон об общественных организациях», который был направлен на вытеснение этих организаций с политического поля. В Законе в частности отмечалось, что «не допускается создание и деятельность общественных объединений, имеющих целью насильственное свержение или изменение единства территории КБР» [2, с. 258].

В дальнейшем постепенный отход от деятельности «Конгресса кабардинского народа» и «Адыгэ Хасэ», умеренных сил в определенной мере радикализовал позиции этих организаций. После 1995 г. деятельность ККН была практически свернута. «Адыгэ Хасэ» также потеряла свою популярность и перестроила свою работу.

Приблизительно такая же ситуация сложилась и с балкарским Национальным Советом балкарского народа и «Тёре» после выхода ряда указов по реабилитации, возрождению балкарского народа в 1990 – 2000-е гг. на федеральном и республиканском уровне.

В целом говоря о месте, роли и участии национальной интеллигенции в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии рассматриваемого периода (*приблизительно таким же оно было и в последующие годы – А. М.*), необходимо сказать следующее: «Молчаливая, равнодушная позиция большинства кабардинской интеллигенции в те годы скорее всего означает отсутствие у нее ответственности, как за прошлое, так и за настоящие события» [13, с. 47].

«Необходимо признать, что в отличие от многих ученых обществоведов в разных регионах страны, которые смогли избавиться от приоритетных в годы застоя двоемыслия, двоедушия, большинство гуманитарной интеллигенции республики сохранило скрытую или явную приверженность коммунистической доктрине. Поддерживая консервативное руководство республики, стремящееся сохранить статус-кво, национальная интеллигенция выступает тормозом демократических преобразований. Причину его надо видеть в том, что за последние 30 – 40 лет (*Прим. автора – имеются в виду 1950 – 80-е гг.*) сложилась тесная взаимосвязь между партаппаратом и интеллигенцией» [13, с. 47].

Таким образом, с одной стороны, в силу воздействия внешних и внутренних разрушительных факторов при отсутствии консолидирующей роли интеллигенции адыгское (кабардинское) общество предстало (особенно в 90-е гг.) дезинтегрированным и дезориентированным.

С другой стороны, если оценивать роль и значение местной интеллигенции, её участие в происходящих в республике процессах за последние четверть

века, то особо следует сказать об их мобилизующей роли. Формирование национального самосознания, идеологии, консолидация всех народов, входящих в адыго-абхазскую, балкаро-карачаевскую семьи, было непосредственной заслугой адыгского и балкарского сообществ, лидерами и основной движущей силой которых являются представители интеллигенции, также следует считать установление «Дня памяти адыгов». Ежегодно с 1990 г. 21 мая в Кабардино-Балкарии, Республике Адыгея, Карачаево-Черкесии проходят траурные мероприятия, посвященные Дню памяти – жертв Кавказской войны.

С конца 80-х по начало 90-х гг. на федеральном уровне в стране местными республиканскими властями было принято большое количество указов и постановлений по реабилитации, возрождению балкарского народа. С 1994 г. 28 марта ежегодно отмечается как «День возрождения балкарского народа». В реализации всех этих вопросов большая заслуга национальных движений и организаций, а также представителей балкарской интеллигенции.

21 мая 1991 г. в Нальчике состоялся Первый Всемирный (международный) черкесский конгресс. В его работе приняли участие делегации от черкесских общин многих стран мира (США, ФРГ, Голландия, Турция, Иордания, Сирия, Израиль, Югославия и т. д.), а также правительственные делегации, представители общественных организаций черкесских землячеств и культурных обществ Адыгеи, Абхазии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев, Москвы и т. д. В соответствии с уставом основными целями и задачами МЧА являются:

- 1) содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами;
- 2) предотвращение социальных, национальных и религиозных конфликтов;
- 3) объединение усилий и координирование деятельности черкесских общественных объединений в целях сохранения и развития этнической культуры черкесов;
- 4) восстановление объективной истории черкесов и т. д. [7, с. 641 – 642].

В 1992 г. в невероятно напряженной политической и экономической обстановке, в целях сохранения и развития науки, образования и культуры была создана Адыгская (Черкесская) международная академия наук (АМАН). «В настоящее время членами АМАН являются более 300 ведущих ученых, деятелей культуры, искусства, образования, государственных и общественных деятелей многих стран мира» [12]. За время существования академия стала главным международным научным центром адыгского этноса, источником вдохновения творческой элиты нации. Сегодня роль и значение МЧА, АМАН в процессе консолидации адыгов растет с каждым годом.

Показательным примером о месте и роли интеллигенции в условиях трансформации адыгского общества является так называемый «черкесский вопрос», впервые поставленный в конце XX в. как вопрос о консолидации и перспективах «глобального»

адыго-черкесского сообщества в рамках черкесского национального движения, получившего международный характер. Своеобразным индикатором в определении позиций и предпочтений различных групп населения, в первую очередь представителей интеллигенции явилось отношение к Сочинской олимпиаде 2014 г.

В первом случае, помня историю Кавказской войны, ее определенные успехи одних и трагические ошибки и неудачи других, необходимо высказать тезис о том, что у черкесов сегодня есть собственное государство – это Российская Федерация [14]. «Российские черкесы имеют свою национальную государственность, европейски образованную национальную элиту, всемирно известных деятелей науки, культуры и спорта. Черкесы приобщались через русскую, советскую культуру к европейской и мировой культуре. Это произошло через развитие и обогащение национальной культуры» [13].

Во втором случае включение «черкесского компонента» в олимпийский проект на примере Ванкуверской олимпиады в Канаде снял многие вопросы в черкесской общественной среде (*прим. автора – в первую очередь среди ее национальной элиты*).

На сегодня в Кабардино-Балкарии зарегистрировано 42 региональных отделения политических партий, более 800 общественных организаций, из которых «на виду» не более 70 – 80.

Республиканские общественно-консультативные организации, созданные в органах власти, не выполняя своего предназначения. За последние четверть века практически ничего не изменилось. «На протяжении многих лет взаимодействие с НКО выстраивалось на основе лояльности последних к республиканским органам власти. Их деятельность, активность и участие в них интеллигенции приобрело формальный характер. По существу, власть отгородилась от многих общественных организаций, позиция которых ее не утраивает» [6].

В рассматриваемый период на развитие демократических преобразований, взаимоотношение власти с обществом оказывали влияние и приобрели большое значение средства массовой информации (газеты, радио, телевидение). Печатные и аудиовизуальные СМИ не только отражали все процессы, происходящие в обществе, но и по существу сами являлись важной частью экономической, социальной и культурной жизни страны в целом и ее регионов в частности. С годами некоторые из них укреплялись, расширялись, многие были упразднены.

Сегодня работники «журналистского цеха» остаются в авангарде общественной и политической жизни, на них лежит ответственность за формирование общественного мнения, пропаганду общечеловеческих ценностей, утверждения демократических принципов и идеалов.

«В 1990 г. в Кабардино-Балкарии издавалось 25 журналов, газет и других периодических изданий. На начало 2014 г. в республике зарегистрировано 64 печатных и электронных СМИ, 48 газет и журна-

лов, в том числе 6 республиканских и 13 муниципальных газет» [6; 9].

Во всём мире происходят процессы экономической, политической и культурной интеграции (глобализации). Поэтому современному обществу (*Прим. автора – имеется ввиду народы Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкария*) нельзя и недопустимо повторять ошибки и недостатки советского периода, начального этапа ее российской истории.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. При решении любых вопросов, касающихся всех сфер жизнедеятельности человека, необходимо взаимопонимание, взаимодействие органов власти любого уровня и общества. Они должны слышать и слушать друг друга. «Связующим звеном» в этом трудном процессе должны быть представители местной национальной элиты и интеллигенции. Будем надеяться, что такие люди у нас есть.

Литература

1. Адыгская (черкесская) энциклопедия / гл. ред. М. А. Кумахов. М., 2006.
2. Аккиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в КБР (постсоветский период) / отв. ред. М. Н. Губогло. М., 2002.
3. Апажева Е. Х. История становления современной государственности: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея. Пятигорск, 2010.
4. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии. Истоки, пути становления и проблемы. Нальчик, 1999.
5. Газета Юга. 2014. 5 июня.
6. Газета Юга. 2014. 20 марта.
7. Емтыль З. Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике (конец XIX – начало 30-х гг. XX века). Краснодар, 2010.
8. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / отв. ред. Б. Х. Бгажноков. Нальчик. 2007.
9. Кабардино-Балкария в цифрах: статистический сборник. Нальчик, 2011.
10. Кабардино-Балкарская правда. 1992. 26 февраля.
11. Кабардино-Балкарская правда. 1992. 5 июня.
12. Кабардино-Балкарская правда. 2012. 31 августа.
13. Кажаров М. Кабардинская интеллигенция в условиях посттоталитаризма // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Т. 1. / сост. и отв. ред. И. Л. Бабич. М., 1994.
14. Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. (на материалах РА, КБР и КЧР). Нальчик, 2004.
15. Мекулов Д. Х. Проблемы власти и демократии на Северном Кавказе. Майкоп, 1996.
16. Университетская жизнь. 2013. 12 октября.
17. Чуприна В. И. Интеллигенция и власть: исторический опыт взаимодействия в середине 50-х – начала 90-х гг. XX в. (на материалах Северо-Кавказского региона). М., 2000.

Информация об авторе:

Шамеев Аслан Музачирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, этнологии и истории народов КБР, КБГУ, shameev.aslan@mail.ru.

Aslan M. Shameev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Cultural Studies, Ethnology and History of Kabardino-Balkarian peoples, Kabardino-Balkarian State University.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2015 г.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
СОВЕТА РОССИЯ – НАТО
Ф. Ф. Шигапов

CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF INSTITUTIONAL COOPERATION
OF NATO-RUSSIA COUNCIL
F. F. Shigapov

Статья посвящена проблеме сотрудничества России и стран НАТО на современном этапе в рамках Совета Россия-НАТО. Автор исследует основные показатели сотрудничества между странами. Особое внимание автор уделяет программам сотрудничества Совета Россия-НАТО в борьбе с международным терроризмом. На основе анализа динамики взаимоотношений России и стран НАТО расчерчены контуры перспектив сотрудничества в будущем.

The paper focuses on challenges and perspectives of cooperation between Russia and NATO countries within NATO-Russia Council. The author studies the main indicators of cooperation among the countries. Special attention is paid to cooperation programmes of NATO-Russia Council against terrorism. Basing on the cooperation dynamics analysis, the author draws the frameworks of cooperation perspectives in the near future.

Ключевые слова: Россия, НАТО, Совет Россия-НАТО, СРН, США, ПРО, Афганистан, терроризм.

Keywords: Russia, NATO, NATO-Russia Council, the USA, ABM, Afghanistan, terrorism.

На сегодняшний день, оценивая современную международную ситуацию, следует выделить несколько основных параметров. Во-первых, современное общество переживает переходный период, означающий смену исторических эпох. Мы являемся свидетелями преобразований системы международных отношений, сопровождающихся кризисами в сферах экономики, политики и мирового сообщества в целом. Во-вторых, ускорение исторических процессов неизбежно влечет за собой изменения в расстановке сил в международной системе. Показателями являются события в Украине, на Ближнем Востоке, Восточной Европе и в ряде других регионов мира. В-третьих, в условиях качественно новых вызовов и угроз XXI в. система международных отношений становится полицентричной. Мощным державам или даже военным блокам не под силу решать глобальные задачи в одиночку. Можно констатировать, что укрепление собственной безопасности в ущерб безопасности других только порождает новые риски.

История сотрудничества России и НАТО имеет многогранную и многолетнюю динамику и может оцениваться по-разному. Несомненно, в мировом сообществе продолжает существовать блоковое мышление и одностороннее видение безопасности. Примером тому служит процесс расширения НАТО на восток или наращивание систем ПРО в Европе. Однако, вместе с тем существуют и положительные тенденции сотрудничества. Происходит осознание того, что в современном мире ответы на общие для всех вызовы могут быть найдены только на пути подлинного партнерства, на равноправной, взаимоуважительной основе и при учете интересов друг друга.

Совет Россия-НАТО (СРН) служит основным инструментом сотрудничества стран по поддержанию стабильности и гарантом принципа неделимости безопасности и выстраивания стратегического и модернизированного партнерства.

Совет был учрежден 28 мая 2002 г. на Римской конференции, в его состав в качестве равноправных членов входят 28 стран НАТО и Россия [11]. Совет

Россия-НАТО пришел на смену Совместному постоянному совету, созданному в соответствии с Основным актом Россия-НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности 1997 г., который является официальной основой отношений Россия-НАТО [8]. Согласно Римской декларации Россия и страны НАТО работают в качестве равноправных партнеров в областях, представляющих взаимный интерес для поддержания стабильности в мировом сообществе и, в частности, в Евроатлантическом регионе.

Каковы же промежуточные итоги более чем десятилетнего сотрудничества в формате Совета Россия-НАТО?

Несмотря на многолетнее соперничество двух великих держав СССР и США, эхо которого доносится до сих пор, Совету Россия-НАТО удалось выработать совместный список решений по целому ряду вопросов общей безопасности. Ключевой повесткой дня СРН является широкий круг вопросов, связанных с нераспространением оружия массового уничтожения. Было проведено большое число совместных мероприятий, экспертных семинаров в целях изучения возможностей практического сотрудничества в области защиты от ядерного, биологического и химического оружия. На Лиссабонском саммите СРН, состоявшемся 20 ноября 2010 г., была обозначена твердая поддержка активизации и модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе и готовность к продолжению диалога по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению [9]. Как наиболее подходящий формат решения данных вопросов в рамках СРН сформирована полноценная рабочая группа, деятельность которой затрагивает широкий круг вопросов, связанных с режимом нераспространения ОМУ, стрелкового оружия и легких вооружений, терроризма, контрабанды. Заседания данной группы призваны способствовать укреплению доверия, сотрудничества и двустороннего диалога между Россией и странами НАТО.

До недавнего времени Россия и НАТО осуществляли плодотворное сотрудничество в области ядерных вооружений. Для поддержки диалога экспертами был разработан глоссарий ядерных терминов и определений. В период с 2004 по 2007 гг. были проведены совместные семинары и дискуссии с целью повышения прозрачности и разработки общего понимания в области нераспространения ядерного оружия, а также укрепления доверия в целях эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации, связанные с использованием ядерного оружия. Эксперты также провели обсуждения с целью согласования общей позиции по вопросу ядерного нераспространения, были проведены консультации по вопросам возможных происшествий, связанных с ядерным оружием, и меры реагирования на обнаружение самодельных ядерных или радиационных устройств.

Одной из ключевых сфер взаимодействия в рамках СРН является сотрудничество по противостоянию угрозе терроризма. В первую очередь, это обмен информацией, усилия в области нераспространения ядерного оружия и развитие сотрудничества в области создания новых технологий по предотвращению террористических актов. Говоря об успехах работы СРН в сфере контртеррористической борьбы, следует упомянуть несколько совместных практических проектов. Одним из которых является разработка системы дистанционного обнаружения взрывчатых веществ для борьбы с террористами-смертниками в общественном транспорте – проект «Стандекс». Недавние террористические акты в Москве, Лондоне, Мадриде показали, что общественный транспорт является одной из популярных целей для террористов, что представляет огромную угрозу для гражданского населения. Целью проекта является объединение различных методов и технологий для обеспечения обнаружения, распознавания, локализации и отслеживания потенциальных террористов-смертников. Данный проект был успешно протестирован в парижском метро в конце 2013 г. [6]. Другим подобным проектом является сотрудничество в воздушном пространстве, толчком к которому послужила серия терактов в США 11 сентября 2001 г. Целью проекта является усовершенствование системы обмена информацией и взаимодействие по борьбе с террористическими угрозами в воздушном пространстве. Основные координационные центры проекта находятся в Москве и Варшаве.

Особым пунктом в сотрудничестве России-НАТО можно по праву считать взаимодействие по проблематике Афганистана. С этой целью определен целый ряд механизмов по стабилизации ситуации в регионе. В декабре 2005 г. был запущен проект обучения кадров по борьбе с наркотиками, и на сегодняшний день заявлено о подготовке свыше 2500 офицеров [1]. Однако, несмотря на прилагаемые совместные усилия, по данным Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, в Афганистане производится до 90 % героина в мире. Причем по тем же данным 21 % попадает на территорию России [2]. Столь неблагоприятная статистика отражает серьезную угрозу внутренней безопасности РФ.

В соответствии с резолюцией 1386 СБ ООН Российская Федерация оказывает содействие по наземному транзиту грузов для Международных сил содей-

ствия безопасности через российскую территорию [10]. В июле 2012 г. было подписано соглашение о передаче МССБ ульяновского аэропорта для использования в качестве транспортного узла. Аэропорт активно использовался силами НАТО при выводе войск из Афганистана.

В 2011 г. был запущен один из самых успешных проектов СРН по поддержке военно-воздушных сил ИРА. Проект включает в себя поставки вертолетов Ми-17 и Ми-35, а также подготовку летного и технического составов афганских специалистов. К концу 2014 г. на базе учебного центра ОАО «Новосибирский авиаремонтный завод» было обучено 8 групп афганских специалистов по обслуживанию вертолетов. Несмотря на это, некоторые представители НАТО несправедливо заявляют о том, что вклад России в процесс стабилизации ситуации в Афганистане по-прежнему недостаточный.

С 1996 г. Россия и НАТО сотрудничают в области совместного реагирования на чрезвычайные ситуации, такие как землетрясения и наводнения, а также в области координации обнаружения и предотвращения стихийных бедствий до их возникновения. Кроме того, в 1998 г. Россией было предложено создание координационного центра с целью совместного оперативного реагирования на стихийные бедствия, который осуществляет свою деятельность на территории всех стран Евроатлантического партнерства (28 членов НАТО и 22 стран-партнеров). Координационный центр провел ряд успешных учений по ликвидации последствий стихийных бедствий в России (Богородск, 2002, и Калининград, 2004), в Италии в 2006 г., а также в Норвегии в 2010 г. Данные учения привели к разработке конкретных рекомендаций по ликвидации последствий стихийных бедствий.

В июне 2007 г. для повышения осведомленности общественности о деятельности СРН был запущен сайт Совета Россия-НАТО в сети Интернет (<http://www.nato-russia-council.info/>). В 2011 г. был заложен фундамент для проведения регулярных совместных семинаров PR-специалистов НАТО и специалистов Управления пресс-службы и информации Министерства обороны РФ.

Анализируя более чем десятилетний период деятельности Совета Россия-НАТО в целом, можно говорить о его положительной роли в укреплении диалога между странами участниками и, в первую очередь, между Россией и США. За эти годы в рамках СРН было разработано и реализовано существенное количество практических проектов в сфере взаимных интересов, был достигнут консенсус по многим вопросам безопасности.

Однако, наряду с положительными моментами сотрудничества, между партнерами по СРН существуют и глубокие противоречия, корнями произрастающие со времен «холодной войны». В первую очередь, это расширение блока НАТО на Восток и развертывание системы ПРО в Европе, несмотря на протесты российской стороны. В целях разрешения данных вопросов Россией был предложен план по созданию совместного центра для объединения информации по ракетам и общего центра планирования и операций для обеспечения общей стратегической безопасности. По сути, Россией был предложен новый

режим транспарентности, основанный на регулярном обмене информацией между РФ и странами НАТО о существующих средствах ПРО. Тем не менее отсутствие понимания со стороны основных стран-участников НАТО, особенно в связи с последними событиями на Украине, указывает на восприятие ими России в качестве потенциального противника, которого необходимо сдерживать, и показывает нежелание осознания ими новых реалий современной международной системы. Доказательством служит заморозка, по инициативе Североатлантического альянса, сотрудничества между РФ и странами НАТО на неопределенный срок. Как говорится в Заявлении министров иностранных дел стран НАТО в связи с украинским кризисом от 01.04.2014 г.: «Мы приняли решение приостановить все практическое гражданское и военное сотрудничество между НАТО и Россией. Наш политический диалог в Совете Россия-НАТО может продолжаться по мере необходимости на уровне слов и выше, чтобы позволить нам обмениваться мнени-

ниями прежде всего об этом кризисе» [5]. В официальном комментарии по этому поводу представителя МИД РФ А. К. Лукашевича от 02.04.2014 г. разрыв сотрудничества НАТО с Россией квалифицируется как возврат к риторике «холодной войны» [7].

После этого многие российские и зарубежные эксперты заговорили о том, что страны НАТО больше не воспринимают Россию в качестве полноценного партнера. Принятые 29 декабря 2014 г. новая Военная доктрина РФ [3] и 6 февраля 2015 г. новая Стратегия национальной безопасности США явно отражают рост недоверия и напряженности между Москвой и Вашингтоном, который квалифицирует "российскую агрессию" как "серьезный вызов" Соединенным Штатам [4]. Однако есть основания полагать, что сохранение политического диалога в рамках СРН на дипломатическом уровне в совокупности с ранее проделанной работой могут способствовать возобновлению сотрудничества России и НАТО в дальнейшем.

Список источников и литературы

1. Информационный лист о практическом взаимодействии в рамках Совета Россия-НАТО от 28 ноября 2012 г. Режим доступа: http://www.nato-russia-council.info/media/82207/2012.11.28_nrc_practical_cooperation_factsheet.pdf (дата обращения: 16.09.2014).
2. Богданов В. Наркотрафик в Москву растет // Российская газета: интернет издание. 18.01.2013 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/01/18/narkotiki-site.html> (дата обращения: 15.09.2014).
3. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета: интернет издание. 30.12.2014 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 10.02.2015).
4. В новой стратегии нацбезопасности США говорится о вызове со стороны России // ТАСС: интернет издание 06.02.2015 г. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1750306> (дата обращения: 10.02.2015).
5. Заявление министров иностранных дел стран НАТО в связи с украинским кризисом от 01.04. 2014 г. Режим доступа: <http://www.nato.int/nrc-website/ru/articles/20140327-announcement/index.html> (дата обращения: 17.09.2014).
6. Минеев А. Россия и НАТО испытали систему дистанционного обнаружения взрывчатки // Новая Газета: интернет издание. 31.10.2010 г. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/news/143980.html> (дата обращения: 17.09.2014).
7. Ответ официального представителя МИД России А. К. Лукашевича на вопрос СМИ о решении НАТО приостановить сотрудничество с Россией в связи с ситуацией на Украине. 02.04.2014 г. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/CDE97123B656A45444257CAE003059E0 (дата обращения: 17.09.2014).
8. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора от 27 мая 1997 г. Режим доступа: http://www.nato-russia-council.info/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf (дата обращения: 15.09.2014).
9. Президент России. Пресс-конференция по итогам заседания Совета Россия-НАТО. 20 ноября 2010 г., 20:30 Лиссабон. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/9570> (дата обращения: 16.09.2014).
10. Резолюция № 1386 (2001), принятая Советом Безопасности ООН в г. Нью-Йорке 20.12.2001 на 4443-ем заседании. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=11691> (дата обращения: 15.09.2014).
11. NATO-Russia Council Rome Declaration, Rome, 28 May 2002. Режим доступа: http://www.nato-russia-council.info/media/59487/2002.05.28_nrc_rome_declaration.pdf (дата обращения: 15.09.2014).

Информация об авторе:

Шигапов Фанис Фидатович – аспирант Казанского (Приволжского) Федерального университета, f.shigapov@inbox.ru.

Fanis F. Shigapov – post-graduate student at Kazan (Volga Region) Federal University.

(Научный руководитель: **Пеньковцев Роман Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Roman.Penkovtsev@kpfu.ru).

Research advisor: Roman V. Penkovtsev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University).

Статья поступила в редколлегию 09.02.2015 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37(091)

СОТРУДНИЧЕСТВО СЕМЬИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ОБУЧАЕМЫХ*Л. В. Барина, И. Ф. Плетенёва*THE COOPERATION BETWEEN THE FAMILY AND THE EDUCATIONAL INSTITUTION
AS A MEANS OF STUDENTS' DEVELOPMENT*L. V. Barinova, I. F. Pleteneva*

В статье представлен опыт сотрудничества родителей и педагогов учебных заведений XIX в. в вопросе воспитания. Показано, что сотрудничество во многих гимназиях и школах XIX в. дало прекрасные результаты. Представлены результаты исследования процесса взаимодействия учителей и родителей, обучающихся в школах города Липецка: МБОУ СОШ № 21, 52, 65. Целью исследования является оценка современного состояния процесса взаимодействия, понимание сущности взаимодействия педагогами и родителями, использование педагогами основных форм и методов, наличие и использование опыта в процессе взаимодействия.

The experience of collaboration between 19th-century parents and teachers on the issue of upbringing is presented in the paper. The authors show that the collaboration in many gymnasias and schools of the 19th century had outstanding results. The results of investigation of the process of co-operation between school teachers and students' parents at schools № 21, 52, 65 in the town of Lipetsk are provided. The aim of the research is evaluating the modern state of the process of co-operation, understanding the essence of teacher-parent co-operation, using the basic forms and methods, presence and using of experience in the process of co-operation.

Ключевые слова: взаимодействие, педагоги, родители, школа, опыт, сущность.

Keywords: co-operation, teachers, parents, school, experience, essence.

В условиях нестабильности в социальной жизни общества особое внимание следует уделять воспитанию молодежи, развитию подрастающего поколения.

Болонская декларация, Концепция модернизации российского образования нацеливают на развитие и совершенствование школьного образования. В ряду важнейших проблем современности выделяется проблема взаимодействия семьи и педагогов.

Принятие в 2012 г. Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» законодательно закрепило обязанность и ответственность родителей за физическое, нравственное и интеллектуальное развитие ребенка (ст. 44. п. 1), и обязанность образовательных организаций – оказывать помощь родителям несовершеннолетних обучающихся в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, в развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития» (ст. 44, п. 2) [1]. Именно объединение усилий семьи и школы в воспитании детей законодательно закреплено в официальных документах (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Профессиональном стандарте педагога, Федеральных образовательных стандартах второго поколения) [1; 7; 9].

Реформы образования в новых исторических условиях, поиск новых образовательных парадигм, ценностных ориентиров побуждают исследователей к изучению передового исторического опыта отечественной школы.

С целью изучения взаимодействия образовательного учреждения и семьи нами был исследован

XIX век. Это время великих реформ и свершений в истории нашего государства. Этот период дал богатейший материал в изучении проблемы взаимодействия семьи и школы. Обращение к истории народного образования, позволит найти новые формы и эффективные методы в организации взаимодействия семьи и школы. Исторический педагогический опыт поможет нам решить многие современные проблемы.

Обратимся к классикам педагогики, изучавших вопрос сотрудничества семьи и образовательного учреждения в вопросе развития учащихся.

На необходимость сотрудничества родителей и учителей одним из первых обратил внимание классик зарубежной педагогики Я. А. Коменский. Он создал принципиально новую парадигму взаимоотношений семьи и школы: они должны взаимодействовать, не подменяя друг друга, а помогая друг другу. Великий педагог сформулировал и одно из основных правил сотрудничества семьи и школы: «Стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, самими учебными предметами, методом обучения и школьным начальством...» [3]. Тем самым Я. А. Коменский подчеркнул главное условие успешного образования и воспитания – единство целей и задач воспитания, единство требований к ребёнку.

Среди множества педагогов, поддерживающих взгляды Я. А. Каменского, следует отметить великого педагога В. Я. Стоюнина, который утверждал, что школа должна искать себе помощи в семье, призывать её на свои совещания, выслушивать её требования;

семья же должна смотреть на школу как на свою помощницу в деле, которое ей ближе всего, но которого она одна не может выполнить [8]. Им справедливо отмечается, что «Благотворность правильных взаимоотношений школы и семьи доказана уже на деле. Такие отношения крайне желательны в виду той пользы, какую школа должна приносить обществу. Ведь между обществом и семьей существует неразрывная связь, и интересы их тесно соприкасаются, если не сливаются» [8].

Педагоги понимали, что прежде чем приступить к вопросу сближения и взаимодействия с родителями, необходимо выделить основной момент: вложить в сознание родителей мысль, что родители наравне со школой несут ответственность за воспитание ребенка; семья должна стать союзником и помощником школе в деле воспитания и образования детей.

Этому способствовали научно-педагогические труды видных ученых XIX века. Серьезное внимание координация семейного и школьного воспитания отводилось в трудах В. П. Вахтерова, П. Ф. Лесгафта, Л. Н. Толстого, Н. Д. Ушинского и др. Названные педагоги переосмысливали прежний опыт и предлагали конкретные пути улучшения опыта сотрудничества семьи и школы.

Проблема взаимодействия семьи и школы была и в центре внимания П. Ф. Каптерева. Взгляды педагога на процесс взаимодействия опирались на глубокие знания, что позволило ему сформулировать основные правила взаимодействия семьи и школы, отдавая приоритет семье. Хорошая школа должна действовать «в непосредственной связи с семьей и под ее влиянием». Они должны идти «рука об руку ...поддерживать и восполнять друг друга», считал П. Ф. Каптерев [2].

В. П. Кащенко, В. Я. Стоюнин и ряд других педагогов, поддерживая П. Ф. Каптерева, основным направлением в деле сближения семьи и школы считают повышение педагогической культуры, просвещение родителей, наряду с которым говорят о совместной деятельности образовательного учреждения и семьи.

Необходимо отметить, что сближение школы и семьи прошло непростой и тернистый путь. На протяжении всего XIX века осуществлялся поиск путей сотрудничества родителей и педагогов.

Следует заметить, что вопросы сотрудничества семьи и школы являлись не только предметом теоретических обсуждений и рекомендаций. Вторая половина XIX века продемонстрировала наличие в отечественных частных учебных заведениях определенного опыта сотрудничества родителей и учителей.

В частных гимназиях (таких, как Л. И. Поливанова, Ф. И. Креймана и Н. П. Хвостовой, частная школа К. И. Мая, сельские школы С. А. Рачинского и др.) всячески старались создать семейную, домашнюю обстановку, что положительно сказывалось на успеваемости и поведении воспитанников. Сотрудничество находило проявление в благоустройстве школы; в выборе преподавателей и школьной администрации; в оборудовании учебных кабинетов; в организации учебно-воспитательного дела, совместно организованных праздников и концертов и др. В этих учебных заведениях воспитатели и родители часто являлись единомышленниками, благодаря чему в та-

ких образовательных учреждениях создавалась дружеская семейная атмосфера сотрудничества. Родители оказывали школе не только финансовую поддержку, но и присутствовали на экзаменах, проводили беседы с малоуспевающими и недисциплинированными учениками, посещали школьные праздники и вечера, участвовали в оборудовании классов и кабинетов [4 – 5; 11].

Таким образом, взаимодействию преподаватели гимназий уделяли огромное значение, и, действительно, данная работа была продуктивной, потому, что как свидетельствуют источники, гимназисты были более образованными, развитыми и дисциплинированными, высоконравственными, благородными по отношению к другим людям.

О первых шагах в вопросе взаимодействия семьи и школы, предпринятых на практике гимназиями, читаем в «Журнале для родителей и наставников» (1865 г.): «С некоторого времени совещания гимназических советов начали сосредотачиваться по преимуществу на вопросе: «о сближении школы с обществом». Начали придумываться в гимназиях меры к такому сближению, и педагогическая литература наша стала наполняться известиями, как о самих мерах, так и об отзывах и суждениях об них pro и contra» [5].

О первом опыте привлечения родителей к управлению учебно-воспитательным процессом узнаем из протоколов педсоветов Московской 1 мужской губернской гимназии (с 1865 г. по 1871 г.). «В учебно-воспитательном русле гимназии значительно расширилась деятельность педсовета (состоял из учителей и родителей). Педсовет обсуждал вопросы, связанные с жизнью учеников в стенах гимназии и дома, всячески укреплял связь семьи и школы» [12].

Варианты взаимодействия педагогов и родителей разрабатывались обычно в частных учебных заведениях, как свидетельствуют П. А. Лебедев, Е. Л. Шарапова [4]. Они сыграли видную роль в русской педагогике второй половины XIX в. Их опыт оказывал благотворное влияние на государственные учебные заведения в организации учебно-воспитательного процесса.

Педагоги, перечисленных учебных заведений, стремились к тому, чтобы научные познания, получаемые в школе, способствовали «созданию просвещенного человека в широком смысле этого слова, с широким и светлым умственным и нравственным горизонтом, с ясными и твердыми нравственными понятиями, с возвышенными чувствами и благородными стремлениями, глубоко проникнутого духом научного идеализма» [10].

Вопросы воспитания воли в учениках, развитие тех нравственных навыков и привычек, которые являются существенными и отличительными признаками человека благовоспитанного, были в центре внимания педагогического коллектива вышеперечисленных гимназий и рассматривались на педагогических советах с приглашением родителей. Открытость и бескорыстие, высокая заинтересованность сотрудников и преподавателей гимназий, родителей в полноценном образовании гимназистов в сочетании с высоким уровнем воспитанности, нравственности способствовали созданию уникальной образовательной среды, сделавшей эти учреждения истинно передовыми для того времени.

Осмысление деятельности образовательных учреждений XIX в. приводит к пониманию того, что развитие способностей, воспитание личности во многом определяются таким фактором, как взаимодействие педагогов и родителей [11].

Несомненно, накопленный опыт, подготовленные кадры оказали немаловажное положительное влияние как на родительскую общественность, так и на педагогов XIX в. К сожалению, наработки российских педагогов, в том числе в вопросах взаимодействия, не получили широкомасштабного внедрения в образовательные учреждения. Однако крупницы новых идей, внедренных в педагогическую деятельность в XIX в., мы используем сегодня, придав им новое направление.

Таким образом, XIX век в истории России явился временем, положившим начало развитию процесса сотрудничества педагогов и родителей в воспитании молодого поколения. Воспитанность проявлялась у гимназистов именно от того, что этот процесс взаимодействия был построен достаточно продуктивно.

Более того, педагогам не удалась бы попытка воспитания образованного, развитого школьника, если бы не было понимания и поддержки со стороны родителей. На наш взгляд, именно контроль со стороны родителей, взаимодействие семьи и школы в воспитании ребенка играют ключевую роль в решении данной проблемы. Поэтому в настоящее время возрастает роль взаимодействия школы и семьи в воспитании подрастающего поколения.

Сказанное побудило нас изучить состояние процесса взаимодействия школы и семьи на современном этапе. Было проведено исследование в 3-х средних общеобразовательных школах г. Липецка: МБОУ СОШ № 21, 52 и 65. В исследовании приняли участие 62 педагога и 70 родителей. Респондентам были предложены анкеты, содержание которых предполагало, выяснить, насколько педагоги ценят взаимодействие с семьей, а родители – со школой.

Опрос показал, что все 100 % опрошенных педагогов считают, что взаимодействие семьи и школы необходимо. Более того 80 % педагогов при решении проблем поведения, успеваемости, взаимоотношения обучаемых с одноклассниками, регулярно обращаются к родителям за содействием. Они уверены, что эти вопросы необходимо решать сообща.

Третья часть опрошенных педагогов отметила необходимость взаимодействия с семьей только в ситуациях, когда у детей возникают какие-либо проблемы, и ребенок нуждается в помощи или совете. В остальном, считает эта часть педагогов, они способны справляться самостоятельно, без помощи родителей, в решении проблем воспитания и обучения.

В то же время, положительно относятся к посещениям родителями школы 97 % учителей. Из этого числа 83 % не отрицают полезности регулярных встреч с родителями. А вот организуют регулярные встречи из числа педагогов данной группы – 60 %. В процессе встреч они выясняют состояние здоровья ученика, обсуждают проявление тех или иных индивидуальных и социально-психологических качеств ребенка, его интересы.

Обнаружилась группа педагогов (12 %), которая встречается с родителями только на родительских собраниях или открытых классных мероприятиях.

Неожиданным оказалось мнение педагогов (66 %) и родителей (20 %) о том, что школа, в первую очередь, должна обеспечить высокое качество знаний, а только во вторую – воспитывать нравственные качества ученика. Полученные данные в ходе анкетирования противоречат положению Профессионального стандарта педагога, вступающего в силу в 2017 г., где отмечена роль педагога, как ключевая, в вопросах *воспитания* ребенка. Здесь же указывается на важность владения педагогом умениям поддерживать конструктивные воспитательные усилия родителей учащихся и привлекать семью к решению вопросов *воспитания* ребенка (ч. 4.2, п. 14.) [7].

На наш взгляд, педагоги не совсем четко представляют значимость воспитательной функции, которую они должны реализовывать в профессиональной деятельности.

Небезынтересно было выяснить причины стремительно снижающегося уровня воспитания и образования детей на современном этапе, отмеченные педагогами. Так, 76 % педагогов полагают, что на уровень образования и воспитания детей негативно сказывается низкий уровень педагогических знаний родителей. По их мнению, низкий уровень педагогических знаний родителей препятствует взаимодействию семьи и школы. Но из этого числа лишь 19 % педагогов считают, что повышение педагогических знаний у родителей – это недоработка педагогов с семьей.

Полученные результаты показали, что педагоги отвечали на вопросы достаточно уверенно, говорили о необходимости взаимодействия с родителями, о том, что семья должна заниматься воспитанием, а педагог – помогать семье.

Далее были предложены вопросы, предполагающие уточнение о представлениях педагогов о взаимодействии. На вопрос: «Как Вы понимаете сущность взаимодействия?». Педагоги не смогли дать исчерпывающий ответ. Следующий вопрос: «Чей опыт установления взаимодействия с семьей Вы могли бы взять для себя, как образец?». Ответы: 33 % опрошенных педагогов назвали имена А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского, а 60 % затруднились ответить на данный вопрос.

Следующий вопрос касался изучения источников получения знаний педагогами о сущности взаимодействия. С данной целью педагогам был задан вопрос: «Откуда Вы берете информацию о формах, методах и способах взаимодействия с родителями (художественная литература, научные книги, методические пособия и т. д.)?». Более половины опрошенных ответили, что источником информации выступают методические пособия и педагогические журналы. Но никто не назвал источником знаний о взаимодействии опыт коллег той же школы или другой школы. На вопрос: «Знакомы Вы с исторической литературой по педагогике и можете привести пример из истории педагогики об опыте взаимодействия семьи и школы в истории педагогики?». Ни один педагог не ответил положительно.

Думается, причина низкой информированности педагогов кроется в загруженности учебной работой, подготовкой материалов к урокам, отсутствием коллегиальности в оказании помощи педагогам в выполнении ими профессиональных функций. Напрашивается сам собой вывод – они пользуются какими-то устаревшими формами работы.

Выявленная негативная ситуация побудила нас обратиться к истории педагогики и посмотреть, как складывался опыт взаимодействия школы и родителей в XIX в. Мы считаем, что обращение к истории, изучение исторического опыта позволяют сегодня показать современному педагогу, что сейчас, в век современных технологий, необходимо расширять кругозор, обогащать себя глубокими разносторонними знаниями.

Именно история знакомит нас с примерами начитанности и высокообразованности педагогов. Изученные нами архивные материалы свидетельствуют о широте кругозора и глубине знаний педагогов.

Обратимся к результатам исследования родителей по их пониманию сущности взаимодействия.

Опрос показал: 98 % родителей считают, что взаимодействие семьи и школы необходимо в современном обществе; 90 % родителей полагают, что регулярное взаимодействие со школой в воспитании и обучении детей необходимо.

Более 60 % родителей считают, что воспитанием должны заниматься семья и школа вместе. Это вполне объяснимо: родители в достаточной степени осознают трудности связанные с обучением и воспитанием детей, понимают, что только совместными усилиями с педагогами можно достичь хороших результатов.

В то же время более 50 % родителей считают, что у них достаточно знаний и опыта в воспитании детей. А 72 % опрошенных родителей отметили, что, посещая родительские собрания и консультируясь с педагогами, они стали лучше разбираться в индивидуальности своего ребенка.

Залогом эффективного взаимодействия семьи и школы являются доверительные взаимоотношения родителей с педагогами. Следует отметить, что у 90 % родителей сложились доброжелательные отношения с педагогами и классными руководителями (10 % отметили, что у них нейтральные отношения); более 82 % считают себя партнёрами школы, 5 % – влиятельными, 11 % – зависимыми от педагога людьми.

Литература

1. Закон Российской Федерации «Об образовании». Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2974/файл/1543/12.12.29>
2. Каптерев П. Ф. История педагогики. СПб.: Типография В. Безобразов и К°, 1915. 770 с.
3. Коменский Я. А. Великая дидактика. Избр. пед. соч. М.: Учпедгиз, 1955. С. 243 – 245.
4. Лебедев П. А. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
5. Пискунов А. И. История педагогики и образования. М.: Сфера, 2001. 512 с.
6. Поташник М. М., Левит М. В. Как помочь учителю в освоении ФГОС. М.: Педагогическое общество России, 2014. 320 с.
7. Профессиональный стандарт педагога. Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н. Режим доступа: <http://sovnet-edu.ru/documents/>
8. Стоюнин В. Я. Педагогические сочинения. СПб.: Типография Училища глухонемых, 1892. 568 с.

Наиболее важным, на наш взгляд, является вопрос контроля ребенка родителями вне стен школы, так как отсутствие такового со стороны семьи отрицательно сказывается на поведении и успеваемости учащихся. Солидарны с педагогами в данном вопросе 76 % опрошенных родителей. Они считают, что необходимо осуществлять постоянный контроль за ребёнком вне школы.

Полученные данные позволяют констатировать:

- педагоги и родители не владеют полной информацией о значимости процесса взаимодействия;
- педагоги не проявляют должного интереса к повышению качества взаимодействия с семьей, изыскивать новые интересные формы сотрудничества;
- педагоги не изучают и не анализируют опыт коллег по взаимодействию с семьей;
- у педагогов отсутствует потребность обращения к историческому опыту организации педагогического процесса в целом и отдельных его составляющих.

Мы считаем решение всех названных проблем может стать полным и обоснованным, если осмыслить феномен взаимодействия семьи и школы, который обуславливает обращение к историческому опыту совместной деятельности родителей и педагогов, ибо «проводница наша – история с ее светочем, с уроками и опытами, которые она отбирает у убегающего от нас прошедшего» (В. Ю. Ключевский).

К тому же, здесь уместно будет привести слова М. М. Поташника, действительного члена (академика) российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора: «Эрудированные педагоги восприняли нововведение (введение ФГОС) спокойно, поскольку были методологически подготовлены, понимая, что все новое вырастает из уже накопленных знаний и опыта, что всякая новизна относительна» [6].

Таким образом, педагог обязан знать историю, он должен не только читать историческую литературу, а изучать её, анализировать. Это поможет избежать ошибок, найти собственный стиль деятельности.

Знание истории необходимо каждому образованному человеку, а педагогу в особенности. Один из первых русских историков, крупный государственный деятель XVIII в. В. Н. Татищев считал, что человек, не знающий истории, «совершен, мудр и полезен быть не может».

9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 06. 10. 2009 г. № 373. Режим доступа: <http://moh-school.ru/documents/fgosnoo/>

10. Фомичёв И. В. Развитие общеобразовательной школы России до 1917 г. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 156 с.

11. Холодный Г. М. Историческая записка Тамбовской гимназии. 1786 – 1886. Тамбов: Типо-литография Д. С. Семенова, 1887. 328 с.

12. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 371. Оп. 1. Д. 64. 1-ая Московская мужская гимназия. Годовой отчет гимназии за 1871 г.

Информация об авторах:

Барина Лариса Владимировна – аспирант кафедры педагоги начального обучения, заместитель директора МБОУ СОШ № 21 г. Липецка, barinavalora@mail.ru.

Larisa V. Barinova – post-graduate student at the Department of Primary Education, Deputy Director at Secondary School № 21, Lipetsk.

(Научный руководитель – **И. Ф. Плетенёва**).

Плетенёва Ирина Финогеновна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, г. Елец.

Irina F. Pleteneva – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Pre-School and Special Education, Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 19.03.2015 г.

УДК 378:796.03

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОК ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СИЛОВОГО НОРМАТИВА КОМПЛЕКСА ГТО

Ю. И. Гришина, Т. Е. Ковшура

MONITORING OF FEMALE STUDENTS' PHYSICAL FITNESS IN THEIR PERFORMANCE OF THE GTO STRENGTH STANDARD EXERCISES

Yu. I. Grishina, T. E. Kovshura

В статье изложен мониторинг состояния силовой подготовленности мышц рук студенток, благодаря использованию методики, направленной на улучшение силовых способностей мышц плечевого пояса.

Методы: педагогический эксперимент, тестирование, статистическая обработка данных.

Материалы. Сдача нормативов комплекса ГТО требует постоянного поддержания хорошей физической подготовленности населения. Благодаря внедрению комплекса ГТО в образовательные учреждения повысится эффективность системы физического воспитания в целом. Физическая культура в вузах – это заключительное учебное заведение, где студентов помимо подготовки к сдаче нормативов ГТО обучают различным средствам для поддержания и повышения их физической подготовленности в дальнейшем. При этом происходит приобщение к систематическим занятиям, формирование необходимых знаний, умений и навыков.

Результаты. Экспериментальные данные подтвердили эффективность предложенной методики, благодаря которой улучшились силовые показатели мышц рук, вследствие чего повысились результаты в сдаче таких нормативов, как «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» и «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине».

Заключение. В данной статье рассматривается методика, направленная на повышение уровня силовых способностей плечевого пояса студенток, использование которой поможет сдать студенткам силовые нормативы для мышц рук комплекса ГТО на более высокую оценку.

The paper describes the monitoring of the state of female students' arms power muscles with the use of the methods aimed at improving muscle strength abilities of the shoulder girdle.

Methods: pedagogical experiment, testing, statistical data processing.

Materials. Performing the standards set by the GTO requires constant maintenance of good physical fitness of the population. Due to the introduction of GTO complex in educational institutions, the effectiveness of the system of physical education will increase in general. Physical education in universities as the final educational institution implies that in addition to preparation for performing GTO standards students are taught various tools to maintain and enhance their physical fitness in the future. This involves an introduction to systematic studies, the formation of the necessary knowledge and skills.

The Results. Experimental data confirmed the effectiveness of the proposed method by which power performance arm muscles improved; consequently, the results of performing such exercises as 'push-up in front leaning support' and 'pull up from the low'.

Conclusion. This paper describes a technique aimed at increasing the level of the shoulder girdle strength abilities of students, the use of which will help their performance of the GTO arm strength standard exercises with a higher grade.

Ключевые слова: Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс ГТО, учебный процесс, нормативные требования комплекса ГТО, силовые способности, студенты.

Keywords: GTO Russian sports complex, learning process, regulatory requirements set by the GTO, power capacity, students.

Введение

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации № 540 от 11 июня 2014 г. было утверждено Положение о комплексе ГТО для создания эффективной системы физического воспитания в нашей стране. Оно направлено на повышение общей физической подготовки человека, на развитие всех физических качеств (силы, быстроты, гибкости, ловкости и выносливости) [5].

Комплекс ГТО состоит из 11 ступеней в соответствии с возрастными группами населения от 6 до 70 лет и старше. В каждой ступени определены нормативы по 3-м уровням трудности, которые соответствуют золотому, серебряному и бронзовому значкам ГТО. Именно при выполнении нормативов оценивается уровень развития физических качеств в соответствии с возрастом и полом испытуемых.

Возрождение комплекса ГТО направлено на мотивацию всех граждан, в том числе и студенческой молодежи, к здоровому образу жизни и занятиям спортом. Для студентов вузов от 18 до 30 лет разработана 6-я ступень «Физическое совершенство». Нормативно-тестирующая часть этой ступени ГТО предусматривает обязательные виды испытаний и тесты по выбору, позволяющие определить разностороннее развитие человека и степень владения прикладными навыками. Обязательные испытания (нормативы) направлены на определение уровня развития скоростно-силовых способностей, выносливости и гибкости человека [3].

Следует отметить, что большая часть тестов ГТО совпадает по видам и нормативным требованиям при получении зачета студентами в вузе по дисциплине «Физическая культура». Однако, получить зачет студентам за семестр значительно проще, чем золотой, серебряный или бронзовый значок ГТО.

Анализируя результаты сдачи нормативов, мы определили, что наибольшую трудность для студентов представляет силовой норматив «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» [7]. В связи с этим, чтобы эффективно реализовать нормативную программу ГТО в новом учебном году, была разработана и внедрена в учебно-практические занятия методика, направленная на улучшение силовых способностей мышц рук студенток.

Методика

В экспериментальном исследовании приняли участие 111 студенток 1 курса. На первом этапе исследования были организованы две группы девушек: контрольная ($n = 53$) и экспериментальная ($n = 58$). В начале эксперимента нами был изучен уровень силовых способностей мышц рук следующими нормативами: «сгибание-разгибание рук в упоре лежа» и «подтяги-

вание из виса лежа на низкой перекладине». Также был проведен сравнительный анализ полученных данных студенток с нормативными требованиями комплекса ГТО в соответствии с их возрастной группой.

Студентки контрольной группы в течение экспериментального периода посещали учебные занятия 2 раза в неделю по 2 часа по расписанию без нашего вмешательства. В экспериментальной группе учебный процесс строился в соответствии с разработанной нами методикой. Она состояла из трех этапов, каждый из которых продолжительностью один месяц:

- на первом этапе учебно-практические занятия были направлены на развитие силовой выносливости мышц рук с использованием облегченных вариантов «сгибания – разгибания рук в упоре лежа». Упражнения (сгибания – разгибания рук) выполнялись у стены; из исходного положения упор лежа, руки на возвышении (гимнастическая скамейка); упражнения выполнялись до утомления в одном подходе. Постепенно число подходов увеличивалось до трех с интервалом отдыха между подходами не более двух минут. Сгибать руки в локтевых суставах требовалось до касания грудью опоры, не расслабляя при этом мышцы живота, спины и бедер. Также на каждом этапе применяются упражнения в висе лежа на низкой перекладине, удержание данного положения на согнутых руках и подтягивания с помощью преподавателя;

- на втором этапе подготовки применялись упражнения для более глубокой проработки мышц, задействованных в данном упражнении: сгибание – разгибание рук в упоре лежа, стоя на коленях с широкой и узкой постановкой рук, различным положением кистей, сгибание – разгибание рук из положения упора сидя сзади на краю гимнастической скамейки. Все вышеперечисленные упражнения выполнялись в трех сериях по 10 – 12 раз в каждой, с интервалом отдыха между сериями не более двух минут [1];

- на третьем этапе подготовки использовались упражнения сгибание – разгибание рук на скамейке в упоре лежа, выполняя 3 – 4 подхода с количеством раз, составляющим 60 % от максимума, а также выполнение любого вида «сгибание – разгибание рук» с общим количеством повторений не менее 100 раз [6]. Для правильной техники выполнения силового норматива регулярно использовались упражнения для стабилизации положения туловища, такие как: упор лежа на предплечьях («планка»); боковой упор на правое и левое предплечье («левая и правая боковая планка»); удержание положения упора лежа. Данные упражнения выполнялись с удержанием позы 15 – 30 секунд на каждом занятии.

На третьем этапе исследования был проведен сравнительный анализ контрольной и эксперимен-

тальных групп по результатам сдачи «сгибания – разгибания рук в упоре лежа» и «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине», а также сравнение данных экспериментальной группы с нормативными требованиями комплекса ГТО.

Результаты исследования и их обсуждение

В начале эксперимента при анализе результатов сдачи норматива «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» студентками 1-го курса высокий уровень силовой подготовленности мышц рук (оценка «5») показало 20 % испытуемых в контрольной группе и 19 % в

экспериментальной; на оценку «4» выполнило 2 % в контрольной и 3 % студенток в экспериментальной группах; удовлетворительную оценку («3») имеют – 8 % и 7 % занимающихся в контрольной и экспериментальной группах; на неудовлетворительную оценку («2») сдало – 27 % и 28 % учащихся соответственно; на оценку «1» сдало – 6 % в контрольной и 4 % студенток в экспериментальной группах и не сдало, не выполнив ни разу – 37 % в контрольной и 39 % испытуемых в экспериментальной группах (рис. 1).

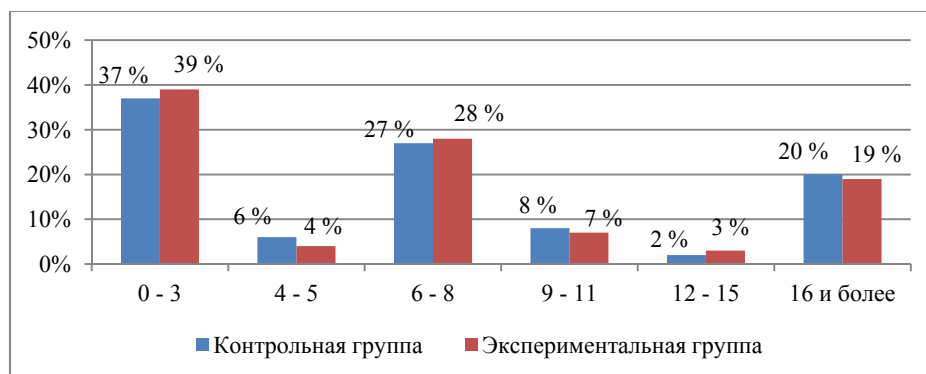

Рис. 1. Показатели силовых способностей мышц рук при выполнении норматива «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» до эксперимента в контрольной и экспериментальной группах

Таким образом, почти половина девушек в каждой группе не смогла выполнить силовой норматив комплекса ГТО, «сгибание – разгибание рук в упоре лежа», если не уделять должного внимания повышению силовой подготовленности на учебных занятиях по физической культуре.

Альтернативным вариантом сдачи обязательного силового норматива ГТО является «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине». Но полученные данные оказались намного хуже, чем при сдаче «сгибания – разгибания рук в упоре лежа». Высокий уро-

вень силовой подготовленности мышц рук не показала ни одна студентка из контрольной и экспериментальной групп (0 %), оценку «хорошо» имеют 4 % в контрольной и 7 % занимающихся в экспериментальной группах, удовлетворительную оценку получило 15 % и 14 % испытуемых соответственно. Остальные студентки, 81 % в контрольной группе и 79 % в экспериментальной группах, показали результаты ниже, чем прописано в нормативных требованиях ГТО (рис. 2).

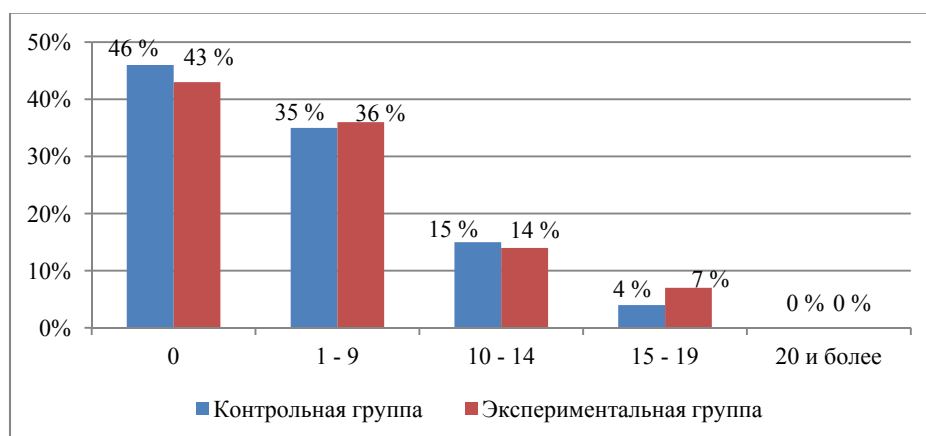

Рис. 2. Показатели силовых способностей мышц рук при выполнении норматива «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» до эксперимента в контрольной и экспериментальной группах

По окончании эксперимента при анализе результатов сдачи норматива «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» студенток 1 курса в контрольной группе произошли небольшие сдвиги в лучшую сторону. В экспериментальной группе высокий уровень силовой подготовленности мышц рук (оценка «5») показало 24 % испытуемых, на оценку «4» выполнило 7 % сту-

денток, удовлетворительную оценку («3») имеют 11 % занимающихся, на неудовлетворительную оценку («2») – 35 %, на оценку «1» – 8 % и не сдало, не выполнив ни разу – 15 % обучающихся (рис. 3).

По итогам заключительного тестирования норматива – «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» – в экспериментальной группе высокий уро-

вень силовой подготовленности мышц рук показало 3 % студенток, оценку «хорошо» имеют 10 % испытуемых, удовлетворительную оценку получило 15 %

обучающихся, ниже норматива бронзового значка выполнило 78 % в контрольной группе и 72 % в экспериментальной (рис. 4).

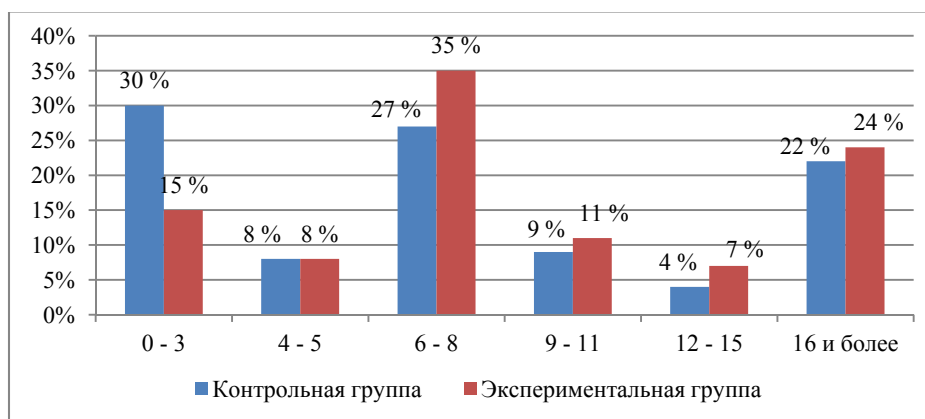

Рис. 3. Показатели силовых способностей мышц рук при выполнении норматива «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» после эксперимента в контрольной и экспериментальной группах

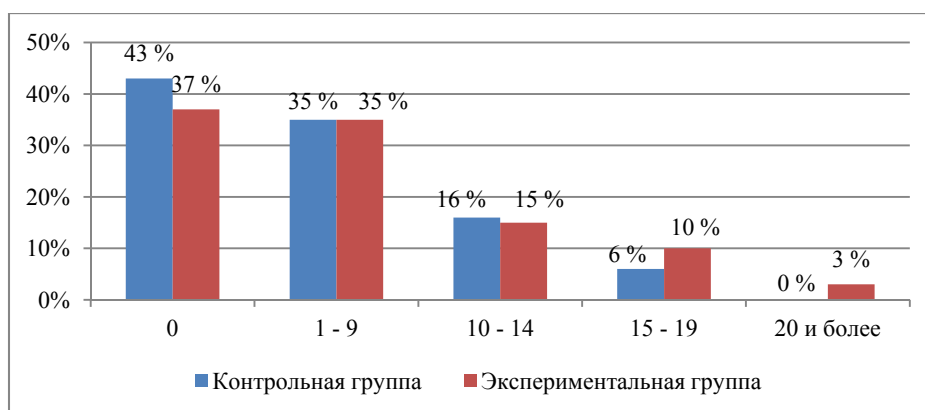

Рис. 4. Показатели силовых способностей мышц рук при выполнении норматива «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» после эксперимента в контрольной и экспериментальной группах

Таблица

Показатели развития силовых способностей контрольной и экспериментальной групп (n = 111)

№	Тест	Результаты контрольной группы, n = 53		Статистический вывод	Результаты экспериментальной группы, n = 58		Статистический вывод
1	2	3		4	5		6
1	Сгибание – разгибание рук в упоре лежа	до	3,8 ± 0,6	P ≤ 0,05	до	3,5 ± 0,7	P ≤ 0,05
		после	4,0 ± 0,9		после	4,4 ± 1,1	
2	Подтягивание из виса лежа на низкой перекладине	до	1,0 ± 0,2	P ≤ 0,01	до	1,0 ± 0,1	P ≤ 0,001
		после	1,8 ± 0,2		после	2,9 ± 0,4	

Из данных, представленных в таблице, следует, что в начальном обследовании статистически значимых различий в контрольной и экспериментальной группах выявлено не было. По результатам тестирования в конце эксперимента у девушек экспериментальной группы было зафиксировано существенное улучшение показателей в нормативе «сгибание – разгибание рук в упоре лежа», они увеличились у девушек экспериментальной группы на 26 %; в нормативе «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» – на 29 %.

В контрольной группе отмечались незначительные изменения в нормативе «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» увеличились у девушек на 0,5 %; в

нормативе «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» на 8 %.

Сравнивая конечные данные эксперимента по двум нормативам комплекса ГТО, можно сделать вывод, что девушкам легче выполнять норматив «сгибание – разгибание рук в упоре лежа».

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать вывод о том, что большинство студенток 1 курса не готовы к выполнению нормативных требований в силовых видах программы ГТО. Низкий уровень физической подготовленности студенток затрудняет выполнение вышеуказанных тестовых упражнений, которые требуют проявления определенной физической

силы основных мышечных групп верхней части туловища, плечевого пояса и рук. При выполнении:

- «сгибания – разгибания рук в упоре лежа» задействованы большая грудная мышца, дельтовидная мышца, трицепс плеча, локтевая мышца и не менее 10 дополнительных мышц плечевого пояса, спины и живота;

- «подтягивания из виса лежа на низкой перекладине» задействованы широчайшая мышца спины, трапецевидная мышца, бицепс плеча, плечевая и плечелучевая мышцы, а также еще примерно 9 дополнительных мышц верхней части спины и рук [2; 4].

От развития и тренировки мышечной силы каждой из этих мышечных групп зависят показатели ее проявления. Чтобы проверить это положение, было проведено сравнение результатов выполнения двух нормативов тестов у испытуемых в контрольной и экспериментальной группах до эксперимента. В итоге в начале эксперимента:

- установлено, что лишь 3 % студенток, выполнивших норматив «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» на золотой значок, смогли подтянуться на низкой перекладине лишь на бронзовый значок ГТО;

- студентки выполнили норматив «сгибание – разгибание рук в упоре лежа», но не смогли выполнить «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине» – 30 % испытуемых;

- выполнили норматив «подтягивания из виса лежа на низкой перекладине» от 1 до 4-х раз, но не смогли выполнить «сгибание – разгибание рук в упоре лежа» от пола – 9,2 % первокурсниц;

- не выполнили ни разу в обоих нормативах 32,3 % студенток.

Сравнительный анализ результатов тестирования наглядно иллюстрирует недостаточный уровень сило-

вой подготовленности студенток 1 курса. Силовые возможности девушек при выполнении норматива «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине», где участвуют широчайшая мышца спины, бицепс и трапецевидная мышца, значительно ниже, чем требуется для его выполнения. Следует также отметить, что норматив «подтягивание из виса лежа на низкой перекладине», в сравнении с нормативом «сгибание – разгибание рук в упоре лежа», значительно реже используется у девушек в практике повседневной жизни, и мышцы, участвующие при его выполнении, менее тренируемы. Учитывая это обстоятельство, в учебно-тренировочных занятиях целесообразно выбирать упражнения, которые укрепляют сразу несколько мышечных групп с помощью разнообразных движений. Это поможет оптимально использовать тренировочное время для достижения поставленных целей.

Выводы

Анализ полученных результатов проведенного исследования позволяет сделать вывод о том, что большинство студенток 1 курса не могут выполнять нормативные требования силовых видов программы ГТО. Низкий уровень силовых показателей в контрольной группе до и после эксперимента указывает на недостаточную физическую нагрузку на мышцы плечевого пояса в используемой в вузе программе физической подготовки студентов, в результате чего студентки не смогут выполнить обязательный силовой норматив комплекса ГТО. В связи с этим можно утверждать, что применение разработанной методики, направленной на повышение уровня силовой подготовленности студенток, оказалась более эффективной по сравнению с традиционной.

Литература

1. Верушкин Н. Г. Методы и средства управления физической подготовкой студентов технических вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 24 с.
2. Верхошанский Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 1988. 328 с.
3. Государственные требования к уровню физической подготовленности населения при выполнении нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/upload/docs/Gto2014tgosydtrebov_.doc (дата обращения: 12.10.2014).
4. Зациорский В. М. Физические качества спортсмена (основы теории и методики воспитания). М.: Физкультура и спорт, 2009. 200 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 г. № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)». Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/post540_11062014.pdf (дата обращения: 12.10.2014).
6. Просветова О. В., Зеликова О. А., Краснова Г. О. Силовая тренировка в групповых программах. Волгоградская гос. акад. физ. культуры. Волгоград: [б.и.], 2009. 46 с.
7. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: Изд-во Института соц-эконом. развития территорий РАН, 2010. 408 с.

Информация об авторах:

Гришина Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (технический университет), г. Санкт-Петербург.

Yulia I. Grishina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at St. Petersburg Institute of Technology (Technical University).

Ковишур Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (технический университет), г. Санкт-Петербург, tk8585@mail.ru.

Tatyana E. Kovshura – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at St. Petersburg Institute of Technology (Technical University).

Статья поступила в редколлегию 26.03.2015 г.

**ВЛИЯНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА УРОВЕНЬ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ
СТУДЕНТОК УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ***Р. С. Жуков, Г. А. Шаньшина, П. Т. Щербинин***INFLUENCE OF INDEPENDENT WORK ON THE LEVEL OF PHYSICAL FITNESS
OF SECONDARY VOCATIONAL INSTITUTIONS FEMALE STUDENTS***R. S. Zhukov, G. A. Shanshina, P. T. Sherbinin*

В процессе исследования выявлен исходный уровень физической подготовленности и мотивации к самостоятельным занятиям во внеучебное время студенток учреждений среднего профессионального образования (СПО), обоснованы комплексы упражнений для самостоятельной работы студенток на занятиях физической культуры.

The study revealed the initial level of physical fitness and motivation in physical culture among of secondary vocational institutions female students, and grounded the set of exercises for students' independent work in Physical Education classes.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студентки, физическая подготовленность, мотивация.

Keywords: independent work, student, physical fitness, motivation.

Физическая культура призвана сформировать устойчивые мотивы и потребности студентов в бережном отношении к своему здоровью, целостном развитии физических качеств, творческом использовании средств физической культуры в организации здорового образа жизни. Одной из задач физической культуры является формирование практических умений в организации и проведении самостоятельных форм занятий физическими упражнениями. Под самостоятельностью понимается осуществление учащимися деятельности без посторонней помощи, которая на занятиях физической культурой проявляется в самостоятельной постановке задач, самостоятельном выборе средств и методов их решения, самостоятельном контроле, самостоятельной организации мест занятий и подготовки соответствующего инвентаря и оборудования [1, с. 24]. В процессе самостоятельных занятий студенты совершенствуют физические качества и двигательные навыки, готовятся к сдаче учебных нормативов по физической культуре [3, с. 45].

Известно, что возраст человека накладывает определенный отпечаток на его психику, мотивы поведения, интересы. Социологические исследования показывают, что в целом студенческая молодежь позитивно относится к занятиям физической культурой и спортом. Вместе с тем у большей части юношей и особенно девушек не сформированы физкультурно-спортивные интересы и естественная потребность в активной двигательной деятельности. В силу этого обстоятельства не создаются необходимые психологические предпосылки для лучшего усвоения учебной программы по предмету. Это, в свою очередь, отрицательно отражается на физической подготовленности и здоровье студентов [4, с. 24].

В связи с этим целью исследования является изучение влияния самостоятельной работы на уроках физической культуры на изменение уровня физической подготовленности студенток учреждений среднего профессионального образования (СПО).

Гипотезой исследования является следующее предположение: полагаем, что использование самостоятельной работы на уроках физической культуры позволит улучшить физическую подготовленность студенток учреждений СПО и сформировать мотивацию к самостоятельным физкультурно-спортивным занятиям во внеурочное время.

Для изучения поставленной проблемы в ходе исследования решались следующие задачи: выявить исходный уровень физической подготовленности и мотивации к самостоятельным занятиям во внеучебное время студенток учреждений СПО; разработать комплексы упражнений для самостоятельной работы студенток на уроках физической культуры и экспериментально определить их эффективность.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: теоретический анализ и обобщение данных научно-методической литературы; метод педагогических наблюдений; метод педагогических контрольных испытаний; анкетирование; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Теоретический анализ и обобщение данных научно-методической литературы проводился путем изучения учебных, учебно-методических, методических пособий, статей из сборников научных трудов, периодической печати. При анализе литературы основное внимание уделялось выяснению таких вопросов, как организация процесса физического воспитания в средних специальных учебных заведениях [2, с. 61]. Кроме этого, изучались возрастные и психологические особенности контингента обучающихся учреждений СПО. Также определялись условия для формирования навыков самостоятельности при занятиях физическими упражнениями [5, с. 104].

Метод педагогических наблюдений использовался с целью выявления места и значимости занятий физической культурой в учебном процессе учреждений СПО. Изучались виды и типы уроков, методы работы преподавателей, а также средства, используе-

мые на занятиях. При педагогических наблюдениях применялись такие приемы регистрации наблюдений, как анализ уроков физической культуры, хронометрирование занятий, построение физиологической кривой урока.

Метод педагогических контрольных испытаний проводился с целью выявления уровня физической подготовленности студенток. Для определения уровня физической подготовленности студенток были использованы тесты, которые включают в себя бег на 60 и 1000 метров, поднимание туловища из положения лежа на спине, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, вис на согнутых руках, прыжок в длину с места, наклон туловища вперед из положения сидя на полу. В ходе выполнения контрольных упражнений соблюдались следующие условия: выполнение тестов проходило в обстановке соревнований; условия проведения были одинаковыми (время и место проведения, качество и вес спортивного инвентаря и др.); результаты тестов в беге фиксировались согласно правилам соревнований по легкой атлетике.

Для решения поставленных задач была использована анкета, позволяющая определить степень использования оздоровительных мероприятий в самостоятельной (личной) деятельности. Степень использования оздоровительных мероприятий в индивидуальной деятельности определялся с помощью вопросника, содержащего 13 вопросов. В анкете использовались вопросы, выявляющие наиболее распространенные способы занятий физическими упражнениями, определяющие отношение к двигательной активности.

Педагогический эксперимент – основной метод исследования. Суть его заключалась в создании двух групп из студенток техникума, примерно одинаковых по уровню физической подготовленности. Одна группа была контрольной и занималась по примерной программе физического воспитания, другая – экспериментальной, в образовательный процесс по физической культуре которой были включены комплексы упражнений для самостоятельной работы на уроке физической культуры. Упражнения для самостоятельной работы включались во все разделы программы в соответствии с задачами, решаемыми на конкретном уроке. Обязательным условием экспериментальной деятельности было начальное и конечное сравнение результатов. В целом проведение эксперимента и его содержание не противоречили принципам обучения и воспитания студентов учреждений СПО.

Математическая статистика применялась для обработки цифрового материала, полученного в результате исследований. При этом определялись следующие параметры: средние арифметические величины – $\bar{X}$, среднее квадратическое отклонение σ , ошибки средних арифметических – m . Достоверность результатов определялась по t -критерию Стьюдента при 5 % уровне значимости. Кроме того, определялось процентное соотношение отдельных показателей.

Исследовательская работа проводилась с сентября 2012 г. по май 2014 г. в три этапа с привлечением

48 студенток ГОУ СПО «Мариинский аграрный техникум» г. Маринска.

На первом этапе исследования в период с сентября 2012 г. по май 2013 г. был проведен теоретический анализ и обобщение данных литературных источников, а также выявление исходного уровня физической подготовленности и мотивации к самостоятельным занятиям физическими упражнениями студенток. Кроме этого, задачей первого этапа являлась разработка комплексов упражнений для включения их в самостоятельную работу на уроках физической культуры.

Задача второго этапа (сентябрь 2013 г. – апрель 2014 г.) заключалась во внедрении разработанных комплексов в образовательный процесс по физическому воспитанию в техникуме и экспериментальном обосновании эффективности разработанных комплексов.

Третий этап (апрель – май 2014 г.) включал в себя обработку и интерпретацию экспериментальных данных, уточнение теоретических и практических выводов, оформление результатов исследования.

В процессе педагогических наблюдений было выявлено следующее: в практике физического воспитания студентов используются такие формы работы, как: урочные занятия физической культурой – 2 часа в неделю; внеклассная работа – проведение спортивных секций (волейбол, баскетбол, гимнастика) – 2 раза в неделю по 2 часа. Спортивные праздники и «Дни здоровья» проводятся 1 – 2 раза в год, соревнования по видам спорта – в рамках программы областной Спартакиады среди учреждений СПО.

При планировании учебного материала преподаватели руководствуются рекомендациями Примерной программы по физическому воспитанию студентов учреждений СПО. В учебный план включены такие разделы программы, как: легкая атлетика, спортивные игры, лыжная подготовка, гимнастика. При проведении уроков преимущественно используются традиционные средства, методы и формы организации деятельности студентов.

Контрольные испытания, проводимые осенью и весной, указывают на изменения в физической подготовленности студенток. К концу учебного года наблюдается прирост результатов по всем показателям, в частности в сгибании и разгибании рук в упоре лежа ($11,9 \pm 8,6$ и $14,8 \pm 10,1$), прыжка в длину с места ($169,4 \pm 15,4$ и $173,3 \pm 15,4$), 12-минутного бега ($1998,5 \pm 334,7$ и $2045,9 \pm 397,3$). Однако, различия результатов недостоверны ($p > 0,05$) (таблица).

Очевидно, полученные результаты можно объяснить различным уровнем физической подготовленности студенток, низким уровнем мотивации и большим количеством пропусков занятий (в среднем 35 %) по болезни. Кроме того, на занятиях большая часть времени отводится на формирование технических навыков выполнения того или иного упражнения, и сравнительно мало внимания уделяется развитию физических качеств и функциональных систем организма. В данном случае большой сигмальный разброс, полученный при обработке данных, указывает на то, что применяемые средства и методы на уроках физиче-

ской культуры не обеспечивают достоверного и стабильного увеличения уровня физической подготов-

ленности и функционального состояния студентов.

Таблица

Показатели физической подготовленности студенток на этапе предварительного исследования (n = 48)

Показатели	Сроки обследования		σ	t	p_0
	начало учебного года	конец учебного года			
	$X \pm m$	$X \pm m$			
Бег 60 м (с)	$10,5 \pm 0,8$	$10,3 \pm 0,6$	0,2	0,3	$p_0 > 0,05$
Челночный бег (с)	$8,8 \pm 0,7$	$8,6 \pm 0,8$	0,2	0,3	$p_0 > 0,05$
Бег 12 мин (м)	$1998,5 \pm 334,7$	$2105,9 \pm 397,3$	107,4	165,9	$p_0 > 0,05$
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (кол-во)	$11,9 \pm 8,6$	$14,8 \pm 10,1$	2,9	4,3	$p_0 > 0,05$
Поднимание туловища (кол-во/мин)	$28,6 \pm 4,8$	$29,6 \pm 5,5$	1,0	2,3	$p_0 > 0,05$
Прыжок в длину с места (см)	$169,5 \pm 15,4$	$173,3 \pm 15,6$	3,8	7,0	$p_0 > 0,05$
Наклон вперед (см)	$10,9 \pm 4,4$	$11,5 \pm 5,3$	0,6	2,3	$p_0 > 0,05$

Результаты анкетирования показали, что наиболее распространенными действиями среди студенток при использовании физических упражнений являются чтение литературы о здоровье и здоровом образе жизни – 40 %, студентки также предпочитают больше бывать на свежем воздухе и избегать переохлаждений – по 30 %. Самые распространенные среди студенток мероприятия, выполняемые регулярно, – пешие (44 %) и лыжные (25 %) прогулки, наименее популярны утренняя гимнастика (2 %) и самостоятельные занятия физическими упражнениями (5 %), 10 % студенток занимаются в спортивных секциях.

На занятиях физической культуры определяющим для студенток является семестровая оценка – 60 % и одобрение преподавателя – 22 %. На приобретение знаний и практических навыков, которые можно будет использовать в самостоятельной деятельности, большинство студенток внимания не обращает. Вероятно, это можно объяснить традиционной реализацией программы физического воспитания, при которой предполагается строго дифференцированная оценка выполнения контрольных упражнений, и не оцениваются знания, умения и навыки в области самостоятельного применения физических упражнений, в результате чего студенты не обладают системой необходимых знаний, что не способствует приобщению их к сфере физической культуры.

Большинство студенток (65 %) на вопрос о том, вошли бы уроки физической культуры в составленный ими учебный план, ответили утвердительно. В то же время включить физическое воспитание в перечень учебных предметов, наиболее необходимых им для овладения профессиональной деятельностью, согласились 30 % респондентов. Это, на наш взгляд, говорит о признании роли физической культуры в образовательном процессе с одной стороны, а с другой – о неумении или нежелании использовать физические упражнения в самостоятельной деятельности.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что традиционные средства и методы, составляющие основу содержания уроков физической культуры в техникуме, не обеспечивают в полной мере

улучшения физической подготовленности студенток. Результатом незначительных изменений показателей физической подготовленности, большого количества пропусков уроков является недостаточная ориентация студенток на оздоровительную деятельность, приоритет в совершенствовании спортивно-технических навыков, неумение использовать полученные знания в самостоятельной деятельности.

Анализ результатов в тестах, оценивающих физическую подготовленность, позволил установить, что показатели уровня развития физических качеств в обеих группах имеют положительные сдвиги, однако, прирост результатов оказался различным. По окончании эксперимента в контрольной группе не наблюдается статистически значимых изменений результатов тестирования. В экспериментальной группе к концу учебного года обнаружено достоверное изменение показателей выносливости (12-минутный бег – 24,4 %), силовых способностей (поднимание туловища – 9,8 %; сгибание и разгибание рук в упоре лежа – 17,0 %), гибкости (наклон – 28,4 %), координационных способностей (челночный бег – 7,6 %) ($p_0 < 0,05$). Межгрупповые статистически значимые различия выявлены в конце эксперимента в показателях выносливости (25,3 %) ($p_0 < 0,05$).

Сравнивая результаты исходного и заключительного обследования, можно отметить, что применение на практике комплексов упражнений, направленных на самостоятельную работу студенток во время урока физической культуры, позволило достоверно повысить уровень физической подготовленности студенток экспериментальной группы. Так, достоверно изменились результаты в тестах, характеризующих силовые способности (сгибание и разгибание рук в упоре лежа; поднимание туловища, выносливость, гибкость, координационные способности) ($p_0 < 0,05$). В то же время достоверных различий в показателях скоростных и скоростно-силовых способностей не выявлено. Очевидно, это можно объяснить влиянием биологического фактора: проявление скоростных и скоростно-силовых способностей человека генетически обуслов-

лены, кроме того, возраст 16 – 20 лет не является сенситивным периодом для их развития.

Существуют основания предполагать, что разница средних результатов в пользу студенток экспериментальной группы стала возможной благодаря изменению направленности содержания уроков физической культуры. Особое значение при этом имеет дифференцированный подход, на котором основаны все комплексы физических упражнений. Внося индивидуальные коррективы в выполнение двигательных действий, он поддерживает интерес к занятиям физической культурой, стимулирует стремление показать лучший результат, создавая тем самым благоприятные условия для развития двигательных качеств.

Результаты анкетного опроса показали следующее: до начала эксперимента большинство студенток как контрольной (80 %), так и экспериментальной группы (85 %), отметили, что освобождения от уроков физкультуры берут редко. По окончании эксперимента ситуация не меняется, однако, количество студенток, часто пропускающих уроки по болезни, в экспериментальной группе уменьшается (с 15 % до 5 %), в контрольной группе остается практически без изменений (20 % и 16 %).

Анализ эмоционального отношения студенток к урокам физической культуры показал, что предстоящий вид деятельности у большинства учащихся обеих групп вызывает преимущественно положительные эмоции. В процентном соотношении: до эксперимента в контрольной группе 70 % студенток ожидали урок физкультуры с радостью, в экспериментальной группе – 80 %; после эксперимента количество названных студенток в контрольной группе увеличивается до 79 %, а в экспериментальной группе – до 100 %. На наш взгляд, положительное эмоциональное отношение к урокам физической культуры абсолютного большинства участников экспериментальной группы можно объяснить использованием разработанных комплексов физических упражнений. Дифференцированное распределение физических нагрузок, использование навыков самоконтроля позволяют формировать стремление студенток к физическому самосовершенствованию, наблюдать реальные результаты своей деятельности.

Подтверждением этому также могут служить следующие данные: до эксперимента определяющим при занятиях физической культуры для студенток как контрольной, так и экспериментальной группы, являлась семестровая оценка (соответственно 65 % и 55 %). На приобретение знаний и практических навыков, которые можно будет использовать в самостоятельной деятельности, указывает 5 % студенток в контрольной группе и 7 % студенток в экспериментальной группе. После эксперимента количество студенток, для которых наиболее важное значение на уроках физкультуры имеет семестровая оценка, в контрольной группе остается практически без изменений – 60 %, в экспериментальной группе уменьшается до 30 %. При этом формирование практических навыков занятий физическими упражнениями с целью применения их в индивидуальной деятельности явля-

ется определяющим фактором для 48 % студенток экспериментальной группы и 10 % студенток контрольной группы. Кроме того, после эксперимента 15 % студенток контрольной группы и 48 % студенток экспериментальной группы отмечают, что для них решающим на уроках физической культуры является приобретение знаний и практических навыков для использования их в профессиональной деятельности. До эксперимента количество названных студенток в обеих группах было одинаковым – по 5 %.

В перечень наиболее важных дисциплин для изучения с целью овладения будущей профессией до эксперимента включили уроки физической культуры 34 % студенток контрольной группы и 30 % студенток экспериментальной группы. После эксперимента количество студенток, считающих, что изучение физической культуры необходимо для более эффективного овладения профессией учителя, в контрольной группе увеличивается до 64 %, в экспериментальной группе – до 95 %. До эксперимента большинство респондентов (63 % в контрольной группе и 65 % в экспериментальной группе) согласились включить уроки физкультуры в составляемый ими учебный план для образовательного учреждения. После эксперимента их количество увеличилось в контрольной группе до 80 %, в экспериментальной группе – до 100 %.

До поступления в техникум занимались физической культурой и спортом 15 % студенток контрольной группы и 20 % студенток экспериментальной группы. На вопрос «Собираетесь ли Вы продолжать занятия после выпуска из техникума?» до эксперимента утвердительно ответили 28 % студенток контрольной группы и 24 % студенток экспериментальной группы. Таким образом, проведенная экспериментальная работа способствовала изменению мнений респондентов. Так, в экспериментальной группе 64 % студенток собираются продолжать активные занятия физической культурой, а в контрольной группе – 25 %. До начала эксперимента предпочтение активному отдыху перед пассивным отдавал практически каждый второй респондент в обеих группах (49 % и 45 %). При повторном анкетировании выбирающих активный отдых студенток в контрольной группе оказалось 60 %, а в экспериментальной группе – 90 %.

Результаты анкетного опроса показали, что наиболее распространенными среди респондентов действиями в самостоятельных занятиях физическими упражнениями до эксперимента оказались пешие прогулки (50 % студенток контрольной группы и 52 % студенток экспериментальной группы). Выявлено также, что 15 % студенток контрольной группы и 10 % студенток экспериментальной группы занимаются в спортивных секциях, проводимых либо в техникуме, либо в спортивном комплексе, самостоятельно занимаются физическими упражнениями 5 % студенток контрольной группы и 8 % студенток экспериментальной группы. Наименее распространены среди студенток утренняя гимнастика (пробежки) (2 % в экспериментальной группе) и закаливающие процедуры (по 0,5 % в обеих группах).

Отвечая на аналогичный вопрос после эксперимента, студентки указывают, что совершают пробежки по утрам – 10 % студенток экспериментальной группы, занимаются в группах здоровья – 2 % студенток контрольной группы и 11 % студенток экспериментальной группы, выполняют закаливающие процедуры 5 % учащихся экспериментальной группы; отмечают, что занимаются в спортивных секциях, 10 % студенток контрольной группы и 21 % студенток экспериментальной группы, самостоятельно физическими упражнениями – 10 % учащихся контрольной группы и 37 % экспериментальной группы.

Анализ данных опроса позволил выявить, что до эксперимента степень использования в индивидуальной деятельности физических упражнений студентками обеих групп была практически одинаковой (контрольная группа – $9,6 \pm 1,9$; экспериментальная группа – $9,5 \pm 1,8$). После эксперимента у студенток экспериментальной группы обнаружены как внутри- ($9,5 \pm 1,8$ и $15,3 \pm 1,5$), так и межгрупповые ($11,0 \pm 1,8$ и $15,3 \pm 1,5$) статистически значимые различия ($p < 0,05$) средних значений результатов опроса.

На наш взгляд, полученные результаты анкетирования позволяют говорить о том, что использование на уроках физической культуры разработанных комплексов физических упражнений оказывает значительное влияние на формирование интереса студенток

к самостоятельным занятиям, позволяет на практике применять полученные знания, умения, навыки в системе самостоятельных оздоровительных занятий.

Подводя итог, можно отметить следующее: полученные результаты исследования показывают, что педагогическая оценка динамики показателей уровня развития двигательных способностей, а именно выносливости, силы и гибкости студенток экспериментальной группы согласуется с изменением умений и навыков использования полученных знаний в самостоятельной деятельности, тем самым подтверждая гипотезу нашего исследования.

На основании результатов исследования представляется возможным дать практические рекомендации преподавателям физической культуры, работающим в системе среднего профессионального образования. Так, при организации учебной работы рекомендуем использовать комплексы физических упражнений для самостоятельной работы студенток на уроках физической культуры. Для повышения эффективности физкультурно-оздоровительной деятельности рекомендуем применять дифференцированные домашние задания по физической культуре, направленные на повышение объема двигательной активности студентов, способствующие формированию привычки систематически заниматься физическими упражнениями.

Литература

1. Агринская Л. Н., Губарева Е. Н. Повышение интереса студентов к занятиям физической культурой // Специалист. 2010. № 12.
2. Смагин Н. И. О личностно ориентированном подходе в преподавании физической культуры обучающимся колледжей // Научные исследования в образовании. 2010. № 8.
3. Соловьев Г. М., Шаталова И. Е. Становление деятельностного отношения студентов к физической культуре и здоровому образу жизни // Педагогическое образование и наука. 2009. № 6.
4. Усанков В. Г. Организация учебного процесса по физическому воспитанию студентов // Специалист. 2010. № 3.
5. Шарабаева Н. В., Зяблова Г. С. Компетентностный подход в формировании содержания СПО в сфере физической культуры и спорта // Приложение к "СПО". 2010. № 6.

Информация об авторах:

Жуков Родион Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Rodion S. Zhukov – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Шаньшина Галина Александровна – старший преподаватель кафедры теоретических основ физической культуры факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Galina A. Shanshina – Senior Lecturer at the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Щербинин Петр Тимофеевич – старший преподаватель кафедры физического воспитания факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Peter. T. Sherbinin – Senior Lecturer at the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.

УДК 378.016:930.25

ОБ ОБЩЕЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЦИКЛА ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Н. Б. Зиновьева

ON THE GENERAL THEORETICAL CONCEPTION OF DOCUMENTATION SUBJECTS CYCLE IN DEVELOPING MASTER'S DEGREE PROGRAMMES

N. B. Zinovieva

В статье рассматриваются основные социальные тенденции, оказывающие влияние на документ и модернизацию всей системы теоретических документоведческих знаний. Постулируется, что они создают новую документную реальность, новую видовую документную структуру, новые профессиональные и квалификационные требования, адресуемые системе образования.

The paper focuses on the major social tendencies influencing the document and the modernization of the documentation theory. The author argues that these tendencies form a new documentation reality, a new kind of document structure, and demand new professional skills and qualifications to be addressed in the system of education.

Ключевые слова: теория документа, информатизация, социальная динамика, функции документа.

Keywords: documentation theory, informatization, social dynamics, functions of the document.

Сегодня в условиях активной разработки магистерских программ в профессиональной документоведческой сфере, которые представляют собой более высокую ступень в сравнении с направлениями подготовки в рамках бакалавриата, остро встал вопрос о наличии теории документа – том общетеоретическом багаже, который должен составлять фундамент магистерской подготовки. Есть ли у нас полноценная теория документа? Если есть, то насколько она соответствует тем требованиям, которые сформировались в гносеологии и науковедении, на каком уровне развития она находится, и какие первоочередные проблемы перед ней стоят? Ответить на эти вопросы не так просто. Анализ имеющихся публикаций свидетельствует о недостаточном внимании научной общественности к развитию теории документа. Можно назвать не более десятка авторов, пишущих на эту тему, среди которых наиболее значимые фамилии приведены в списке [1 – 5]. Но в практике преподавания документоведческих дисциплин ощущается недостаток работ, содержащих теоретические обобщения в этой области.

А ведь именно теоретические обобщения приучают мыслить масштабно, видеть проблему на широком поле фундаментальных и прикладных знаний, развивать умения «уплотнять» знания, отбирая главное, повторяющееся, возводя его в ранг абстрактного положения, и отбрасывая частности, детали, отводя им достойное место в эмпирической части науки. Таким образом, теория стремится обнаружить сходные черты, а также универсальные механизмы развития исследуемой сферы. Полноценная теория предполагает также наличие целостной концепции, связанной воедино принципами и подходами, непротиворечивое выстраивание внутренней структуры предметного знания при ограничении смежных знаний. В результате должна быть создана целостная и законченная система, подчиняющаяся своим внутренним правилам и соглашениям, внутри которой сформировано структурное ядро теории, стремящееся к установлению

множества возможных приложений данной теории, т. е. множества возможных расширений ядра теории. И это то, что дает возможность гармоничного и непротиворечивого вписывания теоретических выводов в уже сложившуюся совокупность знаний.

Наука о документе в этом плане занимает особое место, она очень конкретна и насыщена в большей мере технико-инструментальными знаниями. В этом ее сила, но в этом же и ее слабость. Сила – в четкой ориентации на практику; технико-инструментальные знания прагматичны и видят в объекте прежде всего то, насколько эффективно он способен выполнять предназначенные ему обществом функции. Слабость же в том, что эти знания составляют всего лишь одну из многочисленных сторон рассмотрения документа и проблем его функционирования в обществе, затеняя все остальное.

Вторая проблема: сегодня документоведение «видит» документ в большей степени статично, как некую данность, а этого недостаточно для рассмотрения его в целостности формы и содержания, единстве внешнего и внутреннего, на уровне философских категорий сущности и явления. Не просматриваются многочисленные взаимосвязи и взаимозависимости, которые дают понимание того, как сложилась современная форма документа, не анализируется, какие факторы оказали на ее становление большее влияние, не прогнозируется, как она будет меняться в перспективе и т. д. А ведь документ – это инструмент и продукт социального сотрудничества, своего рода гомеостатический механизм приспособления к социальным факторам, обусловлен социальным заказом и развивается в культурно-историческом контексте. Он все время в движении, поиске вариантов, обеспечивающих большую информативность, большую легитимность, большую встроенность в информационные системы, большую отслеживаемость его движения и принятых на его основе решений, большую персонафицированность и ответственность. Поэтому только статичный срез не дает полного представления.

Для формирования полноценной теории документоведения должно сделать поворот от рассмотрения документа в статике к исследованию его в динамике развития. Это позволит отсеять глубинное, повторяющееся от наносного, сиюминутного, выявить закономерности, так или иначе проявляющиеся на всех стадиях развития документа и таким образом сформировать фундаментальные документоведческие знания. И самое главное – дать прогноз, очертить контуры будущего состояния объекта на основании вычленения сегодняшних тенденций. И это сегодня главная задача, ибо изменения в документной сфере происходят настолько стремительно, что исследователи не всегда успевают их осмыслить, практика не успевает приспособиться, а образование базируется на устаревших моделях документирования.

Сейчас благоприятный период для развития документоведения. Критическая масса эмпирических знаний накоплена, социальные тенденции в отношении дальнейших перспектив проступили более явно, с моментом введения магистерской подготовки системой образования более активно востребованы теоретические курсы. Необходимо систематизировать сложившиеся подходы и концепции и двигаться дальше.

Прежде всего, необходимо выявить и обосновать социальные, экономические и технологические факторы, оказывающие большое влияние на динамику современного документа. Среди них сегодня на первом месте, безусловно, информатизация, изменяющая не только форму представления документа и организацию работы с ним, но всю инфраструктуру документной деятельности, включая коммуникации, оборудование, профессиональную структуру. Информатизация влечет за собой комплекс проблем и противоречий, которым должно быть найдено достойное разрешение. И документ выступает сразу в нескольких ипостасях, как инструмент их разрешения, как полигон для эксперимента и как перспективная модель будущего развития. Именно на этом полигоне происходит схватка международного опыта и развивающейся мировой практики документирования с отечественными культурными традициями и национальным опытом функционирования документных систем. Пока пользование зарубежными компьютерными средствами и некоторое технологическое отставание приводит к вынужденной ориентации на зарубежные модели, и это выражается в использовании зарубежных компьютерных программ, во внедрении переводных стандартов, не в полной мере соответствующих отечественным условиям, а самое главное – ментальным установкам пользователей. Этот фактор уравнивается усилением регламентации всей отечественной документной деятельности, активной разработкой актов, содержащих требования к разработке стратегий, концепций, регламентов, локальных актов, дорожных карт, технических заданий и других документов.

Конечно, внешние социальные факторы много определяют в развитии любой науки. Но для объективности важно рассмотрение и внутренних факто-

ров, которые определяются логикой развития самой науки. Внутренняя логика разная у «старых» и «молодых» наук, консервативных и находящихся на гребне социальных и технологических преобразований, встроенных инфраструктурно во множество сфер деятельности и автономных. Известно, что все науки первоначально проходят описательный уровень, который очень важен для накопления знаний, их критической массы, позволяющей перейти на более высокую ступень – теоретического обобщения. Без прохождения предыдущего ранний переход не приведет к существенным подвижкам, а лишь породит умозрительные, не имеющие ничего общего с практикой рассуждения. Но дальше их пути расходятся. Классический вариант не для всех наук актуален.

Относительно науки о документе, науки молодой, бурно развивающейся, инфраструктурно встроенной и даже частично распыленной во многие сферы деятельности и научные области, тотально зависящей от практики, логика движения подсказывает сегодня особый рисунок, предполагающий некоторое «перескакивание» через ступеньки традиционного развития наук. Этому объяснений много, среди них и повышенная скорость социокультурных процессов, которая заставляет «забегать вперед» в осмыслении реальных процессов, и новый, обусловленный постмодернистскими тенденциями в науке подход – методологический плюрализм, позволяющий все смешивать, не раскладывая по полочкам, и в этой массе находить порой неожиданные и весьма продуктивные параллели и аспекты. Играет свою роль и близкое родство с науками и сферами деятельности, идущими в авангарде социального и технологического прогресса.

Поэтому развитие документоведческого знания осуществляется скачкообразно путем решения возникающей проблемы, связанной с документированием какой-либо новой сферы или участка общественной практики, методом проб и ошибок, отбора и нахождения лучшего варианта, его адаптации и дальнейшего использования, а также его изучения, встраивания в уже разработанную систему. При активной динамике документоведческих знаний это позволяет находить в развитии науки о документе черты постоянства, некоторые инвариантные структуры, которые воспроизводятся даже в изменениях, считающихся революционными.

Именно указанные факторы непосредственно сегодня влияют на динамику, структуру, характер и направленность дальнейшего развития документа, а следовательно и науку о документе. Эти факторы создают новую документную реальность, новую видовую документную структуру, новые профессиональные и квалификационные требования, адресуемые в том числе и к системе образования.

Что важно подчеркнуть: сама по себе система профессионального образования также является важным фактором прогресса любой науки. Динамика науки зависит от ее востребованности в обществе, наличия неких социальных «ожиданий» и заказов. А что может сравниться по активности с социальным заказом десятков тысяч молодых людей, «просеи-

вающих» ресурсы библиотек и Интернета в поиске идей, материалов, аргументов и доказательств в целях, определяемых учебным процессом!

Какие шаги нужны для дальнейшего развития теории документа? Необходимо документ как особый социокультурный феномен рассмотреть многогранно с позиций:

а) его внутренней структуры – как единства информации и материального носителя, влияния на форму, объем, технологических условий закрепления информации, наличия ограничений, требований в плане надежности, сохранности, удобства воспроизведения, переформатирования, компактности и транспортабельности, дешевизны и массовости производства, а также рассмотрения возможностей совместности разновидовой информации;

б) функциональной нагруженности. Необходимо выявить, какие новые функции на документ возлагает общество, как функции «подправляют» форму документа каждой конкретной разновидности для лучшего исполнения, как они влияют на носитель, текст, внутреннюю структуру, внешние элементы оформления, таким образом «консервируя» удачные образцы и возводя их в ранг эталонных;

в) исследования его сущности, заключающееся в запечатлении параметров состояния документируемого момента для последующего включения в совокупность социальных взаимоотношений, выделения принципа отграничения от других родственных феноменов, производимых методом документирования, в качестве чего может быть выдвинуто свойство подтвержденной достоверности, отсутствующее у других, близких по внутренней конструкции и находящихся в эволюционном родстве. Подтвержденная достовер-

ность в какой-то степени (не абсолютно) гарантирует оригинальность, точность, авторство, легитимность и др. свойства документа. Но невозможность абсолюта требует необходимости разработки методов выявления и отсекация фальсифицированных, подложных, изготовленных с целью введения в заблуждение документов;

г) исследования видового многообразия, для чего необходимо построение иерархической родо-видовой классификации, некой идеальной схемы, где каждой разновидности документа было бы определено его место;

д) применения деятельностного подхода, рассматривающего документ в процессе его движения, заостряя внимание на отдельных технологических операциях, приемах работы с ним, что позволит дифференцировать место документа в контексте управленческой, производственной и хозяйственной деятельности;

е) выстраивания терминосистемы, позволяющей дать корректное определение термину «документ» и связанным с ним родственным терминам.

Развитие теории документа само по себе не дает ответа на вопрос: как внедрить все это в преподавание в условиях отсутствия учебников и обобщающих работ? Думается, для этого нужны совместные усилия научной общественности по согласованию концепций преподавания теоретических документоведческих дисциплин, их содержательного наполнения, разграничения между отдельными дисциплинами учебного плана. Это особенно важно для обеспечения теоретической подготовки в условиях обучения в магистратуре.

Литература

1. Плешкевич Е. А. Формирование научных представлений о документе и документальной деятельности в правоведении и исторической науке // *Делопроизводство*. 2013. № 4. С. 10 – 14.
2. Сафиуллина З. А. Электронный документ как адекватная форма передачи смысла в социальной коммуникации // *Информация: ценность и оценка*. М., 2006. С. 59 – 64.
3. Сокова А. Н. Документоведение и его роль в исторической науке и управленческой деятельности // *Делопроизводство*. 2004. № 4. С. 4 – 8.
4. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа // *Научные и технические библиотеки*. 2006. № 7. С. 73 – 79.
5. Швецова-Водка Г. Н. Определение объекта и предмета документоведения // *Научные и технические библиотеки*. 2008. № 4. С. 30 – 44.

Информация об авторе:

Зиновьева Нонна Борисовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и информационной культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, doc1966@list.ru.

Nonna B. Zinovieva – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Document Management and Informational Culture, Krasnodar State University of Culture and Arts.

Статья поступила в редколлегию 22.04.2015 г.

**ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТУРИНДУСТРИИ***Т. А. Кравчук, А. Ю. Стафеева***VOLUNTEERING AS A MEANS OF DEVELOPING COMPETENCIES OF FUTURE SPECIALISTS
FOR TOURIST INDUSTRY***T. A. Kravchuk, A. Yu. Stafeeva*

В статье рассмотрена возможность формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих специалистов туристской индустрии по определенным группам дисциплин учебного плана направления подготовки 43.03.02 «Туризм» посредством участия студентов в волонтерских проектах соответствующей направленности.

The paper considers the possibility of the formation of common cultural and professional competences of future professionals for the tourism industry formed during training certain groups of subjects of the 43.03.02 «Tourism» curriculum through students' participation in relevant volunteer projects.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, профессиональные компетенции, общекультурные компетенции, проектная деятельность, туристская индустрия.

Keywords: volunteer activities, professional competence, general and cultural competence, project activity, tourist industry.

Современное общество предъявляет к молодым людям высокие требования – к их готовности полноценно жить и трудиться в новых условиях. Как отмечает Е. С. Медведева, существует общественная потребность в целенаправленном формировании у обучающихся системы социально-профессиональных качеств, глубоких убеждений, мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций.

За период обучения в вузе у студентов должна формироваться целостная система универсальных знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной профессиональной деятельности, в совокупности общекультурные и профессиональные компетенции. В свою очередь, профессиональные знания и навыки могут сформироваться только тогда, когда в познавательную активность вовлекается эмоционально-волевая сфера структуры личности, когда присутствует субъективная мотивация к восприятию знаний, когда получаемая информация имеет не только содержательный смысл, но и значимость [3].

По нашему мнению, волонтерская деятельность в процессе обучения является одной из эффективных форм профессиональной подготовки, а также средством развития и целенаправленного формирования компетенций. Волонтерская деятельность студента способствует развитию необходимых жизненных и профессиональных качеств: стремление к деятельности, лидерские качества, умение работать в команде, способность принимать решения, умение привлечь к делу, заинтересовать и организовать людей, добиться поддержки от государственных и коммерческих структур и т. п. Участие молодежи в волонтерском движении помогает решать важную задачу повышения конкурентоспособности и профессиональной компетентности молодых людей за счет получения первичного опыта участия в профессиональной деятельности, увеличения возможностей профессионального ориентирования и формирования базовых личностных и социальных компетенций, необходимых для дальнейшего трудо-

устройства [2]. В процессе участия в волонтерских проектах, по мнению Ю. В. Орловой (2013), студенты пополняют профессиональный опыт, расширяют свой кругозор, повышают культурный уровень, развивают социальный интеллект, творческие способности и т. д. [4].

Современная ситуация в подготовке бакалавров туризма позволяет выделить следующие противоречия между:

- новыми требованиями работодателей к качеству подготовки бакалавров туризма и не достаточным учетом мнения работодателей в образовательном процессе вуза;
- необходимостью формирования и оценивания в процессе подготовки будущих бакалавров туризма ОК и ПК, учитывающих требования работодателей, ФГОС ВПО и недостаточной разработанностью их теоретического обоснования, учебно-методического обеспечения и практического применения;
- возможностью формирования общекультурных компетенций на уровне знаний в процессе учебной деятельности и эффективностью использования полученных умений и навыков на практике посредством волонтерской деятельности;
- ростом активности молодежи к добровольческой деятельности и разовым, непостоянным характером волонтерской деятельности, что не позволяет целенаправленно и непрерывно формировать общекультурные и профессиональные компетенции.

В связи с этим **проблема исследования** состоит в отсутствии технологий и педагогических условий формирования компетенций у будущих специалистов туриндурии посредством волонтерской деятельности.

Все вышесказанное позволяет нам рассматривать волонтерскую деятельность как средство их профессиональной подготовки, формирующее общекультурные и профессиональные компетенции.

Объект исследования – процесс формирования компетенций будущих специалистов туристской индустрии.

Предмет исследования – волонтерская деятельность как средство формирования компетенций будущих специалистов туристской индустрии.

Цель исследования – разработать волонтерские проекты, способствующие формированию компетенций будущих специалистов туристской индустрии.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы, анализ документов.

Результаты исследования

Согласно ФГОС-3 по направлению подготовки «Туризм» в процессе обучения будущих бакалавров образовательные учреждения должны сформировать у них 14 общекультурных и 16 профессиональных компетенций. В процессе исследования нами были определены общекультурные и профессиональные компетенции, которые, по нашему мнению, могут быть сформированы в полном объеме в процессе волонтерской деятельности обучающихся.

По нашему мнению, из 14 общекультурных компетенций волонтерская деятельность способствует формированию шести компетенций: способности к интеллектуальному, культурному, нравственному, физическому и профессиональному саморазвитию и

самосовершенствованию (ОК-1); готовности соблюдать этические и правовые нормы, регулирующие с учетом социальной политики государства отношения человека с человеком, обществом, окружающей средой; использует нормативные и правовые документы в туристской деятельности (ОК-5); способности работать в коллективе, руководить людьми и подчиняться (ОК-6); готовности к восприятию культуры и обычаев других стран и народов, с терпимостью относиться к национальным, расовым, конфессиональным различиям, способностью к межкультурным коммуникациям в туристской индустрии (ОК-7); стремления к постоянному саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства; может критически оценить свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбрать средства их развития или устранения, способен к бесконфликтной профессиональной деятельности (ОК-8); способности понимать социальную значимость своей будущей профессии, обладает высокой мотивацией к профессиональной деятельности в туристской индустрии (ОК-9). Основы этих компетенций должны быть заложены у студентов в процессе их обучения в школе, а вузы призваны продолжить формирование данных компетенций в процессе учебной деятельности в ходе изучения дисциплин всех трех циклов, включая и практики.

Таблица

Перечень дисциплин, на которых формируются ОК и ПК

Совпали дисциплины	Не совпали дисциплины	
	ОК	ПК
Анимация в туризме. География. Деловой этикет и протокол. Деловые коммуникации. Конфликтология. Менеджмент в туристской индустрии. Музеи мира. Организация культурно-досуговой деятельности. Организация туристской деятельности. Преддипломная практика. Производственная практика. Психология. Психология делового общения. Рекреационный туризм. Связи с общественностью. Туристские ресурсы стран мира. Учебная практика. Экономика и предпринимательство в туризме. Экскурсоведение.	Вредные привычки и их профилактика. Иностранный язык. Иностранный язык в профессиональной сфере. Иностранный язык второй. История. История туризма. Культурно-исторические и туристские центры России и стран СНГ. Мировая культура и искусство. Основы социального государства. Особо охраняемые природные территории. Правовое регулирование в туризме. Профессиональная этика и этикет. Профилактика наркомании в молодежной среде. Психодиагностика. Психологический практикум. Психология управления. Регионоведение. Русский язык и культура речи. Физическая культура. Философия. Человек и его потребности. Экология и природопользование. Экономика.	Выставочная деятельность в туризме. Информационное обеспечение деятельности в туризме. Организационная техника. Информационные технологии в туристической индустрии. Итоговая государственная аттестация. Маркетинг в туристской индустрии. Методы научных исследований в туризме. Реклама в туризме. Статистика в туризме. Технологии и организация гостиничных услуг. Технологии и организация турагентской и туроператорской деятельности. Технологии продаж. Транспортное обеспечение в туризме. Туристско-рекреационное проектирование. Управление качеством в туризме.

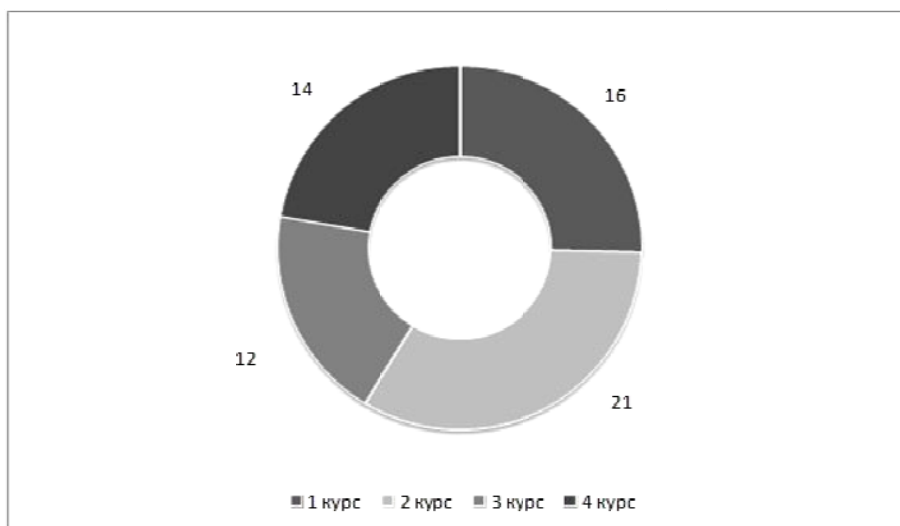

Рис. 1. Распределение дисциплин с определенными ОК и ПК по курсам обучения

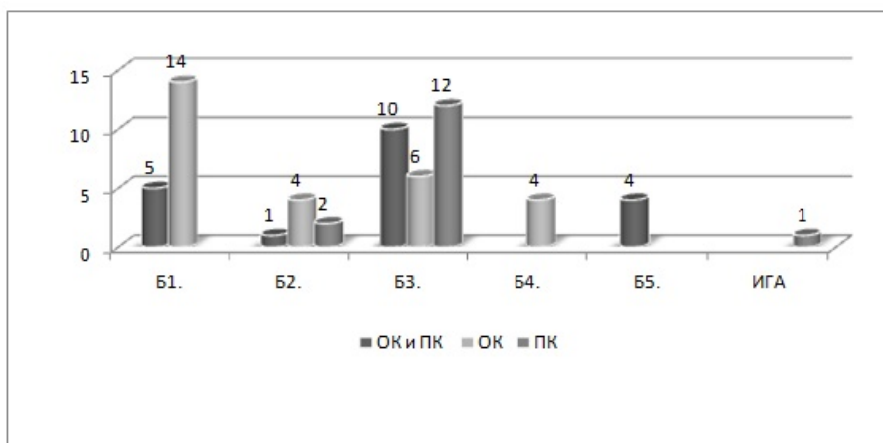

Рис. 2. Распределение дисциплин с определенными ОК и ПК по циклам

Среди 16 профессиональных компетенций нами были выделены семь, которые могут формироваться в процессе волонтерской деятельности: владение теоретическими основами проектирования, готовность к применению основных методов проектирования в туризме (ПК-1), готовность к реализации проектов в туристской индустрии (ПК-4), способность к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий (ПК-6), способность организовывать работу исполнителей, принимать управленческие решения в организации туристской деятельности, в том числе с учетом социальной политики государства (ПК-8), способность к эффективному общению с потребителями туристского продукта (ПК-11), умение организовать процесс обслуживания потребителя (ПК-12), способность использовать методы мониторинга рынка туристских услуг (ПК-14).

Анализ учебного плана подготовки бакалавров по направлению «Туризм» профиль «Технология и организация туроператорских и турагентских услуг» ФГБОУ ВПО СибГУФК, реализующего подготовку будущих специалистов туристской индустрии с 2011 г., показал, что интересующие нас общекультур-

ные и профессиональные компетенции формируются на 56 дисциплинах (некоторые из дисциплин учебного плана реализуются на протяжении нескольких курсов) (таблица).

Дисциплины, на которых формируются интересующие нас ОК и ПК, относительно равномерно распределены по курсам обучения (рис. 1). Максимальное количество дисциплин приходится на 2 курс. Это связано с тем, что на 1 курсе была пройдена адаптация студентов к обучению после школы и колледжей, и теперь они готовы к более глубокому изучению дисциплин.

Большая часть дисциплин, на которых формируются компетенции, связанные с волонтерской деятельностью, относится к профессиональному циклу (рис. 2).

Компетентностный подход в образовании касается всех учебных дисциплин, но нас интересовали только дисциплины, на которых одновременно можно было формировать интересующие нас ОК и ПК (рис. 3).

Анализ дисциплин по циклам показал, что большая часть из них принадлежит к профессиональному циклу (рис. 4).

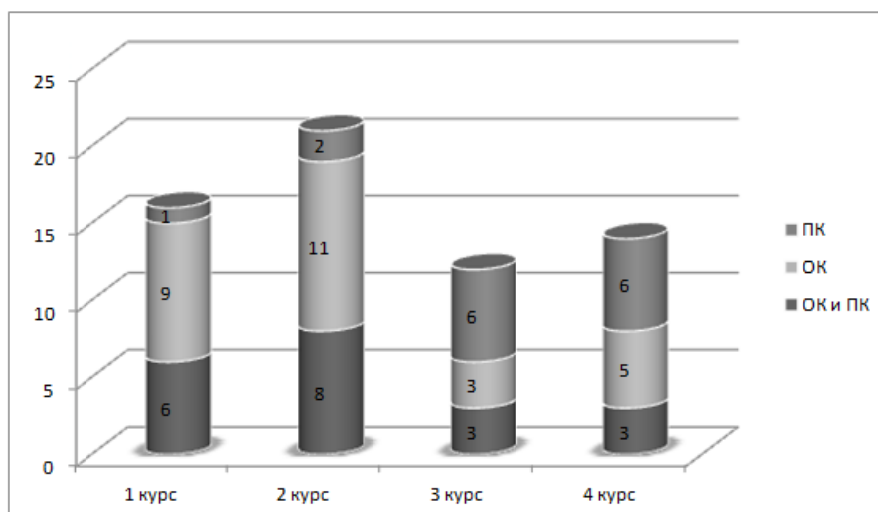

Рис. 3. Дисциплины, на которых формируются одновременно выбранные ОК и ПК, по курсам

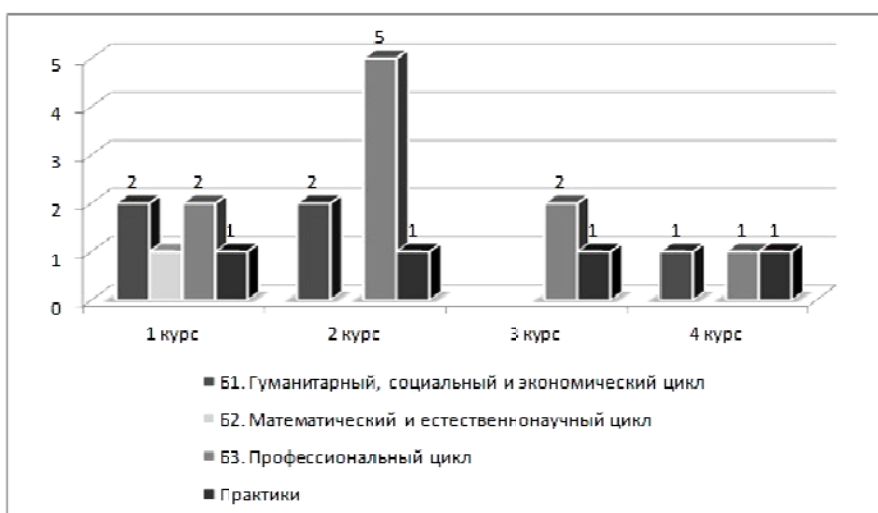

Рис. 4. Дисциплины, на которых формируются ОК и ПК по циклам

В соответствии с требованиями ФГОС нового поколения «Реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся». В связи с этим для успешного овладения студентами всего комплекса компетенций необходимо организовать учебный процесс таким образом, чтобы в нем присутствовали и мотивация к деятельности, и реальная возможность ее завершения, и оценка результата.

Согласно ФГОС-3 по направлению подготовки «Туризм» в числе видов деятельности, к которым должны быть подготовлены выпускники, наряду с научно-исследовательской, производственно-технологической, организационно-управленческой и сервисной, выделяют проектную деятельность, что в свою очередь отражает реальные потребности рынка в необходимости подготовки кадров, способных не просто осуществлять профессиональную деятельность, но и осуществлять проекты самого различного уров-

ня. Именно с данным видом деятельности сегодня связывают такие понятия, как ответственность, инициативность, креативность, коммуникабельность и самостоятельное мышление.

По мнению Е. А. Вохменцевой (2011), процесс формирования компетенций у обучающихся с помощью проектной деятельности будет протекать успешно при соблюдении следующих условий:

- профессиональной готовности преподавателя к осуществлению данной задачи;
- формировании мотивации на проектную деятельность у обучающихся и преподавателей;
- последовательном включении в проектную деятельность;
- тьюторском сопровождении проектной деятельности;
- мониторинге формирования компетенций [1].

Современные потребности рынка труда города Омска показывают, что значительная часть предприятий индустрии туризма представлена средним и малым бизнесом, на которых преобладает межфункциональная деятельность менеджеров. Поэтому нами в

процесс подготовки будущих специалистов туристской индустрии было включено выполнение междисциплинарных проектов.

Междисциплинарные связи дисциплин учебного плана, на которых одновременно формируются выбранные нами ОК и ПК, помогли разработать и успешно реализовать в 2011 – 2015 гг. четыре волонтерских проекта по следующим направлениям:

- экологическая защита, помощь природным заказникам и заповедникам;
- творческая, анимационная и профориентационная деятельность;
- участие в подготовке и проведении спортивно-массовых и социально-культурных акций, проектов и программ;
- участие в деятельности спортивно-оздоровительных комплексов города Омска.

Учебно-методические комплексы дисциплин «География», «Рекреационный туризм», «Деловой этикет и протокол», «Деловые коммуникации», «Связи с общественностью» позволили сформировать проект «Восстановим и сохраним Парк Победы» экологической направленности, реализуемый студентами 2 и 3 курсов под руководством доктора биологических наук, профессора С. А. Соловьева. Проект направлен на развитие экологической культуры и патриотизма детей, молодежи и взрослых граждан Омска, на примере благоустройства рекреационной части Парка Победы, особо охраняемой территории регионального значения «Птичья гавань» и др.

В рамках проекта были проведены работы по рекультивации рекреационной части Парка Победы и восстановлению пешеходного железного моста на одном из озер парка; проведены биотехнические мероприятия по очистке береговой линии всех озер; проведен обучающий семинар-практикум «Ведение экологической летописи Парка Победы с детьми, студентами и волонтерами» на его мемориальной и рекреационной части; разработаны рекомендации по рекультивации и благоустройству озер Омска.

Основными результатами проекта явились следующие мероприятия: проведен мониторинг растительного и животного мира территории парка и озер Парка Победы города Омска; проведено 5 лекций по экологическим проблемам для жителей Кировского района города Омска с охватом более 60 человек; восстановлен разрушенный от времени железный пешеходный мост через одно из озер; составлен для Администрации города Омска экологический паспорт биоразнообразия животного мира Парка Победы с его водоемами; организовано и проведено 3 акции по уборке мусора в Парке Победы и с берегов его озерков во время трехдневной экспедиции; убран и вывезен мусор с береговой линии озерков Парка Победы в объеме 10 м³; проведен установочный инструктаж для участников акций – более 50 человек; проведен семинар «Экологическая пропаганда бережного отношения к озерам Омска для сохранения биоразнообразия животных Прииртышья» для жителей прилегающих микрорайонов числом участников 40 человек; число экологических организаций привлеченных к сотрудничеству – более 6; вовлечено в работу проекта более

500 человек. Проект осуществляется при поддержке общественной организации «Экологическая вахта Сибири».

Для осуществления проекта творческой, анимационной и профориентационной деятельности «Студенческий экскурсионный центр «Академия туризма» необходимы знания, умения и качества, формируемые учебно-методическими комплексами дисциплин «Анимация в туризме», «Экскурсоведение», «Организация культурно-досуговой деятельности», «Экономика и предпринимательство в туризме», «Конфликтология», «Психология», «Психология делового общения», «Связи с общественностью», «Организация туристской деятельности», «Менеджмент в туристской индустрии», «Музеи мира», «Туристские ресурсы стран мира».

Проект реализуется студентами 3 – 5 курсов под руководством ст. преподавателя А. Ю. Стафеевой. Проект направлен на развитие экскурсионного дела в Омской области силами студентов и молодых специалистов по туризму, которые будут сами исследовать свой регион, разрабатывать уникальные экскурсии с элементами анимации и наполнять свежими идеями уже существующие, а затем внедрять их на внутреннем рынке под руководством высококвалифицированных специалистов.

В рамках проекта создан студенческий экскурсионный центр при ФГБОУ ВПО СибГУФК; ежегодно проводятся более 40 экскурсий. Основная тематика: Омск – театральный (по театрам города), Омск – культурный (по музеям и выставкам города с разной тематикой), Омск – спортивный (по спортивным сооружениям, паркам города и области), Омск – исторический (о Колчаке, «первопроходцы», о ВОВ), Омск – религиозный (по храмам города и области), Омск – туристический (по объектам индустрии туризма и выставкам); проводятся экскурсии по скалолазанию для школьников г. Омска (2 – 3 экскурсии в месяц); проводятся обзорные экскурсии в рамках курса профессионального мастерства студентов, обучающихся в образовательных учреждениях, ведущих подготовку специалистов по физической культуре и спорту (2 раза в год). Впервые были разработаны технологические особенности организации экскурсий для лиц с ограниченными возможностями, которые проведены совместно с КУ Омской области «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат № 14» (Т. А. Кравчук, Т. В. Гусева). Банк экскурсионных маршрутов составляет более чем 100 разработок.

Проект реализуется в рамках государственной программы Омской области «Развитие культуры и туризма» на 2014 – 2020 гг., при поддержке туристских фирм города Омска: ТО «TEZ TOUR», ТО «Музенидис Трэвел», ТФ «Три кита», ТФ «ТЭСО», ТФ «Баунти», ТФ «Дискавери».

Проект по подготовке и проведению спортивно-массовых и социально-культурных акций, проектов и программ сформирован учебно-методическим комплексом дисциплин «Деловой этикет и протокол», «Деловые коммуникации», «Конфликтология», «Психология», «Психология делового общения», «Связи с общественностью». Проект подготовки спортивных

волонтеров реализуется студентами 2 – 5 курсов и преподавателями кафедры под руководством канд. пед. наук, профессора Т. А. Кравчук. Проект направлен на развитие патриотизма школьников, молодежи и взрослых граждан Омска при проведении крупных спортивных мероприятий событийного туризма, таких как Зимние Олимпийские игры в Сочи 2014, Сибирский международный марафон. Проект реализуется с октября 2012 г. и заключается в ежегодном участии в качестве спортивных волонтеров на мероприятиях г. Омска и Омской области (проведение футбольного матча ФК «Иртыш» – ФК «Якутия», XVII Марафон туристских традиций детей и молодежи Омской области, XIV Форум немцев России (2014 г.), слет в рамках Региональной олимпиады «Безопасность жизнедеятельности. Обеспечение безопасности в туризме» (ежегодно), в эстафете Паролимпийского огня (Омск, 2014 г.), ежегодно участвуют в качестве участников и волонтеров во Всероссийском дне бега «Кросс наций», в «Лыжне России», проекте «Зарядка выходного дня» и др.).

Проект реализуется с октября 2012 г. и заключается в ежегодном участии в качестве спортивных волонтеров на мероприятиях г. Омска и Омской области, на крупных международных соревнованиях в России, проведении образовательной деятельности среди школьников «Олимпийские идеалы и традиции в системе занятий физической культурой и спортом» в период практик, организации тематических анимационных мероприятий и экскурсии.

Численный состав добровольцев (волонтеров), занимающихся реализацией проекта – 101 человек: преподаватели и сотрудники (9 чел.), выпускники (22 чел.), студенты 2 – 5 курсов (70 чел.) кафедр теории и методики туризма и социально-культурного сервиса.

В рамках реализации данного проекта добровольцами были пройдены тесты, собеседования в волонтерском центре, обучение по программам волонтеров (101 чел.); участвовали (90 чел.) в учебно-тренировочных сборах по горным лыжам и сноуборду оз. Банное (Урал) январь 2013, п. Шерегеш (Кемеровская область) декабрь 2013 г.; в тестовых соревнованиях, г. Сочи 2013 г.: 40 чел. на Финале Кубка мира по горным лыжам и международном турнире по парасноуборду, 14 чел. на Кубке мира по шорт-треку и на Чемпионате мира по конькобежному спорту, 8 чел. на Чемпионате мира среди юниоров по хоккею; в программе XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 в Казани (21 студент); в XXIV Сибирском международном марафоне и Всероссийском дне бега «Кросс Наций-2013», в качестве спортивных волонтеров (80 чел.), остальные в качестве участников (390 чел.); участвовали с докладами в Конференции ФИСУ «Университетский и Олимпийский спорт: две модели – одна цель?» в рамках XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 в Казани (9 преподавателей).

Проект осуществляется при поддержке Международного Олимпийского комитета, отдела Спортивные волонтеры Оргкомитет «Сочи 2014», Департамента по делам молодежи, физической культуры и спорта города Омска, Волонтерского центра ОмГУПС, школ г. Омска, палаточных лагерей Омской области. Все

студенты, участники этого проекта, награждены благодарственными письмами от президента АНО «Оргкомитет «Сочи 2014»» за высокую эффективность работы на тестовых соревнованиях сезона 2012 – 2013 гг. и благодарственными грамотами от Международного Олимпийского комитета за помощь в организации Игр.

Участие в деятельности спортивно-оздоровительных комплексов города Омска (СОК «Зеленый остров» и СОК «Экстрим парк СибГУФК») основаны на полученных знаниях, умениях и навыков в процессе изучения дисциплин «Рекреационный туризм», «Организация культурно-досуговой деятельности», «Деловой этикет и протокол», «Деловые коммуникации», «Экономика и предпринимательство в туризме», «Конфликтология», «Психология», «Психология делового общения», «Связи с общественностью», «Организация туристской деятельности», «Менеджмент в туристской индустрии». Проект реализуется студентами 2 – 5 курсов, аспирантами и преподавателями кафедры под руководством канд. пед. наук, профессора Т. А. Кравчук.

В проекте принимают участие 5 преподавателей и сотрудников кафедры туризма, 2 аспиранта, 20 студентов, обучающихся по направлению 43.03.02 «Туризм» и 49.03.03 «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм». С декабря 2014 г. по март 2015 г. было обслужено 12500 человек. С 31 января по 1 февраля 2015 г. в СОК «Экстрим парк СибГУФК» состоялся Омский областной фестиваль сноуборда. Руководство подготовкой и проведением соревнований осуществляла кафедра теории и методики туризма и социально-культурного сервиса Сибирского государственного университета физической культуры и спорта.

С этими проектами студенты и преподаватели кафедры туризма выступали на следующих мероприятиях.

1. Третий этап конкурса среди учреждений высшего и среднего профессионального образования на лучший добровольческий проект, реализованный студентами в течение 2013 г. на базе бюджетного учреждения Омской области «Омский областной центр социально-психологической помощи несовершеннолетним и молодежи» (2013 г.).

2. Городской Форум молодежных добровольческих инициатив «Завтра начинается сегодня» при поддержке Департамента по делам молодежи, физической культуры и спорта Администрации города Омска совместно с бюджетным учреждением города Омска «Городской студенческий центр» (2013 г.). Номинации проектов: «Идея проекта» (студенческий экскурсионный центр «Академия туризма»), «Результативность проекта» («Восстановим и сохраним Парк Победы»), «Популяризация олимпийского движения» («Подготовка спортивных волонтеров к Олимпийским играм»).

3. Ярмарка студенческих волонтерских проектов при поддержке Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области в рамках долгосрочной целевой программы Омской области «Новое поколение (2009 – 2013 гг.)» (2013 г.).

4. Всероссийский конкурс молодежных проектов 2013 г. при поддержке Федерального агентства по делам молодежи Российской Федерации (2013 г.).

5. Проект «Молодежная культурная столица» при поддержке Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области (2014 г., 2015 г.).

6. IV Фестиваль путешественников Омской области (2014 г.).

7. Первый Всероссийский студенческий конкурс «HRSГРАНТ – Туристический бизнес будущего» (2014 г.).

8. Конкурс экскурсионных проектов «Омский тыл в годы Великой Отечественной войны», посвященный 70-летию победы в Великой Отечественной войне (2015 г.).

9. Студенты опубликовали 57 статей в материалах различных региональных, Всероссийских и международных конференций в соответствии с профилем проекта.

Анализ успеваемости студентов, участвующих в волонтерских проектах, показал высокий уровень качественного показателя (90 % сдают сессию на хорошо и отлично), имеют только отличные оценки по всем видам практик. Студенты-волонтеры инициативны в спортивной общественной деятельности кафедры, активно участвуют в научных конференциях и профессиональных стажировках, имеют публикации, награждены благодарственными письмами и получают стипендии Губернатора Омской области и Правительства РФ.

Литература

1. Вохменцева Е. А. Проектная деятельность учащихся как средство формирования ключевых компетентностей // Актуальные задачи педагогики: материалы Междунар. науч. конф. Чита: Молодой ученый, 2011. С. 58 – 65.
2. Крутицкая Е. В. Компетентностный подход к организации волонтерской деятельности молодежи в высшей школе // Всероссийский научно-практический журнал «Волонтер». Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2013. № 1-2. С. 11 – 21.
3. Медведева Е. С. Участие в волонтерском движении как фактор профессионального становления будущего специалиста // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2013. № 11.
4. Орлова Ю. В. Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента // Вестник ЮУрГУ. 2013. № 4. Т. 5. С. 110 – 113.

Информация об авторах:

Кравчук Татьяна Анатольевна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики туризма и социально-культурного сервиса Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, kravchukt@mail.ru.

Tatiana A. Kravchuk – Candidate of Pedagogics, Full Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Tourism and Socio-Cultural Service, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Стафеева Алена Юрьевна – аспирант кафедры теории и методики туризма и социально-культурного сервиса Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, Alenastaf@yandex.ru.

Alena Yu. Stafeeva – post-graduate student at the Department of Theory and Methodology of Tourism and Socio-Cultural Service, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

(Научный руководитель – Т. А. Кравчук).

Таким образом, создание педагогических условий для волонтерской деятельности студентов, обучающихся по направлению «Туризм», способствует эффективной подготовке конкурентоспособного выпускника, с высоким уровнем сформированности общекультурных и профессиональных компетенций. Полученные результаты можно применять в сфере высшего профессионального образования в области туризма.

Выводы

1. Создание педагогических условий для участия студентов в междисциплинарных волонтерских проектах способствует повышению познавательной активности студентов, целенаправленно формирует общекультурные и профессиональные компетенции, способствует повышению качества образовательного процесса в целом.

2. Реализация междисциплинарных волонтерских проектов целесообразна ежегодно с первого по четвертый курс, с учетом индивидуальных интересов и предпочтений студентов.

3. В содержание дисциплин, прежде всего, профессионального цикла, необходимо включать в раздел самостоятельной работы задания, связанные с волонтерской деятельностью, а на лекциях и семинарских занятиях целенаправленно формировать те компетенции, которые способствуют повышению интереса к волонтерской деятельности.

Статья поступила в редколлегию 13.04.2015 г.

УДК 372.879.6

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОЙ ПРАКТИКИ

О. В. Печерина

THE FORMATION OF FUTURE PHYSICAL CULTURE AND SPORTS EXPERTS' PROFESSIONAL COMPETENCE IN CONTINUOUS PRACTICE

O. V. Pecherina

В статье представлены перспективы формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта в условиях непрерывной практики, на основании выявленных в процессе опроса работодателей недостатков в подготовке выпускников высшей школы.

The paper presents the perspectives of future physical culture and sports professionals' professional competence formation in the conditions of the continuous practice on the basis of shortcomings in the training of graduates identified in the survey of employers.

Ключевые слова: выпускник вуза, физическая культура, профессиональная компетентность, практика, профессиональные знания и умения.

Keywords: high school graduate, physical education, professional competence, practice, professional knowledge and skills.

Актуальность исследования. Новые условия существования образовательной среды, обновление содержания образования, инновационных форм и методов обучения, все возрастающие требования к качеству знаний, усложнение форм организации урока – всё это требует повышения профессиональной компетентности и формирования готовности выпускника к выполнению профессиональной деятельности. Компетентностный подход даёт возможность вывести на новый качественный уровень систему профессионального образования России при условии опоры на теорию и практику отечественной системы образования и учёте основных тенденций развития профессионального образования в мире. Повышенный интерес исследователей к использованию компетентностного подхода в современном Российском высшем образовании вызван, прежде всего, тем, что в условиях повышения адаптации выпускника к постоянным изменениям социальных и экономических условий жизни и профессиональной деятельности, формирование необходимых компетенций является актуальной социальной задачей [3].

В настоящее время профессионально-педагогическое формирование будущего педагога рассматривается через понятие «профессиональная, или профессионально-педагогическая компетентность». Принята точка зрения, согласно которой понятие «компетентность» включает знание, умение, навыки, а также способы осуществления деятельности [4]. Поиск путей повышения качества подготовки выпускников диктует учебным заведениям необходимость создания новых форм организации учебного процесса, моделей применения современных средств обучения, успешного формирования профессиональной компетентности будущего педагога в ходе педагогической практики.

Педагогическая практика имеет своё назначение в формировании педагогических умений, вооружении

студентов первоначальным опытом педагогической деятельности. Она организуется последовательно на всех курсах обучения в вузе и выступает как важнейшее звено профессионально-педагогической подготовки выпускников.

Многие авторы делают вывод о том, что в условиях вузовского образования можно вооружить студентов основами педагогического мастерства, педагогической культуры или педагогических компетенций при помощи специально организованной системы обучения, при этом особая роль выделяется педагогической практике. Педагогическая практика, считают авторы ряда работ, требует изменений, совершенствования в организации и формах проведения, в связи с этим должны проводиться соответствующие мероприятия. Авторами предлагаются некоторые меры по совершенствованию процесса подготовки студентов, рассматриваются профессионально-значимые качества педагога. Во время педагогической практики студенты приобретают стартовый (базовый) уровень педагогической компетентности: получение знаний по специальным дисциплинам; психолого-педагогические знания; знания по методике преподавания. Все эти знания трансформируются в сложное многофакторное явление – педагогическая компетентность.

Для совершенствования профессиональной готовности студентов имеются различные модели организации и профессиональной готовности студентов в различных вузах, и в большей части работ указывается, что для профессионального становления необходимо создавать такие модели, которые имеют поэтапное вхождение в профессиональную деятельность, а также обратить внимание на организацию и учебно-методическое обеспечение педагогической практики.

Непрерывность педагогической практики понимается как конкретизация концепции непрерывности образования, преемственность его ступеней, в частности, общего и специального, среднего и высшего, и

взаимосвязи звеньев при единстве и неразрывности теории и практики, их взаимном обогащении в процессе активной деятельности личности в коллективе [2]. Успешная реализация знаний студентов во время непрерывной педагогической практики предполагает, во-первых, актуализацию раннее усвоенных знаний, необходимых для решения поставленных практических задач, и во-вторых, синтезирование их [5]. К основным принципам организации практики относят: связь её с жизнью, соответствие содержания и организации требованиям, предъявляемым и школе, и учителю; систематичность и непрерывность; усложнение её содержания и методов организации от курса к курсу; связь с теоретическими курсами; комплексный характер практики [1].

Таким образом, профессиональное становление будущего педагога в процессе практики носит поэтапный характер, причём к концу каждого этапа студент должен достигнуть нового качественного уровня профессионально-практической подготовленности. В связи с этим была сформирована *цель нашего исследования*: на основании опроса работодателей выявить недостатки в подготовке выпускников и наметить перспективы формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта в условиях непрерывной практики.

В организованном нами анкетном опросе приняли участие более ста представителей работодателей в возрасте от 30 до 50 лет различных учреждений дополнительного образования детей спортивной направленности, где студенты факультета физической культуры и спорта Кемеровского государственного университета (КемГУ) проходят различные виды практик или были трудоустроены.

Результаты исследования

Выпускники факультета физической культуры и спорта полученные в вузе знания и навыки могут применять в общеобразовательных учреждениях различного типа, учреждениях дополнительного образования спортивной направленности, а также работать в качестве инструктора по физической культуре дошкольных образовательных учреждений. Исходя из результатов анкетного опроса, по мнению 70 % представителей работодателей выпускники факультета в основном устраиваются работать по специальности, 25 % считают, что большинство выпускников не работает по специальности, и только 5 % затруднились с ответом. Таким образом, результаты анкетного опроса согласуются со статистическими данными распределения, свидетельствующими о том, что большинство выпускников факультета физической культуры и спорта работают по специальности в различных общеобразовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования спортивной направленности.

Ответы на вопрос, который также был обращён к представителям работодателей в сфере физической культуры и спорта: «Вы удовлетворены уровнем профессиональной подготовки работающих у Вас выпу-

сников?» показали, что 40 % опрошенных удовлетворены уровнем профессиональной подготовки; 40 % удовлетворены, но не в полной мере и 20 % не удовлетворены уровнем подготовки выпускников. Большинство работодателей считает, что выпускники готовы к профессиональной деятельности, так как у них в достаточной мере имеется багаж знаний и умений для организации и проведения учебно-тренировочных занятий, спортивно-массовых мероприятий, умение работать с документами планирования, разбираться в планах и т. д.

Ответы работодателей на следующий вопрос: «Какое количество выпускников факультета физической культуры и спорта КемГУ работает в Вашем учреждении?» приведены в таблице 1. Отвечая на данный вопрос, респонденты отмечали, что многие, ещё будучи студентами старших курсов, начинают трудовую деятельность в учреждениях дополнительного образования спортивной направленности.

Таблица 1
Ответы представителей работодателей на вопрос: «Какое количество выпускников факультета физической культуры и спорта КемГУ работает в Вашем учреждении?»

<i>Наименование учреждения</i>	<i>Количество выпускников</i>
ГОУ ДОД «ОБЛДЮСШ»	5
ГОУ ДОД «СДЮСШОР по тяжёлой атлетике»	3
ГАОУ ДОД «Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий»	2
МАОУ ДОД «ДЮСШ № 5»	6
МОУ ДОД «СДЮСШОР по хоккею с мячом»	4
МОУ ДОД «СДЮСШОР № 1»	7
МОУ ДОД «СДЮСШОР № 3»	6
МАОУ ДОД «ДЮСШ № 6»	4
ГОУ ДОД «ОСДЮСШОР по спортивной борьбе»	4
ЧОУ КДЮСШ «Атланта»	8

На следующий вопрос: «На Ваш взгляд, может ли выпускник организовывать и проводить физкультурно-массовые и спортивные мероприятия?», большинство работодателей (85 %) считает, что выпускник вполне может проводить мероприятия, так как начиная с педагогической практики, студенты уже имеют представления по проведению данных мероприятий и самостоятельно, под общим руководством педагогов проводят соревнования, спортивно-массовые мероприятия; 8 % респондентов затруднились с ответом и 7 % считают, что выпускник не может самостоятельно проводить мероприятия из-за того, что у него мало опыта в их организации и проведении.

Примерно такая же ситуация сложилась с ответами на вопрос: «Как Вы считаете, может ли выпускник организовывать работу малых коллективов?». Большинство респондентов (80 %) считает, что выпускни-

ки могут организовывать работу малых коллективов, 10 % ответили – «скорее не могут» и 10 % респондентов затруднились с ответом.

Следующий вопрос звучал следующим образом: «Может ли выпускник работать с финансово-хозяйственной документацией в сфере физической культуры и спорта?». Отвечая на него, 75 % респондентов считают: «скорее не может». К сожалению, выпускники вуза действительно не получают должных базовых знаний по вопросам финансово-хозяйственной деятельности учреждений в сфере физической культуры и спорта, что делает актуальным включение в учебный план соответствующих дисциплин. В противном случае выпускнику требуется достаточно большое количество времени для того, чтобы начать разбираться в финансово-хозяйственной документации.

На вопрос: «При проведении занятий соблюдают ли выпускники правила и нормы охраны труда, технику безопасности, могут ли обеспечить охрану жизни и здоровья, занимающихся в процессе занятий?», практически все представители работодателей (95 %) считают, что выпускники соблюдают правила и нормы охраны труда и 5 % затруднились с ответом. Действительно, выпускники ещё в студенческое время при прохождении практики знакомятся с основными нормами и правилами техники безопасности, в том числе на установочной конференции, что в дальнейшем помогает обеспечивать на занятиях охрану жизни и здоровья занимающихся.

В таблице 2 представлены ответы респондентов на следующий вопрос: «Умеет ли выпускник практически использовать документы государственных и общественных органов управления в сфере физической культуры и спорта?». 70 % респондентов считают, что выпускники не умеют использовать документы государственных и общественных органов управления, возможно, это связано, с тем, что в вузе не предусмотрено учебным планом отдельной дисциплины, которая бы знакомила студентов с техникой работы с документами в сфере физической культуры и спорта.

Таблица 2

Ответы работодателей на вопрос:
«Умеет ли выпускник практически использовать документы государственных и общественных органов управления в сфере физической культуры и спорта?»

<i>Варианты ответов</i>	<i>Ответы респондентов</i>
Умеют	20 %
Затрудняются с ответом	10 %
Не умеют использовать документы государственных и общественных органов управления	70 %

В ответах на вопрос: «Как вы считаете, умеет ли выпускник разрабатывать оперативные планы работы и обеспечивать их реализацию в первичных структур-

ных подразделениях?» мнения респондентов разделились, 50 % считают, что выпускник умеет разрабатывать оперативные планы и обеспечивать их реализацию, а 50 % на этот же вопрос дают противоположный ответ.

Отвечая на следующие вопросы, необходимо было дать балльную оценку уровня профессиональной подготовки выпускников, в частности, необходимо было оценить уровень профессиональной общетеоретической подготовки. Практически все (90 % опрошенных) оценили данный критерий в 5 баллов, а 10 % оценили его в 4 балла. При этом все респонденты отметили, что данный фактор оказывает существенное влияние на эффективность профессиональной деятельности.

Следующий вопрос анкеты был сформулирован следующим образом: «Уровень базовых знаний, умений и навыков – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?». Все респонденты ответили на вопрос утвердительно, кроме того, необходимо было дать оценку влияния образовательного учреждения на формирование данного качества, здесь все респонденты были также единодушны и выбрали оценку «5 баллов».

В ходе ответов на вопрос: «Способность работать в коллективе, с детьми – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?», – все респонденты ответили, что данный фактор влияет на эффективность профессиональной деятельности. Далее необходимо было дать балльную оценку влияния образовательного учреждения на формирование данного качества, ответы респондентов и здесь оказались единодушными, все выбрали максимальную оценку.

Вопрос: «Способность эффективно представлять себя и результаты своего труда – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?» дал следующие результаты: 80 % считают, что оказывает, а 20 % считают, что нет. Исходя из результатов видно, что мнение руководителей разделились. Примерная балльная оценка влияния образовательного учреждения на формирование данного качества в баллах выглядит следующим образом: «5 баллов» – 40 %, «4 балла» – 50 %, «3 балла» – 10 %.

На вопрос: «Нацеленность на карьерный рост и профессиональное развитие – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?» 90 % респондентов ответили утвердительно, и только 10 % считают, что не оказывает. Балльная оценка влияния образовательного учреждения на формирование данного качества в баллах выглядит следующим образом: «5 баллов» – 55 %, «4 балла» – 40 %, «3 балла» – 5 %.

Не зафиксировано существенных разногласий респондентов в ответах на вопрос: «Готовность и способность к дальнейшему обучению – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?». Все респонденты ответили на данный вопрос утвердительно, 65 % респондентов оценили влияние образовательного учреждения на

формирование данного качества в 5 баллов, в 4 балла – 35 %.

Таким же единодушием отличались ответы экспертов на вопрос: «Способность воспринимать информацию и анализировать новую информацию, развивать новые идеи – оказывает ли влияние данный фактор на эффективность профессиональной деятельности?». Так же, как и в предыдущих вопросах, все респонденты согласились, что данный фактор оказывает существенное влияние на эффективность профессиональной деятельности. Предложено было дать и балльную оценку влияния образовательного учреждения на формирование данного качества: 30 % респондентов оценили его в 4 балла, в 5 баллов – оценило 70 % респондентов.

Отвечая на заключительный вопрос: «Какие изменения в организации процесса подготовки профессиональных кадров в сфере физической культуры и спорта Вы могли бы предложить?», представителями работодателей было предложено:

- во-первых – ввести в вузе на факультете физической культуры и спорта дополнительную дисциплину по вопросам документооборота, для того чтобы выпускник, окончив вуз, имел представление как необходимо использовать документы государственных и общественных органов управления;

- во-вторых – увеличить количество часов на прохождение практик;

- в-третьих – организовывать встречи, мастер-классы с опытными тренерами-преподавателями спортивных школ по различным видам спорта.

Подводя итоги анкетного опроса, направленного на определение условий и способов формирования профессиональной компетентности будущих специа-

листов физической культуры и спорта, мы пришли к следующим выводам.

1. Профессиональная компетентность должна интегрально формироваться у студентов в ходе практики.

2. Для того чтобы профессиональная компетентность сформировалась в ходе практики, необходимо системно-поставленное организационно-содержательное и учебно-методическое обеспечение практики.

3. В ходе формирования профессиональных компетенций должна быть обеспечена триада, как неразрывная связь звеньев: теория – методика – практика.

4. Одной из важнейших составляющих процесса подготовки будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта является формирование психологических условий профессиональной компетентности.

Таким образом, становится очевидным, что формирование профессиональной компетентности представляет собой одну из важнейших проблем в системе подготовки будущих специалистов в области физической культуры и спорта, а одним из путей становления профессиональной компетентности является непрерывная практика, которая обращает на себя пристальное внимание специалистов и учёных, и по-прежнему остаётся одной из самых важных и актуальных проблем высшей школы. На основании результатов опроса представителей работодателей появляется возможность выявить недостатки в подготовке выпускников вузов и наметить перспективы формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта в условиях непрерывной практики.

Литература

1. Абдуллина О. А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования: учебник для пед. спец. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1989. 139 с.
2. Куликова Л. М. Систематизация непрерывной педагогической практики студентов вуза физической культуры: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2004. 237 с.
3. Маслов Б. В. Подготовка специалистов по физической культуре и спорту в институтах физической культуры. Основы методологии, теории и организации // М.: ГЦОЛИФК, 1989. 63 с.
4. Пупышева Е. Л. Профессиональная компетентность будущего учителя как общее условие формирования профессионально значимых личностных качеств. М.: Просвещение, 2008. 124 с.
5. Шаронин В. Ю. Компетентностный подход в формировании содержания и реализации дисциплин по выбору студентов в вузе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 165 с.

Информация об авторе:

Печерина Оксана Владимировна – старший преподаватель кафедры теоретических основ физической культуры факультета физической культуры и спорта КемГУ, tofk@kemsu.ru.

Oksana V. Pecherina – Senior Lecturer at the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2015 г.

УДК 37:01:001.8

ИНТЕГРАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ПЕДАГОГИКИ

И. Ф. Плетенёва, Л. В. Барина

INTEGRATION OF PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL KNOWLEDGE AS A FACTOR OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC PEDAGOGICS

I. F. Pleteneva, L. V. Barinova

В статье рассматривается взаимосвязь и взаиморазвитие философии и педагогики. Цель работы – показать интеграцию философских и педагогических знаний. Приведены примеры адаптации философских идей в вопросах воспитания и образования, становления национальной системы духовного воспитания и научного образования человека. Рассмотрен процесс развития философии в России в XIX в., влияние философии на развитие отечественной педагогики. Проанализирован вклад русской интеллигенции XIX в. в осмысление философско-педагогических проблем образования.

The paper deals with correlation and mutual development of philosophy and pedagogics. The aim of the work is to show integration of philosophical and pedagogical knowledge. Examples of adaptation of some philosophical ideas to the issues of upbringing and education, the emergence and development of the Russian system of spiritual upbringing and scientific education of a person are given in the work.

Ключевые слова: философия, педагогика, интеграция, взаимосвязь, воспитание, образование.

Keywords: philosophy, pedagogics, integration, correlation, upbringing, education.

Процесс воспитания, как известно, берёт начало задолго до появления системных научных педагогических знаний. Изначально вопросы воспитания решались на уровне практики, затем они начинают изучаться в рамках философии. Философия, интенсивно развиваясь, проникла во все сферы жизни: искусство, религию, науку, этику и эстетику, право и политику. С точки зрения Г. Н. Филонова, философию необходимо рассматривать в качестве фундаментальной основы, интегрирующей во все научные области [11]. Не является исключением в этом плане и педагогическая наука, которая тесно взаимодействует с философией.

Благодаря теоретическим идеям философов, педагогика не стояла на месте, а внедряла в практику философские идеи и взгляды в вопросе воспитания, тем самым развивалась не только философия, но и педагогика, как наука. Именно в XIX в. русская философия задала те научные основы, которые повлияли на педагогов. Разумеется, такое смещение акцентов в педагогике (обучении, воспитании) имеет под собой вполне объективные основания. В качестве одного из них можно указать тот факт, что развитие педагогических взглядов неразрывно связано с развитием философской мысли.

В науке есть мнение трактовать педагогику (В. Н. Ивановский) как «учение о способах содействия воспитанию людей» [1], а философию – как «учение об общих принципах познания бытия и отношений человека и мира» [6]. При анализе приведенных определений философской и педагогической наук со всей очевидностью обнаруживается наличие сходства в предмете их изучения: как философия, так и педагогика направлены на познание человека, его место в системе отношений окружающего мира. На общность философии и педагогики указывал Х.-Г. Гадамер. Он считал, что взаимосвязь философии и педагогики свидетельствует об общности функций двух наук. По

его мнению, функции философии близки функциям педагогики «особенно в формировании духовности как «заботе о себе самом» и в самореализации субъекта» [11]. Данная мысль подтверждается обращением к истории развития этих научных областей.

Характерной особенностью русской философии является то, что она развивается в русле русской культуры. Воплощение и выражение многих философских идей осуществляется через литературу, изобразительное искусство, архитектуру и др. Русская философия формировалась в Киевской Руси в связи с процессом христианизации общества, начало которому было положено в 988 г. [6]. Этим же годом датируется появление первых школ на Руси, что является свидетельством взаимодействия философии и педагогики с первых лет их становления.

Впервые педагогика вычленена из системы философских знаний в начале XVII в. английским философом и естествоиспытателем Фрэнсисом Бэконом и закреплена как наука трудами чешского педагога Яна Амоса Коменского. К настоящему времени педагогика является многоотраслевой наукой, функционирующей и развивающейся в тесной взаимосвязи с другими науками [3].

До XVIII в. философия была проникнута религиозным мировоззрением, но, начиная с XVIII в., ее характеризует освобождение от церковного влияния. Первыми пропагандистами научного знания в русской философии стали представители просвещения М. В. Ломоносов, Ф. Прокопович, А. Н. Радищев, В. Н. Татищев [6]. Интеграция философских знаний в педагогику приобретает особое значение в XIX в., в период, когда образование в России, в значительной степени, утрачивает национальные традиции. В этот период усиливается процесс взаимодействия философии и педагогики.

Начиная с XIX в. философия в России развивается по нескольким направлениям. Одним из направлений

в первой четверти XIX в. становится шеллингианство, куда входили профессора университетов Д. М. Велланский, И. И. Давыдов, М. Г. Павлов. Ими создано первое в России «Общество любомудров», в деятельности которого принимали активное участие просветители Д. В. Веневитинов, В. К. Кюхельбекер, В. Ф. Одоевский [6].

В середине XIX в. видное место в философии занимает славянофильство как новое направление русской философской мысли. Его представляли И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков и др. отстаивали идеи самобытности развития России, освобождения ее от влияния запада. Близки к ним по идейным позициям были истинно русские писатели В. И. Даль, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков [5].

Определенный вклад в развитие философской и педагогической мысли XIX в. внесли «западники». Представители западничества (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев) критиковали церковь и тяготели к западным образцам жизни. Как славянофилы, так и западники имели совершенно определенную точку зрения на развитие образования в России, которая отражала их мировоззренческие взгляды [6].

Философская мысль России второй половины XIX в. сформировала общественный идеал, в основе которого был заложен глубоко нравственный, гуманистический потенциал. Сущность гуманистического идеала названного периода выражалась в следующих характеристиках: признание личностью общечеловеческих, опирающихся на христианскую мораль и нравственность (любовь и уважение к человеку, вера в человека и его духовные силы) ценностей; защита демократических идей, пропагандирующих равенство и братство (свобода личности, народность) народов; осознание необходимости целостного подхода в формировании личности (усовершенствование личности, подъем ее самосознания). Эти идеи проникали в педагогику, стимулировали ее на поиск новых подходов в реализации процессов воспитания и образования [6; 12].

Свое дальнейшее развитие идея формирования образовательного идеала на основе гуманизма получила в трудах Вл. Соловьева и его последователей. В их трудах мы находим ценнейшие педагогические размышления, оригинальные решения разнообразных вопросов воспитания и обучения детей, нравственного, духовного становления индивидуальности. Следует отметить, что российская религиозная философия конца XIX в. развивалась под знаком идей В. С. Соловьева. Эти идеи заключались в том, что человек рассматривался как саморазвивающийся объект, который из религиозной мысли проникает в педагогику.

Несколько позже имеют место попытки сделать педагогику «точной» наукой, основанной на достижениях смежных наук о человеке, в частности, философии. Эта идея принадлежит В. П. Вахтерову, П. Ф. Каптереву, Л. Н. Толстому и др. А ранее, в середине XIX в., П. Г. Редкин делает попытку сформулировать предмет педагогики как науки и делает это с позиции философских взглядов на процессы образования и воспитания. Философская мысль постоянно

обновляется, возрождается, становится более деятельной, живой. Как отмечал К. Н. Леонтьев, это были неустанные поиски Бога, высших идеалов, «стремление к освоению всего многоцветия мировой и нецензированной русской философии» [9]. Педагогика активно интегрировала обновляющиеся философские знания, обогащая тем самым содержание воспитания и обучения.

Взаимосвязь философии и педагогики утверждали выдающиеся представители русской интеллигенции, среди них Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. А. Тургенев и др. Русская интеллигенция, осознавая собственную значимость в обществе, обращалась к философии как естественному для себя языку выражения насущных проблем о человеке, смысле жизни, целях и путях воспитания и образования, духовного возвышения личности, вопросов самоценности личности, ее свободы в обществе. Обсуждением данных вопросов она внесла значительный вклад в осмысление философско-педагогических проблем образования [10]. Ею же поднимается вопрос о необходимости философско-педагогического осмысления путей целостного подхода к воспитанию.

Русская интеллигенция, в лице Ф. М. Достоевского, осознавала особую роль антропологической проблематики в педагогике. Он не являлся философом по профессии, но его произведения наполнены философскими суждениями, размышлениями о вечном, чем несли ценнейшую воспитательную информацию в среду российской общественности. Человек, для Ф. М. Достоевского, это – существо, загадка, сотканная из противоречий, главным из которых является противоречие добра и зла [6]. Антропологизм приобретает первостепенное значение для В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Человек, по их мнению, является высшим существом. Н. Г. Чернышевский в работе «Антропологический принцип в философии» рассмотрел сущность человека на основе антропологического подхода, основанием для такого подхода, послужили естественные науки. [6]. Он выдвинул теорию единства физических и духовных начал в человеке на основе связи человека с природой; развил мысль В. Г. Белинского о великой роли воспитания, которое делает «человека человеком». Последний утверждал, что главная цель, ради которой создается образовательная система, – человек, вне зависимости от социального происхождения, профессии, рода занятий, и она должна помочь ему «быть человеком». [2].

Идеи В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского оказали существенное влияние на развитие педагогики тех лет. Несомненно их влияние на К. Д. Ушинского. Именно он первый попытался рассмотреть педагогические факты и явления с позиции педагогической антропологии. Можно с полной уверенностью утверждать, что К. Д. Ушинский явился одним из ярких представителей педагогики, адаптировавших философские идеи в вопросах воспитания и образования.

Он также связывал специфику разрабатываемой им области педагогической антропологии с филосо-

фией в параметре определения цели, необходимого для образования как деятельности [3].

К. Д. Ушинский доказывал, что главными элементами принципа гуманистического воспитания должны быть: знание ребенка, понимание души ребенка, вера в его способности и силы [12]. Эти мысли полностью согласуются с философско-педагогическими взглядами К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, сформировавших образ «цельного человека», сочетающего в своей образованности народно-православные и общечеловеческие черты [5]. В данном контексте взаимодействие философии и педагогики прослеживается в утверждении идеи целостного воспитания человека посредством вооружения его системой «целостного знания» о внешнем и внутреннем мире [5].

Обращает на себя внимание философско-педагогические взгляды Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, Вл. Соловьева и др., утверждавших, что педагогические идеи не создаются на пустом месте и не могут быть слепо заимствованы из чужого опыта. «Россия должна выбрать свой, отличный от Запада, путь развития, обусловленный ее историей, самобытной жизнью и культурой, – тогда она может стать «во главе умственной и социальной жизни всечеловечества», – писал К. Н. Леонтьев [9]. Он был уверен: Россия должна оберегать собственную культуру от чуждых влияний. Отсюда важнейшая задача общества – сохранить все лучшее и ценное в отечественной культуре, но прежде всего своеобразие – то, «что должно быть дороже всего», считал К. Н. Леонтьев [9]. Подобные высказывания ориентировали педагогов опираться на лучшие исторически сложившиеся отечественные традиции и способствовать развитию действительно национальной системы духовного воспитания и научного образования человека.

«Национальная почва» как основа социального и духовного развития России являлась главной идеей философских исканий К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова и др. Они были глубоко уверены в том, что у России свой, особый, путь развития, основанный на глубоком патриотическом интересе к национальным традициям, к православной педагогике, к народно-христианской практике воспитания и образования. Они призывали к необходимости изучения своеобразия русской культуры и образования, чтобы на их основе строить дошкольное и школьное воспитание и образование в России [5].

Развитие в русской философии идеи о самобытности образования подготовили почву для возникновения новых идей в педагогике, развиваемых В. И. Водовозовым, Н. И. Пироговым [5] и страстным поборником воспитания русских детей, основанного на народных традициях, К. Д. Ушинским.

Идеал новой, гуманистической школы в исканиях русских педагогов конца XIX в. становится приоритетным направлением не только их научных, но и практических интересов. Педагогическая мысль, будучи трансформатором передовых философских идей того времени, вобрав в себя все составляющие гума-

нистического мировоззрения, выработала собственное понимание гуманистической парадигмы в педагогике, которая включала в себя любовь к ребенку, веру в добрые силы детской души, ценностное отношение к личности ребенка; создание условий для свободной деятельности ребенка; учет возрастных, природных и индивидуальных особенностей ребенка и создание условий для саморазвития, самообразования и самовоспитания. Представители общечеловеческого направления в педагогике видели в её истинах общее средство улучшения человека, его физического, умственного и нравственного развития [5].

Надо заметить, что философские, культурологические, религиозно-педагогические идеи взаимосвязаны. Философы стремились не только к разработке теоретических положений в воспитании человека, они пытались найти конкретные пути в решении данного вопроса и дать практические рекомендации педагогам по воспитанию подрастающего поколения. Необходимо отметить, что одной из главных целей в воспитании они видели нравственное воспитание. «Фундаментом современных педагогических исследований должна стать философская ценностная установка – насыщенность нравственной сферы личности», считал РАО Г. Н. Филонов [11].

Таким образом, под влиянием философско-педагогической мысли о необходимости развития действительно национальной системы духовного воспитания и научного образования человека школа начинает делать «первые шаги» к поиску русского пути развития. По мнению Л. Н. Модзалевского, «она старалась установить основные принципы, без которых сама практика воспитания и обучения могла бы идти или превратно, или по одной рутине» [7]. Развитие отечественной философии и педагогики шло в едином русле, обусловившем не только взаимосвязь философских и педагогических идей, но, что гораздо существеннее, взаимопонимание философии и педагогики. Этот факт позволил в свое время С. И. Гессену сформулировать простую и в то же время очень емкую и значимую для понимания сути образования мысль о том, что педагогика есть прикладная философия [10]. Более того, ученый считает, что философия является стержнем образования, она развивается параллельно с развитием личности. Именно русская философия задала в XIX в. те научные основы, которые повлияли на педагогов. Разумеется, такое смещение акцентов в педагогике (обучении, воспитании) имеет под собой вполне объективные основания. В качестве одного из них можно указать тот факт, что развитие педагогических взглядов неразрывно связано с развитием философской мысли.

Подчеркнем, с конца XIX в., в России начинает складываться область философии образования прежде всего, благодаря педагогическим работам К. Д. Ушинского и П. Ф. Каптерева, позднее В. В. Розанова. Именно В. В. Розанову принадлежит формулировка и определение области философии образования.

В свою очередь, в качестве отдельной дисциплины философия образования в мире, как область философского знания, ведет отсчет своей истории с начала XX века. Её родоначальником считается англо-американский философ Джон Дьюи [4].

Таким образом, мы отмечаем, что более столетия развивалась философско-педагогическая работа нескольких поколений русских мыслителей. Как правило, они не являлись профессиональными исследователями педагогических проблем, но определенно работали в той сфере человеческой мысли, которая рождает философию педагогики, то есть основу для построения педагогической теории, методики воспитания и обучения.

Анализ наследия ученых позволяет сделать вывод, что идеи семейного воспитания, взаимоотношения родителей и детей становились центральными как в философской, так и в педагогической мысли. Эти идеи интегрировали из философии в педагогику. Подобная интеграция способствовала скорейшему решению проблем взаимодействия семьи и школы в нравственном воспитании и подготовке подрастающего поколения к самостоятельной жизни.

Следует отметить, что взаимосвязь и взаимопроникновение педагогики и философии находят отражение в общности интереса к культуре – национальной и общечеловеческой, к личности – свободной и творческой, к образованию и воспитанию – как социокультурным феноменам.

Таким образом, благодаря теоретическим идеям философов, педагогика не стояла на месте, а внедряла в практику философские идеи и взгляды в вопросе воспитания, тем самым развивалась не только философия, но и педагогика, как наука.

На основании вышеизложенного, мы считаем, что педагогика никогда не развивалась самостоятельно, она всегда развивалась во взаимодействии с другими областями знаний, прежде всего, с философией. Все педагогические мысли, идеи зарождались на почве философии, т. е. как только появляется в определенный промежуток времени та или иная философская идея, тут же начинают зарождаться определенные педагогические идеи. Безусловно, они носят не философский характер, а педагогический, и направлены на воспитание подрастающего поколения. Но какие бы педагогические идеи в вопросе воспитания мы не рассматривали, в основе этого процесса лежат философские законы.

«Еще и поныне представляется естественным полагать, что обеспечение единства знания – это неотъемлемая функция философии», – считает Ю. Н. Солонин [10].

Таким образом, философия и педагогика были тесно взаимосвязаны между собой. Идеи образования и воспитания, развития личности, возникшие в философии, подхватывались, группировались, концентрировались педагогами и получали новое развитие в педагогике. Данный факт позволяет утверждать, что интеграция философских и педагогических знаний послужила основанием становления и развития научной педагогики.

Литература

1. Алексеев Н. Ю. Научная философия как «культурная система» (О Владимире Николаевиче Ивановском и его идеях) // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 3 – 10.
2. Белинский В. Г. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. 288 с.
3. Историческая справка. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Педагогика>.
4. Историческая справка. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Философия_образования.
5. Кларин В. М., Петров В. М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX – XX вв. М., 1966. 124 с.
6. Лавриненко В. Н. Философия: учебник. М.: Юристъ, 1998. 520 с.
7. Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён. Для педагогов и родителей. Т. 1. СПб.: изд. Н. Г. Мартынова, 1892. 433 с.
8. Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М.: ИНИОН РАН Москва, 2006. 476 с.
9. Северикова Н. М. Константин Леонтьев и византизм // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 85 – 94.
10. Солонин Ю. Н. Вопросы философии. Привитие философии (Философские факультеты и философская культура) // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 3 – 13.
11. Филонов Г. Н. Герменевтический ресурс рефлексии в современном образовании // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 158 – 162.
12. Шабаева М. Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1980. 367 с.

Информация об авторах:

Плетенёва Ирина Финогеновна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, г. Елец.

Irina F. Pleteneva – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Pre-School and Special Education, Bunin Yelets State University.

Барина Лариса Владимировна – аспирант кафедры педагоги начального обучения, заместитель директора МБОУ СОШ № 21 г. Липецка, barinavalora@mail.ru.

Larisa V. Barinova – post-graduate student at the Department of Primary Education, Deputy Director at Secondary School № 21, Lipetsk.

(Научный руководитель – И. Ф. Плетенева).

Статья поступила в редколлегию 19.03.2015 г.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ ОТЦОВСТВЕ И МАСКУЛИННОСТИ

Л. Х. Урусова

TO THE QUESTION OF THE MODERN FATHERHOOD AND MASCULINITY

L. Kh. Urusova

В статье исследуется явление маскулинности сквозь призму традиционного и современного отцовства. Отцовство представляется как социальный институт, где к мужчине предъявляются определенные права, обязанности, требования, социальные стандарты и культурные стереотипы в процессе воспитания.

The paper discusses the phenomenon of paternity in the context of traditional and modern approaches to understanding masculinity as normative reference. Fatherhood is represented as a social institution, where the man has to meet certain rights, duties, requirements, social standards and cultural stereotypes in the education process.

Ключевые слова: гендер, гендерное воспитание, маскулинность, отцовство, традиционная маскулинность, новая маскулинность.

Keywords: gender, gender education, masculinity, fatherhood, traditional masculinity, the new masculinity.

В последнее время в научной среде наметилась тенденция изучения проблемы маскулинности и отцовства. Интерес к данной проблематике вызван в результате «смещения» привычных гендерных стандартов и стереотипов в современном российском обществе. Привычное распределение ролей «отцовства» и «материнства» в рамках современной семьи терпит существенные трансформации, вызванные рядом причин: экономических, социальных, психологических, гендерных и т. п. Разнообразие вариантов родительства и супружеско-партнерских отношений выявляет новые тенденции, и становятся предметом исследования современных психологов, социологов и педагогов. Содержание современного отцовства и маскулинности в целом нуждается в научном исследовании. Пласт гендерных исследований современной науки может представить малое количество трудов, посвященных изучению маскулинности, отцовства и мужской родительской роли. Анализ работ, посвященных исследованию проблематики детско-родительских отношений направлен на исследование феномена материнства, а суть, содержание и противоречивые тенденции современного отцовства изучены мало.

Цель данной статьи – исследование маскулинности сквозь призму традиционного и современного отцовства.

Глобальное развитие современного общества повлекло за собой изменение не только социальных позиций, но и гендерных стандартов и традиционных установок статусных ролей в социуме. Традиционная вовлеченность женщин в семейные заботы и воспитание детей незаметно сменилась их активным участием в профессиональной деятельности и карьере. Высокая степень занятости современных женщин в профессии, влечет за собой соответствующую занятость непосредственно мужчин в доме. Границы нормативно-гендерных представлений о материнстве и отцовстве стали расширяться и варьировать. Трансформация гендерных ролей связана с меняющимися нормами современной фемининности и маскулинности.

Г. М. Андреева справедливо отмечает, что наряду с общественными преобразованиями в современном социуме, значимую роль нужно отводить феномену отцовства – как общественно-создаваемому конструкту, учитывая при этом его исторические, культурные и социальные компоненты [1].

И. С. Клецина, исследуя феномен «отцовство», представляет его как некий социальный институт, где к мужчине-родителю предъявляются определенные права, обязанности, требования, социальные стандарты и культурные стереотипы в процессе воспитания. Наряду с материнством, отцовство можно рассматривать с двух позиций: как свод обязательств для воспитания ребенка и как часть личностной самореализации. Взаимосвязь этих позиций неоспорима. С первой точки зрения, отцовство сосредоточено на развитии ребенка и соответственном анализе личностных характеристик отца. Рассмотрение же отцовства с точки зрения самореализации – главная функция [2].

И. С. Кон считает, что в социуме половая дифференциация стала менее значимой, а сам процесс изменений гендерных стандартов – закономерное требование современности [3].

Маскулинность – генетически заданные свойства психики, формирующиеся под влиянием социально принятых норм. Маскулинность можно определить как устойчивые, стандартизированные образцы мужественности, принятые в определенной общности в качестве нормы [7].

В любом социуме стереотипные представления о нормах мужественности и женственности продиктованы исторически сложившимися гендерными стандартами. Общепринятые модели гендерного поведения зачастую формируют напряженные и несимметричные отношения между маскулинностью и фемининностью. При этом эти нормативные модели порой препятствуют индивидуальному развитию личности. Таким образом, возникает потребность в создании концепций, направленных на гендерную социализацию, которые основывались бы на воспитании индивидуальности в женщине и мужчине и вариативности в овладении поло-ролевым поведением. [6].

С. А. Ильиных, исследуя концепты маскулинности и фемининности в русле гендерного подхода, считает, что гендерные стереотипы являются модификацией социальных стереотипов, они складываются в процессе общественной коммуникации и передаются в процессе коммуникации [4].

В настоящее время влияние современных средств массовой коммуникации на общественное мнение и социальные позиции переоценить сложно. Поскольку они выступают одним из основных источников социального конструкта реальности. Быстрый и мобиль-

ный доступ к неограниченному количеству всевозможных источников позволяет занимать современным электронным СМИ и Интернету приоритетную позицию, выступая при этом, одним из основных каналов современной общественной коммуникации.

В современном обществе происходит эффективное коммуникативное взаимодействие с использованием традиционных и электронных СМИ, телевидения, сети «Интернет», социальных сетей. Ежедневно пользуются Интернетом 40 % россиян. Социальные сети посещает 52 % пользователя Интернет. Гендерные социальные сети создаются для общения пользователей определенной половой принадлежности.

Представления о мужественности и женственности в разные времена и в различных культурах различаются, можно выделить универсальные представления, например, терпимость, скромность, сострадание, заботливость, традиционно рассматривались как специфически женские качества. Выраженные мужские качества: сила, стойкость, решительность, мужество. Можно констатировать проявление андрогинности в личности современного человека, что позволяет ему чувствовать себя свободно в большинстве жизненных или же деловых ситуаций. Образованность и общественная активность женщин показали, что стереотипное представление об универсальном «половом разделении труда» условно. «Маскулинную» и «феминную» деятельность могут успешно выполнять представители обоих полов, а изменение характера деятельности неизбежно влияет на их самосознание. Появилось много семей, где обязанности по воспитанию ребенка разделяются равномерно между супругами, то есть отец активно участвует в воспитании своих детей. Женщины добились равенства с мужчинами в политических, экономических и социальных правах, получили доступ к политике и бизнесу. Активным участником общественно-политической жизни становится женщина, которая стремится повысить свой образовательный уровень и реализоваться в профессиональной сфере. Хотя до сих пор в мире сохраняются гендерные предубеждения и дискриминация, происходящие изменения в социальной дифференциации маскулинности и феминности изменили многие привычные гендерные представления.

Современные тенденции маскулинности и феминности приобретают новые формы и содержание. Нормативные тенденции маскулинности и феминности диктуют социальные гендерные установки данного общества. Маскулинность и феминность являются социально конструируемыми понятиями. Представления о мужественности и женственности различаются в культурах, это накладывает отпечаток на нормы гендерных взаимоотношений.

Многообразие концепции осознания гендерной идентичности – теория когнитивного развития Колберга, психоаналитическая теория Фрейда и группа теорий так называемого социального научения – сходны в одном – процесс гендерной идентификации личности – поэтапный и сложный.

Развитие и изменения в обществе неизбежно влекут за собой трансформацию тенденции гендерных социальных ролей. Так, например, до конца XIX века женщинам во всем мире было запрещено получать

высшее образование. Однако столетие спустя число образованных женщин во многих странах превысило число образованных мужчин.

Следует отметить, что недостаточно исследована проблема влияния гендерных стереотипов на супружеские отношения.

Патриархальный уклад российского общества традиционно определил, что мужчина являлся основным кормильцем в семье, а женщина занималась воспитанием детей и обустройством дома. С приходом рыночных отношений, когда мужчинам и женщинам пришлось подстраиваться под новые социально-экономические условия, гендерная специфика стала оказывать всё меньшее влияние на распределение домашних обязанностей, включая и сферу воспитания детей.

Трансформация гендерных стереотипов и родительско-супружеских отношений происходила в нашей стране в результате специфических исторических условий:

- отмена права на наследование собственности, характерная для советского времени, в немалой степени сказалась на ослаблении «фундаментальной» мужской заинтересованности в родных, наследниках;

- с возвращением в Россию права частной собственности у мужчин, которые стали бизнесменами и обзавелись разного рода активами (недвижимостью, ценными бумагами и разным другим имуществом), начал возникать вопрос о передаче этого имущества по наследству;

- незаконность биологического отцовства вне зарегистрированного брака, повлекло за собой рост «незаконнорожденных» детей и психологическое дистанцирование от своих детей отцов, не желающих стеснять себя узами брака;

- феминизация воспитания и образования мальчиков, обусловленная, в свою очередь, как советскими идеологическими стереотипами разделения труда, так и объективными реалиями послевоенного времени и как результат – численное гендерное различие, обусловила развитие инфантильности в представителях «сильного» пола и, как следствие, снизила уровень ответственности мужчин за воспитание своих детей.

Развитие идей индивидуализма и, как следствие, снижение рождаемости, привело к тому, что дети стали обретать всё большую ценность в глазах отцов, ведь, в отличие от матерей, их (детей) рождение могло осуществляться только при участии женщины. Но женщины, за несколько десятилетий привыкшие единолично заботиться о своих детях, не спешат разделить своё влияние на них с их отцами. Сохранению этой традиции способствует и судебная практика, которая, в случае развода супругов, в большинстве случаев оставляет детей с матерью. Все эти факторы вынуждают мужчину-отца отвоевывать право на своё присутствие в духовной и материальной жизни ребенка. Современные отцы создают свои общественные организации (например, правозащитная организация «Отцы и дети» в России), просто объединяются в Интернете, чтобы поддерживать друг друга и делиться опытом (см. сайты www.ipara.ru, www.otcovstvo.info и др.).

Большинство мужчин считают, что домашнее хозяйство – "женское дело", а многие женщины полага-

ют, что мужчина – главный добытчик в семье. В настоящее время отклонение от данного гендерного стандарта, считается ломкой половых стереотипов. К примеру, по мнению большинства, мужчина-домохозяин – не мужественный, а женщина-начальница – не женственна. Подобная гендерная дифференциация ролей исторически закрепились в сознании людей в течение нескольких поколений. От давления на общественное сознание со стороны гендерных стандартов, может выступить первичная социализация личности. Ребенок будет применять стандарты гендерного поведения, увиденные в собственной семье. Однако это слабый аргумент против мощи традиционных гендерных представлений, укорененных в общественном сознании людей.

В научной литературе проблемы гендера были больше связаны с «женским» вопросом, но не менее актуальными являются «мужские» вопросы исследования гендера, тем более, когда речь заходит об отцовстве. И. С. Клецина, исследовав место отцовских ролей и маскулинности, полагает, что биологический подход, опираясь на принцип естественного отбора, обуславливает поведенческие механизмы или инстинкты маскулинности и фемининности. Данные инстинкты – исторически закреплённые нормы половых представлений особой данной популяции. Биодетерминизм диктует социальные представления о маскулинности и фемининности [2]. То есть, в процессе эволюции формируется дифференцированность особей: мужчины с проявлением активности, физической силы, соревновательности, низкой эмоциональности, а женщины со склонностью к заботе, пассивности, высокой эмоциональности и сотрудничеству.

Согласно законам природы, доля мужчины в воспитании детей меньше женщины. Традиционно, стереотип отцовства сводился не только к физическому уходу и заботе о детях, но к реализации властных ролей в семье и обществе. Социальное «размежевание» между отцом и ребенком обеспечивалось традициями данного общества: обычаев избегания, аталычество и т. д.

Трансформационные процессы развития современного общества актуализируют потребность в анализе современных воспитательных методик и поиске инновационных способов всестороннего развития личности ребенка. Мужское и женское воспитание – два разных стиля, два подхода. Если провести блиц-опрос среди обычных родителей, не являющихся профессиональными психологами, скорее всего окажется, что почти никто не представляет себе толком, что это такое, но все твердо знают: различие между мужским и женским воспитанием существует. И многие родители согласны с тем, что есть, наверное, некий смысл в существовании разных типов воспитания. Согласно общепринятым нормам, фемининное воспитание – это нечто деликатное, нежное, эмоциональное, маскулинное же, наоборот, склонно к дисциплине, брутальности и жесткости. Но в некоторых семьях наблюдается взаимное замещение ролей, а значит и смещение в стилях воспитания. Мужской и женский стили возникли не на ровном месте. За ними и психология, и физиология, и история. Сама природа. Роль матери в воспитании ребенка неопределима. Связь матери и ребенка начинается с вынашивания

младенца в течение нескольких месяцев, затем кормление грудью, ухаживание и забота. Роль отца – в другом. Мужчина создает для женщины и ребенка комфортные условия существования. Так выглядит традиционный вариант. И стоит отметить, что исторически сложившиеся традиции до сих пор оказывают на семейные взаимоотношения большое влияние. Именно они задавали и продолжают задавать многие ролевые стандарты мужского и женского поведения.

Психические свойства определяют формирование гендера: фемининности и маскулинности. По мнению И. С. Клециной, психоаналитический ракурс формирования личности сводится к тому, что зрелая личность – это результат влияния не биологического, а социального развития личности. Маскулинный стержень в мужчине выстраивает не природа, а социум. Динамика психологического развития маскулинного конструкта сводится к низкой эмоциональности, властности, соревновательности, лидерству и жесткости. Автор противопоставляет мужской родительской роли женскую и гендерный контраст, в данном случае, оправдан. Так, душевная и эмоциональная близость матери с детьми противоположна отцовской отчужденности и дистанцированности, забота и ласка матери контрастирует со строгостью и сдержанностью отца. То есть, ролевая позиция отцовства противостоит материнскому поведению [2].

В современном быстро развивающемся мире происходит трансформация сути маскулинности. От «традиционного мужчины» общество ожидает брутальности, жесткости, доминирования, силы, дисциплины. Хотя при этом не нужно забывать и об естественной маскулинности, где нет определенно очерченных границ. Естественная маскулинность – это ни признак кризиса маскулинности, ни пример «несостоявшейся» мужчины. Суть этого процесса состоит в гармоничном развитии маскулинной личности. Феномен "маскулинность" нуждается в переосмыслении [5].

Негативные последствия приверженности определенному нормативному образцу порождают потребность в "замене" слабых звеньев гегемонного маскулинного конструкта. Изменение традиционных маскулинных стереотипов – естественный результат современности. Хотим мы этого либо нет. Смещение традиции и современности всегда влечет за собой ложные истины. И, как правило, изменение и обновление традиции происходят очень быстро. При этом одни преувеличивают, а другие преуменьшают степень изменений. Изменение сути маскулинности обусловлено гендерными физиологическими различиями. Единообразие маскулинности также невозможно, как и создание "нового человека".

Таким образом, сегодня мужчинам предстоит заново искать своё место в семейной системе, заново обретать свою социальную репутацию и учиться понимать своих детей. Этот процесс может быть довольно долгим, если общество не откликнется на эту потребность и не поможет современным отцам стать более компетентными, уверенными и эффективными как в вопросах воспитания ребенка, так и в собственном саморазвитии. Сегодня отцы нуждаются в специальной литературе, «технологической» и психолого-

педагогической поддержке, а также в принятии обществом новой модели семьи – когда отец из «помощника» матери в вопросах семейного воспитания стано-

вится полноценным участником педагогического взаимодействия.

Литература

1. Андреева Г. М. Личность в поисках идентичности в глобальном мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПб ГУП, 2008.
2. Клёцина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3(52). С. 29 – 41.
3. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
4. Ильиных С. А. Концепты маскулинности и фемининности // Идеи и идеалы. 2011. № 4(10). Т. 1. С. 131 – 144.
5. Урусова Л. Х. К вопросу о стереотипах маскулинности и феминности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 124 – 127.
6. Урусова Л. Х. К вопросу о современных проблемах гендерного воспитания // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2013. № (32). С. 110 – 113.
7. Урусова Л. Х. Модели гендерного воспитания в этнокультурном пространстве адыгов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №. 2(58). Т. 1. С. 115 – 117.
8. Чикалова Е. А. Содержание социальных представлений об отцовстве в тематических Интернет-изданиях // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2014. №. 4. С. 2183. <http://www.emissia.org/offline/2014/2183.htm> (дата обращения: 15.03.2015).

Информация об авторе:

Урусова Лаура Хабаловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, lauraurusova@gmail.com.

Laura Kh. Urusova – Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer at North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2014 г.

УДК 378

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИОБЩЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОМУ ТРУДУ

Т. М. Чурекова, Е. Н. Штогрин

PRE-CONDITIONS OF TEACHING SOCIALLY USEFUL WORK TO SECONDARY SCHOOL STUDENTS

T. M. Churekova, E. N. Shtogrina

В статье в контексте анализа современных законодательных и методических документов авторы раскрывают некоторые предпосылки приобщения школьников к общественно полезному труду, а именно: наличие целевого компонента общественно полезного труда в федеральных нормативно-правовых документах; расширение воспитательной системы школы дополнительными образовательными программами внеурочной деятельности; наполнение содержательного аспекта образовательных программ внеурочной деятельности различными видами общественно полезного труда.

The paper reveals some of the pre-conditions for teaching socially useful work in the context of the analysis of current legislative and methodical documents, namely: the presence of the target component of socially useful work in the Federal standard and legal documents; the expansion of school educational system with additional educational programmes and extracurricular activities; filling the content aspect of of extracurricular activities syllabi with various types of community work.

Ключевые слова: общественно полезный труд, потребность в труде, социально значимая деятельность, труд на общее благо, виды общественно полезного труда.

Keywords: socially useful work, need for work, socially significant activity, work for the public good, types of socially useful work.

Проблема приобщения школьников к общественно полезному труду, воспитания у них трудолюбия, ответственности, интереса к трудовой деятельности является одной из актуальных проблем современного образования. Анализ современных нормативно-право-

вых и методических документов федерального уровня [3; 6; 9] позволяет заключить, что в условиях современной общеобразовательной школы, значимыми в контексте трудового воспитания являются такие базовые национальные ценности, как забота и помощь,

ответственность и чувство долга, целеустремленность и настойчивость, дисциплинированность, бережливость и уважение к труду на общее благо, творчество и созидание.

Важно отметить, что данные ценности красной нитью проходят в работах классиков отечественной педагогики П. П. Блонского, Н. Ф. Бунакова, Н. К. Крупской, П. Ф. Лесгафта, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, К. Д. Ушинского и др. В педагогическом учении К. Д. Ушинского общественно полезный труд выступает как основа, средство и цель человеческого существования, как источник нравственного, умственного и физического совершенствования человека, как обязанность служения Отечеству и ближним. Ведущей идеей в педагогической системе А. С. Макаренко является идея воспитания человека-труженика, человека-творца, умеющего творчески и с радостью трудиться на благо коллектива, проявляя такие личностные качества, как заботливость, ответственность, дисциплинированность и др. По мнению В. А. Сухомлинского, именно общественный труд, приносящий пользу другим людям, становится великим воспитателем, «дает радость дружбы и товарищества, развивает пылкость и любознательность, рождает волнующую радость преодоления трудностей, открывает новую красоту в окружающем мире» [7].

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть мысль педагогов-классиков о том, что испытать радость труда школьники смогут, ощутив его общественную значимость. Поэтому именно общественно полезный труд должен стать в системе воспитательно-образовательного процесса школы приоритетным направлением и одним из главных его компонентов.

Изучение и анализ современной школьной документации (положение об общественно полезном труде, уставы школ, рабочие программы и др.) позволил обобщить понятие «общественно-полезный труд» и определить содержательные характеристики его целевого компонента. Под общественно полезным трудом понимают совместную преобразовательную, природоохранную деятельность детей и взрослых, связанную с социальной активностью личности и включающую коллективистические мотивы, чувство долга и ответственности, заботу об окружающей среде, положительное отношение к труду на пользу других людей. Кроме того, отмечаются особенности этого вида деятельности, который имеет постоянный характер, регулярность, периодичность, сплачивает коллектив, приносит реальную пользу классу, школе. Содержательными характеристиками целевого компонента общественно полезного труда, в современных общеобразовательных учреждениях являются:

- формирование сознательной потребности трудиться на благо коллектива, уважения к людям разных профессий, заботливого и бережного отношения к общественному достоянию, окружающей среде;
- привитие навыков самообслуживания в классных кабинетах, зданиях школы, пришкольной территории;
- формирование активной жизненной позиции, творческого отношения к различным видам общественно полезного труда;
- развитие творческой инициативы, познавательных, психологических и физических качеств личности;

– воспитание нравственного отношения учащихся к социально значимой общественной деятельности;

– воспитание трудолюбия, ответственности, взаимопомощи, коллективизма, дисциплинированности.

Кроме того, считаем важным отметить, что указанные содержательные аспекты целевого компонента общественно полезного труда нашли отражение в Концепции духовно-нравственного воспитания личности гражданина России, где одним из направлений социального становления личности является воспитание трудолюбия, творческого отношения к разным видам труда, включая общественно полезный труд [3].

Однако на практике дело обстоит сложнее. Проблема воспитания высоких моральных качеств (трудолюбия, ответственности, заботливости, взаимопомощи) в социально значимой общественной деятельности, нравственного отношения к труду остается открытой. В качестве примера приведем статистические данные социологического опроса, проведенного в образовательных учреждениях Нижегородской области. Респондентам было предложено ответить на несколько вопросов в содержательном блоке «технологическое образование». На вопрос «Нужно ли в начальной школе вводить общественно полезный, производительный труд?» 80 % опрошенных ответили отрицательно, аргументировав свой ответ тем, что нет необходимости загружать таким трудом школьников. Отвечая на вопрос «Выполняются ли реально программы по технологиям в начальной школе?» лишь 10 % респондентов дали утвердительный ответ. И, наконец, на вопрос «Заменяются ли уроки технологии в начальной школе другими предметами?» были получены следующие данные: 70 % – да, 10 % – нет, 20 % – иногда [8].

Приведенные результаты опроса говорят, во-первых, о том, что в практике современной начальной школы общественно полезному труду не уделяется должного внимания со стороны педагогической общности, которая слабо заинтересована в привлечении обучающихся к труду на общее благо; во-вторых, подготовка младших школьников к труду в сфере изучения образовательной области «Технология» осуществляется на низком уровне; в-третьих, общественно полезный труд в начальной школе отличается ситуативным характером, без ярко выраженных элементов системности, последовательности, мотивационной направленности. Принимая во внимание данные заключения, имеющие отношение к младшему школьному возрасту, можно сделать предположение о том, что на средней и старшей ступенях общего среднего образования проблема воспитания трудолюбия, трудовых умений и навыков также ожидает своего решения.

Анализ современной научно-методической и педагогической литературы за последние 6 лет (начиная с 2009 г.) дает основание утверждать, что обозначенная в данной статье проблема действительно актуальна: современные школьники не хотят и не любят трудиться, их интересы в области трудового обучения крайне скудны, а вопрос с выбором будущей профессии решается не в пользу профессии рабочего-труженика.

Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Е. Л. Болотова, в современных реалиях проблема формирования у школьников уважительного отношения к труду, развития трудовых умений и навыков, мотивации к

выполнению трудовых заданий требует к себе пристального внимания, как со стороны государственных структур, так и со стороны педагогических коллективов массовых школ. Мы соглашались с мнением автора, что практика современных общеобразовательных учреждений позволяет говорить о частых конфликтных ситуациях между родителями и школой, которые связаны с вопросами самообслуживания обучающихся, уборкой учениками классных помещений и школьной территории, летней трудовой практикой и т. д. И это происходит наряду с тем, что у школьников, начиная с начальных классов, желание заняться общественно полезной деятельностью в стенах школы возникает достаточно редко [1].

Исходя из вышесказанного, можно выделить объективно существующие противоречия между:

- признанием на федеральном уровне важности и возможности воспитания у школьников трудолюбия, творческого отношения к разным видам труда, включая общественно полезный труд, и существующим недостаточным уровнем разработки организационно-педагогических условий приобщения обучающихся к социально значимому труду на благо общества, коллектива;

- необходимостью включения младших школьников в общественно полезный труд в условиях реализации ФГОС НОО и отсутствием целенаправленной и системной организации данного процесса, связанной с развитием мотивационно-потребностной сферы учащихся начальных классов.

Выявленные противоречия создают необходимость дальнейшей детальной разработки проблемы привлечения школьников к общественно полезному труду, как в педагогической теории, так и в экспериментальном плане. С точки зрения многих исследователей (Е. Л. Болотова, П. В. Гулидов, В. Е. Павлова и др.), в современной образовательной среде наметились некоторые пути в решении указанной проблемы, среди которых авторы выделяют: воспитание у школьников трудолюбия (принцип государственной политики в области образования) как черты личности; включение трудовой деятельности (Письмо Минобрнауки РФ от 14.04.2011 № МД-463/06 «О рекомендациях по организации детского оздоровительного отдыха») в воспитательную систему, например оздоровительного лагеря (а значит и в систему дополнительного образования); расширение воспитательно-образовательных программ различными видами общественно полезного труда и др. [1; 2; 5].

В условиях реализации ФГОС НОО следует отметить еще одно направление, связанное с появлением во многих общеобразовательных учреждениях страны дополнительных образовательных программ внеурочной деятельности, которые ориентированы на подготовку учащихся младших классов к общественно полезному труду. К примеру, перечислим некоторые из них: «Общественно-полезный труд» (рабочая программа для 1 класса, автор Е. С. Аверьянова), «Дом, в котором я живу» (рабочая программа для 2 класса, автор С. Н. Ефремова), «Помогайка» (рабочая программа для 1 – 4 классов, автор М. В. Емельяненко), «Мастерская добрых дел» (рабочая программа для 2 класса, автор А. А. Колосовская) и др.

Анализ этих и других программ внеурочной деятельности показывает, что они разработаны с учетом основных положений государственной политики в области образования, которыми являются: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободное развитие личности; воспитание взаимопонимания, гражданственности, трудолюбия, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к общественному имуществу и окружающей среде (ст. 3, Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г.). Кроме того, мотивационно-целевой компонент в структуре анализируемых программ включает в себя следующее наполнение:

- формирование мотивов достижения и разных способов учебного сотрудничества;
- раскрытие творческого потенциала ребенка;
- обучение навыкам общественной работы, умению работать индивидуально и в группе;
- развитие коммуникативной компетенции, доброжелательности, доверия и внимательности к людям, готовности к сотрудничеству и дружбе;
- развитие мелкой моторики рук в процессе освоения различных технологических приемов;
- воспитание ответственного отношения к поручению коллектива и др. Большинство образовательных программ рассчитаны на 1 час в неделю, начиная с 1 по 4 классы.

В качестве содержательного компонента авторы выделяют следующие виды общественно полезной деятельности, реализуемые в образовательной практике:

- *самообслуживание*, включающее: дежурство в классе, по школе и в столовой; влажную уборку и озеленение классных комнат; оказание помощи в поддержании чистоты пришкольной территории; изготовление и мелкий ремонт учебно-наглядных пособий, книг и учебных принадлежностей; организацию своего рабочего места (дома и в школе); помощь родителям в уборке и благоустройстве жилища; уход за домашними животными; личную гигиену, содержание в чистоте и порядке личных вещей; мелкий ремонт одежды;

- *сельскохозяйственный труд на пришкольном участке*, предполагающий подготовку семян к посеву; внесение в почву удобрений, выращивание цветочно-декоративных и овощных культурных растений; посадку саженцев для озеленения школьного двора, мелкую обрезку деревьев, кустарников, цветов; окапывание садовых деревьев; охрану зеленых насаждений, уход за ними;

- *волонтерская работа*, которая содержит: заботу о малышах, престарелых людях, оказание посильной помощи ветеранам ВОВ; шефство над детским садом, первоклассниками; помощь в заготовке корма для птиц и животных; заботу о птицах и домашних питомцах; заботу о близких людях; выполнение поручений различных общественных организаций (ГАИ, общества охраны природы и др.);

- *разные трудовые операции*, ориентированные на сбор лекарственных трав, плодов, семян, природного материала; сбор корма для птиц и подкормка их зимой, изготовление кормушек; техническое моделирование; изготовление игрушек и поделок; шитье и

вышивание; мелкий ремонт мебели; работа с пластилином, глиной, картоном, природным материалом.

Роль таких мероприятий в сфере трудового воспитания личности школьника трудно переоценить. Ведь даже элементарная помощь школе, такая как подклейка книг в библиотеке или работа на пришкольном участке могут иметь положительный воспитательный эффект, если дети будут выполнять эти поручения не ради вознаграждения, а из чувства морального долга [4, с. 313]. Такая работа будет полезна для ребёнка и, бесспорно, доставит ему радость.

В ряде программ внеурочной деятельности выделены требования к содержанию общественно полезного труда в начальной школе. Это, во-первых, наполнение труда содержанием познавательного и творческого характера, а также раскрытие общественной и практической пользы труда, его коллективной направленности, при которой возможно создание атмосферы сотрудничества между детьми и взрослыми. Во-вторых, важным является формирование ответственности не только за свою, но и за общую работу, воспитание ответственного отношения к поручению коллектива и бережного отношения к общественным материальным благам. В-третьих, значимо и систематическое использование таких трудовых операций, которые требуют творческой активности и дисциплины, применения на практике первоначаль-

ных навыков рациональной организации индивидуальной и коллективной работы, её планирования и реализации, самоконтроля своей работы.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, считаем, что существенными предпосылками привлечения обучающихся к общественно полезному труду являются:

- наличие целевого компонента общественно полезного труда в федеральных нормативно-правовых документах (Концепция духовно-нравственного воспитания личности гражданина России, Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования и др.), школьной документации (положение об общественно полезном труде, рабочие программы внеурочной деятельности, устав школы, планы воспитательной работы), включающего развитие трудовых умений и навыков, доброжелательности, воспитание положительного отношения к разным видам труда и т. д.;

- расширение воспитательной системы школы дополнительными образовательными программами внеурочной деятельности, ориентированными на подготовку учащихся начальной школы к общественно полезному труду;

- наполнение содержательного аспекта образовательных программ внеурочной деятельности различными видами общественно полезного труда.

Литература

1. Болотова Е. Л. Общественно полезный труд возвращается в школу? // Народное образование. 2012. № 2. С. 36 – 42.
2. Гулидов П. В. Правовые основы использования детского труда в школе // Справочник классного руководителя. 2009. № 10.
3. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2013. 24 с. (Стандарты второго поколения).
4. Лихачев Б. Т. Педагогика. Курс лекций: учеб. пособие. М.: Юрайт, 1999. 523 с.
5. Павлова В. Е. Проблемы трудового воспитания (Почему дети не любят трудиться?) // Алые паруса: проект для одаренных детей. 28.04.2014. Режим доступа: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/04/28/problemny-trudovogo-vospitaniya-pochemu-deti-ne-lyubyat-trudyatsya>
6. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / сост. Е. С. Савинов. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2010. 204 с. (Стандарты второго поколения).
7. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. К.: Радянська школа, 1987. 200 с.
8. Тужилкин А. Ю. Совершенствование организационно-педагогического сопровождения профориентационной работы с молодежью в образовательных учреждениях Нижегородской области. (Презентация) // Госбук. 12.11.2012. Режим доступа: <http://rpp.nashaucheba.ru/docs/index-156935.html>
9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с.

Информация об авторах:

Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ЦПО КемГУ, churekova_t@mail.ru.

Tatiana M. Churekova – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of General and High School Pedagogy, Kemerovo State University.

Штогрин Екатерина Николаевна – аспирант КРИПКиПРО.

Ekaterina N. Shtogrina – post-graduate student at Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Teachers.

(Научный руководитель – Т. М. Чурекова).

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
АБИТУРИЕНТОВ УЧИЛИЩА ОЛИМПИЙСКОГО РЕЗЕРВА*О. М. Чусовитина, А. Н. Шмакова*THE RESEARCH OF PROFESSIONAL IDENTITY
OF THE OLYMPIC RESERVE COLLEGE APPLICANTS*O. M. Chusovitina, A. N. Shmakova*

В статье рассматривается проблема качественного отбора абитуриентов в училище олимпийского резерва с помощью определения статуса профессиональной идентичности. При этом понятие профессиональной идентичности абитуриентов и студентов училища олимпийского резерва трактуется авторами как сложный комплексный личностный механизм, который обуславливает становление профессионально пригодной личности в рамках учебной, спортивной, профессиональной деятельности. Авторы акцентируют внимание на том, что важно определять профессиональную идентичность личности на этапе отбора для обучения в училище по следующим критериям: профессиональное самоопределение, профессиональная пригодность, профессионально важные качества.

Целью исследования явилось выявление профессиональной идентичности абитуриентов, поступающих в училище олимпийского резерва для обучения.

В статье приводятся результаты исследования профессиональной идентичности абитуриентов училища олимпийского резерва. Исследование показало, что большинство абитуриентов, поступающих для обучения в училище олимпийского резерва, имеют среднюю выраженность статуса неопределенного состояния профессиональной идентичности, то есть не все абитуриенты сопоставляют себя с требованиями выбранной профессии.

Полученные результаты говорят о необходимости целенаправленного развития профессиональной идентичности будущих специалистов в ходе профессиональной подготовки, как одного из ведущих критериев становления личности профессионала.

The paper addresses the problem of qualitative selection of applicants in the Olympic Reserve College by defining the status of professional identity. The concept of professional identity of applicants the Olympic Reserve College is treated as a complex personality mechanism. It causes the formation of a personality fit for the academic, athletic and professional activity. It is important to define the professional identity at the selection stage for studying in the college according to the following criteria: professional self-determination, professional qualifications, professionally important qualities.

The aim of the study was the identification of professional identity among students entering the Olympic Reserve College.

The paper presents the results of a study of professional identity of the Olympic Reserve College applicants. The study showed that most students have an average uncertain status of professional identity. That is, not all the applicants compare themselves to the requirements of the chosen profession.

The results suggest that the training should be targeted to develop the professional identity of future specialists as one of the leading criteria of formation of the professional's individuality.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональное самоопределение, профессиональная пригодность, профессионально важные качества личности, абитуриенты училища олимпийского резерва.

Keywords: professional identity, professional self-determination, professional suitability, professionally important qualities of personality, prospective students the Olympic Reserve College.

В связи с изменением социально-экономических условий в обществе проблема выявления профессиональной идентичности будущих специалистов становится актуальной. Современные условия диктуют нам новые требования к более качественному отбору и подготовке специалистов с помощью определения статуса профессиональной идентичности.

Анализ научной литературы позволил нам сделать вывод о том, что профессиональная идентичность как часть комплексного, интегративного понятия социальной идентичности исследовалась многими учеными (Э. Эриксон, Ю. П. Поваренков, Н. С. Пряжников, Л. Б. Шнейдер и др.). В трудах ученых, занимавшихся исследованием данной проблемы, понятие профессиональной идентичности формулируется по-разному. В целом оно подразумевает набор некоторых характеристик, которые помогают ориентироваться в

мире профессий, реализовывать личный профессиональный потенциал. Однако процесс формирования так называемой профессиональной идентичности, не может ограничиваться лишь выбором профессии, но и выявлением набора тех качеств (физических, интеллектуальных, нравственных и т. д.), которыми должен обладать хороший специалист. Любая идентичность это постоянно изменяющийся и комплексный процесс.

Согласно концепции Э. Эриксона при становлении профессиональной идентичности человек проходит те же этапы, что и при социализации – доверие, автономию, инициативность, достижение, идентичность, интимность, творчество, интеграцию [5].

В современной отечественной науке профессиональная идентичность трактуется многоаспектно. Так Н. С. Пряжников характеризует профессиональную идентичность как осознание себя, выбирающего и

реализующего способ взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности [2]. Ю. П. Поваренков рассматривает профессиональную идентичность как принятие индивидом на социальном и психологическом уровнях профессиональных ценностных позиций, нормативных для данного профессионального пространства [1].

Наиболее четкое и емкое определение профессиональной идентичности мы наблюдаем у Л. Б. Шнейдер, которая утверждает, что профессиональная идентичность – это психологическая категория, которая относится к осознанию индивидом принадлежности к той или иной профессии, к определенному сообществу [4]. Однако одного осознания мало, важно иметь не только представление о своей будущей профессии, но и быть готовым к дальнейшей профессиональной деятельности.

Итак, на основе анализа научных исследований мы рассматриваем понятие профессиональной идентичности абитуриентов и студентов училища олимпийского резерва как сложный комплексный личностный механизм, который обуславливает становление профессионально пригодной личности в рамках учебной, спортивной, профессиональной деятельности. При этом, важно определять профессиональную идентичность на этапе отбора для обучения в училище по следующим критериям: профессиональное самоопре-

деление, профессиональная пригодность (в нашем исследовании рассматривается как соответствие требованиям физкультурно-спортивной деятельности), профессиональные важные качества.

В связи с этим целью нашего исследования явилось выявление профессиональной идентичности абитуриентов, поступающих в училище олимпийского резерва для обучения.

В исследовании приняло участие 100 человек – абитуриенты, поступающие в училище олимпийского резерва для обучения по образовательным программам среднего профессионального образования и прохождения программ спортивной подготовки. В исследовании приняли участие абитуриенты следующей спортивной квалификации: 1 разряд – 17 человек; КМС – 75 человек, МС – 8 человек. Среди абитуриентов были представители следующих видов спорта: биатлон, конькобежный спорт, лыжные гонки, фристайл, хоккей, бокс, велоспорт-трек, волейбол, гребля на байдарках и каноэ, легкая атлетика, плавание, пулевая стрельба, греко-римская борьба, тяжелая атлетика, фехтование, художественная гимнастика.

На первом этапе был проведен опрос абитуриентов по методике изучения статусов профессиональной идентичности (по А. А. Азбель, при участии А. Г. Герцова), в результате были получены данные, представленные на рис. 1.

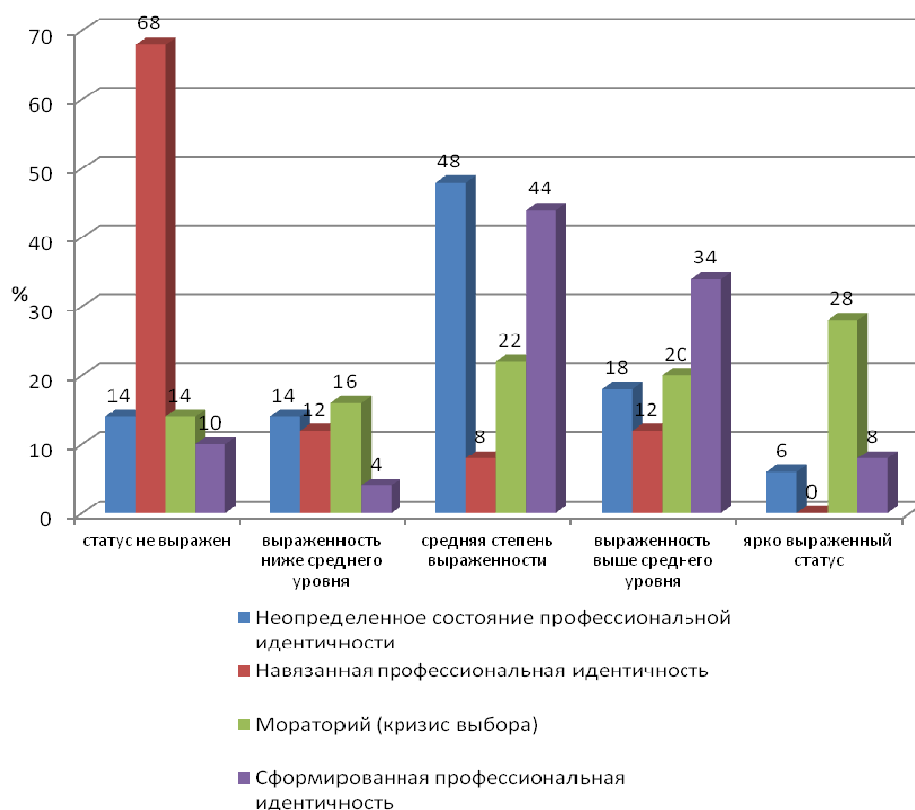

Рис. 1. Проявление статусов профессиональной идентичности абитуриентов

В результате исследования было выявлено четыре статуса профессиональной идентичности:

– неопределенное состояние профессиональной идентичности – ярко выраженный статус имеют 6 % абитуриентов, выраженность выше среднего уровня –

18 %, средняя степень выраженности – 48 %, выраженность ниже среднего уровня – 14 %, у 14 % абитуриентов этот статус не выражен;

– навязанная профессиональная идентичность – ярко выраженный статус никто из абитуриентов не имеет, выраженность выше среднего уровня – 12 % абитуриентов, средняя степень выраженности – 8 %, выраженность ниже среднего уровня – 12 %, у большинства абитуриентов (68 %) этот статус не выражен;

– мораторий (кризис выбора) – ярко выраженный статус имеют 28 % абитуриентов, выраженность выше среднего уровня – 20 %, средняя степень выраженности – 22 %, выраженность ниже среднего уровня – 16 %, у 14 % абитуриентов этот статус не выражен;

– сформированная профессиональная идентичность – ярко выраженный статус имеют 8 % абитуриентов, выраженность выше среднего уровня – 34 %, средняя степень выраженности – 44 %, выраженность ниже среднего уровня – 4 %, у 10 % абитуриентов этот статус не выражен. Это связано с возрастной категорией абитуриентов.

Для определения профессиональной пригодности (соответствие требованиям физкультурно-спортивной деятельности) нами были проведены тесты на определение физических качеств абитуриентов, а именно

определение уровня общей физической подготовки (ОФП) и специальной физической подготовки (СФП). Определение уровня ОФП проводилось по следующим тестам:

– для юношей – прыжок в длину с места, подтягивание на перекладине, бег 100 м, бег 1000 м;

– для девушек – прыжок в длину с места, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, бег 100 м, бег 1000 м.

В результате определения уровня общей физической подготовки мы получили следующие данные (рис. 2). Большинство абитуриентов имеют средний уровень (33 %) и уровень выше среднего (30 %). 22 % абитуриентов показали высокий уровень. Слабый (низкий) уровень общей физической подготовки не имеет ни один из абитуриентов.

Определение уровня СФП проводилось в соответствии с Федеральными стандартами по спортивной подготовке по видам спорта [3]. Также учитывался личный спортивный результат абитуриентов. В результате получилось (рис. 3), большинство студентов (56 %) имеют высокий уровень. Значительная часть абитуриентов имеют средний уровень (17 %) и уровень выше среднего (26 %). Слабый (низкий) уровень специальной физической подготовки не имеет ни один из абитуриентов.

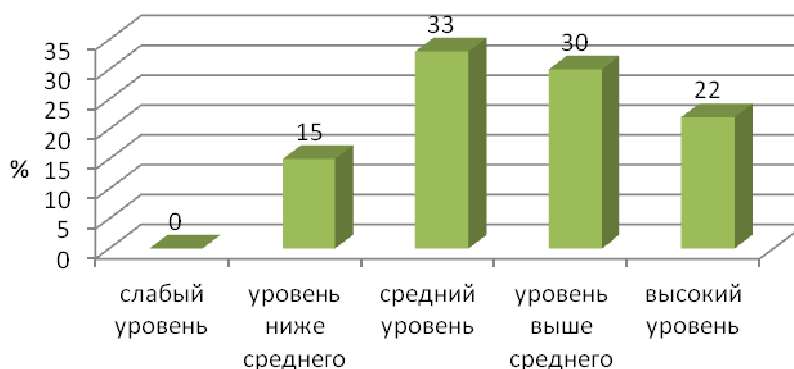

Рис. 2. Уровень общей физической подготовки абитуриентов

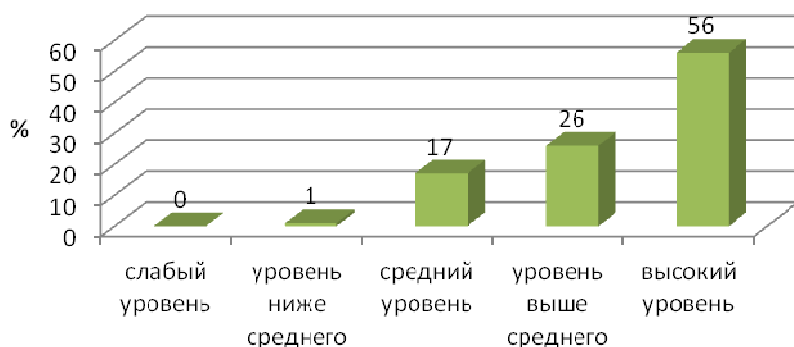

Рис. 3. Уровень специальной физической подготовки абитуриентов

В заключении проводилось определение профессионально важных качеств с помощью опросника Р. Кеттелла. Диагностировались профессионально важные качества личности: выдержка, взвешенность поступков, дисциплинированность, смелость, рациональность, покладистость, уверенность в себе, аккуратность, спокойствие, развитое мышление. Все показатели были распределены на пять групп по результатам: слабый (низкий) уровень, уровень ниже среднего,

средний уровень, уровень выше среднего, высокий уровень. В итоге получились общие результаты сформированности профессионально важных качеств личности (рис. 4). Большинство абитуриентов имеют средний уровень (50 %) и уровень выше среднего (28 %). Незначительная часть абитуриентов имеют высокий уровень (4 %). Слабый уровень психологической подготовки имеет один из абитуриентов, уровень ниже среднего – 17 % абитуриентов.

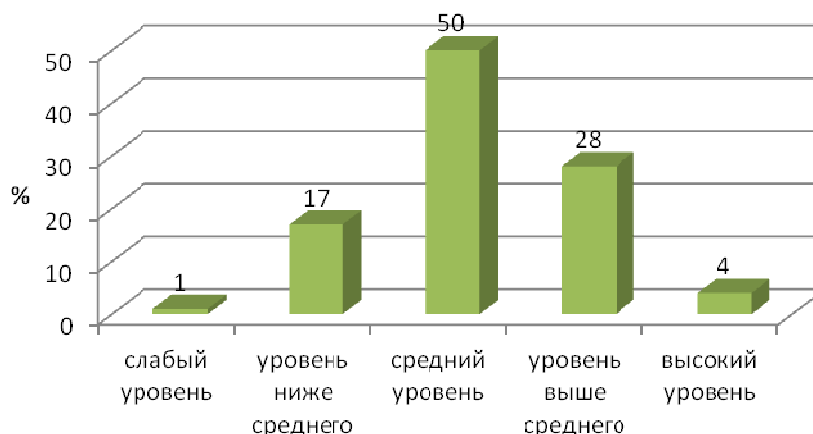

Рис. 4. Уровень сформированности профессионально важных качеств абитуриентов

Итак, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что большинство абитуриентов, поступающих для обучения в училище олимпийского резерва, имеют среднюю выраженность статуса неопределённого состояния профессиональной идентичности, то есть не все абитуриенты сопоставляют себя с требованиями выбранной профессии. У значительной части абитуриентов (68 %) статус навязанной профессиональной идентичности не выражен, что свидетельствует о сознательном понимании выбора профессии. По результатам определения уровня об-

щей и специальной физической подготовки были выявлены высокие показатели, что связано с высокой спортивной квалификацией абитуриентов. Профессионально важные качества личности у большинства абитуриентов находятся на среднем уровне.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в ходе профессиональной подготовки необходимо целенаправленно развивать профессиональную идентичность будущих специалистов, как один из ведущих критериев становления личности профессионала.

Литература

1. Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов, 2012. 164 с.
2. Пряхников Н. С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8 – 11 классы). М., 2005. 288 с.
3. Федеральные стандарты спортивной подготовки // Министерство спорта Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru/sport/podgotovka/82/5502/> (дата обращения: 22.03.2015).
4. Шнейдер Л. Б. Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. М.: Принт, 2000. 128 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Информация об авторах:

Чусовитина Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, Россия, г. Омск, ochusovitina@yandex.ru.

Olga M. Chusovitina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Pedagogy, Siberian State University of Physical Education and Sport.

Шмакова Анна Николаевна – магистрант кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, Россия, г. Омск, annasmak@list.ru.

Anna N. Shmakova – Master's Degree student at the Department of Pedagogy, Siberian State University of Physical Education and Sport.

(Научный руководитель – О. М. Чусовитина).

Статья поступила в редколлегию 24.03.2015 г.

**РАССОГЛАСОВАННОСТЬ И ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СЕМЬИ***О. Н. Шевченко, С. В. Давлятova***MISMATCH AND DISRUPTION OF FAMILY RELATIONS AS
A FACTOR OF THE FAMILY'S SOCIAL INSTABILITY***O. N. Shevchenko S. V. Davlyatova*

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение специфики внутрисемейных отношений конфликтных семей. В рамках изучения проблемы использовались следующие тесты и методики: тест «Конфликтная ли вы личность?». Тест «Самооценка конструктивного взаимодействия в супружеских отношениях», стратегии поведения в конфликте изучались по методике Дж. Г. Скотта. В работе проведен анализ конструктивного взаимодействия в супружеских отношениях, определено влияние уровня конфликтности на возможность вести конструктивные межличностные семейные отношения. В рамках исследования проанализирована работа специалиста по социальной работе с конфликтными семьями по программе «Семейная терапия». Респондентов обучали тактике сдержанного поведения, которая включала: умение находить компромисс во внутрисемейных отношениях, коррекцию миропонимания респондента, обучение навыкам неконфликтного общения. Специалист использовал метод «да-терапии», метод «скульптурной группы», «Методику направленного изменения» и Методику «семейного соглашения». Результаты работы показали, что не все виды семейных дисфункций поддаются коррекции. В связи с этим сделан вывод о невозможности прогнозирования результативности обучения бесконфликтному общению. Результаты исследования актуальны для использования в сфере урегулирования внутрисемейных отношений, могут быть использованы для семейной медиации и в рамках коррекции межличностных форм поведения.

The paper discusses the results of a study aimed at investigating the specifics of interpersonal interaction in conflict families. As part of the study of the problem, the following tests and methods were used: the test 'Are You a Conflict Personality?', the test 'Self-Assessment of Constructive Interaction in Marital Relations', the strategy of behavior in the conflict has been studied by J. G. Scott's method. The paper presents an analysis of constructive engagement in the marital relationship, indicated by the influence of the level of conflict in the opportunity to lead constructive interpersonal family relationships. A part of the study examined the work of experts in social work with conflict families in the "Family therapy" programme. Respondents were taught tactics of restrained behavior. Tactics of restrained behavior include: the ability to find consensus in family relations, correcting respondents' worldview, teaching cooperative communication skills. The specialist-mediator used the methods of 'yes-therapy' and 'sculptural group', 'the procedure of directed change' and the method of 'family agreement'. The results of the studies show that not all types of family dysfunctions are amenable to correction. In this regard, the authors came to the conclusion about the impossibility of predicting the impact of conflict-free communication training. Results of the study are relevant for use in the settlement of family conflicts and can be used for family mediation and in correction of interpersonal behavior.

Ключевые слова: семья, конфликт, общества, семейные отношений межличностная коммуникация.

Keywords: family, conflict, society, family relations, interpersonal communication.

Стабильность – многоаспектное явление, являющееся предметом изучения ученых различных научных направлений. Стабильность – категория, присущая успешно развивающемуся обществу и государству в целом, [5] вовсе не означает, наличие у последнего таких критериев как статичность, застой и неизменчивость. Стабильное общество совершенствуется средствами внедрения инноваций, которые заменяют изжившие формы во всех сферах жизнедеятельности человека.

Социальная стабильность общества подразумевает устойчивое состояние социальных структур, которые можно модифицировать, не провоцируя нарушения работы системы в целом.

Основным критерием стабильности является отсутствие в обществе напряженности, конфликтов и противоборств, влекущих рассогласованность, дескоординацию и разрушение структуры.

Приоритет в организации и развитии социально стабильного общества отведен социальным институ-

там, в том числе и семье, основанной на брачных узах, кровнородственных связях, либо усыновлении. Семья объединяет небольшое количество людей, «которые связаны общностью бюджета, быта и взаимной ответственностью, а, следовательно, совокупностью социальных отношений, основанных на биологических связях либо правовых нормах» [6]. Семья, как социальный институт, подразумевает константную систему, для которой характерен определенный комплекс норм, правил, традиций и ценностей, определяющих поведение человека в различных сферах его жизнедеятельности. В семье реализуются главные жизненные и социальные потребности индивида.

Социальная стабильность семьи обусловлена конструктивными межличностными отношениями ее членов. Тесно взаимодействуя друг с другом на протяжении долгого времени (месяцы, года, десятилетия – в зависимости от семейного стажа) члены семейного клана вырабатывают определенную систему, которая регулирует межпоколенные связи. Сотрудничество и

партнерство, общность взглядов и свобода выбора, интересная работа и самоопределение, социальная защищенность и уверенность в будущем, толерантность и справедливость – основные критерии социальной стабильности семьи.

Необходимо отметить, что не все семьи являются устойчивыми и константными. Рассогласованность и дезорганизация внутрисемейных взаимоотношений влечет дестабилизацию, и семья попадает в категорию «неблагополучных». Неблагополучные семьи [3] – один из факторов социальной нестабильности общества.

«Социальная работа – представляет собой модель социальной помощи, которую общество реализует в конкретный исторический период. Социальная работа – деятельность, направленная на социальную защищенность личности, прав человека и являющаяся гарантом политической и социальной стабильности общества, так как призвана препятствовать росту его маргинальных слоев» [7].

Специалист по социальной работе имеет широкий спектр деятельности.

Одним из направлений его компетенции является работа по урегулированию внутрисемейных связей конфликтующих сторон, которые нередко остаются за закрытыми дверями, и не имеют прямых свидетелей неправомерных [1] межличностных отношений. Искоренение семейных дисфункций средствами инновационных методик социальной работы, способствует зарождению положительных и гармоничных отношений в конфликтующих семьях. Изменяя структуру отношений внутри семьи, специалист по социальной работе помогает ей обрести стабильность и равновесие [4].

В рамках изучения основных направлений работы специалиста-медиатора с конфликтной семьей было проведено исследование, результаты которого представлены в настоящей статье.

Исследование проводилось в городе Азов Ростовской области. Выборку составили молодые семьи и семьи со стажем, воспитывающие, как минимум, одного ребенка.

Конструктивное разрешение конфликта с большой долей вероятности может произойти в ситуации действенного диалога конфликтующих сторон. Однозначно, спорящие стороны, будучи эмоционально взволнованными, не могут эффективно контролировать свое поведение. Им не удастся четко обозначить свое мнение, аргументировать свою позицию, услышать и осмыслить доводы друг друга. Объективно, конфликт в данной ситуации заходит в тупик. Конфликтное взаимодействие – основа грубого пренебрежения технологиями результативного общения и рационального поведения. С целью выявления склонности респондентов к конфликтам, им был предложен тест «Конфликтная ли вы личность?». Результаты тестирования показали, что процент конфликтных респондентов больше в молодых семьях [11] (20 % против 16 %), в семьях со стажем супруги более сдержаны, что обусловлено фактом состоявшейся притирки характеров и распределения ролей. Показательно, что в группе молодых семей и семей старшей

возрастной категории процентное соотношений конфликтных респондентов примерно равное (разница 4 %), перевес же наблюдается по пункту неконфликтности.

Таким образом, несдержанный член семьи вносит определенную зыбкость в семейный союз, что может повлечь его распад, либо создание проблемной и нестабильной социально нежелательной модели семьи.

С помощью теста «Самооценка конструктивного взаимодействия в супружеских отношениях», мы определили, какие семьи наиболее подвержены конфликтам.

Тестирование показало, что в целом, респонденты не умеют конструктивно взаимодействовать в супружеских отношениях. Средний показатель у группы респондентов до 35 лет – 2,6, что говорит о низкой степени готовности супругов к бесконфликтному и плодотворному взаимодействию. Возможность конфликта в таких семьях очень высока, поскольку поводом может стать любой, даже самый незначительный факт.

У группы респондентов старше 35 лет средний балл – 3,73. Данный показатель говорит, что степень готовности супругов к бесконфликтному и плодотворному взаимодействию средний и, следовательно, возможность конфликтов достаточно высока.

Идеальных супругов (результат 4,5 у обоих супругов, готовность к конструктивному взаимодействию в супружеских отношениях высокая и исключает конфликт) в ходе тестирования определилось 30 %, из них 14 % – члены молодых семей, 16 % – члены семей старшей возрастной категории.

8 % – членов молодых семей и 12 % – членов семей со стажем набрали от 4 до 4,5 баллов. Степень готовности к бесконфликтному и плодотворному взаимодействию у этих респондентов оценивается выше среднего.

Результат тестирования от 3 до 4 баллов свидетельствует о том, что готовность к бесконфликтному и плодотворному взаимодействию средняя, поэтому. Данный показатель обнаружили 8 % респондентов – членов молодых семей и 6 % респондентов старше 35 лет.

Меньше 3 баллов набрали 36 % из обеих групп. Потенциал бесконфликтного и плодотворного взаимодействия у этих респондентов низкий, а вероятность конфликта с супругом (супругой) очень высока. Следовательно, для достижения гармонии во внутрисемейных отношениях, респонденты должны серьезно трансформировать модели своего поведения и отношения к людям.

В целом, только 30 % из общего количество респондентов готовы к плодотворному взаимодействию (они работают с информацией, рассуждают, анализируют, уточняют ситуацию, учитывают личностные особенности своей второй половины); остальные 70 % – поддаются эмоциям, не уделяют должного внимания личностным особенностям партнера, что, естественно, приводит к личностному непониманию, в результате чего неизбежны семейные конфликты.

Таблица 1

Анализ конструктивного взаимодействия в супружеских отношениях

	<i>Низкая готовность к конструктивному взаимодействию (меньше 3 баллов)</i>	<i>Средняя готовность к конструктивному взаимодействию (от 3 до 4 баллов)</i>	<i>Готовность к конструктивному взаимодействию выше среднего (от 4 до 4,5 баллов)</i>	<i>Высокая готовность к конструктивному взаимодействию (от 4,5 до 5 баллов)</i>
Молодые семьи – 20 семей (40 человек)	5 % – 1,5 3 % – 1,9 1 % – 2 6 % – 2,2 4 % – 2,5 1 % – 2,9	2 % – 3,1 1 % – 3,2 1 % – 3,5 1 % – 3,7 2 % – 3,8 1 % – 3,9	5 % – 4 2 % – 4,1 1 % – 4,4	14 % – 4,5
Семьи, где супруги старше 35 лет – 20 семей (40 человек)	1 % – 1,6 4 % – 2 6 % – 2,1 1 % – 2,3 4 % – 2,5	1 % – 3 1 % – 3,5 1 % – 3,6 1 % – 3,7 1 % – 3,8 1 % – 3,9	1 % – 4 1 % – 4,1 5 % – 4,2 3 % – 4,3 2 % – 4,4	16 % – 4,6

В ходе примирения сторон необходимо учитывать целевые установки соперников. Нередко стороны не могут найти компромиссное решение, поскольку неверно понимают друг друга. Излишний эмоциональный накал, недоверие, недомолвки, обусловленные сознательной либо несознательной самозащитой, не способствуют разрешению конфликта на начальной его стадии. В связи с этим, задача специалиста по социальной работе с конфликтной семьей добиться конструктивного межличностного взаимодействия, что обеспечивается в атмосфере доверия и сотрудничества [10].

В рамках исследования мы проследили: влияет ли степень конфликтности на возможность строить кон-

структивные межличностные отношения. Результаты представлены в таблице 2.

Обозначим цифрой 1 – конфликтных личностей, цифрой 2 – слабо конфликтных личностей, цифрой 3 – неконфликтных личностей.

Итак, колонка с цифрой 1. объединяет людей, для которых конфликты и споры – смысл жизни, они ищут поводы для споров, большая часть которых излишне. Эти люди любят критиковать других, но не выносят критики в свой адрес. Нередко они могут проявлять грубость и несдержанность, что, естественно, отталкивает собеседника.

Таблица 2

Влияние уровня конфликтности на возможность вести конструктивные межличностные семейные отношения

	<i>Низкая готовность к конструктивному взаимодействию (меньше 3 баллов)</i>				<i>Средняя готовность к конструктивному взаимодействию (от 3 до 4 баллов)</i>				<i>Готовность к конструктивному взаимодействию выше среднего (от 4 до 4,5 баллов)</i>				<i>Высокая готовность к конструктивному взаимодействию (от 4,5 до 5 баллов)</i>			
	Все- го, %	% соотношение			Все- го, %	% соотношение			Всего %	% соотношение			Всего %	% соотношение		
		1	2	3		1	2	3		1	2	3		1	2	3
Молодые семьи	20	16	4	0	8	1	7	0	8	0	0	8	14	0	0	14
Семьи, где супруги старше 35 лет	16	10	6	0	6	2	3	1	12	0	2	10	16	0	0	16

В ходе исследования было выявлено 29 % конфликтных личностей, из них 26 % имеют низкую готовность к конструктивному взаимодействию, 3 % – среднюю. 17 % – представители молодых семей, 12 % – лица старше 35 лет.

Колонка с цифрой 2 объединяет людей, которые конфликтуют лишь тогда, когда нет другого выхода и все средства исчерпаны. При этом эти люди не выходят за рамки корректности, твердо отстаивая свое мнение.

В рамках исследования было выявлено 22 % слабokonфликтных респондента. Из них 10 % имеют слабую готовность к конструктивному взаимодействию, 10 % – среднюю, 2 % обнаружили готовность к конструктивному взаимодействию выше среднего. 11 % – представители молодых семей, 11 % – лица старше 35 лет.

Колонка с цифрой 3 объединяет тактичных и миролюбивых личностей, которые не любят конфликтов и предпочитают уходить от споров, избегать критических ситуаций на работе и дома. Если же эти люди вступают в спор, то они контролируют ситуацию.

В рамках работы выявлено 29 % респондентов, умеющих конструктивно общаться в ситуации конфликта. Из 12 % представителей молодых семей у 4 % наблюдается высокая готовность к конструктивному взаимодействию, у 8 % – выше среднего. Респонденты старше 35 лет обнаружили следующие показатели: среднюю готовность к конструктивному взаимодействию имеет 1 %, выше среднего – 10 %, высокую – 8 % респондентов.

Таким образом, степень конфликтности может существенно повлиять на готовность к конструктивному взаимодействию.

Далее были рассмотрены аспекты, касающиеся специфики межличностных семейных отношений. Мы выясняли, каким образом в конфликтном взаимодействии соотносятся коммуникативные стратегии и тактики. Нередко успех разрешения конфликтной ситуации зависит от коммуникативной компетенции спорящих, а также от будущих перспектив, которые желает видеть конфликтующая сторона в случае реализации заданной цели. Коммуникативная интенция помогает конфликтующей стороне разработать стратегию и выбрать действенную тактику, в рамках которой определяются коммуникативные намерения сторон. Нередко исход конфликта определяется на сколько успешно или неуспешно сработала выбранная человеком стратегия. Стратегии поведения в конфликте изучались по методике Дж. Г. Скотта.

Итак, у конфликтных личностей доминирующий стиль разрешения споров – настойчивость, стратегии «сотрудничество» и «компромисс» для них неприемлемы. Для неконфликтных личностей наилучшей признана стратегия сотрудничества, они не прибегают к таким стратегиям, как настойчивость и приспособление.

Таким образом, конфликтные респонденты не считаются с мнением соперника, не дают ему возможность отстаивать свое миропонимание. Конфликтные респонденты выражают сомнение в возможности оппонента найти единственно верное решение, они настойчиво навязывают свою идеологию.

В связи с этим конфликтные респонденты представляют большую сложность для нормального функционирования семьи.

В целом, проведенная диагностика показала, какие семьи нуждаются в коррекции отношений. Мы выяснили, какие личности являются конфликтными, какая у них готовность к конструктивному взаимодействию, какие стратегии поведения в конфликте они выбирают.

С конфликтными и слабokonфликтными респондентами работал специалист по социальной работе. В рамках семейной терапии была проведена работа по обучению респондентов тактике сдержанного поведения, которая включала: умение находить компромисс во внутрисемейных отношениях, коррекцию миропонимания респондента (отвлечение человека от предубеждений и стереотипов различной этиологии, главным образом, социальных и психологических), обучение навыкам неконфликтного общения.

Специалисты работали индивидуально (в рамках беседы и интервью с клиентом) и в группах (психотерапевтическая коррекция и игровая терапия).

Игровая терапия была реализована по средствам инновационной техники – «да-терапии», которая представляет собой аутодиагностическую и психокоррекционную методику, «при помощи которой конфликтующие супруги рационализируют свои в целом негативные эмоционально-психические взаимоотношения» [8].

Работая с клиентами, специалист предлагал им абстрагироваться от эмоциональных переживаний и следовать простой констатации факта, отвечая на все заданные вопросы (которые могли затрагивать разные вопросы семейной жизни) либо «да», либо «нет». Отсутствие экспансивных элементов в репликах конфликтующих супругов, состоящих из формообразующей частицы «да» и отрицательной «нет» способствует воспитанию сдержанности, стабильности, невозмутимости и спокойствия в семейных отношениях. Приоритет разума и отдаление эмоций, как подтвердили респонденты, способствует конструктивному общению, в ходе которого определяются истинные, а не надуманные цели.

По окончании работы, 10 % семей отметили, позитивные тенденции в межличностных отношениях. 12 % отметили, что «да-терапия» помогла им расстаться с излишними надеждами и иллюзиями и научила строить отношения с реальным человеком.

Метод «скульптурной группы» корректировал представление респондентов о семейных взаимоотношениях. Основная цель методики состоит в том, чтобы соотнести реальное и мнимое место и роль человека в семейном клане. Приписывая человеку определенные функции, мы ожидаем конкретных действий, обусловленных выполнением заданных обязанностей, невыполнение которых, естественно провоцирует конфликт. Абсурдность ряда конфликтов как раз и состоит в том, что человек и не знает, чего от него хотят другие, поскольку данная роль не соответствует реальной роли. Соответственно, и обратная сторона этого процесса (отнимание у человека полномочий по решению определенных вопросов без его уведомления) также провоцирует конфликт.

Терапевтическая идея метода состоит в том, чтобы каждый мог не только увидеть позицию, которую ему обозначили другие члены семейного клана, но и сравнить ее с реальным статусом. Существенные расхождения приписанных ролей с реальными – повод для изменения отношений внутри семьи.

Осмысление подлинной проблемы имеет не только оценочное, но и терапевтическое значение, т. к. выявленное и понятое неправомерное действие способствует коррекции способов взаимодействия.

Диагностические процедуры, проведенные специалистом по семейной терапии, помогли респондентам уяснить и принять помощь по коррекции коммуникативного поведения в межличностных семейных отношениях. Профилактическая часть семейной терапии была направлена на формирование стимула для продолжительной, трудной и тяжелой работы, направленной на изменение собственного отношения к ближайшему окружению, преодоление собственных нежелательных стереотипов, а также на коррекцию восприятия, понимания и осознания своей семьи и семейных ценностей.

«Методика направленного изменения» была предложена респондентам для трансформации отношений внутри семьи. Терапевтическая идея метода состоит в том, что положительные эмоции и поведение порождают ответную положительную реакцию. Задача специалиста – научить клиента не только выявлять в другом члене семьи неприемлемые формы поведения и речи, но и абстрагироваться от соблазна быть втянутым в конфликт. Специальные тренинги позволили респондентам освоить схему направленного эмоционального воздействия: эмоционального поощрения

или наказания (эмоциональная холодность). Игнорирование возбужденного в эмоциональном отношении и отрицательно настроенного члена семьи и поощрение его же за позитивные начала приобщает конфликтанта к конструктивному диалогу. Успех терапии обусловлен также и тем, что влияние на конфликтанта осуществляется на подсознательном уровне.

Методика «семейного соглашения» также входила в курс семейной терапии, предложенной респондентам. В процессе диалога члены семейного клана формулировали взаимные притязания. Задача специалиста состояла в отслеживании персональных эмоциональных ярлыков и речевых шаблонов с последующей их фильтрацией из языка собеседников. В рамках работы респонденты написали список, в котором обозначили направления модификации поведения членов семьи на срок пять месяцев. Специалист в данной ситуации выступил экспертом, который помог оформить добровольное внутрисемейное соглашение. Договор, естественно, имеет чисто моральное и психологическое воздействие, в тоже время обязательства, зафиксированные в нем достаточно конкретны и должны четко соблюдаться сторонами. Большая часть семей признали данную терапию самой эффективной.

Работа с респондентами по программе «Семейная терапия» велась в течение 5 месяцев. Специалист отслеживал и корректировал слова и действия респондентов, которые при определенном стечении обстоятельств, могли бы спровоцировать конфликт. На последнем занятии был подведен итог: респонденты повторно были протестированы на предмет конфликтности (таблица 4).

Таблица 3

Самые действенные методики по коррекции семейных отношений (мнение респондентов)

	<i>Беседа</i>	<i>Интервью</i>	<i>«Датерapia»</i>	<i>Метод «Скульптурная группа»</i>	<i>Методика «направленного изменения»</i>	<i>Методика «семейного соглашения»</i>
Конфликтные семьи (36 %)	10 %	3 %	30 %	9 %	7 %	30 %
Слабо конфликтные семьи (14 %)	2 %	1 %	10 %	4 %	9 %	9 %

Таблица 4

Конфликтная ли вы личность

	<i>Результаты тестирования до работы по программе «Семейная терапия»</i>			<i>Результаты тестирования после работы по программе «Семейная терапия»</i>		
	<i>конфликтные семьи, %</i>	<i>слабо конфликтные семьи, %</i>	<i>неконфликтные семьи, %</i>	<i>конфликтные семьи, %</i>	<i>слабо конфликтные семьи, %</i>	<i>неконфликтные семьи, %</i>
Молодые семьи	20	8	22	13	17	20
Семьи старше 35 лет	16	6	28	12	8	30

Таким образом, мы видим положительную динамику после работы с конфликтными семьями по программе «Семейная терапия». Число конфликтных семей сократилось, увеличилось количество неконфликтных и слабо конфликтных семей.

В целом, в науке известно достаточно методик и технологий, направленных на исправление семейных отношений. Какая конкретно техника будет подобрана для клиента, установит специалист по семейным отношениям, в зависимости от условий, социальной ситуации, характеров конфликтующих сторон, личных качеств и приоритетов самого специалиста по семейной терапии, его вкусов и предпочтений [8].

Необходимо отметить, что не все виды семейных дисфункций поддаются коррекции. А это значит, что результативность обучения бесконфликтному общению невозможно прогнозировать. Своевременные и соразмерные действия специалиста могут быть обречены на провал, если брак заключили психологически несовместимые люди, либо супруги просто не хотят жить вместе [2].

Таким образом, разрешение семейных проблем – это, прежде всего, дело свободного выбора и ответственного поведения самих членов семьи. Без их волевого усилия и настойчивости самая эффективная социальная технология не принесет успеха.

Литература

1. Андреев А. С., Алексиев О. Н. Методы разоблачения ложного алиби в структуре криминалистических методик против жизни и здоровья. Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 29. № 1. С. 9 – 12.
2. Давлятова С. В. Портрет современного специалиста: методики оценки результаты исследования // Социальная политика и социология, междисциплинарный научно-практический журнал. М., 2014. № 3.
3. Давлятова С. В. Социально-психологическое сопровождение в работе с неблагополучной семьей // Ангел О. Ю., Астольц М. С., Давлятова С. В., Ковалев В. В., Левая Н. А., Узенцова Е. А., Шевченко О. Н. Российская семья: проблемы и перспективы развития (по опыту Ростовской области): монография. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. 168 с.
4. Ковалев В. В. Формирование социальных стереотипов в условиях ценностной неопределенности российского общества // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. (Серия: общественные науки). 2008. № 1. С. 42 – 44.
5. Лубский Р. А. Российская государственность: многомерный методологический конструкт трансдисциплинарного исследования // Социальная политика и социология, междисциплинарный научно-практический журнал. М., 2014. № 3.
6. Семья как социальный институт // Grandars. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/-semya-kak-institut.html>
7. Социальная работа. Ростов н/Д., 2006.
8. Узенцова Е. А. Анализ опыта работы учреждения «Центр помощи семье и детям – Дом семьи города Азова» с многодетными семьями // Мировая наука и современное общество: актуальные вопросы экономики, социологии и права: материалы IV Международной научно-практической конференции (22 января 2014 г.) в 2-х ч., ч. 2 / отв. ред. А. Н. Плотников. Саратов: Академия Бизнеса, 2014. 125 с.
9. Холостова Е. И. Технологии социальной работы с семьей // Технологии социальной работы. 2001. 366 с. Режим доступа: <http://psy-top.ru/holostova/91-technologii.html>
10. Шевченко О. Н. Влияние социума на коммуникативное поведение личности // Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2013: мат. Международной научно-практической конференции // SWorld: сб. науч. тр. Вып. 2. Т. 20. Одесса: Куприенко, 2013. С. 49 – 52.
11. Шевченко О. Н. Молодая семья малого города: проблемы, приоритеты, ценности // Ангел О. Ю., Астольц М. С., Давлятова С. В., Ковалев В. В., Левая Н. А., Узенцова Е. А., Шевченко О. Н. Российская семья: проблемы и перспективы развития (по опыту Ростовской области): монография. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2015. 168 с.

Информация об авторах:

Шевченко Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной и семейной педагогики, доцент Российского государственного социального университета (филиал) в г. Азов Ростовской области, geh686@mail.ru.

Olga N. Shevchenko – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Social and Family Pedagogy, Assistant Professor at Azov Branch of Russian State Social University.

Давлятова Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, заведующий кафедрой социальной работы Российского государственного социального университета (филиал) в г. Азове Ростовской области, davlyatova72@mail.ru.

Svetlana V. Davlyatova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology, Head of the Department of Social Work, Azov Branch of Russian State Social University.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2015 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

РОЛЬ СКАЗИТЕЛЯ В СЮЖЕТОСТРОЕНИИ ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Л. Н. Арбачакова

THE ROLE OF THE STORYTELLER IN THE PLOT OF SHOR HEROIC LEGENDS

L. N. Arbachakova

В данной статье «Роль сказителя в сюжетостроении шорских героических сказаний» рассматриваются особенности шорской эпической традиции, проявляющейся в активном участии сказителя в событиях эпического мира. Его присутствие обнаруживается в оценках, ремарках в адрес персонажей эпоса. В статье определяется степень такого участия и возможное влияние кайчи на жизнь эпических героев. Как показали наблюдения, эпический язык сказителя не является застывшим, в нём прослеживается индивидуальный исполнительский стиль. Хорошо зная традицию сказывания эпических зачинов и концовок, тем не менее А. П. Напазаков упускает при сказывании их подробное изложение. Для сказителя, отправляющего алып в богатырский путь, важно успеть пройти с ним по назначенной дороге и вернуться назад.

The paper deals with specific features of the Shor epic tradition. The storyteller himself is participating in the events taking place in the epic world: he gives his assessments of the events and makes remarks addressing the epic characters. It is important to determine the extent of such involvement of the storyteller and his possible impact on the life of epic characters. As observations show, the epic narrative of the storyteller is not “fossilized”, it gives evidence on his individual style. But although the storyteller A. P. Napazakov perfectly knows traditional epic beginning and finishing segments, he nevertheless might leave out some details while telling a story. For a storyteller who sends an *alyt* ‘warrior’ on his heroic way, the main thing is not to leave him alone on this way and bring him safely back.

Ключевые слова: Шорские героические сказания, эпическая традиция, речь сказителя, участие сказителя, зачин и концовка

Keywords: Shor heroic epic stories, epic tradition, epic narrative, storyteller’s involvement, beginning and finishing segments.

Напазаков Анатолий Прокопьевич (1937 – 2004) – традиционный исполнитель шорских героических сказаний, который сказывал эпос речитативом. Он называл себя не *кайчи*, а *ныбакчы* (сказочник). Повествование вёл без горлового пения и музыкального инструмента, но активно прибегал к использованию мимики и жестикуляции. Подобный вид исполнения хакасский фольклорист В. Е. Майногашева называет «...чазак (т. е. «пеший»)» [2].

С 1996 по 2002 гг. нам удалось записать от А. П. Напазакова на диктофон пять героических сказаний, усвоенных им от Напазакова Федора Дмитриевича (брата отца) и Токмагашева Павла Петровича (Пабель) – ярких носителей мрасской эпической традиции. Таким образом, все пять эпических произведений («Куба Салгын», «Күмүш түктүг күмүш сар аттыг Күмүш Кылыш Күмүш Кёок печелиг», «Кыдат Қаан», «Тазыл аразыннаң чайалғаннар Қара Сабак печелиг Қаан Мерген туңмалығ», «Ўш очукутыг Сарыг Тайға») являются образцами традиционного эпоса Северной Шории.

В данной статье на примере героического сказания «Куба Салгын» рассмотрим особенность шорской эпической традиции, когда сам исполнитель непосредственно присутствует в эпическом мире, даёт свою оценку событиям и героям эпоса. Для нас важно определить степень такого участия и возможное влияние сказителя на жизнь эпических персонажей.

Для начала рассмотрим композиционный строй этого произведения. А. П. Напазаков сохраняет традиционное начало, давая зачин, но в сильно сокращённом виде – процесс первотворения земли описан двумя строками: «В то время, когда земля создавалась, / Когда земля-вода схватывались (*По чер нүдерде, / По черсил қабарда*)». Сравнение с зачином сказания в исполнении другого современного сказителя В. Е. Таннагашева показывает, насколько развёрнутым и детально подробным может быть зачин героического повествования: «...Мешалкой земля делилась. / Ковшом вода отделялась. / Зеленея, молодая трава вырастала. / В то время, когда на деревьях, набухая-проклеываясь, / Зеленые листья выросли. / На макушке белой березы с золотою листвою / Сорок птиц щебетали, / Над зелеными травами / Молодые соловьи пели, оказывается» (*Қалақпа чер нөлүжүп, / Қамыспа суғ нөлүшчиган тем полтур. / Көгериш-кел, көк өлең өсаттыр. / Ағаш паитарыңа тамчылаш-келіп, чарылыш-кел, / Көк нұр өсатқан тем полтур. / Алтын нұрлұғ ақ қазың паитарыңда / Қырық қушқа қағыш-чөрча. / Көк өлеңнің паитарыңда / Көк торқұттар көгелеш-чөрчиган полтур*) – [рукопись сказания «Солнце увидевшая Кюн Кёк» – «Күннү көрген Күн Кёок»]. Далее следует описание владений богатыря, коновязь, конь и дворец алып.

В другом своём сказании «Кан Мерген с сестрой Кара Сабак, рожденные в корнях» – «Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабак печелиг Қаан Мерген тунмалыг» А. П. Напазаков дал подобный вариант зачина: «Давно это было: / Прежде нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было. / В то время, когда земля создавалась, / Когда земля-вода схватывались» (*Пурун полча: / Амдыгыдың алында/Пурунгу тәлдүн соонда. / По чер пүдерде, / По черсил қабарда*). Далее следует описание окружающей природы и владений хана: «Когда стал смотреть на белый свет / На большой холм взобравшись, затем вижу» (*Ақ чарыққа анаң көргеним, / Улуғ қырға шыққел, анаң көргеним*).

После завершения аудиозаписи этого сказания, на наш вопрос, знает ли он другие варианты зачинов (или концовок), кайчи признался: «Некоторые в сказаниях начинают по-другому, я ведь иду по прямой, точно знаю другие варианты зачина!» (*Ныбақты тәзелерде тоже тәзелчалар, пашқоқ, мен прямой-оқ парчам-но, а тәзелерге, тәзетчам!*).

В подтверждение своих слов, он привел другой вариант зачина: «Чайзаны на белом свете, / Сотворившись, пришли: / Реку ковшом стали делить, / Землю мешалкой стали делить» (*Чайзаңнар ақ чарыққа / Чай-алкел, келдилер. / Сүзду омаша ұлешчалар. / Черде қалақпа ұлешчалар*). Затем он еще раз повторился, что он знает, как начинать сказывать, однако сам так не сказывает (*А андыг айтпанчам, тўгезе оңпанчам*).

Интересно, что в этом зачине физическое разделение земли и воды производят появившиеся чайзаны. В сказаниях В. Е. Таннагашева эти процессы происходят без прямого участия божеств и чайзанов. Возможно, здесь А. П. Напазаков ошибся, назвав чайзанов вместо чайачы (творцов). Чайзанами в шорском эпосе выступают табунщики и пастухи. Однако надо иметь в виду, что в словах *чайачы/чайзан* имеется общий корень *чай/чайа*, что означает 'создавать, творить, расстилать'. Хакасский исследователь В. Бутанаев слово *чайзаң* трактует как: 'глава рода, феодал, удельный князь; алтын чайзаңнар – золотые чайзаны (так назывались хакасские дети, наследники престола' [3].

Перед очередной записью сказаний А. П. Напазаков некоторое время не мог определиться, какое сказание ему исполнить: «Кыдат Кан», где, как он считал, «много (кәп) айна» (чертей, нечисти, дьяволов) или «Куба Салгын», где «мало (ас) айна». После некоторых сомнений, он остановился на последнем эпосе («Куба Салгын»), и, начав со строк: «Давно это было: / Прежде нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было» (*Пурун полча ба: / Амдыгыдың алында, / Пурунгуңуң тәлдүн соонда*), тут же перешёл к описанию окружающей природы и владений алып, продолжив изложение от первого лица: «Белый свет осмотрев, / Затем вижу...» (*Ақ чарықты эбиркелип, / Анаң көргеним...*).

После нескольких минут сказывания, кайчи спохватившись, что упустил сюжет рождения малыша, попросил остановить запись: «Э, останови!» (*Э, тоқта!*).

В результате заминки, перед повторной аудиозаписью я по ошибке громко объявила другое сказание «Кыдат Кан», на что кайчи посомневавшись, ответил:

«Че, успеем!» и тут же начал сказывать объявленное мной сказание.

Зачин в этом сказании получился более развернутым, где он упомянув о давнем времени происходившего, от первого лица рассказал об одновременном появлении деревьев и людей: «Затем отправляя, вижу: / То ли макушки тополей набухая, распускались? / Макушки берёз колыхались. / Когда макушки тополей распускались, / Весь народ здесь ходил. / Когда макушки берёз колыхались, / Народ-люди здесь собирались (*Анаң ызыбодурганы-мо, көргеним: / Терек пажы тербейча ба? / Қазын пажы қалбайча. Терек пажы тербегенде, / Текши кел чорчең полтур. / Қазын пажы қалбагайганда, / Қалық-чоны текши чылчың полтур*).

Описав первотворение земли, кайчи ещё раз напомнил о себе, как о сказителе, отправляющем алып на богатырские подвиги: «Затем вижу: / Ё, я ведь человек отправляющий!» (*Анаң көргеним: / Ё, ысчыған кижин-но!*) и описал окружающую природу эпического мира, где: ...золотая гора, имеющая девяносто перевалов, стояла, / У подножия золотой горы белое море текло... (*Тоғузон ашқымныг / Алтын тайга. / Алтын тайга тәзүбе. / Ақ талай ақтүйкен...*).

Необходимо отметить, что в сказании «Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Кара Сабак печелиг Қаан Мерген тунмалыг», после краткой двухстрочной концовки: «Говоря, что длинное – не укорачивал, / Говоря, что короткое – не удлинял» (*Узун теп, узарбадым, / Қысқа теп, қысқатпадым*), исполненной кайчи, я заинтересовалась у А. П. Напазакова, знает ли он об эпизоде 'прощания алып со своим конём', которого, как правило, в конце сказания отпускают на волю. Кайчи ответил, что знает об этом, но в этом сказании он не полностью исполнил, хотя надо было сказать: «С коней золотое седло сняв, бросают, / По их спинам погладив, отпускают. / – На горе Сюрюгу траву щипайте, / Из молочного озера молоко пейте, – говоря, – / По их спинам погладив, отпускают (*Аттың алтын эзер ал таштапкел, / Сыны-сайын сийбапкел, пожатчалар. / – Сүргү тағдың от отталар, / Сүттүг көлдең сүт ижар, – тепкел, – / Сыны-сайын сийбапкел, пожатчалар*)). Помимо этого, сказитель продемонстрировал знание традиционного обращения кайчи к слушателям, которое произносится в завершение повествования: «Меня сидя слушавшим людям, / Пусть полная доля достанется, / Меня лёжа слушавшим людям / Пусть полдоли достанется! (*Одуркелип, уққан кижилерге, / Туйгу ұлуш ползун, / Чаткел уққан кижилерге / Чардық ұлуш ползун!*). По словам кайчи, зная, как традиционно заканчиваются героические сказания, сам он не придерживается такого классического завершения.

В сказании «Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Кара Сабак печелиг Қаан Мерген тунмалыг» А. П. Напазаков сам становился участником события: «...Что это такое? – сказав, / Всмотревшись, / Одного вытащил – / Необычная, / Кучерявая девочка была! / Второго вытащил – мальчик! (...*По ноо полду? – теп, / Көрүн сыңнап, / Пирде сәртибалғаным – / Адаңмада / Челтик шаштыг қыс полған! / Ийгини сәртибалғаным – олағаш!*).

Включение сказителя в эпический мир наблюдалось и у другого кайчи А. В. Рыжкина (1924 – 2003). В

сказании «Алтын Кан», знакомясь с алыпом, кайчи называет свое имя и место проживания: «...Что ты за человек? – так он спросил. / – Кто я буду? – сказал, – Я Афоня из Шана Кола... (*...Ноо кижизинь поларзын? – тең сураганда / – Ноо кижизим? – тедим, – Шана Колдың Афоня...*).

Нами установлено, что в сказании «Куба Салгын» в исполнении А. П. Напазакова есть неоднократные подтверждения присутствия кайчи в эпическом мире. Сказитель выступает и как очевидец, и как действующее лицо. Эта особенность прослеживается в эпосе и других саяно-алтайских народов (хакасов, алтайцев). Например, как заметила З. С. Казагачева, алтайский кайчи А. Г. Калкин рассказывал: «...о своём общении с богатырями сказаний, как о реальных событиях...» [4].

По ходу развития сюжета образ кайчи (ныбакчи) исчезает, но затем появляется в описании богатырской поездки богатыря. Сказитель подчёркивает формульной ремаркой длительность этого пути: «Мне рассказывать коротко. Ехать им долго» (*Мен айдарга табырақ полча. / Ыларга парарга чер керим полча*).

Ведя повествование о героях эпоса и переходя от одного персонажа к другому, он конкретизирует, о ком пойдёт речь: «Я отправился вслед за Кара Мёке» (*Мен Қара Мөкке сооба полдум*).

Присутствие сказителя в сюжете прослеживается в разнообразных междометных возгласах: *тыфу, о, ох, эх, ого, ай, не, пай-пай/пай/пай-о, хе/ ха, о-ё/ё*, передающих различные оттенки в сказительской оценке (пренебрежение, восхищение, удивление, огорчение), которые передают и внутреннее отношение кайчи к окружающему миру алыпа. Кроме этого, ныбакчи активно использует побуждающие к действию шорские и заимствованные русские слова: *че* (да, давай); *ну-ка*.

Другим фактором присутствия кайчи в повествовании, на наш взгляд, является индивидуальное употребление А. П. Напазаковым некоторых слов и выражений в уменьшительно-ласкательных аффиксах *чақ/чек; аш: Қара Мөкчек* (Кара Мёкчек), *қазнычақ* (свекровушка), *қарагажын* (глазки), *малычақ* (скотик), *эдичеги* (тельце). Использование русизмов в шорской огласовке также является одним из признаков участия кайчи в сюжете: *книгады, командаба, судка и др.*; либо без изменений: *срок, пьяница, жалоба, свадьба, минут, лежит, слабый*.

Обильное употребление в устном исполнении героического сказания междометных возгласов, выражающих различное эмоциональное состояние самого исполнителя, усиливает заинтересованность слушателей, их соучастие в судьбе эпических героев. По всей видимости, длинное сказание, исполняемое на протяжении длинной ночи без кая-горлового пения и сопровождения музыкального инструмента-кай-комуса,

компенсировалось актерскими способностями и дополнительной эмоционально-насыщенной речью исполнителя, усиливающих душевное сопереживание. Как это было некогда подмечено исследователями, исполнение фольклорных произведений подобно «театру одного актёра».

Следующим признаком косвенного присутствия сказителя А. П. Напазакова в эпическом мире является привнесение в повествование некоторых моментов из бытовой жизни: «...Каждый день меня поедом ела-ела – / Вот и поправилась... (*...Мени кўнўштанып, чии-чии келгенин: / Чара себирибизе пертирзиң...*). Или, например, в диалог жены небесного творца-чайачы и ее мужа включена сцена отчитывания супруги: «...Когда так было, чтобы ты послушал совета жены... (*Тижжи кижжи сөзўн қачен уққан эр полганзын...*, «Куба Салгын»). Описание принятия алыпом слабоалкогольного национального напитка также снижено им до бытового уровня: «...Ак Кан залпом выпил. / Старому человеку немного нужно было... (*...Ақ Қаан сыраңай тартыныбыза перди. / Қаары кижеге көп керек чоқ полган полтур...*) [рукопись сказания «Куба Салгын»].

Из вышеприведённых примеров очевидно, что кайчи не только присутствует в эпическом мире, путешествует следом за богатырём, но и активно высказывает собственное мнение, отпускает шутки в адрес героев сказаний, допускает описания, сниженные до бытовых эпизодов. Тем самым, с одной стороны, он развлекая своих слушателей, невольно влияет на эпический стиль сказывания, изменяет возвышенный гиперболизм.

Кайчи, хорошо зная традицию сказывания эпических зачинов и концовок, тем не менее упускает при сказывании их подробное изложение, так как считает, что нужно идти «по прямой». По всей вероятности, для А. П. Напазакова описание процесса первотворения земли в начале исполнения и прощание с конём, а также обращение к слушателям в конце сказания, не являлись важными и значимыми в исполнении эпоса. Для него, как для сказителя, отправляющего алыпа в богатырский путь, главное – успеть пройти с ним по назначенной дороге и вернуться назад.

Аудиорасшифровка героического сказания показала, что «эпическая речь» сказителя не является застывшей. А. П. Напазаков, в зависимости от настроения, состояния здоровья или каких-то иных обстоятельств, мешающих исполнению, мог варьировать зачин и концовку, сокращать их объём. Ныбакчи активно использовал не только собственные сказительские слоуопотребления, но и переносил в эпическую среду некоторые моменты из своего жизненного опыта, а также давал оценку действиям персонажей эпоса.

Литература

1. Арбачакова Л. Н. Ролевые функции кайчи в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2003. № 3. С. 92 – 95.
2. Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос / Зап., подгот. текста, вступ. ст., пер и коммент. В. Е. Майногашевой. М.: Наука, 1988. 592 с.
3. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1999. 237 с.
4. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания “Очы-Бала”, “Кан-Алтын”. (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск. 2002. 352 с.

Рукописи героических сказаний

1. «Алтын Кан» (*Алтын Қаан*). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
2. «Кан Мерген с сестрой Кара Сабак, рожденные сердцем корней» (*Табыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабақ пегели Қаан Мерген туңмалығ*). Зап. 2001 года Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
3. «Куба Салгын» (*Қуба Салгын*). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
4. «Кыдат Кан» (*Қыдат Қаан*). Зап. в 2001 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
5. «Солнце увидевшая Кюн Кёк» (*Күннү көрген Күн Көөк*). Зап. в 2000 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

Информация об авторе:

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, anzass@mail.ru, folklor@ngs.ru.

Ljubov N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Research Associate at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2015 г.

УДК 821.161.1.09

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ПАЛИСАНДРИЯ»

И. В. Ащеулова

THE DECONSTRUCTION OF SOVIET HISTORY IN SASHA SOKOLOV'S NOVEL «PALISANDRE» («ASTROPHOBIA»)

I. V. Asheulova

В статье рассматривается постмодернистский прием деконструкции в поэтике романа «Палисандрия» (1985) русского писателя третьей волны литературной эмиграции Саши Соколова. Деконструкция советской истории и ее мифов о социальном прогрессе отсылает к авторской философии истории, понимаемой как бесконечное и бессмысленное повторение одних и тех же событий, исторический «театр», тупик и хаос. Соколов деавтоматизирует значение времени-истории как поступательного движения, как гармоничного развития цивилизации.

The paper discusses the postmodern technique of deconstruction in the poetics of the novel «Palisandre» (1985) by the Russian writer of the third wave of literary emigration Sasha Sokolov. The deconstruction of Soviet history and its myths about social progress refers to the author's philosophy of history, understood as an endless and meaningless repetition of the same events, historical theatre, gridlock and chaos. Sokolov de-automatizes the value of the time-history as the progressive movement and as a harmonious development of the civilization.

Ключевые слова: деконструкция, постмодернизм, история, Саша Соколов.

Keywords: deconstruction, postmodernism, history, Sasha Sokolov.

В современной литературной ситуации России заметное место занимает процесс гибридизации жанров. Об этом пишет в своих работах челябинский профессор Т. Н. Маркова, отмечая такую тенденцию как новое авторское жанровое мышление, в котором проявляется авторская художественная стратегия, притчевость, мениппейная игра. Движение жанра, по мнению исследователя, идет в двух направлениях: к расширению границ, скрещиванию с другими (гибридизация) и к сужению границ (минимализация) [3].

Примером гибридизации может служить возникновение и развитие в отечественном литературном процессе жанра постмодернистского псевдоисторического романа, объединяющего в своем жанровом дискурсе историческую прозу, историософский роман, фантастический альтернативно-исторический роман. Для постмодернистского псевдоисторического романа характерен ряд жанрообразующих признаков, объединяющих таких

писателей как В. Шаров («Репетиции» 1992, «До и во время» 1993, «Мне ли не пожалеть...» 1995, «Старая девочка» 1994, «Воскрешение Лазаря» 2003, «Будьте как дети» 2007, «Возвращение в Египет» 2013), В. Пелевин («Хрустальный мир», «Чапаев и Пустота» 1996), В. Аксенов («Вольтерьянцы и вольтерьянки» 2004), В. Пьецух («Роммат» 1989), Ю. Буйда («Борис и Глеб» 1997). Перечислим эти признаки: отрицание теории восприятия истории как безличной линейной причинно-следственной цепи; сомнение в бесспорности истин исторического знания – отсюда вариативность истории, альтернативность, множественность интерпретаций; восприятие истории как незавершенного текста, принципиально нарративная сущность истории (исторический нарратив), что дает возможность ее дописывания и переписывания; сложная композиционная структура текста («тексты в текстах»); обращение к особенностям национального мышления, в частности, постмодернист-

ские псевдоисторические романы вскрывают роль коллективного бессознательного в русской истории, выявляют характерные особенности русского национального архетипа; центральными приемами поэтики для воплощения псевдоисторического дискурса становятся приемы игры, иронии, пародии.

В основном развитие жанра псевдоисторического романа приходится на 1990-е гг., но мы не погрешим против истины, если скажем, что первым русским писателем-постмодернистом, обратившимся к псевдоисторической проблематике, стал Саша Соколов с романом «Палисандрия» (1985). Это третий роман писателя-представителя третьей волны русской литературной эмиграции, получивший при публикации в США название «Астрофобия». Роман представляет собой литературную мистификацию: мемуары главного героя Палисандра Александровича Дальберга (30-е гг. XX в. – 2057), Командора ордена часовщиков, Хранителя времени, правителя России с 1999 г., написанные им в период с августа 1999 г. по 2044 г. Мемуары состоят из пролога, эпилога и четырех книг: «Книга изгнания», «Книга дерзания», «Книга отмщения», «Книга послания». В контексте развития жанра постмодернистского псевдоисторического романа для нас важно исследование в художественной структуре «Палисандрии» авторской концепции истории, вмещающей отличительные признаки постмодернистского антиисторизма.

Известный исследователь русской постмодернистской литературы И. С. Скоропанова отмечает, что «изпод пера художника выходит постмодернистская «человеческая» комедия – как развернутая метафора мировой истории, которая изображается в травестийном ключе. Точнее, речь у Соколова идет об историческом нарративе как форме нашего знания об истории – скорее «литературного», нежели научного (лишь той или иной версии исторического прошлого, которую излагает конкретный исследователь, – исторического повествования, в котором «осюжетируются» определенные факты)» [6, с. 242]. Восприятие истории как «литературы», рассказов, мифов позволяет создавать ее версии, альтернативные игровые варианты, с помощью приема деконструкции в тексте романа Соколов осуществляет собственную презентацию русской истории. Мы считаем, что в романе происходит демифологизация устоявшихся мифов русской, и особенно, советской истории, создание и одновременное разрушение новых, субъективных мифов главного героя Палисандра. В романе действительно создается квазиисторический миф о «безвременьи», но при этом разрушается и архаический миф о вечности, вечном возвращении.

Задачей данной статьи мы видим рассмотрение ключевых «исторических» эпизодов романа и обнаружение механизма деконструкции исторического нарратива.

В романе советская история предстает как Золотой век (времена детства, правление Сталина-Кроноса), прерванный смертью старых богов (Сталина, Берию) и вернувшийся в правление Палисандра.

Эстетизированная мифологизация советской истории представлена в романе несколькими ключевыми ситуациями, прежде всего, мифом о Сталине как главном боге Кремля-Олимпа, одном из «отцов» Палисандра и мифом о Брежневе как Местоблюстителе. Они предстают в сюжете Палисандра как реализация мифа об

Эдипе, ибо путь власти «детей» разворачивается через ситуации любовных треугольников: Сталин-Надежда Аллилуева-Палисандр; Брежнев-Шагане-Палисандр и Брежнев-Виктория Брежнева-Палисандр. При этом сущность архаического мифа (о борьбе старого бога с новым) даже в десакрализованном варианте мифа об Эдипе, опустошается и тем, что Палисандр лишен инициативы в этих ситуациях, он скорее исполняет чужую волю, пародируя миф. Демифологизация ситуаций и исторических персонажей возникает и с помощью подробностей, их разоблачающих (страх Сталина, ревность Брежнева, подлость Андропова).

Таким образом, происходит многократное разрушение мифа.

Во-первых, Палисандр якобы разрушает ложные версии советской и мировой истории, высказывая версию свидетеля и участника этих событий (переписывает историю).

Во-вторых, при этом он возводит историю в соответствие с различными культурными, историческими схемами и архаическими мифами (профанирует архаический миф).

В-третьих, и собственный миф Палисандра разрушается теми подробностями, которые саморазоблачают персонажей профанной истории.

Миф о Сталине возникает в тексте Палисандра как ответ на мемуары дочери первого Светланы Аллилуевой, где она, по мнению Палисандра, высказывает мысль об убийстве матери отцом на почве ревности. В ответном письме герой опровергает эту версию настолько двусмысленно, что читатель начинает верить именно Светлане, но не Палисандру. Палисандр находился в любовной связи с Аллилуевой, которая после смерти няни Агриппины заменяет ему мать. Палисандр, подобно Эдипу, вступает в связь со своей «матерью» Надеждой и убивает своего «отца» Сталина. Эпизод смерти Сталина приводится героем и как ответ на «псевдоисторическую» книгу Авторханова «Загадка смерти Сталина». По версии Палисандра, Сталин умирает от испуга, когда в темноте комнаты сторожевая собака Руслан прыгает ему на грудь. Так пошутили дети членов правительства, устроив сюрприз Сталину и заперев Руслана в шкаф. Палисандр, будучи косвенно причастен к смерти своего «отца»-соперника, открывает себе дорогу к власти над Эмском-Кремлем-Олимпом.

Обратную ситуацию можно прочесть в треугольнике Брежнев-Шагане-Палисандр. Шагане является первой настоящей любовью героя, именно с ней он испытывает восторг страсти и погружается в тайны Эроса (подробнее в третьем параграфе). Но Шагане изменяет Палисандру с более удачливым Брежневым, который выступает в облике Аполлона (Шагане представляется Венерой). Миф о Брежневе как удачном и изобретательном любовнике и охотнике представлен в истории создания правительственного Дома Массаж, где представители правительства «охотятся», предаются любовным утехам [7, с. 82 – 83]. Борьба соперников за обладание Шагане имеет символический смысл борьбы за власть, за обладание Эмском-Россией. Имя «Шагане» отсылает к стихотворению С. Есенина, центральная тема которого – Россия. Шагане представляет Восток, а в любви к Шагане воплотились и любовь к родине, и тоска по России, «рязанским раздольям», «волнистой ржи при луне». Просьба о забытии («Не буди только память во мне»)

может восприниматься как уход от настоящей России, о которой невыносимо помнить. Эту семантику несёт и коллизия любви к Шаганэ, Востоку, дающей временное забвение от памяти о родине. Она воплощает комплекс представлений Палисандра о России – немая старуха-калека, проститутка отражает образ нищей, убогой России, которая нуждается в спасении. «Россия, родная, когда же придёт настоящий день твой! Доколе, терзаема неотесанным мужичьём, ты будешь влачить крест своей незлобivosti и долготерпения» [7, с. 79]. По мнению О. Матич, отношение героя к России есть единственно серьёзная черта его облика [4, с. 100], реализующаяся в финале романа, где Россия предстаёт в облике «девочки Рек», сестры Палисандра, которую он спасёт [7, с. 342]. Нам кажется, смешение мифов разрушает определённую образ Шагане (мать / гетера, Запад / Восток) и снимает серьёзность чувства родины. Борьба за обладание Шагане – это борьба за безграничную власть, а не за спасение России.

Из сказанного очевидно, что и покушение Палисандра на Брежнева, и связь с его женой Викторией Брежневой есть не только месть побеждённого более удачливому сопернику, но и борьба за овладение Шагане-Россией. Однако все эти мифологические смыслы снижаются описанием покушения, когда Палисандр стреляет в куклу вместо настоящего Брежнева. Неистинность реальности, России, любви (сцена измены Шагане описывается как оперное либретто), театральность и карнавальность истории (измена происходит в момент карнавала) разрушают миф как архетипический образ бытия.

Палисандр создаёт и другие мифы об истории, разрушая при этом устоявшиеся исторические мифы. Так, Палисандр рассказывает историю шестизарядного кольца, с которым он идет на покушение и который подарила ему Фанни Каплан. Последняя при помощи этого кольца отомстила Ленину за поруганную любовь и женитьбу на Крупской. Смерть Троцкого объясняется как несчастный случай: Троцкий был против венчания Сталина и Аллилуевой и был выслан в Уругвай, где погиб от укуса тарантула. Поэтические опыты Андропова порождают калейдоскоп сведений, относящих его одновременно к миру лагерей и миру искусства: «отличнейший гитарист, детство своё протерпел он в Мордовии, в юности пел и плясал в цыганском хоре особого назначения» [7, с. 68]. Так разрушается и миф о человечности, и миф о творческой одарённости, но и миф о главе спецслужб как воплощении античеловеческого. Введение в сферу искусства политиков, управлявших временем, превращает их в комедиантов, циркачей, в симулякры. Фурцева «начинала с канкана как выученица Петипа»; Свердлов был известным канатоходцем; Жданов работал маркером в игорных домах Мариуполя; Аллилуева была танцовщицей. Люди, полагавшие, что творят историю, лишь имитируют власть над жизнью, история превращается в театральное действо. Соколов развенчивает советские мифы о власти над историей и претензии художников слова стать спасителями России, подлинными властителями времени: герой романа также участвует в общей мистерии.

Апогея исторический театр достигает в сцене публичной казни мнимого Лаврентия Бери, роль которого играет майор театральных войск Арчибальд Матвеевич Гекуба. Здесь очевидна издёвка Соколова по поводу размежевания новой власти с тоталитарным сталинским

режимом. Палисандр отмечает, что «представление опрделённо не удалось. Отточенное и лаконичное по форме, но выхолощенное по идейному содержанию, оно отзывалось упадническим буффом, отдавало обыденщиной и казённостию» [7, с. 241]. Гекуба подменяет Берию, снижая тем самым и смысл его самоубийства как жертвоприношения Хроносу, и смысл самой истории, превращающейся в буффонаду. Подобную же семантику профанации истории несёт и упоминание о выездных судах по делам репрессированных, гастролли которых пользуются большим успехом.

Избавление от участия в историческом спектакле Палисандр видит в перевоплощениях, где профанируются идеи кармы и реинкарнации. Палисандр припоминает или сочиняет, по крайней мере, два предыдущих воплощения: конь императрицы Екатерины и потомок знатного рода, сын герцога Бельведерского, Аполлон Бельведерский, совращённый собственной тёткой.

В момент соединения с Викторией Брежневой, сёргги которой напоминают Палисандру Екатерину, он вспоминает о своём воплощении в образе коня, который участвовал в любовных играх, составляя компанию императрице и Григорию Потёмкину: «Спалив себя самое в очередном неуёмном посыле на алтаре нашей необузданной страсти, царица оставила меня безутешным» [7, с. 218]. Скакуна, как виновника смерти своей хозяйки, отводят на живодёрню (год смерти – 1796). Из шкуры сделали сапоги, которые затем пропили в кабаке. Из мяса и потрохов сделали колбасы, которые раскупили монашки, вдовы и солдатки. А в черепе свил себе гнездо василиск «в предвкушении следующего Олега» [7, с. 219]. Так пародируется и миф о превращении, и представление о карме, и миф о нирване, достигаемой эросом. Но одновременно банализируется история, в которой повторяются альковные игры за занавесом мифов о государственных трудах, уносящих жизнь властителей. Пародийный намёк на «Историю лошади» Л. Н. Толстого и «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина связан с отталкиванием от руссоистских мифов о большей нравственности природы. Эти литературные параллели «взрывают школьный миф о строгой целомудренности русской классической литературы» [2, с. 203].

Второе припоминание Палисандром своей прошлой жизни, как очередное дежавю или «уже было», возникает в Мулен де Сен Лу, когда он видит въезжающую в поместье Мажорет Модерати. В предыдущем воплощении Палисандра в образе бельведерского дворянина Мажорет была его родной тёткой, заменившей Палисандру мать, но и любовницей отца, совратившей затем и сына. Это первоначальное совращение нанесло Палисандру непоправимую травму, которая забылась и открылась при повторном совращении мальчика Палисандра уже няней Агриппиной. Поэтому Мажорет ассоциируется с «дамой с косой», смертью, её Палисандр считает своей растлительницей. Мажорет продолжает выполнять функции растлительницы, ибо открывает его тайну гермафродита и толкает на путь проституции: «но возжелав возмездия, стал его воздавать ей в лице её сластолюбивого пола, предпочитая особ пожилого возраста ...ведь интерес историка к разного рода антиквариату довольно естественен» [7, с. 315].

Припоминание человеком своих предшествующих воплощений в мифе позволяет обрести сокровенное знание о бытии [1]. С Палисандром этого не происходит, он

использует припоминание перевоплощений для воспроизведения своей «половой памяти», что не делает его посвященным. Использование мотива перевоплощений профанирует миф о вечном возвращении. Все эпохи русской и европейской истории, упоминаемые в романе (Россия XVIII и XX вв., Европа XIX и XXI вв.), воссоздают образ повторяющихся адюльтерных ситуаций, борьбы за власть, предательства. История повторяется, но это повторение свидетельствует не о торжестве вечности, а о «половой памяти», хаосе, безвременьи. «И однажды наступит час, когда все многократно воспроизведённые дежавю со всеми их вариациями сольются за глубиной перспективы в единое уже было. И я не смогу себе дать отчета, в каком из бытий моих я бегу вот сейчас, вот сию минуту, и что такое сия минута, и к чему здесь эти бегонии, и причем тут – а если причем, то кто – кто этот некто, обозначаемый с Вашего позволения буквой «я». Хотя, если честно, я не способен в этом отчитаться уже и нынче, и тем не менее все бегу и бегу» [7, с. 317]. «Безвременье вредно, губительно. Оно разъедает структуру повествования до мутной неузнаваемости. И вместе с самим Палисандром мы перестаём понимать, в какой из инкарнаций всё это случилось. Кто он – осиротевший мальчик Средневековья, юноша Железного века или старик Переходной эпохи... А может быть, он двулик – многолик, и происходящее с ним есть двудейство – иль многодействие? Неясно» [7, с. 319].

Палисандр сравнивает историю с иноходцем, однако, это не стремительный конь-время, а конь смерти, требующий жертв. Жертвами становятся все люди, все события, все ощущения. «И все-таки в целом история есть типичная кантовская вещь в себе. Если не замечать известной апокалипсичности её интонаций, если не апоплексичности их, то, прежде всего, отмечаешь тот неслучайный, быть может, факт, что она преисполнена скрупулезно датированных, но незнакомых и непознаваемых происшествий. Взятые по отдельности, они озадачивают; вкупе – обескураживают. ... Я лично решил для себя полагать, что история есть процесс непрестанной, хоть плавной, ломки» [7, с. 25].

В конечном итоге, по мнению Палисандра, история не стоит того, чтобы ей увлекаться, она одинаково обманет глупого и мудрого: «и вот нам уже зевается, дремлет, читаемое, при всём к нему уваженьи, валится из рук, и мы опять засыпаем» [7, с. 25]. Пародирование любви к

истории отражено в письме Палисандра к Великой Княгине Анастасии Романовой: «Вы спрашиваете о моём отношении к гордой Клио?... всей задумчивой русской душой прилепляюсь к *далёкому близкому, к дыму пращурова табака (курсив наш И. А.)*, к идеалам былого» [7, с. 25]. Дым Отечества заменяется хорошим дедовским табаком, а слабость и любовь к истории приравнивается к любви к калашам.

Итак, обращаясь к истории, Соколов разрушает общепринятые советские мифы о социальном прогрессе, о направленности времени, ставит под сомнение архаичский миф о вечном возвращении, сводя его к вечному «уже было», к бессмысленным повторам. А. Немзер писал, что в романе нет ни смерти, ни жизни, ни истории, ибо «великолепное, обрюзгшее, роскошное, дряхлое безвременье отменяет причинно-следственные связи, обыденные критерии, возможность любых поступков» [5, с. 232]. Таким образом, в воплощении времени представлена не концепция вечных возвращений, но «постмодернистская приверженность смерти, которая заставляет увидеть в жизни лишь сцепление случайностей, так или иначе эстетизируемых» [5, с. 232]. Осмысляя феномен истории, Саша Соколов выступает пессимистом, скептиком. Отказываясь от принципа историзма, прогрессизма, линейной поступательной направленности исторического процесса, писатель создает образ «безвременья», вмещающего в себя и прошлое, и настоящее, и будущее, обрзающего тупик. История не обладает движущей силой, но предстает самоорганизующимся хаосом, развитие которого возможно одновременно в нескольких направлениях (образ грибницы-ризомы, вариативность псевдоисторической постмодернистской прозы). В этом контексте деконструируется и представление о разумности, рациональности человека как высшего итога исторического прогресса-движения. Палисандр одинаково смешон и как герой, и как писатель (графоман), и как любовник, и как гермафродит, и как сверхчеловек. Но смысл подобных травестийных приемов видится не в полном отрицании культуры, истории, гуманизма (чем так славится постмодернизм), но в возможности безыллюзорного, неутопического взгляда на возможности человека и его роли в истории. В этом смысле роман Саши Соколова «Палисандрия» в конце 1980-х годов открывает новые пути интерпретации и обнаружения смысла в истории, творчестве, человеке.

Литература

1. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 190 – 191.
2. Иванов А. В. История русской литературы в интерпретации Саши Соколова // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Гродно, 1996.
3. Маркова Т. Н. Авторские жанровые номинации в современной прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопросы литературы. 2011. № 1.
4. Матич О. «Палисандрия»: диссидентский миф и его развенчание // Синтаксис. 1985. № 15.
5. Немзер А. Несбывшееся // Новый мир. 1993. № 4.
6. Скоропанова И. С. Пессимизм силы // Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский Простор, 2001.
7. Соколов Саша. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. Палисандрия. СПб.: Симпозиум, 1999.

Информация об авторе:

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, asheulova@mail.ru.

Irina V. Ashcheulova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.02.2015 г.

ВЕГЕТАТИВНЫЙ КОД ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ОПИСАНИИ ЛУНЫ

Н. П. Балашова

VEGETATIVE METAPHORS IN THE DESCRIPTION OF THE MOON

N. P. Balashova

В статье описываются метафоры луны, входящие в вегетативный код русской лингвокультуры. Признаки, положенные в основу создания таких метафор, объясняются с позиций мифологии и символизма. Вегетативные метафоры луны можно представить в виде нескольких блоков: 1. Метафоры плода. 2. Метафоры спелости. 3. Метафоры фаз вегетации. 4. Мифологические метафоры прецедентных текстов (древнегреческое яблоко раздора, библейское яблоко с дерева познания добра и зла). 5. Метафоры вегетативных колоративов. В качестве иллюстративного материала используются произведения современных авторов. Одним из источников языкового материала послужил Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

The paper deals with the description of the Moon metaphors included into the vegetative code of the Russian linguistic culture. Signs underlying the creation of such metaphors are explained from the mythology and symbolism perspective. Vegetative metaphor of the Moon can be represented as several blocks: 1. Metaphors of fruit. 2. Metaphors of ripeness. 3. Metaphors of phases of vegetation. 4. Mythological metaphors from precedent texts (Greek *apple of discord*, the biblical *apple from the tree of knowledge of good and evil*). 5. Metaphors of vegetative colors. The modern literature is used as an illustrative material. One of the sources of language material is the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru) served.

Ключевые слова: лингвокультура, метафора, концепт, символ, языковая картина мира.

Keywords: linguistic culture, metaphor, concept, symbol, language picture of the world.

В традиционной картине мира любого народа растения занимают особое место, об этом свидетельствует большое количество фольклорных текстов, в которых встречаются вегетативные образы. Обращает внимание тот факт, что основные этапы человеческой жизни называются теми же словами, которые обозначают этапы вегетативного цикла: семя, рост, созревание, увядание. Растения всегда широко применялись в народных обрядах и вышивках, иногда заменяя собой человека и наоборот.

Цель данной статьи: рассмотреть художественные фитосимволы, обозначить круг растений, имеющих особое значение в русской лингвокультуре, проанализировать авторское описание луны сквозь призму вегетативного кода. В качестве материала анализа используются произведения современной русской литературы второй половины XX в. – начала XXI в. Одним из основных источников языкового материала служит Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Говоря о фрагментах языковой картины мира (в том числе относящихся к небесной сфере), исследователь опирается на концептуальный анализ. Концепт – «это представление о фрагменте мира; это национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления» [10, с. 16]. «Общее основание, по которому сравниваются несхожие явления, представляет собой признак концепта» [10, с. 17].

Одним из первых учёных, обратившихся к концептам, был С. А. Аскольдов, который делил их на познавательные и художественные. Для него познавательный концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [2, с. 270]. Иными словами, познавательный концепт, по С. А. Аскольдову, это некое схематическое, лишённое

конкретных деталей, представление о тех или иных понятиях и явлениях. Так, например, говоря об определённом растении, мы «оперируем мыслью» над всеми фитонимами, обобщая их свойства, качества и характеристики.

К художественному концепту С. А. Аскольдов относил «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых представлений» [2, с. 274]. Примером художественного концепта может послужить *метель* – комплекс языковых средств, используемых А. С. Пушкиным, для описания природного явления в одноимённой повести.

Одним из базовых средств картирования мира выступает метафора, именно в ней обнаруживается единство логического и мифологического, логико-дискурсивного и образного, наднационального и авторского. Метафора тесно связана с различными этнокультурными факторами [11 – 12; 15 – 17]. Метафора предоставляет человеку широкие возможности для интерпретации мира. Небесные объекты (солнце, луна, тучи, облака звёзды и т. п.) в русском языке получают активное метафорическое осмысление, многие из этих метафор прочно вошли в повседневное употребление (*солнце всходит и заходит, облака мчатся* и др.).

Метафоры, в основу которых положены вегетативные признаки, практически уже не осознаются таковыми и являются, по сути, стёртыми. Символизм небесных светил, в частности луны, выступает важным элементом всех лингвокультур [14 – 15]. Во многих культурах луна и некоторые растения имеют тесную связь: индийская сома, американский маис, южноамериканская пальма пачимба. Семитские боги луны ассоциируются с деревьями и кустами; в Южной Америке луна ассоциируется с пальмой и маисом, а на Севере Америки – с деревом.

Луна связана с вегетацией: рост и плодоношение прямо соотносятся с лунным календарём. Эта связь была замечена давно. «У всех славян в прошлом, а во многих регионах и до последнего времени сохраняется лунное время – традиционная система счета времени по фазам Луны, хотя одна и та же фаза может оцениваться то как благоприятная, то как неблагоприятная или опасная для того или иного предприятия. Время молодого, растущего месяца обычно трактуется как благоприятное для начала любых работ, особенно для роста, для всего растущего, развивающегося. С полнолунием связано представление о добром времени для земледельческих работ, ибо полнота месяца сулит богатый урожай» [18].

До сих пор в народе активно используются лунные календари, которые важны для посева, выращивания и сбора урожая. Языковая картина мира отобразила эту зависимость небесного объекта и жизни растений на земле.

Исследование фрагментов языковой картины мира с позиций лингвокультурологии и концептологии – одно из перспективных направлений современной лингвистики. «Языковая картина мира – это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа» [10, с. 17].

Обзор теоретических работ по лингвокультурологии и концептологии (А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьёв, В. И. Карасик, В. В. Колесов, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. Н. Телия и др.) показывает, что основной интерес для данного направления лингвистической науки представляет изучение языка как аккумулятора информации о культуре и ментальности того или иного языкового сообщества [1; 3 – 7; 13 – 14]. «То, что существует и приспосабливается в языке, соответствует ментальности народа. Концепт, в этом смысле, может быть интерпретирован как основная единица описания ментальности» [10, с. 17].

Луна во многих культурах символизирует изобилие, циклическое обновление, возрождение, бессмертие, магическую силу, изменчивость. Народы измеряли время по циклам луны, по знакам луны предугадывали будущий урожай. Рождение и исчезновение этого небесного объекта, его формоизменение послужили тому, что луна стала выразительным космическим символом земных циклов в животном и растительном мирах (рождения, роста, взросления, старения, смерти и возрождения).

Обратимся к образам луны, встречающимся в литературных произведениях современных поэтов и писателей. Сосредоточим свое внимание на вегетативных метафорах луны.

Изменчивость формы этого небесного объекта в сторону увеличения в русском языке передаётся метафорой роста (*растущая луна*). Даже в детских загадках о луне используется вегетативный код:

*Ночью на небе один
Золотистый апельсин.
Миновали две недели,
Апельсина мы не ели,*

*Но осталась в небе только
Апельсиновая долька (луна).*

Ещё одна загадка:

*На поле итальянском много скота белянского;
Один – пастушок – как **налитая ягодка**.
(Небо, звезды, месяц).*

Одним из самых частотных растительных образов луны в художественной литературе выступают плоды (*Луна была полной. А еще через три ночи она опять разбудила меня: «Смотри, этот **плод** на небе!»* Марина Вишневецкая. Вышел месяц из туман; *Когда-нибудь из сумрака столовой Всегда ждала я торжества и чуда, Волхвов, Даров, Двугорбого верблюда, Луны, **положенной на золотое блюдо** И, главное, читательской любви.* И. В. Одоевцева. «Я говорю слова простые эти...»). К этой же метафорической группе относятся признаки фруктов и овощей. Окружность формы – основной признак для переноса значения. Луна меняет свою форму. И сравнения вторят такому образу (*Среди пустынного сияния неба, над островерхими черепичными кровлями на западе **недоспелым ломтем арбуза** висела за соснами **луна**, и крыши, и сады, и улицы с серебристым переливом брусчатника – все было затянуто синим дымом, по-ночному неподвижно, только изредка возле дома шуришала трава под сапогами часового, и тогда Никитин, успокоенный, снова засыпал.* Юрий Бондарев. Берег).

Другое основание для образования вегетативных метафор – спелость (ср.: *И черная слива за ними, вдруг трепетнувшая от ветра или птицы, и **спелая луна** сквозь нее, и тонкий – поверх всего – сигнал московского точного времени, будто кто из сарая вышел и от избытка чувств на пиле заиграл, – все это вдруг насыщало мир, каждую его пору, каждую его нишу значением и тайной.* Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана). Спелость – это синкретичный образ, вмещающий в себя признаки цвета, созревания, формы, сока (*Вставала, подходила к окну, смотрела на **скользкую, еле держащуюся на небе, **переполненную соком луну****.* Ирина Муравьева. Филемон и Бавкида). Он символизирует апогей вегетации. Любой плод, достигая степени созревания, становится сочным. Луна описывается подобными признаками.

Луна предстаёт в образах ягоды (*Луна ныряет в облаке, **Как ягодка** во мху, А я на тонкой проволке Качаюсь наверху.* И. В. Елагин. Цирк), апельсина (*Но небо тут очистилось, **луна висела как апельсин**, и, вдруг почуявшая, взлаяла собака.* Владимир Маканин. Антилидер), арбуза (*Сумрак в комнате, чуть разбавленный слабым, похожим на туман, лунным светом, время от времени сменялся полной темнотой – куда туча наплывала **на крупную, словно арбуз, луну**.* Вадим Громов. Компромат для олигарха), дыни (*Когда лежит **луна ломтём** чарджуйской **дыни*** На краешке окна, и духота кругом, *Когда закрыта дверь, и заколдован дом Воздушной веткой голубых глициний...* Анна Ахматова), лимона (*Была полночь, в прогалинах между туч **лимоном** пятнила **луна**, за заборами вяло потягивали собаки.* Владимир Черкасов. Черный ящик), репы (*Небо сивое, **луна, точно репа**.* Андрей Балдин. Московские праздные дни), яблока (*Колокол **луны** скатился ниже, Он, словно **яблоко** увянувшее, мал. Благовест лучей его стал глух. Уж на нашесте*

громко заиграл В куриную гармонику петух. Сергей Есенин), золоченого, тяжёлого, спелого плода (*Луна свисает, как тяжелый Огромный золоченый плод, С ветвей моих деревьев голых, Хрустальных лиственниц – и вот...* В. Т. Шаламов. «Луна свисает, как тяжелый...»); *Луна висела спелая, тяжелая*. Денис Гущко. Тварец). Сорванный плод луны с Дерева мирового – символ победы над смертью (*Мне кажется – протянешь руку, Доверясь детству лишний раз, Сорвешь луну – и кончишь муку, Которой жизнь пугает нас*. В. Т. Шаламов. «Луна свисает, как тяжелый...»).

Плоду свойственны свои фазы вегетации: зерно (семя), цветок, созревание, спелость. Признаки всех этих фаз входят в структуру концепта луна (*Однажды в созревании луны Мы цепью вслед за танцем Мусгета В ритмичной пляске мчались до волны – И пали на колени – знак привета Селене полной*. С. В. Шервинский. Коктебильские октавы). Цветы, с которыми сравнивается или отождествляется луна, не имеют плодов. Среди них чайная роза и облетевший одуванчик (*Я прямо в твой пейзаж перешагну – На озеро, где по воде лиловой Ты чайной розой расплескал луну...* И. В. Елагин. «Кривая ветвь совсем не за оградой...»; *Ему представлялось, что он провалился в этот странный полусон на один – единственный окомиг, однако небо за окном уже было черно и на нем качалась белесая луна, как наполовину облетевший одуванчик*. Павел Крусанов. Укус ангела).

Плоды растений человек употребляет в пищу. Эти же признаки наблюдаются в структуре анализируемого концепта (*Если б был день, а не ночь, пусть и с огрызком луны, уже норовящей укрыться в мохнатую постельку облаков, спутница военных дорог прочитала бы на моем лице уккоризну: ну в каком русском палисаднике, тем более пригородном, где живет и плодится межклассовая прослойка – не то рабочие, не то крестьяне, по-бабушкиному просто – междомки и пролетарьи, по-дедушкиному – «советские придурки», – в каком палисаднике этих междомков не растёт черемуха и рябина? Виктор Астафьев. Веселый солдат*). Среди частотных вегетативных признаков у луны наблюдаются признаки 'репы', 'апельсина', 'яблока' (*В общем, немедленно за первым утренним стаканом просил измученный борьбой бесплодной организм второй, но опрокинешь, засосешь, искрой черешневой, бордовой, соблазняющий, манящий эликсир – не хватит, не хватит точно пузыря до ужина, сгорит до срока сок закавказской падалицы мелкой, и что тогда, чем встретишь угреватую луну, когда за форточку зацепится полночной репой*. Сергей Солоух. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева).

Еще одна группа вегетативных признаков восходит к древним мифам. В Древней Греции существовал миф о яблоке раздора, который не поделили между собой Гера, Афина и Афродита. В Библии описано дерево познания добра и зла, растущее в раю. Луна сравнивается с яблоком раздора, висающем на райском дереве (*Висит луна, как яблоко раздора, Познания добра и зла, греховный И мертвый плод*. И. В. Чиннов. «И жало смерти, и победа ада...»).

В связи с тем, что многие колоративы в русском языке образованы от названия плодов, то и они должны быть учтены при описании вегетативных призна-

ков исследуемого концепта. Жёлтый цвет луны именуется лимонным (*В открытой двери балкона солидарная с ним в ритме лимонная луна то взмывала над перилами со своим лупоглазым бесстыдным «браво»!* Дина Рубина. Белая голубка Кордовы; *Огромная, лимонного цвета луна безраздельно царствовала в небе*. Анатолий Собчак. Дюжина ножей в спину), дынно-жёлтым (*Словно кобра из мешка укротителя, на голос Маринелли вышла из-за облака тяжелая дынно-желтая луна и прочертила дрожащую дорожку по масляной зыби*. Дмитрий Быков. Орфография). Слово *оранжевый* образовано от *orange* «апельсин». Оранжевый цвет луны – это тоже скрытая вегетативная метафора (*Над крышами домов поднялась оранжевая, как большой апельсин, луна*. Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе). Переходный оттенок между жёлтым и оранжевым именуется абрикосовым (*Характерны для Набокова неожиданные метафорические «фруктовые оттенки», но то же и у Агеева: «абрикосовую луну перечеркнула туча» (П. К.); «видны были пузатые столбики балконной ограды, очерченные абрикосовыми отсветами» (Р. К.). Никита Струве. Роман-загадка*). Зелёный цвет луны сравнивается с незрелым яблоком (*Небо за домами смущенно розовело, и в нем висела зеленоватая, как незрелое яблоко, луна*. Алексей Иванов. Географ глобус пропил),

В художественных текстах встречаются авторские вегетативные метафоры луны. Луна отождествляется с овощем, который шинкуют – режут на тонкие узкие длинные полоски (*Лежу с открытыми глазами, а в окне ветки шинкуют луну*. Михаил Шишкин. Венерин волос), с распиленным стволом дерева (*Скоро уже полночь. В небе кувьркается распилен луны*. Николай Крышук. Отступление),

Языковая картина мира способствует формированию особого типа отношения человека к природе, к растениям и животным, к самому себе (как элементу мира), т. е. здесь мы говорим о формировании ментальности. Ментальность (духовность) задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к событиям и миру в целом. Любой естественный язык отображает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов и приоритетов, своего рода коллективную философию, навязываемую в качестве обязательной для всех носителей языка.

Вегетативные метафоры луны можно представить в виде нескольких блоков.

1. Метафоры плода (съедобные фрукты и овощи: ягода, абрикос, апельсин, арбуз, лимон, репа, дыня, яблоко).
2. Метафоры спелости (цвет, округлость формы, созревание, сок-сочность).
3. Метафоры фаз вегетации (семя, цветок, созревание и спелость плода).
4. Мифологические метафоры прецедентных текстов (древнегреческое *яблоко раздора*, библейское *яблоко с дерева познания добра и зла*).
5. Метафоры вегетативных колоративов (лимонный, оранжевый, незрелый-зелёный, апельсиновый, дынно-жёлтый).

Индивидуально-авторские картины мира отличаются своеобразием трактовок и способов осмысления действительности. Эти картины мира объединяет с языковой картиной мира то, что поэты и писатели используют общепринятый языковой фонд, создавая и вводя в него свои собственные метафоры. При этом выбор тех или иных метафор обусловлен особым мировидением автора. Все указанные блоки вегетатив-

ных метафор активно задействованы в художественных произведениях. Метафора «шинкуемого овоща» восходит к первому блоку. Метафора «распиленного ствола дерева», вероятно, может быть отнесена к четвертому – мифологическому блоку, а именно к мифу о Мировом Дереве. Творцы художественного слова приносят свое осмысление традиционных и обыденных явлений культуры.

Литература

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 348 с.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 269 – 273.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: РУДН, 1997. 331 с.
6. Колесов В. В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. (Серия 2: История, языкознание, литературоведение). СПб., 1992. Вып. 3. С. 30 – 40.
7. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 248 с. Вып. 16. (Серия: Концептуальные исследования).
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2001.
9. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 15 – 19.
10. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Серия: Концептуальные исследования). Вып. 9.
11. Пименова М. В. Образы и символы луны в произведениях А. С. Пушкина // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита: ЗГГПУ, 2007. С. 260 – 264.
12. Пименова М. В. Образные и символические признаки *луны* в русской концептосфере // Концепт и культура. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 294 – 303.
13. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 2(54). Т. 2. С. 127 – 131.
14. Пименова М. В. Ментальность в зеркале фольклорной картины мира // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI в.: коллективная монография: к 80-летию юбилею профессора В. В. Колесова; отв. соред. М. В. Пименова, В. И. Теркулов. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. 376 с. С. 70 – 105. (Серия: Концептуальный и лингвальный миры). Вып. 5.
15. Сидорова Н. П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 2: Языкознание). Волгоград, 2008. Вып. 2(8). С. 157 – 162.
16. Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов *луна* и *moon*: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 231 с.
17. Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов *ЛУНА* и *MOON*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
18. Толстая С. М. Луна // Славянская мифология. Режим доступа: <http://pagan.ru/slowar/l/luna0.php>

Информация об авторе:

Балашова Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания иностранных языков Новокузнецкого института (филиал) КемГУ, balashova.nata84@yandex.ru.

Natalia P. Balashova – Candidate of Philology, Snior Lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 29.04.2015 г.

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ГОВОРАХ ТЕЛЕНГИТСКОГО ДИАЛЕКТА АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

А. К. Бидинова

CASE FORMS IN THE VARIETIES OF THE TELENGIT DIALECT OF THE ALTAI LANGUAGE

A. K. Bidinova

Данная статья посвящена падежным формам в говорах теленгитского диалекта алтайского языка. Алломорфы падежей в данных говорах имеют свои дифференциальные признаки, основывающиеся на различных фонетических вариантах, что позволяет выделить их среди других говоров алтайского языка. Аффиксы падежей в говорах Кош-Агачского и Улаганского районов в сопоставлении с алтайским литературным языком и говором диалекта алтай-кижи Онгудайского района показывают специфические особенности, с одной стороны, объединяющие данные говоры, противопоставляя их литературному языку, с другой стороны, показывающие территориальные особенности говоров Кош-Агачского и Улаганского районов.

Целью статьи является выявление морфонологического варьирования форм падежей говоров теленгитского диалекта алтайского языка и сопоставление полученного материала с алтайским литературным языком, который является общепринятой нормой письменного алтайского языка, и с говором Онгудайского района диалекта алтай-кижи, который хотя и положен в основу литературного языка, но сохраняет диалектные особенности.

Исследование падежных форм говоров теленгитского диалекта в сопоставлении с алтайским литературным языком показывает такие специфические особенности, объединяющие данные говоры между собой, как наличие вариантов с огубленными гласными в родительном и винительном падежах и наличие аффиксов с долгими гласными в дательном-направительном падеже. При этом для говора Улаганского района характерны случаи, не встречающиеся в говоре Кош-Агачского района, что противопоставляет данные говоры друг другу. Так, для говора Улаганского района характерны аффиксы с анлаутным -д после основ на гласные в родительном и винительном падежах, наличие кратких форм после основ на согласные в аффиксах родительного и исходного падежей, и яркой черной данного говора является отсутствие губной гармонии для аффиксов с широкими гласными, что позволяет выделить в данном говоре только два варианта аффикса в дательном-направительном, местном, исходном и творительном падежах.

The paper is devoted to case forms in the speech varieties of the Telengit dialect which is one of the southern dialects of the Altai language. Allomorphs of cases in these speech varieties have the differential signs are based on various phonetic options, which allows to distinguish them from other speech varieties of the Altai language. Affixes of cases in the speech varieties of the Telengit dialect of Kosh-Agach and Ulagan areas in comparison to the Altai literary language and the speech variety of the Altai-Kizhi dialect of the Onguday area show the specific features, on the one hand, uniting these dialects, opposing them to the literary language, on the other hand, showing territorial features of speech varieties of Kosh-Agach and Ulagan areas. The paper aims at identifying the morphonological variation of caseforms in speech varieties of the Telengit dialect of the Altai language and comparison of the received material to the Altai literary language which is the standard of the written Altai language, and with the speech variety of the Onguday area of the Altai-Kizhi dialect which despite being the basis for the literary language keeps dialect features.

Research of case forms of speech varieties of the Telengit dialect in comparison to the Altai literary language shows such specific features uniting these dialects among themselves as existence of options with labialized vowels in the Genitive and the Accusative cases and the existence of affixes with longs in the Dative-Lative case. Thus, for the speech variety of Ulagan area the cases which are not found in the speech varieties of Kosh-Agach area are characteristic, which opposes these speech varieties to each other. So, the characteristic features of the speech varieties of the Ulagan area are the affixes with initial -d after bases on vowels in the Genitive and the Accusative cases, existence of short forms after bases on consonant in affixes of the Aenitive and the Ablative cases, and the absence of lip harmony for affixes with wide vowels, which allows to allocate only two options of an affix in the Dative-Lative, Locative, Aenitive and Ablative cases in this speech variety.

Ключевые слова: литературный язык, диалект, говор, падежные формы.

Keywords: literature language, dialect, speech, cases forms.

Алтайский язык – язык одного из коренных тюркоязычных народов Южной Сибири. В нем представлены две группы диалектов – южные: алтай-кижи, теленгитский и за пределами Республики Алтай телутский, и северные: тубаларский, чалканский и кумандинский. Теленгитский диалект распространен на территории Кош-Агачского и Улаганского районов Республики Алтай. В настоящее время тубаларский

диалект О. А. Мудраком относится к системе южных диалектов алтайского языка.

Так как в настоящее время в алтайском языке прослеживается тенденция к унификации диалектных разновидностей, единые фонетические, грамматические и лексические нормы, вводимые литературным языком, создают условие для развития общенародного языка и нивелировки его диалектов, но каждый

населенный пункт обладает определенной языковой спецификой. В нашей работе объединение таких населенных пунктов определяем как говоры. В работе они названы по административным районам. В теленгитском диалекте мы выделяем два говора – говор Кош-Агачского и говор Улаганского районов.

Падежные формы исследованы в говорах теленгитского диалекта на базе текстов, записанных нами на диктофон (объемом 228 тыс. знаков) и расшифрованных во время полевых исследований, проведенных с 2007 по 2014 гг. в 9 населенных пунктах Кош-Агачского района и в 4 населенных пунктах Улаганского района (см. список информантов).

Целью статьи является выявление морфонологического варьирования форм падежей говоров теленгитского диалекта алтайского языка и сопоставление полученного материала с алтайским литературным языком, который является общепринятой нормой письменного алтайского языка, и с говором Онгудайского района диалекта алтай-кижи, который хотя и положен в основу литературного языка, но сохраняет диалектные особенности.

Падеж – грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории [ЛЭС 90: 355].

В теленгитском диалекте выделяется семь падежей, объединенных в трех парадигмах: безличного, лично-притяжательного и местоименного склонений. В статье мы останавливаемся на проблеме варьирования падежных форм в говорах теленгитского диалекта и рассматриваем формы безличного склонения.

Неопределенный падеж, как и в других тюркских языках, не имеет специальных показателей.

Родительный падеж

В алтайском литературном языке формантами родительного падежа являются: =ныН // =ниН после гласных и сонорных *м, н, Һ*; =дын // =дин после основ на *р, л, й*; и =тын // =тин после основ на глухие согласные.

В речи носителей говора Улаганского района и старшего поколения села Курай Кош-Агачского района после основ на глухие согласные, кроме щелевых

с-, ш- и смычного *т-*, и после основ на сонорные *м, Һ* употребляются варианты =ын // =иН: *балык=ын* ‘рыбы’, *кап=ын* ‘мешка’, *аҺ=ын* ‘зверя’, *эҺм=иН* ‘матери=моей’. Сохранение качества согласных (глухость) в интервокальной позиции в данных примерах говорит о выпадении начального согласного аффикса родительного падежа, то есть анлаутного согласного *н-* и *т-* аффикса родительного падежа.

После основ, оканчивающихся на гласные в говоре Улаганского района, в отличие от говора Кош-Агачского района, где сохраняется первичный вариант =ныН // =ниН, употребляется вариант с анлаутным *-д-*: =дын // =дин, например: *бала=дын* ‘ребенка’, *кажаа=дын* ‘двора’, *эжә=дин* ‘сестры’.

Н. П. Дыренкова в «Грамматике ойротского языка» пишет, что после основ на долгий *уу-, үү-*, как *суу* ‘вода’, *туу* ‘гора’, употребляется аффикс родительного падежа на =дын [ГОЯ: 1940: 63].

Говоры Кош-Агачского и Улаганского районов теленгитского диалекта и говор Онгудайского района диалекта алтай-кижи, в отличие от литературного языка, следуя гармонии гласных, допускают четыре гласные в аффиксе родительного падежа: *-ы-, -и-, -у-, -ү-*.

Таким образом, в говоре Кош-Агачского района употребляются следующие варианты аффикса родительного падежа: после основ на гласные и сонорные *м, н, Һ* – =ныН // =ниН // =нүН // =нүн; после основ на *р, л, й* – =дын // =дин // =дун // =дүн; после основ на глухие согласные – =тын // =тин // =тун // =түн.

В говоре Улаганского района после основ, оканчивающихся на гласные и сонорные *р, л, й* употребляются варианты =дын // =дин // =дун // =дүн; после основ, оканчивающихся на сонорные *м, Һ* и глухие согласные, кроме щелевых *с* и *ш* – =ын // =иН // =ун // =үн, после основ, оканчивающихся на смычный согласный *т* и щелевые *с* и *ш* используются варианты аффиксов с начальным *-т-*: =тын // =тин // =тун // =түн, к основе с ауслаутным *-н* присоединяются аффиксы =ныН // =ниН // =нун // =нүн (таблица 1).

Таблица 1

Формы родительного падежа

Форма	Пример	Говор
=ныН / =ниН;	<i>бала=ныН</i> ‘ребенка’, <i>эне=ниН</i> ‘матери’;	алтайский литературный язык
	<i>аҺ=ныН</i> ‘зверя’, <i>эм=ниН</i> ‘лекарства’;	
	<i>тон=ныН</i> ‘пальто’;	
=дын / =дин	<i>ай=дын</i> ‘месяца’; <i>мал=дын</i> ‘скота’	
	<i>күр=дин</i> ‘моста’;	
=тын / =тин;	<i>ат=тын</i> ‘коня’, <i>ийт=тин</i> ‘собаки’;	
	<i>сас=тын</i> ‘болота’;	

Продолжение таблицы 1

=ныҥ / =ниҥ / =нуҥ / =нӱҥ;	бала=ныҥ 'ребенка', эне=ниҥ 'матери', бозу=нуҥ 'теленка', үкӱ=нӱҥ 'совы'; аҥ=ныҥ 'зверя', эм=ниҥ 'лекарства', тон=нуҥ 'пальто';	говор Онгудайского района
=дыҥ / =диҥ / =дуҥ / =дӱҥ =тыҥ / =тиҥ / =туҥ / =тӱҥ;	ай=дыҥ 'месяца', тил=диҥ 'языка', кол=дуҥ 'руки', кӱр=дӱҥ 'моста'; ат=тыҥ 'коня', ийт=тиҥ 'собаки', от=туҥ 'огня'; сӱт=тӱҥ 'молока'	говор Кош-Агачского района
=дыҥ / =диҥ / =дуҥ / =дӱҥ; =ыҥ / =иҥ / =уҥ / =ӱҥ; =ныҥ / =ниҥ / =нуҥ / =нӱҥ =тыҥ / =тиҥ / =туҥ / =тӱҥ;	бала=дыҥ 'ребенка', эңә=диҥ 'матери', бозу=дуҥ 'теленка', үкӱ=дӱҥ 'совы'; кӱр=дӱҥ 'моста'; аҥ=ыҥ 'зверя', эм=иҥ 'лекарства'; ку- зук=уҥ 'ореха', кӱрӱк=ӱҥ 'бурундука'; казан=ныҥ 'казана', тискин=ниҥ 'возжи', тон=нуҥ 'пальто'; кӱн=нӱҥ 'солнца' ат=тыҥ 'коня', ийт=тиҥ 'собаки', от=туҥ 'огня' сӱт=тӱҥ 'молока';	говор Улаганского района

Винительный падеж

В алтайском литературном языке показателями винительного падежа являются следующие аффиксы: после основ, оканчивающиеся на гласные – =ны // =ни, после основ на сонорные *н, ҥ, л, р, ӱ* – =ды // =ди, после основ на глухие согласные – =ты // =ти;

По сравнению с литературным языком, в говоре теленгитского диалекта Кош-Агачского района и в говоре Онгудайского района диалекта алтай-кижи представлены также алломорфы с огубленными гласными: после основ на гласные – =ны // =ни // =ну // =нӱ; после основ на сонорные *н, ҥ, л, р, ӱ* – =ды //

=ди // =ду // =дӱ, после основ на глухие согласные – =ты // =ти // =ту // =тӱ.

В говоре Улаганского района, по нашим наблюдениям, отсутствуют варианты с анлаутным =н аффикса винительного падежа, поскольку после основ на вокальный компонент функционируют показатели =ды // =ди // =ду // =дӱ, как и после основ на сонорные *н, ҥ, л, р, ӱ*. Варианты аффиксов с начальным согласным =т употребляются после основ на глухие согласные.

Таким образом, в говоре Улаганского района винительный падеж представляет следующие алломорфы: =ды // =ди // =ду // =дӱ, =ты // =ти // =ту // =тӱ (таблица 2).

Таблица 2

Формы винительного падежа

Форма	Пример	Говор
=ны // =ни; =ды // =ди =ты // =ти;	тура=ны 'дом', ийне=ни 'иголку'; ай=ды 'месяц', ээр=ди 'седло'; мал=ды 'скота'; бычак=ты 'нож', эт=ти 'мясо';	алтайский литературный язык
=ны // =ни // =ну // =нӱ; =ды // =ди // =ду // =дӱ =ты // =ти // =ту // =тӱ	тура=ны 'дом', ийне=ни 'иголку'; буу=ну 'веревку', кӱйӱ=нӱ 'зятя'; ээр=ди 'седло'; ай=ды 'месяц'; кур=ду 'пояс', кӱр=дӱ 'мост', бычак=ты 'нож', эт=ти 'мясо', от=ту 'огня', ӱйт=тӱ 'дыру'	говор Онгудайского района говор Кош-Агачского района
=ды // =ди // =ду // =дӱ =ты // =ти // =ту // =тӱ	тура=ды 'дом', ийнә=ди 'иголку'; айу=ду 'медведя', кӱр=дӱ 'мост', ээр=ди 'седло', ай=ды 'месяц', аҥ=ды 'зверя'; мал=ды 'скота'; бычак=ты 'нож', эт=ти 'мясо'; от=ту 'огня', ӱйт=тӱ 'дыру'	говор Улаганского района

Дательно-направительный падеж

В алтайском литературном языке дательно-направительный падеж после основ на сонорные и гласные оформляется аффиксами =га // =ге // =го //

=гӱ, после основ на глухие согласные – =ка // =ке // =ко // =кӱ.

Для говора Кош-Агачского района характерен процесс образования долгих гласных =аа // =ее // =оо // =ӱӱ на морфемном шве, образованные в результате

выпадения начального согласного -г аффикса датель-но-направительного падежа в интервокальной позиции, например: *тураа* ‘в дом’, *кашаа* ‘во двор’. Данные аффиксы употребляются носителями говора Кош-Агачского района параллельно с полными формами =га / =ге / =го / =гö.

После основ, оканчивающихся на согласный, как и в литературном языке употребляются варианты =ка / =ке / =ко / =кö.

Для говора Улаганского района, как и для говора Кош-Агачского района характерен процесс выпадения начального =г аффикса датель-но-направительного падежа после основ на гласные: *албатаа* ‘народу’, *терее* ‘коже’, *боо* ‘сюда’, *öргöд* ‘храму’, но по сравнению с говором Кош-Агачского района, в говоре

Улаганского района функционируют лишь два вокальных компонента в аффиксе датель-но-направительного падежа: =аа // =ää, например: *балаа* ‘ребенку’, *кишää* ‘человеку’. В речи молодого поколения носителей теленгитского диалекта чаще всего встречаются полные формы аффикса датель-но-направительного падежа =га / =гä.

После основ на согласный говору Улаганского района также характерны два варианта, после основ с твердоядными гласными =ка, после основ с мягко-рядными – =кä, в то время как в говоре Кош-Агачского района, как и в говоре Онгудайского района диалекта алтай-кижи и алтайском литературном языке представлены четыре варианта =ка // =ке // =ко // =кö (таблица 3).

Таблица 3

Формы датель-но-направительного падежа

Форма	Пример	Говор
=га // =ге // =го // =гö; =ка // =ке // =ко // =кö	<i>албаты</i> =га ‘народу’, <i>эне</i> =ге ‘матери’, <i>кöl</i> =гö ‘озере’, <i>кол</i> =го ‘руке’, <i>öлөн</i> =гö ‘траве’; <i>айак</i> =ка ‘в чашку’, <i>эжик</i> =ке ‘к двери’, <i>стол</i> =го ‘к столу’, <i>кöзнöк</i> =кö ‘к окну’	алтайский литературный язык говор Онгудайского района
=га / =аа // =ге / =еe =го / =оо // =гö / =öö; =ка // =ке // =ко // =кö	<i>албаты</i> =га / <i>албатаа</i> ‘народу’; <i>киши</i> =ге / <i>кишее</i> ‘человеку’, <i>бо</i> =го / <i>боо</i> ‘сюда’, <i>jöдшö</i> =гö / <i>jöдшöд</i> ‘приданному’; <i>айак</i> =ка ‘в чашку’, <i>эжик</i> =ке ‘к двери’, <i>стол</i> =го ‘к столу’, <i>кöзнöк</i> =кö ‘к окну’	говор Кош-Агачского района
=га / =аа // =гä / =ää; =ка // =кä	<i>албаты</i> =га / <i>албатаа</i> ‘народу’; <i>киши</i> =ге / <i>кишää</i> ‘человеку’, <i>кöl</i> =гä ‘озере’, <i>öлөн</i> =гä ‘траве’; <i>айак</i> =ка ‘в чашку’, <i>эжик</i> =кä ‘к двери’, <i>стол</i> =га ‘к столу’, <i>кöзнäк</i> =кä ‘к окну’	говор Улаганского района

Местный падеж

Местный падеж в говоре Кош-Агачского района как и в алтайском литературном языке имеет следующие показатели: =да / =де / =до / =дö – после основ на сонорные согласные, =та / =те / =то / =тö – после основ на глухие согласные.

В отличие от говора Кош-Агачского района в говоре Улаганского района отсутствуют варианты с огубленными гласными в местном падеже. Варианты =да / =та в говоре Улаганского района прибавляются к основам с твердоядными гласными, варианты =дä / =тä – к основам с мягкорядными гласными (таблица 4).

Таблица 4

Формы местного падежа

Форма	Пример	Говор
=да / =де // =до // дö =та // =те // =то // =тö	<i>бала</i> =да ‘в ребенка’ <i>кижи</i> =де ‘в человеке’, <i>кол</i> =до в руке, <i>кöl</i> =дö ‘в озере’; <i>жыл</i> =да ‘в году’; <i>таш</i> =та ‘на камне’, <i>сүт</i> =те ‘в молоке’, <i>от</i> =то ‘в огне’, <i>чөрчөк</i> =тö ‘в сказке’	алтайский литературный язык говор Онгудайского района говор Кош-Агачского района
=да // =дä =та // =тä	<i>бала</i> =да ‘в ребенка’, <i>кижи</i> =дä ‘в человеке’, <i>кол</i> =да ‘в руке’, <i>кöl</i> =дä ‘в озере’; <i>таш</i> =та ‘на камне’, <i>сүт</i> =тä ‘в молоке’, <i>от</i> =та ‘в огне’, <i>чөрчөк</i> =тä ‘в сказке’	говор Улаганского района

Исходный падеж

В говоре Кош-Агачского района, так же как и в алтайском литературном языке аффиксами исходного падежа являются: после основ с конечными гласными и сонорными *м, н, Һ* – *=нан // =неҺ // =ноҺ // =нӧҺ*, после основ на сонорные *л, р, ӥ* анлаутным согласным аффикса будет *д-* – *=дан // =деҺ // =доҺ // =дӧҺ*, после основ на глухие согласные – *=тан // =теҺ // =тоҺ // =тӧҺ*.

Н. П. Дыренкова, исследуя алтайский языка, отмечала вариант *=дан* после основ с долгим гласным -у, например: *суу=дан* ‘из воды’ [1940: 65].

Долгий гласный -у в алтайском языке образовался в результате выпадения конечного согласного -г, например: *таг – туу* ‘гора’, *суг – суу* ‘вода’. В настоящее время в алтайском языке в результате выравнивания парадигмы в аффиксе исходного падежа употребляется вариант с анлаутным согласным *н-* после долгого гласного -у: *суу=нан* ‘из воды’.

В говоре Улаганского района отсутствуют варианты аффиксов исходного падежа с начальным *н-*. Аффиксами исходного падежа в говоре Улаганского района после основ с ауслаутными гласными и сонорными *л, ӥ, р* являются варианты с анлаутным согласным *д-*: *=дан // =дӥҺ*. После основ на сонорные *м, Һ* и глухие согласные, кроме *с, ш* и *т*, употребляется вариант аффикса исходного падежа с начальным вокальным компонентом *=аҺ // =ӥҺ*. Данный вариант аффикса исходного падежа без начального согласного свойственен и речи старшего поколения села Курай Кош-Агачского района.

Варианты с начальным согласным *т-* – *=тан // =тӥҺ* в говоре Улаганского района употребляются после основ с конечными согласными *с-, ш-* и *т-*, например: *сас=тан* ‘из болота’, *ат=тан* ‘с коня’, *таш=тан* ‘из камня’.

Вокальный компонент аффикса исходного падежа в говоре Улаганского района варьирует в пределах двух гласных, после основ с твердоядными гласными *=а*, после основ с мягкорядными – *ӥ*.

Таблица 5

Формы исходного падежа

Форма	Пример	Говор
<i>=нан // =неҺ // =ноҺ // =нӧҺ</i> ; <i>=дан // =деҺ // =доҺ // =дӧҺ</i> <i>=тан // =теҺ // =тоҺ // =тӧҺ</i> ;	<i>ада=нан</i> ‘от отца’, <i>эне=неҺ</i> ‘от матери’, <i>тон=ноҺ</i> ‘из пальто’, <i>ӥӧӧжӧ=нӧҺ</i> ‘из приданного’, <i>аҺ=нан</i> ‘из зверя’, <i>эм=неҺ</i> ‘от лекарства’; <i>кар=дан</i> ‘со снега’, <i>жер=деҺ</i> ‘с земли’, <i>той=доҺ</i> ‘со свадьбы’, <i>кӧл=дӧҺ</i> ‘из озера’; <i>ӥыш=тан</i> ‘из тайги’, <i>эт=теҺ</i> ‘из мяса’, <i>сӧс=тӧҺ</i> ‘от слова’, <i>от=тоҺ</i> ‘из огня’;	алтайский литературный язык говор Онгудайского района говор Кош-Агачского района
<i>=дан // =дӥҺ</i> ; <i>=аҺ // =ӥҺ</i> ; <i>=тан // =тӥҺ</i> ;	<i>ада=дан</i> ‘от отца’, <i>кижи=дӥҺ</i> ‘от человека’, <i>кар=дан</i> ‘со снега’, <i>жер=дӥҺ</i> ‘с земли’ <i>той=дан</i> ‘со свадьбы’, <i>кӧл=дӥҺ</i> ‘из озера’; <i>аҺ=аҺ</i> ‘из зверя’, <i>эм=ӥҺ</i> ‘от лекарства’; <i>ӥыш=тан</i> ‘из тайги’, <i>сӧс=тӥҺ</i> ‘от слова’	говор Улаганского района

Творительный падеж

В говоре Кош-Агачского района как и в алтайском литературном языке, следуя гармонии гласных употребляются следующие показатели творительного па-

дежа *=ла // =ле // =ло // =лӧ*, в отличие от говора Улаганского района, где нами отмечено два варианта: *=ла* после основ с твердоядными гласными и *=лӧ* после основ с мягкорядными гласными.

Таблица 6

Формы творительного падежа

Форма	Пример	Говор
<i>=ла / =ле // =ло // =лӧ</i>	<i>малта=ла</i> ‘топором’, <i>эт=ле</i> ‘мясом’, <i>ӥол=ло</i> ‘по дороге’, <i>ӧлӧҺ=лӧ</i> ‘травой’.	алтайский литературный язык говор Онгудайского района говор Кош-Агачского района
<i>=ла // =лӧ</i>	<i>малта=ла</i> ‘топором’, <i>ӥол=ла</i> ‘по дороге’, <i>эт=лӧ</i> ‘мясом’, <i>лӧҺ=лӧ</i> ‘травой’	говор Улаганского района

Таким образом, исследование падежных форм говоров теленгитского диалекта в сопоставлении с алтайским литературным языком показывает такие спе-

цифические особенности, объединяющие данные говоры между собой, как наличие вариантов с огубленными гласными в родительном и винительном паде-

жах и наличие аффиксов с долгими гласными в дательно-направительном падеже.

При этом для говора Улаганского района характерны случаи, не встречающиеся в говоре Кош-Агачского района, что противопоставляет данные говоры друг другу. Так, для говора Улаганского района характерны аффиксы с анлаутным -д после основ на гласные в родительном и винительном падежах, наличие кратких форм после основ на согласные в

аффиксах родительного и исходного падежей, и яркой черной данного говора является отсутствие губной гармонии для аффиксов с широкими гласными, что позволяет выделить в данном говоре только два варианта аффикса в дательно-направительном, местном, исходном и творительном падежах.

Аффиксы падежа говоров теленгитского диалекта, Онгудайского говора диалекта алтай-кижи и алтайского литературного языка даны в таблице 7.

Таблица 7

Падежные аффиксы простого склонения в говорах Кош-Агачского, Улаганского и Онгудайского районов и в алтайском литературном языке

Говоры Падежи	Говор Кош-Агачского района		Говор Улаганского района	Говор Онгудайского района	Алтайский литератур- ный язык
Неопр.	Ø		Ø	Ø	Ø
Родительный	гласные, м, н, н		=нын // =нин // =нун // нун	=дын // =дин // =дун // =дүн; =ын // =ин // =ун // =үн	=нын // =нин // =нун // нун
	согл.	р, л, й	=дын // =дин // =дун // =дүн	=дын // =дин // =дун // =дүн	=дын // =дин
		глухие	=тын // =тин // // тун // =түн	=тын // =тин // тун // =түн	=тын // =тин
Винительный	гласные		=ны // =ни // =ну // =нү	=ды // =ди // =ду // =дү	=ны // =ни
	согл.	м, н, н	=ды // =ди //	=ды // =ди //	=ды // =ди
		р, л, й	=ду // =дү	=ду // =дү	=ду // =дү
		глухие	=ты // =ти // =ту // =тү	=ты // =ти // =ту // =тү	=ты // =ти
Дательно- направит.	гласные		=га // =аа // =ге // =еа // =го // =оо // =гö // =öö	=га // =аа // =гä // =ää	=га // =ге // =го // =гö
	согл.	м, н, н,	=га // =ге //	=га // =гä	=га // =ге //
		р, л, й	=го // =гö	// =гö	=го // =гö
		глухие	=ка // =ке // =ко // =кö	=ка // =кä	=ка // =ке // =ко // =кö
Местный	гласные		=да // =де // =до // =дö	=да // =дä	=да // =де // =до // =дö
	согл.	м, н, н,	=да // =де //	=да // =дä	=да // =де //
		р, л, й	=до // =дö	// =дö	=до // =дö
		глухие	=да // =де // =до // =дö	=та // =тä	=да // =де // до // =дö
Исходный	гласные м, н, н		=нан // =нен // =нон // =нön	=дан // =дäн; =ан // =äн	=нан // =нен // =нон // =нön
	согл.	р, л, й	=дан // =ден //	=дан // =дäн	=дан // =ден //
		глухие	=дон // =дön	=дон // =дön	=дон // =дön
		глухие	=тан // =тен // // тон // =тön	=тан // =тäн	=тан // =тен // // тон // =тön
Творительный	гласные, согл.		=ла // =ле // =ло // =лö	=ла // =лä	=ла // =ле // =ло // =лö

Автор выражает глубокую признательность и благодарность информантам за уделенное время.

Список информантов

1. Бидинов Край Адарович 1940 г. р., с. Кокоря Кош-Агачского района РА.
2. Дергалов Тёкёй Урбенешович 1955 г. р., с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района РА.
3. Ефимова Галина Абрамовна 1950 г. р., с. Улган Улаганского района РА.
4. Кензин Олег Анатольевич 1967 г. р., с. Сратан Улаганского района РА.
5. Койдушева Наталья Павловна 1949 г. р., с. Саратан Улаганского района РА.
6. Конунова (Петпенекова) Августа Акатьевна 1953 г. р., с. Саратан Улаганского района РА.
7. Курдяпова Татьяна Мамыевна 1953 г. р., с. Мухор-Тархаты Кош-Агачского района РА.
8. Метреева (Каланакова) Күүкмен Байрымовна 1927 – 2013 гг., с. Чаган-Узун Кош-Агачского района РА.
9. Молчоева Рада Боробашевна 1961 г. р., с. Курай Кош-Агачского района РА.
10. Орсулов Сергей Емельянович 1966 г. р., с. Саратан Улаганского района РА.
11. Отукова Зоя 1936 г. р., с. Ортолык Кош-Агачского района РА.
12. Санина Ольга Михайловна 1939 г. р., с. Чибит Улаганского района.
13. Сахарова Елена Павловна 1951 г. р., с. Беляши Кош-Агачского района РА.
14. Тадырова Арлу Сахылдаковна 1939 г. р., с. Белтир Кош-Агачского района РА.
15. Якпунова Күмүжей Улупсыновна 1948 г. р., с. Кокоря Кош-Агачского района РА.

Литература

1. Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка. М., 1947.
2. Грамматика алтайского языка. Казань, 1898.
3. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М., 1940.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Информация об авторе:

Бидинова Аина Краевна – аспирант кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского государственного национального исследовательского университета, aina.bidinova@yandex.ru.

Aina K. Bidinova – post-graduate student at the Department of Language and Folklore of Siberian Peoples, Novosibirsk State National Research University.

(**Научный руководитель: Широбокова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Языков и фольклора народов Сибири» ГФ НГУ, shirobokova_nn@mail.ru.

Natalya N. Shirobokova – Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Language and Folklore of Siberian Peoples, Novosibirsk State National Research University.

Статья поступила в редколлегию 13.04.2015 г.

УДК 82-14

ОБРАЗ «МОЛОДОЙ СТАРОСТИ» В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ И. БУНИНА

О. Н. Владимиров

THE CONCEPTION OF «YOUNG SENILITY» IN IVAN BUNIN'S LATE LYRICS

O. N. Vladimirov

Статья обращена к малоисследованной лирике Бунина последнего периода творчества. Преимущественное внимание уделяется образу «молодой старости», являющейся вариантом центрального в поздней бунинской поэзии образа круга, структурирующего её в единое целое. Актуализация «молодой старости» вызвана стремлением поэта отказать от художественной условности, преодолеть дистанцию между словом и реальностью, адекватно воспроизвести незавершённость, бесконечность жизни и своё к ней отношение. Оксюморон «молодая старость» – семантически ёмкое обозначение не только отмены старости, вневременности жизни, но и обострившегося у бунинского героя чувства прапамяти и метемпсихоза. С этим образом связаны мотивы весеннего цветения, сада, юности, первой любви (воспоминаний о ней), сотериологические размышления бунинского героя. Один из сквозных мотивов бунинской лирики – мотив вечного обновления жизни – становится особенно заметным на фоне стихотворений предшествующего периода (1910-х гг.). Цикличное пребывание в мире бунинского героя и его возлюбленной подтверждено поэтизацией пространственно-временного круговорота, обогащением субъектной организации (имперсональное «я» и стихи о прежних стихах, здесь же цитируемые) и соответствует антиномичному пониманию лирическим «я» своей конечности и бесконечности.

Ivan Bunin's little-investigated lyrics of his latest creative period appear to be the matter of this paper. Mostly, the attention is paid to the conception of "young senility", which is considered as a variant of the "circle" idea. The latter is central in Bunin's late lyrics and structures it as a single whole. The actualization of "young senility" is a result of the poet's effort to decline the conventionalities of art, to get over the gap between word and reality, to represent properly the incompleteness and endlessness of life and his own attitude towards it. "Young senility", as an oxymoron, proves to be not only a

poetical abolition of senility and a denotation of life's timelessness, but also implies the intensive sense of distant memory and metempsychosis experienced by the protagonist. Along with this conception go such motives as spring garden in blossom, youth, first love (or memories of it), and the protagonist's soteriological reflections. The motif of ever-renewing life, being one of the prevailing motives in Bunin's lyrics, gets particularly evident against the previous poems (written in the 1910s). The protagonist and his beloved one attend this world cyclically, which is confirmed by the poetization of time-and-space turnover, as well as by the enrichment of subject organization (the impersonal self and poems about former poems, herein cited). All this corresponds with the lyrical self's antinomic idea of its own finiteness and endlessness.

Ключевые слова: Бунин, лирика, образ круга, оксюморон, мотив, субъектная организация.

Keywords: Bunin, lyrics, the idea of circle, oxymoron, motif, subject organization.

Проблематика бунинской лирики 1916 – 1918 гг. – начала нового и последнего периода творчества – предвосхищается стихотворением «Потоп» (<1905>), воспринимающимся как поэтическая реакция на первую русскую революцию. Страшный рассказ («халдейские (т. е. древневавилонские. – О. В.) мифы», как отмечено в подзаголовке) «царя Касисадры, Ксисутроса» о «смерти и погибели», перенесённых страданиях заканчивается картиной «смирения» «свиристествовавших» «шесть дней и семь ночей» стихий, солнечным рассветом: «Я плакал, / Открыв окно и увидавши солнце» [2, с. 139]. Эта антитеза всеобщего разрушения и бедствий и возвращения к жизни, её притягивающая – в основе бунинского творчества этих лет (Ср. с замечанием Е. Ю. Куликовой, пишущей о морской теме у Бунина: «Отсутствие неизбежного в мире наделяет всё, *прежде бывшее*, особенной ценностью, поскольку опасность катастрофы и сама катастрофа знаменует собой апокалиптическую точку конца. Однако у Бунина это еще и точка зарождения жизни, исходящей из всех прежде бывших существований, из всех погребённых на дне морском и в земле» [6, с. 468].)

С одной стороны, пишутся стихотворения об оправдавшихся прогнозах; сбывающихся пророчествах: «Молчание», «Никогда вы не воскреснете, не встанете...», «По древнему унылому распеваю...», «И шли века, и стены Рая пали...», «Из книги пророка Исаии» и др. Балладная недоговоренность стихотворений предшествующего периода творчества переходит здесь то в открыто выраженную констатацию того, что «Презренного, дикого века / Свидетелем быть мне дано...» [2, с. 360], то в признание: «...не принять грядущей нови / В ее отвратной наготы» [2, с. 375], то в презрительное обращение к «рабам», проклятие старому миру: «Никогда вы не воскреснете, не встанете / Из гнилых своих гробов, / Никогда на Божий лик не глянете, / Ибо нет восстания для рабов...» [2, с. 408].

В ряде стихотворений антиномии разрушения мира и извечной его красоты, Сатаны и Бога совмещены: «Вход в Иерусалим», «Снег дымился, в раскрытой могиле...», «На всякой высоте прельщает Сатана...», «День памяти Петра» и т. д. В стихотворении «На исходе» утверждается: «Звезда, что будет на востоке, / Еще среди глубокой тьмы» [2, с. 349]. Случилось то, что должно было произойти, но мрачное сегодня приближает рассвет, возрождение.

На этой интонации снятого напряжения, переведённого дыхания написано большинство стихов продуктивных 1916 – 1918 гг.

С этим связана и очевидная смена субъектной организации: доминирующей становится форма прямого высказывания (от лица «я»), доверительного, исповедального, умиротворённого – редкого в поэзии прежних лет. В этот период написаны классические, с точки зрения их соответствия лирике как роду, стихотворения: «Последний шмель», «Настанет день – исчезну я...», «Этой краткой жизни вечным измененьем...», «Сириус» и другие. (Свое исследование «Бунин» Ю. В. Мальцев заканчивает цитированием стихотворения «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» [7, с. 352]. Эти же стихи приводит как образец бунинской лирики В. С. Баевский в своей сжатой «Истории русской поэзии: 1730 – 1980» [1, с. 237].)

Счастье жизни – в её вечном обновлении, этот излюбленный мотив вновь актуализируется и становится особенно заметным на фоне лирики предшествующего, балладного периода творчества. От страшной, но предвиденной злобы дня поэт отходит к старым, но не стареющим ценностям мира: «Сладок и нов ей (девошке. – О. В.) весенний рассказ, / Миру рассказанный тысячу раз» («Первый соловей») [2, с. 344], «Колоколов средневековый / Певучий зов, печаль времен, / И счастье жизни вечно новой, / И о былом счастливый сон» («Венеция») [2, с. 374]. Вечность смывает суетность человека и ничтожность его дел: «Покрывало море свитками / Древней хартии своей / Берег с пестрыми кибитками / Забавлявшихся людей» («Покрывало море свитками...») [2, с. 342]; ср.: «Смятенье, крик и визг рыбалок...», «Все снится мне заросшая травой...» и др.). Образы океана (моря), волн, приливов и отливов, всевидящей и беспристрастной луны, ветра – вечных природных, космических стихий и реалий – сквозные в лирике этого периода. Одним из самых частотных является в ней и образ сада, реального и эдемского, райского.

Значительный ряд стихотворений объединён мотивами весеннего цветения, юности, свежести, чистоты: «Людмила», «Спутница», «Первый соловей», «Гаданье», «Воспоминание», «Ландыш», «Ранний, чуть видный рассвет...», «Невеста», «По теченью». В стихах «Спутница», «Ранний, чуть видный рассвет...» утро дня соответствует утру жизни: «Ранний, чуть видный рассвет, / Сердце шестнадцати лет. // Сада дремотная мгла / Липовым цветом тепла. // Тих и таинственен дом / С крайним заветным окном. // Штора в окне, а за ней / Солнце вселенной моей» [2, с. 358]. Узнаваемая здесь интонация Фета «безглагольного» соответствует образу вневременности в лирике Бунина этих лет. Её посе-

щает просветлённое и умиротворённое жизнеутверждение, хранящее следы пережитого.

Эти мотивы часто сопряжены с мотивом первой любви (её ожидания). «Весенний рассказ, миру рассказанный тысячу раз», «счастье жизни вечно новой» [2, с. 374] – это, прежде всего, опыт и переживания лирического «я», поэтому нередко воспоминания о них («В столетнем мраке черной ели...», «Тихой ночью поздний месяц вышел...», «Море, степь и нежный август, ослепительный и жаркий», «Воспоминание», «Свет незакатный», «Сириус», «Ночью, в темном саду, постоял вдалеке...», «Под окном бродила и скучала...»). Бунинский герой вспоминает и друга, с которым он «разделял» «Те радости и муки без причин, / Ту сладостную боль соприкасания / Душой со всем живущим...», которым «нет названья» («Памяти друга») [2, с. 338], и «вечер бездомный» в Петербурге, когда он «...молод был, безвестен, одинок / В чужом ... мире, сложном и огромном...» («На Невском») [2, с. 339]. С остротой и полнотой лично виденного и только что пережитого он может вспомнить и летнее утро вековой давности, в которое его дедушка представлял своё будущее венчание («Дедушка в молодости»).

Воспоминания не просто освежают душу, греют сердце, но и возвращают молодость и надежды: «Как в апреле по ночам в аллее...», «В пустом сквозном чертоге сада...»: «Какая сладость все, что прежде / Ценил так мало, вспоминать! / Какая боль и грусть – в надежде / Еще одну весну узнать!» [2, с. 364]. Эта вернувшаяся молодость в стихотворении «Старая яблоня» названа «молодой старостью»: «Вся в снегу, кудрявом, благовонном, / Вся-то ты гудишь блаженным звоном / Пчел и ос, от солнца золотых / Старишься, подруга дорогая? / Не беда! Вот будет ли такая / Молодая старость у других!» [2, с. 351]. «От солнца золотые» пчёлы и осы в первом варианте этих стихов 1916 г. были «завистливыми и злыми»; эта авторская правка примечательна: после устранения возможных общественно-политических аллюзий картина весеннего цветения в солнечный день и акцент на последней строке стали выразительнее. (См. также в стихотворении «Дедушка в молодости»: «...Где на куртинах диких роз, / В блаженстве ослепительного блеска, / Впиваят пчелы теплый мед...» [2, с. 332].) Если пчёлы, осы, шмели – в центре поэтической энтомологии этого периода, то на периферии её – мухи: «В сторожке грусть, мушиный гуд... / – Зачем в лесу звенит овсянка, / Грибы растут, цветы цветут / И травы яркие, как медянка?» («Льет без конца. В лесу туман») [2, с. 329], «Там (во «тьме». – О. В.), как мухи, / Как червь на падали, кишат / Исчадия земли и ада...» («Матфей Прозорливый») [2, с. 305]. (Ср. с рассказом 1924 г. «Мухи».) Те и другие насекомые метонимически представляют бунинскую оппозицию «Рай – Вавилон, строй – рой, космос – хаос» в этот период.

«Молодая старость» синонимична «вечной юности»: так писатель определяет вторую молодость в «Освобождении Толстого», вслед за Гёте, называвшим «вечную часть нашей нравственной природы» «энтелехией» и говорившим, «что гении переживают

две молодости, меж тем как прочие бывают только раз молоды» [5, с. 117]. (О бунинской энтелехии пишет Ю. В. Мальцев в связи с анализом «Темных аллей» [7, с. 324 – 325].)

Оксюморон «молодая старость» точнее передает то, что в прозе обозначено как «вечная юность» (то есть реализация энтелехии в жизни «особо одаренных» людей): не просто вернувшуюся молодость, а творческий расцвет, обогащённый прожитым и пережитым. Местоимение «такая», выделенное межстиховой паузой, – не столько указательное и неопределённое, сколько определительное, усиливающее значение «молодой старости»: «Старишься, подруга, дорогая? / Не беда! Вот будет ли такая / Молодая старость у других!» [2, с. 351]. «Такая молодая старость» противопоставлена «скучной, грязной старости» в стихотворении 1916 же года «Никогда вы не воскреснете, не встанете...» (здесь характеристика «рабов» как «темных слуг корысти, злобы, ярости, / Мести, страха, похоти и лжи» могла повлиять на замену «завистливых и злых» пчёл и ос «от солнца золотыми»). Творческая активность, духовный взлёт в «молодой старости», как и само это выражение, напоминают об оксюморонах «морозный пожар» и «расцвет полярного сиянья», завершающих «Листопад». (Это раннее произведение может быть прочитано как метафора одинокого творческого пути поэта, теперешнее непонимание, неприятие которого сменится будущим его признанием и неперенным торжеством его поэзии.)

Близок к образу «молодой старости» образ Розы Иерихона в одноимённой миниатюре: «В знак веры в жизнь вечную, в воскресение из мертвых, клали на Востоке в древности Розу Иерихона в гроба, в могилы» [3, с. 7], – в свою очередь напоминающий об «энергии и силе жизни» репейника – кустов «татарина» из «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого. Параллель эта поддержана образом «мохнатого» («черного бархатного»), «заснувшего» на репее шмеля («уснувшего» в бунинском стихотворении, «замершего» в «карсеньевском» «И вновь, и вновь над вашей головой...» – «...И шмель замрет на венчике цветка...», но эти стихи – весенние): «Я слез в канаву и, согнав впившегося в середину цветка и сладко и вяло заснувшего там мохнатого шмеля, принялся срывать цветки» [8, с. 22] – «Черный бархатный шмель, золотое плечье <...> Полетай, погуди – и в засохшей татарке, / На подушечке красной усни» [2, с. 336]. Соотнесение жизни человека с жизнью старой яблони, последнего шмеля, иерихонской розы, косвенно – с репейником, как и эвфемизм «усни», подтверждает мысли бунинского героя об особом смысле человеческого существования, его сотериологические чаяния. «Не дано тебе знать человеческой думы» – в обращении к «последнему шмелю» бунинский герой имеет в виду неравенство жизни человека, её целеположенности – биопродуктивности, самовоспроизведению живых организмов, телесной преемственности.

«Молодая старость» осознаётся и как дар свыше, обязывающий к особой ответственности перед собой и Богом: «Звездой пылающей, потиром / Земных скорбей, небесных слез / Зачем, о Господи, над миром / Ты

бытие мое вознес?» («Звезда дрожит среди вселенной...») [2, с. 363], «Вот все внизу, все царства мира – / И я преображен. Душе моей дана / Как бы незримая порфира. // Не я ли царь и Бог?» («На всякой высоте прельщает Сатана») – [2, с. 415]. «Приемлю указание / Покорным быть земной судьбе...» («Где ты, угасшее светило?») [2, с. 429]. Особо заметно эта богоизбранность выражена в «Радуге»: «Лишь избранный Творцом, / Исполненный Господней благодати, – / Как радуга, что блещет лишь в закате, – / Зажжется пред концом» [2, с. 370]. Бунин здесь обращается к образу радуги как знамению союза между Богом и людьми [Быт. 9: 12-17]. Образ радуги – и в стихотворениях «Роняя снег, проходят тучи...» [2, с. 354], «Сорвался вихрь, промчал из края в край...» [2, с. 360].

«Молодая старость» – это и отмена старости, «вневозрастность», «несрочная весна». (Словосочетание «несрочная весна» из стихотворения Е. А. Баратынского «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная осень...») дало название рассказу 1923 г.).

В стихотворении «„Опять холодные седые небеса <...>“» лирическое «я» восклицает: «– Ах, старая наивная тетрадь! / Как смел я в те года гневить печалью Бога? / Уж больше не писать мне этого „опять“ / Перед счастливою осеннею дорогой!» [2, с. 379]. «„Опять холодные седые небеса <...>“» – один из примеров расширения и усложнения нарративной сферы в бунинской поэзии последнего периода и достаточно редкий в русской лирике случай стихов поэта о своих стихах, здесь же цитируемых. В этих произведениях соотношение теперешнего сознания героя с прежней его позицией стирает границу между художественной условностью и реальностью, между «я» – поэтом и лирическим «я», как и границу между художественным и реальным временем. Стихотворение Бунина является вариантом этой формы высказывания: к своим стихам обращается не поэт вместе со своим «я», а только лирическое «я», и только художественной реальности в этом случае принадлежат его строки «„Опять холодные седые небеса, / Пустынные поля, набитые дороги. / На рыжие ковры похожие леса, / И тройка у крыльца, и слуги на пороге...“». Но можно предположить, что это четверостишие – подлинный строки Бунина из неизвестной читателю рукописи («старой наивной тетради»), учитывая их сходство с опубликованными стихами начинающего поэта (ср.: «Пустыня, грусть в степных просторах. / Синюют тучи. Скоро снег. / Леса на дальних косогорах / Как желто-красный лисий мех» [2, с. 21]; «Седое небо надо мной / И лес, раскрытый, обнаженный» [2, с. 24]. Здесь приводятся начальные строки стихотворений). К этому же приёму Бунин прибегнет в «Жизни Арсеньева»: он припишет молодому поэту Алёше Арсеньеву стихи «И вновь, и вновь над вашей головой...» [4, с. 145]. Но в этом случае автор и его представитель более далеки друг от друга, чем в стихотворении «„Опять холодные седые небеса <...>“». К тому же неметафорический стиль молодого Бунина не совпадает с подчеркнуто экспрессивным образным строем стихотворения юного Арсеньева.

Всегда присущее бунинскому герою ощущение повторяемости всего и вся теперь снимается усилившимся чувством вневременности его жизни, чувством наступившей «несрочной весны». Именно поэтому «осенняя дорога» – «счастливая». По ней «я» идёт «Молодыми, легкими шагами // И опять, опять чего-то ждёт («Как в апреле по ночам в аллее...») [2, с. 363]. Тот же мотив развивается в стихотворениях «Зачем пленяет старая могила...»: «молодая старость» названа здесь «радостью воскресенья» [2, с. 372] – и «Дочь»: «...И чувством молодости странной, / Как будто после похорон, / Кончается мой сон туманный» [2, с. 328].

«Несрочная весна» возвращает лирическому «я» полноту чувств и переживаний молодости, сосредоточенных в любви, отсюда умиротворённое обращение «я» к умершей юной возлюбленной в ряде стихов: «Свет незакатный», «Печаль ресниц, сияющих и черных...»; «1885 г.» («Была весна, и жизнь была легка»); «Разве ты одинока? / Разве ты не со мной / В нашем прошлом, далеком, / Где и я был иной? / В мире круга земного, / Настоящего дня, / Молодого, бывшего / Нет давно и меня!» [2, с. 357]. Эти стихи продолжают условный цикл, начатый в раннем творчестве: «Портрет» («Погост, часовенка над склепом...»), «Крест в долине при дороге...», «Эпитафия» («Я девушкой, невестой умерла...»); близки к ним «Морфей» и «Венеция» («Колоколов средневековый...»). Несмотря на то, что «нет уж в мире нас, / Когда-то юных и блаженных <...>» [2, с. 374], возлюбленная «является», «воскресает» – «во сне», но этот сон явственнее реальности: «...И дивно повторяется восторг, / Та встреча, краткая, земная, / Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг <...>» [2, с. 374], – во сне, в «радостной стране», «не дивит ничто – ни даже ласки той, / С кем Бог нас разделил могильною чертой» [2, с. 371].

В рассказе 1923 г. «Неизвестный друг», написанном в форме писем к писателю, героиня, прощаясь со своим «неведомым другом», надеется на встречу в мире ином: «Через пятнадцать, двадцать лет не будет, вероятно, ни меня, ни Вас в этом мире. До встречи в ином! Кто может быть уверен, что его нет?» [3, с. 98]. Как подчёркивает Ю. В. Мальцев, мотив прапамяти и метемпсихоза «должен быть опознан и указан в начале всякого разговора о Бунине <...>, ибо именно здесь, в этой темной области подсознания и тайны берут свое начало многие, казалось бы, безначальные и необъяснимые черты человеческого бытия, к которым постоянно приковывалось внимание» писателя [7, с. 9]. Гипотетическая встреча героев бунинского метасюжета «встреча – разлука» становится реальной в стихотворении «Встреча». Выйдя из «круга земного, настоящего дня», полнее и острее ощутив свою индивидуальность, «я» во встречной женщине узнает ту, которую встречал «стократ» в течение своего вечного пребывания в мире: «Все та же ты, как в сказочные годы! / Все те же губы, тот же взгляд, / Исполненный и рабства и свободы, / Умерший на земле уже стократ. / Все тот же зной и дикий запах лука / В телесном запахе твоём, / И та же мучит сладостная мука, – / Бесплодное томление о нём» («Встреча») [2,

с. 378]. Впервые этот мотив вечной связи «я» и его возлюбленной, когда-то живших и любивших, прозвучал в стихотворении «Ночь» («Ищу я в этом мире сочетанья...») 1901 г. (Ср. с рассуждением о «никому не ведомой жизни „такого-то“» в заготовке к «Жизни Арсеньева», где писатель говорит о «вечной, вовеки одинаковой любви мужчины и женщины...» [5, с. 365].) Присутствие героя здесь и сейчас и одновременно его остранный взгляд на эту ситуацию выражается сменой местоимения третьего лица: «...И та же мучит сладостная мука, — / Бесплодное томление о нем», — а не первого («обо мне») — на местоимение первого лица «Через века найду <...> Моя неутоленная любовь...». Этим субъектным синкретизмом напоминает о себе всеведущий имперсональный бунинский герой, знакомый по стихотворениям «Пустошь», «Отчаяние», «На пути из Назарета», «В орде». Его способность к бесконечным метаморфозам представлена здесь метемпсихическим переживанием любви, памятью о прежних встречах «в сказочные годы» и предвидением будущей по-прежнему «неутоленной любви», а не вниманием к социально-философской проблематике. Эта переакцентировка соответствует смене тематических предпочтений писателя в последний период творчества. Здесь история отступает пе-

ред сосредоточенностью героя на главном — на раздумьях о любви, памяти, смерти.

Начиная с 1916 г., поэт пишет стихотворения с установкой отказаться от всякого рода условностей, преодолеть дистанцию между словом и реальностью, адекватно воспроизвести незавершенность, бесконечность жизни и своё к ней отношение, то есть говорить о том, что «истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!» [3, с. 180].

«Подсказанный» молодому поэту его наблюдениями над природой, образ круга с его вариантом — образом «молодой старости» — становится центральным в лирике этого периода. Бунинская версия популярного в XX в. архаического мифа о вечном возвращении выражается в цикличности пребывания в мире лирического «я», встречающего «ту же» возлюбленную, умиравшую «уже стократ»; в пространственно-временной кругообороте; и т. д. Открытая в раннем творчестве повторяемость, ритмичность природных явлений, перенесённая далее на повторяемость и предсказуемость исторических судеб, в поздней лирике выражается в цикличности личного пребывания в мире, вечном возвращении и встрече с тем и теми, с чем и с кем уже встречался в предшествующих воплощениях.

Литература

1. Баевский В. С. История русской поэзии: 1730 — 1980. Компендиум. М.: Новая школа, 1996. 320 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1993. Т. 1. Стихотворения 1888 — 1852. Т. 1. 540 с.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 5. 544 с.
4. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 6. 340 с.
5. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. литература, 1967. Т. 9. 623 с.
6. Куликова Е. Ю. Мертвые корабли и мертвые моряки в поэзии И. А. Бунина (к литературным истокам бунинской морской темы) // Куликова Е. Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011. 530 с.
7. Мальцев Ю. В. Иван Бунин: 1870 — 1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. 432 с.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 14. Повести и рассказы. 1903 — 1910. М.: Худ. литература, 1983. 511 с.

Информация об авторе:

Владимиров Олег Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, vladi-oleg@yandex.ru.

Oleg N. Vladimirov — Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Novokuznetsk Branch (Institute) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.

ГЕНЕЗИС ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ АНТИЧНОСТИ

А. А. Гончарова

LINGUISTIC PHILOSOPHY GENESIS IN ANTIQUE EPISTEMOLOGY

A. A. Goncharova

Цель данной статьи – поиск истоков генезиса лингвистической философии в античных доктринах. Следуя этой цели, был проведен анализ трудов ряда философов на предмет наличия в них концепции взаимосвязи языка и мышления, которая была принята в качестве опорной гипотезы исследования. Следуя этой цели, был проведен анализ трудов ряда философов на предмет наличия в них концепции взаимосвязи языка и мышления, которая была принята в качестве опорной гипотезы исследования. Исторический анализ опирался как на первоисточники, так и на данные последующих исследований. Установлено, что первые упоминания взаимосвязи языка и мышления обнаруживаются в досократический период. Доказано, что данная концепция получила разноаспектное рассмотрение в трудах античных философов. Выявлены прямая и диалектическая взаимосвязь языка и мышления, их связь в этическом и психологическом аспектах. Полученные результаты способствуют более глубокому изучению истории философии языка в ранние периоды ее становления.

The purpose of the paper is researching linguistic philosophy genesis. The ancient doctrines are used as research base.

Methodology: The basic hypothesis is a concept, which implies the interrelation between language and thinking. Analysis for the presence of this concept is carried out. The subjects of inquiry are Xenophanes, Heraclitus, Parmenides, Democritus, the Sophists, Socrates, Plato, Aristotle, the Stoics and Chrisippos' proceedings. Historical analysis is based on the original sources, as well as on the findings of subsequent research.

Findings: The interrelation between language and thinking was first discussed in the pre-Socratic period. This concept saw multidimensional investigation in the antique proceedings. Direct and dialectical interrelations between language and thinking, as well as ethical and psychological aspects are discovered.

Theoretical value: The results stimulate the in-depth study of linguistic philosophy history. They contribute to the formation of fuller appreciation of its process of establishment.

Ключевые слова: Античность, лингвистическая философия, генезис, взаимосвязь языка и мышления, науки о языке.

Keywords: antiquity, linguistic philosophy, genesis, interrelations between language and thinking, the sciences of the language.

Во второй половине прошлого века рассуждения на тему лингвистической философии в большинстве своем сводились к неопозитивизму. В 90-х гг. XX столетия началось переосмысление истории философии языка, в результате чего было раскрыто сильнейшее влияние на становление данного философского течения мыслителей эпохи Ренессанса. Однако большинство основных отраслей философии было заложено во времена Античности, поэтому правомерно предположить, что и поиск истоков генезиса лингвофилософии следует начинать с античной эпистемологии. Целью данной статьи является подтверждение данной гипотезы. В качестве опорной идеи примем концепцию взаимосвязи языка и мышления и рассмотрим, встречается ли она в трудах античных мыслителей, и если встречается, то в каких интерпретациях.

Л. Г. Зубкова пишет, что в эпоху античности, когда человек в рамках внеличностного миропонимания рассматривался как часть природы, неотделимая от нее, язык воспринимался синкретично с мышлением. При этом язык не выступал объектом конкретных философских исследований, и философия языка не разграничивалась с гносеологией, а лингвистические закономерности, как правило, отождествлялись с онтологическими.

По мнению Л. Г. Зубковой, именно античные философы сформировали основную лингвистическую проблему – соотношение языка и мышления. Именно для постижения основных форм мышления, его зако-

нов и принципов мыслители античности обращались к вопросам языка [8]. Поэтому правомерно начать поиски истоков лингвистической философии в античных учениях, так или иначе касающихся проблемы мышления в его взаимосвязи с языком.

Проблема мышления действительно интересовала философов еще с античных времен. Первые упоминания этого понятия встречаются в трудах Ксенофана. Он утверждал, что лишь сила разума позволяет человеку познать сущность мира, поскольку чувства нас обманывают, а ощущения ложны. При этом он не исключал возможности того, что разум также может обманывать, человеческое познание мыслитель признавал субъективным и ограниченным. И все же именно мышление как познавательная деятельность человека, по мнению Ксенофана, могло постепенно приблизить его к постижению истины [4].

Истины точной никто не узрел и никто не узнает

Из людей о богах и о всем, что я только толкую:

Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось,

Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает [22, с. 173].

Таким образом, учение Ксенофана положило начало течению скептицизма. Тем не менее элейская школа первой сделала предметом философской рефлексии соотношение бытия и мышления, в отличие от своих предшественников, которые мыслили бытие, не ставя данного вопроса [3].

Поскольку у Ксенофана вопрос познания был недостаточно развит, первым античным философом, в чьих работах нашла отражение проблема мышления, считается Гераклит. Он обращает внимание на многочисленные трудности, встающие на пути к познанию перед человеком, а также на то, что предмет изучения неисчерпаем. Его фраза «*Природа любит прятаться*» [22, с. 192] обобщенно выражает отношение философа к познанию, которое человеку дается нелегко: ответы на вопросы на поверхности вещей не лежат, и для достижения истинной природы явлений нужно приложить большие усилия. Одновременно люди имеют обыкновение обманываться относительно видимых вещей. Очевидно, Гераклит придавал большое значение именно мышлению, а не поверхностному накоплению знаний. С одной стороны, «*многого знатоками должны быть любомудрые мужи*» [22, с. 191], но при этом «многознание обладанию умом не научает» [22, с. 196], то есть познание нельзя было сводить к коллекционированию знаний. Философ противопоставляет ему углубленное понимание единства противоположностей, которое таится от внешних взглядов [2].

Гераклит подчеркнул такую важную сторону противоречия бытия, как изменение вещей. Изменяемость он видел устойчивым атрибутом природы, а все изменения, по мнению философа, происходили, следуя определенному устойчивому порядку. Отсюда Гераклит пришел к выводу о том, что Вселенной управляет разум – космическая сила, Логос, не являющийся человеческой способностью, вечная, как сам мир. И именно разумность мира обуславливает скрытую под покровом видимых дисгармоний «наипрекраснейшую гармонию». Противоречия этого мира взаимодополняют друг друга и связываются определенным образом так, что образуется эта самая гармония [21].

Э. Кассирер установил, что противоречия – это отражение в языке проявления противоположностей в бытие. Когда в языке опровергается то или иное высказывание, утверждение сменяется отрицанием, человек раскрывает внутреннюю структуру бытия, выявляет законы его функционирования. Кроме того, Э. Кассирер проводит параллель между упомянутой нами выше изменчивостью вещей и многообразием языка. Если каждый отдельный объект, по Гераклиту, пребывает в непрерывном становлении, то это применимо и к слову. Внутренняя многозначность слов подтверждает текучесть границ языка, что в свою очередь, индуктивно доказывает и изменчивость бытия [11].

Разум и мышление легли в основу понятия диалектики как метода познания мира. Однако не все философы поддерживали такую идею. Ярким его противником выступил Парменид. Он стал первым антагонистом диалектики и заявил, что мир един, следовательно, неподвижен. Множественность, по мнению Парменида, присуща лишь чувствам, а их картина мира, которую они составляли, вызывала у философа недоверие. Он считал, что чувства, фиксирующие множество и движение, заблуждаются. Существующее пространство на самом деле шире, чем чувства могут охватить, а множественность одновременно представляется и конечной, и бесконечной. Отсюда, мыслимость множественности невозможна.

То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим

[«тем, что есть»], ибо есть – бытие,

А ничто – не есть: прошу тебя обдумать это [22, с. 288].

Так Парменид пришел к выводу, что бытие едино и неизменно, а существует лишь то, что познаваемо и может быть выражено в языке. В то же время небытия не существует, ведь помыслить ни о чем невозможно. Эта идея легла в основу учения Парменида о соотношении бытия и мышления [9]. Стоит отметить, что в трудах Парменида впервые упоминается язык как своеобразная мера бытия, равноправная мышлению.

При этом как мыслимо только сущее, так и мысль без бытия ничто, а человек как существо, наделенное высшей степенью телесной организации, получил и высшую степень мышления.

Через мышление человек получил способность постигать сущее. «*А если, – сказал Парменид, – все другие вещи, как ты утверждаешь, причастны идеям, то не должен ли ты думать, что либо каждая вещь состоит из мыслей и мыслит все, либо, хотя она и есть мысль, она лишена мышления?*» [19].

Демокрит, основоположник материализма, также делал акцент на истинность познания мира, основанную на разуме, однако сам мир он видел абсолютно с другого ракурса.

В любой части (материи) есть и пустое, и полное, причем одно из них (плотное) – сущее, а другое (разреженное) – несущее [1]. Согласно его точке зрения, небытие существовало наравне с бытием и представляло собой некую пустоту. Бытие же образовывалось внутри этой пустоты: каждый предмет являл собой лишь определенное сплетение атомов. Органы чувств не способны постичь ни атомы, ни пустоту: им доступны только некие иллюзорные образы. Истинная картина мира могла быть постигнута только через мышление.

Сказанное позволяет заключить, что философов досократического периода проблема мышления интересовала в онтологическом разрезе. В те времена учение о мышлении существовало неразрывно с учением о бытии. Мифологические представления философов уже не устраивали: они стремились переосмыслить глубокие мировоззренческие универсалии, сломать стереотипы и представить новые способы изучения мира. Появились уровни его осмысления – обыденный и философский, четко разграниченные, причем в первом использовались органы чувств, которые, по мнению многих философов, давали ошибочное, обманчивое видение, мнение, доксу. На основе стремления познать сущее формировалась культура критического мышления. Именно в эту эпоху сформировались центральные философские проблемные поля, и все благодаря актуализации разума и, в частности, мышления. Можно сказать, что этот первый перелом в философии случился именно благодаря изменению культуры мышления, ее преобразованию и выходу на качественно новый уровень. И хотя в досократический период мы обнаружили первое свидетельство установления связи между мышлением и языком, об эманации лингвофилософии из философской мысли в целом на данном сделать вывод нельзя.

С обозначенного нами переломного момента, новой ступени становления философии начали разви-

вать свои учения софисты. Они установили, что натуралистически-вещественное оперирование категориями, которое практиковали их предшественники (огонь, вода, число, Нус, атом), заводит в тупик. Досократовский натурализм представлялся им нигилизмом (в некоторых случаях субъективизмом или даже иллюзионизмом). Если разрабатывать эти принципы вглубь, по мнению софистов, можно обнаружить абсолютное ничто. Казалось бы, на этом все философские искания могли бы закончиться, и тогда наука просто погибла бы, не получая развития.

Но софисты решили разобратся в происхождении этих тупиков мысли и кардинально изменили интенцию своих исканий: они стали рассматривать проблему бытия не как проблему вещества, а как проблему сознания. Так были сделаны первые шаги к рефлексированию и самосознанию. Античный дух не стал ограничиваться созерцанием внешнего мира – он обратился на самого себя [16].

Уместно обратить внимание на еще одно новшество, привнесенное софистами в философию благодаря выходу на новый виток культуры мышления. Они стали первыми, кто сосредоточился на проблеме языка, речи, возжелав сообщить результаты науки широким массам. Софисты поняли, что для этого нужны особые способности и иная направленность мыслительной деятельности: склонности к умозрению, сосредоточенности на предмете и наблюдательности уже было недостаточно. Если ученый хотел стать популяризатором своей науки, он должен был научиться оперировать аргументами, развивать дар красноречия, уметь высказать свою точку зрения и отстоять ее. Эти полемические способности предполагали не столько глубокое знание предмета (как этого требовала коммуникация с коллегами из научных кругов), сколько умение сразить не слишком образованные массы неожиданным аргументом.

Впоследствии образовательная деятельность софистов была поставлена под сомнение: если они и могли чему-то научить, то только риторике. Центральной задачей софистики стала подготовка к политической деятельности, главным образом – формальное развитие речи [3].

Но есть и другой взгляд на просветительскую деятельность софистов. А. В. Душин в своем исследовании называет софистов основателями интеллектуального образования. Пусть эти философы и не давали людям глубоких предметных знаний, они призывали аудиторию к использованию мышления, которое способно заменить не только предсказания и пророчества, но и собственные эмоции. На первый план софисты выводили мыслящий субъект, который в процессе образования с помощью свободной мысли приобретает собственное убеждение. Свободное мышление, по мнению софистов должно было помочь людям изыскать базовые принципы, которые помогут правильно оценивать действительность [7].

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сделать первый частный вывод, представляющий интерес для нашего исследования. Софисты превознесли, с одной стороны, риторические способности, хорошо развитую речь, умение аргументированно доказывать свою точку зрения, а с другой – свободное мышление, которое позволяло эту самую точку зре-

ния сформировать. Они первыми указали на объективную взаимосвязь языка и мышления. Результаты своей мыслительной деятельности лучше всего можно было выразить в процессе полемики, но и одновременно, не владея силой языка, невозможно стать настоящей мыслящей личностью. Переориентация исканий софистов на анализ человеческого сознания (в простейшей, если не сказать, зачаточной его форме) в античной философии и положила начало науке, которая сейчас называется филологией.

Деятельность досократиков повысила как автономия разума, так и объективную важность результатов мышления. Сократ пошел дальше: он поставил рассудок в центр философии, сделал его целью науки, а не ее средством. Рассудок для него стал отдельной темой для размышления, выведенной за пределы темы человека в целом. Одним из мотивов для этого выступил тот факт, что индивидуальный разум имеет большее отношение к добродетели, которую Сократ ставил во главу угла. Знание добра, по мнению философа, совпадало одновременно и с благочестием, и с точным знанием [6].

Считается, что Сократ совершил в философии настоящую революцию, объявив натурфилософию практически безразличной для человека. Отодвинув физику на второй план, он освободил лидирующую позицию этике, а разумному началу человека придал первостепенное значение. Философия стала «экзаменом для души», с помощью которого можно было выявить правду, честность, мудрость. Сдать этот экзамен можно было, умело пользуясь мышлением, преимущественно диалектическим. Вначале, считал Сократ, нужно освободиться от иллюзий и прийти к выводу, выраженному в знаменитом высказывании философа «Я знаю, что ничего не знаю». Помочь в этом способно такое сильнодействующее средство, как ирония, которую можно охарактеризовать как знание незнания. После прохождения этой стадии душа готова породить истину [10].

В незнании, по мнению Сократа, коренится причина зла: нельзя, зная лучшее, сделать худшее (иными словами, осознанным стремление к злу быть не может). Если человек оперирует неверными или несовершенными представлениями, то его усилия с большой вероятностью приведут к злу. Следовательно, для добродетельного поведения нужно убедиться в том, что представления человека основываются на добре.

Отсюда встает вопрос: где искать гарантии добра и детерминирующие его критерии истинности? Если основанием человеческих представлений является речь, то объектом исследования становятся слова. Они, по мнению Сократа, должны быть освобождены от чувственно воспринимаемого наполнения и, таким образом, утратить свою относительность и многозначность. Определить мысль для философа значило ограничить значения слов, а достичь знания – выявить чистые, исключительно логические, значения слов [14].

Сократ указывал на связь мышления и речи посредством ведения диалогов. Позже Платон отметит, что никакие книги не заменят продуктивной беседы, они являются лишь подражанием диалогу. Метод Сократа стал одним из наиболее эффективных средств для улучшения речевой коммуникации: он получил распространение во времена Античности и актуален

до сих пор. Безупречно пройдя естественную эмпирическую проверку веками, сократовский метод практически не изменил своей сущности и используется в современной теории менеджмента. Философ выстраивал в ходе диалога такую логическую цепочку умозаключений, чтобы оппонент вынужден был соглашаться с каждым аргументом [12]. При этом своего мнения Сократ не навязывал, напоминая, что он «ничего не знает». Он тщательно работал над содержанием высказываний своего собеседника и задавал вопросы, которые вводили того в состояние ауторефлексии (то есть оппонент анализировал собственные аргументы). В результате к концу беседы с философом человек осмысливал все ошибки собственного суждения и принимал иную точку зрения, придя к ней, по сути, самостоятельно. Так Сократ, используя диалоги, заставлял людей думать, рефлексировать, оценивать свои мысли и поступки [24].

Сократ совершил очередной переворот в философии, назвав сущностью человека его душу, которая, в свою очередь, представлялась способностью быть добродетельным и проявлять мыслительную активность. Философ актуализировал мышление в этическом аспекте и через него установил связь между добродетельными (а также недобродетельными) представлениями людей и их речью. Диалог благодаря этому философу стал не только специфической формой межличностной коммуникации, но и катализатором мыслительной деятельности и, как следствие, рационального познания. Таким образом, мы обнаруживаем еще одно проявление концепции связи мышления и языка – в этическом аспекте.

Платон разделял точку зрения Сократа о том, что истина содержится, обнаруживается и раскрывается в душе человека. Однако он не отрицал и наличия «правильных мнений», которые возникают на бессознательном уровне. На практике такие мнения могут оказаться полезными, но в душе их могло и не быть. Однако в душе, по мнению философа, нечто истинное должно присутствовать постоянно, чтобы направлять ее действия, а для этого все «правильные мнения» человеку нужно было «связать вычислением причин». Этот поиск постепенно вел к познанию истины: человек погружался в себя настолько, что достигал «первоначального единства», а вместе с ним – возможности познать все. Платон считал, что научиться – это то же самое, что и вспомнить, а кто вспомнил единое, тот в силах открыть и все остальное.

Сопоставляя эти воспоминания, душа ведет безмолвное рассуждение и тем самым стремится к истине. Она спрашивает саму себя и самой себе же отвечает, постепенно приходя к тому или иному мнению. Изрекаемую мысль философ называл процессом рассуждения, изреченную – его результатом, а сам этот беззвучный диалог души с самой собой – рассудком. Последнее доказывается и семантически: слово *dialogos* образовано из *dianoia* (рассудок) и *logos* (слово, речь). Рассудок, по Платону, – разумное мышление, возникающее в виде внутренней речи [18].

Анализируя вышесказанное, мы обнаруживаем в учении Платона оригинальный взгляд на связь мышления и речи с противоположного сократовскому ракурса, хотя фундаментальные идеи обеих концепций схожи. Платон делает акцент на внутреннем диалоге,

который рождает разумное мышление, ведущее к «воспоминанию» душой истины. Речь здесь отождествляется непосредственно с мыслительной деятельностью.

Аристотель глубже развил мысль о «рассуждающей душе». В его учении в форме силлогических умозаключений реализовалось человеческое мышление, которое отличалось от деятельности высшего Ума, реализующего в себе интуитивное постижение первоначал. Платон отождествлял безмолвный диалог души с самой собой с дианоией (рассудком). Аристотель подчеркивал, что мнения и рассуждения – это состояния мысли, а дианоия, таким образом, – оязыковленное мышление. Высший же Ум, выступающий началом знаний и знанием начал, является интуитивным, и связанное с ним мышление не смешивается с постигаемым. Следовательно, по Аристотелю, мышление реализовалось в двоякой направленности: как высшая разумная способность и как предметное приложение. В первом случае оно в речи невыразимо и выступает полностью интуитивным, созерцательным, во втором, напротив, мышление является дискурсивным и влечет за собой определенные поступки [13].

Аристотель говорил, что высказанные слова – это символы ментального опыта, а написанные слова – символы слов высказанных. Так же как у всех людей разные почерки, и речи их звучат неодинаково. Однако ментальный опыт, который эти слова напрямую отражают, по своей сущности одинаков для всех, как и вещи, которые олицетворяют этот самый опыт. Появляющиеся в душе мысли не содержат в себе правдивого или ложного смысла, а уже в речи они должны быть либо правдой, либо ложью. Просто существительные и глаголы, не связанные с чем-либо другим, не могут пока стать правдой или ложью. Отдельное слово, например «человек» или «белый», не может стать ни тем, ни другим. Аристотель приводит в пример слово «трагеллаф»: оно обладает смысловым значением (животное из чистых скотов), но пока мы не добавим к нему другое слово – указывающее на то, чем он является или не является – об истинности или ложности высказывания говорить нельзя.

Существительное – это лишь сочетание звуков, обладающее условным значением, не имеющее привязки ко времени. В природе его нет, а возникает существительное тогда, когда становится обозначением какого-либо предмета. Глагол же обозначает еще и время, к тому же он всегда является обозначением для сказанного о другом (подлежащем). Когда эти две независимые части соединяются, получается такой отрезок речи, как высказывание, несущее в себе истинностную или ложную нагрузку [25].

Другими словами, существительные представляют собой набор звуков, выражающих человеческое восприятие вещей, они ближе к содержанию ментального опыта, а глаголы ассоциируются с ощущением свойств вещей или взаимосвязей между ними, проявляющихся с течением времени.

В итоге можно сказать, что дианоия – это выраженное языком мышление, материалом для которого являются представления. Но представления в душах разных людей сходны по своей сути, поэтому могут сводиться к неким стандартным выражениям. И Аристотель считал, что для этого служат слова: он называл их знаками

представлений в душе. Философ утверждал, что звуки в процессе ассоциации становятся обозначением мыслительных опытов и превращаются в слова.

Эта идея Аристотеля нашла распространение и в современной науке, в частности, она легла в основу теории нейролингвистического программирования. Слова, произнесенные и написанные, согласно этой теории, являются поверхностными структурами, однако они представляют собой преобразования более глубоких мыслительных структур. Анализируя эти словесные структуры, через языковые кодировки можно определить уровни процесса умственных операций [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать еще один важный для нашего исследования вывод. Аристотель также акцентировал внимание на объективной связи человеческого мышления и речи, он провел грань между высшим Умом и умом человека, а последнему отвел свойства дискурсивности и предметной направленности. Философ считал, что слова являются выражением ментального опыта, при этом существительные более приближены к человеческим ощущениям.

Особо стоит отметить, что Аристотель стал одним из первых философов, кто обратил внимание на герменевтические проблемы: в сферу его интересов вошли структуры высказываний и связанные с ними категории истинности. Он не просто развил учение о мышлении, но и актуализировал тему языка.

Вслед за Аристотелем глубокую проработку учение о языке и его связи с мышлением нашло у стоиков, которые трактовали содержание высказываний как слияние эмоций, понятий и чувственных представлений индивида. С одной стороны, высказанная мысль соответствует разумным представлениям, а они могут возникнуть только у разумных существ. С другой стороны, только представление, которое может быть выражено в речи, имеет право считаться разумным. Но стоики не отождествляли «разумное представление» и «высказывание»: содержание речи, по их мнению, отличается от образа в сознании, но образует с ним особую сущность. Мысль, которая благодаря своей особой организации находит выражение в речи, стоики называли *Λεκτόν* (лектон) [15].

На связи между реальным объектом, обозначаемым смыслом и передающим его знаком базируется стоическая диалектика:

1. Знак = обозначающее (дион).
2. Обозначаемый смысл = то, что высказывается (лектон).
3. Реальная чувственная предметность, раскрывающая себя в каталептическом представлении.

А. Ф. Лосев в работе «Ранний эллинизм» особо обращает внимание на роль термина «лектон» в стоической философии. По его мнению, лектон обуславливает уникальность воззрений стоиков, выделяет их из прочей античной философии, в частности позволяет дать нестандартную для своего времени трактовку Вселенского Логоса. В отличие от платонической идеи, понятие которой субстанционально, о лектоне нельзя сказать, что он существует или не существует. Он являлся лишь мыслительной конструкцией в адиафорном представлении, лишенной метафизического существования. Лектон включает в себя атрибуты физической вещи, суждения о них и связи между этими суждениями.

При этом А. Ф. Лосев отмечает, что понятие «лектон» нельзя соотносить с мышлением, поскольку последнему присуще действие, а лектон «ничего не творит, не делает, не создает». Он трактует лектон как «соответствие смысловому представлению», которому свойственна имманентная истинность [17].

Стоики полагали, что различие в выражении одних и тех же смыслов будет тождественно различию естественных языков. Также они отметили, что дети не владеют синтаксисом, то есть не знают, как правильно связываются слова и корреспондируются лектоны. Их речь они называли «внешней», не соответствующей фиксированным смыслам. А именно правильная импликация является некоторой гарантией осмысленности мироздания. В целом же разумные существа способны четко сообщать содержание своего сознания другим таким же разумным существам и оказывать на них воздействия словами [23]. Таким образом, у стоиков мы обнаруживаем диалектическую связь языка и мышления.

В работах Хрисиппа, большое внимание уделявшего вопросам духовной сферы человека, проблема соотношения языка и мышления была одной из центральных. Философ проводил анализ языковой структуры, что помогло ему продвинуться в изучении природы знаков. Он обратил внимание на разграничение лексического и логического значений знаков, отдельно рассматривая семантику и логический синтаксис. Постепенно он пришел к выводу о принципиальной роли языка в способности мышления к обобщению.

Речь, по мнению философа и его последователей, свободна лишь относительно и не может развиваться в произвольном порядке, поскольку связана с мышлением и определяется законом его последовательности. Именно по этой причине мышление может адекватно отражать действительность, а люди – общаться и понимать друг друга.

В мышлении Хрисипп выделял два компонента – когнитивный и коммуникативный, а мыслительный процесс рассматривал с психологической и содержательной точки зрения. Спустя века К. Поппер скажет, что стоики «открыли третий мир, наряду с миром тела и души»: язык, будучи выражением субъективного психического состояния индивида, можно отнести к духовному миру, но нельзя исключить и его принадлежность к физическому миру звука [20]. Иными словами, у Хрисиппа мы обнаруживаем связь языка и мышления в психологическом аспекте.

В результате обобщения изученного теоретического материала можно сделать вывод, что проблема взаимосвязи языка и мышления действительно получила многоаспектное рассмотрение в философии Античности, когда закладывались фундаментальные идеи философской мысли, актуализировались вопросы разума, его преобладания над чувственным восприятием, а впоследствии и трансляции его результатов. Таким образом, первостепенным вопросом, изучаемым философами античности, изначально было мышление, однако всесторонняя его разработка привела многих мыслителей той эпохи к проблеме языка, его роли в мыслительной и познавательной деятельности, в духовной жизни индивида. Это позволяет заключить, что лингвофилософия действительно берет начало именно в эпоху Античности.

В античной философии проблема взаимосвязи языка и мышления разрабатывалась как непосредственно, так и в рамках исследования иных объектов (этики, психологии). Следовательно, уже в этот период наметилась дифференциация лингвофилософских направлений, которые выделились в процессе эволюции философской мысли.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что древнегреческие философы, в частности Аристотель и последователи стоической школы, способствовали зарождению ряда отраслей науки о языке: герменевтики, семиотики, лингвистики, логического анализа. Таким образом, Античность оказала значительный вклад в развитие не только лингвофилософии, но и учения о языке в целом.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* / пер. и примеч. А. В. Кубицкого. М.: СОЦЭКГИЗ, 1934. 354 с.
2. Асмус В. Ф. *Античная философия: учебное пособие*. Изд. 2-е, доп. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
3. Гайденок П. П. *История греческой философии в ее связи с наукой*. Изд. 2-е, испр. М.: Либроком, 2009. 264 с.
4. Гриненко Г. В. *История философии: учебник*. М.: Юрайт-Издат, 2004. 688 с.
5. Дилтс Р. *Стратегии гениев*. Т. 1. Аристотель, Шерлок Холмс, Уолт Дисней, Вольфганг Амадей Моцарт / пер с англ. В. П. Чурсина. М.: Класс, 1998. 272 с.
6. Доброхотов А. Л. *Категория бытия в классической западноевропейской философии*. М.: Издательство Московского университета, 1986. 248 с.
7. Душин А. В. Софисты как основатели интеллектуального образования // *Вестник ВЭГУ*. 2012. № 1(57). С. 98 – 103.
8. Зубкова Л. Г. *Общая теория языка в развитии: учебное пособие*. М.: Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
9. Кальной И. И., Сандулов Ю. А. *Философия для аспирантов: учебник* / под ред. И. И. Кальной. 3-е изд., стер. СПб.: Лань, 2003. 512 с.
10. Канке В. *Философия*. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2007. 376 с.
11. Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 1. Язык. СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
12. Кнорринг В. И. *Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов по специальности «Менеджмент»*. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 528 с.
13. Куликов Д. К. Проблема мышления в философии Аристотеля // *Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки*. Ростов н/Д: Сармат, 2011. С. 90 – 94.
14. Лебедев М. В. *Стабильность языкового значения: монография*. М.: ЛКИ, 2008. 168 с.
15. Лебедев С. П. *Логическая природа сократовского знания* // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 56. С. 28 – 33.
16. Лосев А. Ф. *История античной эстетики: в 8 т. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон*. М.: Искусство, 1969. 641 с.
17. Лосев А. Ф. *История античной эстетики: в 8 т. Т. 5: Ранний эллинизм*. Кн. 1. М.: Искусство, 1979. 760 с.
18. Муравьев А. Н. *Логос и диалог: Платон о начале и методе познания* // *Межвузовский сборник: Академия. Материалы и исследования по истории платонизма*. 1997. № 1. С. 56.
19. Платон *Парменид* // *Платон: Парменид, Кратил и другие диалоги* / пер. Н. Н. Томасов, Т. В. Васильева. СПб: Наука, 2014. 550 с.
20. Степанова А. С. *Философия Древней Стои*. СПб: АЛЕТЕЙЯ, 1995. 272 с.
21. Татаркевич Вл. *История философии* / пер. с польск. В. Н. Квасков. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. Античная и средневековая философия. 482 с.
22. *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А. В. Лебедев. М.: Наука. 1989. 576 с.
23. *Фрагменты ранних стоиков*. Т. 2: Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты / пер. и ком. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. 280 с.
24. Шохов А. С. *Структура ментального мира классической Греции*. Новосибирск, 1993. 285 с.
25. Aristotle *On Interpretation. Categories, On Interpretation, and On Sophistical Refutations* / Translated by E. M. Edghill. Digireads.com Publishing, 2010. 80 p.

Информация об авторе:

Гончарова Алина Алексеевна – аспирант, преподаватель английского языка Сергиево-Посадского гуманитарного института, г. Сергиев Посад, lynn-goncharova@mail.ru.

Alina A. Goncharova – post-graduate student, Lecturer at Sergiev-Posad Humanitarian Institute.

(Научный руководитель: Анисимов Анатолий Степанович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Сергиево-Посадского гуманитарного института.

Research advisor: Anatoly S. Anisimov – Doctor. of Philosophy, Full Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines, Sergiev-Posad Humanitarian Institute).

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.

**«СЛЕПЫЕ ФАРИСЕИ» И «СЛУГА НАРОДА»: ИДЕОЛОГЕМА «ВРАГА»
В АВТОМИФОТВОРЧЕСТВЕ Г. ГРЕБЕНЩИКОВА**

А. Ю. Горбенко

**«BLIND PHARISEES» AND «PEOPLE'S SERVANT»: THE IDEOLOGEME
OF «ENEMY» IN G. GREBENSHCHIKOV'S AUTO-MYTH-MAKING**

A. Yu. Gorbenko

В статье обсуждается стратегия автомифотворчества Г. Д. Гребенщикова. Начинающий сибирский писатель конструировал миф о «писателе из народа», с помощью которого решал задачу вхождения в литературу. Автор приходит к выводу, что ключевым моментом создания литературной биографии Гребенщикова стала негативная идентификация по отношению к интеллигенции, которая заняла место символического «врага» писателя.

The paper deals with the strategy of G. Grebenshchikov's auto-myth-making. The beginner Siberian writer constructed a myth about «a writer from the common people», using which he accomplished the task of entering the literary world. The author came to the conclusion that the key feature of making up a literary biography became a negative identification concerning the intelligentsia which occupied the position of a symbolic «enemy» of the writer.

Ключевые слова: Г. Д. Гребенщиков, автомифотворчество, писательская идентичность, негативная идентичность, литературная биография, литературная репутация, идеологема «врага».

Keywords: G. D. Grebenshchikov, auto-myth-making, writer's identity, negative identity, literary biography, literary reputation, ideologeme of «enemy».

В литературе, посвященной Г. Д. Гребенщикову, уже предпринимались попытки описать его «путь в литературу» и сопряженный с ним процесс автомифотворчества литератора. Круг проблем, связанных с созданием писательской мифологии затрагивается в ряде работ Т. Г. Черняевой [6; 13; 14]. Особое внимание исследовательницы сосредоточено на «автобиографическом» письме начинающего автора критику Л. Клейнборту, в котором, по ее мнению, «Гребенщиков начинает создавать “миф” о рождении писателя из крестьян» [6, с. 4; 14, с. 8]. Но, во-первых, Т. Г. Черняева рассматривает исключительно сибирский период творчества Г. Д. Гребенщикова, однако автомифотворческий процесс не прекращался и в эмиграции. Во-вторых, в работах исследовательницы на первый план выходит точное и скрупулезное изложение биографических фактов, но меньше внимания уделено концептуализации приведенного в изобилии материала. В-третьих, мы не можем согласиться с тем, что в этом письме 1915 г. Г. Д. Гребенщиков «начинает» создавать миф. В упомянутом письме содержится связный, сюжетно проработанный нарратив. Однако процесс конструирования мифа о «писателе из народа» был начат Г. Д. Гребенщиковым как минимум десятилетием раньше в стихотворении «Моя отчизна» (1906).

С самого начала своей писательской деятельности Г. Д. Гребенщиков работает над созданием своей литературной биографии, выстраивая мифологический метасюжет о «писателе из народа». Общие контуры этого сюжета таковы. Рожденный в «глухой» провинции («тьме»), выходец из крестьян, «влюбившись» в литературу, принимает решение стать писателем. Преодолевая естественные трудности биографического характера, он вынужден столкнуться с трудностями искусственными – «кознями», которые строят ему литераторы-интеллигенты (конфликт приобретает отчетливо классовый обертон). Но писатель-крестья-

нин преодолевает все препятствия и движется из провинциальной «тьмы» к «свету» столичной культуры. Свое решение эмигрировать из России в 1920 г. Г. Д. Гребенщиков постфактум также встроит в этот биографический миф, описывая эмиграцию как «изгнание», которое привело его к культурной и географической изоляции в Америке (писатель перебрался туда в 1924 г.). Сценарий поведения и стратегия самопрезентации «изгнанника» позволили литератору довести конструкцию мифа до логического предела: в американский период творчества он реализовал модель поведения учителя и проповедника – «проводника» по пути от «тьмы» провинциального невежества к «свету» культуры, предварительно пройденному им самостоятельно.

На протяжении всего литературного пути, создавая собственный биографический канон, писатель стремился всеми возможными средствами (прежде всего с помощью критической полемики) контролировать его незыблемость, резко отзываясь на любые попытки его корректировки и/или демифологизации. Создание мифа о «писателе из народа» и контроль над незыблемостью его канонического варианта позволяли сибирскому писателю в разное время успешно решать задачу вхождения в «поле литературы» (термин П. Бурдьё) на разных этапах: в Сибири, во Франции, в США и т. д.

Г. Д. Гребенщиков создавал такие сюжеты, внутри которых его герой (литературное alter ego автора или – в автобиографических, эпистолярных и публицистических текстах – он сам) находится в ситуации double bind («двойного зажима»): «оторвавшись» от крестьянства, став для него «чужим», он в то же время не становится «своим» для дворян-литераторов [ср.: 13, с. 43]. Таким образом, герой автобиографического метанарратива Гребенщикова оказывался в окружении «врагов» или, по крайней мере, антагонистов. В данной статье мы остановимся на одной груп-

пе «врагов» – литераторах, которых Г. Д. Гребенщиков определял как «интеллигенцию», поскольку идеологема «врага»-интеллигента представляется нам наиболее репрезентативной и продуктивной. Отметим, что мы осознанно оставляем «за скобками» диахронический анализ сложной амбивалентности отношения Гребенщикова к интеллигенции (иногда в один и тот же период восторженно-позитивного и резко-негативного), считая его выходящим за рамки задач настоящей статьи.

Центральной для литературной мифологии Г. Д. Гребенщикова является статья «Перед судом фарисеев (Моим врагам)» (1909), которая стала ответом на критику его дебютной пьесы «Сын народа» (1908). Постановка пьесы в Семипалатинске имела большой успех [14, с. 13], который сопровождался позитивным отношением Г. Д. Гребенщикова к высоко оценившей его литературный труд интеллигенции. Омская премьера, напротив, вызвала резкую критику, апофеозом которой стала не сохранившаяся статья присяжного поверенного Н. Самойлова.

Этот травматический опыт стал ключевым для самоидентификации молодого писателя, выбравшего стратегию ресентимента и на протяжении всей своей долгой литературной жизни конструировавшего идентичность «писателя из народа». Г. Д. Гребенщиков ответил Н. Самойлову резкой статьей «Перед судом фарисеев». Тон статьи исследователи традиционно объясняют автобиографичностью пьесы, самоидентификацией автора с героем [9, с. 534; 14, с. 13 – 14]. Но этот мотив не был единственным. Критика дебютной пьесы предоставила Гребенщикову возможность эксплицировать дихотомию «крестьянский писатель vs. интеллигенция» и оформить в цельный сюжет мотивы, появившиеся уже в самых ранних его произведениях. Статью «Перед судом фарисеев» стоит рассматривать как акт автомифотворчества – жест, созданный в рамках жизнестроительной работы над собственной литературной биографией и литературной репутацией.

В этой статье Г. Д. Гребенщиков обратился к ряду претекстов, позволивших ему подключиться к литературной традиции героев-одиночек, находящихся в конфронтации со средой: «И если б даже целый мир восстал против меня, я буду все-таки самим собою и со своей совестью я в сделку не вступлю и содержание». Так, следуя стратегии ресентимента, он создает образ оскорбленного интеллигенцией «слуги и сына» народа, используя автопроекцию на фигуру Прометея и наделяя себя функциями трикстера («Я шел к вам для того, чтоб взять у вас огня и засветить свой факел и с ним вернуться в тьму...»), похитившего огонь у богов («наверху») и давшего его людям («внизу»). Но добыть «огня» не удастся: «вы давно уж потушили свой огонь и злобною насмешкой встретили меня и оттолкнули и фарисейский приговор над простотой моей произнесли!...». Более того, «слепые фарисеи»-интеллигенты «травят» писателя-крестьянина «как связанного волка». Семантически значима «слепота» гонителей героя, поскольку в поэтике гребенщических текстов зрение выступает как ключевой анализатор и канал коммуникации с миром и его описанием. Сюжет поругания «писателя из народа» проецируется

на евангельский текст. Образ писателя, травимого интеллигенцией, подсвечивается фигурой Христа (ср. интерес писателя к сюжету страстей Христовых, о котором свидетельствует более поздний замысел пьесы под названием «Голгофа Дуношки», которая не была написана). Параллелизм героя с Христом создается наличием в тексте антагонистов героя («фарисеев»), а также мотивом камня, брошенного (или предлагающегося для броска) в «праведника»: «мысль мою вы душите в ее начале и адским хохотом встречаете мой труд и каждую мою ошибку толкуете как преступление, чтоб лишний камень бросить мне» [4]). Локальный литературный конфликт переводится Гребенщиковым в «высокий» план евангельской истории.

Итак, Г. Д. Гребенщиковым был найден образ «врага», присутствующим уже в названии текста в виде адресата, – «Моим врагам». Если в «Моей отчизне» на роль врага лирического героя мог претендовать разве что сам ландшафт, традиционно описанный как лиминальное пространство символической «тьмы» и смерти [12; ср.: 1, с. 30 – 57] («Моя отчизна – скучная деревня // Для детства моего была – могила» [4]), то в обсуждаемой статье «враг» персонифицирован – им становится интеллигенция. Определив врага, молодой литератор формирует собственную идентичность. Л. Гудков определяет механизмы негативной идентификации, характерные для русской культуры, как «самоконституцию от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженную в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя – в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего» [8, с. 271]. Идеологема «врага» стала ключевой в этом процессе, поскольку «[и]меть врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим» [15, с. 13]. Такая «демонстрация» заключалась в «узурпации» культуртрегерских функций (трикстерский подход за «огнем», чтобы «с ним вернуться во тьму»), которые в русской культуре нового времени принадлежали интеллигенции, и артикуляция намерения заместить интеллигенцию в культурном поле, трансформировав и перекроив традиционную «символическую карту» (термин К. Гирца). Если интеллигенция, культурная элита не в состоянии выполнить свою миссию «вести народ» («вы давно уж потушили свой огонь», «именем вождей народных называясь, вели заблудший измученный народ по иглам вашего позорного тщеславья»), то ее место должен занять писатель «из крестьян». Так молодой сибирский литератор, входя в литературу, своей трикстерской стратегией инвертировал народническую схему: спустя полвека после «хождения» интеллигенции в народ, представитель «народа» строил свою литературную биографию на совмещении вектора народников (из культуры в природу, т. е. «сверху вниз») с противоположным ему (из природы в культуру, т. е. «снизу вверх», и – обратно).

Г. Д. Гребенщиков создает схему конфликта поэта со средой, противоположной «пушкинской». В случае А. С. Пушкина мы имеем дело с конфликтом поэт vs. толпа («чернь»). Поэт не может быть понятым, он

аргіоті одинок, это непонимание грозит перерасти в преследование. Давление на поэта оказывается в этом случае «снизу». Г. Д. Гребенщиков находит оппонентов «наверху»: поэту гребенщиковского мифа враждебна не масса, а культурная элита. Конфликт поэт-аристократ vs. толпа сменяется коллизией писатель-крестьянин vs. интеллигенция.

При этом главным полемическим приемом писателя с самых ранних текстов стал *argumentum ad hominem* – прием, который заключается в переходе «на личность» оппонента и призван скомпрометировать последнего. Так, с самого начала литературной карьеры Гребенщикова, вырабатывается беспринципная модель, внутри которой он становится как бы неуязвимым: если критик негативно отзывался о его произведении, то это вызвано социальным происхождением автора, а не качеством его текста. Пользуясь аргументацией *ad hominem*, Г. Д. Гребенщиков в любом полемическом отклике на свои произведения подозревает репрессивную реакцию хранителей символического капитала, ограничивающих доступ к нему писателей «из народа» (по логике борьбы, происходящей в «поле литературы», описанной П. Бурдые [2]). Любую критику своих литературных текстов он переводит в поле классовой «травли». Таким образом, критика работает в пользу литературной биографии писателя, наделяя ее чертами агиобиографии и работая на создаваемую им репутацию литературного мученика.

Риторическая стратегия, выработанная Гребенщиковым в сибирский период, оставалась актуальной и в эмиграции (ср. иную трактовку в [7, с. 7]). Многочисленные в эмигрантской среде конфликты и разногласия, лежавшие в области собственно литературы или литературного быта, Г. Д. Гребенщиков нередко решал, опираясь на свой писательский миф. Излюбленным полемическим приемом писателя, как и в середине девятисотых, продолжает оставаться *argumentum ad hominem*. Так, например, в 1931 г. он пишет Д. В. Философову, на тот момент редактору варшавской газеты «За свободу»: «как-то не верится, чтобы такая почтенная газета, как Ваша, <...> могла так странно отнестись к четверти века упорных трудов писателя из народа, за который в особенности Вы, борцы За Свободу, так всегда ратовали. Неужели мы, крестьяне, вам любы только тогда, когда мы полуслепое быдло, а как только мы сами себе добудем ту или иную свободу культурных действий, вы сейчас же стремитесь умалить наше значение» (ксерокопия га-

зетной вырезки, содержащей письмо, находится в личном архиве Р. Григорьевой. Цит. по: [7, с. 10 – 11]).

Спустя четыре года в письме от 22 сентября 1935 г. П. Н. Краснов упрекнул Г. Д. Гребенщикова в том, что тот нарушил конвенции реалистического метода, описав в романе «Чураевы» сцену, которой не было в действительности и оставив при этом персонажам имена прототипов, результатом чего стала «клевета на невинную, честную, прекрасную женщину, вдову генерала Самсонова» [3, с. 56]. В ответном письме Г. Д. Гребенщиков прибегнул к своей излюбленной риторической операции, объяснив критические «нападки» адресанта разницей социального положения. Такая реакция на литературную критику, никак не сопряженную с выяснением вопроса о происхождении автора «Чураевых», удивила Краснова: «Вы обиделись, и в Вашей обиде на меня у Вас вырвались нехорошие слова, что я могу отталкивать Вас потому, что Вы “идете из низов народа”, а между тем, Вы даже не знаете, откуда иду я, и что я пережил и перенес в своей жизни?» (письмо от 23 декабря 1935 г.). Любопытно, что Краснов попробовал объяснить эту «обиду» Гребенщикова «избалованност[ью] и незакаленност[ью] на строгие критики» [3, с. 61].

Итак, дихотомия интеллигенция vs. крестьянский писатель, максимально рельефно сконструированная в статье «Перед судом фарисеев», отныне автоматически актуализировалась, как только в поле внимания Г. Д. Гребенщикова возникал концепт «интеллигенция», независимо от тематики и прагматических задач текста. Автобиографический миф, основанный на этой оппозиции, стал главным инструментом не только литературной полемики, но и писательской стратегии Гребенщикова в целом. Идеологема «врага» стала ключевым моментом в процессе формирования идентичности «писателя из народа».

Любопытно, что спустя полвека сходная стратегия вхождения в литературу будет реализована другими литераторами «из народа» – писателями-«деревенщиками» (анализ негативной идентификации «деревенщиков» (или, по крайней мере, амбивалентной, «промежуточной» позиции «между народом и интеллигенцией») см.: 10; 11)). Как кажется, тема «Гребенщиков и “деревенщики”» открывает плодотворную перспективу исследования типологически сходных феноменов, абсолютно независимых друг от друга генетически и существовавших в различных хронологических и социокультурных контекстах.

Литература

1. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
2. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22 – 87.
3. Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924 – 1957) / сост. В. К. Корниенко. Барнаул, 2008. 172 с.
4. Гребенщиков Г. Д. Моя отчизна // Семипалатинский листок. 1906. № 16. 18 июня. С. 2.
5. Гребенщиков Г. Д. Перед судом фарисеев // Омское слово. 1909. № 19. 18 января. С. 3.
6. Гребенщиков Г. Д. Письма (1907 – 1917). Книга вторая / сост., автор предис., прим. (при участии В. К. Корниенко и К. В. Анисимова), указателя имен, Хроники жизни и творчества Т. Г. Черняева. Бийск, 2010. 200 с.
7. Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, прим. Т. Г. Черняева. Барнаул, 2008. 212 с.

8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 гг. М., 2004. 816 с.
9. Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. 608 с.
10. Разувалова А. И. Виктор Астафьев: между «народом» и «интеллигенцией» (к проблеме конструирования писательской идентичности) // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры: Всероссийская конференция с международным участием. Красноярск, 26 – 27 апреля 2012 года. Красноярск, 2012. С. 293 – 301.
11. Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики» в поисках оппонента: эстетика конфронтации и этика солидарности // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 101 – 122.
12. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27 – 35.
13. Черняева Т. Г. Начало творческой биографии Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 36 – 47.
14. Черняева Т. Г. Творчество Г. Д. Гребенщикова: сибирский период: учебное пособие. Барнаул, 2007. 47 с.
15. Эко У. Сотвори себе врага // Эко У. Сотвори себе врага и другие тексты по случаю. М., 2014. С. 11 – 38.

Информация об авторе:

Горбенко Александр Юрьевич – аспирант, старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, al_gorbenko@mail.ru.

Alexander Yu. Gorbenko – post-graduate student and Senior Lecturer at the Department of World Literature and Methodology of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

(Научный руководитель: Садырина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

Research advisor: Tatiana N. Sadyrina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of World literature and Methodology of Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev).

Статья поступила в редколлегию 23.04.2015 г.

УДК 811.1

ИМПРОВИЗАЦИЯ В ВЫСТУПЛЕНИИ СПИКЕРА КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В. П. Долгих, А. В. Чепкасов

IMPROVISATION IN THE SPEAKER'S SPEECHES AS MEANS OF SPEECH INFLUENCE

V. P. Dolgikh, A. V. Chepkasov

В статье анализируются особенности вербальной импровизации в речи политиков. Проводится сопоставительный анализ написанных первичных текстов выступлений и текстов, произнесенных губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым. Сопоставлен первичный текст со вторичным, найдены основные элементы импровизации спикера. Проведенный анализ показал, что оратор выстраивает свою речь в соответствии со значимостью информации для конкретного мероприятия, на котором произносится речь. Оратор посредством своей речевой деятельности стремится оптимизировать акт речевого воздействия, выполняя внутридисциплинарный принцип риторики – принцип эффективности.

The paper analyzes the features of verbal improvisation in the speech of politicians. The comparative analysis of written primary speech texts the texts said by the governor of the Kemerovo region A. G. Tuleyev is carried out. Primary texts are compared with secondary, basic elements of the speaker's improvisation are found. The analysis showed that the speaker builds the speech according to the importance of information for the particular event at which a speech is delivered. By means of the speech activity the speaker seeks to optimize the act of speech influence, carrying out the internal disciplinary principle of rhetoric – the principle of efficiency.

Ключевые слова: импровизация, спичрайтинг, политический дискурс, речь, текст.

Keywords: improvisation, speechwriting, political discourse, speech, text.

Публичная речь политика всегда вторична. В ее основе лежит письменный текст, предназначенный для устного произнесения, – это текст, написанный спичрайтером или группой спичрайтеров. Встает проблемный и актуальный вопрос: вопрос авторства. Текст не является застывшим, спикер всегда импро-

визирует, трансформирует этот текст. При этом спикер должен строить свою речь таким образом, чтобы осуществлять речевое воздействие на аудиторию. Именно при помощи импровизации политик может воздействовать на слушателей. Цель настоящей статьи – выявить основные элементы импровизации и на

этой основе сделать вывод о том, как выбранные средства импровизации становятся средством речевого воздействия.

С. В. Оленев говорит о том, что отличительный признак импровизации – сиюминутность: создание и воспроизведение совпадают по времени [Цит. по: 1]. Вслед за В. Н. Харькиным под импровизацией мы понимаем «вид и компонент сиюминутной публичной деятельности, в результате которой создается субъективно-объективно новый продукт; импровизационность – компонент деятельности, придающий ей творческий характер, выступающий условием её развития и мерой творческой насыщенности» [1].

Любое политическое выступление имеет цель воздействовать на аудиторию. Такой исследователь, как Р. Блакар, говорит о том, что «Выразиться нейтрально

невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [4]. Так и политик должен использовать язык таким образом, чтобы он мог воздействовать на аудиторию. О. С. Иссерс говорит о том, что в языке содержатся возможности, которые могут помочь планировать речевое воздействие [3].

В рекламной статье спичрайтерского сайта «Speechpaths» говорится, что речь, которая привлечет внимание многих людей, должна содержать специальные слова, т. е. такие слова, которые не должны быть слишком трудными или длинными; они должны быть хорошо понятны аудитории [10].

Далее мы посмотрим какими способами будет пользоваться оратор для того, чтобы произвести нужный эффект на слушателя при помощи импровизации.

Таблица 1

<i>Написанный вариант</i>	<i>Произнесенный вариант</i>	<i>Интерпретация</i>
<i>Уважаемые металлурги! Уважаемые строители!</i>	<i>Дорогие друзья, уважаемые металлурги!</i>	Уже в начале мы видим отличие. И в первом, и во втором случае выделяется определенная часть аудитории. Но Губернатор в своей речи меняет обращение, написанное спичрайтером на «Дорогие друзья, уважаемые металлурги!». Значимым для оратора становится не просто проявить уважительное отношение к аудитории, но и показать теплое, дружеское отношение. Мы замечаем, что оратор выступает здесь как, так скажем, этикетная языковая личность, которая выполняет (по Н. И. Формановской), функцию ориентации на адресата.
Рельсо-балочный цех – это старейшее структурное подразделение легендарного Кузнецкого металлургического комбината.	<i>Вы знаете</i> , что это старейшее предприятие легендарного КМК...	В написанном варианте: «Рельсо-балочный цех – это старейшее структурное подразделение легендарного Кузнецкого металлургического комбината». В произнесенном варианте оратор для поддержания контакта использует: « <i>Вы знаете</i> , что это старейшее предприятие легендарного КМК...». Здесь мы также можем пронаблюдать существенные отличия, влияющие на восприятие сказанного адресатом. Во-первых, использование <i>вы знаете</i> , несет контактоустанавливающую функцию. Во-вторых, сложная конструкция <i>структурное подразделение</i> меняется на лексему <i>предприятие</i> , что облегчает восприятие сказанного. Так, « <i>вы знаете</i> » не является обращением, но выполняет ту же самую функцию – контактоустанавливающую.
Так за последние годы здесь провели реконструкцию электросталеплавильного производства, построили два новых агрегата комплексной обработки стали типа «печь-ковш», сдали в эксплуатацию кислородную станцию.	Проведена реконструкция электросталеплавильного производства, потом, вы помните, «печь-ковш», кислородная станция.	В варианте спикера нет <i>за последние годы, построили два новых агрегата комплексной обработки стали, сдали в эксплуатацию</i> . В последнем варианте мы видим лексемы в им. п. Преобладание именительного падежа и ослабление роли косвенных падежей является типичным для разговорного стиля речи. Также Губернатор не забывает о контактоустанавливающей функции – <i>вы помните</i> .
Всего за 9 месяцев смонтировано и запущено в эксплуатацию суперсовременное оборудование, которое закупили у лучших мировых фирм-производителей из Чехии, Австрии, Канады, Франции, Германии.	За 9 месяцев поставили суперсовременное оборудование. <i>Вот видели</i> . И закупили оборудование в Чехии, в Австрии, в Канаде.	Во-первых, мы видим, что спикер одно предложение разбивает на три. Во-вторых, добавляется <i>Вот видели</i> . Здесь глагол прошедшего <i>видели</i> времени употребляется с указательной частицей <i>вот</i> . Использование частицы <i>вот</i> употребимо в речи Губернатора. Это свидетельствует о том, что оратор использует разговорный стиль речи.

Проанализируем выступление А. Г. Тулеева «*Завершение 1-го этапа реконструкции рельсо-балочного производства ОАО «НКМК» г. Новокузнецк. 28.10.10*».

Подведем итоги анализа, отраженного в таблице 1. Оратор, как показывает анализ, является этикетной языковой личностью. Такой ученый, как Е. Н. Малюга, рассуждая о значении речевого этикета, говорит о том, что речевой этикет является обязательным условием успешной коммуникации, «благодаря которой люди передают друг другу какую-то информацию, отвечают на вопросы или задают их, выполняют определенные речевые действия». Речевым этикетом нужно пользоваться для достижения от коммуниканта желаемого действия [7]. В проанализированных выше фрагментах мы видим подтверждение нашей мысли, т. к. Губернатор выполняет функцию ориентации на адресата, а также контактоустанавливающую функцию. Это достигается при помощи обращений, которые, с одной стороны, выполняют функцию привлечения адресата, с другой стороны, показывают отношение адресанта к адресату. Отличительной чертой тулеевского стиля является его уважительное, отеческое отношение к тем, для кого произносится речь. Об этом говорит то, как он обращается к слушателям. Например, меняет обращение *уважаемые* на *дорогие*, которое обозначает отношение к адресату речи. Узнаваемый стиль для политика – важное явление. Такой исследователь, как Л. Минаева, в статье «*Politician's Verbal Image in Terms of Interlingual Communication*» говорит о том, что спикер (политик), преследуя свои политические цели, должен через речь создавать речевой образ, который становится частью имиджа спикера [9].

Для установления контакта оратор также пользуется конструкциями, которые обращениями по факту не являются, но оказываются значимыми для политической речи не менее, чем собственно обращения. Мы считаем, что такие сочетания, как *вы помните*, *вы знаете*, очень схожи с обращениями, поэтому в речи спикера мы их выделяем особо. Назовем их, конструкции, выполняющие функцию обращения. Обращение с точки зрения морфологии является именем. Конструкции *вы помните*, *вы знаете* именем не являются, но являются коммуникативными единицами, а именно: единицами, которые помогают поддерживать контакт между оратором и аудиторией. Назовем этот прием «апелляция к опыту адресатов». Также стоит отметить, что замена «Так за последние годы здесь провели» на «проведена» помогает воспринимать информацию как актуальную.

В связи с нашими рассуждениями не лишним будет вспомнить, что говорил А. Ф. Лосев про имя. В импровизации важно каждое слово, каждая мысль, которую оратор поменял местами, каждое вычеркнутое и каждое вставленное новое слово, ведь «в предметной сущности имени – последнее оправдание и опора всех качеств, свойств и судеб произносимого слова» [6].

Стоит также отметить, что оратор для установления контакта с аудиторией использует односоставное предложение «*Вот видели*». Этот прием также будет

являться апелляцией к опыту, но интонационно оформлено в предложение.

Теперь скажем о роли именительного падежа в речи спикера. Грамматика говорит нам, что именительный падеж является базовой формой имени существительного и поэтому воспринимается говорящими как элементарная, исходная, менее маркированная единица. В Русской грамматике отмечается, что эти причины заставляют ораторов использовать этот падеж в устных текстах. Важную мысль по поводу именительного падежа высказывает А. Ф. Лосев: именительный падеж относится к нему же самому, является тождественным самому себе. Т. е. предмет речи становится действительно предметом речи без всякого влияния. Предмет как бы живет сам по себе, не связан с чем-то другим, не зависит от чего-то другого и не воздействует на что-то другое. Таким образом, оратор подает аудитории предмет как таковой, в его содержании и существе [5].

Таким образом, в речи спикера важную роль играют не только обращения, но и конструкции, а иногда предложения, которые являются коммуникативными единицами, помогающими поддерживать контакт между оратором и аудиторией. Такие конструкции, также как и обращения, показывают то, что спикер сконцентрирован на слушателях. Такой ученый, как Т. Г. Винокур, говорил о том, что адресант, обращаясь к аудитории, должен учесть особенности языкового сознания общества [Цит. по: 2].

Для сравнения проанализируем другое выступление А. Г. Тулеева «Губернаторские учебные заведения. Выпуск на площади Советов 18.06.2013 г.».

Подведем итоги анализа, отраженного в таблице 2. Если в первой таблице одно обращение заменяется другим обращением, то во второй таблице мы наблюдаем то, что вариант спикера и спичрайтера не отличаются друг от друга. Это обусловлено тем, что именно такая градация обращений необходима для данной коммуникативной ситуации. Сначала оратор обращается к выпускникам, обозначая их как *дорогие*. Затем обращается к родителям и педагогам, обозначая их как *уважаемые*. Затем обращается к аудитории в целом.

В выступлении А. Г. Тулеева «Губернаторские учебные заведения. Выпуск на площади Советов 18.06.2013 г.» мы можем наблюдать использование принципа избирательности. Лексему *особое* Губернатор исключает из речи, а использует *знаменательное*, потому что оно более подходит для данной коммуникативной ситуации, звучит торжественно.

Спикер использует не прямую импровизацию. В варианте спичрайтера информации о выпускнице больше, чем в варианте спикера. Это обусловлено тем, что оратор отбирает для своей речи наиболее значимые фрагменты. Он делает акцент на крупных достижениях выпускницы – на Международной и Всероссийской олимпиадах, но пропускает про региональный турнир. Незначительной является информация и про то, что Бражникова Диана является старостой класса и солисткой в ансамбле барабанщиц.

<i>Написанный вариант</i>	<i>Произнесенный вариант</i>	<i>Интерпретация</i>
<i>Дорогие выпускники!</i> <i>Уважаемые родители,</i> <i>педагоги!</i> <i>Дорогие друзья!</i>	<i>Дорогие выпускники!</i> <i>Уважаемые родители,</i> <i>педагоги!</i> <i>Дорогие друзья!</i>	В данном случае мы видим, что Губернатор использует то же обращение, в той же последовательности, что и в написанном варианте.
Сегодня особое, знаменательное событие – большой праздник. По доброй традиции – на главной площади Кузбасса выпускники всех наших Губернаторских образовательных учреждений в один день получают дипломы и аттестаты зрелости.	Сегодня в Кузбассе знаменательное событие. Для нас это большой праздник, потому что по доброй традиции на главной площади выпускники всех наших Губернаторских образовательных кузбасских учреждений.	Здесь у оратора мы наблюдаем грамотное речевое поведение, лексемы <i>особое</i> и <i>знаменательное</i> , стоящие друг за другом являются тавтологичными, т. к. <i>особое</i> и предполагает <i>знаменательное</i> .
Сегодня среди вас: РААБ РУСЛАН. Выпускник Кадетской школы полиции. Сдал ЕГЭ по истории на 100 баллов. Руслан – победитель Вузовской олимпиады по обществознанию.	Среди вас Рааб Руслан выпускник кадетской школы полиции, сдал ЕГЭ по истории на сто баллов. Вот победитель Вузовской олимпиады среди школьников по обществознанию. Призер Всероссийской олимпиады по праву, истории и обществознанию.	Здесь также мы видим, что оратор трансформирует текст спичрайтера. Убирается лексема «сегодня». Отметим, чтобы обратить внимание на то, что школьник Руслан – победитель Вузовской олимпиады. Для этого он использует частицу «вот». Так делается акцент на достижениях.
Бражникова Диана. Закончила Многопрофильный лицей-интернат с золотой медалью. Результат ЕГЭ по русскому языку – 95 баллов	Бражникова Диана. Закончила Многопрофильный лицей-интернат с золотой медалью. По русскому языку – 95 баллов.	Мы видим, что оратор адаптирует написанное спичрайтером к устной речи.
Диана – призёр Всероссийской олимпиады по биологии, призёр Всероссийского и регионального турнира юных биологов, дипломант Международной олимпиады по биологии и русскому языку. Староста класса. Солистка в ансамбле барабанщиц.	Диана – призер Всероссийской олимпиады по биологии, дипломант Международной олимпиады по биологии и русскому языку.	В данном случае мы наблюдаем то, что спикер также импровизирует, но это не прямая импровизация.

Проведенный анализ позволяет заключить, что:

1. В своих выступлениях Губернатор использует разговорный стиль речи. Оратор пользуется разговорным стилем речи для того, чтобы создать непринужденную обстановку. Мы не можем наблюдать в речи Губернатора установку на официальность, здесь выстраиваются доверительные отношения с адресатом. Для разговорного стиля речи характерна широкая употребительность местоимений, наречий, междометий и частиц. Эта разговорная морфология помогает создать впечатление непринужденности и спонтанности протекания речи. Но на самом деле речь подготовлена и это сделано грамотно. А впечатление непринужденности и спонтанности – это коммуникативная стратегия оратора, направленная на повышение эффективности воздействия его речи на слушателя, т. к. живая речевая форма воспринимается лучше, чем официальная. Речь выступлений А. Г. Тулеева, являясь одновременно импровизированной и подготовленной, таким образом занимает промежуточное положение между публичной ораторской речью и разговорной, создавая хороший фон для восприятия сообщаемой информации.

2. В варианте спичрайтера текст содержит потенциал для импровизации спикера. Это лексемы, которые

может выбрать из нескольких спикер, а также это и сама форма организации сообщения. В тексте спичрайтера всегда после определенного значимого отрезка текста мы видим большие пробелы, которые может заполнить оратор, который будет произносить эту речь. В проанализированном выше фрагменте текста мы видим, что для характеристики события в первом варианте предлагаются лексемы «особое» и «знаменательное». Оратор как носитель определенного мировоззрения делает выбор в пользу того или иного варианта. В проанализированном выше фрагменте таблицы мы можем увидеть, что лексеме *особое* Губернатор исключает из речи, а использует *знаменательное*, потому что оно, с точки зрения оратора, более подходит для данной коммуникативной ситуации, звучит торжественно. Т. е. если взять отдельную композиционную часть выступления, то лексемы в варианте спичрайтера спикером тематически отбираются, вследствие этого реализуется принцип избирательности.

3. Губернатор имеет свои индивидуальные особенности, которые проявляются в манере выступления. Многие моменты выступления являются константными величинами. Например, для заострения внимания оратор употребляет частицу «вот». Р. Якобсон говорил о том, что каждое речевое сообщение

может центрироваться вокруг одного конкретного элемента коммуникации, не исключая при этом остальные [8]. Оратор как носитель определенного мировоззрения для акцентуации тех или иных деталей речи использует одни и те же лексемы, которые становятся константными величинами для его речи. Так, центрирование на отдельном элементе коммуникации в речи политика становится значимым, потому что этот элемент выступления является, с одной стороны, импровизационным моментом, а с другой – способом речевого воздействия. Указательная частица «вот» может рассматриваться как маркер разговорного стиля речи. Также указательная частица «вот» всегда подчеркивает *особенно* важную информацию для его выступления. Приведем цитату из таблицы 1: «За 9 месяцев поставили суперсовременное оборудование. *Вот видели*. И закупили оборудование в Чехии, в Австрии, в Канаде». Важная мысль о том, что на предприятии происходят положительные изменения, разбивается частицей *вот*. Указывает, что оборудование не только суперсовременное, но и закупили его *в Чехии, в Австрии, в Канаде*. Происходит усиление мысли о качестве оборудования. Таким образом, мы раскрыли воздействующий потенциал высказывания.

4. Оратор всегда учитывает коммуникативную ситуацию, условия, в которых будет произноситься речь. Он использует те лексемы, формы, которые будут понятны аудитории, перед которой выступает

А. Г. Тулеев. Губернатор всегда меняет сложные конструкции на более простые, которые воспринимаются адресатами. Например, предложение из таблицы 1 (написанное спичрайтером) «Всего за 9 месяцев смонтировано и запущено в эксплуатацию суперсовременное оборудование, которое закупили у лучших мировых фирм-производителей из Чехии, Австрии, Канады, Франции, Германии», сложное для восприятия на слух, разбивает на 3. Другой пример. Эллиптические предложение «Результат ЕГЭ по русскому языку – 95 баллов» оратор делает еще короче «По русскому языку – 95 баллов». Так, Губернатор в своем выступлении всегда избавляется от лишних лексем, оставляя лишь, так скажем, *концентра* мысли. Также важным становится то, что оратор использует именительный падеж, ослабляя косвенные, ведь он является базовой формой имени существительного и поэтому воспринимается говорящими как элементарная единица и способствует лучшему донесению информации до реципиента.

Таким образом, оратор выстраивает свою речь в соответствии со значимостью информации для конкретного мероприятия, на котором произносится речь. Оратор посредством своей речевой деятельности стремится оптимизировать акт речевого воздействия, выполняя внутридисциплинарный принцип риторики – принцип эффективности.

Литература

1. Антипов А. Г., Араева Л. А., Артемова Т. В. Риторика: учебное пособие / под ред. П. А. Катыхова. Кемерово, 2011.
2. Буряковская В. А. Способы апелляции к адресату в массовой коммуникации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1(22).
3. Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского государственного университета. 1997. Вып. 2.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2009.
5. Лосев А. Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 336 – 337.
6. Лосев А. Ф. Философия имени // Самое само: сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 93 с.
7. Малюга Е. Н. Роль и значение речевого этикета в английском языке делового общения // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 27. М.: Макс Пресс, 2004. С. 36.
8. Обухов К. Н. Проблема удержания смысла в ситуации речевой коммуникации в концепции Р. Якобсона // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 2.
9. Minaeva L. Politician's Verbal Image in Terms of Interlingual Communication // Государственное управление. Электронный вестник. № 36. 2013.
10. Welcome speech paths. Режим доступа: <http://speechpaths.com/famous-speeches.php> (дата обращения: 20.04.2015).

Информация об авторах:

Долгих Вероника Петровна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, Veronika.Dolgikh@yandex.ru.

Veronika P. Dolgikh – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Научный руководитель – А. В. Чепкасов).

Чепкасов Артур Владимирович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и русской литературы XX КемГУ, chepkasoff@yandex.ru.

Arthur V. Chepkasov – Candidate of Philology, Head of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2015 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ

А. С. Донгак

LITERARY PLOTS IN PERFORMANCE TRADITION OF TUVANS

A. S. Dongak

В статье рассматриваются вопросы о роли и значении таланта сказителя в адаптации сказочных сюжетов, заимствованных из монгольских литературных памятников в исполнительской традиции тувинцев. Основой для написания статьи послужили теоретические разработки ученых в области теории импровизации мастера-сказителя в эпических традициях различных народов. Изучив разные варианты тувинских сказок, заимствованных из литературных источников, автор приходит к выводу, что каждый сказитель в своем творчестве сочетает изначально два начала – и традиционализм, и импровизационность, присущие фольклору в целом. Сказывание сказки связано не только с талантом исполнителя, но и с другими свойствами сказки – ритуально-магическими и обрядовыми. Таким образом, пришедшие литературные сюжеты, попавшие в тувинский фольклор разными путями, прочно закрепились в местной традиции исполнительства.

The paper considers the role and significance of the talent of a story-teller in adaptation of fairy-tale plots borrowed from Mongolian literary records to Tuvan performance tradition. The theoretic scholarly works dedicated to the study of improvisation in the art of story-tellers in epic traditions of different peoples provided a base for this article. Having studied various versions of Tuvan tales borrowed from literary sources, the author comes to a conclusion that the art of any story-teller is a combination of two basic components: traditionalism and improvisation, which are typical of folklore in general. The story-telling is connected not only with the talent of a story-teller but also with ritual and magic properties of the story. Thus, the borrowed literary plots, which penetrated Tuvan folklore in different ways, became deeply rooted in local performance tradition.

Ключевые слова: теория импровизации, исполнительская традиция, литературные памятники, заимствованные сюжеты, сказки, сказитель.

Keywords: theory of improvisation, performance tradition, literary records, borrowed plots, tales, story-teller.

Основной целью и задачами настоящей статьи являются изучение особенностей бытования тувинских сказок, заимствованных из литературных памятников Монголии в жанре «обрамленной повести» – «Аржи-Борджи», «Панчатантра», «Волшебный мертвец», «Сказки попугая», а также произведение «Бигармиджид» в местной исполнительской традиции. Исходя из этого, весьма важно определить роль сказителей и их индивидуальный почерк в сюжетной трансформации и художественной обработке заимствованных произведений.

Методологической основой для написания статьи стали сравнительно-типологическое сопоставление и сравнительно-текстологический анализ литературных и фольклорно-сказочных образно-поэтических и художественно-стилевых моделей. Систематическое обращение к материалу монгольских литературных и тувинских фольклорных произведений явилось основой для проведенных наблюдений, что позволяет говорить о достоверности результатов исследования.

Научная новизна темы статьи заключается в том, что впервые в тувинской (шире – саяно-алтайской) фольклористике поднимается вопрос о влиянии инонациональных (монгольских) книжных произведений на развитие и обогащение тувинской сказочной традиции и об особенностях их бытования в местной исполнительской традиции.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что представленные в нем материалы, наблюдения и выводы дают дополнительные сведения для сравнительной фольклористики, могут быть ис-

пользованы в дальнейших научных исследованиях по фольклору тюрко-монгольских народов, а также при подготовке спецкурсов, лекций по тувинскому фольклору, при составлении учебно-методических программ.

Материалами исследования послужили тексты тувинских сказок, хранящиеся в Научном архиве Тувинского института гуманитарных исследований (далее – НА ТИГИ – А. Д.) и их отдельные варианты, изданные в различных сборниках тувинского фольклора на тувинском и русском языках.

Искусство импровизации мастера-сказителя в конкретной исполнительской традиции является одним из важных аспектов фольклористики. Основоположниками теории устного импровизационного поэтического творчества М. Пэрри и А. Б. Лордом в 1930 – 1950-х гг. была проведена кропотливая работа в рамках живой эпической традиции народов Юго-славии. Труд А. Лорда «Сказитель» (The Singer of Tales) стал основой для исследования эпических традиций не только европейских и славянских, но и народов Востока [8]. Многие положения теории Пэрри-Лорда были развиты в исследованиях Б. Н. Путилова [19], В. М. Гацака [2], а на материале восточных традиций – Е. М. Мелетинского [11], П. А. Гринцера [3], Б. Л. Рифтина [20], С. Ю. Неклюдова [12; 13], С. Д. Серебряного [22] и др. В книге «Памятники книжного эпоса» авторами выдвинуты ряд оригинальных идей и методических разработок на теорию Пэрри-Лорда [18].

В сибирских традициях интересны работы бурятских, хакасских и якутских ученых, посвященные разным аспектам сказительского мастерства [10]; В. Е. Майногашева [9]; В. В. Илларионов [4].

Проблема сказительства также представляет интерес в отношении заимствованных из литературных источников сюжетов. В тувинской фольклористике проблема сказительства затрагивалась в работах Д. С. Куулара [5; 6], С. М. Орус-оол [14; 15; 16; 17], З. Б. Самдан [21]. Тувинская исполнительская традиция представлена такими выдающимися сказителями, как Баазанай Тюлюш, Маннай Ооржак, Чанчы-Хоо Ооржак, Чанзан Салчак и многими другими. Как отмечает З. Б. Самдан, сказки, которые они исполняли, «можно назвать художественными шедеврами» [21, с. 12].

По определению этномузыковеда З. К. Кыргыз, различаются четыре основные манеры исполнения сказок у тувинцев:

- *алганып (канзып) ыдар* (исполнение камланием) – речитативное исполнение;
- *чугаалап ыдар* – речевое исполнение;
- *ырлап ыдар* – напевное исполнение;
- *шуудуп ыдар* – исполнение как напев колыбельной [7, с. 35].

Она же подчеркивает, что «тувинским сказкам, независимо от жанровых разновидностей и сюжетных типов, присущи все формы исполнения» [6, с. 36]. Все зависит от поэтического дарования, художественного вкуса, музыкальных способностей и даже особенностей характера и темперамента сказителя и приверженности традициям местной школы.

В то же время было бы неправомочным утверждение о том, что для той или иной сказительской школы характерен лишь конкретный стиль исполнения. Многие тувинские сказители виртуозно владели всеми манерами исполнения и во время рассказывания сказки, особенно длинных эпических сказаний, легко переходили с одного стиля на другой, что иногда напоминало камлание шамана или исполнение хоомея. В частности, о Чанчы-Хоо говорят, что «во время исполнения сказки он обычно сидел с закрытыми глазами и прикрывал лоб ладонью и пользовался разными способами речитатива, что напоминало исполнение хоомея. Грудь его временами становилась то свободной, то словно сдавленной. Вот как легко он воспроизводил разные звуки, этот малый!» (НА ТИГИ: Т. 77. Д. 324).

О другом сказителе и шамане из Монгун-Тайги Х. Х. Кара-Сале земляки вспоминали, что «наряду со сказками, которые он рассказывал речитативом и, в основном ночью, великолепно исполнял также сыгыт и хоомей» (НА ТИГИ: Т. 248. Д. 1009).

Во многих местностях Тувы в рамках сказительских школ и династий сложились свои исполнительские традиции. Так, основатель знаменитой династии Чапаажык Ооржак, который в свою очередь, был преемником своего дяди Хоянака, приобщая своих сыновей Шара-Хоо и Чанчы-Хоо к сказочному ремеслу, пользовался приемом *селчип ыдар* (букв. рассказывание сказки по очереди). «Если он устал во время

исполнения крупного повествования, то останавливался и просил своего старшего сына Шара-Хоо продолжить его рассказ» [5, с. 296].

Сказитель Чапаажык исполнял сказку в речитативной и напевной манерах и завещал сыновьям, чтобы «они научились исполнять сказки и песни выразительно; учились у других больших сказителей и запоминали их произведения и никогда не ленились рассказывать сказки и не утаивали ее» [5, с. 296]; Орус-оол [17, с. 117 – 118]. Позднее Чанчы-Хоо при обучении своих сыновей и учеников прибегал к тем же приемам, что и его отец, тем самым как бы испытывая уровень их мастерства [5, с. 296].

В тувинской устной традиции активное бытование получили сказки, возникшие на основе литературных сюжетов и записанные во многих вариантах и в разные годы. Хотя заимствованные сказки в той или иной степени подверглись художественной обработке в рамках устной традиции, тем не менее они сохранили в себе некоторые признаки литературных произведений. Это очевидно, поскольку по стилистической организации, жанровым признакам и сюжетно-тематическим реалиям эти произведения в определенном смысле отличаются от традиционных образцов тувинской сказки. На общем фоне тувинских сказок, особенно богатырских и волшебных, их язык выглядит более лапидарным и сжатым. Из зафиксированных вариантов многие представляют собой короткие пересказы сюжета, лишенных традиционных поэтических характеристик. Поэтому зачастую в этих сказках улавливается некоторая чуждость для местной аудитории, хотя ни слушатели, ни сами сказители не осознавали (во всяком случае, не всегда), что эти произведения являются привнесенными из иной культуры.

В то же время существуют варианты, в которых сказители, не нарушая композиционную структуру литературного оригинала (в частности, «обрамленной повести»), постарались внести в сюжетную канву произведений новые эпизоды, мотивы, самобытные детали, основанные на местных реалиях. В таких вариантах, хотя сюжет и дополнился свежими привнесениями и подвергся влиянию тувинской сказочной традиции, первоначальное книжное содержание сохраняется. К таковым можно отнести следующие варианты тувинских сказок: «Аржы-Буржу» (НА ТИГИ: Т. 45. Д. 198); «Трон о тридцати двух деревянных ножках» (РТФ: Т. 34. Д. 142); «Хан-Дарма» (НА ТИГИ: Т. 34. Д. 144); «Хандырба-хан» (НА ТИГИ: Т. 16. Д. 75), «Шидидугээр-бурган» (НА ТИГИ: Т. 216. Д. 873), «Повесть о мудром попугае» (НА ТИГИ: Т. 10. Д. 42) и др.

Другие же варианты, приспособленные к местным реалиям и поэтическим канонам, растворились в среде оригинальных сказок и изменились до неузнаваемости, по сути, становясь новыми произведениями. К ним мы можем отнести варианты сказок о Мигир-Мижите (НА ТИГИ: Т. 241. Д. 983; НА ТИГИ: Т. 308. Д. 2197). В этих обработанных вариантах сохранились лишь имена персонажей (часто – монгольские, реже –

тибетские и иногда, индийские имена) и отдельные сюжетные детали, эпизоды и т. д.

В связи с этим можно обратить внимание на особенность бытования литературных сказок в местной исполнительской традиции, поскольку многие известные сказители – Чанчы-Хоо Ооржак, Агылдыр Монгуш, Очур-оол Хертек, Опай Монгуш и другие – рассказывали подобные сюжеты. Например, в репертуаре Чанчы-Хоо были представлены разные сказки, имеющие литературное происхождение, в том числе – «Трон с тридцатью двумя деревянными ножками» (1955) и «Хан-Дарма» (1957), основанные на сюжетах монгольских памятников «Арджи-Борджи» и «Бигармиджид», «Кот-наставник» и другие. У сказителя Агылдыра Монгуша из Сут-Холя были сделаны записи сказок – «Мигир-Мижит» и «Хандырба хан», записанные в 1955 г.

Можно предположить, что существовали два пути распространения тибето-монгольских литературных памятников в Туве: *книжный* (через литературу буддизма) и *устный* (через устные монгольские переложения этих памятников). В обоих случаях монгольский язык сыграл большую роль, поскольку именно его посредство дало тувинцам возможность познакомиться с литературными памятниками Индии и Тибета.

Сохранились сведения о том, что в Туве были знатоки фольклора, которые хорошо знали письменный монгольский язык. Известно, что разговорным монгольским языком владели многие жители приграничных с Монголией территорий. В Эрзинском кожууне, например, до настоящего времени сохранилось тувинско-монгольское двуязычие и многие жители Эрзина признают монгольский язык первым родным, а тувинский ставят на второе место.

До создания Тувинской Народной Республики в 1921 г. знание монгольской письменности считалось в основном преимуществом знати (для духовенства же первым языком был тибетский, а знание монгольского находилось на втором плане). Однако, как отмечает Б. И. Татаринцев, «умение говорить по-монгольски не составляло монополии этой группы. Оно было присуще и простому народу и во многом определялось индивидуальными способностями к практическому овладению языком» [23, с. 8].

В то время в Туве знание монгольского языка было необходимым не только для ведения торгово-экономических отношений и решения служебно-административных дел, но и для удовлетворения культурных запросов населения. Стремление людей к знаниям было так сильно, что даже очень бедные из них не останавливались перед материальными и суровыми природно-географическими преградами. Немало тувинцев пешком или на попутных караванах добирались до Урги (нынешний Улан-Батор) или до столицы Тибета – Лхасы, чтобы стать ламами. В этом смысле тувинские сказители не были исключением и среди них были грамотные люди, которые всеми возможными способами овладевали монгольской грамотой, а затем читали и переводили наряду с религиозной литературой и монгольские литературные произведения

и пересказывали их людям. Сохранились свидетельства, подтверждающие данное предположение.

Известный сказитель Кунгаа Хертек из Бай-Тайги так рассказывал о своем отце Мерген-Шомбыла, который служил в монастыре Коп-Сок (Западная Тува) и имевшем духовный сан: «Мой отец никогда не уезжал за пределы Тувы. Он сам самостоятельно выучился монгольской грамоте. Будучи подростком, он пас овец у одного местного богача. Тот пригласил ламу из Монголии, чтобы он обучил его сына грамоте. Мой отец, если имел хоть какое-то свободное от работы время, старался подойти поближе и наблюдал за учителем сына богача и выучил монгольские буквы. Хозяин частенько прогонял его выкрикивая: «Если ты не знаешь грамоту, то незачем тебе глядеть, слепой *кокаарак!*». Отец сделал себе доску, насыпал золы и писал на ней. Сын богача не смог выучиться, а мой отец так тайком и научился. Причем, одинаково хорошо знал и монгольский, и тибетский языки. Если к правителю поступали какие-нибудь официальные письма или когда нужен был ответ на них, то всегда нуждались в помощи отца.

Мой отец был знатоком истории и фольклора. Рассказывать сказки я, в большей части, научился у отца. Сказок было много, и кратких, и длинных. Были сказки, которые были записаны в тетрадки. Он никогда не ленился от рассказывания сказок» (НА ТИГИ: Т. 127. Д. 18).

Надо полагать, что монгольские сказки сказителю пересказывал или непосредственно читал из книжных источников его отец и, возможно, поэтому записанный у него вариант под названием «Аржы-Буржу хан» является наиболее полным и близким к монгольскому литературному оригиналу.

Сказитель Севээн-Ойдуп Ондар также вспоминал, что его отец Эртине-Очур Ондар «знал очень много сказок, легенд и преданий. Он превосходно знал монгольский язык и письменность. Сказку о Мигир-Мижите пересказал его учитель, который давал ему уроки маньчжурского языка. В данной сказке рассказов должно быть 32, по количеству деревянных человечков. Царь Аржы-Буржу, все его 64 жены и сановников так и не смогли воссесть на трон» (НА ТИГИ: Т. 199. Д. 796).

Старший брат сказителя Чанчы-Хоо – Шара-Хоо – в свое время «выучился монгольской грамоте и стал читать монгольские книги, а затем содержание пересказывал младшему брату Чанчы-Хоо» [5, с. 296]. Видимо, знания Шара-Хоо, полученные им от отца и от чтения монгольских книг, послужили мощным импульсом для пробуждения сначала его собственного творческого таланта, а со временем, и младшего брата Чанчы-Хоо. Очевидно, Шара-Хоо делился с братом «духовным багажом», полученным сначала от отца, а затем и от чтения монгольских сутр. Возможно, поэтому жанровый состав и сюжетно-тематический диапазон сказок Чанчы-Хоо является чрезвычайно широким и богатым и от него записано также много сказок, имеющих литературное происхождение. Хотя большую часть своей жизни прожил в местах, граничащих с Монголией – Монгун-Тайге и Овьуре, он сам

не владел монгольским языком. По воспоминаниям местных жителей с ним произошел один курьезный случай: «...однажды во время охоты Чанчы-Хоо наткнулся на горного козла и ранил его. Поскольку уже стемнело, он решил не преследовать животное и, чтобы провести ночь, он зашел в одну из дорбетских юрт. Он хотел объяснить хозяевам по-монгольски, что ранил козла, а оказалось, вместо этого сказал, что жена родила. А хозяева так смеялись над его монгольским языком. Вот как он плохо знал его» (НА ТИГИ: Т. 77. Д. 324).

Как сказитель воспринимает, усваивает иноязычный материал и на его основе создает новое произведение, а затем передает другим? Магию возникновения новых произведений в результате миграции или заимствования из другой культуры в каждом конкретном случае, возможно, следует рассматривать, в первую очередь, через призму личности сказителя – его индивидуального мастерства, творческого воображения и владения эпическими «знаниями». Как отмечал А. Лорд, «искусство сказителя состоит не только в заучивании путем многократного повторения затасканных формул, сколько в способности по образцу уже имеющихся формул составлять и перестраивать обороты, выражающие данное понятие. Сказитель – не сознательный иконоборец, он – художник, творящий в рамках традиции» [8, с. 15].

В каждом конкретном варианте заимствованного сюжета можно рассмотреть индивидуальный акт творчества, уровень таланта сказочника. Е. В. Баранникова, отмечая роль мотивов и сюжетов, заимствованных из письменных памятников Востока, в расширении и обогащении бурятского сказочного репертуара писала, что «в устах талантливых рассказчиков и, по настоящему одаренных сказочников они обретали иную окраску, иное звучание. Даже при условии, когда текст, усвоенный из письменных источников, передавался некоторое время без отклонений от оригинала, с течением времени, когда текст уже получил устное бытование, то есть фольклоризовался, он непременно претерпевал изменения не только в поэтике, но и в идейном звучании» [1, с. 241].

В 40 – 60 гг. запись текстов в основном велась от руки и многие сказки в НА ТИГИ не имеют магнитофонных записей и сохранились только в рукописном виде, и потому убедительных источников по манере исполнения сказителей не сохранилось. Это касается также заимствованных литературных сказок. Можно только предположить, что каждый сказитель использовал литературные сюжеты в рамках своего творческого таланта, эпического стиля, импровизационных способностей, а также индивидуальной манеры исполнения. С. Ю. Неклюдов подчеркивал, что «большая или меньшая склонность к традиционализму или импровизациям может проявляться и у одного и того же сказителя – скажем, в зависимости от состава аудитории, от условий исполнения, наконец, от жанра исполняемого произведения» [13, с. 226]. Или каждый исполнитель сочетает в своем творчестве в самых

разных пропорциях два начала – и традиционализм, и импровизационность, присущие фольклору всегда.

Приподнятость настроения сказителя перед исполнением сказки была связана и с другими свойствами сказки – ритуально-магическими и обрядовыми. В ходе подготовки к сказыванию сказки сказитель незаметно устанавливает эмоционально-психологический контакт со слушателями и выбирает произведение, которое подошло бы в тот момент именно для данной аудитории. Для него важно не только заинтересовать слушателя красотой поэтического слова, но и воздействовать психологически и вызвать разный спектр чувств – от восхищения и негодования до сочувствия и гордости. Многие сказители были не только мастерами слова, людьми с драматическим дарованием, но и тонкими знатоками человеческой души. Например, Чанчы-Хоо любил рассказывать сиротам и бедным людям сказки об Оскюс-ооле – мальчике-сироте. Счастливый конец сказки вселял в людей оптимизм и помогал в реальной жизни. В этом заключалось и психотерапевтическое воздействие сказок Чанчы-Хоо, который вспоминал: «Когда я рассказывал сказку «Артаа-Седи и Авыгаа-Седи» в местечке Хана около Саглы в 1943 г., то в том месте, где говорится о страданиях, выпавших на долю двух маленьких братьев, сосланных ханом в страну Шолуген, люди плакали от жалости к ним. В свое время, когда мой отец рассказывал эту же сказку, слушатели тоже не могли сдерживать своих рыданий» [5, с. 299]. Ясно, что такая эмоциональная реакция слушателей является преломлением собственного восприятия, личного отношения сказителя к сказочным событиям и героям.

Слуховое восприятие повествования из уст сказителя зависит не только от особенностей его характера, темперамента, мелодики и интонации голоса, но и от внутренней стилистической организации рассказываемого им текста. Вряд ли можно рассказывать прозаично и обыденно, если текст насыщен традиционными формулами, построенными по принципу параллелизмов и аллитерации, биномами, повторами, эпитетами и т. д., характерными для эпического стиля.

Надо полагать, что мастер импровизации Чанчы-Хоо, удерживающий в памяти широкий диапазон сюжетных типов и владеющий чрезвычайно богатым набором художественно-изобразительных средств, старался полностью реализовать свой творческий потенциал. Видимо, это не зависело от того, рассказывал ли он крупное героическое сказание или же передавал краткий дидактический сюжет, заимствованный из литературных источников. Он должен был так преподнести слушателям сюжет сказки, чтобы те заслушались и, что самое важное, приняли и полюбили его. Таким образом, пришедшие литературные сюжеты, попавшие в тувинский фольклор разными путями, прочно закрепились в местной традиции исполнительства.

Литература

1. Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск, 1978.
2. Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 7 – 46.
3. Гринцер П. А. Стилистическое развертывание темы в санскритском эпосе // Памятники книжного эпоса: Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 16 – 48.
4. Илларионов В. В. Сказительство в системе фольклорной традиции народа Саха: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 1997. 54 с.
5. Куулар Д. С. Сказитель Чанчы-Хоо // Демир-Шилги аъттыг Тевене-Мого. Кызыл, 1972. С. 294 – 301 (на тув. яз.).
6. Куулар Д. С. Сказитель Чанчы-Хоо // История и современность. Кызыл, 1982. С. 3 – 9 (на тув. яз.).
7. Кыргыз З. К. Музыкальное исполнение тувинских сказок // Тувинские народные сказки / (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Т. 4. Новосибирск, 1994. С. 35 – 48.
8. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю. А.Клейнера, Г. А.Левинтона; послесл. Б. Н. Путилова. М., 1994. 369 с.
9. Майногашева В. Е. Хакасское сказительство: художественно-магическое творение духовной экологии // Экология и традиционные религиозно-магические знания: мат. Международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума. М., 2001. С. 250 – 256.
10. Мастерство современных бурятских сказителей. Улан-Удэ, 1978.
11. Мелетинский Е. М. «Общие места» и другие элементы фольклорного стиля в эддической поэзии // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. М., 1978. С. 68 – 83.
12. Неклюдов С. Ю. О стилистической организации монгольской «Гэсэриады» // Памятники книжного эпоса. М., 1978. С. 49 – 67.
13. Неклюдов С. Ю. Новотворчество в эпической традиции // Поэтика средневековых литератур Востока: Традиция и творческая индивидуальность. М., 1994. С. 220 – 245.
14. Орус-оол С. М. Маннай О. Н. (к 100-летию со дня рождения) // Люди и события, даты, год 1992. Кызыл, 1993. С. 15 – 20.
15. Орус-оол С. М. Сказитель Баазанай // Далай-Байбын-Хаан. Кызыл, 1994. С. 3 – 9 (на тув. яз.).
16. Орус-оол С. М. Эпические сказители как носители традиционной культуры // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: мат. Международной науч. конф. Новосибирск, 1995. С. 270 – 274.
17. Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). М., 2001. 422 с.
18. Памятники книжного эпоса: стиль и типологические особенности. М., 1978. 272 с.
19. Путилов Б. Н. Послесловие // А. Б. Лорд. Сказитель. М., 1994. С. 323 – 342.
20. Рифтин Б. Л. Из наблюдений над мастерством восточно-монгольских сказителей: Магтал коню и всаднику // Фольклор: поэтика и традиция. М., 1982. С. 70 – 92.
21. Самдан З. Б. Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Т. 4. Новосибирск, 1994. С. 10 – 34.
22. Серебряный С. Д. Формулы и повторы в «Рамаяне» Тулсидаса: (К постановке проблемы) // Памятники книжного эпоса. М., 1978. С. 106 – 140.
23. Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1975. 136 с.
24. Творчество сказителей: традиция и импровизация. Улан-Удэ, 1998. 110 с.

Словарь непереведенных слов

Кокаарак – букв. шакал (ругательное слово).

Информация об авторе:

Донгак Антонина Саар-ооловна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора монголоведения Тувинского института гуманитарных исследований, antdon@mail.ru.

Antonina S. Dongak – Candidate of Philology, Leading Research Associate at the Department of Mongol Studies, Tuvan Institute of Humanities.

Статья поступила в редколлегию 16.01.2015 г.

УДК 821.161.1

МЕЖДУ «ДОЛОМ» И «ВЕРШИНОЙ»: НЕМЕЦКАЯ ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ И ПСЕВДОИДИЛЛИЯ В ПОЭЗИИ САШИ ЧЕРНОГО

С. С. Жданов

BETWEEN “DALE” AND “PEAK”: GERMAN MOUNTAIN IDYLL AND PSEUDO-IDYLL IN SASHA CHORNY’S POETRY

S. S. Zhdanov

В статье рассматривается маркированный немецкостью горный текст в поэзии Саши Черного. Границы этого хронотопа задаются филистерским «долом» (пространственный низ) и переходящей в небо «вершиной» (пространственный верх). Горы здесь выступают локусом-медиатором с чертами идиллии или псевдоидиллии. Кроме того, прослеживается связь горного текста в поэзии С. Черного с традицией орографии (описания гор) в русской художественной литературе.

The paper deals with a German-marked mountain text in Sasha Chorny’s poetry. The confines of this chronotope are marked with a Philistine “dale” (spatial bottom) and a mountain “peak” passing into the sky (spatial top). Mountains are here a mediative locus with characteristics of idyll or pseudo-idyll. Besides, the paper demonstrates a connection between S. Chorny’s mountain text and the tradition of orography in Russian literature.

Ключевые слова: русская литература XX века, поэзия Серебряного века, Саша Черный, литературные универсалии, травелог, горы, идиллия.

Keywords: Russian literature of the 20th century, Silver Age of the Russian poetry, Sasha Chorny, literature universals, travelogue, mountains, idyll.

Многочисленные стихотворения Саши Черного, посвященные Германии, можно рассматривать как некий поэтический травелог, в основу которого положены впечатления художника, побывавшего в этой стране дважды (сначала во второй половине 1900-х гг., а затем уже в период эмиграции). При анализе структуры данного немецкого хронотопа особое внимание следует обратить на литературные пространственные универсалии «горы» и «равнины/долины».

Они актуализируются уже в одном из ранних стихотворений Саши Черного «Два желания», где лирический герой признается, что хотел бы «жить на вершине голой, писать простые сонеты... И брать от людей из дола хлеб, вино и котлеты» [6, с. 61]. Таким образом, задаются два полюса вертикально членяемого пространства. Внизу находится «дол». Это пространство профанное и в то же время наполненное жизнью: здесь обитают люди, отсюда же исходит все необходимое для жизни («хлеб, вино и котлеты»).

Другой полюс – «голая вершина». Этот пространственный верх является локусом поэзии в полном соответствии с литературной традицией, в которой, согласно К. А. Нагиной, «символика гор» выступает «как метафора поэтического вдохновения» [5, с. 83]. Вершина горы есть в то же время медиальное пространство, соединяющее небесный и земной миры. Как пишет Д. В. Замятин, «...горное изображение «работает»... и по вертикали, устремленной либо вниз, в подземные внутригорные пространства, либо вверх, к небу» [2, с. 159]. Таким образом, вершина в некотором смысле становится небом, превращаясь в онирическое, по своей сути, пространство поэзии. Тем самым в рамках имажинально-географического дискурса преодолевается «онтологическая невозможность горы-как-Неба» [2, с. 161].

В развернутом виде с этим медиальным пространством мы сталкиваемся, например, в творчестве современницы С. Черного, М. Цветаевой. В ее стихах,

по утверждению А. В. Крысановой, вершина горы есть «еще один уровень неба, доступный поэту» [4, с. 132]. При этом родство горных поэтических пространств у С. Черного и М. Цветаевой видится нам в мотиве пустоты. Так, у М. Цветаевой «поэт ищет такое пространство, которое было бы абсолютно пустым, другими словами, свободным ото всего и всех...», являясь при этом «ограниченным, защищенным спациумом» [4, с. 132]. «Голая вершина» в стихотворении «Два желания» аналогично пуста, свободна от людей. Здесь поэт обретает то уединение, которого так часто ищут герои-скитальцы в произведениях С. Черного. В качестве примера можно привести строки из стихотворения «День воскресный»: «Я не аскет и не злодей, но раз в неделю без людей – такая ванна для души! Где ж нет людей? В глуши» [7, с. 143].

В то же время в поэзии С. Черного вершина и дол оказываются неразрывно связаны друг с другом и границы между ними зачастую оказываются размыты. Размытость эта имеет двоякую природу. С одной стороны, она объясняется особенностями горного хронотопа, который представляет собой стадийное восхождение (или нисхождение), потенциально уводящее в бесконечность, – бесконечность неба или заключенной в самой горе бездны. Как подчеркивает Д. В. Замятин, «гора... становится условным вместилищем безразмерного «внутреннего пространства», простирающегося и вверх, и вниз...» [2, с. 160]. При этом движении новые и уже пройденные места являются визуально доступными, сопрягаясь между собой посредством созерцания, что и обуславливает размытость границ. Соответственно, «онтология горной высоты есть... бытие стремящейся к тотальности совместности, однако эта потенциально всеобщая совместность всякий раз, в попытке ее нового достижения отодвигается «бессобытийным» горизонтом самой горной панорамы» [2, с. 157].

С другой стороны, отсутствие резкой разграниченности «вершины» и «дола» в творчестве С. Черного можно объяснить самим «созерцательным вектором» его творчества. Горы здесь – это не символическая башня из слоновой кости, недоступная влияниям потустороннего, земного мира. Лирический герой в стихотворениях поэта направляет свой взгляд даже чаще не в небо навстречу абсолюту, а на тот самый «дол», то уютно-домашний, то мещански-ограниченный. Сравните с восприятием произведений С. Черного В. Ерофеевым: «С башни Вяч. Иванова не высморкаешься, на трюмо Мирры Лохвицкой не поблюешь. <...> А с Сашей Черным "хорошо сидеть под черной смородиной" ("объедаясь ледяной простоквашей") или под кипарисом ("и есть индюшку с рисом")» [1]. Таким образом, «вершина» в произведениях С. Черного – это нередко своеобразный паноптикон, из центра которого можно наблюдать «дол», оставаясь не включенным в него непосредственно. Ведь гора предоставляет поэту «невероятные возможности для обзора» [5, с. 82].

При этом сам горный пейзаж может у С. Черного описываться несколькими чертами, как, например, в стихотворении «В полдень тенью и миром полны переулки». Здесь основное внимание созерцателя сосредоточено на идиллическом локусе небольшого немецкого городка (Гейдельберга) с «аккуратными витринами» лавок, «гипсовыми сладкими Христами» [6, с. 257], пьяными корпорантами и геранью вдоль окон. Горы здесь показаны лишь на заднем фоне, замыкая идиллический локус и служа его границей: «Зеленые горы – кольцом...» [6, с. 257]. В самом же внутреннем пространстве аналогом гор служат дома, устремленные к небу и связанные с мотивом высоты: «В высоте, оттеняя беспечность лазури, узких кровель причудливо-темная грань» [6, с. 257]. Лишь в последнем четверостишии герой-наблюдатель совершает стремительное восхождение, которое открывается риторическим обращением: «Вы бывали ль, принцесса, хоть раз в Гейдельберге?» [6, с. 257]. Упоминание принцессы в контексте Гейдельберга отсылает нас к немецкому горному травелогу – «Путешествию по Гарцу» Г. Гейне. В концовке же произведения С. Черного Гейдельберг растворяется в горном пейзаже: «В горах у обрыва теперь расцветают на липах душистые серьги и пролет голубеет, как райская дверь» [6, с. 257]. Тем самым актуализируется мотив восхождения через гору в небеса. Причем потустороннее пространство лазури представляет собой лишь одну из фаз перехода, ведущего дальше и выше – в рай. С. Черный здесь следует литературной традиции, в которой «...гора аккумулирует свою изначальную семантику места общения с Богом, символа трансцендентности, предела восхождения, духовного возвышения» [5, с. 89].

Сходное описание идиллического городского пространства мы встречаем в стихотворении «Улица в южно-немецком городе» (что это Гейдельберг, становится ясно из упоминания местной реалии – ресторана «Регео»). В концовке герой опять-таки покидает пестрый и шумный «дол» с его людской скученностью и обилием звуков: «Свист школьников, хохот и пьяные хоры, звонки, восклицания, топот подков. Довольно! В трамвай – и к подъему на горы» [6, с. 174]. При этом подъем еще более стремителен, чем в пре-

дыдущем стихотворении, а сам горный хронотоп фактически не описан, что подчеркивает его авизуальную потусторонность: «О, сила пространства! О, сны облаков!» [6, с. 174]. Здесь затянутые облаками горные вершины переходят в онирическое пространство дневной грезы. Причем городской и горный локусы акцентированно разграничены в стихотворении графически – последняя строчка отделена от остальных рядом точек.

Образ облаков часто встречается в горном тексте. Они представляют собой один из уровней неба, переход к которому совершается при восхождении на гору (пространство-медиатор): «...в небе лениво плывут золотые барашки» [6, с. 283]; «В высоте застыли облака» [6, с. 307]; «Облаков плывут к вершине караваны...», «Лес растет стеной, взбираясь вверх по кручам, беспокойно порываясь к дальним тучам» [6, с. 275]. В последней цитате из стихотворения С. Черного, как и в произведениях М. Цветаевой, устремленные ввысь деревья «...выполняют функцию перехода из земного мира в небесный», помогая взгляду созерцателя-странника в его «восхождении в инобытие» [4, с. 130]. Недаром в описании горного пейзажа подчеркивается мотив его странности, чужеродности привычному миру «дола»: «Как в бёклиновских картинах, краски странны...» [6, с. 274]. Свой аналог облаков есть и в «дольнем» локусе: «...окутанный облаком гари, поезд мчался среди тусклых равнин» [7, с. 82]. Но если в горах облака подчеркивают высоту-глубину многоярусных прозрачных (открытых взору наблюдателя) небес («Только неба цвет спокойный, густо-синий, ...и прозрачный, и глубокий, ...и далекий» [6, с. 275], то облако гари затуманивает взгляд, скрывает равнинный локус «мутного Берлина» [7, с. 82].

С другой стороны, городское (дольнее) и горное (вершинное) немецкие пространства в поэзии С. Черного могут быть объединены мотивом грезы, видения, сна. В стихотворении «В полдень тенью и миром полны переулки» визионерский образ райской двери в горном пространстве соответствует более «приземленным» образам погруженного в сонную/пьяную дрему городка: «Жалюзи словно веки на спящих окошках»; «Корпорант... бормочет в беспомощной схватке с вином»; «Из ворот тянет солодом, влагой и сном»; «Мирно дремлют пузатые низкие башни...» [6, с. 257]. В стихотворении «Улица в южно-немецком городе» сны облаков имеют в земном мире свой аналог: городской «воздух так пьян» [6, с. 173], а «зеленые кадки и пыльные лавры слились и кружатся в ленивых глазах», словно в видении [6, с. 174].

Тема лени как состояния некоего медитативного созерцания и гармоничного тихого единения человека и природы объединяет целый ряд горных текстов в поэзии С. Черного: «ленивые глаза» [6, с. 173] наблюдателя («Улица в южно-немецком городке»); «...в небе лениво плывут золотые барашки» [6, с. 283] («Почти перед домом...»); «Мягко и лениво смеется в небе белый хоровод...» [6, с. 241] («Как францы гуляют»); «...я лежу ленивей кошки, прикинув к теплему стволу» [7, с. 234] («В саксонских горах»). В последнем случае русский герой, пассивный созерцатель, противопоставляется совершающему восхождение немцу-альпинисту: «Над головою по веревке вползает немец на скалу» [7, с. 234]. Эта лень – своего

рода отсылка к идиллии правремени – мифологического «золотого века», который не знал ни смерти, ни тяжкого труда. Концом восхождения здесь может быть «тихая вершина» [6, с. 283], где можно посидеть, перевести дух, позабыть про хлопоты дола («Газета под мышкой – не знаю, прочту ли хоть строчку» [6, с. 283]) и любоваться открывающейся взору панорамой мира внизу, который с этой перспективы представляется маленьким, игрушечным («Дома как игрушки» [6, с. 283]).

Впрочем, в стихотворении «В саксонских горах» к мотиву блаженной лени примешиваются элегические ноты. Этот мотив связывается с темой усталости от жизни и бренности последней. Герой с пафосом высказывает желание: «...Чтоб равнодушная усталость исчезла, как февральский снег, ...чтоб зачернел над лбом упрямым, как в дни былые, дерзкий чуб, чтоб соловьи любви и гнева слетали вновь с безумных губ...» [7, с. 234]. В духе сентиментального топоса описывается и горный пейзаж: «В груди пушистой желтой ивы поет, срываясь, соловей, и пчелы басом распевают над сладкой дымкою ветвей» [7, с. 234]. Заметим, однако, что меланхолические настроения относятся в большей мере к эмигрантскому периоду творчества С. Черного. В целом пафосность ему не свойственна, например, он позволяет себе «озорничать», вводя в эстетическое описание гор далеко не возвышенные образы: «Дилижанс ползет, как клоп...»; «Снег в горах, как клоп белья» [6, с. 256].

Лирический же герой стихотворения «В саксонских горах» ведет себя как типичный персонаж горного текста: с одной стороны, проявляет естественность (недаром уподобляется кошке), чувствительность и способность «восторгаться красотою натуры» в духе Руссо, а с другой – выступает как «...философ, ...ищущий смысла человеческого бытия, стремящийся соотнести временное с вечным, природное с человеческим» [5, с. 89]: «Ах, если б Ты, вернувший силы поникшей иве, мхам средь скал, весною снова человека рукою щедрой обновлял...» [7, с. 234]. В горном локусе актуализируется и связь с божественным, обращение к Творцу. При этом горы обозначаются как сакральное пространство посредством сравнения с убором священника: «Горы – пепельные митры...» [6, с. 256]. Запах цветущих лип уподобляется аромату применяющегося в богослужении ладана: «Томится сладкий ладан липы...» [6, с. 248]. Горная природа становится в сентименталистском ключе храмом. Сам же путешественник по горам сравнивается с пророком: «Плащ – и в путь! Пешком честнее: как библейский Илия...» [6, с. 256].

В горных текстах С. Черного мы сталкиваемся, однако, не только с тихой радостью или элегической грустью пассивного созерцателя, но и «эмоциональным подъемом, восторгом», которые «неизменно сопровождают тему гор в русской литературе» [5, с. 86], например: «Опять сияет в горной чаше расцветший радостью апрель!» [7, с. 234]. Часто этот эмоциональный подъем уязвляется с фактическим подъемом, т. е. активным приближением к горе. «В подобном случае внешняя точка наблюдения превращается в непрерывный и напряженный образный путь, ленту условно телеологических калейдоскопических ландшафтов, долженствующих обосновать именно это

высокое пространство и «увенчаться» им» [2, с. 159]. Горное восхождение в стихотворениях С. Черного означает радость бытия и приносит мир в душу героя: «...Тропинка в зеленые горы... радует взоры» [6, с. 282]; «Кто сегодня всех добрее? Я!» [6, с. 256].

Радость созерцания идиллической красоты, испытываемая героем-путешественником, сходна что в горах, что в городе. Если в последнем наблюдатель радовался ярким витринам, то в горном ландшафте он любит «далею – цветистее палитры» [6, с. 256]. В стихотворении «Дамоклов меч» в рамках горного локуса встречается мотив опьянения, знакомый уже нам по городскому пространству: «Под пышной липой так тепло мне смотреть, пьянясь...»; «Лесного матового скрипа напьюсь...» [6, с. 248]. Общим местом таких описаний выступает водный поток: «У ног ручей клочок гулко...» [6, с. 248]; «Далеко внизу бурлит река» [6, с. 307]. Также звук текущей воды уподобляется звучанию инструментов: «Словно звон бессонной цитры, в глубине поет поток» [6, с. 256]; «И в реке словно отзвуки арфы тугой» [6, с. 257]. Природные объекты в горных текстах С. Черного одушевляются: «Пел ручей на семьсот голосов...» [7, с. 82]; «поет поток», «сбоку вьется ветер хитрый» [6, с. 256]; «присело небо на обрыв» [6, с. 248]. Кроме того, природное сливается со сказочным: «две козы с глазами феи» [6, с. 256].

Другим вариантом горного идиллического пространства является элегический локус, в рамках которого происходит частичное примирение героя с бренностью жизни. Дело в том, что «...горы инициируют мысли о смерти у всех авторов горного текста» [5, с. 90]. У С. Черного тема смерти реализуется в стихотворении «В Тироле», где описывается горное кладбище. В этом локусе мотивы жизни и смерти тесно переплетены. Он, по своей сути, в большей степени природен, чем создан людьми: «Над кладбищенской оградой вьются осы... По бокам – зеленые откосы» [6, с. 307]. Поэтому смерть здесь выступает в смягченной форме вечного сна: «Крепко спят под мшистыми камнями кости местных честных мясников» [6, с. 307]. Созерцаемая героем-странником картина статична, что подчеркивается образом застывших в высоте облаков. В тот же вечный покой погружена и мнимая подруга лирического героя («Вы не слышите? Вы спите?» [6, с. 308]). Ее фотография на могильной плите есть также ахронная фиксация одного счастливого мгновения («...Замер в рамке смех лукавых уст...» [6, с. 308]), остановленного, словно по желанию гетевского Фауста. В целом, образ безвременно погибшей возлюбленной («Вы смеялись только двадцать лет?» [6, с. 308]) типичен для элегической кладбищенской поэзии. Но в данном случае герой – «кочующий поэт» [6, с. 308] не знал девушку, пока та была жива. Их знакомство происходит в онирическом пространстве несбыточной мечты, в которое оборачивается горный локус: «Здесь в горах мы были б славною парой...» [6, с. 308]. Парадоксальным образом медиативное пространство позволяет страннику обрести приют на кладбище, а иностранцу почувствовать себя своим среди чужих мертвецов, преодолеть собственную чужеродность немецкому хронотопу: «...старух с поблекших фотографий принимаю в сердце, как своих», «Я, как друг, сию укрыт ветвями...» [6, с. 307], «Вас

при жизни звали, друг мой, Кларой?» [6, с. 308]. Это в целом согласуется с традицией, связывающей горный локус с пространством смерти. Так, у М. Цветаевой «могила поэта, место его последнего упокоения, находится именно на вершине горы» [4, с. 133]. Попутно отметим также примечательный факт, что А. С. Иванов переносит данную связь гор и смерти из художественной реальности на биографию С. Черного, который скончался, обретя после долгих эмигрантских скитаний свой дом на вершине холма: «...Настоящая фамилия Саши Черного – Гликберг, что означает «счастливая гора». ...в конце пути была «гора», показавшаяся поэту счастливой и в земле которой он навеки успокоился» [3, с. 22].

Между тем восхождение как путь между долом и вершиной может иметь несколько вариантов. Так, в стихотворении «В пути» лирический герой путешествует по горам, чтобы вечером обрести пристанище с пресловутыми «вином и котлетами». Это типажное идиллическое немецкое пространство: «Дом над лугом. ... Стол под липой с жирной кошкой, шницель с жареной картошкой, – пиво с пеной через край, и постель с цветной дорожкой, рай!» [6, с. 256]. Здесь актуализируется уже упоминаемая нами тема перехода в сакральное пространство – только рай оказывается в более земной форме: не недоступная райская дверь, а житейская гармония и покой, в которые окунается поэт-странник.

Однако вторжение «дола» в горное пространство «вершины» может быть и гораздо более грубым. В стихотворении «Как францы гуляют» изображаются недалекие немецкие филистеры, взбирающиеся на гору «гигиеническим, упорно мерным шагом» [6, с. 240]. Это движение имеет механическую природу, а сами немцы уподобляются либо животным («немецкие быки» [Там же]), «раскрахмеленные лангусты» [6, с. 241]), либо неживым объектам («почтенные комоды», «десятков семь орущих, красных булок» [6, с. 241]). Апофеозом вторжения «дола» становятся ждущие филистеров на горе «двадцать бочек пива и с колбасой и хлебом – пять подвод» [6, с. 241]. Идиллия здесь превращается в псевдоидиллию. Одушевленная природа здесь противопоставлена человеческому началу: хоровод облаков смеется в вышине над глупыми людьми, а «деревья ропщут». Последнее заключает в себе ироническую двусмысленность: деревья то ли издают неясный шум, то ли высказывают свое недовольство вторгшимися обывателями.

Подобная филистерская псевдоидиллия в ряде произведений С. Черного принимает форму горного пансиона. Так, в стихотворении «Дамоклов меч» горная вершина с цветущими липами и свищущими птицами является пространственной противоположностью связанного с цивилизацией «дола», у которого, словно у хищника, есть «пасть», где «краснеют пятна черепиц» [6, с. 248]. Эта пасть аналогична рукотворной пропасти каменоломни: «Рудой гранит каменоломни раскрыл изломы и зубцы» [6, с. 248]. Если принять в расчет, что вершина соответствует сакральному локусу, то дол, где находится пансион фрейлейн Тиц, есть его противоположность. Немецкий регулирующий пространственный низ не отпускает свою жертву, заставляя лирического героя возвращаться с высот духа к физиологическим потребностям брюха, ко все тем же

«котлетам»: «Спеши, брат, вниз! Чрез час обед. На две минуты опоздаешь – ни габерсупа, ни котлет!» [6, с. 249]. В шутливо-смягченной форме «пасть дола» провоцирует падение персонажа в бездну быта.

Псевдоидиллический образ пансиона ярко раскрывается в стихотворении «Kinderbalsam». Расположенный «высоко над Гейдельбергом» «тихий горный пансион» [6, с. 238] на первый взгляд представляет собой сакральное пространство. В соответствии с духом монастырской аскезы в этом месте борются с излишествами: «С «Голубым крестом» в союзе здесь воюют с алкоголем...» [6, с. 238]. Но эта святость является видимостью и лицемерием с точки зрения лирического героя. Хозяева и их служанки «мучат господу псалмами», «бога обижают сквернопением в стихах», также здесь сначала «умильно» кормят кроликов, а потом без всякой жалости режут их за занавеской [6, с. 238]. Описание еды в пансионе напоминает об умерщвлении плоти: «Суп с крыжовником ужасен, вермишель с сиропом – тоже, но чернила с рыбьим жиром всех напитков их вкусней!» [6, с. 238]. Ирония обращает образы в их противоположности. Сакральное становится inferнальным, и обстановка пансиона начинает напоминать об адских муках: «На листах вдоль стен столовой пламенеют почки пьяниц, и сердца их и печенки...» [6, с. 238]. Если в других стихотворениях С. Черного пиво выступает как атрибут филистера, то в данном произведении по контрасту с трезвой и пресной атмосферой пансиона оно получает положительную характеристику. Герой иногда покидает горную псевдоидиллию и спускается в город, «надуваясь бодрим пивом» [6, с. 239]. Зато безалкогольный напиток из овса и ячменя, которым потчуют постояльцев пансиона, называется «кошунственным отваром» [6, с. 239]. В соответствии с инвертированной логикой, ад и рай меняются местами: «...когда на райских клумбах подают такую гадость, – лучше жидкое железо пить с блудницами в аду!» [6, с. 239]. Ироническому переосмыслению в рамках данного горного текста подвергается и образ святого. Герой признается, что живет, «как институтка, благородно и легко» [6, с. 238] или «как римский папа, свято, праздно и легко», и, вообще, сравнивает себя с ангелом» [6, с. 239], но в то же время разоблачает себя, рассказывая, что ведет такую безгрешную жизнь не из-за духовного рвения, а «ради дешевизны» [6, с. 238] пансиона. В конце стихотворения пародийная сакральность горного локуса достигает предела, и русский герой, своего рода святой поневоле, отпускает все грехи всем живым существам без разбора: «всем друзьям и незнакомым, мошкам, птичкам и собачкам» [6, с. 239].

Описание еще одного «тихого» пансиона в горах дается в стихотворении «В саксонской Швейцарии». Здесь наблюдается трехчленное деление пространства по вертикали. Дол представлен локусом с мортальными и inferнальными характеристиками: «тусклыми равнинами» и «плоскими далями», которые «очертели» героям-путешественникам [7, с. 82]. Промежуточным пунктом является отель «Zur Mühle» в «тихой Шмильке», «деревушке среди складок двух гор» [7, с. 82]. Это амбивалентный локус. В его описании присутствуют иронически обыгранные мотивы смерти (хозяйка отеля – «женский труп, украшение «Zur

Mühle»» [7, с. 83]), холода и неуют, связанные с внешним пространством («Под перину прокрался мороз! ... Коченели бездомные пятки, примерзали к подушкам виски...» [7, с. 82]). Но есть и гротескно преувеличенные идиллические черты: поющий «на семьсот голосов» ручей; сверкающая, «как солнце в июле», печь, «бутербродов бугор» [7, с. 82] (последний образ есть в то же время преуменьшенный аналог горы). Об уютности этого локуса, его принадлежности к внутреннему пространству свидетельствует также образ кукующего из часов домового.

Наконец, верхний ярус в этом горном тексте – это собственно вершины, переходящие в небесную бесконечность: «Даль уходит в провал бледно-синий...» [7, с. 83]. Здесь, как и в стихотворении «Осень в горах», актуализируется мотив горного леса-медиатора между землей и небом: «...к небу тянется хвойная рать...» [7, с. 82]. Это пространство свободно от присутствия человека: «Только елка трясется на дерне, только эхо грохочет вверх...» [7, с. 82]. Ощущение свободы дополняется широтой грандиозной панорамы, открывающейся по мере восхождения: «За холмами сквозят города, ...над грядой избегает гряда. В глубине – хвост извилистой Эльбы и козлов одичалых гурьба...» [7, с. 83]. При этом пространство открывается взгляду созерцателя не только вверх, в небо, но и вниз, в глубину гор: «Вниз сбегает зубцами провалы...» [7, с. 82]. Еще один традиционный мотив горного текста, встречающийся в этом стихотворении, – это мотив радости бытия, охватывающей героя: «Ах, как сладко дышать на вершине!» [7, с. 83]. Сентименталистский дух, пронизывающий горный текст, проявляется в использовании междометия «ах» в искреннем восклицании героя. Заметим, что ироничной, да-

лекой от пафоса манере поэта такое обычно не свойственно, но в горных текстах, посвященных Германии, междометие встречается дважды: «Ах, если б Ты, вернувший силы поникшей иве...» [7, с. 234]. В рамках сентименталистского топоса также акцентируется дикость естественного пейзажа: «каменный бунт» [7, с. 82] скал, «козлов одичалых гурьба» [7, с. 83]. В этом буйстве стихийных сил данный пейзаж сродни описанию пространства из стихотворения «Осень в горах». Но там горный локус еще более фантазмагоричен, напоминая, скорее, романтический: «мрачные ели», «фантастический беспорядок перспектив» [6, с. 274], «дикий танец» красок, «нестройная вакханалия» [6, с. 275].

В стихотворении «В саксонской Швейцарии» вершина антагонистична долу. Находящимся в горах героям хочется «пальнуть в цель» [7, с. 83], равнинный локус. Но в конце концов им, «пленным берлинской столицей» [7, с. 83], приходится вернуться, как спускается в «пасть дола» герой «Дамоклова меча».

Итак, горное немецкое пространство в поэзии С. Черного, как правило, идиллично. Его описание тесно связано с сентименталистским топосом и маркируется мотивами природности, высоты, свободы, радости, сакральности, одиночества. При этом во многих произведениях «вершина» состоит в неразрывной, порой противоречивой и напряженной связи с «долом», равнинным локусом, который обычно имеет профанные, филистерские черты, характерные для творчества С. Черного при описании немецких локусов. Вторжение последнего в горное пространство превращает сентименталистскую идиллию в иронически переосмысляемую псевдоидиллию.

Литература

1. Ерофеев В. Саша Черный и другие // Москва – Петушки: сайт, посвященный творчеству Венедикта Ерофеева. Режим доступа: http://www.moskva-petushki.ru/works/sasha_chernyj_i_dругие/1 (дата обращения: 25.01.2015).
2. Замятин Д. В. Горные антропологии: генезис и структуры географического воображения // Река и гора: локальные дискурсы: сб. материалов Межд. научн. конференции «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29 – 30 октября 2009 г.). Пермь: ПГНИУ, 2009. С. 155 – 162.
3. Иванов А. С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции // Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917 – 1932. М.: Эллис Лак, 1996. С. 5 – 22.
4. Крысанова А. В. Братья по «пятому времени года, шестому чувству и четвертому измерению»: небесное пространство в поэтическом мире М. Цветаевой // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 128 – 134.
5. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого: монография. Воронеж: Научная книга, 2012. 443 с.
6. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905 – 1916. М.: Эллис Лак, 1996. 464 с.
7. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917 – 1932. М.: Эллис Лак, 1996. 496 с.

Информация об авторе:

Жданов Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий, fstud2008@yandex.ru.

Sergey S. Zhdanov – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages and Intercultural Communications Department, Siberian State University of Geosystems and Technology.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2015 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПОЗДНИХ РАССКАЗАХ В. РАСПУТИНА

Н. В. Ковтун, В. А. Степанова

THE TRANSFORMATION OF OBSEQUIES IN V. RASPUTIN'S LATE NOVELS

N. V. Kovtun, V. A. Stepanova

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-24003.

Актуальность статьи обусловлена структурообразующим значением мотива смерти для всего творчества В. Распутина. В обрядах перехода – важнейших в погребальном комплексе – отражаются основные представления о мироустройстве. В исследовании анализируются рассказы 1990-х гг.: «В ту же землю», «Поминный день», «Изба» как наиболее репрезентативные с точки зрения раскрытия темы. Для анализа использован герменевтический метод. Погребальный обряд в поздних рассказах В. Распутина существенно трансформирован, что знаменует поиск автором нового основания бытия, персонажа, способного выстоять в хаотическом мире. В результате анализа выявлено, что для поэтики поздних текстов характерны незамкнутость смерти, уравнивание и слияние языческих и христианских символов, открытие нового пространства, дающего основания для самовывживания, самоспасения нации. Смерть патриархального героя (обряд отделения) осмысливается как конечная, однако уход старух одновременно становится и творением инопространства, преобразованием сущего. Промежуточный обряд представляет трансформацию устоев через приобщение к потустороннему. Важна функция проводника, помогающего умершему включиться в мир мертвых. Эту роль на себя берут Пашута («В ту же землю»), становящаяся «ображающим существом», Ольга («Поминный день»), песней совершающая апостериорный обряд, изба («Изба»), преобразующаяся в переходное пространство. Обряд включения допустим лишь после глубинного изменения основ настоящего, что дает возможность выстоять. Таким образом, в поздних текстах В. Распутина смерть явлена как продолжение жизни, а жизнь зачастую как подготовка к переходу. Изменение бытия влечет за собой трансформацию погребального обряда, что в свою очередь заставляет искать иную модель мира.

The relevance of the paper is associated with the motive of death, structure-directing for whole Rasputin's prose. The common notions about world order are imaged in the rite of passage, the most important rite in the funeral complex. The paper analyses the 1990s novels – «Into the same land» («V tu zhe zemlu»), «The day of prayer for the dead» («Pominyj den»), «Hut» («Izba») as the most representative. The method of the research is hermeneutic. The obsequies in the late Rasputin's novels are essentially transformed. This deals with author's search of the new foundation of existence, the new protagonist who is able to survive in the chaotic world. The research revealed that the openness of the death, fusion of pagan and Christian symbols, development of the new space, which could become the foundation of the nation's self-escape, are significant for the poetics of Rasputin's late novels. The death of the patriarchal hero (the rite of separation) is understood as an end, but the death of old women becomes a creation of new space, transformation of existence. Intermediate rite presents the transformation of the principles through association with the afterworld. The function of the conductor, helping the deceased to join the world of the dead, is important. This role is taken by Pashuta («In the same land»), becoming the «ering being», Olka («The day of prayer for the dead»), proceeding posteriori ritual by the song, the hut («Hut») is converted into a transitional space. The rite of inclusion is permissible only after deep changes in the foundations of the present, which makes the possibility to survive. Thus, in V. Rasputin's late texts death is revealed as a continuation of life, and life is often as a preparation for the transition. The changing of life entails the transformation of the funeral rite, which makes us to look for another model of the world.

Ключевые слова: В. Распутин, язык писателя, погребальный обряд, смерть, обряд перехода, рассказы 1990 гг.

Keywords: V. Rasputin, writer's language, obsequies, death, rite of passage, short novels of the 1990s.

В. Распутин принадлежит к тому кругу авторов, для которых тема смерти – ключевая [11, с. 51 – 60]. Уже в ранних рассказах она осмысливается по-разному: смерть как конец жизни («Старуха», 1961, «И десять могил в тайге», 1966), смерть как слияние с природой («В Саяны приезжают с рюкзаками», 1963). Впервые понимание смерти как выхода в пределы метафизического намечено в дебютной повести «Деньги для Марии» (1967), наиболее полно выражено в «Последнем сроке» (1970). Старуха Анна заранее предвидит свою смерть, мало того – она с ней договаривается, переход должен случиться во сне, в онейросфере, что наделено особой значимостью. Сама смерть героини описана в стилистике Вознесения. В повести «Прощание с Матёрой» (1976) возносится уже сам остров, подсвеченный мифологемой Нового Иерусалима. Таким об-

разом, смерть праведника или сакрального пространства неразрывно связана с метафизическим, познанием тайн бытия [16, с. 6 – 26].

В рамках данной статьи нас будет интересовать реализация мотива смерти, воплощенного в погребальном обряде, воссозданном в поздней прозе мастера. Для текстов В. Распутина 1990-х гг. характерна трансформация образов сокровенных героев (уходит патриархальный тип, появляются пожогщики, архаровцы), избранного пространства (деревня вбирает в себя черты города), обрядов. Погребальный обряд является одним из древнейших, ключевых. Этика каждой эпохи находит свое отражение именно в погребальном обряде, «предрассудки», обычаи, связанные с «уходом» человека, приобретают особую устойчивость, культовость, отсюда так важны мельчайшие де-

тали их описания [3, с. 22]. Смерть и похороны относятся к «*обрядам перехода*». А. Геннеп выделяет здесь несколько стадий. Похоронный обряд состоит из обрядов *отделения, включения и промежуточного обряда*. Самое большое значение придается обрядам приобщения умершего к миру мертвых [5, с. 134 – 139].

В поздних рассказах писателя смерть как обряд отделения описана со стороны, глазами живых. Тогда как в «Последнем сроке» переход показан через восприятие самой умирающей – старухи Анны, отчасти ситуация повторяется в «Прощании с Матёрой», где героини и сами вовлечены в процесс перехода. В произведениях 1990-х гг. тема смерти переосмысливается, смерть явлена как свершившееся, абсолютное событие. Несколько особняком стоит рассказ «Поминный день» (1996), хотя хронологически расположен между коррелирующими друг с другом текстами «В ту же землю» (1995) и «Изба» (1999).

Обряд отделения

В «Поминном дне» обряд отделения дан ретроспективно: после гибели Толи Прибыткова проходит год. Смерть названа «обычной»: Толю «позвала смерть» и «похоронила» вода. Уход героя происходит не как таинство (вариант старух), а на глазах всей деревни, шумно, с «отчаянными криками». О. Седакова в работе «Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян» отмечает две основные функции воды в качестве элемента *обрядов перехода*: преграда между миром живых и миром мертвых или средство связи между ними [17, с. 55]. Вода как стихия перехода представлена в повестях «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», это сквозной мотив для всего творчества писателя. Хотя и в этих текстах намечен мотив *настигшей воды*. Стремительное замужество Настёны оборачивается отступлением от судьбы, доли, связывается с опасностью: «кинулась в замужество, как в воду» [14, с. 14], что и подтверждает финал повести. В «Прощании с Матёрой» мать Дарьи боялась воды, и была настигнута ею, могила затоплена после смерти.

Обряд отделения различается, прежде всего, публичностью: Толя гибнет на виду у всех, старухи умирают уединенно, об их смерти даже не сразу узнают. Кроме того, смерть Агафьи («Изба») и Аксины («В ту же землю») предполагает выход в метафизическое, о чем свидетельствует связь смерти со сном, трансформация пространства; уход Толи отличает завершенность, окончательность. Подобный вариант смерти осмысливается В. Распутиным в ранних текстах. В рассказе «И десять могил в тайге» рефреном повторяются слова: «Один, два, три, четыре, пять... Один, два, три, четыре, пять... десять могил в тайге <...> Один, два, три, четыре, пять... Один, два, три, четыре, пять... сын на Тагуле, сын на Гутаре, сын на Мархое, дочь возле Покровского, сын на Агуле» [12, с. 35]. Нарратором выступает старуха, похоронившая своих детей, для нее жизнь – конечна, смерть предстает физиологично, детально, но и здесь есть попытка ее преодоления: «Старуха всем им [внукам] дает имена своих мертвых детей» [12, с. 42]. В цикле значимость имен «расшифровывается», на них откликаются даже мертвые, имя, человеческая память способны продлить бытование ушедшего.

Попытка преодоления смерти в «Поминном дне» связана с исполнением любимой песни Толи. Для сокровенных героев В. Распутина характерно предвидение смерти, им дана возможность подготовиться к ней, даже «договориться». Отчасти песня «На дальней станции сойду», которую все время поет герой, а после его смерти – дочь, выступает в той же функции «проводника». В песне воссоздано утопическое, райское пространство, где совмещается прошлое и настоящее. Кроме того, здесь дан образ «живой воды», ему противостоит мотив воды «мертвой», забравшей героя. Толя после этой песни успокаивался, засыпал, да и соседи прислушивались: «Поёт Толя, пора к ночевой собираться» [14, с. 327]. Так символически песня связана с упокоением души. Пропетая на поминках старшей дочерью, песня берedit душу собравшимся, заставляет вспоминать погибшего вновь и вновь. В рассказе значим и мотив смерти как возвращения к предкам, причем, возвращение преимущественно не ментальное, а физическое: «Куда-то туда [в нижнюю деревню, которая в подводное царство ушла] Толя нырнул. Там наши матери похоронены, кладбище было посреди деревни, делило её на две части» [14, с. 329]. Образ «нижней деревни» коррелирует с понятием загробного мира (ср. более богатая деревня <...> – кладбище, пристанище старших [15, с. 45 – 46]), вода – стихия пограничная, эту семантику усиливает и расположение кладбища посреди деревни – на границе того и этого миров [4, с. 98 – 109].

В тексте подчеркивается абсурдность, случайность смерти героя. Гибнет «здоровый сорокалетний мужик», подлинный хозяин. Нелепая смерть – признак нежизнеспособности *патриархального типа* в меняющемся, осколочном мироздании. Толя Прибытков оказывается близок образу богатыря Кузьмы из повести «Деньги для Марии», на смену которому позже придет *трикстер* – Сеня Поздняков, чья природа сродни хаотическому настоящему. У Толи и рождаются только девочки, словно доказывая невозможность продолжения богатырства. Зато жизнеспособным окажется двойник погибшего, двоюродный брат Бронислав, открывающий череду *героев-интеллектуалов*.

И Толя, и Бронислав (а позже и Сеня) в разное время проходят испытание водой. В имени Бронислава заложен богатырский код: «значит держатель, защитник славы» [14, с. 330]. Вставной сюжет из детства героя семантически вытесняет и затмевает картину поминок. Бронислав также символически умирает, проходя инициацию: в холодной воде, ночью мальчишка добирается до берега, тридцать километров бежит до родной деревни, и эта сила, своеволие ребенка заставляют капитана судна, взявшего безбилетника в плен, оставить свой пост. «Ты его на всю жизнь победил. Он и с Ангары из-за тебя ушел», – итожит историю Сеня Поздняков [14, с. 341]. Брониславу будто бы предназначено «оборонить» деревню, но он рано, «еще до затопления», оставляет ее, в плане повествования выписан как герой чуждый, городской, хоть и признаваемый за своего. Чуждость и есть признак интеллектуала, способного к рефлексии, умопостижению метафизического, неслучайно в более поздних текстах этому типу дано преодолевать границы мирского усилием сознания. Образ Брони-

слава в какой-то мере соотносится с типом «интеллектуального пророка», оформившегося в поздних текстах мастера как альтернативный исчезающему образу традиционного святого/юрора (Богодула, деда Егора, дяди Миши Хампо). Речь идет о рассказах «Видение» (1997), «Новая профессия» (1998), «В непогоду» (2003).

И сосед Толи – Сеня Поздняков – отчасти является двойником Бронислава: в первом рассказе цикла «Сеня едет» (1994) говорится, что «когда-то он читал книжки, вышел из приличной городской семьи» [14, с. 283]. В Заможах Сеню ссаживают с «белого парохода» полуживого от пьянства, беспомощного (символически он уравнивается с нагим человеком – шутом и младенцем одновременно), оставляют в переходном пространстве – бане. Здесь его и находит первая деревенская красавица – Галя, буквально спасшая героя из небытия. Бронислав и Сеня демонстрируют альтернативные варианты развития судьбы Толи, однако, так или иначе, богатырство оказывается неосуществимым.

Гибель Толи, сопровождаемая «отчаянными криками», прерывает ряд богатырей [7, с. 280 – 311]. Важно, что смерть героя – «не своя», поскольку скоропостижна и случайна, старухи же умирают «своей» смертью. О. Седакова, анализируя погребальные обряды у славян, отмечает, что «умершие своей смертью почитались как предки» [17, с. 39], фактически становились хранителями рода, защитниками живых. «Заложных» же, случайно умерших, следовало избегать, что опять-таки подчеркивает нежизнеспособность патриархального героя – у него, умершего не своей смертью, не может быть последователей. Не менее обреченно в современном мире выглядит и женская патриархальность, что символически подтверждено судьбой Настены («Живи и помни»), незадолго до гибели, провалившейся в яму для утопления. Настена в смерти ищет спасения, покоя, уже невозможного в пределах истории.

Смерть старух из рассказов «Изба», «В ту же землю» выписана более подробно и традиционно. Старухам дано предвидеть собственную кончину, подготовиться к ней. Аксиныя Егоровна («В ту же землю») заранее собирает смертное, просит внучку купить икону. Агафье («Изба») снятся вещие сны, она лежит в больнице (переходное пространство) и видит «сон, поразивший ее на всю оставшуюся жизнь: будто хоронят ее в ее же избе» [15, с. 360]. Онейросфера характеризуется не только специфическим, «мнимым» пространством, но и «вывернутым» временем, двойной причинной связью [20, с. 89]. В рассказе «Изба» в онейросфере смерть предстает не как переход, что характерно для ранних текстов мастера, но как погребение, зарывание в землю. Само положение избы – под землей и на поверхности одновременно: «труба и должна находиться под небом», – дублирует модель мироздания. Дым, поднимающийся из печной трубы, может означать возносящуюся душу, мировую ось (*axis mundi*). Во сне Агафья думает: «Там тоже согреться захочется», т. е. бытование в ином мире имеет физические свойства, что коррелирует с языческими верованиями. Второй сон о смерти – вещий – глубоко оригинален: Агафья видит умерших, но не предков, нет и проводника, явленного старухе Анне в повести

«Последний срок». И сама старуха сопротивляется смерти: «Ты легла, Агафья? – Ишо сидю» [15, с. 393]. Старухи, слишком «зажившиеся», возникают во многих произведениях автора. В рассказе героиня объясняет долгую жизнь тем, что «вся из одной людской запусти, на тебя и там спросу нету» [15, с. 393], помещая тем самым себя в инопространство.

Смерть Аксины Егоровны тоже связана с онейросферой: она умирает во сне – «не пришлось и глаза закрывать» [15, с. 242]. Свершение перехода во сне неслучайно, в творчестве В. Распутина связь смерти с онейросферой – один из топов: старуха Анна из повести «Последний срок» предвидит свою смерть, договаривается умереть во сне, Настёну «морит сон», материнские старухи, очнувшись ото сна в «курытнике» Богодула, ощущают себя мертвыми, в «Поминном дне» Сеня засыпает на месте затопленного кладбища. И Пашута, «прибирая» мать, «под спину подложила легонькое стеганое одеяло – не из новых, под голову подушечку – как для сна» [15, с. 276]. Кроме того, перед смертью физической происходит метафорически дублирующая её ситуация: для Аксины Егоровны это умирание её родной деревни, вынужденный переезд в город на зимовку. Описание кончины старухи завершает и переосмысляет восприятие смерти как праздника: она умирает именно тогда, когда ее дочь – Пашута – работает на «спецобслуживании». Суть события не важна, празднует «какая-то незначительная организация», что свидетельствует о коллективности, формальной стороне праздника, с которым хронологически совмещено таинство смерти. Аксиныя Егоровна умирает в одиночестве, во сне.

Параллель «смерть – праздник», важнейшая в зрелом творчестве автора, осмысливается по-новому. В христианской традиции смерть предстает как праздник встречи с Богом: старуха Анна в момент предсмертного просветления видит раду, Настёна перед смертью слышит звон колокольчиков, которые «сзывали <...> кого-то на праздник» [15, с. 254], в «Прощании с Матёрой» обряжение избы перед затоплением сопрягается с праздничными ритуалами – приготовление известки старухой Дарьей, побелка горницы. Важно, что восприятие смерти как праздника дано лишь праведникам. Образ Аксины Егоровны соответствует традиционным чертам «распутинских старух», ориентированным на иконописные каноны: «Оскудевшая телом, высохшая, с бескровным желтым лицом, с руками в обвисшей коже <...> говорила тихо и услужливо нитяным тонким голоском» [15, с. 242]. Героиня готовит смертное платье: «Оно показалось матери при дарении настолько праздничным, что ни один из прижизненных праздников не мог до него подняться» [15, с. 248]. Вид умершей – «торжественный и смиренный» – усиливает данную параллель, однако таинство смерти происходит на фоне *чужого празднования*.

Физической смерти Агафьи также предшествует затопление деревни, кроме того, перевоз и возведение избы на новом месте являются, по сути, *инициацией*, перерождением через символическую смерть. Неслучайно строительство начинается и заканчивается болезнью, старуха задает себе вопрос: «Вся, чё ли, вышла?» [15, с. 379], что свидетельствует об избытии прежнего в себе. Сосед Агафьи – мастер Савелий –

находит её полумертвой с куском хлеба в руке на третий день (аналог евхаристии), так начинается возвращение к жизни. Итак, *обряд отделения* в поздних рассказах В. Распутина переосмысливает прежнее понимание смерти как праздника, выхода в пределы метафизического: в «Поминном дне» смерть героя-богатыря окончательна, в рассказах «Изба», «В ту же землю» явлена как творение нового пространства-мира-устоя.

Промежуточный обряд

По мнению Геннепа, траур – «промежуточное состояние для тех, кто остается в живых, в которое они входят благодаря обрядам отделения и из которого они выходят благодаря обрядам реинтеграции в общество в целом» [5, с. 135]. Подготовка к погребению: омовение, обряжение, ночное бдение у гроба и т. д. – части *промежуточного обряда*.

В «Поминном дне» эта составляющая отсутствует, поскольку тело не находят, оказывается невозможно включение живых в приготовление умершего к переходу. Отчасти аналогом гроба является лодка. Связь ладьи с домовиной – одна из древнейших. Обычай погребать умерших под перевернутой лодкой, параллели в строительстве ладьи-дома и гроба свидетельствует о том, что смерть воспринимается как путь, переход [10, с. 68 – 69]. В повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) лодка возникает в связи с образами Ивана Савельевича и его внука Ивана – потенциального спасителя, культурного героя. Столкновения на воде являются аналогом инициации, дают юноше возможность испытать себя, совершить переход к иному внутреннему состоянию. Однако лодка, найденная после гибели Толи, продана, отдана чужим.

В рассказе «В ту же землю» большинство обрядов – «промежуточные», а один из важнейших – *отделение* – фактически вынесен за пределы текста. Интересно, что данная смена акцентов не типична для писателя. В центре сюжетов зрелой прозы – героини, которым открыта возможность выхода в метафизическое, пределы жизни расширяются за счет приращения мира смерти, что и завершает сюжет. В мире, где «попраны этические нормы, природа обессилена, единственной альтернативой, теряющей витальные силы жизни, становится смерть – исполненность личной судьбы как условие жизни» [2, с. 110]. В «Прощании с Матёрой» старухи оставлены в момент перехода, туман, поглотивший остров, – символ неведомого, граница между реальным и ирреальным. Иван Петрович в «Пожаре» переживает близкое состояние, выход героя в бескрайнее белое поле означает смерть, однако повествование не свидетельствует о завершенности данного акта.

В рассказе «В ту же землю» переход явлен не через восприятие «посвящаемого», умирающего, но глазами оставшегося, не способного постичь тайну, однако вовлеченного в действие. Основной конфликт рассказа заключается в сознательном нарушении обряда похорон, как христианского, так и языческого. Одна из причин отступления от ритуала – смерть в городе, месте чуждом, профанном. Город противопоставлен деревне и в своем отношении к таинству смерти: не прописанная в квартире дочери Аксины Егоровна «не имела права умирать» [15, с. 244]. В деревне же, напротив, «снесли бы Аксиныю Егоровну

на руках, положили просторно среди своих, деревенских, и весь обряд был бы дорогой к родителям, а не хождением по мукам» [15, с. 248]. В городе осуществляется формальная сторона обряда – ритуал, который и организует бюро услуг. Разграничение обряда и ритуала [18, с. 276 – 287] обнаруживается уже в повести «Последний срок»: старуха Анна, осознающая смерть как обряд перехода, надеется на присутствие детей при моменте перехода ради того, чтобы дать им возможность приобщения к тайне и, соответственно, обретению жизненного основания.

Отказ от выполнения внешних условностей в рассказе постулируется прямо: «Столько было хлопот, что она не знала, за что взяться, но все это могли быть хлопоты из старой обрядности, а Пашута шла мимо, не заботясь о ней, поэтому можно было, казалось, ничего не делать» [15, с. 274]. Героиню пугает не смерть матери, а необходимость исполнить похоронный ритуал. Она растеряна, цепенеет, но выполняет все действия «словно в назначенную минуту» [15, с. 238]. Омовение – ритуал, который призван лишить умершего «последних признаков принадлежности живым» [1, с. 109]. Обмывает мать Пашута сама – это нарушение языческого славянского ритуала, в соответствии с которым, обмывать мертвого родственники не могли, тем более – дочь. Однако в православном обряде омовение тела близкими не возбраняется, даже является более частым. В тексте говорится: «Нет, никому она мать не отдаст, вымоет сама. Хотя это вроде не полагается – самой. Бог простит. Богу, похоже, придется прощать ей многое» [15, с. 249]. Упование на прощение Бога повторяется рефреном, Бог же предстанет вершителем справедливости: «У могилы матери, когда встанет она перед могилой (а так далеко еще до этого и так ненадежно!), когда взглянется Судия недремный, что же такое там бесславное происходит и кто это затеял, она не станет прятаться» [15, с. 266].

В квартире остается и незанавешенное зеркало – примета языческая, однако сочетающаяся с православным обрядом, соответственно, нарушаются оба закона. Зеркало принято закрывать, чтобы покойник «не увел» за собой живых – обычай означает замыкание смерти. Несоблюдение обряда подчеркивается на протяжении всего повествования. Погребальная одежда старухи – темная, что соответствует славянской традиции хоронить пожилых в темном, но противоречит христианской, где всех хоронят в светлом, что должно символически дублировать крестильные одежды. Вопрос, крещена ли старенькая бабушка, задает юная Татьяна. Внучка и покупает по бабушкиной просьбе икону Богородицы, которую положат старухе в гроб, что полностью соответствует православному обычаю вкладывать в руки усопших мужчин – икону Спасителя, женщин – Богородицы.

Возвращение души умершего в «дом родной», т. е. в Царствие небесное, вполне соответствует христианскому дискурсу, однако тут же возникает иной образ: «В квартире стоял запах – еще не тления, но горя. В жилых стенах пахло запустением и горечью, в них поселилось бестелесное существо, приходящее в тяжелые дни, чтобы справить какой-то свой ритуал. Пашута принюхивалась, пахло как от овчины, из которой не вынашивается дыхание жизни, ее породившей» [15, с. 264]. «Бестелесное существо» – аналог

«двойняшки», появляющейся в «Последнем сроке», однако в рассказе существо является проводником для живых, оно приходит в мир реальный со своим обрядом. Запах овчины, с одной стороны, свидетельство искупительной жертвы, с другой – овчина – предельно материальный предмет, своеобразное свидетельство физического в смерти.

Традиционно изготовление гроба уподобляется строительству дома, не случайна лексическая связь «дом – домовина», которая будет усилена в рассказе «Изба», героиня которого видит сон о погребении в собственной избе. Гроб описывается через прием острашения – «длинный прямой предмет, обернутый в мешковину», что свидетельствует о его сакральности. Это подтверждается и описанием домовины, чья архитектура напоминает храм. Гроб сделан «из свежей золотисто-янтарной сосновой доски <...> С незапамятных времен называют эту обитель человеческой бренности домовиной» [15, с. 275]. Солярная символика в текстах писателя указывает на праведность умершей, связывает смерть с праздником. Мотив света акцентирован в образе самой «старенькой бабушки», но видит исходящее от усопшей свечение только внучка: «Старенькая бабушка лежала лицом к ней, и так много за полминуты сказало ей это лицо в раме гроба, успокоенное, освещенное нездешним светом, обращенное к ней одной, что чувствительная душа девочки опалилась. Не бездыханно лежала Аксиныя Егоровна перед Танькой, а стояла, как и она, в раме выходной двери, обернувшись всем телом для прощания» [15, с. 277]. Состояние перехода в прозе автора связывается с мистическим светом, свидетельствующим метафизическое.

Пашута собирается сама рыть могилу, что является нарушением обряда: действие должны совершать мужчины. Похороны проходят не на третий день, а на второй, тем самым, происходит отказ от веры в воскресение/бессмертие души, поскольку похороны на третий день обозначают символический повтор смерти Христа и его воскресения. По верованиям христиан именно на третий день душа возносится к Богу [23]. Отказ от обычаев трактуется как своеволие, за которое придется отвечать: «все тут поперек обычаев, за все отвечать придется» [15, с. 263]. Несмотря на свободу воли человека, провозглашаемую христианством, свобода находится в рамках системы ценностных ориентиров – «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Но главным отступлением от обычая становится решение хоронить мать «наособицу», минуя кладбище. Друг Пашуты – Стас потрясен её намерением: «Это же не похороны, Пашута. Это же – зарыть!..» [15, с. 262].

Как в христианстве, так и в славянских обычаях существуют довольно четкие правила, предписывающие захоронения в определенных местах или запрещающие хоронить в ограде. Запрет на погребение в «чистом», сакральном месте может быть связан с маргинальностью умершего: самоубийцы, иноверцы, некрещенные. Кладбищу семантически противостоят перекрестки, поля, болота, стоячие воды. О. Седакова отмечает, что «в ходе погребального обряда должно стереться значение реального пространства кончины (дома, лавки в доме), и смерти должен быть отведен

«освященный», обрядово закрепленный участок земли. Там вместе с телом погребается и замыкается сама смерть. Если же реальное место кончины не снимается ритуальным, присутствие смерти или воплощающей ее нечисти консервируется, создается “нечистое”, “урочное”, “выморочное место”» [17, с. 75]. Таким образом, похороны вне пределов кладбища означают незамкнутость смерти. Исследовательница также пишет о временных рамках нечистых мест: спустя какое-то время (после Великого четверга, например) и после свершения апостериорного обряда они могут стать законными.

В рассказе Аксиныю Егоровну хоронят «наособицу» не из-за её «нечистости», но из-за греховности самого мира прогресса, где попораны все нравственные, этические нормы. Помимо бытовых трудностей – отсутствие денег и городской прописки, подчеркивается унижающая формальность ритуалов, совершаемых над умершим в государственном учреждении. По сути, узаконенный ритуал предстает надругательством над телом: «окаменевшего и униженного в смерти последним, самым жестоким унижением, окатят из шланга водой, воткнут в принесенную одежду; по этому свидетельству на фабрике ритуальных услуг подберут гроб, украсят его по одному из пунктов ассортимента и подадут под тело; по этому же свидетельству на кладбище выроют могилу в такой тесноте мертвых, что на похоронах натопчешься всласть на соседях...» [15, с. 243].

Приняв решение самостоятельно хоронить мать, Пашута изменяется внутренне и внешне, утрачивает пассивность, но проявляет силу духа, способность на поступки ответственность за него. Героиня предстает отчасти как хтонический персонаж, создающий новый обряд, продолжающий род (хотя кровное родство утрачивает прежнюю значимость, духовное единство обретает сокровенные смыслы). Совершая похоронный цикл, Пашута становится каким-то «неловким и бездушным обряжающим существом, взявшимся не за свое дело» [15, с. 254]. Этот образ коррелирует с тем «бестелесым существом», что пришло вместе с горем, чтобы «справить свой ритуал». По сути, героиня становится посредником меж миром живых и ушедших, неслучайно всё получается само собой: «надо было торопиться, и не торопилось, движения сдерживались сами, отмеряя положенный ритм» [15, с. 276].

Пашута ощущает, что ей нужно присутствовать при «творении» могилы, выполнить своеобразную миссию, связанную с идеей *строительной жертвы*: «надо было мокнуть и мерзнуть, но быть рядом с этой все углубляющейся прямоугольной ямой» [15, с. 273]. Подобный сюжет развернут и усилен в рассказе «Изба». В языческом дискурсе создание мира всегда сопряжено с жертвоприношением: «бесчисленные формы жертвоприношений <...> имитация <...> первого жертвоприношения, давшего рождение Миру» [22]. Работа Агафьи – и жертвоприношение, и инициация: «Лихорадочная, запойная работа Агафьи по строительству усадьбы граничит с самоубийством, но именно смерть обещает прозрение. <...> Обратный путь героини лежит не к очагу, напротив, знаменует преодоление эмпирического, изба возносится изнутри, волей души и потому неподвластна времени» [6, с. 23]. Па-

шута так же должна принести жертву, но начинается не дом, кладбище как сокровенное место, где возможно откровение метафизического [21, с. 162 – 173]. Отказавшись от старой обрядности, создавая новый ритуал, она придерживается и некоторых ориентиров: в гроб куплена красная обивка, могила развернута правильно, попытаются собрать поминальный стол, сварить кисель.

Содержательная ориентация на устоявшиеся, освоенные временем обычаи, но отказ от формального, предписанного ритуала и составляют *новый обряд*: «Герои В. Распутина творят обряд непреклонно и интуитивно, повинувшись бессознательно, которое входит в резонанс с некоей высшей волей» [9, с. 79]. Слом прежних устоев не только сознательный – вынужденный: гроб возвращается с половины пути, хоронить едут ночью и не на кладбище, на пустое место... Кроме того, после похорон землю окутает снег, что символически связано с Покровом, символизирующим прощение и защиту. Место для могилы выбрано особое: «Вокруг стояли сосны, а с темной, с северной стороны высоко и могуче вздымались из одного корневища, расходясь, как сиамские близнецы, на высоте человеческого роста две лиственницы. Других таких во всем лесу быть не могло. Будут стоять как сторожа над материнской могилой» [15, с. 271]. Две лиственницы из одного корня – раздвоение древа жизни и самой жизни.

В рассказе «Изба» промежуточный обряд предельно свернут, однако является значимым элементом. О смерти хозяйки деревню оповещает сама изба, смерть наступает под Покров, что можно рассматривать как метафору – покров-саван-снег. Крест над могилой – лиственничный, что опять-таки вводит семантику инобытия. Листвен, отчасти символизирующий крест, появляется в «Прощании с Матёрой», в «Избе» он возникает над могилой Агафьи, совмещая христианский и языческий дискурсы. Фактически, воедино оказываются слиты Древо Жизни и Крест.

Интересно, что в обоих рассказах обряд приобщения умерших к миру мертвых как часть промежуточного обряда сопровождается трансформацией или рождением инопостранства. Могила творится Пашутой для матери и выступает зачином необычного кладбища, само творение разворачивается в новый обряд, хотя и ориентированный на некоторые элементы традиции. Агафья умирает одиноко, включение её в мир мертвых происходит без участия близких. Усилия живых по проводам умершего символически дублирует обряд включения покойника в мир потустороннего: «В период траура живые и умерший составляют особое сообщество, которое находится между миром живых, с одной стороны, и миром мертвых – с другой» [5, с. 135]. Живые так же находятся в промежуточном состоянии. Агафью, по сути, сопровождает в мир мертвых изба, неслучайно героине снится сон о похоронах в избе, последняя и оповещает деревенских о смерти старухи (фактически выполняя функцию родственника).

Таким образом, участвуя в обряде, изба помещается на границу миров, существует вне реального хронотопа. Здесь действует собственное время: в поселке весна наступает по календарю, а в Агафьином дворе – после открытия окон-глаз. Возвращение к жизни связывается с символическим возвращением хозяйки в образе домового. Именно с функциями до-

мового – охранителя своего пространства, связаны сокровенные герои писателя: Богодул (Богов раб, Богов посох), дед Егор («Прощание с Матерой»), Иван Петрович Егоров («Пожар»). В избе Агафьи стоит запах «древний, словно бы и не человеческий», изба сама себя чинит, тушит начавшийся в ней пожар (антитеза к сюжету повести «Пожар»), непрощенные жильцы, найденные после случившегося, «лежали кулями, вытянуто, будто кто волочил их» [15, с. 397]. В описании усадьбы подчеркивается постоянное присутствие хозяйки: «изба прибрана, догляд за ней есть» [15, с. 398]. Однако заключительная часть погребального обряда – возвращение живых в мир и снятие траура – невозможна для избы. Она – воплощение переходного пространства, гетеротопии, отвергающей витальность. Неслучайно каждый последующий жилец оказывается на грани жизни и смерти.

Первые квартиранты отделяются болезнями, Стеша «не может спать», что демонстрирует исключительность нахождения в пограничном пространстве. Следующих жильцов, Катю и Ваню, находят «едва живыми» после пожара, затухшего самого по себе. Описание избы, существующей по собственным законам, итожит рассказ – в начале текста дается взгляд извне, в конце – изнутри сакрального пространства. На переходность характера постройки указывает и то, что изба собрана из сосновых бревен (сосна олицетворяет «древо жизни», есть символ бессмертия): «старухи, усаживались на низкую и неохватную, вросшую в землю чурку и сразу оказывались в другом мире» [15, с. 357]. О. Седакова отмечает, что «онный свет» может быть расположен «в пространстве избы: в печи, в печной трубе и др. Для обрядовых действий актуально (независимо от дальнейшего распределения пространств жизни и смерти) создание в новом пространстве дома для умершего» [17, с. 56]. И топоним двора является «переходным»: здесь могут находиться живые, но только старухи: ребяташки в Агафьином дворе не табунились». Зайти во двор означает проведать Агафью: «Ко всем остальным из отстрадавшего на земле деревенского народа следовало идти на кладбище <...> а к старухе Агафье в те же ворота, что и при жизни» [15, с. 357].

В конце рассказа меняется точка зрения автора: нарратор описывает мир изнутри инопостранства. Своеобразным «древом жизни» выступает сам дом героини, ставший духовным пристанищем в инобытии, некоей точкой встречи для праведных и грешных, своих и чужих. У славян общераспространенным является поверье, что «в *новом доме* кто-то должен умереть, при этом первый покойник становится духом дома, *дедушкой* домовым» [17, с. 74]. Агафья, построившая дом, является и первым покойником, перерождаясь в хранителя сокровенного пространства.

Таким образом, *промежуточный обряд* в поздней прозе В. Распутина неизменно связан с такими атрибутами, как древо жизни и/или крест, снег-покров, сопровождается или предупреждается *обрядом творения*. Интересно, что именно в обрядах перехода воплощен поиск нового основания, устоя, дающего возможность выживания и возрождения. Приобщаясь к миру мертвых, сопровождая умершего, живые и сами открывают жизнеспособное пространство и/или ритуал.

Обряд включения

В качестве обрядов включения традиционно выделяют *поминальные трапезы* непосредственно после похорон и все *последующие поминания*: «Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным» [5, с. 150]. Исследовательница обрядов сибирского шаманизма Е. Новик поминки относит к траурным мероприятиям, обрядам промежуточным: «на близких родственников накладываются траурные табу, в определенные сроки совершаются новые серии обрядовых действий, именуемых обычно “поминками”» [8, с. 177]. Можно предположить, что поминки хотя и относятся к обрядам включения, но замыкают промежуточный обряд, адресованы одновременно живым и умершим.

Рассказ «Поминный день» практически посвящен обряду включения, действие происходит на поминках, причем на «вторичных», спустя год. По классификации функций обрядов, приведенной О. Седаковой, можно определить, что в поминках доминирует вторая функция – «восстановление, укрепление границы жизни/смерть. Цель их – замкнуть смерть, оградить живых от ее нового вторжения» [17, с. 79]. Смерть в воде означает невозможность замкнуть её ни в границах тела (невозможно закрыть глаза), ни в границах села (нет очерченной, огражденной могилы). После поминок Сеня фактически повторяет путь Толи: повинуясь внезапному чувству, ночью, один в лодке, залитой водой, он идет по Толиному следу. И так же глохнет мотор посреди воды, герой погружается в сон. Сон есть аналог смерти, однако Сеня избегает судьбы погибшего соседа. Повтор пути, казалось бы, означает незамкнутость смерти, зовущей новых людей, но Сеня – трикстер, пограничный персонаж, для которого любая граница проницаема, что и позволяет вернуться. Однако, выживая сам, Сеня не может быть опорой другим, подвиг не входит в функции трикстера, по его следу и должен явиться богатырь, чтобы ответить на брошенный вызов; с истечением надежды трикстер попадает в трагическое положение, не менее трагическое, чем культурный герой [19, с. 5 – 27].

В самом обряде поминок никак не подчеркивается его диалоговая форма: нет обращений непосредственно к умершему, не стоит традиционная лишняя рюмка. Общение происходит между живыми, к Толе обращена только песня, пропетая для успокоения младенца, продолженная затем старшей дочерью погибшего. Роль детей в похоронных обрядах неоднозначна: они могут сближаться как со стариками, так и с молодыми. Однако в поэтике В. Распутина более традиционна пара *старик – ребенок*, «дети, как и старики, мифически сближаются с областью смерти и могут служить проводниками в загробный мир (ср. не вполне достоверные исторические сведения о принесении в жертву детей в древних славянских погребальных обрядах). С таким осмыслением детства связаны определенные обрядовые функции детей: оповещение смерти, шествие с иконой (или портретом покойного) впереди погребальной процессии» [17, с. 109]. По сути, песня становится апостериорным обрядом, превращающим нечистое место упокоения в законное, тем самым, завершая обряд включения умершего в мир мертвых. Подобную же функцию

несет снег, покрывающий могилы старух в рассказах 1990-х гг. Ольку, старшую дочку, тоже оплакивают в день поминок, ибо её отдают «на учебу в город, в бедную семью приехавшего Толиного брата» [15, с. 324]. В прозе писателя девочка, отданная в город, как правило, обречена (ср. дочь Агафьи, сама Пашута, красавица Светка в повести «Дочь Ивана, мать Ивана»). Завершая обряд включения умершего отца, девочка как проводник остается в переходном состоянии.

В рассказе «В ту же землю» обряд включения осмысливается сложнее, традиционные поминки не состоятся (мясо выкипело, «до киселя дело не дошло»), их заменяет сугубо практическое соображение: «мужиков, когда вернутся они из леса, надо накормить» [15, с. 275]. За стол приглашены те, кто участвовал в тайных похоронах, в том числе, абсолютно чужие умершей Стас и Серега, никто из знакомых о смерти не оповещен. Обряд включения для Пашуты связан с посещением храма. Вхождение во храм – попытка освятить новый обряд как сохранивший не формальные черты, но возрождающий подлинные переживания и смыслы. Истинный обряд в поэтике В. Распутина сопровождается выходом в метафизическое, вещами снами, прозрениями, интуициями, отсюда преобразование героини случается ни в церковных пределах, но при творении могилы. Соответственно, именно зачатие нового кладбища дает опору, перспективу, возможность перехода в метафизическое. Эта идея подтверждается и тем, что в следующем рассказе В. Распутина «Изба» православный обряд не упоминается, древо жизни и крест уравниваются буквально, обряд строительства дома определяет новые отношения пространств и времён. Вхождение во храм является тогда полноценным обрядом включения, но не в прежнее пространство, а в новое, приобщиться к которому возможно только после творения собственно го устоя.

Заключение

Погребальный обряд в поздних рассказах В. Распутина существенно трансформирован, что знаменует поиск автором нового основания бытия, персонажа, способного выстоять в хаотическом мире. Смерть патриархального героя осмысливается как конечная, однако уход старух одновременно есть и создание инопространства, преобразование сущего. Важно, что во всех названных рассказах *смерть незамкнута*. В «Поминном дне» это преодолевается героем-трикстером, для которого границы прозрачны, в «Избе» – творением нового пространства, где смерть – только иная форма жизни; в рассказе «В ту же землю» незамкнутость оборачивается появлением трех могил, являющих собой «новую троицу», закрепляющую смысл нового обряда. Уход традиционного героя (Толя, мастер Савелий) символизирует нежизнеспособность данного персонажа в изменившихся условиях. Патриархальный тип праведницы (Аксинья Егоровна) также нерелевантен в поздней прозе, на смену ему приходят сильные, ко всему привыкшие, мужественные *бабы-богатырки*, с которыми автор и связывает возможность исхода как выживания, физического самосохранения нации (Пашута, Агафья).

Итак, в поздних текстах В. Распутина смерть явлена как продолжение жизни, а жизнь зачастую как подготовка к переходу. Изменение бытия влечет за

собой трансформацию погребального обряда, что в свою очередь заставляет искать иную модель сущего.

Литература

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. 253 с.
2. Брюханова Ю. М. Равновесие витальных сил: антиномия жизни и смерти в творчестве В. Распутина // Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Распутина: материалы. Иркутск, 2012.
3. Вернан Ж.-П. Индия, Месопотамия, Греция: три идеологии смерти // НЛО. 1998. № 33.
4. Галимова Е. Ш. Архетипический образ реки в художественном мире В. Распутина // Время и творчество В. Распутина: История, концепт, перспективы: Междунар. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В. Распутина: материалы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012.
5. Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999. 198 с.
6. Ковтун Н. В. «Идиллический человек» на перекрестках истории: по произведениям А. Солженицына, В. Распутина, Б. Екимова, Л. Петрушевской) // Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX – XX вв.: монография / отв. ред. Н. Ковтун. М.: Флинта; Наука, 2011.
7. Ковтун Н. В. Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина // Филологический класс. 2013. № 3(33).
8. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004. 304 с.
9. Плеханова И. И. Творчество В. Распутина и философия традиционализма // Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Распутина: материалы. Иркутск, 2012.
10. Постнов О. Г. Смерть в России X – XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001. 224 с.
11. Проскурина Е. Н., Борисова А. Б. Танатология ранней прозы А. Платонова // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4.
12. Распутин В. Г. Край возле самого неба: очерки и рассказы. Иркутск, 1966. 66 с.
13. Распутин В. Г. Собрание сочинений в 4-х т. Иркутск, 2007. Т. 1. 448 с.
14. Распутин В. Г. Собрание сочинений в 4-х т. Иркутск, 2007. Т. 3. 440 с.
15. Распутин В. Г. Собрание сочинений в 4-х т. Иркутск, 2007. Т. 4. 440 с.
16. Рыбальченко Т. Л. Интуиция метафизического в прозе В. Распутина // Три века русской литературы: Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию В. Распутина: материалы. М.; Иркутск, 2007. С. 6 – 26.
17. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. 320 с.
18. Степанова В. А. Обряд и ритуал в позднем творчестве В. Распутина (на материале рассказа «В ту же землю») // Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы: монография; [Т. Е. Автухович и др.]; под ред. И. И. Плехановой. Иркутск, 2014.
19. Топоров В. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987.
20. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 321 с.
21. Хрящева Н. П. Распутин и Платонов: семантика кладбищенского хронотопа // Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Валентина Распутина: материалы. Иркутск, 2012.
22. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.
23. Энциклопедия обрядов и обычаев / сост.: Л. И. Брудная, З. М. Гуревич, О. Л. Дмитриева. СПб.: Респекс, 1996. 560 с.

Информация об авторах:

Ковтун Наталья Владимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия), nkovtun@mail.ru.

Natalia V. Kovtun – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Степанова Василина Андреевна – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия), buriyovuh@mail.ru.

Vasilina A. Stepanova – post-graduate student at the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

(Научный руководитель – Н. В. Ковтун).

Статья поступила в редколлегию 13.02.2015 г.

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ-СИНОНИМОВ (на материале научных текстов в области дерматологии и венерологии)

Е. А. Лантева

THE STRUCTURAL CHARACTERIZATION OF MEDICAL SYNONYMIC TERMS (based on the scientific articles in the field of dermatology and venereology)

E. A. Lapteva

Настоящая статья раскрывает структурные особенности терминов-синонимов в области медицины с анализом материала научных текстов, описывающих клинические проявления в дерматологии и венерологии. В данной работе исследуются медицинские термины, выраженные двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести-, семикомпонентными синонимичными рядами, имеющими в своем составе как собственно термины-синонимы, так и эпонимические термины-синонимы. Результаты исследования показали, что большинство анализируемых терминов-синонимов представлено двузначными выражениями, а также достаточное количество исследуемых лексических единиц – это трех- и четырехкомпонентные синонимичные ряды. Кроме того, больше половины рассмотренных медицинских терминов-синонимов выражено эпонимическими терминами.

The paper reveals structural features of synonymic terms in the field of medicine analyzing scientific material, describing clinical events in dermatology and venereology. In the given work medical terms are investigated as synonymic rows of two, three, four, five, six and seven components, consisting of both absolute synonymic terms and eponymic synonymous terms. The results of this investigation prove the fact that most synonymic terms under study consist of two compounds, three- and four-component lexical units also compose synonymic rows. Besides, more than a half of the represented medical terms are eponymic terms.

Ключевые слова: медицинские термины-синонимы, синонимичные ряды, равнозначные выражения, термины-эпонимы.

Keywords: medical synonymic terms, synonymic rows, equal meanings, eponymic terms.

Как и любая наука, медицина представлена бесчисленным количеством терминов. Такое терминологическое многообразие обусловлено, в первую очередь, тем, что медицина подразделяется на разные отрасли, для каждой из которых характерны определенные понятия. Так, в кардиологии присутствуют такие термины как стенокардия, сердечная астма, асистолия, кардиоцентез, кардиопатия, кардиоспазм; в гинекологии встречаются такие понятия как аднексит, аменорея, меноррагия, оофорит, сальпингит, вагинит; в стоматологии используют такие термины как стоматит, одонторрагия, одонталгия, одонтома, дентиция, адамантинома. Кроме того, многие медицинские термины представлены синонимами, а в некоторых случаях число терминов-синонимов достигает семи рядов.

Проблемой синонимии занимались и занимаются многие ученые, но и в настоящее время эта тема остается актуальной и спорной. М. В. Никитин считает, что «...проблема синонимии – одна из вечных проблем лингвистической семантики, не получающих общепринятого решения, несмотря на непрекращающиеся усилия как по теоретическому осмыслению явления, так и по практическому составлению словарей синонимов» [3].

В. Д. Черняк утверждает, «...лексическая система представляет собой сложное взаимодействие различных лексических группировок, при этом синонимические связи пронизывают лексическую систему, сопрягаясь и пересекаясь с иными видами отношений лексических единиц. Все узловые вопросы системных характеристик слов так или иначе соприкасаются с проблемами синонимии, что определяет сложность их изучения» [4].

Еще большую трудность вызывает изучение синонимии терминов. Так, С. В. Гринев-Гриневиц говорит о том, что «...научная речь предназначена для передачи информации, следовательно, стилистическая нейтральность рассматривается как признак термина. Даже незначительная разница близких по смыслу слов свидетельствует о разных терминах. Если же термины обозначают одно и то же понятие, то они, как правило, являются абсолютно эквивалентными по значению» [1].

Действительно, многие ученые считают, что терминологическая лексика должна быть выражена только точными информативными понятиями, которые абсолютно ясны узкому кругу пользователей, в данном случае специалистам в области медицины. Однако не стоит недооценивать труды ученых-врачей, сделавших огромный вклад в развитие медицины, именно поэтому многие медицинские термины приобрели эпонимические синонимы. Большинство исследуемых нами терминов-синонимов являются распространенными словосочетаниями, что объясняется постоянным развитием науки. Многие патологические состояния изучаются подробнее, применяются новейшие методы диагностики и лечения, следовательно, клинические проявления описываются точнее и полнее, поэтому появляются синонимичные ряды с более четкими определениями, отражающими суть заболевания.

В нашей статье мы рассматриваем 249 медицинских терминов в области дерматологии и венерологии, 131 из которых представлен двузначными выражениями, 76 – трехзначными, 32 – четырехзначными, 5 – пятизначными, 3 – шестизначными, 2 – семизначными.

Цель данной статьи – определить структурные особенности медицинских терминов-синонимов на материале научных текстов в области дерматологии и венерологии.

При исследовании терминов-синонимов на материале научных текстов в области дерматологии и венерологии мы выделяем большое количество терминов, имеющих два равнозначных выражения. Анализ исследуемых единиц позволяет разделить их на несколько групп.

К первой группе двузначных выражений мы относим собственно термины-синонимы, обозначающие клинические проявления. Приведем данные примеры: *аингум* – *дактилолизис спонтанный*, *акантоз нигранс* – *дистрофия кожи пигментно-сосочковая*, *акриаиз* – *акародерматит*, *акропатия язвенно-мультилирующая* – *акропатия псевдосирингомиелитическая*, *ангиит кожи* – *васкулит кожи*, *анетодермия* – *атрофия кожи пятнистая*, *анонихия* – *аплазия ногтей врожденная*, *бромидроз* – *осмидроз*, *везикулит* – *сперматоцистит*, *везикулопустулез* – *остиипорит стафилококковый*, *гемосидероз* – *дерматоз пигментный геморрагический*, *герпес простой* – *лишай простой пузырьковый*, *гиперпигментация* – *гиперхромия*, *каротинодермия* – *аурантиаз*, *дерматоз параонкологический* – *дерматоз паранеопластический*, *дерматофиброма* – *гистиоцитомы*, *десквамация новорожденных ламеллярная* – *коллоидальный плод*, *кератодермия* – *кератоз ладонно-подошвенный*, *кератоз волосной атрофический лица* – *эритема рубцующаяся надбровная*, *атрофодермия червеобразная* – *фолликулит ульэритематозный сетчатый*, *кератоз солнечный* – *кератоз актинический*, *кератома фолликулярная* – *порома фолликулярная*, *красная волчанка* – *эритематоз*, *ксантелазма* – *ксантома век простая*, *лейкоплакия мягкая* – *невус зубчатый белый*, *лентигиноз врожденный системный* – *синдром леопарда*, *гибернома* – *липома зернистоклеточная*, *липоматоз семейный* – *липоматоз врожденный диффузный*, *лихенификация* – *лихенизация*, *лишай волосной* – *кератоз волосной*, *лишай разноцветный* – *лишай отрубевидный*, *поверхностно распространяющаяся меланома* – *меланома педжетоидная*, *акральная-лентигинозная форма меланомы* – *меланома ладонно-подошвенная*, *монилетрикс* – *аплазия волос веретенообразная*, *невус сальных желез* – *невус аденоматозный*, *невус сложный* – *невус дермоэпидермальный*, *онихомадезис* – *онихоптоз*, *онихофагия* – *онихия нейрогенная*, *оспа световая* – *герпес вакциноформный*, *остеома кожи* – *остеоз кожный*, *паронихия* – *перионихия*, *пемфигоид* – *пузырчатка неакантолитическая*, *пойкилодермия* – *пестрая кожа*, *протопорфирия эритропоэтическая* – *протопорфирия эритрогенная*, *порфирия вариегатная* – *протокопропорфирия*, *порфирия кожная поздняя* – *урокопропорфирия*, *пчесуха* – *пруриго*, *прижогои* – «птичьи глазки», *псевдолейкодерма* – *лейкодерма ложная*, *псориаз* – *лишай чешуйчатый*, *пузырчатка* – *пузырчатка истинная*, *пузырчатка эпидемическая новорожденных* – *пемфигоид пиококковый*, *сикоз вульгарный* – *сикоз стафилококковый*, *трихомониаз* – *трихомоноз*, *трихонтилоз* – *трихошизис*, *трихотилломания* – *трихокриптомания*, *трихоэпителиома* – *эпителиома аденоидная кистозная*, *тромбидиоз* – *зуд*

косарей, *туберкулез кожи колликвативный* – *скрофулодерма*, *угри масляные* – *фолликулиты масляные*, *угри новорожденных* – *угри эстрогенные*, *угри обыкновенные* – *угри юношеские*, *узелки доильниц* – *оспа коровья ложная*, *фавус* – *парша*, *эпителиома педжетоидная* – *базалиома саморубирующаяся*, *язва тропическая* – *язва джунглевая*.

В медицине особенно явно прослеживается связь науки и человека, так как любое клиническое проявление устанавливается, наблюдается и описывается ученым-врачом. Таким образом, каждый патологический процесс непосредственно связан с его исследователем. Поэтому во второй группе двузначных выражений мы рассматриваем термины-синонимы, в которых один из компонентов выражен эпонимическим термином. Проиллюстрируем данное явление: *Айриса болезнь* – *актинический хейлит*, *акродерматит папулезный детей* – *Джанотти-Крости синдром*, *ангиит сверхчувствительности Зика* – *ангиит гиперсенситивный*, *баланит ограниченный плазмоцеллюлярный Зоона* – *баланит псевдоэритропластический*, *бластомикоз Гилкрита* – *бластомикоз североамериканский*, *боррелиоз* – *Лайма болезнь*, *Бушке-Оллендорфф синдром* – *дерматофиброз лентикулярный диссеминированный*, *генодерматоз склероатрофический кератодермический* – *Хариеца синдром*, *Гиппеля-Линдау болезнь* – *ангиоматоз цереброспинальный*, *гипоплазия кожи фокальная* – *Гольца синдром*, *гранулематоз хронический прогрессирующий дискообразный Мишера-Ледера* – *гранулематоз туберкулоидный псевдосклеродермиформный симметричный*, *Деркума болезнь* – *липоматоз болезненный*, *дерматоз субкорнеальный пустулезный Снеддона-Уилкинсона* – *пустулез субкорнеальный*, *дискератоз врожденный* – *Цинссера-Коула-Энгмена синдром*, *дисплазия эктодермальная ангидротическая* – *Криста-Сименса синдром*, *дисплазия эктодермальная гидротическая* – *Клаустона синдром*, *импетиго герпетическое Гебры-Капоши* – *импетиго беременных*, *индурация полового члена* – *Пейрони болезнь*, *ихтиоз односторонний* – *эритродермия ихтиозиформная односторонняя Россмана*, *Казабаха-Меррита синдром* – *гемангиомогеморрагический синдром*, *Кауден синдром* – *синдром множественной гамартомы и неоплазии*, *Кенена опухоль* – *фиброма околоногтевая*, *кератодермия Унны-Тоста* – *кератома врожденная ладонно-подошвенная*, *кератодермия Меледа* – *кератоз наследственный трансградиентный*, *кератодермия климактерическая* – *Хакстаусена синдром*, *кератоз волосной декальвирующий Сименса* – *кератоз фолликулярный шиповидный подрывающий*, *Санктиса-Какионе синдром* – *идиотия ксеродермическая*, *кожа гиперэластическая* – *Чернозубова-Элерса-Данлоса синдром*, *лентигиноз центральнолицевой дизрафический* – *лентигиноз срединнолицевой Турена*, *липоматоз симметричный доброкачественный* – *болезнь Маделунга*, *меланоз Рилы* – *меланодермия токсическая*, *миелобластома Абрикосова* – *миелобластома гранулярно-клеточная*, *невус голубой* – *невус синий Ядассона-Тиче*, *Асбо-Хансена синдром* – *дерматит пигментный кератогенный буллезный*, *Олмстеда синдром* – *кератоз врожденный ладонно-подошвенный и периоральный*, *папулез злокаче-*

ственный атрофический Дегоса – летальный кожно-кишечный синдром, патомимия – Мюнхгаузена болезнь, поликератоз Турена – кератоз многоформный, прогерия взрослых – Вернера синдром, псевдосифилис папулезный – псевдосифилис папулезный Липшютца, пузырчатка эритематозная – Сенира-Ашера синдром, риноспоририоз – Шибера болезнь, Ротмунда-Томсона синдром – пойкилодермия врожденная, саркоидоз – Бенье-Бека-Шауманна болезнь, споротрихоз – Шенка болезнь, Стерджа-Вебера-Краббе синдром – ангиоматоз энцефалотригеминальный, Сульцбергер-Гарбе болезнь – дерматоз хронический экссудативный дискоидный и лихеноидный, трофедема Нонне-Мильроя-Мейжа – лимфедема наследственная, туберозный склероз – Прингла-Бурневилля болезнь, узловатости околосуставные Жансельма-Лютца – гоммы фиброзные, эластоидоз кожи узелковый с кистами и комедонами – Фавра-Ракушо болезнь, эпидермодисплазия верруциформная Левандовского-Лютца – бородавчатая дисплазия эпидермиса, эпителиома некротизирующаяся обызвествленная Малерба – пилломатриксомы, эритродермия Вильсона-Брока – дерматит эксфолиативный подострый генерализованный, Ядассона-Левандовского синдром – пахионихия врожденная.

В третьей группе двузначных выражений мы приводим примеры эпонимических терминов-синонимов в области дерматологии и венерологии: Бехчета болезнь – афтоз большой Турена, Дарье болезнь – дискератоз фолликулярный Дарье, кератодермия Папийона-Лефевра – Папийона-Лефевра синдром, кератодермия диссеминированная Бушке-Фишера-Брауэра – кератоз точечный рассеянный Бушке-Фишера, кератодермия очаговая Сименса – Сименса синдром, кератоз лентикулярный стойкий Флегеля – Флегеля болезнь, кератоз фолликулярный и парафолликулярный Кирле – Кирле болезнь, лишай красный отрубевидный волосной Девержи – Девержи болезнь, недержание пигмента ахромичное Ито – гипомеланоз Ито, саркома множественная идиопатическая геморрагическая Капоши – саркома Капоши, эритродермия десквамативная Лейнера-Муссу – Лейнера болезнь.

На следующем этапе нашего исследования мы классифицируем трехсоставные синонимические ряды медицинских терминов в области дерматологии и венерологии. Первая группа трехзначных выражений представлена собственно терминами-синонимами: акроцианоз стойкий симметричный – акроцианоз эссенциальный – акроцианоз идиопатический, арахнейдизм – арахнидизм – арахноизм кожный, аргирия кожи – аргироз – аргириазис, беджель – сифилис арабский – сифилис эндемичный, фелиноз – лимфаденит доброкачественный вирусный – лимфоретикулез доброкачественный, гемангиома – ангиома – невус сосудистый, гранулема пиогенная – ботриомикома – гранулема телеангиэктатическая, дерматомиозит тропический – пиомиозит тропический – флебит тропический первичный, ихтиоз – кератома диффузная – сауриаз, ихтиоз эпидермолитический – гиперкератоз эпидермолитический – эритродермия ихтиозиформная буллезная, кандидоз – кандидамикоз – молишиаз, кандидоз полости рта – стоматит кандидоз-

ный – молочница, кератоз себорейный – кератома себорейная – бородавка старческая, кератома старческая – кератоз старческий – кератопапиллома старческая, киста жировая множественная – стеатоцистомы множественная – пилосебоцистоматоз, лентиго – лентиго профузное – меланоз лентикулярный генерализованный, микоз черепицеобразный – микоз черепитчатый – токелло, мягкий шанкр – язва венерическая – шанкроид, невус интрадермальный – родимое пятно – невус неактивный, олеогранулема – гранулема липоидная – парафинома, панникулит волчаночный – красная волчанка глубокая – люпус-панникулит, пиодермия – пиодермит – гнойничковая болезнь кожи, порфирия перемежающаяся острая – пирролопорфирия – порфирия шведская, почесуха детская – строфулюс – крапивница детская, почесуха узловатая – крапивница папулезная стойкая – нейродермит узловатый, псаммома кожи – менингиома кожная – эпителиома псаммозная, рак кожи метатипический – базалиома базосквамозная – метатипический тип базалиомы, ринофима – красный нос – шишковидный нос, трихоклазия узловатая – трихорексис узловатый – расщепление волос, фикомироз – мукороз – мукоромикоз, цефалоспориоз – акромониаз – акроасталагмоз, эритема токсическая новорожденных – эритема новорожденных аллергическая – уртикарии новорожденных, эритроцианоз кожи симметричный – эритема индуриативная гипостатическая – эритема персистирующая эритро мелангическая.

Во второй группе трехкомпонентных синонимических рядов мы выделяем понятия, имеющие в своем составе один термин-эпоним. Приведем показательные примеры: Абта-Леттерера-Сиве болезнь – ретикулоэпителиоз – липогранулематоз, акропатия язвенно-мультилирующая наследственная семейная – нейропатия сенсорная радикулярная наследственная – синдром Тевенара, ангиоматоз геморрагический наследственный – Рандю-Ослера болезнь – телеангиэктазия наследственная геморрагическая, ангиохондроматоз врожденный – Маффуччи синдром – дисхондроплазия с кавернозной ангиомой, Андогского синдром – катаракта дерматогенная – катаракта атоническая, гломусная опухоль – ангионевромиома – Барре-Массона опухоль, Горлина-Гольца синдром – синдром невоидной клеточной эпителиомы – факоматоз пятый, гранулематоз Вегенера – гранулема центрофациальная – гранулема гангренизирующая, дерматомиозит – дерматополимиозит – Вагнера-Унтеррихта-Хеппа болезнь, Клиппеля-Треноне синдром – невус варикозный остеогипертрофический – дизэмбриопатия сосудисто-костная, Лайелла синдром – некролиз эпидермальный острый – некроз эпидермальный токсический, муциноз эритематозный ретикулярный – Рема синдром – муциноз кожный бляшкоподобный, муциноз фолликулярный – мукофаканероз Браун-Фалько – алопеция муцинозная, невус веретенчатый – невус Шпитца – меланома ювенильная, панникулит спонтанный Вебера-Крисчена – панникулит узловатый ненагнаивающийся лихорадящий рецидивный – панникулит идиопатический, пахидермопериостоз первичный – Турена-Соланта-Голе синдром – остеодермопатия, уропорфирия эри-

тропоэтическая – порфирия эритропоэтическая врожденная – Гюнтера болезнь, гиперплазия ангиолимфоидная с эозинофилией – болезнь Кимуры – лимфофолликулез кожи эозинофильный, псевдоксантома эластическая – Гренблад-Страндберга синдром – эласторекус систематизированный, Рихнера-Ханхарта синдром – тирозинемия II типа – тирозинос окулокутаный, трихонокардиоз подмышечный – трихомикоз подмышечный – трихомикоз узловатый Паттерсона, фолликулит эпилирующий – фолликулит декальвирующий – Кенко болезнь, Хенда-Шюллера-Крисчена болезнь – гранулематоз липоидный – гистиоцитоз хронический системный прогрессирующий, цилиндрома – тюрбанная опухоль – Шпинглера опухоль, эризипелоид – эризипелоид Розенбаха – рожа свиная, эритема ладоней и подошв наследственная – Лейна болезнь – акроэритема симметричная невисформная.

В третьей группе трехзначных выражений рассматриваются медицинские термины-синонимы, в которых два компонента представлены эпонимическими терминами. Проиллюстрируем данное явление: акродерматит атрофический хронический – атрофия кожи идиопатическая прогрессирующая Поспелова – эритромелия Пика, акродерматит энтеропатический – Данбольта-Клосса синдром – Брандта синдром, бластомикоз келоидный Лобо – гленоспороз амазонский – Лобо болезнь, Дюбуа симптом – Дюбуа-Гиссара симптом – инфантильный мизинец, ихтиоз линейный огибающий – Нетертона синдром – Комеля-Нетертона синдром, Квинке отек – отек ограниченный острый Квинке – крапивница гигантская, кожа ромбовидная – кожа шеи гипертрофическая ромбовидная Никольского – кожа затылка ромбовидная Ядассона, лентигиноз периферический – Турена полипозное лентигино – Пейтца-Турена-Еггера синдром, невус Ота – меланоз глазокожный – факоматоз Ота-Сато, недержание пигмента – меланобластоз Блоха-Сильбербергера – Блоха-Сильбербергера синдром, дерматоз пигментный сетчатый – Франческетти-Ядассона синдром – дерматоз ретикулярный пигментный Негели, псевдосаркома Капоши – болезнь псевдо-Капоши – акроангиодерматит, пузырьчатка хроническая доброкачественная семейная Хейли-Хейли – Гужеро-Хейли-Хейли болезнь – дискератоз буллезный наследственный, Шегрена болезнь – Гужеро-Шегрена синдром – сухой синдром, эластоз перфорирующий серпигиозный – кератоз фолликулярный серпигиозный Лютца – эластома интрапапиллярная перфорирующая верруциформная Мишера.

При анализе трехсоставных синонимичных рядов мы выявляем лишь два примера синонимов, выраженных эпонимическими терминами. Рассмотрим выражения, составляющие четвертую группу трехкомпонентных терминов-синонимов: акроэритроз Бехтерева – эритроз Бехтерева – акроангионевроз Штельцнера врожденный, эритрокератодермия сливная отечная Гужеро-Карто – папилломатоз папулезный сливной сетчатый Гужеро-Карто – эритрокератодермия папиллярная сетчатая Мишера.

Дальнейший этап нашего изучения позволяет выделить четырехкомпонентные синонимичные ряды медицинских терминов в области дерматологии и венерологии. В первой группе следует отметить собст-

венно термины-синонимы, такие как гарднереллез – вагиноз бактериальный – вагинит неспецифический – вагиноз анаэробный, гранулема паховая – донованоз – гранулема венерическая – пятая венерическая болезнь, дерматит периоральный – дерматит лица стероидный – болезнь стюардесс – розацеа периоральная, дерматит шистосомный – дерматит церкариевый – зуд купальщиков – чесотка водяная, кладоспороз эпидермальный – лихен черный – лишай черный тропический – микроспороз черный, кондилома остроконечная – бородавки генитальные – бородавки остроконечные – папилломы вирусные, лихен тропический – лихен плоский тропический – дерматит лихеноидный аттебринов – лишай плоский актинический, нокардиоз – актиниомикоз атипичный – клadoтрихоз – стрептотрихоз, опрелость – дерматит интертригинозный – эритема интертригинозная – интертриго, пузырьчатка бразильская – лихорадка дикая – дикий огонь – пожар джунглей, рак кожи плоскоклеточный – рак спинночелюлярный – эпителиома плоскоклеточная – спиналиома, спру – афты злокачественные – афты тропические – диарея белая, трихоспория узловатая – пьедра – трихоспороз тропический – трихомикоз узловатый, фитодерматит – дерматит лесной – дерматит луговой – дерматит джунглевый.

Ко второй группе четырехзначных выражений относятся медицинские термины-синонимы, в которых один из компонентов представлен эпонимическим термином. Репрезентируем данное явление: атопический дерматит – атопическая экзема – конституциональная экзема – пруриго Бенье, Гровера болезнь – дерматоз папулезный акантолитический доброкачественный – дерматоз транзитный акантолитический – папуловезикулярный дерматоз, кератоакантома – моллюск сальный – моллюск роговой – веррукома эпителиоподобная Гужеро, криптококкоз – бластомикоз европейский – бластомикоз Буссе-Бушке – торуллез, лейшманиоз кожный – язва ашхабадская – язва пендинская – Боровского болезнь, лихен склероатрофический – склеродермия каплевидная – болезнь белых пятен – лишай белый Цумбуша, лихен микседематозный – муциноз папулезный – склеромикседема Арндта-Готтмана – микседема папулезная лихеноидная, невус Сеттона – галоневус – невус okayмленный – лейкодерма центробежная приобретенная, некробиоз липоидный – некробиоз липоидный диабетический – дислипидоз кожный – Оппенгейма-Урбаха болезнь, прогерия детская – Гетчинсона-Гилфорда синдром – геродермия детская – геродермия генитодистрофическая, протеиноз липоидный – Урбаха-Вите болезнь – гиалиноз кожи и слизистых оболочек – липогликопротеиноз, пузырьчатка тропическая контактная – пиоз Мансона – импетиго тропическое буллезное – оспа обезьян, пурпура геморрагическая тромбоцитопеническая – идиопатическая тромбоцитопеническая пурпура – аутоиммунная тромбоцитопеническая пурпура – Верльгофа болезнь.

В третьей группе рассматриваются четырехкомпонентные синонимичные ряды, имеющие в своем составе два термина-эпонима. Приведем несколько примеров: гистоплазмоз – Дарлинга болезнь – цитоплазмоз Дарлинга – цитомикоз ретикулоэндотели-

альный, *Фогта-Коянаги синдром* – *нейродерматоувеит* – *увеокутанный синдром* – *Харада болезнь*.

Четвертую группу составляют четырехзначные термины-синонимы, выраженные тремя эпонимическими компонентами. Подтвердим данное явление примерами: *герпетиформный дерматит Дюринга* – *пузырчатка пруригинозная Капоши* – *дерматит полиморфный болезненный Брока* – *пемфигус кольцевидный*, *Гужеро-Дюперра трехсимптомный синдром* – *Гужеро-Дюперра трехсимптомная болезнь* – *аллергиды кожные нодулярные Гужеро* – *ангиит дермальный полиморфный*, *эритромегалгия* – *Митчелла болезнь* – *отек кожи ограниченный болезненный Поспелова* – *паралич конечностей вазомоторный Ланнуа*.

Последним этапом настоящего исследования является анализ многозначных синонимичных рядов, состоящих из пяти, шести и семи компонентов. При анализе пятизначных выражений мы выделяем собственно термины-синонимы: *витилиго* – *песь* – *лейкопатия* – *лейкодерма приобретенная* – *пегая кожа*, *кожа растянутая* – *кожа вялая* – *дерматомегалия* – *халазодермия* – *эластоз генерализованный*; синонимичные термины с одним эпонимическим компонентом: *лимфогранулема венерическая* – *лимфогранулема паховая* – *Никола-Фавра болезнь* – *лимфогранулематоз венерический* – *четвертая венерическая болезнь*; синонимичные термины с двумя эпонимическими компонентами: *Фабри болезнь* – *ангиокератома диффузная туловища Фабри* – *липоидоз дистопический наследственный* – *гликосфинголипидоз* – *церамидтригексозидоз*; а также синонимичные термины, включающие четыре компонента терминов-эпонимов: *эпидермолиз буллезный* – *пузырчатка наследственная Брока* – *кератолиз буллезный наследственный Терка* – *Кебнера болезнь* – *Гольдшейдера болезнь*.

Среди шестикомпонентных синонимичных рядов мы отмечаем собственно термины-синонимы: *синдром псевдолимфомы* – *гиперплазия ретикулярная* –

ретикулез реактивный – *ретикулоид* – *эритродермия псевдолимфоматозная* – *псевдолимфома*; синонимичные термины с одним эпонимическим компонентом: *паракокцидиоидоз* – *бластомикоз южноамериканский* – *паракокцидиоидомикоз* – *бластомикоз бразильский* – *Лютца-Спендоре-Альмейды болезнь* – *гранулема паракокцидиоидная*, *хромомикоз* – *бластомикоз черный* – *хромобластомикоз* – *дерматит бородавчатый* – *хромофитоз* – *Педрозо болезнь*.

Семикомпонентные синонимичные ряды представлены медицинскими терминами с двумя эпонимическими терминами: *кальциноз кожи* – *кальциноз метаболический* – *липокальциногранулематоз* – *Профише болезнь* – *липоидокальциноз* – *Тейчлендера синдром* – *кальциноз идиопатический*, *лимфоплазия кожи доброкачественная* – *лимфоцитомы* – *лимфаденоз доброкачественный Бефверстедта* – *псевдолимфома* – *псевдолимфома Шпиглера-Фендта* – *лимфоретикулоцитомы* – *гиперплазия кожи лимфоидная*.

Проведенный анализ медицинских терминов-синонимов в области дерматологии и венерологии позволяет сделать следующие выводы.

1. Большая часть исследуемых синонимичных терминов представлена двузначными выражениями и составляет 53 %.

2. Значительное количество анализируемых лексических единиц – это трехсоставные термины-синонимы (31 %).

3. Достаточное число терминов-синонимов (13 %) выражено четырехкомпонентными синонимичными рядами.

4. Исследуемые клинические термины имеют пяти-, шести-, семикомпонентные синонимичные ряды.

5. Больше половины рассмотренных примеров составляют медицинские термины-синонимы, включающие один или несколько компонентов, представленных эпонимическими терминами (54 %).

Литература

1. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
2. Кожные и венерические болезни: справочник / под ред. О. Л. Иванова. М.: Медицина, 1997. 352 с.
3. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
4. Черняк В. Д. Синонимия в русском языке: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2010. 128 с.

Информация об авторе:

Лаптева Екатерина Александровна – аспирант Челябинского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Южно-Уральского государственного медицинского университета, 16.06.2005@mail.ru.

Ekaterina A. Lapteva – post-graduate student at Chelyabinsk State Pedagogical University; Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages with the course of Latin, South Ural State Medical University.

(**Научный руководитель: Гашева Людмила Петровна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

Research Advisor: Lyudmila P. Gasheva – Doctor of Philology, Full Professor, Professor at the Department of the Russian Language and Methods of Teaching the Russian Language, Chelyabinsk State Pedagogical University).

Статья поступила в редколлегию 26.03.2015 г.

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК АСПЕКТ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Г. В. Напреенко

IDENTIFICATION LINGUISTICS AS AN ASPECT OF LINGVOPERSONOLOGY

G. V. Napreenko

В настоящей статье представлен требующий отдельного изучения аспект лингвоперсоналогии, называемый нами «идентификационная лингвистика». Идентификационная лингвистика берет свое начало из универсального феномена идентификации, основанного на установлении тождества объектов, и реализуется в лингвоперсоналогии (идентификация языковой личности) и юридической лингвистике (идентификационная лингвистическая экспертиза). Требование объективности и надежности идентификационного вывода влияет на появление большого количества методов идентификации, которые представлены нами в оппозиции специально-ориентированных и универсальных методов.

The paper presents an aspect of lingvopersonology called “identification linguistics”. Identification linguistics originates from the universal phenomenon of identification, based on the establishment of the identity of objects, and is implemented in lingvopersonology (identification of linguistic identity) and legal linguistics (linguistic identification expertise). The requirement of objectivity and reliability of the identification output affects the emergence of a large number of authentication methods, which are presented in the opposition of specially-oriented and generic methods.

Ключевые слова: идентификационная лингвистика, языковая личность, специальные методы идентификации, универсальные методы идентификации.

Keywords: identification linguistics, linguistic personality, special identification methods, universal methods of identification.

Целью настоящей статьи является представление круга задач идентификационного аспекта лингвоперсоналогии и способов его решения в конкретных методиках и компьютерных программах. Феномен идентификации уже давно является одним из важных предметов науки о языке. Задача идентификации в лингвистике – установление тождества объектов, атрибуция каждого текста конкретному автору, при этом в качестве объектов могут выступать текст, персонотекст и ЯЛ (*Прим. автора: здесь и далее – языковая личность*). Для обозначения идентификационного аспекта изучения ЯЛ и текста как воплощенной ЯЛ (персонотекста) мы предлагаем использовать термин «идентификационная лингвистика». Объектом изучения идентификационной лингвистики как аспекта лингвоперсоналогии являются ЯЛ и персонотекст. Теоретическое изучение и формально-количественная реконструкция ЯЛ (*Прим. автора: Мы исходим из предположения о том, что лексико-количественные проявления индивидуальной языковой способности в тексте имеют закономерный характер, обусловленный определенным качеством языковой способности автора текста (онтологический аспект исследования) и что это качество может быть реконструировано по его «выходу» в речевой материал (гносеологический аспект исследования)*), осуществляемые в идентификационном формате, предполагают соотношение текста с ЯЛ его автора как индивидуального варианта носителя языковой способности. Идентификация персонотекстов предполагает, что некоторый текст или фрагмент текста выступают в качестве образца, а другой либо идентифицируется как тот же текст (часть того же текста), либо как текст, авторство которого принадлежит той же ЯЛ. Под ЯЛ в статье понимается «совокупность способностей человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых

произведений (текстов), которые различаются по степени сложности, глубины и точности отражения действительности, целевой направленности» [11, с. 7]. Таким образом, ЯЛ в работе трактуется как носитель языковой способности определенного качества.

Одними из основных средств идентификации ЯЛ являются речь и ее продукты. Система знаний о закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, устойчивость, вариативность устной и письменной речи (лингвоперсоналогия) позволяет, таким образом, решать задачу идентификации. В. В. Наумов отмечает, что потенциал ЯЛ реализовывать совокупность языковых средств «в большей степени вербализуется за счет устойчивых речевых образцов, недавно получивших название ментального лексикона» [22, с. 12]. В. В. Наумов вслед за Э. Сепиром полагает, что «так называемые языковые (а точнее речевые. – В. Н.) привычки являются бессознательными маркерами (индикаторами) личности или некой части языкового коллектива, объединенной общими (социальными, возрастными, половыми) признаками. Эта формула индикации личности «работает» как в анализе механизма порождения речи, так и в процессе распознавания личности посредством анализа восприятия ею речевого сегмента, текста» [22, с. 12].

Каждая ЯЛ осуществляет выбор из разнообразия средств и способов для выражения разнообразных коммуникативных намерений и делает этот выбор «в соответствии со своими внутренними личностными потребностями и способностями» [1, с. 12]. Персонотекст как аспектуальная разновидность речевого произведения является репрезентацией языкового потенциала личности, который реализуется автором в тексте через языковые характеристики в том числе. В большей степени неосознанный выбор языковых

средств из бесконечного множества формирует индивидуальные предпочтения ЯЛ – ее идиостиль. За результатами идиостиля стоят варианты качества языковой способности, которые в дальнейшем обрабатываются личной речевой практикой и обучением. При идентификации персонотекста задача лингвиста состоит в том, чтобы извлечь из текста и характеризовать варианты способностей ЯЛ. Данный отбор лингвиста позволяет в дальнейшем при сопоставлении моделировать персонотексты и идентифицировать их.

На фоне множества предлагаемых способов и методов идентификации обнаруживается проблема отсутствия единого метода идентификации собственно ЯЛ и персонотекста. Анализ существующих методов идентификационного моделирования текста и ЯЛ позволил выдвинуть гипотезу о существовании оппозиции специально-ориентированных и универсальных методов идентификации ЯЛ и персонотекстов. **Специально-ориентированные методы идентификации** представляют собой интуитивные исследования по типу портретных очерков (этюдов), в которых каждая ситуация стимулирует применение методик, вытекающих из специфических возможностей идентифицируемых текстов. **Универсальные методы идентификации** текста и ЯЛ, во-первых, используют количественный анализ текстов, во-вторых, предполагают анализ преимущественного всего текста или его уровней без выявления специфических особенностей отдельных элементов.

Описание конкретных ЯЛ и их типов в лингвоперсонологии получает название «портретирование». При портретировании учитываются индивидуальные языковые предпочтения ЯЛ. Описание методов моделирования ЯЛ в лингвоперсонологии является предпосылкой описания ЯЛ в идентификационном аспекте. Примеры «очеркового» портретирования ЯЛ многочисленны – это портреты ЯЛ конкретных людей разных профессий, возрастов и эпох или портреты ЯЛ персонажей художественных произведений и т. п.

В монографии «Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение» [16] имеется глава 3 «Типология и портретирование языковой личности» (с. 143 – 214) – посвященная данному направлению лингвоперсонологии. Ее раздел 3.1.2. «Опыты речевого портретирования» отражает результаты исследования ЯЛ наших современников, проведенного К. Ф. Седовым – женщин, филологов, преподавателей. Автор пишет, что созданные портреты «не претендуют на исчерпывающую полноту; они представляют собой своего рода **контурные наброски наиболее показательных особенностей речевого поведения носителей языка**» (*выделено нами – Г. Н.*) [30, с. 167]. Основные параметры описания – особенности речевой культуры, организации дискурса, стилистические регистры. Более аспектализованны очерки речевого поведения персонажей тургеневских рассказов «Хорь и Калиныч» и «Певцы», написанные Н. Б. Лебедевой [15]. В них делается акцент на зависимости поведения героев названных рассказов от коммуникативной ситуации. В главе 4 монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (ч. 1.) также содержатся портреты ЯЛ, созданные на

основе выявления особенностей их метаязыкового мышления и метаязыкового дискурса [23, с. 267 – 371], среди них портрет Георгия Георгиевича Зубкова – яркого представителя советской эпохи, автора большого письменного наследия (писем, воспоминаний) [9], непрофессионального историка Ю. Н. Фадеевского [12], ребенка – Светы Гарганеевой [3], а также групповой портрет профессионального юриста [14] и диалектоносителя [10]. В статье «Портретирование языковой личности экономиста» [17] создается комплексный дискурсивный портрет ЯЛ на основе разработанной автором модели. Во многих портретах ЯЛ анализируются лингвистические и экстралингвистические параметры: языковые особенности, тематическая представленность, социально-культурные признаки ЯЛ, возрастная отнесенность.

В портретировании конкретной ЯЛ могут отражаться различные характеристики личности (гендерные, возрастные, психологические, социальные и др.). Например, так осуществляется портретирование лингвосоционической языковой личности [8], описание речевого портрета студента-филолога [31], установление половой принадлежности по письменному тексту [24; 6], половой принадлежности и возраста автора текста [7] и т. д. Данный сюжет моделирования и портретирования оказывается также фактом наблюдения, интуитивного выделения значимого языкового материала.

Таким образом, очерковое представление ЯЛ предполагает, что для описания каждого персонотекста или двух сравниваемых персонотекстов создаются индивидуальные комплексы признаков-параметров, вытекающих из их особенностей, или, иными словами, каждый раз создается «разовая» методика описания (*Прим. автора: пример специально-ориентированного метода идентификации ЯЛ, представлен в нашей статье* [21]). В связи с этим возникает вопрос о возможности создания универсальных методик.

Все более востребованным в идентификационной лингвистике является формально-количественное портретирование (моделирование ЯЛ по тексту на основе комплекса признаков, рассматриваемых в их количественном проявлении). Это видно по тенденциям в лингвоперсонологии,двигающейся в направлении от интуитивных исследований по типу очерковых портретов, в которых каждый вид текстов и каждая ситуация стимулируют применение тех методик (параметров подсчета), вытекающих из специфических возможностей идентифицируемых текстов, к все более объективистскому исследованию текста по апробированным схемам на основе количественных характеристик.

Одной из первых работ, в которой применяется статистический метод исследования текста, является исследование А. А. Маркова 1913 г., в котором проводится статистический анализ по достоверно установленным текстам автора. Автор предстает уникальным набором частот, что позволяет его отличить от другого автора. В качестве критерия близости текстов служит введенное понятие «расстояния» между соответствующими текстами, которое и является определяющим фактором при вынесении решения о принадлежности текста тому или иному автору.

К. А. Морозов в качестве единицы анализа использовал наиболее часто встречающиеся и общие «для всех родов литературы» слова, т. е. служебные слова, или, по терминологии К. А. Морозова, распорядительные частицы – союзы, предлоги, местоимения и т. п. Сравнивая, например, употребление союзов, *потому что* и *так как*, автор отмечал их «способность к взаимозаменяемости почти в каждой фразе и в то же время разное предпочтение у разных авторов при их употреблении. Причина того, что одни авторы почти исключительно употребляют *потому что* и редко вспоминают о существовании *так как*, называются чисто машинальными причинами, обусловленными целым рядом предыдущих внешних и внутренних лингвистических влияний, ушедших от нас уже давно в область бессознательного» [18].

Идентификационная лингвистическая экспертиза осуществляется в основном также по типу портретных очерков. Экспертиза «Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов» [4] построена как реконструкция образа автора исследуемого текста, позволяющая отнести ЯЛ, стоящую за ним, к определенному ментально-языковому и психо-языковому типу. В судебной экспертизе Л. Г. Ким [13] применен метод анализа типа ЯЛ по языковым особенностям организации спорных текстов, которые идентифицируют их по принадлежности разным типам ЯЛ: эмоциональному и рациональному типам личности. Нормативно-стилистический анализ текстов проводится в автороведческой экспертизе А. В. Морозова [19, с. 290].

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к формализованным методам анализа текстовой информации на основе слабо контролируемых человеком характеристик текста. Применение количественных методов изучения текста ставит **проблему формализации** – представление какой-либо содержательной области в виде формальной системы или исчисления. Формально-количественное моделирование персонотекста и ЯЛ осуществляется **посредством интерсемиотического перевода** – перевода лексем текста (вербальных знаков) на количественные характеристики (невербальные знаки), такие как количество определенных языковых элементов. В этом смысле «слово» представляет собой лингвистический «знак». Значение лингвистического «знака» с этой точки зрения, не что иное, как перевод его посредством другого знака: «сущность перевода лежит в основе понимания значения как чисто семиотического факта» [2, с. 18]. Интерсемиотический перевод представляет собой аспект формализации, который в свою очередь способствует автоматизации процесса исследования.

Интерес к формализации текста и автоматизации процесса идентификационного исследования текста способствовал тому, что **уже значительный ряд современных исследований посвящен созданию универсальной методики атрибуции текстов и поиску путей совершенствования лингвистической идентификационной экспертизы**.

К универсальным работам, посвященным поиску наиболее эффективного количественного и статистического метода идентификационного исследования отнесем статью А. С. Романова [29], в которой описы-

вается структура программного комплекса для исследования существующих подходов к идентификации авторства текстов и характеристик текста, которая позволяя идентифицировать авторство текстов, решает задачи идентификации автора. В статье А. С. Романова [28] разрабатывается методика для ситуации, при которой имеется множество текстов и множество авторов. Для некоторого подмножества текстов авторы известны. Идентификационная задача – установить, кто из множества А является истинным автором остальных текстов (анонимных или спорных). В работе проблема идентификации автора текста рассматривается как задача классификации с несколькими классами. Для решения данной задачи используется классификатор на основе аппарата опорных векторов, математический аппарат которого был предложен В. Н. Вапниковым. Текст при такой методике рассматривается как иерархическая структура и на любом уровне «анализируется как последовательность отдельных составляющих его элементов (символов, словоформ, грамматических классов и т. д.) или групп элементов длиной N–N-грамм» [28]. Кроме того, исследованию подвергались уровни символов и слов – «использовались биграммы и триграммы символов, наиболее частые слова русского языка» [28].

Е. С. Родионова в кандидатской диссертации «Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель»)» [27] применяет методы статистики на синтаксическом уровне. Исследуются такие параметры, как число элементарных предложений, число сочинительных предложений, число подлежащих и др.

А. С. Суркова в кандидатской диссертации «Разработка структурно-статистических методов и алгоритмов идентификации текста» [32] устанавливает структурные инварианты текста различного уровня, на основе которых разрабатывается алгоритм идентификации текстов. Метод идентификации, представленный А. С. Сурковой, разрабатывается на основе текстов с различной жанрово-стилевой принадлежностью (художественные, научные, публицистические).

З. И. Резанова, А. С. Романов, Р. В. Мещеряков в статье «О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности» [25] поднимают вопрос о выборе языковых элементов текста, которые при количественном анализе, разрабатываемом в теории информации, способствуют наибольшей эффективности атрибуции. Авторы приходят к выводу, что эффективными в качестве релевантных для современных индоевропейских языков являются такие признаки, как «биграммы и триграммы символов и слов, функциональные (служебные) слова, распределение слов по частям речи, наиболее частотные слова, знаки пунктуации, распределение длины слова и длины предложения» [25, с. 48].

З. И. Резанова, А. С. Романов, Р. В. Мещеряков в другой статье под названием «Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики)» [26] обсуждаются проблемы гендерного анализа текста в автороведении. Коллективом авторов сделан вывод о том, что «последовательное применение методов количественного ана-

лиза с привлечением новейших приемов информатики и вовлечение полученных с их помощью новых гендерно-релевантных признаков речевого поведения в научный лингвистический контекст создаст основу дальнейшего развития гендерной теории» [26, с. 27] (*Прим. автора: определение пола автора спорного текста входит в диагностические задачи автороведческой экспертизы, решающие более частные вопросы (возраст, образовательный уровень автора и т. п.) на фоне идентификационных, связанных с установлением индивидуально-конкретного тождества объектов*).

Таким образом, формально-количественные методы идентификации текстов и ЯЛ осуществляются путем квантитативного анализа лингвистической информации, представленной в тексте. В подобных методах отдается предпочтение квантитативному анализу всего текста или некоторых его уровней, без выявления отдельных, частных специфических элементов, что приближает результат идентификации к наибольшей объективности. Большинство методов ориентировано на атрибуцию текстов разных стилей и жанров, а также в рамках одного языка.

Идеальный практический выход формализации лингвоперсонологических проявлений в тексте – создание компьютерной программы. Языковые характеристики текста должны быть «подготовлены» (формализованы) настолько, чтобы была возможность их обработки компьютерными программами и дальнейшего использования для получения объективного результата, объективного идентификационного результата, в частности. Лингвоперсонология помогает решать эти задачи. В основе многих формализованных методов лежит зависимость слова и частоты его употребления в тексте согласно закону Ципфа. Так, слова в тексте организованы в соответствии с частотой их появления в тексте, каждому из них присвоен номер ранга и соответствующая частота, которые обратно пропорциональны в частотных словарях, созданных по тексту. Такие лексико-квантитативные зависимости, с одной стороны, отражают структура текста, с другой стороны, являются проявлениями индивидуальных авторских предпочтений: в них отражаются языковые особенности ЯЛ.

В настоящее время существуют различные компьютерные программы по установлению авторства:

1) **лингва-экспресс** (В. И. Батов) представляет речевое произведение в виде трехзвенной эмпирической модели: формальные характеристики текста – формы коммуникации замысла – психологические характеристики автора. Модель тем самым раскрывает психологическое содержание текста как продукта речевой деятельности;

Литература

1. Аввакумова Е. А., Артемова Т. В., Голев Н. Д., Денисова Э. С., Иванцова Е. В., Киркинская Т. И., Лопатина И. А., Максимова С. А., Мамаева С. В., Мельник Н. В., Оленев С. В., Паули Ю. С., Попова О. А., Прокудина И. С., Соловьева Н. В., Татаринцева Е. Н., Шпильная Н. Н., Янченко В. Д. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / под ред. Н. В. Мельник. Кемерово: КеМГУ, 2009. 384 с.
2. Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследование языка (о так называемой «математической лингвистике»). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 162 с.
3. Гарганеева К. В. Функции метаязыковой рефлексии в речи ребенка младшего возраста (метаязыковой портрет Светы Гарганеевой) // Обыденное метаязыковое сознание онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 357 – 370.

2) **ВААЛ** (В. П. Белянин) позволяет выявлять акцентуацию автора текста. Особый блок этой программы – ПАТ (психиатрический анализ текста) – предполагает выявление соотношенности между лексическими элементами текста и возможной акцентуацией его автора;

3) **лингвоанализатор** определяет близость любого из текста к одному из авторских эталонов;

4) **штампомер** (автор Л. Л. Делицын) предполагает статистический анализ текста и их сравнительный анализ;

5) **СМАЛТ** представляет собой морфологический и синтаксический анализ текста с целью выявления статистических признаков литературных текстов по жанру и авторству;

6) **стиле Анализатор** предполагает лингвистический анализ исторических текстов и авторского стиля литературных произведений при помощи статистических методов и некоторые другие компьютерные программы для установления авторства.

Таким образом, идентификационная лингвистика представляет особый аспект описания ЯЛ: а) выявленное качество языковой способности автора текста решает задачу установления тождества объектов идентификации на основе а) портретирования ЯЛ, б) формально-количественного моделирования текста. Линвоэкспертная деятельность, испытывающая потребность отвлечения от субъективных проявлений и склонность к анализу по установленным методикам, дает серьезный импульс движению персонологии к объективистскому (формально-количественному) портретированию ЯЛ. Применение формализованных алгоритмов для идентификации текста и ЯЛ обеспечивает повышение объективности и надежности идентификационного заключения. Формализованный подход к решению задачи идентификации персоны текста позволяет проводить анализ независимо от исследователя, что также способствует объективизации его выводов. Пример так называемого «универсального» или формально-количественного метода идентификации ЯЛ представлен в нашей статье [20]. Разрабатываемый нами метод, с одной стороны, реализуется посредством применения формул, основанных на том, что слова в тексте организованы в соответствии с частотой их появления в тексте, с другой стороны, текст впервые (*Прим. автора: и в этом состоит новизна исследования*) исследуется с точки зрения его лексико-квантитативной вариативности, основанной на персоноразличительной функции: лексические единицы, рассмотренные сквозь призму квантитативной наполненности, позволяют выявить их персоноразличительную функцию.

4. Голев Н. Д. Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 422 – 431.
5. Головина Т. А. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи: статистический аспект: на материале художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 203 с.
6. Горощко Е. И. Судебно-автороведческая классификационная экспертиза: проблема установления пола автора документа // Текстология.RU. Харьков, 2003. Режим доступа: <http://www.textology.ru/public/gorsh4.html>
7. Ермолова Е. И. Проблема определения пола и возраста автора анонимного документа по признакам письменной речи // Эксперт-криминалист. М.: Юрист, 2008. № 4. С. 16 – 18.
8. Замилова А. В. Лингвосоциологическое портретирование языковой личности (на материале блога) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конференции молодых ученых 1 апреля 2011 г. Вып. 12. Т. 1. Лингвистика. Томск, 2011. С. 122 – 127.
9. Зубкова Л. Г., Зубкова Н. Г. Метаязыковой портрет Георгия Георгиевича Зубкова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 267 – 298.
10. Иванцова Е. В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321 – 356.
11. Караулов А. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3 – 8.
12. Катыхов П. А., Оленев С. В. Метаязыковые рефлексии непрофессионального историка Ю. Н. Фадеевского // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 299 – 312.
13. Ким Л. Г. Кто автор жалобы? // Юрислингвистика-14. Кемерово, 2014.
14. Лебедева Н. Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 313 – 320.
15. Лебедева Н. Б. Типология и портретирование персонажей художественных произведений // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. С. 197 – 214.
16. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. 420 с.
17. Махракова М. И. Портретирование языковой личности экономиста (на материале интернет-форумов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1(31). Ч. 1. С. 89 – 93.
18. Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Изв. императорской АН, отд. яз. И словесности XX. 1915. Кн. 4. С. 93 – 134.
19. Морозов А. В. Автороведческая экспертиза текста договора // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 290 – 297.
20. Напреенко Г. В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 17 – 23.
21. Напреенко Г. В. Интернет-дневники и проблема идентификации личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология): коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 544 – 558.
22. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2006. 240 с.
23. Обыденное метаязыковое сознание онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Ч. 1. Коллективная монография. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 532 с.
24. Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 192 с.
25. Резанова З. И., Романов А. С., Мещеряков Р. В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск, 2013. № 6 (26). С. 38 – 52.
26. Резанова З. И., Романов А. С., Мещеряков Р. В. Задачи авторской атрибуции текста в аспекте гендерной принадлежности (к проблеме междисциплинарного взаимодействия лингвистики и информатики) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 370. С. 24 – 28.
27. Родионова Е. С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (к проблеме «Корнель – Мольер»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 190 с.
28. Романов А. С. Методика идентификации автора текста на основе аппарата опорных векторов // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2009. № 2. Т. 1. С. 36 – 42.
29. Романов А. С. Структура программного комплекса для исследования подходов к идентификации авторства текстов // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2008. № 1. Т. 2. С. 106 – 109.
30. Седов К. Ф. Типология и портретирование наших современников // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. С. 143 – 196.
31. Солодянкина Н. В., Хвостова А. В. Речевой портрет студента-филолога // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: мат. Междунар. науч. конф. Бийск, 2012. С. 155 – 159.

32. Суркова А. С. Разработка структурно-статистических методов и алгоритмов идентификации текста: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Н. Новгород, 2004. 19 с.

Информация об авторе:

Напреенко Галина Викторовна – соискатель кафедры русского языка КемГУ, vila1991@mail.ru.

Galina V. Napreenko – post-graduate student at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, ngolevd@mail.ru.

Research advisor: Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

УДК 808.2

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ КОНЦЕПЦИИ КОРПОРАТИВНОГО ИЗДАНИЯ

Ю. А. Петропавловская

CORPORATE MEDIA: ASPECTS OF CONCEPT FORMATION

Yu. A. Petropavlovskaya

Статья посвящена редакторскому аспекту планирования корпоративного издания и носит прикладной характер. Концептуальные особенности корпоративных медиа рассматриваются с точки зрения приоритета читательских интересов. Соотношение производственных и непроизводственных рубрик в изданиях поставлено в зависимость от степени вовлеченности потенциальной аудитории в деятельность компаний. Продемонстрирована зависимость бизнес-модели издания от его целевого назначения. Сформулированы практические рекомендации к формированию креативной концепции корпоративного СМИ. Результаты анализа могут быть полезны исследователям и издателям корпоративной прессы, специалистам в области связей с общественностью и массовых коммуникаций.

The paper is devoted to editorial aspects of planning corporate media and contains applied research. Conceptual features of corporate media are considered in terms of the priority of readers' interests. The ratio of production and non-production headings in publications is made dependent on the degree of involvement of the potential audience in company's business. The connection of media's business model and its intended use is demonstrated. Practical recommendations for the formation of the creative concept of the corporate media are given. The analysis can be used by the researchers and the publishers of corporate press, PR and media experts.

Ключевые слова: корпоративная пресса, корпорация, клиентское издание, связи с общественностью, отраслевой журнал, базисный субъект, корпоративные коммуникации.

Keywords: corporate media, custom media, house journal, public relations, trade magazine, basic subject, corporate communications.

В условиях рыночной экономики корпорации стали постоянным звеном в цепочке взаимоотношений человека и общества: они инициируют диалог с потребителями, выступают фиксаторами общественного мнения и создают жизненную среду, в которой человек социализируется. Без эффективных коммуникаций между человеком, корпорацией и государством, основанных на доверительном диалоге, невозможно говорить об удовлетворении даже базовых потребностей общества. Под корпорациями мы понимаем все юридически зарегистрированные объединения лиц, функционирующие на основе устава или другого документа, в котором прописаны основные цели и задачи этого объединения; порядок финансирования деятельности; основные организационные единицы. Каналы распространения сведений о корпорации, организованные, управляемые и наполняемые самой корпорацией для решения стратегических задач, носят название корпоративных СМИ. Принято считать, что

корпорации используют печатные инструменты массовой коммуникации с аудиторией для ее вовлечения в свою деятельность на протяжении вот уже двух столетий. За это время у издателей сложилось понимание перспектив и способов функционирования таких медиа: в основе концепции издания, которое стремится к налаживанию коммуникативных связей, должна лежать эффективная стратегия, неразрывно связанная, с одной стороны, с бизнес-задачами, а с другой – с корпоративной культурой компании.

Необходимостью выстраивать коммуникации различного характера с персоналом и с внешним миром диктуется разделение медиаканалов корпорации в соответствии с целевыми аудиториями, которое нашло отражение в теоретической классификации, принятой за основу на Западе и в России. В соответствии с ней корпоративные издания делятся на внутренние (b2p – business-to-personnel, издания, адресованные трудовому коллективу корпораций, также HR

publication) и внешние, которые в свою очередь разделяются на партнерские (b2b – business-to-business, издания, адресованные коллегам по отрасли) и клиентские (b2c – business-to-client, ориентированные на конечного потребителя товаров и услуг). Последние два также называют горизонтально ориентированными в противовес вертикально ориентированным, распространяемым внутри коллектива сотрудников. Среди российских исследователей этого сегмента СМИ данная классификация перенята и переосмыслена в соответствии с реалиями отечественного рынка Д. К. Дегтяренко [4], А. Д. Кривоносовым [5], Д. А. Мурзиным [8], Ю. В. Чемякиным [11], А. Ю. Горчевой [3] и Л. С. Агафоновым [1].

Детально проработан в этих и других работах вопрос типологических характеристик, способов классификации и специфики разных видов корпоративных СМИ. Так, Д. А. Мурзин делит корпоративные издания на внутренние, внешние и смешанные, образующие типологические подсистемы, каждая из которых имеет свою иерархию функций. В зависимости от целевых задач выделяются виды (классы) корпоративной периодики. Внутрикorporативные издания, ориентированные на персонал компании, являются инструментом управления персоналом и его самоорганизации. Клиентские издания работают на продвижение товаров и услуг на рынки. Отчеты публичных компаний (информационно-презентационные издания) являются важным инструментом привлечения инвестиций. Отраслевые издания организуют общественный и профессиональный диалог, артикулируют отраслевые интересы и лоббируют их. Похожую классификацию приводит О. П. Чернега, основным классификационным признаком систематизации изданий, считающий характер целевой аудитории, в соответствии с которым они подразделяются на внутрифирменные (“house journal”), фирменные издания для внешнего использования (“external journal”) и смешанные [12, с. 183]. Л. С. Агафонов предложил собственную классификацию корпоративной прессы, взяв за основу целевое назначение изданий: маркетинговое продвижение (увеличение продаж, экономический рост), развитие имиджа компании (PR) или повышение лояльности персонала (HR). В работе А. Ю. Горчевой основной акцент сделан на этические аспекты корпоративной журналистики, раскрыта сущность социальной ответственности журналиста – поддержание целостности и подотчетности корпораций обществу. В социокоммуникационном контексте рассматривает корпоративную прессу и Д. О. Олтаржевский, который видит основной ее функцией социализацию бизнеса, построение качественных социальных коммуникаций и диалогичности связей с аудиторией [9]. Ю. А. Чемякин первым из исследователей упоминает об особой роли редактора корпоративного издания и обращает внимание на двойственный характер его работы, подчеркивая: редактор обязан считаться как с интересами руководства компании-заказчика, так и с интересами читателя, а интересы эти зачастую противоречат друг другу.

Конечной целью каждого корпоративного издания является изменение поведения его аудитории [2, с. 78], которое в свою очередь будет способствовать увеличению прибыли или достижению других, некоммерческих, задач компании. Корпоративное СМИ является звеном в цепочке инструментов, направленных на улучшение имиджа компании, поэтому его концепция должна быть встроена в стратегию развития базисного субъекта. Для выстраивания эффективной концепции корпоративного издания необходимо осознание того, что эта разновидность медиа – продукт уникальный с точки зрения видовой принадлежности: нельзя назвать корпоративное СМИ р-инструментом без оговорки о том, что актуальная тематика может вывести его на общесоциальный уровень, где задачи издания будут решаться уже инструментами журналистики. Повестка издания и масштаб охвата аудитории взаимосвязаны: чем больше первая отвечает на потребности социума, тем шире круг потенциальных читателей. Особенности концепции корпоративного издания определяются функциональным назначением, читательским адресом и финансовыми возможностями компании. Издания, о которых идет речь, характеризуются крайне высокой степенью зависимости от их учредителя (заказчика). Главенство задач, преследуемых корпорацией для достижения эффективного взаимодействия с аудиторией, а не извлечение прибыли, как в случае с рыночной прессой, является отличительным свойством корпоративных СМИ. Основываясь на этом умозаключении, мы позволим себе относиться к корпоративным изданиям все те, которые преследуют интересы конкретных юридических структур, открыто выступающих издателями этих изданий. На наш взгляд, именно этот признак можно назвать типоформирующим.

Схема отношений внутри редакционной цепочки диктует необходимость согласовывать концепцию издания с его заказчиком – корпорацией. Этот фактор является одновременно подспорьем и преградой на пути редактора, формирующего концепцию корпоративного медиа. С одной стороны, заказчик способен от лица корпорации сформулировать задачи, стоящие перед создаваемым медиапродуктом. С другой – единственным специалистом, стоящим на страже интересов читателя, является редактор, и именно он обязан доказывать заказчику целесообразность тех или иных креативных решений. Для того чтобы миссия издания была четкой, необходимо поставить заказчику вопросы, позволяющие сформулировать повестку и задачи: какой посыл будет содержаться в издании? кому он будет адресован? какой эффект ожидается от выпуска продукта? в какой срок ожидается этот эффект? по каким параметрам заказчик и редакция будут измерять эффективность проекта? Немаловажно определить также, какого экономического эффекта заказчик ожидает от издания: должно ли оно выйти на самоокупаемость (а, возможно, и приносить прибыль) или компания готова полностью нести расходы по выпуску? От этого зависит бизнес-модель издания – будет оно распространяться бесплатно или за деньги?

Безусловно, подходящая бизнес-модель становится понятна уже на первом этапе планирования концепции, так как она подчинена целевому назначению и, соответственно, читательскому адресу корпоративного издания: агитационные и мотивационные задачи выполняются обычно дотируемыми изданиями, а развлекательные, просветительские и прикладные могут приносить самостоятельную прибыль, так как раскрывают более широкий круг тем, интересный и актуальный вне связи с причастностью читателя к фигуре корпорации. Способ распространения также планируется заранее с учетом тематики, формата издания и анализа поведенческих моделей потенциальных читателей. Так, внутрикорпоративные СМИ выкладываются в общедоступных помещениях с высокой проходимостью сотрудников (чаще всего в холлах и на ресепшн), возможна и доставка экземпляров в отделы, на производства. Плата с читателей не взимается, за счет рекламы сторонних компаний выпуск не окупается (исключение могут составлять издания крупных градообразующих предприятий или федеральных корпораций, выходящие очень большими тиражами – например, потенциально, газета «Святогор» одноименного предприятия металлургического комплекса Уральской горно-металлургической компании). Партнерские издания, как правило, распространяются на отраслевых мероприятиях (конференциях, форумах), лежат в представительствах компании-издателя для ознакомления приходящими на встречи партнерами, могут рассылаться по подписке. В таких изданиях возможна реклама продукции или услуг, соответствующих сегменту рынка; иногда – когда компания выступает заказчиком уникальных исследований, результаты которых публикуются в издании и актуальны для других участников рынка, – взимается плата за подписку. Клиентские издания чаще всего распространяются бесплатно в офисах, магазинах компаний или в других местах скопления потенциальных или реальных клиентов (транспорт, выставки, рестораны и кафе – по договоренности с собственниками помещений), рассылаются по базе потребителей (например, доставляются в почтовые ящики) и изредка, приближаясь к массовым изданиям, продаются в магазинах. Помимо продажи частным лицам, клиентская пресса возвращает издателю затраченные на выпуск средства путем продажи рекламных площадей, при этом для рекламодателя такие площадки могут быть эффективны ввиду жесткой сегментации аудитории: обратная связь издателей с клиентами позволяет предугадать, будет ли рекламируемый продукт иметь спрос у данных читателей. Эффективным инструментом продвижения издания и, как следствие, компании является информационное партнерство с другими публичными площадками, сотрудничество на бартерной основе. Так издание способствует узнаваемости своего заказчика.

Вопрос самоокупаемости обычно стоит, когда речь идет о внешнекорпоративных изданиях, и решается компаниями по-разному. С одной стороны, корпоративное СМИ, являясь частью pr-стратегии, в первую очередь должно выполнять корпоративные зада-

чи, а предоставление площадки для размещения контента другим компаниям снижает эффективность этого инструмента. С другой стороны, грамотный подбор рекламодателей, выявление товаров и услуг, действительно интересных аудитории издания, и совместное с рекламодателем формирование контента будут способствовать сохранению читательского внимания. Так, в отраслевом издании об инвестиционном климате региона после аналитической статьи о развитии сельскохозяйственного кластера может быть опубликован рекламный модуль агрокомбината, интересного потенциальным партнерам и инвесторам для сотрудничества (реальный пример). Иными словами, реклама должна встраиваться в информационную повестку издания, а ее контент – не конкурировать, а взаимодействовать с редакционным.

Отвечив на первую группу вопросов (общие), можно приступить к ответу на более конкретные, способствующие проработке бизнес-модели: в какой форме будет доноситься месседж заказчика до читателей? сколько компания готова потратить на выпуск каждого номера? как часто возникает новая информация, способствующая усвоению читателями основного посыла издания? Подробные ответы позволят создать документ, который письменно зафиксирует концепцию нового продукта и ляжет в основу бизнес-плана. В документе должны быть прописаны миссия и задачи издания, целевая аудитория, ключевые рубрики, методика подготовки и организации контента, система жанров, требования к языку и стилю материалов, характеристики пула потенциальных авторов. Фиксируются и технические параметры, к которым относятся, в числе прочих, объем, формат, характеристики бумаги, тираж, периодичность выхода и способ распространения. Все эти характеристики взаимосвязаны: в частности, от количества экземпляров в условиях ограниченности средств зависит качество бумаги. По мнению генерального директора издательства корпоративной прессы «МедиаЛайн» Л. Рудаковой, тираж клиентских изданий определяется способом и местом распространения; тираж, оптимальный для партнерского издания, составляет от 1 до 3 тысяч экземпляров; один экземпляр внутрикорпоративного издания читают в среднем 2,5 – 5 человек, а значит тираж рассчитывается по формуле «количество сотрудников разделить на 2,5 – 5» в зависимости от бюджета [6, с. 93]. Что касается последнего расчета, то хорошее внутрикорпоративное издание сотрудники часто уносят домой и там его читают другие члены семьи, поэтому при успешной модели тираж со временем увеличивается.

Может показаться, что принадлежность человека к той или иной узкой социальной группе – например, к персоналу корпорации – автоматически означает, что планируемое корпоративное издание будет интересно ему своей тематикой. Однако обращение к группе и к реалиям ее жизнедеятельности само по себе не определяет ценность издания: любой, даже самый лояльный корпорации потенциальный читатель обратит внимание на продукт, только если последний отвечает на конкретные читательские запросы – удов-

летворяет его практические или эстетические потребности. Таким образом, миссия корпоративного издания должна формулироваться с учетом пожеланий потенциальной аудитории. Кроме того, отнесения потенциального читателя к одной из трех категорий – сотрудник, партнер, клиент – недостаточно для определения читательского адреса. В каждом типе издания – для персонала, для партнеров по бизнесу, для клиентов – существуют аудиторные подтипы. Так, персонал компании может делиться на рядовых сотрудников, менеджеров среднего звена и топ-менеджеров; партнеры – на подрядчиков, заказчиков и инвесторов; клиенты – на реальных и потенциальных и так далее (специфика в каждой отрасли своя).

Как и при создании концепции любого издания, проработке социально-демографических и психологических характеристик потенциального читателя отводится значительное время. Отличие состоит в том, что аудитория корпоративного издания, как правило, жестко сегментирована. Развитие системы корпоративной прессы происходит полностью в русле демассификации СМИ: ориентируясь на «микроаудитории», издатели имеют возможность максимально четко определить возможности, предпочтения и склонности потенциальных читателей на основании исследования настроений физических (реально существующих в социуме – в офисе, на производстве, в бизнес-сообществе или в списке клиентов) групп лиц. Если речь идет о прессе для сотрудников, то у редакции есть возможность провести мониторинг ожиданий совместно с hr-департаментом компании. Такая опция сохраняется и для редакторов отраслевых внешекорпоративных изданий в случае, если налажен диалог между hr-департаментами корпораций-партнеров. За мониторинг ожиданий клиентов отвечает hr-департамент или отдел маркетинга; подключиться к разработке повестки может и рекламный отдел. Прежде чем организовать свой опрос, необходимо ознакомиться с уже проведенными компанией исследованиями.

Эффективным инструментом для определения пожеланий аудитории является интернет-сайт (или интранет-сайт – для внутрикорпоративной прессы) компании-заказчика. На этой площадке потенциальная аудитория голосует за наиболее интересные темы, предлагает спикеров и вопросы для интервью. Такую практику ввела российская компания Gallery (оператор наружной рекламы), выпускающая одноименный журнал для персонала. Кстати, вовлечение интернет-источников в работу редакции полезно и на уровне контента: если на сайте компании есть обновляемые рубрики, то отслеживать их популярность можно с помощью счетчика трафика, а контент, пользовавшийся популярностью в печатном издании, имеет смысл дублировать на сайте. Для определения интересов и потребностей клиентов создаются опросные листы. Так, авиакомпания Red Wings во время полетов раздает пассажирам анкеты с вопросами о сервисе на борту, в которые входят и вопросы о бортовом журнале: «Понравился ли вам журнал?», «Какие тексты вам запомнились?», «Какие еще рубрики вы хоте-

ли бы видеть в журнале?» и так далее. Опрос позволяет зафиксировать социально-демографический портрет пассажиров: для этого в нем содержатся вопросы о возрасте, поле, образовании, семейном положении, роде занятий, уровне заработка. Заинтересованность пассажиров в заполнении анкеты стимулируется розыгрышем призов, в котором автоматически принимают участие все участники опроса. Опросные листы можно вводить не только для выяснения реакции на уже прочитанный номер, но и перед запуском издания. Результаты этих опросов служат основанием для формирования тематических планов на ближайший год, а также инструментом коммуникации с рекламодателем, которому предлагается коммерческое участие в конкретных рубриках (спонсорство), актуальных для читателей. Разумеется, темпланы формируются при непосредственном участии топ-менеджмента или маркетингового департамента корпорации, которые доводят до сведения редакции свои стратегические планы. Еще одним простым способом сбора информации об аудитории служит анализ базы клиентов: при наличии паспортных данных он отвечает на вопросы о национальности (от чего зависит необходимость перевода текстов на другие языки и их адаптации), возрасте и поле потенциальных читателей.

Определив читательский адрес и задачи издания, можно приступать к планированию тематики и рубрикатора. Исследователи корпоративных медиа разработали множество практических рекомендаций к организации контента такой прессы и даже создали ее «идеальные модели» [11]. Само собой, круг тем, освещаемых в издании, также зависит от предпочтений потенциальной аудитории, что особенно хорошо видно на примере клиентских изданий: так, среди бортовых изданий присутствуют как журналы стиля жизни с рубриками о трендах, моде и красоте, так и общественно-экономические, страноведческие и другие. Наиболее частым решением является объединение тем: журналы делятся на три и более раздела, при этом – особенно часто в партнерских изданиях – темы располагаются в порядке от наиболее актуальных, относящихся непосредственно к деятельности базисного субъекта (жанры – заметки, репортажи, отчеты, интервью с привязкой к конкретным новостным поводам) к обзорным, освещающим общие тенденции на рынке (аналитические статьи и интервью, журналистские расследования) и далее – к развлекательным, общественно-культурным материалам. Развлекательные рубрики – обязательный атрибут любого, даже самого серьезного издания, при этом в последних такие материалы представлены в жанре инфотейммент. Так, отраслевой журнал об инновациях «Технопарк Якутия» условно поделен на три части: первая складывается из серии материалов под общей рубрикой «Только вперед» об успехах начинающих резидентов технопарка; вторая – рубрики «Опыт и экспертиза», «Звезда бизнеса» «Топ-стори», «Идеи для бизнеса» – повествует о состоянии отечественного рынка инноваций, в ней известные представители бизнеса дают рекомендации начинающим новаторам; в третьей,

развлекательной, – в рубриках «Рейтинг», «Интерактив», «Тайм-аут» – тема инноваций представлена через призму общественных запросов и культурного контекста.

Уникальное положение корпоративных медиа на стыке журналистики и PR высвечивает верный подход к позиционированию тем: материалы корпоративных СМИ содержат фактическую информацию, призванную создать не просто благоприятный, а тщательно спрограммированный имидж компании – некий «образ будущего», желаемую картину. Именно поэтому редактор формирует рубрикатор исходя не только из актуальности и новизны тем, но и из стратегических задач корпорации. И все же именно релевантность, оригинальность, достоверность контента обеспечивает внимание и вовлеченность читателей. Другими словами, качество корпоративного контента обеспечивается теми же средствами, что и качество материалов «традиционных» СМИ. К работе с контентом привлекаются специалисты из «большой» журналистики: корреспонденты, фотографы, дизайнеры, верстальщики, корректоры, цветокорректоры. В качестве экспертов, гостевых редакторов, спикеров приглашаются авторитетные представители бизнес-среды или звезды шоу-бизнеса. Остроту материалов поддерживают дискуссионные темы, полемические диалоги, эксклюзивные факты, жанровое многообразие. Журналистам даются задания, включающие самостоятельные расследования, коммуникацию с внешними экспертами, практические эксперименты, командировки. Актуальная повестка дня вырабатывается в том числе с помощью постоянного мониторинга прессы на темы, связанные с деятельностью компании или вызывающие резонанс в обществе. Экономия на печати также не представляется возможной.

Положительному восприятию заказчика способствует ненавязчивое упоминание бренда в материалах на общесоциальную, культурную, развлекательную тематику. Однако такая связка возможна, только если корпорация действительно каким-либо образом задействована в повестке. Это ставит перед редакцией задачу по взаимодействию с пиар-департаментом корпорации, при этом редактор, проявляя инициативу, может налаживать связи с пиар-структурами других компаний для проведения массовых мероприятий. Праздники, конкурсы, благотворительные проекты с участием собственника издания станут подходящим новостным поводом, а сотрудничество с крупными компаниями, имеющими хороший имидж, поднимет «рейтинг» самого бренда. Так, «Альфа-банк» на постоянной основе проводит конкурсы и благотворительные акции в сотрудничестве с другими СМИ и культурными площадками: например, в 2014 г. банк поддержал конкурс красоты, проведенный журналом *Cosmopolitan*. Итоги мероприятий освещаются в журнале «Время жить» для клиентов компании.

Если внимание внешней аудитории обычно привлекают массовые развлекательные и социально значимые акции, практические советы и узнаваемые лица, то персонал компаний более всего заинтересован в сведениях организационного характера и информации

о коллегах (потому так популярны во внутрикорпоративных газетах всевозможные поздравления с юбилеями и наградами). Сотрудники положительно реагируют на отчеты с корпоративных мероприятий – тимбилдингов, конкурсов и слетов, при этом, как правило, равнодушно относятся к «звездности» присутствующих на страницах спикеров. Так, при опросе сотрудников корпорации «РАО Энергетические системы Востока» выяснилось, что рубрику «Интервью со звездой» в журнале «Энерговосток» они считают наименее интересной. В результате она была заменена на рубрику «Один день из жизни сотрудника». Последняя снискала популярность благодаря тому, что в энергохолдинге трудится разнопрофильный персонал – ремонтники, инженеры, бухгалтеры, сбытовики, которые редко пересекаются лично, а потому мало знают о работе друг друга. Описание деятельности компании во внутрикорпоративной газете должно подаваться с точки зрения работников, поэтому акценты следует делать на их трудовых буднях, должностных обязанностях и интересной практике. Двусторонняя коммуникация делает газету площадкой для выражения мнений, диалога между руководством и сотрудниками.

Лояльность читательской аудитории достигается за счет эффекта сопричастности, который хорошо реализуется в корпоративных СМИ, где обратная связь обеспечивается по каналам hr-специалистов (пресса для сотрудников), департаментов по работе с партнерами (отраслевая), клиентами (клиентская). Эффект вовлечения обеспечивается такими рубриками, как «Конкурсы», «Горячая линия», «Круглый стол». Эти методы коммуникации действенны при работе с любой аудиторией, в то время как некоторые тематические блоки оказываются актуальными лишь для отдельных сегментов, что приводит нас к важнейшему вопросу, который необходимо решить при формировании концепции и рубрикатора корпоративного СМИ – вопросу о степени присутствия корпорации-заказчика в контенте издания.

Уже на этапе работы над концепцией целесообразно определить оптимальное соотношение производственных и непроизводственных рубрик, выделив полосы и под специальные (профессиональные, отраслевые), и под общесоциальные темы. В случае с клиентским изданиями в документы, описывающие концепцию и рубрикатор, также закладываются «брендинговые» и общие рубрики – это позволит избежать замкнутости издания на деятельность корпорации-заказчика. Однозначных решений здесь нет: скажем, журнал для клиентов интернет-магазина «Lamoda» во всех материалах продвигает продукты компании – все модные образы составлены с участием одежды, обуви и аксессуаров, представленных на сайте. Модный журнал «Bosco Magazine», издаваемый на коммерческой основе издательским домом «Интервью» (журнал «Interview»), упоминает о заказчике издания лишь на обложке и в приветствии, остальные же материалы ничем не отличаются от «традиционных» фэшн-журналов. Очевидно, что степень присутствия заказчика определяется его целями: если пер-

вый журнал стремится к повышению лояльности клиентов через продвижение своей продукции, то второй призван заявить о бренде как о люксовом, выступающем в роли покровителя, «друга» элитных марок, размещаемых в журнале, – таким образом издатель ставит Bosco в один ряд с главными модными домами мира. Очевидно, что первое издание по своим признакам приближается к рекламному, тогда как прямое продвижение товаров и услуг корпорации – функция, отличная от задачи по налаживанию долгосрочных коммуникаций между базисным субъектом и потребителем. Целевое назначение рекламных изданий противоречит признакам корпоративных СМИ, которые мы считаем типоформирующими. На практике попытка «вписать» рекламные задачи в корпоративное издание с четко определенными стратегическими целями обычно рушит коммуникативную стратегию последнего.

Особенности рубрикатора и тематических планов напрямую зависят от степени изначальной вовлеченности целевой аудитории в деятельность корпорации. Интересный пример приводит исследователь А. Мирошниченко в книге «Работа в пресс-службе»: редактор корпоративного отраслевого журнала о нефтепереработке перед сдачей номера в печать вычеркивает из редакционных материалов лишние упоминания своей компании, для того чтобы издание воспринималось партнерами как актуальное для всей деловой среды, а не только для корпорации-заказчика [7, с. 172]. Сам Мирошниченко называет частые упоминания базисного субъекта «назойливыми». Проведенный нами контент-анализ корпоративной прессы (подробнее [10]) продемонстрировал, что доля материалов, в которых «высвечивается» фигура компании, зависит от читательского адреса. Если в изданиях для персонала допустимо до 80 – 100 % контента отдавать под освещение повестки дня, актуальной для самой корпорации, то в партнерских СМИ информация о проектах компании-учредителя для обеспечения эффективности внешних коммуникаций не должна занимать более 50 – 60 % редакционных площадей (допустимо увеличение показателя, когда эти проекты затрагивают интересы партнеров, которым адресовано издание). Анализируя тексты партнерских изданий, мы удостоверимся в том, что даже там, где встречается фигура заказчика, он упоминается в связи с общим положением на рынке, с тенденциями и взаимодействием с другими компаниями – иными словами, издания охватывают широкий круг тем, актуальный для многих представителей бизнес-среды. Клиентская же пресса, если она не преследует рекламные цели, способна привлечь читателя повесткой, актуальной вне связи с корпоративной деятельностью, а потому доля материалов о компании в подобных изданиях редко превышает 20 %.

Что касается дизайна продукта, то, вопреки общепринятому мнению о взаимосвязи аудитории издания и его формата, мы рекомендуем рассматривать самые разные комбинации исходя из творческих задач. Так, вовсе не обязательно издавать для персонала именно газету в формате А3, а для клиентов глянцевые жур-

налы. Нарушение традиционных канонов может сыграть на руку редакции – привлечь внимание аудитории, задать тон коммуникации и подчеркнуть миссию издания. Например, удачной можно назвать идею московского банка «Транспортный» выпускать для клиентов качественное газетное издание финансовой тематики – газету «Финансы для людей», по словам издателя, служащую частью проекта по повышению финансовой грамотности населения. Стремление походить на «большую» деловую прессу выгодно отличает газету от изданий конкурентов, развлекающих аудиторию журналами «стиля потребления». При этом определенный круг читателей априори ожидает от издания премиального облика, а другие (например, сотрудники), наоборот, скептически воспринимают слишком дорогостоящий продукт. Очевидно одно: дизайн-концепция издания должна находиться в соответствии с брендбуком компании. Если у компании нет собственного брендбука, то задача формирования фирменного стиля издания ложится на плечи редакции.

Для утверждения дизайн-концепции издания заказчику предлагаются несколько (как правило, 3 – 4) варианта визуализации, включающих передовую полосу (или обложку, если это журнал), положение текста на полосе, подверстки, фирменные шрифты, колонтитулы, выносы и так далее, из которых он выбирает и визирует один. При формировании дизайн-макета следует избегать монотонности, однообразия в представлении контента, массивности текстовых блоков, чем часто грешат корпоративные медиа. Введение внетекстовых элементов, а также подверсток, врезок и выносов (цитат, статистики, схем, диаграмм, рейтингов) облегчает восприятие информации и делает издание узнаваемым для сотрудников, партнеров или клиентов. Качественные динамические иллюстрации, эксклюзивная инфографика и рисунки отличают эффективное корпоративное издание. Практические рекомендации к оформлению корпоративных изданий имеют несущественные особенности по сравнению с рекомендациями к дизайн-макетам «большой» прессы и хорошо описаны в практических пособиях для дизайнеров и для издателей корпоративной прессы (например, [6, с. 104 – 113]). На наш взгляд, любые отличия в дизайне корпоративного издания от традиционного должны восприниматься как недостаток первого и нейтрализоваться, поскольку все принципы дизайна и верстки основаны на целевых назначениях, читательских аудиториях и законах восприятия визуального контента.

Подводя итог, сформулируем основные требования к концепции корпоративного издания. Эффективная концепция должна:

- отвечать интересам и помогать в решении стратегических задач компании, соответствовать корпоративной политике;
- четко фиксировать целевую аудиторию издания и ее социально-демографический, психологический и потребительский портрет;

- учитывать все возможности, которые открывает узкая сегментация целевых аудиторий, при получении обратной связи от потенциальных читателей;
- решать вопрос о степени присутствия корпорации-заказчика в контенте;
- фиксировать темы, актуальные для целевых аудиторий, и способы проработки этих тем с задействованием корпоративной повестки.

Созданная креативная концепция должна быть внимательно изучена и принята к сведению всеми сотрудниками компании, которые будут принимать участие в подготовке издания. Документ должен быть утвержден руководством, обязавшимся впоследствии согласовывать каждый новый номер издания перед его сдачей в печать.

Литература

1. Агафонов Л. С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
2. Все о внутренних коммуникациях / сост. А. Ф. Несмеева. М., 2013.
3. Горчева А. Ю. Корпоративная журналистика. М.: Вест-Консалтинг, 2008.
4. Дегтяренко Д. К. Корпоративные издания в России. Виды, функции, задачи // Среда. 2002. № 8 – 9.
5. Кривоносов А. Д. Корпоративная пресса на Западе: история и типология // PR-диалог. 2002. № 3, 5, 6.
6. Корпоративная пресса. Руководство к действию. М., 2011.
7. Мирошниченко А. А. Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей. М.: МедиаЛайн, Альпина Паблишер, 2012.
8. Мурзин Д. А. Корпоративная пресса: современные типологические концепции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
9. Олтаржевский Д. О. Роль корпоративных медиа в социализации бизнеса // Медиаскоп. 2014. Вып. № 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1512#7>.
10. Петропавловская Ю. А. Корпоративные издания как разновидность медиа: выход на массовую аудиторию // Вестник Московского университета. (Серия 10: Журналистика). 2015. № 5.
11. Чемякин Ю. В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006.
12. Чернега О. П. Корпоративные издания: соотношение практики и теории // Журналистика в 2004 г. СМИ в многополярном мире. Ч. 2. М.: Факультет журналистики МГУ.

Информация об авторе:

Петропавловская Юлия Александровна – аспирант кафедры редакционно-издательского дела факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, rueful@inbox.ru.

Yulia A. Petropavlovskaya – post-graduate student at the Department of Editing and Publishing, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: **Инишакowa Наталия Григорьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, inshakovamgu@yandex.ru).

Research advisor: Nataliya G. Inshakova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Editing and Publishing, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.

УДК 821.161.1

«ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА: ПОНЯТИЕ, ГРАНИЦЫ, СПЕЦИФИКА

Л. С. Старикова

THE “CAMP PROSE” IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY: CONCEPT, FRAMEWORK, SPECIFICITY

L. S. Starikova

В статье рассмотрена история формирования представления о лагерной прозе в литературоведении. Дано определение данного понятия и его характеристики, основанные на изучении творчества трех произведений различных писателей: «Воскрешение лиственницы» В. Т. Шаламова, «Зона» С. Д. Довлатова, «Кочевание до смерти» В. Е. Максимова. Лагерная проза – тематическое направление в русском литературном процессе конца 50-х – 90-х гг. XX века, создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), обладающее следующими чертами: общие тематика и проблематика, связанные с экзистенциальной средой лагеря; автобиографический характер; документальность; историзм; художественное воплощение образа лагеря; особое пространство (замкнутость, остров, ад); особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы; особая авторская рефлексия над текстом.

The paper describes the history of the formation of the ideas about the camp prose in the scientific literature. The definition of this concept and its characteristics are presented, based on the study of three creative works of various writers: «The resurrection of the larch» by V. T. Shalamov, «Zone» by S. D. Dovlatov, «The nomadism to death» by V. E. Maksimov. The camp prose is a thematic direction in the Russian literature during the late 1950s – 1990s XX creating an artistic image of the camp in a creative reflection of writers (witnesses, observers, those who never saw camps but studied the archives, memoirs), with the following features: common themes and issues related to existential camp environment; autobiographical character; documentary; historicism; artistic expression of the image of the camp; special space (isolation, island, hell); special human psychology, philosophical understanding of the human situation in captivity; special author's reflection on the text.

Ключевые слова: лагерная проза, «новая проза», рефлексия, метатекст, В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов.

Keywords: camp prose, «new prose», reflection, metatext, Varlam Shalamov, Sergey Dovlatov, Vladimir Maimov.

Изучением произведений, принадлежащих к тематическому направлению лагерной прозы, занимаются с конца 1980-х гг. следующие отечественные литературоведы: О. В. Васильева, Е. Волкова, В. Есипов, Л. В. Жаравина, Ю. В. Малова, А. В. Сафронов, И. Сухих и др., однако единого понятия «лагерной прозы» так и не выявлено, поскольку в основном объектом исследований становятся отдельные авторы или произведения, без выхода на направление в целом. Поэтому целью нашей статьи является обобщение различных позиций для обозначения границ и наполнения данной дефиниции, а также выявление специфических черт направления.

В России лагерный опыт нескольких поколений недостаточно осмыслен и не пережит по-настоящему, ему уделяется не так много внимания, как этого хотелось бы некоторым исследователям. По мнению Е. Михайлик (Австралия), «Создается впечатление, что основная аудитория лагерной литературы не желает не только полемизировать, но и вообще сталкиваться со сколь угодно косвенно выраженным утверждением, что общество, частью которого она является, выпало из истории и растеряло остатки социальных связей, а сама она нуждается в этической и социальной эволюции» [16]. В западной культуре истории, философы, филологи обращаются к данной теме намного чаще. «Так, в 90-х гг. XX в. во Франции возникло самостоятельное направление «эстетика исчез-

новения» (а применительно к текстам выживших узников лагерей – «эстетика Лазаря»), призванное не просто проанализировать массив художественных высказываний о лагерях смерти и преступлениях фашизма, но стремящееся осмыслить излом чувственности, который произошёл в середине XX века в Европе, пережившей катастрофу» [1]. В Польше изучают (в том числе и в школе) произведения польской лагерной прозы, например, книгу «Мы были в Освенциме» Тадеуша Боровского, Кристина Ольшевского и Януша Неля Седлецкого, изданную в Мюнхене в 1946 г. Хотя тенденция к забвению прослеживается и в Польше, так как в 2015 г. «Россия не получила официального приглашения на 70-летие освобождения Освенцима от польской стороны: мероприятие сделали не государственным» [24]. Д. А. Ардамацкая отметила важность преодоления запредельного опыта и внутреннюю суть написания лагерной прозы: «свидетельство само по себе является самой важной составляющей рефлексии катастрофического опыта, сопротивляющейся исторической амнезии» [2, с. 257]. Рефлексия и память о пережитом становятся основой для написания произведений, воплощающих запредельный опыт человека в абсурдной реальности.

Остановимся на двух обзорных статьях, посвященных лагерной прозе. В 1989 г. появляется первая обзорная статья И. Сухих. Он рассматривает следующие произведения: «Колымские рассказы» В. Т. Ша-

ламова, «Непридуманное» Л. Разгона, «Черные камни» А. Жигулина, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Всех авторов, принадлежащих к данному направлению, исследователь считает последователями метода «новой прозы» В. Т. Шаламова [26], характеризует их как Вергилиев, а сам лагерь как ад, «мертвый дом» [22, с. 194], обозначая тематическую общность и философскую направленность: «Развертывающаяся как безыскусное автобиографическое повествование «новая проза» все время выводит на ключевые вопросы о природе человека и человеческого» [22, с. 197]. Идя вслед за В. Шаламовым, И. Сухих использует термин «новая проза». Исследователь Ю. В. Малова [13] утверждает начало непосредственно термина лагерной прозы в эссе «О прозе» В. Шаламова [26]. В нем писатель пользуется словосочетанием «лагерная тема», затем направление стали именовать лагерной прозой, возможно, в соотнесении с понятием каторжной прозы.

В статье 1996 г. О. В. Васильева делает попытку проследить эволюцию лагерной темы. За точку отсчета темы она берет рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Далее в ряд она ставит В. Шаламова, который «сознательно отталкивается» от предшественника. Исследователь считает повествования обоих авторов крайне схожими, лишь акцентируя различия угла зрения на лагерный опыт: В. Шаламов берет крайние, запредельные ситуации, а Солженицын – «средне-статистический» лагерь политзаключенных» [5, с. 57]. Следующий этап развития темы – «Верный Руслан» Г. Владимова, где лагерь описан глазами караульной собаки. Данный автор снял противостояние личности и системы, так как «личностное начало индивида оказалось настолько потесненным и подавленным государством, что противостояние «личность – государство» утратило смысл» [5, с. 61]. Затем О. В. Васильева рассматривает повесть С. Довлатова «Зона», которая в современной литературе практически завершила лагерную тему, объединив и смешав все, что было связано с лагерем в реальном и художественном мире, в том числе и позиции своих предшественников [5, с. 62]. В целом можно выявить то общее, что исследователь отмечает у всех писателей: ад и абсурд лагерной реальности. Но также она замечает, что, по сути, данное направление лишь подтвердило тип среднего человека, такого же, как в военной и деревенской прозе.

В работе 2006 г. О. В. Васильева и А. В. Савельева отдельно обращаются к теме лагеря в творчестве М. Кураева (повесть «Ночной дозор», 1988), считают его, вслед за С. Довлатовым, писателем, введшим иронико-комический ракурс представления о человеке советской эпохи, раскрывая облегченным способом трагизм лагерной проблематики. М. Кураев, по их мнению, также отказывается от определения человека через понятия «плохо» и «хорошо», показывает его многоплановость: он «создал модель многополярного космосоциума, когда восприятие, оценка, осознание какого-либо явления зависит от множества причин: точки зрения, остроты зрения, убеждений воспринимающего, его желания, его умения и даже – времени суток» [6, с. 24].

Н. В. Ганущак, изучая творчество В. Т. Шаламова, обозначает поэтику лагерной прозы как глобальную, всечеловеческую тему: «Писатель рассматривает лагерь как своего рода модель человеческой жизни, когда ее вековые коллизии и противоречия доведены и обострены до крайнего предела» [7].

Ю. В. Малова рассматривает лагерную прозу как продолжение традиции «каторжной прозы» XIX века, особо опираясь на мотивы «Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: «Произведения о лагерях XX в. перекликаются с XIX-м в изображении каторги (лагеря, ссылки, тюрьмы) как «Мертвого дома», земного ада. Эхом отзывается мысль о мироподобии лагеря (каторги, ссылки), слепка «вольной» жизни России» [13]. Выделяет историзм данного направления.

Преимуществом традиций лагерной прозы от каторжной рассматривает и исследователь А. Ю. Минералов на примере отражения «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Острова Сахалин» А. П. Чехова в произведениях XX века [14].

И. В. Некрасова, обобщая опыт исследователей в монографии 2003 г., в частности мнение Д. Лекуха [11], описывает два направления лагерной прозы XX в. А. И. Солженицын считается родоначальником «реально-исторического» направления, начало второму, «экзистенциальному», направлению положил В. Т. Шаламов. Оно отличается «авторским стремлением исследовать «человека в предельной ситуации» [18, с. 35]. После Шаламова, по мнению исследователя, направление продолжил С. Довлатов. «Реально-историческое ищет вину во внешнем: в большевизме, в попрании Бога, в искажении сущности человека – в чем угодно, только не в себе самом. Направление экзистенциально находит в себе мужество для признания: зло есть порождение именно человека, оно является одной из составляющих его природы» [цит. по: 18, с. 36]. Так Д. Лекух противопоставляет два направления через определение человека и его воли принимать ответственность за происходящее с ним.

Творчество В. Шаламова и его «новую прозу» И. В. Некрасова считает основой «экзистенциального» направления. Под «новой прозой» сам писатель понимал специфический новый метод претворения в художественной форме осмысления жизненного опыта, по выражению Н. Е. Таркана, это «Документальность, сопряженная с психологизмом, – одна из примечательных характеристик шаламовских рассказов, которые он называл «новой» прозой» [23, с. 322].

М. Михеев ключевым моментом «новой прозы» называет предложенное им понятие *анти*-катарсис. «Прием состоит в очевидном перенесении себя читателем – на место убитого, вернее, на место неназванного «я», наблюдавшего за этим убийством... Автор сознательно воздействует на чувства читателя, принуждая его пережить за «я» облегчение – но в то же самое время и укоры совести. То есть *анти*-катарсис – это еще более отягощенное переживание вместо облегчения, или новые беспокойство, тревога, сомнение – сопутствующие локальному облегчению» [17]. Мы можем найти примеры *анти*-катарсиса и в рассматриваемых нами произведениях. В цикле «Воскрешение лиственницы» В. Т. Шаламова ярким примером является рассказ «Тишина», где рассказчик рад тишине,

которая наступила после самоубийства надоедливой сектанта, певшего псалмы и гимны. Он не переживает момент смерти, она и так обыденна для героев лагерной прозы [9], он думает о насущном: теперь ему надо искать нового напарника. В «Кочевании до смерти» В. Максимова один из героев убивает человека, чтобы отыграться в карты. И для всех это – нормальное событие, лагерное убийство даже стало поводом для надежды «склеить» групповое дело и получить награду оперу Ждану.

А. В. Сафронов в статье 2013 г. рассматривает с интересной точки зрения ряд писателей лагерной прозы (И. М. Губерман, Д. Ю. Шевченко, Э. В. Лимонов), отталкиваясь от «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына. Исследователь выявляет черты жанра путешествия, унаследованные лагерной прозой, начиная свой ряд от «каторжной» литературы, в частности «Острова Сахалин» А. П. Чехова:

«1) «Дорога», «путь», «маршрут» в роли композиционной доминанты – героям «лагерной прозы» в прямом смысле предстоит совершить «путешествие»: кому в Сибирь, кому на Дальний Восток, кому на Соловецкие острова...

2) Восприятие тюрьмы, лагеря как особого мира, самостоятельного государства, «неведомой страны»...

3) Повествование «о туземцах» (заключенных): история, иерархия общества «туземцев», галерея тюремных и лагерных типов, исследование причин преступлений; отношения между «блатными» и «политическими», эстетика и жизненная философия; язык, фольклор» [20].

Годом ранее этим же исследователем издано учебное пособие, где отдельная глава посвящена лагерной прозе 2-й половины XX в. В данном пособии есть определение направления: «Под «лагерной прозой» мы понимаем тематическое ответвление (течение) русской художественно-документальной прозы, возникшее в «хрущевскую оттепель», воспринявшее традиции «каторжной прозы» XIX в., ... опирающееся на традиции «этнографического реализма» и жанра путешествия. По отношению к произведениям этих авторов возможно также употребление термина «очерк – преступление». «Лагерная проза» представлена в жанрах мемуаров, дневников, записок, воспоминаний, автобиографий» [19, с. 49]. Акцент сделан именно на традиции жанра путешествия и очерковости, с чем мы не можем согласиться, так как в первую очередь лагерная проза – это художественные произведения. Например, В. Шаламов утверждал, что его рассказы не имеют ничего общего с очерком: «К очерку никакого отношения проза «КР» не имеет. Очерковые куски там вкраплены для вящей славы документа, но только кое-где всякий раз датировано, рассчитано. – Живая жизнь заводится на бумагу совсем другими способами, чем в очерке. В «КР» отсутствуют описания, отсутствует цифровой материал, выводы, публицистика. В «КР» дело в изображении новых психологических закономерностей, в художественном исследовании страшной темы, а не в форме «информации», не в сборе фактов. Хотя, разумеется, любой факт в «КР» неопровержим» [26, с. 147].

Обобщим ключевые моменты, обозначенные исследователями, которые характеризуют направление

лагерной прозы и которые также находят отражение в произведениях, взятых нами для анализа.

1. Пространство лагеря как ада, «мертвого дома», абсурд лагерной реальности (О. В. Васильева, Ю. В. Малова, А. Ю. Минералов, Е. Михайлик, И. Сухих).

2. Новое о человеке и его поведении (Н. В. Ганущак, Е. Михайлик, И. В. Некрасова, И. Сухих, Н. Е. Таркан).

3. Отражение принципов «новой прозы», выведенных В. Т. Шаламовым (И. В. Некрасова, И. Сухих, Н. Е. Таркан).

4. Автобиографизм (Е. Михайлик, А. В. Сафронов, И. Сухих).

5. Документальность, историзм (Ю. В. Малова, А. В. Сафронов, Н. Е. Таркан).

6. Авторская рефлексия (Д. А. Ардамацкая).

7. Лагерь как особый мир, остров (А. В. Сафронов).

Не все указанные пункты имеют достаточную развернутость, например, многие исследователи упоминают о поведении человека в лагерной реальности, но не уточняют характерных черт, проявляющихся у него в лагере. Лишь О. В. Васильева конкретно утверждает, что в произведениях лагерной прозы показан тип среднего человека, с чем мы не можем согласиться, так как в различных произведениях человек показывает разные свои грани. А в «Воскрешении лиственницы» главный герой, вырвавшийся из ада, пишущий стихи, не может считаться нами среднестатистическим человеком. Также особый интерес для нас представляет развернуть рефлексивный характер лагерной прозы, что отражается в метатекстовой структуре взятых нами произведений. Обращаясь к следующим произведениям лагерной прозы: «Воскрешение лиственницы» (1965 – 1967) В. Шаламова, «Зона» (1964 – 1989) С. Довлатова и «Кочевание до смерти» (1994) В. Максимова, – мы выделяем художественный образ зоны, воплощаемый писателями с разным лагерным опытом. Они написаны в разное время, относятся к разным литературным направлениям, лагерный опыт показан с различных точек зрения и в разном объеме, но все они принадлежат к тематическому направлению лагерной прозы с характерными для нее признаками.

На основе данных произведений хотелось бы подробнее рассмотреть общие моменты: особое пространство лагеря, человека в ситуации несвободы, рефлексивный характер повествования.

Лагерь – это другой, отдельный мир, остров. Несмотря на то, что географически Колыма – полуостров и примыкает к континенту, в художественном мире лагерной прозы она становится островом, отделенным от материка. Особенно ярко это проявляется в произведениях В. Шаламова, что отмечают и некоторые исследователи, например, Н. Л. Лейдерман: «Концлагерь, заместивший собою всю страну, страна, обращенная в огромный архипелаг» [10, с. 145]; М. Бруер: «Она также часто называется «островом», а остальное пространство «материком» или «большой землей». Там, на материке, живут «наверху», а по аналогии, Колыма находится на самом дне, «в аду» [4]. В рассказе «За письмом» главный герой едет за

письмом, посланным ему впервые за 15 лет. До письма он добирается в течение нескольких дней, проезжает 500 км, продает попутно почти все ценные вещи. И этот сложный путь герой проделывает даже не на свободу, потом ему опять придется возвращаться обратно. В рассказе «Борис Южанин» автор поясняет, что «...центральные части России на Колыме зовут «материком», хотя Колыма не остров, а область на Чукотском полуострове, – но сахалинский лексикон, отправка только пароходами, многодневный морской путь – все это создает иллюзию острова. Психологически иллюзии нет никакой. Колыма – это остров. С нее возвращаются на «материк», на «Большую землю». И материк, и Большая земля – это словарь повседневности: журнальный, газетный, книжный» [25, с. 252].

Образ лагеря в указанных произведениях описан как ад на земле, что подтверждали уже некоторые исследователи [4; 7; 10; 15; 16], где абсурд становится нормой существования, а смерть переходит из экзистенциального понятия в сферу обыденного. Сам С. Д. Довлатов, анализируя своих предшественников и их восприятие лагеря, пишет ставшую хрестоматийной фразу: «По Солженицыну, лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами...» [8, с. 8]. Но в этом случае, несмотря на постмодернистский характер «Зоны», смех и игру Довлатова, его концепция даже более удручающая: если ад – это мы, люди, все, тогда ад – не просто лагерь, ад – это весь мир, к тому же враждебный: «По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир» [8, с. 53]. «Мир, в который я попал, был ужасен» [8, с. 18], – не раз подчеркивает герой «Зоны». Лагерь – это система, действующая не только в рамках конкретной зоны, но и в пределах страны, и всего мира.

Характерным в этом отношении также становится опыт героя романа В. Максимова «Кочевание до смерти», которому все порядки мира во все времена видятся лишь вариантами лагерной системы, в которых сменяются надзиратели и заключенные. Весь мир описан как ловушка для человека, мощь природы и вселенной довлеет над ним, даже «освященный лагерь» выглядит «словно игрушечный макет, наспех собранный случайной рукой» [12, с. 609]. В итоге для героя мир – «огромная мышеловка» [12, с. 725], которая захлопывается, а единственным выходом из нее является смерть (для героя – самоубийство).

В данном пространстве прослеживается особая психология человека, оказавшегося в пограничье, пытающегося разобраться в себе. Ключевым становится философское осмысление человека в ситуации несвободы. В. Шаламов в своем эссе «О прозе» пишет, что в его рассказах «показаны новые психологические закономерности, новое в поведении человека, низведенного до уровня животного – впрочем животных делают из лучшего материала и ни одно животное не переносит тех мук, какие перенес человек. Новое в поведении человека, новое – несмотря на огромную литературу о тюрьмах и заключении» [26, с. 147 – 148]. В рассказе «Термометр Гришки Логуна» В. Шаламов подчеркивает, что власть – главный критерий растрепания человеческой души: «Власть – это растрепание. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе

человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути в побоях, в убийствах» [25, с. 125]. Еще одним примером служит рассказ «Белка», где толпа людей убивает зверька просто так, по животной природе человека, жаждущего убийства.

По С. Довлатову «Зло определяется конъюнктурой, спросом, функцией его носителя. Кроме того, фактором случайности. Неудачным стечением обстоятельств. И даже – плохим эстетическим вкусом» [8, с. 85]; «Человек неузнаваемо меняется под воздействием обстоятельств. И в лагере – особенно» [8, с. 46]. Ситуация владеет выбором человека, а зло существует в нем всегда, как и добро. Характерным примером двойственности в «Зоне» можно считать ситуацию с одним из персонажей – вохровцем Егоровым, жена которого не могла спать из-за лая сторожевой лагерной собаки. И он просто застрелил пса. Фактически он совершил убийство, руководствуясь благой целью. А сам главный герой проходит сложный путь в ходе своей службы в блатном лагере: от интеллигента с наивной книжной ментальностью, проникнутой романтическими мотивами, до ранее невиданного для него падения (его встреча с проституткой). В последней новелле он сам оказывается под конвоем, становясь заключенным.

И. Сухих в монографии, посвященной творчеству С. Довлатова, анализируя представление о человеке в «Зоне», говорит и о предыдущей традиции: «Солженицын абсолютно уверен, что человек, сохранивший в душе Бога, вынесет любые муки, преодолет, победит... Человека можно убить, но нельзя сломать» [21, с. 98]. По В. Шаламову, если «человек все-таки что-то сохранил в себе, значит, его просто мало били. Просветительское «среда заела» трансформируется у Шаламова в абсолютную, рабскую зависимость человека от тоталитарного целого. Потому шаламовские рассказы – это «записки с того света» человека, который так и не вырвался, не вернулся из ада» [21, с. 98]. Так, позиция С. Довлатова оказывается некоторым образом между двумя крайностями, а «Человек человеку... как бы это получше выразиться – табула раса. Иначе говоря – все, что угодно» [8, с. 86].

Из трех рассматриваемых нами писателей самый суровый приговор человеку выносит В. Максимов, показывая человека по сути слабым, беспомощным в мире-мышеловке. Он идет дальше, с одной стороны, и оказывается в чем-то схож с С. Довлатовым в моменте определения сущности человека в зависимости от обстоятельств, в другой же – солидарен с В. Шаламовым в бессильности культуры (цивилизации), утрата которой обнажает все низменное в человеке. Один из героев (доктор в лагере) уверен: «Голодные люди все одинаковы, культура наша, дорогой друг, это так, легкий грим на обыкновенной обезьяне, не выдерживает первого же серьезного испытания вроде снега или дождя» [12, с. 580].

Трех писателей также объединяет мотив творчества, в котором отражается рефлексия над своей жизнью и историей страны. Они интерпретируют не только тексты, но и реальность, осмысляя и переживая ее художественными образами, что позволяет нам рассматривать данные произведения на метатекстовом уровне.

Во-первых, все главные герои взятых нами произведений – писатели. Герой В. Шаламова пишет стихи и является отражением автора-Шаламова. Он – поэт, стихи становятся его спасением, уходом от ада реальности.

Структура «Зоны» изначально имеет метатекстовый характер: герой-писатель собирает свои же старые новеллы в единое целое, и текст создается как бы на наших глазах. Его герой рефлексировал не только над прошлым, но и в процессе жизни, что отражается иногда в его взгляде на себя со стороны третьего лица: «Когда меня избивали около Ропчинской лесобиржи, сознание действовало почти невозмутимо: «Человека избивают сапогами. Он прикрывает ребра и живот. Он пассивен и старается не возбуждать ярость масс... Какие, однако, гнусные физиономии! У этого татарина видны свинцовые пломбы...». Кругом происходили жуткие вещи» [8, с. 26 – 27].

В «Кочевании до смерти» В. Максимова герой не только рефлексировал над собственной жизнью, но является и автором исторического романа о своем отце и об истории России. Сама структура демонстрирует прием «текст в тексте». А. В. Баклыков определяет жанр «Кочевания до смерти» как «филологический роман»: «Наличие многочисленных лирических отступлений в романе «Кочевание до смерти» и использование приема «роман в романе», который якобы пишет главный герой, позволяет говорить о важности темы творчества, психологии творческого процесса, что дает возможность определить жанровую разновидность произведения как «филологический роман» [3].

Во-вторых, все три произведения построены как описание прошлого через настоящее, что диктует рефлексивность авторского повествования. «Воскрешение лиственницы» начинается рассказом «Тропа», где события отражают последние годы заключения самого В. Шаламова в лагере, и уже от этой точки он рассматривает путь от самого начала приезда в лагерь (рассказ «Причал ада»). У С. Довлатова сама структура построения представлена в виде писем к издателю с приложением новелл об опыте надзирателя в лагере. У В. Максимова роман построен как последовательность смены описания событий настоящего и прошлого, перемежающаяся вставками «романа в романе» самого героя, который пишет свой роман на глазах читателя, а также комментирует его.

В-третьих, творчество становится определяющим вектором для героев произведений «лагерной прозы», а также и для самих писателей, переживающих лагерный период своей жизни с помощью воплощения его на бумагу. В «Воскрешении лиственницы» только люди творческие, создающие нечто новое, оказываются способны сопротивляться разрушению. Для Сергея Довлатова лагерный опыт стал одним из толчков для начала писательской судьбы, и его герой через творчество переоценивает свои жизненные устои. Для героя романа «Кочевание до смерти» творчество

является профессией, оно помогает ему какое-то время держать себя, но в итоге герой все равно выбирает смерть.

Укажем, возможно, неполный список писателей, произведения которых входят в круг лагерной прозы: Г. Владимов, О. Волков, Е. Гинзбург, В. Гроссман, С. Д. Довлатов, А. Жигулин, В. Кресс, М. Кураев, В. Е. Максимов, Л. Разгон, А. Синявский, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов.

На основе анализа исследований, посвященных лагерной прозе, и произведений, взятых нами в качестве примера («Воскрешение лиственницы» В. Шаламова, «Зона» С. Довлатова и «Кочевание до смерти» В. Максимова), а также сопоставления полученных выводов, попробуем дать определение понятия «лагерная проза».

Итак, лагерная проза – тематическое направление, проявившееся в развитии русского литературного процесса конца 50-х – 90-х гг. XX в., создающее художественный образ лагеря в творческой рефлексии писателей (очевидцев, наблюдателей со стороны, тех, кто не видел вообще или изучал по архивам, воспоминаниям), с характерными чертами, присущими ему.

1. Общая тематика и проблематика: тюрьма, зона/лагерь, система ГУЛАГа в целом, несвобода, экзистенциальные мотивы, восприятие смерти и жизни, материального и духовного.

2. Автобиографический характер повествования, что обусловлено личным опытом писателей.

3. Документальность и связь с историей (лагеря существовали и развивались в определенный исторический период), но документальность в большей степени поэтическая, художественно воплощенный документ о человеке и его ощущениях.

4. Конкретность описаний, бытовое восприятие действительности (как следствие документальности).

5. Художественный образ лагеря, воссоздаваемый в индивидуально-авторских картинах мира.

6. Особое пространство: лагерь как остров, отделенный от материка, Москвы и свободной жизни; образ зоны как ада, «мертвого дома»; образ лагеря как недолжного бытия с перевернутыми ценностными представлениями.

7. Особая психология человека, оказавшегося в пограничье, пытающегося разобраться в «новом» миропорядке и сохранить индивидуальные черты, собственные границы; философское осмысление человека в ситуации несвободы.

8. Особая авторская рефлексия над текстом, основанная на собственном опыте, отражающая психологические и нравственные изменения человеческой души после испытания адом лагерного бытия.

Хотелось бы отметить, что мы не претендуем на однозначность приведенных нами характеристик, так как наш материал не заполняет всего направления лагерной прозы, но многие черты находят отражение в произведениях и других авторов, не рассмотренных нами.

Литература

1. Ардамацкая Д. А. Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 137 – 143.

2. Ардамацкая Д. А. Философия «после ГУЛАГа»: осмысление исторической катастрофы // *Studia Culturae*. 2013. № 16. С. 256 – 264.
3. Баклыков А. В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова «Кочевание до смерти»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2000.
4. Бруер М. Изображение пространства и времени в лагерной литературе: «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы» // Шаламовский сборник. М., 2011. Вып. 4. С. 143 – 151.
5. Васильева О. В. Эволюция лагерной темы и ее влияние на русскую литературу 50 – 80-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Сер. 2. Вып. 4 (№ 23). С. 54 – 63.
6. Васильева О. В., Савельева А. В. Тема лагеря в прозе Михаила Кураева. СПб., 2006. 43 с.
7. Ганущак Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 26 с.
8. Довлатов С. Зона: (Записки надзирателя) // Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т.; сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. Т. 2. С. 5 – 196.
9. Зайцева А. Р. Метафизика смерти в прозе Варлама Шаламова // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10. № 2. С. 67 – 71.
10. Лейдерман Н. Л. «В метельный ледящий век» (В. Шаламов. «Колымские рассказы») // Лейдерман Н. Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург, 2005. С. 139 – 174.
11. Лекух Д. «Ад – это мы сами...» // Литературная газета. 1991. 11 янв.
12. Максимов В. Е. Кочевание до смерти // Максимов В. Е. Избранное. М., 1994. С. 523 – 735.
13. Малова Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX – XX вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саранск, 2003.
14. Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 106 – 112.
15. Михайлик Е. В контексте литературы и истории // Шаламовский сборник. Вологда: Грифон, 1997. Вып. 2. С. 105 – 129.
16. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 356 – 375.
17. Михеев М. О «новой» прозе Варлама Шаламова // Вопросы литературы. М., 2011. Вып. 4. С. 183 – 214.
18. Некрасова И. В. Судьба и творчество Варлама Шаламова: монография. Самара: Изд-во СГПУ, 2003. 204 с.
19. Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза): учебно-методическое пособие; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2012. С. 49 – 86.
20. Сафронов А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2013. № 3 (40). С. 139 – 154.
21. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
22. Сухих И. Эта тема пришла... // Звезда. 1989. № 3. С. 193 – 200.
23. Таркан Н. Е. Особенности поэтики «Колымских рассказов» В. Шаламова // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы X междунар. науч.-практ. конф. 22 мая 2008 г. Уссурийск, 2008. С. 322 – 326.
24. Темнова А. Лагерная проза: специальный репортаж. Эфир от 18.01.15. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/633010/>
25. Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 105 – 280.
26. Шаламов В. Т. О прозе // Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. + т. 7, доп. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954 – 1979 гг. / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. С. 144 – 157.

Информация об авторе:

Старикова Людмила Семеновна – соискатель кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, lyudvig.star@yandex.ru.

Lyudmila S. Starikova – post-graduate student at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ.

Research advisor: Irina V. Ashcheulova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 16.04.2015 г.

УДК 81'373

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТОРОН СВЕТА В РУССКИХ ГОВОРАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(бинарные оппозиции «восток-запад», «юг-север»)

А. Г. Тимченко

VERBALIZATION OF THE CARDINAL POINTS IN THE RUSSIAN DIALECTS
OF KRASNOYARSK TERRITORY (semiotic binary oppositions «East-West», «South-North»)

А. G. Timchenko

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ № 14-14-24004 «Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 14-14-24004 «Ethno-cultural consciousness and siberian identity that is reflected in the language».

Лексическая система говоров позволяет реконструировать языковую картину мира. Данное исследование затрагивает некоторые аспекты вербализованной картины мира жителя Красноярского края. Красноярский край относится к числу немногих регионов нашей страны с незавершенным лексикографическим описанием. Самобытность сибирской культуры, менталитета заложена и в языке. Имеющиеся в словарях русских говоров Красноярского края языковые данные отражают материальную и духовную культуру сибиряков, свидетельствуют о многолетних связях русского населения региона с представителями коренных этносов. В статье исследуется языковое воплощение бинарных оппозиций «восток-запад» и «юг-север» (на материале диалектных источников). Рассматривается ритуальная роль лексем, входящих в состав оппозиций. Анализируется связь сторон горизонта и метеорологических именовании. В диалектных лексических единицах, семантически относимых к указанным противопоставлениям, реализуются частные представления красноярских крестьян об окружающем мире, о собственном положении в нем. Территориально ограниченное лингвистическое исследование говоров раскрывает факты национальной культуры, взаимопроникновения ареальной диалектной лексики и лексики русского литературного языка, что влечет за собой своеобразие функционирования отдельных диалектных единиц. Результаты данного исследования могут быть использованы для анализа региональных картин мира, исследования семантики диалектного слова, при проведении спецкурсов и спецсеминаров по диалектологии, лингвокультурологии, лингвистическому краеведению.

The lexical system of dialects allows the reconstruction of the linguistic worldview. This study deals with some aspects of verbalized worldview of the residents of Krasnoyarsk Territory. Krasnoyarsk Territory is one of the few regions of the country with incomplete lexicographic description. The identity of the Siberian culture and mentality is contained in the language. The linguistic data available in dictionaries of the Russian dialects of Krasnoyarsk Territory demonstrate the material and spiritual culture of the Siberians, indicates a long-term relation of the Russian population of the region with the indigenous ethnic groups. The paper is devoted to the linguistic verbalization of the semiotic binary opposition «East-West» and «South-North» (based on the dialects sources). The author examines the ritual role of lexemes included in the opposition, analyzes the relations between the cardinal points and meteorological namings. The dialect lexical items that are semantically related to these oppositions reveal Krasnoyarsk peasants' particular understanding of the world and their own position in it. The territorially limited study of linguistic dialects reveals the facts of national culture, the interpenetration of local dialect vocabulary and the vocabulary of the Russian literary language, which entails the uniqueness of the operation of individual unit's dialect. The results of this study can be used to analyze regional worldviews, in the study of dialect words semantics, during special courses and seminars on dialectology, linguistics, linguistic local history.

Ключевые слова: семиотические оппозиции, говоры Красноярского края, категория пространства, картина мира субэтноса.

Keywords: semiotic binary opposition, dialects of Krasnoyarsk Territory, category of space, subethnic worldview.

В исследованиях по семиотике культуры было выдвинуто предположение, что языковую картину мира этноса, человека (в частности) можно описать с помощью бинарных оппозиций, которые являются универсальными для множества языков и культур [3]. В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым при реконструкции семантики древних текстов были предложены следующие оппозиции: свой-чужой, хороший-плохой, мужчина-женщина, свет-тьма, верх-низ, восток-запад, юг-север, близкий-далекий и т. п. [2]. Немаловажно,

что первый член оппозиций всегда маркирован положительно, второй – отрицательно.

Категории пространства и времени являются универсальными для всех языков и культур. Человеку с древних времен важно было определить свое местоположение, вписать себя в мировую ось координат для утверждения ориентации и самоориентации, упорядочить, таким образом, хаотичную вселенную, сделать ее познаваемой, понятной, осмысленной. Как утверждал М. Н. Громов, вертикальная структура, горизонтальное членение пространства, семиотиче-

ские оппозиции «не только структурировали языческое сознание и создавали своеобразный механизм объяснения мира и человека, но и содержали в себе протомодели, которые впоследствии были преобразованы в развернутые и рационализированные концепции» [1, с. 448 – 449].

В данной статье предпринимается попытка описать лишь малую, но при этом весьма значимую часть языковой картины жителя Красноярского края (вербально воплощенную ориентацию по сторонам света субъекта) с помощью опоры на такие оппозиции, как «восток-запад» и «юг-север». Такое расположение компонентов бинарных структур принято считать традиционным, поскольку первый из них маркируется положительно, второй – отрицательно. Материалом для анализа послужили лексические единицы говоров Красноярского края. Именно диалектная форма языка является более устойчивой к изменениям, нежели форма литературного языка, что позволяет ярче и точнее реконструировать картину мира субэтноса, проживающего на данной территории.

В научной картине мира стороны горизонта выступают абсолютными и неоспоримо познаваемыми характеристиками пространства. В языковой картине мира отдельно взятого субэтноса они уже могут фигурировать в качестве характеристик относительных, поскольку направление, точку отсчета в пространстве человек выбирает, ориентируясь на свое положение.

Структурные члены оппозиций юг-север и восток-запад «в славянском фольклоре и ритуале нередко выступают в виде единого комплекса четырех сторон света...» [2, с. 109]. Особо выделенной среди всех четырех сторон света является восток. Издревле представления о миропорядке и укладе жизни крестьянина были связаны с солнцем, его движением. Отсюда и мифологические представления о боге Яриле, который проезжает на своей золотой колеснице по небосводу, освещает просыпающуюся плодородную Мать-Сыру Землю [4]. Восход как место «рождения» солнца, естественно, маркировался положительно, а запад как место его «смерти», – отрицательно. Покойников клали лицом в сторону востока, храмы строились обращенными на восток, ульи тоже ориентировали на восточную сторону [2, с. 111].

Ритуальная роль востока и связанного с ним восхода солнца нашли отражение в заговорах. В них не переменным является повтор, своего рода формула, связанная с обозначением места направления. Рассмотрим фрагмент текста заговора, по данным архива автора бытовавшего на территории Красноярского края: «*Ложусь я помялюсь, стою я благословляюсь. Пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, на восток на восточную сторону. На восток на восточной стороне стоит море, в этом море плавает белый лебедь. У этого белого лебедя не держится ни утренняя роса и ни вечерняя роса...*». Как и в изоморфных русских заговорах, видим следующее: поскольку заговор направлен на положительный результат, ориентация субъекта в пространстве – *восток*. Данная лексема неоднократно повторяется, что концентрирует внимание речедеятеля именно на этой детали. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров в своем труде отмечали, что существуют нацеленные на реализацию негатив-

ного намерения заговоры, в которых «маркированным является понятие *не-восток, не-восточный*» [2, с. 110].

Если обратиться непосредственно к словарям русских говоров Красноярского края, можем встретить следующие лексические единицы, связанные семантически с первым членом бинарной оппозиции «восток-запад»: *волосажар – созвездие. – Созвездие Орион, состоит из семи звезд. Восходит на востоке – это Волосожар* [11, с. 50]; *кичиги – созвездие Ориона. – Домой пора, кичиги низко. Время завсегда по кичигам сверяли ночью* [5, с. 127]; *восходный – восточный. – Восходная сторона и западная, он знает, что выбирать* [11, с. 51]; *солновсход – 1) восток; 2) восход солнца* [11, с. 357]; *по пути солнца – с востока на запад* [11, с. 358]; *каменный ветер – ветер с восточного гористого берега реки Енисей возле Туруханска* [5, с. 119]; *солновосход – восход солнца* [6, с. 150]. Средством навигации для человека при отсутствии солнца давно являлись звезды, по которым он также определял свое местоположение. Примечательно, что в говорах разных районов встречаются разные именованья восточного созвездия, по которому ориентировался человек: *волосажар* (на юге края) и *кичиги* (на севере). В словаре М. Фасмера встречаем: «укр. Волосожар «созвездие Орион» [14, с. 343]; «кичига «вид цепа», арханг. Сюда же, по-видимому, кичига «созвездие Ориона», арханг.» [15, с. 241]. На то, что восток ассоциировался у человека с восходом солнца, указывают нам такие лексемы, как: *восходный, солновсход* (при рассмотрении значений наблюдаем многозначность), *солновосход*. О движении солнца по небосводу свидетельствует зафиксированное в говорах выражение «*по пути солнца*» (здесь-то и возникает полностью представленная семиотическая оппозиция «*восток-запад*»). Направление ветра также принято связывать со стороной горизонта: *каменный ветер*. Других номинаций, связанных с ветрами с востока, в говорах Красноярского края не встретили (в отличие от именованний северных ветров), однако данному явлению люди все-таки дали обозначение, поскольку, видимо, считали именно его опасным в связи со своим географическим положением (совсем близко был гористый берег реки Енисей).

Ко второму члену оппозиции («запад») можно отнести следующие лексические единицы: *закат1 – запад* [11, с. 100]; *надзакать – на закат* [11, с. 209]; *солносяд – 2. запад* [11, с. 358]; *запад – название ветра, дующего с запада* [5, с. 104]; *себлонец, устар. – переселенец из западной части России. – Себлонцы тоды называли переселенцев* [6, с. 95]; *солнозакат – закат солнца* [11, с. 357; 7, с. 150]. Как видно, в данном лексико-семантическом поле также отражена древняя ассоциация запада с заходом солнца (в семах *-сяд, -закат*). Явной негативной маркированности в значении лексем не отмечается. Однако, как известно, заходящее солнце у славян (да и у многих других древних племен) было символом угасания, несчастья, смерти [4, с. 253]. Среди лексем со значением «запад» встречается и одно именование человека, переселившегося с той стороны горизонта. Мы не думаем, что это связано с негативной оценкой личности. Вероят-

нее всего, это соотносится с историческим фактом: заселение территории Красноярского края проходило по большей части с запада.

Оппозиция «юг-север» аналогична и по своей структуре, и по маркированности вышерассмотренной оппозиции «восток-запад». Первый член оппозиции также имеет положительную коннотацию, второй – отрицательную. Юг в представлениях славян ассоциировался с солнцем, теплом, летом, днем, счастьем, добром, жизнью; север же – с холодом, мраком, ночью, зимой, несчастьем, смертью [2, с. 112]. В словарях говорим отмечаем следующие лексемы, связанные с лексико-семантическим полем «юг»: *полдень* – 1. юг. – *Противу сивера будет полдень*. 2. Южный склон. – *У нас на полднях меньше растет, чем на сиверах*. 3. Южный ветер. – *Полдень с юга дует*. 4. Слабый теплый ветер. – *Полдень летом, теплый, несильный ветерок* [11, с. 294]; *солнопёк* – юг [11, с. 358]; *солнопёкный* – южный [11, с. 358; 7, с. 150]; *на солнце, на обед* – на юг [11, с. 358]; *увал* – южный склон горы [11, с. 393]; *полудённый* – ветер с юга [5, с. 243]; *полудёнка* – сильный южный ветер, иногда со снегом. – *Полудёнка подула – мороз смягчит, тепло будет* [6, с. 292]; *хакас* – местное название южного ветра. – *Зовут хакас, говорят, что хакас чай пьёт, а он горячий, вот хакас и дует на него, отсюда и ветер* [6, с. 52]. Как видно, приведенные именованья отражают не только собственно стороны горизонта, но и прочно ассоциирующиеся с ними в традиционном сознании именованья метеорологических явлений – в данном случае ветров. Лексемы *полдень*, *полудённый*, *полудёнка*, *на солнце, на обед* заключают в себе информацию о направлении ветра, которое ассоциируется в представлении людей с солнцем, находящимся в полдень в зените. Кроме того, среди данных именованья встречаем немногочисленное в говорах Красноярского края указание на рельеф, ориентированный относительно стороны горизонта: *увал*. Появляется среди данных лексем и необычное именованье южного ветра, очевидно, локальное – *хакас*, связанное напрямую уже с расположением определенной местности – Хакасии: «*Этот ветер дует с Хакасских гор постоянно в одном направлении, в течение 2 – 3 суток, поднимая тучи плодородной земли с полей. Солнца почти не видно, как будто солнечное затмение, а в оконные рамы между стекол набивается большое количество черной пыли*» [12, с. 269]. В приведенном из словаря примере употребления данного слова заключено местное поверье о том, что этот суровый, хоть и южный, ветер возникает, когда хакас садится пить чай и дует на него. Случай данного словоупотребления зафиксирован в Нижнеингашском районе, расположенном на юго-востоке Красноярского края, южнее которого по вертикальной оси расположена Республика Хакасия.

В процентном соотношении в говорах Красноярского края встречается более всего лексических единиц, относящихся ко второму члену оппозиции «юг-север»: *заветёрок*, *заветерье* – *северная сторона*. *Заветёрок* – это за солнцем (склон), и в нем лес растет [11, с. 96; 6, с. 56]; *низовик*, *низовка* – *северный ветер* [11, с. 225]; *север*, мн. ч. *севера* – 1) *северный склон горы, холма*; 2) *северный ветер* [11: 343]; *се-*

ром – *северным склоном гор* [11, с. 343]; *сивер* 1. – *север*. – *Четыре стороны, их так и зовут: восход, закат, сивер, полдень* [11, с. 347]; *сиверко* – *северный ветер* [11, с. 347; 7, с. 110]; *сиверный* – *северный, свежий (о ветре)* [11, с. 347]; *от солнца, на ночь* – на *север* [11, с. 358]; *хиуэз*, *хиуэз (хиуэсы)*, *хиуэзина* – *резкий холодный северный ветер* [11, с. 407]; *хиуэзнуть* – *дуть (о резком северном ветре)* [11, с. 408]; *хиуэзит (безл.)* – *дует сильный, резкий, холодный ветер* [11, с. 408; 6, с. 60]; *хиуэзный* – *резкий, холодный, северный (о ветре)* [11, с. 408]; *дольник* 2 – *северный холодный ветер с гор (камней)* [5, с. 81]; *сивер* – 1) *северный ветер*; 2) *север* [5, с. 278; 6, с. 110]; *сиверный (суц.)* – *холодный ветер с севера* [5, с. 278]; *сиверить* – *дуть с севера* [5, с. 278]; *сиверко* – *то же, что сивер в 1 знач.* [5, с. 278]; *хиуэз* – *резкий, холодный северный ветер* [5, с. 316]; *ангарец* – *северный ветер* [6, с. 51]; *верховик* – *северо-восточный ветер*. Ср.: *верховка*, *вершинник*. – *Дак верховик-та, мила, к плахой пагоде* [6, с. 156]; *сиверко* 1. нареч. – *холодно*. – *Ох, и сиверко на улице, глаз не открыть* [6, с. 110]; *хиуэсно*, нареч. – *ветрено*. – *Намедни во дворе было хиуэсно* [6, с. 60].

Причина столь обширной выраженности лексико-семантического поля «север» вполне объяснима географическим положением Красноярского края: большая часть территории находится в суровых климатических условиях. Как отмечалось выше, наличествует связь между сторонами горизонта и традиционными для каждой из них метеорологическими явлениями. Ветер, именуемый в говорах *ангарец*, *хиуэз*, *сивер* и т. п., и приносимый им холод, как видим, ассоциируется с севером. Возникает еще одно локальное именованье ветра (но уже северного) – *ангарец* (ветер с Ангары – реки в Восточной Сибири, самого крупного правого притока Енисея). Для центральных районов Красноярского края ветер, дующий с Ангары, являлся как раз северным (выше уже упоминалось об относительности ориентации в пространстве: для одних районов место локализации признака может быть точкой отсчета, для других – севером, югом, западом, востоком и т. п.). В данной лексико-семантической группе наблюдаем активный процесс словообразования: *сивер/север (суц.)* – *сиверко (суц.)* – *сиверко (нареч.)* – *сиверный (прил.)* – *сиверить (гл.)*, что свидетельствует о значимости роли «севера» в жизни обитателей данной территории. Здесь же встречаем параллель с оппозицией «верх-низ» как одной из главных пространственных бинарных оппозиций: *низовик*, *низовка* – *верховик*, *верховка*, *вершинник* (по всей видимости, речь о ветрах, дующих с рек (низ) и с вершин гор (верх)) (см. подробнее [13, с. 289 – 294]). Семантическая оппозиция «юг-север» ярко выражается, помимо всего прочего, в антонимичных выражениях: *на солнце, на восход* – *от солнца, на ночь*, где противопоставление выражается с помощью предлогов и непосредственных прямых славянских ассоциаций природных феноменов с югом и севером.

Таким образом, пространство – один из фрагментов масштабной картины мира субэтноса. В данном случае пространство может быть частично охарактеризовано с помощью бинарных оппозиций «восток-запад» и «юг-север», которые, как мы выяснили, находятся в тесной связи с обозначениями метеорологи-

ческих явлений (в частности с семантическим полем *ветры*) и являются осью координат для определения человеком своего места в окружающем мире, свиде-

тельствуют об особенностях жизни сибирского крестьянина, порожденных в немалой степени местными климатическими условиями.

Литература

1. Громов М. Н. Языческая и христианская модели бытия / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет. 1995. С. 448 – 449.
2. Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука. 1965. 251 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Астрель. 2011. 541 с.
4. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Русское слово. 1997. 824 с.
5. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во КГПИ. 1992. 348 с.
6. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 1 (А – Д) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: РИО КГПУ. 2003. 296 с.
7. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 2 (Е – М) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ. 2005. 376 с.
8. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 3 (Н – П) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2006. 400 с.
9. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 4 (Р – Т) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2008. 296 с.
10. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 5 (У – Я) / под общ. ред. С. П. Васильевой; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск. 2011. 192 с.
11. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 448 с.
12. Судьбы людские: (семейная хроника) / Великанов Владимир Иванович. М.: Б. и. 1998. 447 с.
13. Тимченко А. Г. Семиотические оппозиции «верх-низ» и «далеко-близко» как средство формирования представлений о пространстве // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева № 1(23). Красноярск. 2013. С. 289 – 294.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс. 1986. Т. 1. 576 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс. 1986. Т. 2. 672 с.

Информация об авторе:

Тимченко Анастасия Георгиевна – аспирант кафедры общего языкознания Красноярского педагогического университета, tiana-89@mail.ru.

Anastasia G. Timchenko – post-graduate student at the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University.

(**Научный руководитель: Васильев Александр Дмитриевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания КГПУ им. В. П. Астафьева.

Research advisor: Alexander D. Vasiliev – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev).

Статья поступила в редколлегию 15.04.2015 г.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ СНОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Л. А. Ходанен, Ямадзи Асута

POETIC DREAM MYTHOLOGY IN M. YU. LERMONTOV'S WORKS

L. A. Khodanen, Yamadzy Asuta

В статье рассматривается содержание и поэтика онейрических мотивов в творчестве М. Ю. Лермонтова. В произведениях раннего периода формировались лирические ситуации, символика снов, основу которых составила христианская антропология, получившая художественное выражение в «ночном цикле», в ряде стихотворений, содержащих пророчества. В лирике 1837 – 1841 гг. появляются новые формы сновидческих состояний героев – видения о прошлом, провидение собственной судьбы, представленные как законченные зримые картины и формируется авторский миф, в котором герой способен преодолевать земное время, соединять свое существование с ритмами природы и космоса.

The addresses the poetics of the dream motifs in M. Yu. Lermontov's works. In Lermontov's earlier works the lyrical situations and dream symbolics were being developed. Their foundation was the Christian anthropology, which was reflected in the "night cycle" and in the range of poems, which included prophesy. In the 1837 – 1841 poems new forms of hero's dream state appear, including visions about the past, prophesy about his own fate, which are presented as complete and visible pictures. The author's myth is developed, in which the hero is able to overcome the Earth's time and to unite his existence with nature and universe rhythms.

Ключевые слова: Лермонтов, поэтика, мифопоэтика, мотив, онейрический мотив.

Keywords: Lermontov, poetics, mythopoetics, motif, dream motif.

В творчестве М. Ю. Лермонтова получила значительное развитие поэтическая мифология снов и сновидений. На фоне предшествующей традиции, созданной в литературе 1800 – 1830-х гг. и представленной в творчестве К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, она имеет свои оригинальные черты. Античные мифологемы в онейрических образах и мотивах у Лермонтова отсутствуют, нет в них и вариаций народно-поэтических вещей снов. Онтологическую основу онейрологии Лермонтова первыми отметили философы, эстетики рубежа XIX – XX вв. В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский подчеркнули ее провиденциальное содержание. В. С. Соловьев искал истоки в родословной поэта, восходящей к легендарному шотландскому поэту и провидцу Томасу Лермонту. Мережковский оценивал дар поэта в русле своих теургических идей. В. Ф. Асмус обращался к платоновскому мифу об анамнезисе.

Эстетические оценки лермонтовской поэтики снов появляются у В. В. Розанова, позднее к сновидческим образам поэта обращается А. М. Ремизов, намечая особую перспективу развития «снов» в русской литературе [15].

В современных отечественных исследованиях дальнейшее изучение онейрических мотивов и образов продолжено в более широком контексте творчества поэта. В обобщающей статье И. Б. Роднянской сон включен в «систему доминирующих мотивов» и прослежен процесс отхода от традиционных метафор и словесных клише и формирование его неповторимого содержания [6, с. 305].

В нашу задачу входит, основываясь на этих общих оценках сна и сновидческой образности рассмотреть динамику развития комплекса онейрических мотивов в разные периоды творчества, связь провидения с особенностями сознания героев для более подробного представления о художественном содержании лермонтовской поэтики снов.

Мотивный комплекс и мифопоэтика снов формируются в ранней лирике Лермонтова; 1830 – 1831 гг.: "Сон", "Смерть" ("Ласкаемый цветущими мечтами..."), "Видение", "Пора уснуть последним сном..." и др. [5]. Наиболее последовательно варьируются разные сновидческие состояния и содержание снов в "ночном цикле". "Ночь I" – это сон о собственной смерти. Восходящая к "Ночными думами" Э. Юнга, редуцированным в русской поэтической традиции, лирическая ситуация наполнена иным содержанием. Юнг, как отмечает К. А. Любич, призывает раскаться перед лицом смерти, "встать на путь доброты". Сон-смерть – это бальзам отдохновения, лирический герой "гимн вознесет из стен гробницы" [9, с. 82]. У Лермонтова вместо назидания появляются вопросы. Сон о своей предполагаемой смерти позволил заглянуть в иное пространство, прожить в ином времени. Поэтика этого первого сна о смерти у Лермонтова характерна. Вспомним, что пророческие сны пушкинских героев, как отметил М. О. Гершензон, часто начинались "стремительным падением вниз" [2, с. 101]. У Лермонтова в снах чаще присутствует верхняя часть мировой оси симметрии. Сон начинается стремительным движением в космологическое пространство: «...я мчался без дорог, передо мною / Не серое, не голубое небо...» («Ночь I»). Душа совершает своего рода полукруг в пространстве земли и неба, излетев из тела, она вновь возвращается к могиле. Драматизм смерти передан в необычной ситуации: душа тщетно хочет вернуться к телу, "единственному другу, делившему земные муки". Невозможность повторить земной путь рождает у героя протест, "хулы на небо". Сон о смерти в "Ночи I" содержит традиционные христианские представления о смерти как расставании души с телом, которые даны в опыте и оценке трансцендентного состояния сознания. Форма сновидения придает всей ситуации характер редкого откровения, явленного избранному герою. В этом раннем тексте впервые формируется лирическая ситуация,

онтологический смысл которой Мережковский определял как «движение оттуда сюда».

В "Ночи II" ситуации сна героя нет: "Уснуло все – и я один не спал..." Намеченное в первом стихотворении цикла предощущение провидческого дара в эмоциональном переживании здесь реализуется в видении, которое является герою. Байроновское произведение "Тьма", с которым исследователи связывают "Ночь II", имеет отчетливый апокалиптический оттенок и содержит картину мировой катастрофы. У Лермонтова видение окрашено личностными переживаниями, усиленными оттого, что герой сам должен участвовать в беспощадном суде. Е. П. Потапова справедливо подчеркивает, что он выступает главным действующим лицом стихотворения [6, с. 345]. Как и в первом стихотворении, видение разворачивается в космических сферах. Точка зрения героя в аспекте пространства может быть определена как особая: он наблюдает и небесные своды, покрытые "саваном тьмы", и землю, которая "вертится между светящихся точек", постепенно вовлекаясь в происходящее.

"Ночь III" приближает к читателю этого героя. Автор объективирует его, видит со стороны, окруженного лунным сиянием и погруженной в сон природой. Это избранный герой, он живет иными ритмами, среди покоя и ночной тишины он – "нарушитель сна".

Основные мотивы "ночного цикла" развивают лермонтовскую мифологию снов как провиденциальную. Традиционные христианские тринитарные представления о душе, апокалиптическая символика даны в восприятии героя, осознающего свой особый дар и ощутившего прикосновение к скрытым тайнам бытия.

В дальнейшей эволюции творчества Лермонтова сновидческие мотивы усложняются. Появятся разные формы "снов" – пророческие откровения, повторяющиеся сны-воспоминания или видения о прожитом и, наконец, самая сложная форма – сны о грядущем, провидения собственной судьбы.

Пророческие сны, развивая заявленную в "ночном цикле" форму откровений о будущем, выступают основной содержания "Предсказания" ("Настанет год, России черный год..."), 1830 г. и "На буйном пиршестве задумчив он сидел...", 1839 г. Предсказание о судьбе целых народов, предсказание грядущих общественных катаклизмов произнесены героем, находящимся в особом состоянии. Оно не является сном, а носит характер внезапного прозрения. Вдруг герой-визионер начинает видеть то, что неведомо другим: "И в даль грядущую, закрытую пред нами, духовный взор его смотрел..." Удивительно сходны эти лермонтовские герои-пророки с определениями Т. Карлейля, который напишет в 1841 году: "поэт и пророк ниспосылаются на землю, чтобы сделать истину более понятной для вас... Такова всегда (*их* – Л. Х.) миссия: ...открывать нам ее, эту священную тайну, присутствие которой они ощущают сильнее, чем всякий другой" [4, с. 68].

Вторая форма "снов" – это сновидческие состояния героя, в которых появляются зримые картины его собственной прошлой жизни. Они вновь и вновь всплывают в сознании, сохраняя яркость пережитых впечатлений. В Журнале Печорина есть запись, которая может служить психологическим пояснением к целому ряду "снов" о прошлом в лирике, основанном на свойствах памяти героя. В минуту откровения Печорин

признается: "Мои предчувствия меня никогда не обманывали. Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мои душу и извлекает из нее все те же звуки; я глупо создан; ничего не забываю – ничего" (IV, с. 247). Много раз герой ранней лирики 1830 – 1831 гг. будет возвращаться к своему прошлому: "Сон", "Первая любовь", "Ночь", "Видение" и др. Часто эти воспоминания связаны с несчастливой любовью, изменой возлюбленной. Прошлое с такой ясностью воскрешается в памяти, что герой сомневается в его в идеальной природе: "Ужели сон так близок может быть к существенности холодной?" (I, с. 190).

Среди произведений зрелого периода в стихотворении "Как часто пестрою толпою окружен..." (1840) выделяется особой яркостью и интенсивностью видение о родном доме, где прошло детство. В лермонтоведении это произведение традиционно рассматривается как образец гражданской поэзии, в ряду со "Смертью поэта", "Думой" [3, с. 78]. Часто его сближают с драмой, "Маскарад", развивающей тему холодного "света", символом которого становится лицо-маска [6, с. 305].

Элегический фрагмент, содержащий видение, рассматривается как контрастное противопоставление бездушному свету живых дорогих картин детства. Так, Б. М. Эйхенбаум настаивал на том, что обращение поэта к "старинной мечте", "святым звукам" – это не ностальгическое воспоминание, не желание уйти в мир мечты, прочь от бездушия общества, а как бы окончательное прощание с мечтательством как с "обманом" [17, с. 162].

Е. А. Маймин одним из первых обратил внимание на дневниковый характер произведения, подчеркивая значимость "живых переживаний поэта" [10, с. 197].

Все сказанное позволяет более внимательно приглядеться к элегической части. Кольцевой характер композиции ориентирован на неслиянность мира реальности и мира воспоминаний, явившегося герою, который оказался в пограничном состоянии между бездушной явью и одухотворенным сном ("на миг забыться..."). Художественное время можно определить как длящееся и повторяющееся: "Как часто пестрою толпою окружен...", "И если как-нибудь на миг удастся мне...". Синтаксические конструкции с оттенком условности, содержащимся в повторении "когда" и "если", симметрично уравновешены утверждающими интонациями описаний, исполненных простыми, почти назывными предложениями. Время, в котором разворачивается видение, движется от далекого прошлого к настоящему, повторяя и повторяя это возвращение. Происходит мифологизация этой картины, организованной в круговое движение. В видение конструируется миф о золотом детстве, о беспечальном мире родного дома. Столь же наполнено смыслом пространство, имеющее тенденцию к расширению, укрупнению деталей. Мир видения со старинной усадьбой, аллеей, садом, спящим прудом, туманом над полями сохраняет живую конкретность реального пейзажа и одновременно мифологизируется в сознании лирического героя. Переход в мир "видения" ощущается им как полет: "Лечу я вольной, вольной птицей...». Образ этого полета несомненно ведет к христианской символике души,

которая всегда представлена крылатой. Лермонтовский миф о душе сохраняет эту традиционную черту. Видение о прошлом у Лермонтова – это жизнь души, способной проникать за пределы реальности.

В письме к М. А. Лопухиной Лермонтов напишет: "...счастливый сон, божественный сон испортил мне весь день... Странная вещь эти сны! оборотная сторона жизни, часто более приятная, нежели реальность,... ибо я отнюдь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь всего только сон» (IV, с. 371). Ощущение сновидческой реальности как отдельной и не входящей в повседневность, заявленное здесь, будет развиваться в творчестве как особая форма жизни сознания лирического героя.

Большая группа произведений Лермонтова содержит образы смертного сна на лоне природы, смыкаясь с мотивами покоя и тишины природы и мироздания: "Русалка", "Пленный рыцарь", "Мцыри", "Демон". Наиболее значителен этот образ в стихотворении "Выхожу один я на дорогу" (1841), в котором, как отмечает И. Б. Роднянская, "возникает «мифология» посмертной живой дремы" [6, с. 304].

Среди произведений, в которых онейрический мотив имеет структурообразующее значение, особое место принадлежит стихотворению «Сон» (1841). Его можно назвать своего рода энциклопедией лермонтовской художественной философии снов, поскольку здесь концентрируется семантика большинства созданных ранее сновидческих образов. В нем присутствуют провидение собственной смерти, посмертный сон, сновидческая реальность последнего видения-воспоминания, посетившего сознание. В хронотопе, пространственно определяемом как смертный сон героя в долине среди гор, в аспекте времени раскрывается встречное движение душ героя и героини в идеальном мире видений.

Обращаясь к поэтике "Сна", заметим, что оно помещается в ряду "видений" о будущем, в которых герой предугадывает собственную судьбу, устремляясь в недра своего сознания. В более ранних стихотворениях предвидение было кратким как приговор: "Удар судьбы меня не обойдет...", "На плахе кончу жизнь я...". В "Сне" эта ситуация представлена сложнее и многогранней. Стихотворение «Сон», написанное Лермонтовым в год смерти, оставляет у читателя чувство загадочного и необъяснимого.

В исследованиях загадочности стихотворения можно выделить две стороны. Первая – мистическая.

Смерть лирического героя на поле боя рассматривается как предвидение автора о своей судьбе [13, с. 339].

Д. С. Мережковский говорил в связи с ним, что Лермонтов дал «видение такой потрясающей ясности, что секундант Лермонтова, кн. Васильчиков, описывая дуэль через 30 лет, употребляет те же слова, как Лермонтов" [11, с. 362]. В советском литературоведении появилась версия о том, что стихотворение навеяно Лермонтову рассказом человека, пережившего сходное состояние [6, с. 522].

Мы остановимся на поэтике сюжета, создающего чувство необъяснимого в этом стихотворении.

В литературоведческих работах предшественников, писавших о поэтике стихотворения, можно выделить два подхода. При первом существование автора не

принимается в расчёт (или же ему почти не уделяется внимания). В таком случае речь идёт о двух персонажах – лирическом герое и женщине – которые видят друг друга каждый в своём сне. Б. М. Эйхенбаум [16, с. 252] и Ю. М. Лотман [8, с. 247] называют эту структуру «зеркальной».

При втором подходе к структуре этого произведения, усиливается роль автора и сюжет приобретает свойства «матрёшки». Повествователь видит сон о своей смерти. Там он, умирающий, видит женщину, которой грезится его смерть. Соловьёв называет такой сюжет «сновидение в кубе» [13, с. 339], а Набоков использует метафору «спираль» [18, с. 7 – 8] (*перевод наш – А. Я.*). (Также см. русский перевод: [12]).

При рассмотрении сюжета «Сна» как «матрёшки» нельзя обойтись без апелляции к личности автора как объединяющего элемента. Именно автор является исходным создателем «тройного сна». Однако в самом тексте произведения нет ни единого слова, указывающего на то, что автору всё приснилось. В более раннем одноимённом стихотворении поэта есть прямое указание на то, что перед читателем разворачивается сон автора: «Я видел сон: прохладный гаснул день...» (I, с. 254).

В одноимённом позднем стихотворении впечатление, что всё нижеследующее приснилось Лермонтову или его лирическому герою, создаётся исключительно благодаря заглавию – «Сон». С другой стороны, именно то, что сон автора только предполагается, и даёт возможность для вышеизложенных интерпретаций сюжета как зеркала, предложенных Эйхенбаумом и Лотманом.

Оба объяснения – сюжет-«матрёшка» и «зеркальная» структура – имеют свои недостатки. В первом случае непонятно, почему женщина видит сон о смерти автора. Второй подход не даёт объяснения присутствующему в стихотворении течению времени и оставляет открытым вопрос о наблюдателе, описывающем зеркальное видение. При выборе структуры «матрёшки» мы видим временную ось «прошлое – настоящее – будущее», которая позволяет ощутить течение времени. При выборе «зеркальной» структуры появляется ось «явь – грезы», где один из спящих – явь, а второй – его или её грезы. Тут реальность и сон лежат в одной временной плоскости. Однако при любом из этих рассмотрений возникает чувство загадочности, описываемое словами «спираль» или «кольцо Мёбиуса» («Кольцо Мёбиуса» – это поверхность с одним краем, где внутренняя поверхность как бы перетекает во внешнюю. Проведя рукой по ленте, можно побывать и на внутренней, и на внешней стороне, не отрывая руку от поверхности).

Ю. М. Лотман об этой особенности стихотворения писал следующее: «...умирающий герой видит во сне героиню, которая видит во сне умирающего героя. Повтор первой и последней строф создает пространство, которое можно представить в виде кольца Мёбиуса, одна поверхность которого означает сон, а другая – явь» [7, с. 435]. Сам Лотман не развивает эту мысль далее, однако Л. И. Вольперт поясняет «...пространство лермонтовского "Сна" как структуру с ускользающей границей» [1, с. 179]. Сцена, в которой женщина видит смерть героя, обладает силой возвращать читателя в начало произведения. Она сводит на

нет временную прямолинейность принципа «матрёшки». Взамен возникает кольцевая структура.

Первая сцена как бы подтверждается последним видением. Причём фраза «знакомый труп» констатирует факт гибели более категорично, чем начальное описание. Создаётся впечатление, что время в конце сна – чуть более отдалённое будущее по отношению ко времени самого сна. Таким образом достигается эффект пророчества. В начале стихотворения и рана, и окружающий пейзаж описаны от первого лица. В конце же, поскольку видевший сон умер, повествование ведётся от третьего лица, чем достигается более высокая степень отстранённости: «знакомый труп», «чернела рана», «хладеющая струя». С одной стороны, может показаться, что вот тут-то и проявился рассказчик. Однако ввиду того, что описаны события, следующие за смертью раненого, на наш взгляд, логичнее предположить, что повествует не рассказчик, а отлетевшая душа погибшего. Как мы отмечали раньше, Лермонтов уделял особое внимание моменту смерти человека и перемещению души в этот момент [14, с. 249]. Финальная строфа в стихотворении «Сон» позволяет герою убедиться в собственной смерти. Делая начальную сцену менее субъективной, она подтверждает печальный конец и замыкает кольцо Мёбиуса.

Мотивы пророчество и памяти придают стихотворению особую полноту в выражении лермонтовской поэтической мифологии снов, являясь своего рода ее завершением, соотносясь с предшествующими инвариантами ее художественного воплощения и синтезируя их в новом художественном целом.

Мифологема сна наиболее многоаспектно представлена в лирике Лермонтова, обращенной к воспоминаниям, образам пережитых впечатлений. Бытие героя в них становится двуединым. Жизнь осуществляется не в «холодном мире», а в идеальном окружении природы, родного дома, близких людей. Сны о про-

шлом подчеркивают одиночество героя, неслиянность с окружающей повседневностью. С такими состояниями корреспондирует мотив памяти. Воспоминания об утраченном и незабываемом прошлом предстают как законченные видения, в которых появляются образы «родной стороны», родного дома, «горного аула», отчетливо наполненные конкретными реалиями. Прошлое, «золотые сны» в мифопоэсе «Демона» расширяются до вечности, пребывания вне линейного времени в ритмах космоса, в вечной эдемской гармонии, контрастной мгновениям земного существования.

В стихотворениях-пророчествах, прозрениях сновидческие ситуации иные. Смыкаясь часто с *topos*’ом смерти, они неповторимы, единичны, происходят в экстраординарных условиях. Их появление – это яркая вспышка сознания, стоящего на границе миров и спокойно принимающего начертанную судьбу. Сны о будущем обнаруживают провиденциальный дар героя. Память не всегда служит для них опорой в создании сновидческой картины. Главным становится напряжение мысли, когда герой «о земле позабывал», преодолевая течение времени, обретая трансперсональные истины. Основой сновидческих образов становится комплекс христианских тринитарных представлений о душе, о ее особых состояниях, во время которых сознание устремлено к божественному вечному миру, способно преодолевать земное пространство и время. Лермонтовский герой в эти мгновения обретает мистические откровения, прикасается к сакральным тайнам бытия мира и человека. Художественным воплощением этих прозрений становится авторский миф о провиденциальных снах героя, в которых он силой мысли преодолевал время, «жил века и о земле позабывал», о смерти, которая не есть тлен, «холодный сон могилы», а может быть сном «навсегда», в слиянии с покоем воздушного океана и природы.

Литература

1. Вольперт Л. И. Сновидение как пограничье жизни и смерти («Сон» Лермонтова и «Сон» Байрона) // Пограничные феномены культуры / Перевод. Диалог. Семиосфера: материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4 – 7 июня 2009 г.). Таллинн, 2011.
2. Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. Л., 1926.
3. Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Советский писатель, 1940.
4. Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / изд. 2, доп.; отв. ред. В. А. Мануйлов. Л.: Наука Ленинградское отделение, 1979 – 1982. (Все цитаты из произведений М.Ю. Лермонтова приведены по данному изданию в круглых скобках с указанием тома и страницы).
6. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981.
7. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2005.
8. Лотман Ю. М. Учебник по русской литературе для средней школы. М., 2001.
9. Любавич Н. А. О пересмотре традиционных толкований некоторых стихотворений Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: сб. ст. и матер. Ставрополь, 1960.
10. Маймин Е. А. Опыт литературного анализа. М.: Просвещение, 1972.
11. Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. В. М. Маркович и др. СПб., 2002.
12. Набоков В. В. Предисловие к «Герою нашего времени» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб., 2002.
13. Соловьёв В. С. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб., 2002.
14. Соснина Е. Л., Карбоне А., Ямадзи А. Всадники времени (Взгляд на Лермонтова с позиций восточной культуры) // М. Ю. Лермонтов: между Западом и Востоком. Эссенуки, 2012.
15. Ходанен Л. А. Поэтическая гипнология М. Ю. Лермонтова: философско-эстетические оценки конца XIX – начала XX вв., развитие традиций // *Od modernismu do postmodernismu. Literatura rosyjska XX – XXI wieku.* Krakov: 2014. P. 89 – 101.

16. Эйхенбаум Б. М. Сон [Комментарий] // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.; Л., 1936.
17. Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1986.
18. Nabokov V. Foreword // Mikhail Lermontov. A Hero of Our Time (Translated by V. Nabokov, in collaboration with D. Nabokov). Oxford, 1992.

Информация об авторах:

Ходанен Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, hodanen@yandex.ru.

Lyudmila A. Khodanen – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.

Ямадзи Асута – Ph. D. (доктор философии), преподаватель Международного гуманитарного факультета университета Тюкё, университета префектуры Айти, государственного педагогического института Айти (Нагоя, Япония), yamajiasuta@hotmail.com.

Asuta Yamadzy – Ph.D., Professor at the International Liberal Arts Department, Aichi Prefecture University. (Nagoya, Japan).

Статья поступила в редколлегию 19.02.2015 г.

УДК 821.161.1

**НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ГЕРОЯ И ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
В РОМАНЕ Ю. В. БОНДАРЕВА «НЕПРОТИВЛЕНИЕ»**

Л. С. Шкурат

**MORAL CHOICE AND TRAGIC FATE OF THE PROTAGONIST
IN YU. V. BONDAREV'S NOVEL "THE NON-RESISTANCE"**

L. S. Shkurat

На материале романа Ю. В. Бондарева «Непротивление» в данной статье рассматривается проблема духовно-нравственного самоопределения личности. В ней акцентируется внимание на нравственном выборе героев и его трагических последствиях. Проясняется авторская позиция по проблеме необходимости в сопротивлении злу и неоправданности насилия, которая была разработана русской философской мыслью.

The paper is based on Yu.V. Bondarev's novel "The Non-Resistance" and deals with the issues of spiritual and moral identity. It focuses on moral choice of the characters and its tragic consequences. The paper clarifies the author's opinion on the ideas developed by the Russian philosophers – necessity to resist the evil and unjustified violence.

Ключевые слова: Ю. В. Бондарев, роман «Непротивление», война, нравственный выбор, трагическая судьба, гибель.

Keywords: Yu. V. Bondarev, novel "The Non-resistance", war, moral choice, tragic fate, death.

Роман «Непротивление», написанный Ю. В. Бондаревым в середине 90-х годов XX века, представляет собой новый этап авторского осмысления проблемы духовно-нравственного выбора человека в сложных жизненных обстоятельствах. Критика о «Непротивлении», впрочем, как и обо всем позднем творчестве Бондарева, весьма немногочисленна. В нескольких статьях-рецензиях на роман говорится о подробном исследовании в нем конфликта, возникшего в послевоенное время между бывшими фронтовиками и тыловиками, о пропасти, разделившей прошедших «горнило войны» солдат и тех, кто «не смотрел в лицо» фронтовой опасности. В. Юдин назвал подобное положение вещей «украденной победой». В частности, он отмечал: «Бондарев честно показал, что, увы, не каждый <...> сумел разобраться в обстановке, сделал верный шаг, иные сломались, <...> "лихо" подстроились под конъюнктуру смуты и безвременья <...>, и в результате добытая столь дорогой ценой победа в годы Великой Отечественной войны была утеряна» [17, с. 220]. Эту же мысль, безусловно, присутствующую в произведении, высказывает также Г. Ореханова в ста-

тье «Кто душу положил за други...». Г. Ореханова права в определении основной интонации романа Бондарева, свойственного ему надрыва, «постоянного ощущения в нем непроходящей боли», что позволило ей образно назвать «Непротивление» «рыдающим» романом, «романом-криком» [11, с. 7].

Хронологически роман «Непротивление» возвращает читателей во вторую половину 40-х годов XX века (именно в этот период разворачивается его действие), и обозначенный в критических статьях конфликт легко обнаруживается в произведении. Однако это только поверхностный слой его проблематики. При таком подходе к анализу романа, который нередко наблюдается в рецензиях на «Непротивление», становится естественным его соотнесение критикой с созданным писателем в 60-е годы романом «Тишина», поскольку пространственно-временные рамки обоих произведений (но не их проблематика) практически совпадают.

Конечно, не приходится сомневаться в том, что роман «Непротивление» не является зеркальным отражением «Тишины». В канун своего 70-летнего

юбилея в интервью «Советской России» на вопрос, чем объясняется выбор темы его нового романа, Бондарев ответил: «Собственно, это мучает меня всю жизнь. Я написал то, что не дописал в свое время в „Тишине“» [10, с. 4]. Что же «не дописал» автор в романе «Тишина»? Так, в силу объективных причин не нашла в нем детального рассмотрения проблема востребованности фронтовиков в мирной жизни, на которую в 90-е годы в «Непротивлении» писателю удалось взглянуть под новым углом зрения. Художественное исследование Бондаревым обозначенной проблемы перекликается с размышлениями на эту тему других писателей-фронтовиков. Например, в интервью журналу «Дружба народов» в том же 1995 году, в котором Бондарев завершал работу над своим романом, А. А. Ананьев сказал: «Помню первое и очень горькое впечатление, поразившее меня по возвращению с фронта. Я обнаружил, что мы никому не нужны. Все места были заняты тыловиками, подрастающими комсомольцами, партийными деятелями, а мы, фронтовики, оказались не у дел. И пришлось очень тяжело пробиваться через все препоны, чтобы получить возможность приложить с пользой свои силы...» [1, с. 15]. Тем не менее «Непротивление» нельзя в полной мере отнести к произведениям, в эпоху «свободы слова» «открывшим глаза» читателям на проблемы, которые существовали в советском обществе в середине XX века и замалчивались до недавнего времени.

Мы считаем, что «Непротивление» продолжает галерею философских романов Бондарева. Его сюжетные коллизии, хотя и связаны с эпохой 40-х годов XX века, имеют онтологическое значение и напрямую проецируются на сегодняшний день, что подтверждает несомненную актуальность и современность произведения. Об этом говорил сам автор: «Роман я свой до наших дней не доведу, но наши дни вы то и дело будете ощущать, особенно во второй части. Писать роман сугубо исторический – смысла нет в нем: мыслимое наше время...» [17, с. 219].

Первоначально роман назывался «Победители». В статье В. Юдина содержатся рассуждения о том, почему автор изменил название произведения. Развивая свою концепцию, В. Юдин пишет: «Побежденные победители – уже не победители, у них украли победу. Такова нравственная позиция и социальное кредо писателя» [17, с. 228]. Но ответа на вопрос, почему Бондарев остановился именно на названии «Непротивление», В. Юдин не дает. На наш взгляд, изменение названия романа было принципиально важным для автора. Его герои, бывшие фронтовики, конечно, являются победителями в том смысле, что именно благодаря их мужеству и героизму на полях сражений Великой Отечественной войны была одержана победа над фашизмом. В то же время их трудно назвать победителями, так как в финале романа, уже в мирную эпоху, они трагически погибают, отказавшись от непротивления злу и начав борьбу с ним.

Окончательное название романа «Непротивление» символично и имеет философский подтекст. Бондарев отмечал: «Заглавие каждой книги – такой же для меня действующий персонаж, как и герои романов. Хотелось, чтобы заглавие держало на себе не вывеску, а смысловую ношу» [3, с. 538]. Проблема

границ в сопротивлении злу силой неоднократно поднималась в русской религиозной философии, к примеру, в работах В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [13] и И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» [9]. И позиция В. С. Соловьева, и точка зрения И. А. Ильина по обозначенной проблеме близки по духу мысли московского первосвященника, митрополита Филарета (Дроздова), который так определял отношение к врагам: «Прощай личных врагов, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими» [12]. Положительные герои военной прозы Бондарева по сути исповедуют на фронте этот же принцип поведения. В романе «Непротивление» писатель исследует проблему сопротивления злу силой на новом материале, в новую социально-историческую эпоху, доказывая, что в ситуации, в которую поставлен главный герой произведения Александр Ушаков, применение силы было недопустимо и повлекло за собой цепь трагических событий.

Роман «Непротивление» насыщен воспоминаниями героев о минувшей войне. Лейтенант Александр Ушаков припоминает немало фронтовых эпизодов, когда смерть была совсем рядом, но он оставался жив: в Карпатах осколок пробил ему каблук и застрял в подошве, не задев ногу; на Днепре в полуметре от него не разорвался упавший снаряд; пуля чиркнула по виску, и не хватило доли миллиметра, чтобы смертельно ранить его. «Что это? Воля случая или закономерность? Меня не убило на войне. Кто-то охранял меня? Но кто „кто-то?“» [4, с. 198] – эти вопросы религиозного плана продолжают волновать Ушакова и после возвращения с фронта.

Одни персонажи называют его счастливец: Ушаков, прошедший в полковой разведке «сквозь огонь и воды», несколько раз раненный, вернулся с войны живым, полным надежд на прекрасное будущее. Для других героев, «невоевавших девочек и мальчиков», Александр – «закупоренный войной» [4, с. 112] человек, чужой им. В метафорической форме эта «закупоренность войной» поколения фронтовиков, имеющая в устах тыловиков резко негативные коннотации, представлена на рисунке студента-художника, на котором изображен сидящий на земле юноша, ноги которого «насквозь проросли изогнутыми мощными корнями из-под земли, корни, изуродовав икры, атлетическую грудь, плечи, голову, уходят вверх, опутав античный торс, как чудовищными щупальцами, удушая и вместе с тем держа юношу прикованным к земле. Рядом, у ног, лежали перевитый корнями автомат. Вокруг автомата рассыпаны стреляные гильзы, торчали впитавшиеся в землю головки снарядов, пробитая, проросшая корнями каска» [4, с. 278 – 279]. Для тыловиков война уже стала историей, о которой нет нужды вспоминать лишней раз. Фронтовиками, напротив, забвение военного прошлого воспринимается как предательство, которому нет оправдания. Автомат, стрелянные гильзы, снаряды, прикопанные корнями к телу солдата, – это не только конкретные приметы войны, но и олицетворение общей исторической памяти, накрепко связавшей тех, кто погиб, с теми, кто выжил на фронте.

Ушаков чувствует непреодолимую пропасть между собой и тыловиками. «Мы как будто из разных

стран, как будто мы разной крови» [4, с. 103], – размышляет герой. Как видим, противопоставление, и даже противостояние фронтовиков и тыловиков, явно присутствует в романе, и, естественно, оно не могло не быть отмечено критикой. Однако повторимся, что проблематика произведения не сводима только к обозначенному выше конфликту.

Не однажды на фронте Александр представлял свое возвращение домой, в «незабвенную пору» детства и юности, которая «четыре года <...> сладко манила его счастливым повторением, возможным после войны» [4, с. 160]. Вернувшись в Москву, он как будто бы попадает в другой мир, вдруг ставший «жестким, отталкивающим, неузнаваемым» [4, с. 160]. Но изменился не мир, а взгляд на него героя, повзрослевшего и приобретшего на войне бесценный жизненный опыт. Не случайно Ушаков чувствует себя великаном в почему-то ставших крошечными комнатках своей квартиры, которую он «узнавал и не узнавал» [4, с. 43]. Там, в далеком детстве, которое сам герой называет «наивным», остались его страстное мальчишеское увлечение голубями и чувство первой влюбленности в одноклассницу Веронику. Произошедшая с Ушаковым перемена внешне выглядит как невосполнимая утрата, как «что-то непоправимое», неожиданно случившееся с ним, к чему трудно привыкнуть. На самом деле это закономерный этап жизни героя, его переход во взрослую жизнь, который начался на фронте и должен найти свое логическое продолжение в мирное время. Таким образом, именно процесс духовно-нравственного самоопределения героя интересует Бондарева и оказывается в центре его художественного исследования в романе «Непротивление».

Основные чувства, сопровождающие Ушакова на протяжении всего повествования, – это одиночество и тоска. Александр пытается найти «точку опоры», восстановить утраченную в мирное время целостность духа. Герой неоднократно задается вопросом: «Где же наше фронтовое братство?» [4, с. 74] – тщетно стремясь отыскать его в послевоенной Москве. Вскоре в столичной забегаловке он знакомится с людьми, считающими себя «солдатским товариществом». В действительности их братство искаженное, поскольку героев объединяют не высокие цели, а несправедливые поступки. Жители Замоскворечья испытывают страх перед ними и открыто называют их «бандой». Членами этого, по мнению одних, «солдатского товарищества», а по определению большинства, «банды» являются бывшие фронтовики: артиллерист Аркадий Кирюшкин, прошедший дорогами войны от Сталинграда до Зееловских высот, минометчик Твердохлебов, танкист Билибин, пехотинец Логачев, санитар полевого госпиталя Эльдар. Каждый из них героически проявил себя на войне, подтверждением чему служат их боевые награды. Многие из персонажей получили на фронте серьезные ранения и контузии, и все они, столкнувшись в мирное время с несправедливостью окружающих, вступили в открытое противостояние с тыловиками, воспринимая их как виновников всех несчастий.

Бандиты приглашают Ушакова в место, которое они считают Святой Святых, – в голубятню, называемую ими храмом. Сравнение, или, правильнее сказать, замещение в словах этих персонажей голубятни

храмом возникает не случайно. При соотнесении пространства православного храма с романным пространством голубятни обнаруживаются черты, сближающие их. Но их корреляция «перевернутая», напоминающая отражение предмета в кривом зеркале, которое искажает его истинный образ. (Мы наблюдаем такое же «перевернутое» сходство фронтового братства с бандой).

Голубятня, в представлении банды Кирюшкина, – это сакральное место, где «молиться надо, а не щериться» [4, с. 29]. Но, в отличие от православного храма, дома Господня, врата которого открыты для представителей различных религиозных конфессий, голубятня – это «закрытое пространство», отделяющее «свое» от «чужого». Ее дверь заперта от посторонних на стальные засовы, а сверху над ней висит железный ломик как смертельное предостережение для непрошенных гостей. Голубятня состоит из двух этажей: на ее верхнем этаже находятся голуби, и в подобной планировке помещения также обнаруживается не только практическая целесообразность, но и некий символический смысл. Уместно заметить, что голубь в Православии является воплощением Святого Духа и традиционно изображается в куполе храма. Члены банды Кирюшкина поклоняются, как святыне, реальным голубям, которых называют тоже показательно – «голубиное царство». В Православии главные дефиниции слова «Царство» – «Божие» и «Небесное». Таким образом, в определении «голубиное царство» наблюдается существенный семантический сдвиг, противоречащий христианским установкам.

На этом параллели, подтверждающие мысль о «перевернутости» друг другу двух топосов не заканчиваются. Как известно, главным местом православного храма является алтарь, в центре которого расположен Святой Престол, где совершается во время Литургии Таинство Евхаристии. В центре голубятни тоже находится стол, вокруг которого собираются герои. Характерна, и даже по-своему символична деталь, возникшая в описании пространства голубятни, – «на столе была навалена грудой красная смородина, на которой «искорками блестяли капли сока» [4, с. 37]. Капли сока красной смородины вызывают у Ушакова прямые ассоциации с каплями крови. Далее в повествовании слово «кровь» уже не в образном, метафорическом, а в прямом, буквальном смысле не один раз будет сопровождать поступки героев.

Необходимо, на наш взгляд, сделать еще одно принципиально важное замечание. В. И. Даль напрямую связывает семантику слова «смородина» с лексемой «смород» и отмечает, в первую очередь, следующее ее значение: «сильная духота, вонючий, удушливый запах, гарь, угар, чад, смердячий дух, особенно пригорелый», приводя в качестве синонимов слова: «смородить, смрадить, смердеть, вонять, издавать смород» [7, с. 237]. По мнению лексикографа Макса Фасмера, лексема «смородина» этимологически также восходит к слову «смород», что означает «вонь, смрад» [14, с. 691]. Кроме того, в этой связи нелишне вспомнить топоним «река Смородина», который в русской народной традиции, в частности, в фольклоре, был местом необычным, знаковым, где находились inferнальные силы, которые угрожали Святой Руси и с которыми сражались былинные бога-

тыри и сказочные герои. Как видим, в образах Тела и Крови Христовых, которых причащаются христиане на Литургии, становясь, тем самым, сопричастниками Источника Вечного, частью мистического Тела Христа, и «смердящей» ягоды на столе в голубятне присутствует явная искажающая подмена одного предмета другим.

В данном контексте вполне бытовым эпизодом – забава с собакой, которая по приказу хозяина танцует на задних лапах или изображает пьяного, также приобретает дополнительный смысл. Образ пса, выделяющего в голубятне всевозможные трюки, по нашему мнению, может быть истолкован как травестийно-сниженное представление о «нечистом», что, к примеру, наблюдается в «Фаусте» Гете, где Мефистофель предстает вначале в образе черного пуделя. В поэме А. Блока «Двенадцать» близкий названному inferнальный мотив объединяет образы пурги и бредущего пса. В этом же ключе И. А. Есаулов рассматривает рассказ странницы Феклуши из драмы А. Н. Островского «Гроза» о «неверной земле», где «все люди с песьями головами» [8, с. 192] и т. п.

Соотнесение пространств православного храма и голубятни в романе «Непротавление» может быть продолжено, но уже сделанные нами наблюдения доказывают мысль о деформации, а в некоторых случаях – о полном замещении в сознании героев, членов банды Кирышкина, истинных ценностей ложными.

Как и в предыдущих философских романах, Бондарев обозначает в «Непротавлении» не начало и финал нравственного поиска Ушакова, а последовательно изображает основные вехи духовного пути героя. Автора интересуют не только внешние события и обстоятельства, подтолкнувшие героя к его жизненному выбору, но и его душевные колебания, сомнения в верности избранного пути. Интуитивно Александр Ушаков чувствует чуждость себе людей, встреченных в голубятне, где он занимает пока еще отстраненную позицию наблюдателя, дистанцируясь от всего, происходящего там. При знакомстве с бандой он думает: «Я их понимаю и не понимаю. Но они – не мои ребята» [4, с. 15]. Затем герой еще больше укрепляется в правоте собственных мыслей, но именно «эта компания незнакомых парней, голубятников, дерзкий Кирышкин с манерами щедрого завсегдатая и благодетеля забегаловки, вырывали его из одиночества последних дней, как не забытое солдатское товарищество» [4, с. 19].

Ушаков уходит из голубятни, окончательно не определившись, как жить дальше: «Порой он чувствовал бессмысленность и ненужность всех этих рынков, толкучек, забегаловок, голубятен, и вместе с тем их соблазнительно притягивающую силу, без чего не мог побороть одиночество, безмерность свободных дней после возвращения, которые нужно было чем-то заполнить. Были часы, когда унылая и безотвязная тоска не отпускала Александра («Что дальше делать, как жить?»), и тогда его охватывала вязкая пустота» [4, с. 126].

Александра тревожит состояние больной матери, да и собственное будущее представляется ему туманным. К этому добавились материальные трудности: деньги, которые Ушаков получил по демобилизации, закончились, а средств за проданные на рынке тро-

фейные зажигалку и немецкий нож не может хватить надолго. Героя мучает безденежье особенно потому, что он ощущает свою вину перед матерью, ведь он остался ее единственной опорой и защитой после смерти отца. Не случайно, что последний фронтовой трофей, который остался у Александра и который ему до сих пор не удавалось продать, – это офицерский компас, не единожды спасавший ему и его фронтовым товарищам жизнь в разведке «в беспроглядную метель, снегопад, дождливую осеннюю темень» [4, с. 127]. Всякий раз, когда на рынке компас рассматривали потенциальные покупатели, «вертели в грязных пальцах <...>, глазели пустыми глазами карманщиков на стрелки, на небо, определяя, вероятно, где находится этот север, Александр бесцеремонно вырывал компас из рук, ругаясь сквозь зубы: “Проваливай, хватит”» [4, с. 45]. Нет сомнений, что компас, о котором не раз упоминается на страницах романа, символизирует присутствующее у героя стремление найти в мирное время правильный жизненный путь.

На улицах Москвы Александр сталкивается с подлостью и жестокостью людей. К примеру, герой становится случайным свидетелем того, как подростки устраивают страшную «игру» – через окно стреляют из винтовки. Их развлечение заканчивается трагедией – ранением семилетней девочки. Ушаков не может пройти мимо этого преступления. Он обезоруживает подростков, с трудом сдерживая себя, чтобы не учинить расправу над ними. Угрожая «интеллигентской шпане», он говорит о существовании главного закона в мире – «кровь за кровь», так перифразируя ветхозаветный принцип «Око за око», но затем, «точно очнувшись» (и это авторское замечание весьма существенно), уходит, пожалев их. Однозначная реакция Ушакова на совершенное подростками преступление и вместе с тем жалость к ним, обезоруженным, плачущим, говорят о сохранившихся в душе героя нравственных законах, через которые он пока еще не решается переступить.

Чувство одиночества, «вязкая пустота», с одной стороны, и жестокие поступки окружающих – с другой, толкают Ушакова в мнимое фронтовое братство, в банду Кирышкина. После поджога голубятни другой бандой, после этого, по словам героев, святотатства, они берут на себя роль Судьи, считая, что им «Господь знамение подал, достойно судить нечестивцев» [4, с. 223]. Заметим, что фронтовики в изображении Бондарева – это не безликая толпа, олицетворяющая зло. Автор тщательно прорисовывает образ каждого, даже эпизодического, персонажа, наделяя его индивидуальными чертами и своей жизненной историей. У каждого героя есть свое мнение о способах противостояния злу. Так, Логачев и Твердохлебов считают, что люди, участвовавшие в поджоге голубятни, достойны самой суровой кары, и называют их фашистами, которые сожгли не голубей, а беззащитных детей, «ангелов». Танкист Билибин уверен, что «все совершается под знаком Божиим» [4, с. 139], даже то, что во время войны он горел в танке, но остался жив («Бог спас» [4, с. 140]). Этому герою ближе не ветхозаветный закон «Око за око», а слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» [Мф. 7 : 2]. Бывший санитар полевого госпиталя Эльдар, философ-

самоучка, отчисленный из Московского университета за религиозную пропаганду, тоже «против всякой крови» [4, с. 141]. Но после поджога голубятни герои оказываются единодушны в своем решении мстить и отвечают злом на зло.

Если Игорь Дроздов, герой романа «Искушение», написанного Бондаревым несколькими годами ранее, в финале произведения оказывается на пороге нравственного выбора, не определившись окончательно с возможными способами противостояния злу, то Александр Ушаков после некоторых колебаний делает свой выбор и, отказавшись от непротивления, становится на путь сопротивления злу силой. Примечательно, что после принятия этого решения у героя впервые появляется «мстительная злоба» во взгляде и даже некая одержимость: «Он не мог остановить себя, ненависть сжигала его до черноты в глазах, душно перехватывало дыхание, и он не узнавал свой голос, хриплый, высокий, какой бывал у него, когда терял самообладание в приступах ненависти» [4, с. 345]. Кошмары, которые сняты Ушакову и в которых «смешалось все»: военные эпизоды и мирное время, лица фашистов и бандитов, – свидетельствуют о хаосе, поселившемся в его душе и мыслях, а гибель всех персонажей в снах Александра становится своеобразным предвосхищением реальной трагедии, произошедшей с героями в финале романа.

Невозможно согласиться с мнением некоторых критиков, склонных объяснять причины случившейся с героем трагедии, ссылаясь на внешние факторы и обстоятельства. Например, Н. М. Федь связывает появление романа «Непротивление» с антисталинской кампанией и анализирует произведение в этом ключе. В его работе мы находим, в частности, такую мысль: «Закончилась война, фашистская Германия пала, и перед победителями вдруг оказались перекрыты все светлые пути-дороги жизни. Но кто был во главе государства? Сталин. <...> Стало быть, лично он, Сталин, виновен в том, что герои войны были вынуждены разбойничать, а не восстанавливать порушенную жизнь, учиться, вливаться в трудовой ритм страны и прочее» [15, с. 565]. Полемизируя с Н. М. Федем, Т. М. Вахитова пишет: «Думается, что дело вовсе не в Сталине, а в катастрофической роли войны в личной жизни каждого воина» [6, с. 7]. По мнению Т. М. Вахитовой, в трагедии Ушакова «виновата война»: «Бывшие солдаты разучились жить нормальной, естественной жизнью, в них бушевали военные страсти, воплощавшиеся порой в каких-то странных полубандитских группах. <...> Она (война. – Л. Ш.) как оборотень поманила Ушакова, лихого разведчика, в страшную игру в справедливость, а потом оставила наедине с уголовниками, и он бросился на врага» [6, с. 7]. Как нам представляется, трагедию Александра Ушакова предопределили не фронтовые события и уж никак не «бездеятельность» Сталина, о личности которого ни разу не упоминается в романе, а индивидуальный жизненный выбор героя, сделанный им в послевоенное время.

Раненный в перестрелке, Александр вынужден скрываться от милиции. С этого момента начинаются его блуждания: и в прямом смысле этого слова – скитания по Москве, Ленинграду и в переносном – нравственные блуждания, и нигде он не находит приюта и

душевного успокоения. Герой не решается вернуться домой, так как боится потревожить мать и чувствует безмерную вину перед ней. Светлые воспоминания о матери сменяются еще большим мраком и запутанностью в его мыслях. Ушаков размышляет: «Да что это со мной? От кого я скрываюсь? От уголовного Лесика и его банды? От милиции, которая разыскивает убийцу? Плыву, как в сне сумасшедшего, что-то делаю, двигаюсь, что-то говорю... А есть только одно: вина перед матерью. <...> И безумная тоска <...> Стало быть, я теряю разум. Стало быть, случилось дикое безумие» [4, с. 283]. Александра охватывает чувство трагической безысходности, которое влечет за собой потерю смысла его дальнейшего существования.

К финалу романа усиливаются мотивы Голгофы, распятия, становятся устойчивыми мотивы Апокалипсиса. Предчувствуя, что с матерью случилось несчастье, Ушаков мстит ее обидчикам и сам погибает от полученной в драке раны. Причину подобного жизненного итога очень метко определил один из персонажей произведения, сказав: «Ежели после войны гвоздануло, Бог наказал» [4, с. 265]. Трагически заканчивается жизнь не только Ушакова, но и других героев: зверски убит Эльдар, арестован Кирюшкин и неизвестно, как сложатся судьбы остальных членов банды, но перспективы безрадужны. В предсмертном бреду Александр Ушаков видит страшную картину мирового Апокалипсиса – люди в ужасе бегут под проливным кровавым дождем в поисках спасения.

Финал «Непротивления» корреспондирует с его началом. Роман открывается сценой на рынке. Рынок, в изображении Бондарева, – это некое карнавальное пространство (по своим основным признакам оно соотносимо с карнавалом в понимании М. М. Бахтина [2]). В поэтике бондаревского романа особо подчеркнута амбивалентность этого пространства, в котором звуки гармонии и аккордеонов смешиваются с криком фронтовика-инвалида, истязавшего себя на глазах толпы; в котором соседствуют смех и грубая ругань, взаимоперетекающие друг в друга. Ушакову не без труда, но все-таки удается «вырваться» из этого «сумасшедшего круговорота» рыночной толкучки. В «круговороте» мирной жизни утрата верного направления движения приводит его к трагедии. Следует обратить также внимание на существенную деталь, возникшую в начале повествования: «тротуар и мостовая (рыночной площади. – Л. Ш.) были <...> залепаны мякотью арбузов, размазней раздавленных помидоров» [4, с. 7]. В этом описании, как и в соседствующей с ним метафоре «месиво людей», на имплицитном уровне присутствует красный цвет как символ крови, который в финале романа эксплицируется в образ «кровавого дождя», увиденного героем перед смертью.

В критических статьях мы находим разные, порой прямо противоположные толкования финала романа «Непротивление». Так, в статье Г. Орехановой есть мысль о том, что «невзирая на страшный конец прекрасного героя, роман утверждает веру в достоинство человека, в способность его и умение любить и дружить» [11, с. 7]. Вряд ли подобная трактовка отличается точностью понимания, поскольку приведенные выше размышления Г. Орехановой мало соотносятся с логикой развития событий и характера главного героя.

Вполне справедливо, на наш взгляд, Т. М. Вахитова указывает на «библейские истоки финала романа», что свидетельствует, по ее словам, «о каком-то подспудном, неявном процессе уже не социального или нравственного, а духовного самоопределения писателя» [6, с. 7]. Мы считаем, что «процесс духовного самоопределения» Бондарева начался задолго до написания романа «Непротивление». Начиная с ранней военной прозы, в которой явно ощутима опора писателя на православную духовную традицию, Бондарев постепенно восходил к христианской точке зрения на проблему воинского и человеческого долга. Во всей полноте авторская духовно-нравственная позиция представлена в его вершинном творении – романе «Берег», созданном в 70-е годы XX века (подробно об этом см.: [16]).

Т. М. Вахитова интерпретирует «видение кровавого дождя, символизирующего <...> ту Высшую кровь, которую пролил Господь на кресте» как «последнее прощение» герою, «искупление за его грехи» [6, с. 7]. Но, согласно православной традиции, прощению должно предшествовать искреннее покаяние человека в своих грехах, дающее надежду на итоговое воскресение души; прощение предполагает непреходящее духовное просветление человека, у Ушакова, напротив, возникает ощущение, что «он летит в черный провал» [4, с. 335], и герой умирает, так и не прийдя в сознание. Впрочем, сама Т. М. Вахитова настаивает на однозначности толкования символики финала «Непротивления». Она замечает, что в этом видении героя можно угадать и скрытые аллюзии на

наказание в духе египетских казней в Библии: «И поднял Аарон жезл свой и ударил по воде речной пред глазами фараона и пред глазами рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь, и рыба в реке вымерла, и река восмердела, и Египтяне не смогли пить воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской» [Исход. 7 : 20 – 21].

По нашему мнению, наиболее близким к пониманию авторской позиции оказался А. Василенко, который писал, что кровавый дождь символизирует одну из вечных Истин: «одним злом зло не победишь, а лишь будешь способствовать его росту. Со злом могут успешно бороться не те, кто загнан ложным выбором в угол, а те, кто сам определяет стратегию жизни, основываясь на полноте Добра» [5, с. 233].

Таким образом, в романе «Непротивление» Бондарев изображает героя на трагическом изломе времени. Автор убедительно показывает, что последовательное вытеснение в мыслях и поступках персонажей евангельской заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя» [Мф. 22 : 39] ветхозаветным законом «Око за око, зуб за зуб» [Исход. 21 : 24] ведет их к неизбежной катастрофе и гибели. Изображенная Бондаревым финальная картина «Непротивления» оказывается не так далека от действительности. Она становится мостиком к одним из самых трагических произведений писателя, роману «Бермудский треугольник» и пьесе «Переворот (93-й год)», повествующим о событиях современной российской истории – расстреле Дома Советов в Москве в октябре 1993 года.

Литература

1. Ананьев А. А. Останемся слабыми – покоя не будет // Дружба народов. 1995. № 3.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
3. Бондарев Ю. В. Мгновения. М.: ИТРК, 2009. 720 с.
4. Бондарев Ю. В. Непротивление: роман; Горячий снег: роман. Курган: Зауралье, 1996. 736 с.
5. Василенко А. Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева? // Молодая гвардия. 1995. № 10.
6. Вахитова Т. М. Поиск земли обетованной: о творчестве Юрия Бондарева // Литература в школе. 2005. № 6.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Русский язык, 1980.
8. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2013. 448 с.
9. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10-ти т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. 555 с.
10. Ореханова Г. Кровавый снег памяти // Сов. Россия. 1994. 15 марта.
11. Ореханова Г. Кто душу положил за други... (О новом романе Юрия Бондарева «Непротивление») // Сов. Россия. 1996. 1 февр.
12. Слово святителя Филарета Московского в неделю 18-ю по Пятидесятнице. 21.10.2011. Режим доступа: <http://www.n-jerusalem.ru/slovo/sv/text/183842.html> (дата обращения: 25.02.2015).
13. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 824 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 795 с.
15. Федь Н. М. Литература мятежного века: диалектика российской словесности, 1918 – 2002 гг. М.: Голос Пресс, 2003. 672 с.
16. Шкурят Л. С. Нравственные искания героев романа Ю. В. Бондарева «Берег» в контексте «военной» прозы писателя. Липецк: ЛГПУ, 2007. 210 с.
17. Юдин В. Украденная победа: о произведениях Ю. Бондарева // Молодая гвардия. 1997. № 2.

Информация об авторе:

Шкурят Лилия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Липецкого государственного педагогического университета, sh.lilia.s@yandex.ru.

Lilia S. Shkurat – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Lipetsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2015 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.9

ПРОБЛЕМА ОПЫТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. В. Боровкова

THE PROBLEM OF EXPERIENCE IN THE HISTORICAL SCIENCE

O. V. Borovkova

В статье рассматривается проблема опыта в исторической науке, актуальность которой обусловлена новыми представлениями, связанными с изменениями взглядов на роль исторических источников. Исторический источник уже не считается незыблемым основанием – наряду с ним выдвигается внеисточниковое знание, частью которого или видом выступает исторический опыт, эксперимент.

Для реализации цели работы исследуются различия свойств и содержания опыта в целом и эксперимента, как одного из видов опыта, обладающего своими особенностями. Также в статье показаны изменения, произошедшие в исторической науке и связанные с существованием двух основных традиций (модернистской и постмодернистской), что повлекло за собой трансформацию представлений о возможности применения опыта в историческом исследовании.

В итоге, автор делает вывод, что опыт имеет два основных значения: «внешний опыт» или эксперимент и опыт, не поддающийся научной верификации, но полагающийся в качестве цели истину. С помощью эксперимента воспроизводится реальность науки, поэтому в традициях модернизма, где историческая реальность полагалась реально существующей, вполне допускалось экспериментальное исследование. В рамках постмодернизма историческая реальность не признается существующей, поэтому предполагается применение, так называемого, «исторического опыта» – опыта переживания и опыта деятельности.

This paper discusses the problem of experience in the historical science, the relevance of which is due to new representations related to changes of views on the role of historical sources. Historical source is no longer considered inviolable basis – along with it, out-of-source knowledge is recognised, whose part or variety is the historical experience, experiment.

The author explores the difference between the properties and content of the experience in general and the experiment as a kind of experience which has its own characteristics. The paper also shows the changes in historical science related to the existence of two main traditions (modernist and postmodernist), which led to the transformation of ideas about the possibility of using the experience in historical research.

In the end, the author concludes that the experience has two basic meanings: “external experience”, or experiment, and the experience which is not amenable to scientific verification but relies in the truth as a goal. With the experiment the reality of science is reproduced, so the tradition of modernism, where historical reality was considered actually existing, readily admits experimental investigation.

In postmodern historical reality is not recognized as current, so it suggests using the so-called “historical experience” – the experience of feelings and experience of activity.

Ключевые слова: опыт, исторический опыт, эксперимент, историческая наука, реализм, конструктивизм.

Keywords: experience, historical experience, experiment, historical science, realism, constructivism.

Проблема опыта является одной из самых важных в исторической науке, особенно в настоящее время. Ее актуальность обусловлена новыми представлениями, сложившимися по поводу исторической реальности и возможности ее познания. Исторический источник уже не считается незыблемым основанием – наряду с ним выдвигается внеисточниковое знание, частью которого, а вернее, видом и выступает исторический опыт, эксперимент.

Х.-Г. Гадамер в своем известном произведении «Истина и метод: основы философской герменевтики» отметил, что само «понятие опыта относится... к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [4, с. 409].

Проблема опыта в исторической науке усиливается тем, что с новыми соседствуют прежние, не исчерпанные представления. Существование двух основных позиций (модернистской и постмодернистской), а так-

же ситуация размежевания естественных и социально-гуманитарных наук, отчасти обусловили некоторую неопределенность содержания понятий «опыт» и «эксперимент». Являясь, в некоторой степени, взаимозаменяемыми, эти понятия все-таки различаются и это различие усиливается. В обыденном понимании их значение обычно не вызывает сомнений, но в области научного познания требуется их углубленное рассмотрение.

Анализ определений понятия «опыт» выявляет два основных значения: во-первых, опыт – это знание, приобретенное в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий [6]. Опыт как знание, рассматривается И. Т. Касавиным и выступает как непосредственно данное «сознанию субъекта и сопровождающееся чувством прямого контакта с познаваемой реальностью» [3]. Во-вторых, опыт выступает как процесс познания: «основанное на практике чувственно-эмпирическое позна-

ние действительности» [11]. Таким образом, опыт – это и процесс и результат.

В толковом словаре В. Соловьева опыт подвергается классификации, выделяется опыт «прямой и косвенный, внутренний и внешний, житейский и научный. Состояния, переживаемые и пережитые самим данным субъектом, составляют его прямой или непосредственный опыт; достоверное свидетельство о чужих опытах есть для него опыт косвенный» [12]. И. Т. Касавин, говоря об опыте, выделяет сферы его применения: «реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (*восприятие*) или же реальность состояний самого сознания (*представления*, воспоминания, переживания и т. д.)» [16].

Как упоминалось, зачастую опыт отождествляется тем, что называют экспериментом. В основе такого отождествления лежит значение термина «эксперимент» произошедшего от латинского *experimentum* – проба, опыт. Но, эксперимент, в отличие от опыта – это процесс, а результатом является опыт. М. К. Гусейханов, О. Р. Раджабов очерчивают сферу эксперимента, полагая, что он является «научно поставленным» опытом [5, с. 30].

Эксперимент направлен на получение знаний в контролируемых и управляемых условиях (зачастую специально конструируемых), что предполагает изоляцию изучаемого явления от влияния побочных, несущественных факторов, изучение его в «чистом виде», что дает возможность комбинирования различных условий и неоднократного воспроизведения исследуемого явления. Повторяемость эксперимента позволяет верифицировать результат.

С помощью эксперимента подтверждаются связи (чаще всего причинные) между явлениями и объектами, что дает возможность выделить еще одну особенность эксперимента – некоторая заданность результата: исследователь предполагает результат. Это связано с тем, что «подбор» условий, оборудования и др. невозможен без предположений о результате. Но нельзя не отметить и того, что с помощью эксперимента обнаруживаются новые свойства объектов или явлений.

Как известно, более всего эксперимент используется в естественных науках, а в настоящее время распространяется на сферу социальных наук и приобретает там все большее значение. Но все-таки в социальных исследованиях его значение и возможности ограничены, так как не все социальные явления можно воспроизвести, а тем более, многократно повторить в лабораторных условиях, поэтому затруднена верификация. Также невозможно сделать эксперимент полностью «чистым», исключив побочные факторы. И, наконец, невозможно «опереться» на незыблемые законы как в естественных науках.

Таким образом, эксперимент для получения знаний, преимущественно, предполагает намеренное воспроизведение действительности, контролируемость и управляемость условий, ожидаемость результата. Его применение подразумевает «незыблемость» действительности, существующей согласно законам. Возможности эксперимента в социально-гуманитарных науках снижены.

Опыт, таким образом, представляется более широким понятием, включающим и понятие «эксперимент». Эксперимент всегда можно назвать опытом, но

содержание опыта выходит за рамки содержания понятия эксперимент. «Опыт может означать и метод познания действительности, так и в обыденном смысле – накопленный жизненный опыт» [15].

Опыт, выходящий за рамки эксперимента, предполагает как дополнение, так и противопоставление ему. Опыт возможно получить в процессе обыденной жизни и использовать в этой же сфере, но такой опыт может использоваться и в научных исследованиях, прежде всего, в сфере социально-гуманитарных наук. Результат здесь зачастую неизвестен, так как действительность данной сферы вариативна и изменяема, события единичны и неповторимы. Знание, полученное с помощью опыта, может быть изначально направлено на использование (опыт как эксперимент), а может использоваться при случае.

В исторической науке проблема опыта рассматривается в рамках реалистического и конструктивистского подходов (что не исключает срединных позиций). Представления сторонников реалистического подхода заключаются в том, что историческое прошлое является реальностью, которая существует сама по себе. В этом случае предполагается «достижимость» объекта исследования, то есть прошлого, его независимость от познавательной активности субъекта, возможность «повторяемости» опыта, то есть неоднократного «воспроизведения» действительности.

Представители реалистического подхода, который более всего свойственен модернистской традиции, допускают применение эксперимента как метода исследования в исторической науке. Одни, «отодвигая» исторический источник на второй план, «первичным» считают эксперимент. Например, советский исследователь А. Г. Кузьмин полагал, что источник «не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент» [8, с. 15 – 16]. Эксперимент, с его точки зрения помогает установить точное место и время событий, воспроизвести их последовательность, изучить технику и технологии, описания которых либо не дошли до настоящего, либо не существовали и др.

Но другие исследователи, признавая использование эксперимента в исторических исследованиях, считают его «вторичным». По мнению Э. Н. Лооне, эксперимент допустим, когда отсутствует источник. Но если источник присутствует, то эксперимент излишен, так как важнее всего информация, содержащаяся в источниках: «Если мы знаем, как строили пирамиды, то неважно, что их можно было строить и по-другому» [9, с. 150]. Я. С. Лурье допускал возможность эксперимента, но лишь как проверки некоторых утверждений источника и только при наличии «исходного эмпирического материала источников» [10, с. 15].

Нельзя не согласиться с тем, что с помощью эксперимента совершены многие исторические открытия, но такой эксперимент практически не отличается от эксперимента в естественных науках. Он выступает здесь своеобразным воспроизведением реальности – «оригинала», как дополнением, так и проверкой, что соответствует представлениям реалистов. Реальностью исторической науки и сферой приложения эксперимента полагается историческое прошлое. Кроме того, позиция научного монизма, в той или иной мере свойственная представителям реалистического под-

хода, предполагала единообразие методов как естественных, так и социально-гуманитарных наук.

В целом же этот опыт проводится с использованием методов других наук. В рамках исторической науки – это повторение действий, которые были произведены с вещами. Как полагает Х. Уайт, в этом случае воспроизводятся события внешние сознанию историка [17, с. 43].

Как мы видели, даже представители реалистического подхода полагают, что эксперимент в исторической науке может использоваться лишь частично, так как воспроизведение исторических событий, подобно тому, как это происходит с явлениями в естественных науках, могут привести лишь к частичному успеху.

«Помехи» создаются людьми, так как повторить чувства, порывы людей в полной мере, а не только внешне – невозможно. История каждой социальной общности уникальна, бесконечно изменчива, мотивация поведения людей может быть скрыта. Апелляция к законам истории также не будет эффективной в достижении истинного знания, так как они порождаются в результате деятельности людей и не действуют всегда одинаково как законы природы. Исторические события, о которых известно из источников, могут воспроизводиться, но в рамках литературы и искусства.

Необходимо также заметить, что понятие «исторический опыт» может здесь употребляться как опыт освоения действительности людьми, для которых исследуемое прошлое было настоящим.

Сторонники конструктивистского подхода отвергают идею возможности для субъекта исторического познания войти в прямое соприкосновение с реальным прошлым. Историческое прошлое в этом случае теряет свое определяющее значение, подчиняется настоящему, становясь лишь прошлым настоящего. На первый план выходит историк, который своей деятельностью конструирует прошлое в текстах, создавая «эффект реальности». Верификация, как воспроизведение реальности здесь неуместна и невозможна, так как любые подобные попытки приведут к созданию множества «других» реальностей.

Таким образом, действительные события прошлого уже не признаются «оригиналом», по которому могут воспроизводиться внешние события. Потеря оригинала приводит к поиску других оснований для исторического опыта.

Предшественником конструктивизма в понимании опыта в исторической науке, на наш взгляд, можно назвать Р. Коллингвуда, который выдвинул в качестве объекта исследования исторической науки историческое сознание. Содержанием исторического знания он полагает знание о том, что дух совершил в прошлом и опыт «воспроизведения его действий» [7, с. 207]. Объектом опыта здесь уже является «деятельность мышления», сознания, а сам опыт – воспроизведением этой деятельности.

Проблема опыта в гуманитарном знании и искусстве явилась предметом интереса основателя философской герменевтики Гадамера. Помимо опыта как эксперимента, с помощью которого проводится верификация, он выделяет формы опыта, не поддающиеся научной верификации, лежащие «за пределами науки» (опыт истории, опыт философии, опыт искусства). Это опыт, превышающий возможности экспери-

мента и хотя он не является научным, он также устремлен к истине [4, с. 39].

На первое место здесь выходит не объективность опыта, а как считал Гадамер, личностное прочтение текста, его переосмысление, переоценка, или «переписывание». В результате этой деятельности происходит создание собственного авторского текста, источником которого выступает, по Гадамеру, собственный герменевтический опыт. Этот опыт является основой формирования горизонта понимания.

Таким образом, мысль о том, что познать прошлое «как оно было» невозможно все более укрепляется. Причиной этому, как пишет В. Н. Сыров, является не только то, что прошлое недостижимо и не может стать «подтверждением суждений историка», а и потому что «"смысл" происшедшего чужд нам» [13]. В этой ситуации (в рамках постмодернизма) возможность исторического опыта первым рассмотрел голландский философ Ф. Р. Анкерсмит. Он предлагает перейти от проблем языка к проблеме непосредственного опыта восприятия прошлого. По его мнению, существует три вида исторического опыта: объективный, субъективный и возвышенный.

Объективный опыт – это опыт восприятия людей, живших в прошлом своей действительности, того мира, где они жили. Субъективный опыт – опыт разрыва настоящего и прошлого, переживания дистанции между ними. Возвышенный исторический опыт является переживанием различия между прошлым и настоящим.

В качестве одного из составляющих объекта исторического опыта у Анкерсмита выступает «персональное прошлое» (мало отличающееся от коллективного прошлого). Он полагает, что человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это опыт ностальгии. Ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [1, с. 367]. Подход Анкерсмита – это воспроизведение «внутренних» событий, то есть тех чувств, которые вызваны тем или иным событием.

С одной стороны, исторический опыт, представленный Анкерсмитом, человек получает «из первых рук», может «прикоснуться» к нему, но с другой стороны, ностальгический опыт показывает невозможность возвращения к прошлому [2, с. 56]. Отсюда сочетание радости от «прикосновения» к прошлому и боли от невозможности его возвращения. Такое сочетание порождает стремление повторить или приблизить прошлое и это является весьма сильным стимулом для историкоописания.

Невозможность опереться на прошлое, его чуждость, травматичность побуждают Х. Уайта также разработать способ преодоления чуждости. В качестве такового и выступает исторический опыт, который восстанавливает прошлое. Прошлое, с точки зрения Уайта, не существует в качестве объективной реальности, – оно появляется лишь в момент его опытного постижения. Он считает, что это может произойти с помощью форм, тропов, на которые опирается историк в своем исследовании.

Выбор тропологической модели влечет за собой «определенный способ объяснения, аргументации и идеологической стратегии» [2, с. 11]. То есть Уайт создает «структуралистскую сетку», в пределах которой существуют все исторические тексты. Она выступает в

качестве закона, претендуя на статус незыблемости, неразрушаемости, что свойственно законам природы, которым подчиняется опыт в естественных науках.

Исторический опыт, представленный Х. Уайтом, с одной стороны, основан на предпочтении историком тропов, с другой стороны, это предпочтение связано с представлениями об их независимости от исследователя. Поэтому определить его как внешний или внутренний достаточно трудно.

Проблема исторического опыта стала объектом интереса отечественных исследователей. Оригинальная концепция исторического опыта представлена в работах В. Н. Сырова. Исторический опыт с его точки зрения – это опыт какой-то деятельности и средство для действия, а не переживания. Прошлое помимо прочего выступает как опыт, как своеобразное пространство для выделения опытов.

Опыт предназначен для решения «внепознавательных задач или, как бы мы сказали по-другому, практических целей...» [14, с. 46]. «Интрига» или «сюжет» исторического повествования определяется не произвольным выбором, а вытекает из целеполагающей и целедостигающей деятельности. Другими словами цель, которую ставит перед собой историограф «определяет необходимость выбора той или

иной индивидуальности», а индивидуальность самой ситуации «индивидуализирует и выбор свойств изучаемого объекта» [14, с. 49].

Таким образом, *опыт имеет два основных значения*.

1. Эксперимент, представляющий собой «внешний» опыт, предполагающий заданные условия и, отсюда, заданный результат, использующийся в науке, воспроизводящий в лабораторных условиях реальность науки. В традициях модернизма историческая реальность полагалась реально существующей, поэтому вполне допускалось экспериментальное исследование. Субъектами опыта как исторического опыта переживания и деятельности полагались люди, получившие его в прошлом.

2. Опыт, не поддающийся научной верификации, но полагающий в качестве цели истину. Такого рода опыт более всего подходит для истории как систематизированной сферы знания. По этому поводу П. Вен сказал, что «исторический опыт не укладывается в формулы» [3, с. 197].

Такой опыт невозможно использовать как некую не изменяющуюся при повторениях данность. В традиции постмодернизма – исторический опыт – это опыт переживания и опыт деятельности.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Вен П. Фуко совершает переворот в истории: приложение // Вен П. Как пишут историю: опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гусейханов М. К., Раджабов О. Р. Концепции современного естествознания: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К, 2007. 540 с.
6. Естествознание. Энциклопедический словарь. Опыт – БСЭ – Яндекс. Словари. Режим доступа: [//slovari.yandex.ru/БСЭ/Опыт](https://slovari.yandex.ru/БСЭ/Опыт)
7. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография. М., 1980.
8. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
9. Лооне Э. Н. Современная философия истории. Ч. III. Процедуры установления исторического знания. Режим доступа: opentextnn.ru/history/?id=1044 (дата обращения: 28.09.2013).
10. Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI.
11. Панов В. Г. Яндекс. Словари БСЭ. 1969 – 1978. Режим доступа: slovari.yandex.ru/БСЭ/Опыт
12. Соловьев В. Толковый словарь по философии (репринт 2001 г.). Режим доступа: [//slovari.yandex.ru/БСЭ/Опыт](https://slovari.yandex.ru/БСЭ/Опыт)
13. Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. Режим доступа: любому.рф Статьи.
14. Сыров В. Н. Сущность и значение исторического знания в современном мире в контексте образовательной ситуации // Сибирь. Философия. Образование. 1.(0). 1997.
15. Философский энциклопедический словарь. 2010. Режим доступа: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2895/ОПЫТ 07.07.2014
16. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». И. Т. Касавин. 2009. Режим доступа: psyoffice.ru/5-epistemology_of_science-550.htm
17. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. Ed. by R. H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press. 1978. P. 41 – 62.

Информация об авторе:

Боровкова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин гуманитарно-экономического факультета Рубцовского индустриального института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, РИИ АлтГТУ, o.v.borovkova@gmail.com.

Olga V. Borovkova – Candidate of Philosophy, Professor of the Humanitarian Department, Rubtsovsk Industrial Institute, branch of Altay State Technical University named after I. I. Polzunov.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2015 г.

ИГРОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Е. О. Гаврилов

GAME RELIGIOUSNESS AS REPRESENTANT OF CURRENT TRENDS OF SOCIAL DEVELOPMENT

E. O. Gavrilov

В статье показано, что игровая религиозность как реакция на происходящие социальные трансформации ведет не просто к адаптации индивидов к новым условиям, но также и к продуцированию оригинальных форм социальности. Главным результатом этой реакции является создание или воссоздание смысла как условия нераспада социальности, как средства предотвращения ее рассеивания. Рождение социально-религиозных проектов игровой религиозности есть ни что иное как облеченное в религиозную форму стремление индивидов обрести прочные онтологические основания собственного существования, ясные координаты своего поведения путем конструирования этих оснований. В современных условиях игровая религиозность предоставляет возможность достаточно свободного комбинирования смыслами и тем самым проявляет свой сугубо инструментальный характер, что и позволяет ей выступать в качестве средства социального конструирования. В то же время собственно религиозное содержание в практиках игровой религиозности приобретает вторичный характер, а результатами реализации проективной активности становятся квазирелигиозные сообщества. Проявления игровой религиозности выполняют роль конструктивной силы, но в то же время выступают в качестве средства ревизии и даже разрушения многих устоявшихся смыслов и форм, носителями которых выступают традиционные религии. Однако и последние содержат элементы игровой религиозности, используя их в качестве средства социальной адаптации к новым историческим условиям и легитимации некоторых светских социальных практик.

The paper shows that game religiousness as reaction to the current social transformations leads not simply to adaptation of individuals to new conditions, but also producing original forms of sociality. The main result of this reaction is creation or reconstruction of the sense as conditions of non-disintegration of sociality, as means of prevention of its dispersion. The birth of social and religious projects of game religiousness is nothing but aspiration of individuals given a religious shape to find the strong ontologic bases of their own existence, clear coordinates of the behavior by designing of these bases. In modern conditions game religiousness gives opportunity of rather free combination of meanings and by that reveals its specific instrumental character, which allows it to act as means of social designing. At the same time, in practice of game religiousness the religious contents itself gains secondary character, and quasireligious communities become result of realization of projective activity. Manifestations of game religiousness carry out a role of constructive force, but at the same time act as means of revision and even destruction of many settled meanings and forms carried in traditional religions act. However, the latter as well contain elements of game religiousness, using them as means of social adaptation to new historical conditions and legitimation of some secular social practices.

Ключевые слова: религиозность, проект, игра, социальность, идентичность, адаптация.

Keywords: religiousness, project, game, sociality, identity, adaptation.

Сегодня в палитре социальной активности ярко демонстрирует свое присутствие религиозный компонент. В самых разных сферах общества от имени религии говорят субъекты культурных традиций и новых религиозных движений. В условиях идейного плюрализма, стремительно меняющихся условий жизни, религиозность трансформируется в направлении все большего разнообразия. В этой мозаике религиозного творчества особое внимание привлекает явление, которое получило название фэнтезийных или пародийных религий, а в нашем исследовании будет обозначаться как игровая религиозность. Ее идейное и ритуальное наполнение весьма пестро и необычно, часто носит заметно ироничный, шуточный характер. Но присутствие подобных образований в рамках социального пространства, явная востребованность свидетельствуют о некоторых социальных тенденциях, определяющих своеобразие эпохи, о ее проблемах и перспективах развития, заставляют пересмотреть прежние представления о соотношении религиозного и нерелигиозного в жизни общества. Проблема состоит в том, что исследования игровой религиозности нередко оставляют без внимания причины, порождающие ее проявления, что в свою очередь препятствует пониманию той социальной

роли, которую выполняет игровая религиозность. Задачей нашего исследования будет определение предпосылок, характерных черт и социальной роли игровой религиозности как репрезентанта некоторых современных тенденций социального развития.

К концепту игры как предпосылке понимания человеческой природы, основания социальности не раз обращались мыслители новейшей истории, среди которых можно назвать имена Ж. П. Сартра, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Г. Гадамера, Л. Витгенштейна и пр. Не обошли его своим вниманием и представители постмодернизма, рассматривая игру как квинтэссенцию современной культуры [5]. Но, безусловно, знаковым в этом поисковом процессе явился труд Й. Хейзинга – «Homo Ludens», в котором автор проводит мысль о том, что игровая природа составляет общую основу всех социокультурных явлений. Он замечает, что «наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою» [13, с. 24]. Автор распространяет игру и на символические системы, что перекликается с теорией языковых игр Л. Витгенштейна, который от исследования языка переходит к интерпретации различных социокультурных явлений в качестве игры [7]. Такие качест-

ва игры, как способность создавать порядок, систему правил, с одной стороны, в то же время ее произвольность, комбинаторность, с другой, позволяют воспринимать ее как условие порождения смысла и благодаря этой способности – предпосылку процесса конструирования социальности. Игра выступает в качестве общей основы созидания и изменения порядка в любом сегменте общества, будь то экономика, политика, искусство, спорт и т. д. Игра реализует себя как некая избыточность, надстройка над действительностью, выход за ее пределы, но одновременно и как воспроизведение, конструирование или, по крайней мере, выражение самой реальности. Даже знаменитое шекспировское: «Весь мир – театр...» – является признанием фундаментальной ценности игрового элемента в жизни людей.

Следует предположить, что и религиозность (прим. автора: выбор термина «религиозность» обусловлен соображениями методологического характера: в то время как понятием религии обозначается институциональный уровень активности, не позволяющий адекватно отразить стохастический, подвижный характер религиозной жизни, религиозность, понимаемая как совокупность социальных практик в единстве ментального, символического и действенного компонентов, решению этой задачи способствует) имеет игровую природу. Тот же И. Хейзинга отмечает, что «освященное действие некоторыми своими сторонами во все времена остается включенным в категорию игры, но наличие такой подчиненности не мешает нам признавать его священный характер» [13, с. 44]. Так и Л. Витгенштейн, называя человека «церемониальным животным», связывает игру не только с социальностью вообще как с набором рутинизированных, сообразных определенным нормам действий, но и с религиозной ритуализированной активностью в частности [3, с. 125]. Мы считаем, что любое религиозное действие воспроизводит характеристики игры, все религиозные практики могут рассматриваться как игровые практики в том смысле, что в них осуществляются условное воспроизведение, выражение сакрального и одновременно его конструирование по определенным правилам. Как варианты «религиозной игры» можно трактовать христианскую литургию, в символическо-драматической форме воспроизводящую сюжеты библейских историй, ритуалы хаджа, имитирующие перипетии судьбы некоторых божественных посланников и людей, близких к ним, обряды буддийского праздника цагалган (белый месяц), посвященные символическому воссозданию двенадцати чудес Будды и т. д. Игровой характер религиозного обряда проявляется в том, что он в качестве символического выражения объекта поклонения выходит за пределы утилитарных действий, обладая избыточностью характерной для игры. Специфика «религиозной игры» по сравнению с другими социокультурными формами состоит в том, что ее интенционально-волевым источником оказывается вера, ментальный уровень содержит представления о сакральном/сверхъестественном как смыслопорождающем начале, а названные компоненты включаются в плоть игры посредством религиозного опыта. Данные критерии «религиозной игры» позволяют сделать вывод, что только отдельные явления поля игровой активности имеют отношение к религиозному, однако все формы религиозных действий в той или иной степени несут на себе

печать игровой стилистики как фундаментального основания человеческой культуры.

Возникает вопрос, имеет ли отношение игровая религиозность к «религиозной игре», то есть, собственно говоря, к религиозности? Если рассмотреть конкретные проявления игровой религиозности, то можно заметить полный набор атрибутики, характерной для любых религиозных образований: догматическую систему, до определенной степени развитый культ и, нередко, фиксированную организационную структуру. Достаточные ли это основания для включения феномена игровой религиозности в религиозность как части в целое? На наш взгляд, да – достаточные. Означает ли это, что мы не делаем различий в оценке, скажем, шаманского культа и культа летающего макаронного монстра? Нет – не означает.

Во-первых, факторы, питающие «религиозную игру», о которой говорилось выше – вера, представления о сакральном/сверхъестественном и религиозный опыт – хотя и служат основой игровой религиозности, но нередко редуцируются к нерелигиозным социальным проектам, сохраняющим лишь опосредованную связь с религией. Хотя следует иметь в виду, что в некоторых сообществах имеет место и искренняя убежденность в сакральной подоплеке конкретного игрового проекта.

Во-вторых, нельзя игнорировать более явное отличие игровой религиозности от других форм «религиозной игры». Для того чтобы показать его, используем виртуальную шкалу в амплитуде «серьезное-несерьезное», приложив ее первоначально к «религиозной игре», а потом к игровой религиозности. Думается, что в результате этой процедуры применительно к «религиозной игре» показатели нашей шкалы сместятся в сектор «серьезное». Хотя игра есть нечто условное, выходящее за пределы практической необходимости, она вместе с тем, по мнению И. Хейзинга, в любом из ее проявлений, независимо от того идет ли речь о детских играх, спортивных состязаниях, судебных процессах, брачных церемониях и т. п., вполне может быть серьезным социокультурным феноменом. Эта оценка относительно «религиозной игры» касается как самого процесса, осуществляемого с максимальной самоотдачей, так и ее последствий – созидания, репродуцирования и корректировки манифестаций религиозного.

Но показатели изменятся, как только эту процедуру измерения мы повторим на игровой религиозности: они сместятся в сектор «несерьезное». Дело в том, что, по сути, она представляет собой имитацию и одновременно намеренное изменение правил «религиозной игры», правил принятых в других формах религиозности. Результатом такой пертурбации оказывается ситуация нарочитого абсурда, смыслового парадокса, достигаемая, в частности, путем использования аллегорического, наглядно-образного выражения абстрактных понятий, гиперболы, намеренно утрирующей отдельные черты объекта, и посредством сочетания религиозной формы и нерелигиозного содержания. При этом непреложная данность религиозных представлений, заложенных в исходном культурном шаблоне, разрушается. Собственно эта особенность некоторых объединений, сформировавшихся на основе игровой религиозности, породила их другое название – «пародийной» религии. Ведь именно пародия представляет

собой такой род имитации, в результате которой первичные характеристики предмета приобретают гротескное выражение. Таким образом, игровая религиозность, будучи компонентом современной религиозности, в результате своей активности генерирует квазирелигиозные продукты. Каковы же причины, порождающие этот феномен?

Религиогенез XX – XXI вв. демонстрирует бурный рост проявлений игровой религиозности. Их следует рассматривать как специфическую реакцию на процессы, происходящие в широком социальном контексте: происходит трансформация социальных порядков, сформировавшихся еще в эпоху модерна, и как следствие – диверсификация, перекомпоновка и деградация образующих их практик. Игровая религиозность обусловлена и процессами секуляризации/десекуляризации, а также теми факторами, которые стоят за ними, включая научно-технический прогресс, информатизацию, глобализацию, формирование общества потребления и т. п. Под их влиянием любая религия в ее доктринальных и культовых проявлениях зачастую воспринимается уже не как свод непреложных истин, а, напротив, как модус фантазии, иллюзии, идеологии, то есть как результат произвольного конструирования.

Мультипликация игровых религиозных практик в современном обществе свидетельствует о новом сочетании религиозного и светского, сакрального и профанного. Сегодня все компоненты общества, в том числе и религия, более чем когда-либо находятся под угрозой фрагментации. По словам П. Бурдьё, происходит «разложение религиозного» [2]. То, что раньше было исключительной прерогативой службы священника, составляло «четкое поле религии» ныне без ограничений, но с малыми поправками дублируется работой светских специалистов. Вместе с тем, происходящая диффузия явлений, традиционно воспринимаемых как принадлежащих сфере религиозных отношений, сталкивается со встречным движением: массмедиа, политика, экономика, наука и ряд других областей черпают духовный энтузиазм, поведенческие модели, сюжеты и смыслы именно в религии. Игровая религиозность в постсекулярную эпоху является выражением той социальной тенденции, которая, возвращая религии значимость в современном мире, одновременно растворяет ее в различных формах нерелигиозной активности, отводя ей роль техники социального конструирования, продвижения идеологии различных социальных групп и, наконец, сопротивления процессам деградации социальности. Действительно, игровая религиозность, как некий инструмент нерелигиозной мотивации, вносит, пусть специфичным способом, свою лепту в борьбе с кризисом идентичности и кризисом смысла, пытается восполнить утрату устойчивой системы координат повседневной жизни индивидов.

Да, в большей или меньшей степени для всех вариаций игровой религиозности характерно инструментальное использование религиозных смыслов и форм активности. Это, прежде всего, делается для реализации различного рода социальных задач. Высокая степень произвольности мировоззренческих и поведенческих схем игровой религиозности, в отличие от ограничений традиционных религий, открывает перед ней широкие перспективы социального творчества. Игра здесь выступает средством социального моделирова-

ния и эксперимента, нацеленных на решение актуальных общественных проблем, начиная от поиска смысла жизни и заканчивая вопросами конструирования новых стандартов социального взаимодействия. Причем взаимодействия с использованием помимо прочего современных технологий. Так, многие игровые квазирелигиозные движения существуют только как сетевые интернет-сообщества. Социальная сеть становится распространенным способом взаимосвязи, приметой меняющейся социальности. Но, если традиционные религии совершают переход от прежних централизованных и иерархизированных схем взаимодействия к децентрализованным сетевым способам социальной связи постепенно и сам этот переход сопряжен для них с определенными трудностями, то многие игровые квазирелигиозные объединения с самого своего возникновения формируются именно как сетевые сообщества.

Какие же можно выделить варианты игровой религиозности? Исходя из содержания и направленности проектов, с определенной долей условности можно говорить о ее четырех основных разновидностях: фэнтезийной, антиклерикальной, политико-ориентированной и традиционалистской. Рассмотрим их.

Фэнтезийный вариант игровой религиозности. Наверное, первыми обратили на себя внимание специалистов те проявления игровой религиозности, которые возникли на основе сюжетов известных литературных произведений и фильмов, созданных в жанре сказки, фэнтези или фантастики. Диапазон содержательных и стилистических компонентов такого рода творчества довольно широк. В зависимости от исходного сюжета они могут выражаться в неоязыческих визуализациях, наукообразных концептуализациях, футуристических и апокалиптических ожиданиях и т. п. Сегодня перечень подобных групп включает в себя, например, такие более или менее распространенные движения, как джедаизм, дудеизм, поклонники ктулху. Почти все они воспроизводят архетипичные образы борьбы добра со злом, демонстрируют либо имитируют веру в таинственную силу, присутствующую Вселенной в целом или отдельным объектам, убежденность в существовании сказочных существ, формулируют некий свод наставлений к жизненным приоритетам. В каждом конкретном случае отношение к предмету «поклонения» довольно сильно разнится. Для одних оно сродни развлечению, для других является результатом длительных духовных исканий.

Общей характеристикой фэнтезийного варианта игровой религиозности является рекреативная направленность и реализация эскапистских интенций. В ряде случаев она развивается из «клубов по интересам», фанатских объединений и других коллективных форм проведения свободного времени. Но удовлетворяя потребность в досуге, позволяя абстрагироваться от повседневных забот, в некоторых случаях она отвечает на более фундаментальные мотивации. Речь идет о мистическом желании обрести онтологические основания собственного существования, его легитимацию в контексте вселенских законов и сил. Среда фантастических миров позволяет каждому участнику посредством исполнения заданных ролей в определенном смысле выходить за рамки наличного бытия и в результате обретать дополнительные трансцендентные смысловые ориентиры своей жизни.

Именно этот аспект эскапистских учений открывает простор для социального проектирования. По мнению В. И. Красикова, такие фэнтезийные объединения как теософия, бажовское движение и толкиенизм представляют собой осовремененный вариант магических представлений, разновидность новой мифологии, что следует хотя бы из факта обожествления ими различных сил природы [6, с. 398]. Правда надо признать, что подобные представления характерны далеко не для всех проявлений фэнтезийной игровой религиозности. Что же касается магизма современной религиозности, то он может быть интерпретирован как своеобразный практицизм, характерный для современной религиозности в целом и предполагающий восприятие религиозных феноменов в аспекте их полезности в качестве технологии успеха. Питаемые мистическими переживаниями фантастические сюжеты создают идейно-символический каркас и преобразуются в систему ценностей и правил, оказывающих влияние на различные стороны повседневной жизни. В развитой форме такого рода ментальная динамика воплощается в утопических проектах, реализация которых приводит к формированию локальных социальных порядков, полностью или частично определяющих содержание духовного мира и деятельность индивидов. Даже в том случае, когда социальная направленность этих квазирелигиозных проектов явно не выражена, они все же знаменуют собой важную веху в процессе социогенеза благодаря таким отличительным чертам, как произвольность, комбинаторность, авторский характер учения. В этих чертах проявляются общие интенции современности на конструирование идентичности и смысловых единиц посредством почти ничем неограниченной импровизации.

Антиклерикальный вариант игровой религиозности. Воспроизводя основные социальные характеристики фэнтезийных движений, такие течения, как пастафарианство, боконизм, гуглизм, культ невидимого розового единорога, церковь недомудреца и т. п. имеют выраженное своеобразие. Они обычно лишены привязки к художественным произведениям, а привлекают к себе внимание подчеркнуто ироничным характером и полемической антиклерикальной направленностью. Объектом пародии могут быть как отдельные религии, старые и новые, либо религия в целом. Причем сарказм распространяется и на основы собственных доктрин. Так, если кто-то назовет воззрения боконистов бредом или выдумкой, то они с этим спокойно согласятся: ведь Боконон и сам утверждал, что все религии являются ложными и потому боконизм не исключение [10]. При всем том некоторые из подобных образований имеют официальную регистрацию в качестве религиозных объединений. В стремлении заявить о себе в публичной и легитимной форме проявляется характерная для игровой религиозности тенденция к гротеску и доведению ситуации до абсурда. Но делается это не столько для эпатажа и развлечения, сколько в силу желания отстоять ценности светского общества, используя при этом привилегии религий, гарантируемые некоторыми государствами.

Именно так предлагает понимать свой поступок один из приверженцев пастафарианства Нико Альма, три года боровшийся с австрийскими властями за право сфотографироваться на водительское удостове-

рение с дуршлагом на голове. Он называет свою деятельность «политической инициативой за четкое разделение церкви и государства» [11]. Дело в том, что в Австрии фотографироваться в головных уборах можно только верующим, которым это предписывается религиозной принадлежностью. В целом же сущность пастафарианства вытекает из самого факта его появления как реакции на преподавание креационизма в школах одного из штатов США и отражается в основном догмате данного движения – «отрицание любых догм» [14]. Примечательно, что за годы своего существования представители этой игровой вариации не только активизировали общественную деятельность, но и расширили ритуалистическую сторону практики, включив в нее обряд бракосочетания. Отчасти это может быть объяснено пародийной направленностью пастафарианства, а также может свидетельствовать о вполне серьезном отношении его представителей к своим антиклерикальным убеждениям.

Религии становятся предметом критики неслучайно. Они воспринимаются атеистической, безрелигиозной частью общества как источник социальной дискриминации, тоталитарного мышления, как пример несправедливо привилегированного положения в обществе. Однако следует отметить, что предлагая собственные проекты социального порядка, основанные на идеях свободы и плюрализма, такие квазирелигиозные течения выполняют не только конструктивную, но и деструктивную по отношению к некоторым устоявшимся формам социальности функцию. Да, в определенном отношении их можно рассматривать как своего рода бунт против сложившейся культуры, ведь общей идеей для такого рода объединений становится отрицание догм, а следовательно, в логической перспективе каких-либо традиционных ценностей общественной жизни.

Определенную сложность представляет собой отнесение антиклерикального варианта игровой религиозности к собственно религиозности. На наш взгляд, это – оправданное решение. Такого рода объединения, как это не кажется странным, детерминированы религиозными интенциями и одновременно являются формой их аккумуляции. С подобным явлением мы сталкиваемся и в случае большевистской интерпретации марксизма: это по существу атеистическое учение в свое время приобрело форму религиозного верования.

Речь идет не только о том, что в рамках игровой религиозности происходит намеренное копирование элементов одной или нескольких религий. Важнее то, что проекты деклерикализации общества осеяны духом сакральности. Цель освобождения людей от каких бы то ни было авторитарно навязываемых идей и форм жизни, стремление отстоять право на свободу убеждений превращается в высшую абсолютную ценность и требует благоговейного, то есть по существу религиозного к себе отношения. Но поскольку игровая религиозность редуцирует религиозные переживания и представления к социальной активности, где собственно религиозное содержание оказывается вторичным и используется лишь в качестве инструмента социальных преобразований, ее организационные проявления следует относить к квазирелигиозным формам.

Политико-ориентированная игровая религиозность. В ней религиозный антураж и ироничный дис-

курс выступают в качестве оформления того или иного социально-политического проекта. Дискордианизм, церковь эвтанизии, копимизм и др. нацелены на решение злободневных социальных задач, включая их в центр реформистских программ, правда, формулируемых в привычном для игровой религиозности абсурдно-ироническом выражении. Однако здесь буффонада в значительной степени вытесняется, выводится на второй план прагматичным подходом к решению поставленных задач. Деятельность политико-ориентированных игровых сообществ можно рассматривать как живое воплощение вольтеровского убеждения в социальной полезности религиозной веры. Объявляя сакральной сердцевиной своего игрового проекта значимую социальную идею, используя возможности и статус религии, их представители стремятся реализовать свой план либо ограничиваются привлечением внимания общества к некоторым острым социальным проблемам.

Как правило, существующий социальный порядок в политико-ориентированных сообществах подвергается ревизии. Так, в дискордионизме под критику попадает концепция порядка, стабильности, гармонии в целом. Сакральным началом в этой доктрине объявляется хаос. Церковь эвтанизии посредством доведенной до абсурда обструкции наличной социальной действительности стремится достичь цели – актуализации проблем демографии и экологии. Последователи копимизма используют религиозную оболочку своей активности для достижения вполне конкретной, утилитарной цели – реформирования законодательства и государственной политики в сфере регулирования авторского права. За основу берется тезис о свободе некоммерческого распространения информации. Позиционируя себя как религию, копимизм не просто выступает «за свободный обмен файлами», а объявляет процесс «обмен знаниями... священным» [8].

Пример копимизма показателен в том отношении, что позволяет в этом типе игровой религиозности отчетливо разглядеть составляющие процессов социо- и религиозногенеза. Они осуществляются в единстве трех компонентов: возникновения официально зарегистрированной религии, образования особого сетевого сообщества, аккумуляции политических усилий определенной направленности. Получив официальное признание, учредив институт исповеди, данная религия приобрела легальное право на тайну информации, возможность для ее последователей отказываться от ответов в суде [12]. Это немаловажно, особенно если учитывать ее организационные связи с «Пиратской партией» Швеции, которая, как известно, занимает особую позицию относительно законодательства в области интеллектуальной собственности. Однако активность представителей копимизма не стоит рассматривать только как маскировку политической мотивации. Это в первую очередь – проект социального устройства. Будучи реакцией на серьезные социальные тенденции, связанные с нарастанием информатизации общества, эта активность результируется в возведении символического сакрального порядка, формировании определенного образа жизни, альтернативной модели социальных отношений, основанной на догматах: «все знания для всех», «поиск знаний священен», «обмен знаниями священен», «копирование священно», «интернет священен»

[8]. Освящение Интернета служит почвой для объединения усилий последователей копимизма и определяет их поведение как в Сети, так и вне ее. Воздерживаясь от оценочных суждений относительно социальной значимости этих стремлений, все же отметим их нравственный аспект – отсутствие деклараций в доктрине этого движения тех ценностей, которые характерны для многих религий: ценности человеческой жизни, необходимости помощи ближнему, сострадательности, воздержанности и т. д. Эта особенность, на наш взгляд, может быть интерпретирована как признак антигуманистического потенциала данного образования.

Традиционалистская игровая религиозность. Помимо констатации, что религиозность подобно любым явлениям культуры правомерно рассматривать в качестве игры, еще раз зафиксируем наличие элементов игровой религиозности в традиционалистских практиках. Здесь игровая религиозность выступает проводником тех социальных тенденций, которые способствуют сохранению преемственности как условия нераспада социальности и сохранения смысла. Традиционалистская религиозность подобно другим религиозным образованиям игровой ориентации использует алгоритм доведения некоего смысла до абсурда. Этот прием, в частности, использовался в некоторых древних восточных практиках как средство достижения просветления. Речь идет, например, о практике коанов в буддизме. Другим проявлением игровой религиозности, присущей практически всем традиционным религиям, отчасти можно считать используемые в притчах практики аллегорий и гипербола. Так, гиперболизация повествования приводит к выделению значимых идей, более отчетливому выражению модальности относительно различных социальных явлений – их критике или освящению. В рамках религиозного традиционализма игровая религиозность становится одним из выразительных средств изложения доктринальных положений, их конкретизации и актуализации.

В современных условиях моделируя игровые ситуации, воспроизводя дискурс, присущий игровой религиозности, представители различных конфессий адаптируют свои доктрины к веяниям времени. Так, официальный представитель Ватикана заявляет: «Иисус Христос – первый Twitter-блоггер мира» [9]. Абсурдность и комичный характер высказывания очевидны, хотя бы потому, что Интернет с его социальными сетями в период зарождения христианства попросту не существовал. Допуская нарочитую несерьезность в серьезной теме, автор высказывания, с одной стороны, старается показать свое вероучение как более открытое и, следовательно, более доступное, а с другой – производит процесс религиозной легитимации отдельного сегмента глобальной Сети. Заметно, что иронии здесь подвергаются скорее не религиозные догматы, а распространенные в молодежной среде практики времяпрепровождения. Показательно мнение первого патриарха постсоветской России Алексия II, который в интервью на вопрос о сочетаемости юмора и церковного служения отметил, что «вовремя и к месту сказанная шутка способна внести лепту в борьбу с грехом» [4].

Тем не менее, представить, что конфессии, чье существование насчитывает не одну сотню лет, полно-

стью перейдут на стилистику игровой религиозности, невозможно. Для них вопрос сохранения преемственности и аутентичности является не менее важным, чем проблема адаптации к современным условиям. Если для игровой религиозности религия как социокультурная организационная форма оказывается инструментом конструирования и реализации социальных проектов, то для традиционных религий игровая религиозность является лишь одним из инструментов достижения стоящих перед ними социальных задач.

Таким образом, распространение игровой религиозности продиктовано изменением социальных условий. Происходит существенная корректировка привычного образа жизни индивидов, что нередко сопряжено с утратой смысла существования и социальной идентичности. Игровая религиозность как реакция на происходящие социальные трансформации ведет не просто к адаптации индивидов к новым условиям, но также и к продуцированию оригинальных форм социальности. Главным результатом этой реакции является создание или воссоздание смысла как условия нераспада социальности, как средства предотвращения ее рассеивания. Рождение социально-религиозных проектов игровой религиозности есть ни что иное как облеченное в религиозную форму стремление индивидов обрести прочные онтологические основания собственного существования, ясные коор-

динаты своего поведения путем конструирования этих оснований.

В каждом проекте во всем разнообразии его вариаций формируется ответ на вызовы эпохи, осуществляется связь с наиболее значимыми социальными тенденциями, ведущими к переопределению места религии в обществе, формированию новых способов взаимосвязи и организации социального пространства. В современных условиях игровая религиозность предоставляет возможность достаточно свободного комбинирования смыслами и тем самым проявляет свой сугубо инструментальный характер, что и позволяет ей выступать в качестве средства социального конструирования. В то же время собственно религиозное содержание в практиках игровой религиозности приобретает вторичный характер, а результатами реализации проективной активности становятся квазирелигиозные сообщества. Проявления игровой религиозности выполняют роль конструктивной силы, но в то же время выступают в качестве средства ревизии и даже разрушения многих устоявшихся смыслов и форм, носителями которых выступают традиционные религии. Однако и последние содержат элементы игровой религиозности, используя их в качестве средства социальной адаптации к новым историческим условиям и легитимации некоторых светских социальных практик.

Литература

1. Белоглазова Л. А. Игра как феномен бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж. 2007. 18 с.
2. Бурдые П. Разложение религиозного // Центр гуманитарных технологий: информационно-аналитический портал. 12.07.2009. Режим доступа: gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2009/2611 (дата обращения: 12.10.2014).
3. Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 251 – 264.
4. «Вовремя и к месту сказанная шутка способна внести лепту в борьбу с грехом». Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II дал интервью газете «Известия» («Известия» № 55/27339 от 30 марта 2007 г.) // Русская православная церковь (Архив официального сайта Московского Патриархата 1997 – 2009). Режим доступа: mospat.ru/archive/35678.htm (дата обращения: 26.01.2015).
5. Голобородова Т. Н. Феномен игры в культуре постмодернизма: проблемы философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул. 2000. 21 с.
6. Красиков В. И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Publishers, 2006. 496 с.
7. Мотовникова Е. Н. Социальность и язык: к методологическим стратегиям реинтеграции // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 32 – 41.
8. О Копимизме // Блог Копимизма. Режим доступа: kopimism.pp.ua/index.php/o-kopimizme (дата обращения: 13.05.14).
9. Пастухова Е. Иисус Христос – первый Twitter-блоггер мира // Позитайм.ру. Режим доступа: positime.ru/iisus-xristos-pervyj-twitter-blogger-mira/21890 (дата обращения: 26.09.2013).
10. Савицкая Ю. Ни джедая, ни бокониста // Lenta.ru: комментарии. Режим доступа: lenta.ru/articles/2009/04/18/jedy/_Printed.htm (дата обращения: 12.10.2014).
11. Святые макароны // Lenta.ru. Режим доступа: lenta.ru/articles/2011/08/18/niko/ (дата обращения: 13.05.14).
12. Фаликов Б. Властелины «копий». Партия интернета основала новую религию // ЦентрАзия 23.01.12. Режим доступа: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327324920 (дата обращения: 13.05.14).
13. Хейзинга Й. Homo Ludens; статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
14. Церковь Летающего макаронного монстра зарегистрировалась в России // Lenta.ru. Режим доступа: lenta.ru/news/2013/07/16/pasta/ (дата обращения: 13.05.14).

Информация об авторе:

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Russian Federal Penal Service (Novokuznetsk).

Статья поступила в редколлегию 31.03.2015 г.

МОРАЛЬНЫЙ ГАБИТУС НАУКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОДИФИКАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Н. А. Иванова

MORAL SCIENTIFIC HABITUS: THEORETICAL CODIFICATION AND FEATURES OF FORMATION

N. A. Ivanova

В статье рассматриваются особенности формирования и теоретические реконструкции морального габитуса науки. Введение понятия «моральный габитус» связано с трактовкой субъектного основания научной практики как совокупности когнитивных, поведенческих, ценностных и эмоциональных диспозиций, а также с вопросом о том, где и как существуют нравственные диспозиции? Показано, что ценностные диспозиции, с одной стороны, существуют на уровне практического воплощения, которое всегда ситуативно и лишено определенности, с другой – на уровне дискурса о них. Именно первый базовый феноменологический уровень фиксируется понятием «моральный габитус». Автор доказывает, что моральный габитус, представляя собой модус практических диспозиций, имеющих этическую направленность, предполагает наличие определенных социальных механизмов формирования, среди которых особая роль принадлежит университету как месту, где реализуются практика производства и распространение диспозиций. Когнитивные диспозиции становятся условием морального габитуса, поскольку его содержанием является необходимость предвидения отдаленных последствий собственных действий, продиктованная принципом ответственности за настоящее и будущее.

The paper presents the features of formation and the theoretical codifications of moral scientific habitus. The introduction of the notion of «moral habitus» is related not only to the interpretation of the subjective basis of scientific practice as a set of cognitive, behavioral, value and emotional dispositions, but also to the question: where and how moral dispositions exist? It is shown that the value dispositions on the one hand are at the level of practical implementation, which is always situational and uncertain, on the other hand – at the level of discourse about them. The first basic phenomenological level is fixed by the notion of «moral habitus». The author argues that moral habitus, representing the mode of practical dispositions, which have an ethical orientation, assumes the existence of the social mechanisms of formation, among which the special role belongs to the university as a place where the practice of production and the extension of dispositions are implemented. The cognitive dispositions become a necessary condition for moral habitus because its content is the need to anticipate long-term action consequences dictated by the principle of responsibility for the present and the future.

Ключевые слова: научная практика, моральный габитус науки, теоретические кодификации, особенности формирования, университет, принцип ответственности.

Keywords: scientific practice, moral scientific habitus, theoretical codification, features of formation, university, principle of responsibility.

Трактовка субъектного основания научной практики как совокупности когнитивных, поведенческих, ценностных и эмоциональных диспозиций делает возможным введение понятия «моральный габитус», обусловленное вопросом о том, где и как существуют нравственные диспозиции? С одной стороны, они существуют на уровне практического воплощения, которое всегда ситуативно и лишено определенности, с другой – на уровне дискурса о них. Именно первый базовый (фактический) уровень, который можно назвать феноменологическим, и фиксируется понятием «моральный габитус». При изучении морального габитуса необходимо: во-первых, исследовать механизмы его формирования и воспроизводства, во-вторых, попытаться его теоретически кодифицировать.

Следует подчеркнуть, что задачи исследования механизмов и содержания морального габитуса невозможно рассматривать изолированно друг от друга, так как вопрос, как происходит формирование нравственных диспозиций, имеет содержательный аспект. В настоящее время эта взаимосвязь фиксируется с помощью понятия «этос», которое в отечественной

традиции подвергается анализу в работах В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова, которые указывают, что идея этос с необходимостью отсылает к феномену морали. Последний же в силу своей дуалистической природы может быть представлен в двух крайних формах: гиперсоциальной и гиперморальной [1, с. 24 – 25]. Гиперсоциальная трактовка определяет мораль как социально санкционированное различными общественными формами поведение, в результате – доминирование идеи социального не допускает автономии моральных норм. Именно неустойчивость терминологического статуса понятия «этос», который маркирует промежуточный уровень между моралью как идеально-должным и многообразием нравов как реально сущим, позволяет обратиться к понятию «габитус» для акцентирования:

– во-первых, социальной детерминации нравственных диспозиций;

– во-вторых, наличия субъектных предрасположенностей к ним и возможности индивидуальной свободы в их формировании и интерпретации;

– в-третьих, парадоксального характера поведенческих практик, когда действия, не будучи кодифицированными, приводят к целенаправленным результатам.

Эту парадоксальность М. А. Розов описывает следующим образом: «реально существующие этические нормы, в рамках которых человек осуществляет свое поведение, как правило, нигде не сформулированы и представляют собой нечто достаточно неопределенное. Они напоминают нормы языка, нарушение которых мы чувствуем, но которые не способен четко сформулировать ни один носитель языка. Нормы такого рода существуют на уровне воспроизведения непосредственных образцов поведения и оценки, а образцы не задают четкого множества возможных реализаций. Иными словами, имея дело с реальной практикой речевого или этического поведения, мы можем зафиксировать механизмы этого поведения, но никак не точные правила, ибо сам механизм противоречит их существованию» [15, с. 147].

Понятие «моральный габитус» может оказаться востребованным при анализе прикладной этики, представленной с одной стороны, моральными практиками, с другой – этическим знанием [2, с. 39]. В настоящее время отечественные инициаторы институализации прикладной этики концептуализируют моральные практики посредством понятия «нормативно-ценностные подсистемы» или «малые системы», которые регулируют и ориентируют определенные общественные сферы. Идея «морального габитуса» призвана подчеркнуть практический характер нравственных диспозиций. Представляя собой совокупность практических схем, моральный габитус позволяет описать ситуации открытых моральных проблем, для которых не существует готовых решений и правил. Проявляя себя в ситуациях с высокой степенью неопределенности (таких практиках, как эвтаназия, трансплантация, милитаризация), моральный габитус по умолчанию содержит в себе дилеммы и выбора, которые актуализируются в реальной практике в форме поступков, причем каждый из них имеет моральное оправдание. Можно предположить, что чем выше степень риска и неопределенности ситуации, тем проблематичнее возможность однозначной кодификации практических предрасположенностей.

Анализ реальных нравственных диспозиций предполагает комплексный междисциплинарный подход и на теоретическом уровне может быть обозначен как моральный инклюзивизм. Идея выделения двух классов моральных теорий (моральный эксклюзивизм и моральный инклюзивизм), обусловленных тем, что моральные действия, с одной стороны, представляют собой часть реального мира, с другой – по своим причинам и следствиям выходят за пределы фактичности принадлежит С. М. Левину [9]. Моральный эксклюзивизм располагает ценности за пределами мира, в результате чего они образуют особый регион (царство ценностей). Актуальным при этом оказывается вопрос об его отношении к реальному миру. И если изначально это отношение мыслилось как бесконечное движение реального к совершенному, то позже стало

трактоваться как сопротивление реальности идеальным формам (колонизация жизненного мира или железная клетка). Моральный инклюзивизм помещает мотивы и причины морали в реальное бытие. К его представителям могут быть отнесены Т. Гоббс с его идеей общественного договора как механизма генезиса моральных норм, а также ранние работы А. Смита, направленные на выявление нравов и обуславливающих их факторов. Такой подход, согласно С. М. Левину дает возможность определить мораль как сложный конгломерат «диспозиционных или эмерджентных свойств» [9, с. 149]. Следовательно, в рамках морального инклюзивизма как комплексного междисциплинарного подхода, ориентированного на исследование моральных практик понятие «моральный габитус» является адекватной категорией анализа нравственных диспозиций субъекта научной практики.

Следует сказать несколько слов об особенностях кодификации любых практических диспозиций. По своей сути кодификация предполагает придание и соблюдение формы (символического порядка) с целью ограничения размытости и неопределенности реальных практик. Ее достоинством и одновременно недостатком является то, что кодификация как объективация призвана покончить с произволом и вседозволенностью, а также с творчеством и импровизацией. Однако, даже будучи успешной, кодификация не дает возможности избавиться от индивидуальных вариаций и ситуационных флуктуаций, и поэтому ее успехи всегда относительно.

Что касается понятия «научный этос», то, благодаря Р. Мертону, оно на наш взгляд придает анализу науки в большей степени нормативный характер, а, следовательно, сталкивается с трудностями, на которые обращает внимание А. А. Гусейнов [5].

Во-первых, из нормы невозможно вывести реальную поведенческую стратегию (моральный поступок), потому что норма абстрактна, а действие единственно, индивидуально и реально (зависит от определенной ситуации). Например, из нормы незаинтересованности не всегда ясно, как поступать в ситуации права на научное открытие.

Во-вторых, этические нормы не могут быть доказаны, так как из суждений о фактах невозможно вывести ценностные суждения.

В-третьих, нравственное поведение не обязательно является результатом знания этической нормы.

В-четвертых, реальные ценностные диспозиции характеризуются неопределенностью, что выражается в современной тенденции релятивизации и фрагментации моральных норм.

В науке об усилении процесса фрагментации свидетельствует рост числа прикладных этик, который может быть оценен по-разному: как доказательство индивидуальной свободы или как рост вседозволенности.

Современная научная практика характеризуется содержательной неоднородностью моральных диспозиций, о чем свидетельствуют исследования Б. И. Пружинина. В настоящее время можно говорить о двух принципиально различных ценностных уста-

новках: одна соответствует классической цели науки поиска истины, которая отождествляется с благом; другая обусловлена задачами прикладных исследований (экономической эффективностью, национальной безопасностью и т. п.). Современная смена ориентиров – отказ от поиска истины и ориентация на эффективность – свидетельствует, как о смене общекультурных парадигм, так и об изменении мотивации научных исследований. Б. И. Пружинин высказывает предположение, что именно мотивация научно-исследовательской деятельности является решающим моментом социокультурной детерминации научного познания [14, с. 110]. Если в культуре Нового времени идея истины выступала как особая форма приобщения к подлинному бытию, а практико-прагматические формы исследований выступали подчиненным моментом: средством достижения конечной цели (понимание истины), и это делало науку структурирующим основанием культуры, то современное усиление прагматической установки приводит к росту дифференциации, фрагментации, локальности и ситуационности знаний о мире. Задачи и результаты прикладных исследований формируются и оцениваются извне, а достижение истины предстает как побочный эффект. Однако, фундаментальные исследования в свою очередь имеют тенденцию к конструктивизму (отчуждению от жизненного мира), возможность преодоления которого связана с прикладными исследованиями. Следовательно, невозможна редукция одних диспозиций к другим, а необходим поиск нового синтеза, учитывающего достоинства и недостатки каждой из уже сложившихся систем диспозиций, в котором ориентация на истинность, целостность и преемственность, характерные для фундаментальных исследований, сочеталась бы с интересами их приложений в силу их диалектической взаимосвязи. Последнее проявляется в том, что прикладные исследования дают основу для развития фундаментальной науки, которая, являясь хранительницей науки в ее традиционной форме, призвана преодолеть ситуативность прикладных исследований.

В историческом плане отказ от установки, ориентированной на единство знания и блага, когнитивного и морального приходится на период разработок ядерного оружия, когда, произошло деформирование классического этоса науки и началось формирование его конвенционалистской формы. В отличие от деонтологических концепций, утверждающих недопустимость зла в качестве средства достижения добра, конвенционализм принимает идею о том, что действие должно оцениваться по его последствиям [3, с. 271]. И если первоначально эта интенция носила интуитивный и эмоциональный характер, то позже приобрела форму «центральной аксиомы лабораторной жизни». Слабым местом данной установки является отсутствие механизмов разоружения и предотвращения самой возможности войны. И если исходно основным мотивом явилось достижение паритета (стратегического равновесия и взаимного устрашения), то затем он дополнился критерием экономической эффективности и полезности. В результате со-

временный мир, по словам Н. В. Осипов и С. Г. Кара-Мурзы, превратился в «общество знания», а не совести [13, с. 139].

Автор настоящего исследования солидарен с позицией Л. П. Киященко, согласно которой общую основу современных постнеклассических ценностных установок субъекта научной практики составляет настроенность, которая формируется в горизонте тесной взаимосвязи специально-научного и жизненного миров. Ее содержательный аспект проявляется в том, что идея общей ценностной установки сменяется дифференциацией локальных форм, их персонификацией, так как исследовательские диспозиции подвергается влиянию систем норм и ценностей конкретной организации, в которую включен субъект научной практики (экономической, политической, общественной, религиозной). Разделяющие дисциплинарные границы сосуществуют наряду со средами, где происходят транслингвистические и трансдисциплинарные обменные процессы, включающие ценностную толерантность. Это означает, что современные моральные диспозиции обусловлены «зачастую неосознаваемыми повседневными правилами поведения в жизненном мире; сложившимися в обществе установками (рефлексивно и рационально выраженных форм – теоретически обоснованных или достигнутых по договоренности); межличностными отношениями (партерства, конкуренции, лидерства и т. д.); интеллектуальным и эмоциональным климатом (общности по интересам) сообщества» [8, с. 52]. Другими словами они зависят от всех диспозиционной системы в целом.

Однако современная дифференциация нравственных диспозиций не отменяет возможности сохранения нормативной ориентации в их формировании, которая содержится, например, в исследованиях В. А. Лефевра. Обратив внимание на то, что классические подходы демонстрируют упрощенную трактовку человека (в частности, абсолютизацию материальных (утилитарных) ценностей и игнорирование моральных установок), В. А. Лефевр предлагает различные модели генерации высших ценностей, в которых рефлексивным регулятором действий выступает субъект [11]. И если первая модель представляет субъекта как локальный центр социального организма, на которого оказывают влияние другие субъекты, то вторая модель учитывает отношение субъекта к «другому», принимающее форму союза или конфликта и детерминированное этическими ценностями. В рамках второй модели существенным является различие между этическими и ценностными системами. Система ценностей, представленная общей совокупностью положительных и отрицательных оценок, регулирует жизнь сообщества. Этическая же система дает возможность оценки не столько отдельных действий и явлений, сколько их комплексов, и объясняет существование амбивалентных этических установок. Третья модель биполярного выбора позволяет соединить низшие и высшие классы ценностей, проявляющиеся соответственно в отдельных и обширных классах ситуаций. В 2009 г. В. А. Лефевр предложил четвертую модель, где высшей универсальной ценностью явля-

ется принцип запрета эгоизма в следующей формулировке: «каждый субъект, входящий в группу, преследуя свои личные цели, не должен наносить ущерба группе как целому» [11, с. 156]. Общей концептуальной рамкой предложенных моделей является принцип иерархии ценностей, а системообразующим механизмом выступает рефлексия, которая трактуется как способность систем к построению моделей и как осознание принципов их построения. Субъектами рефлексии при этом могут выступать отдельные индивиды, группы, организации, государства и человечество в целом. Предметом рефлексии является не только мышление (как это представлялось в классической традиции), но и действия, восприятие, переживания, эмоции, оценки. Следует отметить, что иерархический принцип построения моделей В. А. Лефевра входит в противоречие с представлением о сложноорганизованном единстве открытых и динамичных целостных систем, к которым, безусловно, относится субъект. Кроме того, данный подход на наш взгляд продолжает традицию антропоцентрической этики, в которой воздействие человека на природные объекты не имеет этической значимости. Он также не учитывает диффузный характер моральных практик.

Требование переосмыслить проект антропоцентрической этики, ограничивающей предмет моральной ответственности сферой человеческого, предлагает Г. Йонас. Отталкиваясь от идеи телесности, он указывает, что изменившийся характер деятельности человека требует пересмотра характерных для традиционной этики предпосылок, а именно идей неизменности человеческой природы, очевидности идеи человеческого блага и ограничения ответственности узкими рамками «здесь» и «теперь» [6, с. 42]. В противоположность этому современная этика признает изменчивость и многообразие человеческой природы как органической формы, учет не только интересов человека, но и природы и ее ранимости, исчезновение различий между искусственным и естественным, сущим и должным. Основным мотивом введения нового императива выступает страх перед будущим, имеющий эвристическое значение и вызванный «шоком» от ядерной техники. Необходимость новой формы этики обусловлена разрывом между мощью человеческой технической деятельностью и возможностями предвидения ее последствий. В отечественной традиции различные формы научно-технических достижений (исследования в области ядерной физики, эволюционной биологии и генной инженерии) и вызванные ими этические вызовы подробно проанализированы И. Т. Фроловым и Б. Г. Юдиным [16]. В своей приблизительной формулировке новый императив, согласно воззрениям Г. Йонаса, означает требование действий, последствия которых совместимы с поддержанием человеческой жизни на Земле. Для его реализации не существует однозначного рецепта, а «есть лишь множество подлежащих сравнению путей, которые следует отыскивать снова и снова – для каждого конкретного случая, ныне и в будущем, постоянно храня бдительность» [6, с. 33]. И лишь в этом случае может быть выработан соответствующий навык

или «моральный габитус», который характеризуется неудовлетворенностью, обусловленной неопределенностью коллективных практик технической цивилизации и их временным характером. Вместо подчинения универсальному закону, характерному для традиционной морали, необходим переход к уместному действию, зависящему от места и времени и продиктованному заботой и ответственностью. Новый императив обращен не к индивидуальным действиям, а к общественно-политической практике, и имеет не универсальный, а временной горизонт. Ответственность или забота, согласно позиции Г. Йонаса, должна носить форму «преимущественно оберегающего и защищающего служения, в пределах которого нашим дальнейшим долгом будет деятельность в направлении исцеления и, по возможности, улучшения, проходящая, однако, под знаком умеренности» [6, с. 361]. Конкретные же обязанности не могут быть систематизированы, так как формируются в конкретных научно-технологических практиках.

Следует подчеркнуть, что ответственность за будущее не отрицает ответственности за настоящее. Вместо перехода от одного типа ответственности к другому следует учитывать ответственность в ее узкой и более широкой формах, ориентированную как на совершенное настоящее, так и на проектируемое будущее, и учитывать как индивидуальные, так и коллективные (социальные и политические) формы. Это означает, что следует согласиться с Х. Ленком, который утверждает, что в настоящее время ни один аспект научно-технической деятельности не является морально нейтральным, а подлежит полной ответственности [10, с. 391 – 392]. Отсюда вытекает требование поддерживать этику не столько как предмет преподавания, сколько как исследовательскую практику. Однако эти призывы неизбежно потерпят неудачу, если не будут существовать механизмы их формирования, так как «содержание наших ценностных ориентаций и их историческая динамика вырастают из специфически-человеческой практики» [7, с. 169]. Ведущая роль практики проявляется в следующем.

Во-первых, имманентным свойством ценностных диспозиций является выбор, основание которого следует искать в социокультурной практике, которая и порождает различия.

Во-вторых, процесс дифференциации единой ценностной системы осуществляется также под влиянием социальной практики, которая сама есть диалектическое единство общего и единичного.

В-третьих, формирование ценностных диспозиций требует включенности субъекта в определенную практику, и закрепляется, изменяется, радикально преобразуется в зависимости от изменений практического бытия.

Утверждение о том, что рождение, функционирование и корректировка ценностных диспозиций осуществляется в практике опровергает представление об их биоутилитарном, допрактическом и религиозном происхождении.

Анализ процесса формирования этических диспозиций требует обращения к социальным институтам,

ответственным за их возникновение, поддержание и распространение. И здесь на наш взгляд крайне актуальными являются исследования С. Фуллера, сосредоточенные на вопросе производства знания и поиске его адекватных институциональных форм. Выдвигая требование исследовать производство знания в его целостности, С. Фуллер утверждает необходимость контроля и предсказания результатов познавательной деятельности, поскольку она осуществляется путем социального взаимодействия и дискурсивных практик. И эти процессы должны оцениваться не исходя из вневременных перспектив, а с точки зрения их способности быть лучшими из возможных. Нормативно желаемым институтом производства знания, согласно воззрениям С. Фуллера, выступает университет. В противоположность критике института образования с его принудительным воздействием и ролью учителя как хозяина С. Фуллер полагает, что университет как форма института образования представляет собой явление, в котором невозможна монополизация идеологических целей в силу того, что его основу образует специфический продукт – знание. Именно вопрос об отношении между моралью и эпистемологическими ценностями С. Фуллер считает «самой важной и всеобщей проблемой социальной эпистемологии» [19, с. 35].

В противоположность подходам, в которых эпистемологические ценности рассматриваются как форма блага, либо благо трактует как предел эпистемологических ценностей, С. Фуллер выдвигает тезис о минимальном разграничении между моральными и эпистемологическими ценностями в современных условиях [19, с. 36]. Их различие, а также двойственность в оценке знания, когда идея «универсализации» знания противостоит идее его «элитарности», есть историко-культурный феномен. Действительно, большую часть истории «знание» характеризовалось дефицитностью и приватностью, что позволило трактовать его как «позиционный товар», обладание которым дает его обладателю конкурентные преимущества, а его распространение подобно валютной инфляции. Однако предложенная П. Самуэльсоном в период институализации кейнсианского подхода идея «общественного блага» была призвана показать, что знание нельзя трактовать в рамках классической модели экономического товара. В то время как товар обладает свойствами «дефицитности» и «приватности», объем знания не уменьшается с увеличением числа его обладателей, а также не предполагает отказа для того, чтобы им обладали другие. Это означает несостоятельность рынка в производстве подобных благ как частного производства и признание роли в их производстве государства, выступающего по отношению к образованию и здравоохранению монополистом, а, следовательно, нуждающегося в разумном увеличении налогов. Зародившаяся в 80-е гг. XX в. идея «социального капитала» явилась ответом на кризис проекта общества всеобщего благоденствия, так как богатство не успевало расти так быстро, чтобы обеспечить сбор налогов, необходимых для финансирования здравоохранения и образования как общественных

благ, на которые в обществе всеобщего благоденствия имеют право все. Введение понятия «социальный капитал» отразило несостоятельность института государства в создании благ для всех, так как социальный капитал создается самоорганизующимися группами, которые сами выступают получателями собственных усилий. В общем виде различие между «социальным капиталом» и «общественным благом» состоит в том, что, если первый достигается посредством стратегий, которые движутся снизу вверх и дают конкурентное преимущество тем, кто активно в него вовлечен, то «общественное благо» обеспечивается сверху вниз и не зависит от личного вклада в его производство.

С. Фуллер отмечает, что по отношению к «социальному капиталу» и к идее «общественного блага» уникальное место занимает университет, «предпринимательство» которого заключается в систематическом превращении социального капитала в общественное благо» [17, с. 55]. С. Фуллер описывает цикл творческого разрушения, включающий: исследование (как создание) и обучение (как разрушение социального капитала). В процессе исследования первичными получателями социального капитала являются сами исследователи и их инвесторы. Порожденное ими знание выступает источником рыночных преимуществ или «позиционным благом», которое для того, чтобы стать общедоступным, требует дополнительных усилий (например, принимает форму платы за обучение), что приводит к снижению рыночных преимуществ первоначальных «инвесторов». В процессе обучения «инвесторы», с одной стороны, лишаются исходного преимущества, так как результаты исследования становятся доступными для других, с другой – приобретают мотивацию для инновационных исследований, дающих новые преимущества. Таким образом, творческое разрушение социального капитала создает общественное благо. Однако для этого должен выполняться ряд условий. Во-первых, необходимо место, где посредством трансляции результаты исследования становятся общедоступными, то есть специальные знания встраиваются в общее образование. И, во-вторых, в процесс образования должно быть вовлечено как можно больше людей, что будет препятствовать централизации специального знания. С. Фуллер специально останавливается на первом условии, в соответствии с которым учебный план как основа университета должен включать знания, выходящие за пределы профессиональной квалификации и обеспечивающие формирование личности, позволяющей идентифицировать себя не только с определенной профессиональной группой, семьей или местом проживания, но и с «мировым гражданством». И в этом отношении в условиях постоянной и все более усиливающейся фрагментарности современного мира у университета нет конкурентов среди других социальных институтов. Указанный выше тип знания традиционно называется «гуманитарным», которое, как и любое другое знание может, рассматриваться и как привлекательное, и как разрушительное.

С. Фуллер отмечает, что спровоцированная исследованиями в эволюционной психологии, бихеви-

ристской генетике и когнитивной неврологии дискуссия о «природе человека», потребовала постановки вопроса о роли социальных наук в проекте «третьей культуры», призванной способствовать интеграции естественных и гуманитарных наук. В противоположность подходам, разделяющим пессимистический взгляд, согласно которому действительность сопротивляется нашим попыткам ее изменить, а выживает наиболее приспособленный, общественные науки, используя в качестве ключевого понятие «общественные блага» призваны отстаивать проект государства всеобщего благоденствия, который для своей реализации требует соответствующей инфраструктуры. Именно университеты, созданные во времена относительного социального благополучия, были призваны поощрять людей думать не только о неотложных и сиюминутных потребностях выживания, но и о духовных и национальных целях, а также целях за пределами человеческого бытия. В противоположность современному менеджерам образования, которые, исходя из критерия эффективности, подвергают критике идею университета как места, где знания одновременно производятся и распространяются, и полагают, что процесс преподавания более эффективен онлайн, а исследования следует проводить в специальных «научных парках», С. Фуллер отстаивает тезис о том, что уникальная миссия университета заключается в производстве знаний как общественного блага, когда вырабатываемые отдельными учеными новые знания, выступают первоначально как социальный капитал, затем трансформируются в общественное благо, благодаря тому, что университет имеет «институциональный мандат» на преподавание, разрушая тем самым монополию на интеллектуальную собственность ее создателей. Выполняя преподавательскую функцию, ученые способствуют тому, чтобы знания делали максимальную работу с минимальными затратами для ее получателей в лице студентов.

В соответствии с этими общими рассуждениями С. Фуллер считает невозможным отказаться от постановки вопроса о негативной и позитивной ответственности интеллектуалов, которую он иллюстрирует, ссылаясь на позиции Т. Куна, М. Хайдеггера, Р. Рорти, с одной стороны, и М. Фуко, К. Поппера, И. Лакатоса – с другой [18]. Утверждая необходимость чувства социальной ответственности для интеллектуала, С. Фуллер противопоставляет позиции Т. Куна и М. Фуко, которые, надежно занимая престижные академические статусы, могли, не беспокоясь за их сохранение, высказываться по вопросам интерпретации и использования своих идей. Однако, если М. Фуко можно считать образцом ответственного интеллектуала, постоянно классифицирующего политические действия в отношении их совместимости со своими высказываниями и прилагающего много усилий для их прояснения и адекватного понимания, то Т. Кун по мере популярности и широкой распространенности своих идей все более дистанцировался от их критики, отклоняя предложения коллег

вступить с ними в дискуссию и предпочитая общаться лишь с теми, чьи трактовки науки соответствовали его собственным взглядам. Сам С. Фуллер говорит о необходимости прямого публичного вмешательства интеллектуалов в научную и большую политику. В целом же установка на единство знания и блага противоречит традиции, согласно которой знание является этически нейтральным, а вопросы моральной ответственности возникают лишь на стадии его применения. В противоположность этому утверждается, что сам процесс производства знания должен носить этическую направленность.

В отечественной философии критику коммерциализации университетского образования с учетом ее моральных последствий осуществляет В. Г. Горохов, полагая, что подобный проект нарушает основной этический принцип – общедоступность знаний, превращая его в товар. В этом отношении востребованным является опыт российской высшей школы сложившийся в XIX в. на медицинских факультетах и сочетающий в себе гуманитарно-теоретическую подготовку и формирование навыка самостоятельной практической деятельности. В результате чего было «воспитано целое поколение практикующих высоко-нравственных врачей, оказывающих реальную помощь простому российскому населению и действительно несших в народ культурно-просветительскую миссию» [4, с. 13]. Общий вывод, который делает В. Г. Горохов, анализируя современные тенденции модернизации образования в духе академического капитализма, созвучен тезису С. Фуллера о том, что именно университет способен перенаправить безличные рыночные механизмы с характерными для них утилитарными подходами в широкое общегуманитарное русло и сформировать навык социально ответственного отношения к миру, отличный от отношений господства и приспособления. Это единство теории и действия как форма достижения внутреннего блага в рамках определенных практик соответствует проекту модернизации морали А. Макинтайра, в котором критерием практики является способность людей достигать совершенства не ради внешних целей, а ради самой практики [12, с. 368]. Следует подчеркнуть, что требование внутреннего совершенства способно превратить научную практику из формальной рутины в креативные формы при условии, если в расчет принимается целостный горизонт человеческой жизни.

Таким образом, моральный габитус представляет собой модус практических диспозиций, имеющих этическую направленность, и предполагает наличие определенных социальных механизмов формирования, среди которых особая роль принадлежит университету как месту, где реализуется практика производства и распространения диспозиций. Когнитивные диспозиции становятся условием морального габитуса, поскольку его содержанием является необходимость предвидения отдаленных последствий собственных действий, продиктованная принципом ответственности за настоящее и будущее.

Литература

1. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Эмос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000. 273 с.
2. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 39.
3. Визгин В. П. Возникновения ядерного эмоса: «Мы создавали такое оружие с единственной целью, чтобы его нельзя было применить» // Эмос науки; РАН Ин-т философии; Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008. С. 261 – 276.
4. Горохов В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма» // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3 – 14.
5. Гусейнов А. А. Знание в современном мире (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 4 – 7.
6. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предис., примеч. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 42.
7. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
8. Киященко Л. П. Эмос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11: Эмос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 29 – 53.
9. Левин С. М. Мораль, метафизика и реальность // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 144 – 153.
10. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ / пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 372 – 392.
11. Лефевр В. А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 154 – 157.
12. Макинтайр А. После добродетели: исследование теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
13. Осипов Н. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: История модернизации на Западе и в России. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 368 с.
14. Пружинин Б. И. Прикладное и фундаментальное в эмосе современной науки // Философия науки. Вып. 11. Эмос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109 – 120.
15. Розов М. А. К методологии анализа эмоса науки. К методологии анализа эмоса науки // Философия науки. Вып. 11. Эмос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 137 – 154.
16. Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986. 399 с.
17. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50 – 76.
18. Фуллер С. Этот сезон в Ибанске: Хайдеггер, Кун и интеллектуалы в плену прагматизма // Эпистемология & философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 168 – 195.
19. Fuller S. Social Epistemology as the Science of Cognitive Management: releasing the Nidden Potential in the History of philosophy // Эпистемология & философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 14 – 37.

Информация об авторе:

Иванова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, ivanova-nkfi@mail.ru.

Natalia A. Ivanova – Candidate Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Novokuznetsk Branch-Institute of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2015 г.

ОТ ДУШИ К ПСИХИКЕ

Е. Ф. Казаков

FROM SOUL TO PSYCHE

E. F. Kazakov

В статье исследуются сходства и различия понятий «душа» и «психика». Категория «душа» рассматривается как более широкая, охватывающая всю внутреннюю нематериальную жизнь человека, открытую как имманентному, так и трансцендентному. Душа понимается как самодостаточная, саморазвивающаяся реальность, важнейшей актуализацией которой является духовная деятельность. Психика понимается как способность отражать действительность для регуляции поведения с целью оптимальной адаптации. «Сужение» понятия «душа» к понятию «психика» происходит ещё в античной философской мысли. Если у Платона душа определяется как открытое в трансцендентное целое, то, по Аристотелю, её главное предназначение – оформление материально-телесного мира. Редукция души к психике является следствием материализации человеческой жизни, потери ею метафизического измерения. «Свёртывание» души в психику происходит циклически, всякий раз, когда культура превращается в цивилизацию.

The paper examines the similarities and differences between the concepts of 'soul' and 'psyche'. The category of 'soul' is seen as broader, covering the entire interior of the intangible human life, open both to the immanent and the transcendent. The soul is understood as a self-sufficient, self-developing reality, whose major implementation is spiritual activity. The 'psyche' is understood as the ability to reflect the reality for the regulation of conduct with the aim of optimal adaptation. "Narrowing" of the concept of 'soul' to the concept of 'psyche' was first noted in the ancient philosophical thought. Plato defined the 'soul' as open to the transcendent whole, while according to Aristotle, its main purpose is the design of the material and the corporeal world. The narrowing of the 'soul' to the 'psyche' is the result of the materialization of human life, losing its metaphysical dimension. The "shrinking" of the soul in the psyche occurs in cycles, every time when culture turns into civilization.

Ключевые слова: человек, душа, психика, разум, тело, метафизическое, трансцендентное, имманентное, Платон, Аристотель, Эпикур, античность, культура, цивилизация.

Keywords: man, the soul, the psyche, the mind, body, metaphysical, transcendent, immanent, Plato, Aristotle, Epicurus, antiquity, culture, civilization.

Существующие определения души и психики можно резюмировать следующим образом. Душа – внутренняя нематериальная жизнь человека, совокупность мыслей, чувств и переживаний (религиозных, эстетических, этических) [5, с. 44 – 67]. Психика – основанная на высшей нервной деятельности способность отражать (посредством ощущений, восприятий, памяти, чувств, мышления, воли) действительность (прежде всего, внешнюю) для регуляции поведения с целью оптимальной адаптации к ней [8, с. 34]. Первое, достаточно развёрнутое определение души даёт Платон, определяя её как самодостаточную, самополагающую сущность, содержащую в себе источник развития. Самодвижение души происходит в результате взаимодействия двух её контрарных составляющих: «Белого Крылатого Коня» (олицетворяющего движение к Благу) и «Чёрного Крылатого Коня» (олицетворяющего движение к Злу). То есть, душа предстаёт «полем битвы» сил Добра и Зла, на Благоприятный исход которой пытается повлиять Разум («Возничий»). «Мотор» развития души, таким образом, оказывается внутри души. Рациональной её части подобает господствовать, так как она мудра и печётся не о себе, а о душе в целом [7, с. 236].

Душа находится во взаимодействии с телом, но главное – это её собственная жизнь, те или иные отголоски которой тело лишь улавливает. То есть душа, в первую очередь, принадлежит себе, духовному миру, духовной жизни (а это и есть главное для человека, не даром учитель Платона Сократ говорил: «Человек

есть душа») и, лишь во вторую очередь – сопряжена с телом, заряжая его активными импульсами и (методом «обратной связи») получая импульсы от него (часть знаний о мире душа получает непосредственно (воспоминание, озарение, откровение), часть – опосредованно, через тело). Познание осуществляется посредством ассоциативного мышления: от внешнего мира к внутренним образам, выступая как "припоминание", анамнезис ("припоминать подлинно сущее, глядя на то, что есть здесь" [6, с. 37]). По существу, **познание предстаёт как самопознание души**. Чувства, предметы внешнего мира способны «удлинять», осложнять, искажать данный процесс, не содержа в себе истинное знание в "чистом" виде. "*Чистое* знание можно достигнуть не иначе как *"отрешившись от тела и созерцая вещи самое по себе душою"* [6, с. 25] (близко к «феноменологической редукции» Э. Гуссерля).

Душа у Платона понимается как часть Мирового Духа (то есть, как начало, открытое не только имманентному, но и трансцендентному), существующая до соединения с телом и после расставания с ним (то есть, ведущая достаточно автономную жизнь), как начало, последующее между миром идей и миром чувственных вещей. "Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному в самом себе в высшей степени подобна наша душа" (6, с. 45). Тело само по себе – пассивно, нейтрально (оно есть ни благо, ни зло) и получает всю свою действительность только в

результате действия души (то есть, в отличие от души, телу не свойственна автономность существования). В этом смысле, тело – не онтологично, оно существует лишь как продолжение, дополнение, «жилище», «тень», «тюрьма» души.

Душа может быть "чистой", не влача за собой ничего телесного, а может быть проникнута его несовершенностью, множественностью, преходящестью, оскверняясь, загрязняясь от этого, ничего не считая истинным, обретая *призрачное* существование. Таким образом, и тело может быть ведущей стороной, принуждая душу блуждать. Таким образом, можно говорить о *"телесной душе"* (ведомой телом, "ничего не считающей истинным, кроме телесного", поэтому обладающей "обманчивым зрением", полностью "проникнутой чем-то телесным") и *"чистой душе"* (относительно тела "обособленной в себе самой", "верящей только себе", "общающейся только с божественным") [6, с. 48 – 49]. Ведя неподлинную жизнь, душа теряет свою инаковость, особость, автономность, перестаёт быть «поводырь» тела, «слепнет», лишаясь своей онтологической сущности. Возвышенная душа должна избегать низменного тела, данного ей в наказание, представляющего для неё "застенком", и, в конечном счёте, «могилой».

В отличие от питания и роста, свойственного растениям, и чувства, свойственного животным, назначение человека, по Аристотелю – *деятельность души* [2, с. 63 – 68]. Если по Платону душа способна существовать и вне тела (что делает возможным определение её самой из себя), то у Аристотеля "душа неотделима от тела", поэтому уничтожима при его разрушении; за исключением разума, представляющего "иным родом души", проявлением божественной сущности, способным существовать отдельно "как вечное отдельно от преходящего"; "формой форм", единственной, способной "мыслить себя" [1, с. 396, 398]. Поэтому основную часть своих рассуждений Стагирит строит через соотнесение души и тела. Душа – суть бытия тела, его форма (способ организации), акт, причина, действующее начало, цель. Душа скрепляет тело; когда душа покидает его, оно распадается и сгнивает. Если у Платона душа и тело – два (достаточно автономно существующих) начала человека, то у Стагирита человек (в его земном бытии) – единая субстанция души и тела; все душевные состояния сопровождаются телесными проявлениями. Относительно души, тело – материальный субстрат, её орудие, потенция (то есть сущее в возможности). Душа по Аристотелю, таким образом, обладает некоторой степенью самодостаточности, но главное её предназначение – приведение в движение тела.

Если у Платона душа предстаёт как нравственное начало человека; то у Аристотеля проблемы души рассматриваются, в значительной степени, отдельно ("О душе"), проблемы нравственности – отдельно ("Большая этика"). У Платона душа – страдает, у Аристотеля – функционирует; у Платона в основании дифференциации души – её устремления, у Аристотеля – "способности", функции. У Платона душа больше открыта трансцендентному, у Аристотеля – имманентному, земному. Представление о душе у Аристотеля – более конкретное за счёт детального анализа её взаимодействия с внешним миром (через принадле-

жащие ей органы чувств). "Пейзаж" души у Платона (за счёт более глубокой дифференциации) предстаёт значительно напряжённее, динамичнее, самодостаточнее.

Платон включает в понятие «душа» и метафизические устремления, и разум, и нравственные переживания, волю, сумбур чувств и влечений. От платоновского определения души как открытой в трансцендентность целостности у Аристотеля остаётся лишь «разумная (божественная)» часть, существующая достаточно автономно от тела, совершенная и бессмертная. Две другие части души («вегетативная», «животная») не существуют независимо от тела и умирают вместе с ним. «Вегетативно-животная» часть души, а также рефлектирующая её (и, в некоторой степени, саму себя) мыслительная способность – и может быть определена как *психика*. Высшая часть души, «в виртуальном виде», содержит низшие части. Поэтому разум, в определённой мере, «откликается» на вегетативно-животные переживания, «неся» их в себе. Психика может быть определена как часть души, взаимодействующая с телом (а через него – со всем телесно-вещным миром), рефлектирующая это взаимодействие, реагирующая на него, его корректирующая (а также, рефлектирующая над своими собственными, внутренними, «откликами» на это взаимодействие). «В дихотомии «тело – душа» психика заняла место между душой и телом, покрывая как часть телесности, так и часть области относимой к душе» [3, с. 84].

По Платону, душа – самодостаточна, живёт до рождения с телом и после его смерти, на земле же пребывает во взаимодействии с ним (оказываясь в «тюрьме» тела), не переставая при этом жить собственной автономной жизнью (вспоминая своё пребывание в «мире идей», соотнося его со своим пребыванием в «мире вещей», и пытаясь в высший мир вернуться). У Аристотеля же душа в определённой степени, теряет свою самодостаточность, её предназначением является не самопознание и саморазвитие, а «оформление» («благоустройство»), оживление, одушевление материально-телесного мира. Если душа – это «начало тела» (а не начало самой себя), приводящая его в движение, и задающая направленность этому движению, то она уже – не самодостаточна, живя больше не своей, а «служебной» жизнью.

Эволюция рассуждений о внутреннем мире человека от Платона к Аристотелю есть шаг в редукции души к психике (пронизанной телесно-вещными отношениями и их переживанием-осмыслением, части души). Психика, главным образом, приводит в движение тело. Душа, главным образом, приводит в движение саму себя. Душа становится собственно душой как особой субстанцией, когда она способна на саморазвитие, когда она живёт, в решающей степени, своей собственной метафизической жизнью. Критерий оформления души – способность её к саморефлексии, самодостаточности, самополаганию и саморазвитию. То есть, в человеке появляется особая реальность, живущая, в значительной степени, по своим собственным, нематериальным, неземным законам (душа – это *инобытие бытия*). *Собственно душа появляется, когда появляется собственно духовная деятельность.* Это уже невозможно скрыть: «душа внутри» актуализируется в «душе

снаружи». Когда пробуждающийся «разум» начинает одушевлять («социализировать») тело («гоминидная триада») и камень (двусторонне обработанное рубило), тогда ещё собственно духовной деятельности нет, а значит и душа, как таковая, не оформилась. Становление души как особой субстанции происходит с актуализацией собственно духовной деятельности (с появлением искусства, религии, ритуала, табу, любви). О завершении антропосоциогенеза (то есть, о рождении собственно человека, который, по Сократу, прежде всего, «есть душа») можно говорить лишь с появлением непосредственных свидетельств «деятельности» души в «чистом» виде [5, с. 121].

Психика находится во взаимодействии с соматическими процессами. Душа же, взаимодействуя с телом, в то же время живёт и автономной, сверхтелесной жизнью (что нашло выражение, в определённой мере, в «проблема психофизиологического параллелизма»). Не случайно, редукция души к психике происходит во время наметившегося упадка древнегреческой культуры. «Золотой век Перикла» завершился, греки всё меньше думают о вечном, великом и прекрасном. Человек постепенно перестаёт быть существом с метафизическим дыханием. Трансцендентное начинает затухать в душе, и она из особой высшей реальности, из «кусочка неба» в человеке, превращается в «служанку» телесно-вещного мира. Душевные порывы превращаются в психические функции.

Великие мыслители не просто формулируют своё представление о душе, а (осознанно или неосознанно) выражают в этом представлении происходящее с душой человека в переживаемое ими время. То есть, философские рефлексии души имеют под собой конкретно-исторические бытийственные основания. Так, в античности можно выделить ступени нисхождения метафизического в физическое, бессмертного в смертное, души – к психике. Пифагор, Гераклит, Эмпедокл, Платон утверждали, что душа бессмертна (видимо, всё-таки в той своей части, которая несёт совершенное, вечное; иллюзии, ложные идеи, страсти и вожделения, скорее, бранны, как и всё «кажущееся»). Аристотель (утверждавший, что душа и смертна и бессмертна) жил уже во время начавшегося падения греческой культуры, её овеществления, материализации, «заземления». Живший ещё позже, Эпикур начинает доказывать, что душа вся смертна, разрушаясь вместе с телом. Превращаясь в «служанку» соматических потребностей, душа «растворяется» в теле, становясь его частью, акциденцией, функцией, обретая его модусы (протяжённость, конечность в пространстве-времени), теряя свою особую бессмертную природу, и, соответственно, умирая вместе с ним. В категориях Аристотеля, можно сказать, что растительно-животная часть души превратилась из части в целое. А если вся душа стала растительно-животной, то вся она стала смертной. **Материализованная душа – это уже не душа, а тело.** Психика – это душа, ставшая «внутренним моментом» тела; это «смертная» часть души (превратившаяся из части в целое), служащая телу, и умирающая вместе с ним.

Если эпикурейская идея смертности души связана с чувствованием культурной деградации, с пониманием, что человек с материализованной душой превращается в *тотальное психо-тело*, что душа исчезает

как качественно иная по своей природе субстанция человеческого бытия, то тогда получившийся вывод вполне понятен и убедителен. Если по Сократу «человек есть душа», то по Эпикуру, в важнейшей мере, получается, что «человек есть тело». Человек, превратившийся из «душевного существа», из единства душевного и телесного, в «телесное существо» – это уже не совсем человек. Происходит **метафизическая смерть** человека. Едва успев родиться, **человек умер** (потерю особенно остро ощутил Диоген: «Ищу человека», «Людей много, а человека нет», «Я звал людей, а не мерзавцев»). Происходит редукция души к её вегетативно-животной части, уже без «разумной» («божественной», бессмертной, по Аристотелю) составляющей. Если душа (сведённая к психике) занята в решающей степени тем, что движет телом, то она сопрягается с ним, зависит от него, не принадлежа более себе, теряет свою особость, автономность и метафизичность; становясь его частью, приобретая его важнейшие свойства; и умирая вместе с ним.

Психика – это «душа» без души, обездушенная душа, «телесная душа», душа «минус» метафизическое («душа без метафизических атрибутов непротяженности, бессмертия, связи с Богом») [3, с. 86]. «Сужение» понятия «душа» было выражением «сужения» внутренней жизни человека до телесно-вещных переживаний и отношений. Происходит редукция трансцендентного к имманентному, метафизического – к физическому, душевного – к психическому. Деметафизируясь, превратившись в механизм адаптации к среде, душа «сворачивается» в психику. **Душа умирает, когда культура превращается в цивилизацию.** Линия нисхождения истории выражается в материализации души, её превращении во «внутренний момент» тела. **Критерий нисхождения** – обмирщение души, нарастание в ней физического, смертного. **Линия восхождения истории** выражается в метафизации души, её превращении в самодостаточное целое, живущее, в решающей степени, собственной жизнью. **Критерий восхождения** – нарастание трансцендентности, автономности души, её бессмертности. Эти две линии существуют одна после другой и одна рядом с другой, так как в каждую эпоху живут люди и с «телесной душой», и с «призрачной», и с «чистой» (то есть, душой, в собственном смысле слова).

Почему умирает античная эпоха (любая эпоха) – потому что души становятся смертными (опять став бессмертными в начале средневековья, и смертными – к его концу). Вывод о «смерти Бога» – это констатация смертности души. **Бог умирает в мёртвых душах.** «Культура» – **время торжества бессмертных душ, «цивилизация» – эпоха триумфа душ смертных.** Когда культура превращается в цивилизацию, душа умирает... «**Пограничная ситуация**» есть не только у тел, но и у душ (их балансирование между дольным и горним, физическим и метафизическим). Иногда «пограничные ситуации» для тела и души совпадают, и тогда **смерть тела соединяется со смертью души, становясь тотальной.**

Душа человека – многогранна, многовекторна, «устремлена» сразу во все стороны. Весь внешний и материальный и нематериальный мир, продуцированный человеком, есть воплощение его души, душевы-

ражение. Душа, в непосредственном виде (в «узком смысле» слова), есть внутренняя нематериальная жизнь человека; душа в опосредованном (объективированном) виде (в «широком смысле») есть весь продуцируемый человеком внешний нематериальный и материальный мир. И духовная, и материальная жизнь человека – непосредственное или опосредованное проявление жизни души. Душа есть внутренний и внешний мир человека, то есть *душа есть ВСЁ человеческое*. Поэтому, в широком смысле слова, *ВСЁ есть душа* ("душа есть всё сущее" [1, с. 439]). Душа и «меньше», и «больше» человека, но не больше человечества, человеческого. (Нет, «больше», ведь в душе есть сверхчеловеческое, трансцендентное). Человеческое – значит одушевлённое. Поэтому, исследуя все проявления человеческой жизни, мы, в конечном счёте, исследуем душу человека. *При таком понимании особенно отчётливо видно отличие души от психики, явно не «покрывающей» собой всю продуцируемую человеком реальность, всю человеческую культуру.*

В широком смысле, человеческая душа – это весь мир человеческого. Весь мир человека есть «внутренний момент» его души. В этом смысле, и тело, и психика являются «внутренними моментами» души. Немесий Эмесский отмечает, что как душа "содержится" в теле, так и тело "содержится" в душе [10, р. 38]. Таким образом, душа (не имеющая протяженности, не ограниченная пространственно-временными пределами) "больше" тела, взаимодействуя как с трансцендентным так и имманентным; как с прошлым, будущим, так и с вечным; как с видимым, так и с невидимым; как с реальным, так и с воображаемым. Направленность психики – более «узкая», «прагматичная»: оптимальная адаптация человека к условиям, образу жизни, самому себе; то есть, *задача психики – «служебная»*. Можно сказать, что психика – часть души, предназначенная для оптимального выстраивания

взаимодействия с внешним миром, рефлексии этого взаимодействия, его корректировки; поэтому она – более реалистична, целесообразна, погружена в настоящее, больше имманентна физическому миру (душа же – больше трансцендентна, вступая в диалог с Богом, Вечным, совершенным, рефлексирова метафизическое).

Редукция души к психике произошла не в XIX в. (когда В. Вундт в Лейпциге организовал первую психологическую лабораторию), и тем более не в XX в. (как утверждают некоторые исследователи) [9, с. 91]. И связано это не только со стремлением учёных «все более точно и строго подойти к исследованию души, сделать его отвечающим требованиям опытной науки» [3, с. 88]. Редукция души к психике происходит циклически всякий раз, когда культура превращается в цивилизацию. Человек культуры – душевно-духовный, человек цивилизации – психически-плотский. *Редукция души к психике есть следствие и выражение превращения человека культуры в человека цивилизации.* И начался этот процесс ещё на заре европейской культуры, в античности.

Редукция души к психике – это потеря «за деревьями леса» (то есть, за частью – целого), за явлением – сущности, за средствами жизни – цели жизни («стало главным, не куда человек стремится идти, а правильна ли и хороша ли его походка; не о чем он думает, куда направляет свои мысли, а эффективно ли работают его мыслительные процессы; не о чем он помнит, а какое количество единиц информации обрабатывает и запоминает» [3, с. 90]). Это не так безобидно, как кажется. Ведь тем самым *жизнь человека теряет своё высшее назначение, нравственные ориентиры. Метафизический человек превращается в «систему с антиэнтропийной функцией», культура становится цивилизацией. Дух подвигает человека быть больше, чем он есть; сведение души к психике делает человека меньше, чем он есть...*

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 550 с.
3. Братусь Б. С. Психология – наука о психике или учение о душе? // Человек. 2000. № 4. С. 81 – 93.
4. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 800 с.
5. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. Кемерово, 2012. 424 с.
6. Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 2 / под общей ред. А. Ф. Loseva. М.: Мысль, 1990. 790 с.
7. Платон. Сочинения: в 4-х т. Т. 3. Ч. I / под общей ред. А. Ф. Loseva. М.: Мысль, 1990. 810 с.
8. Принцип системности в психологических исследованиях: сборник статей // АН СССР, Ин-т психологии / отв. ред. Д. Н. Завалишина, В. А. Барабанщиков. М.: Наука, 1990. 182 с.
9. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 620 с.
10. Emesenus, Nemesius. De natura hominis / Edidit M. Morani. Leipzig, 1987. 395 p.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Evgeny F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2015 г.

КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

М. В. Козырева, М. С. Махалов

CONCEPTS OF CULTURE IN THE CONTEXT OF QUALITY OF LIFE

M. V. Kozyreva, M. S. Mahalov

В статье рассматриваются концепции культуры в контексте качества жизни. Обозначено влияние духовности на формирование экзистенциальных потребностей человека и общества. Показано, что одной из тенденций развития государства является воспитание гуманной личности. Отмечено влияние знания и науки на процесс производства.

The paper focuses on concepts of culture in the context of quality of life. The influence of spirituality on the formation of existential needs of the person and the society is noted. The authors show that one of the tendencies of development of the state is education of the humane personality. The influence of knowledge and science on production process is noted.

Ключевые слова: качество жизни, культура, потребность, духовность, знание, технократия, наука.

Keywords: quality of life, culture, requirement, spirituality, knowledge, technocracy, science.

Трансформация и модернизация социальных институтов в XXI в. видоизменяет ценности и потребности человека и их приоритеты. Современный этап развития общества характеризуется динамичностью, сложностью и научностью социальных и технических процессов и явлений под влиянием социокультурных и техноэкономических преобразований государства. Идея развития является отправной точкой теоретического познания путем диалектизации науки. В этом состоит основная закономерность научного знания. Трансформация ценностей и потребностей индустриального общества в целом изменяет общественное мировоззрение. Модификация общественно-значимых объектов значительно преобразовывает индивидуально-определенную направленность знания в пользу нравственного и техноэкономического совершенствований. Существенное значение в данном процессе отводится культуре.

В истории философской мысли встречается неоднозначный подход к роли культуры в развитии общества. Культура – многоаспектное явление, требующее анализа в теоретических направлениях методологии научного познания посредством системного подхода. В широком смысле слова под культурой понимается реальная действительность, созданная человеком в процессе деятельности. Под объектами культуры подразумеваются и материальные, и духовные блага, и социальные процессы, влияющие на жизнеобеспеченность человека и общества. В данной интерпретации культурные блага приобретают функцию полезности и заинтересованности, являясь следствием компоненты «качество жизни». Культура в контексте качества жизни отождествляется с категорией «цивилизация», отражающей развитие государства и общества.

По нашему мнению, термин «культура» целесообразно рассматривать в следующих интерпретациях. Во-первых, культура как индивидуальное сознание, то есть духовность. Данная трактовка позволяет идентифицировать нравственные начала различных уровней социосубъектной значимости: человека, общества и государства. Во-вторых, культура как обогащение социокультурных знаний, направленных на развитие человека как личности. Данное истолкование дает возможность рассматривать человека как ценность цивилизации. В-третьих, это система признанных

ценностей для решения актуальных задач. И в-четвертых, культура рассматривается как комплексный процесс управления в условиях технократии. Определим значение и сущность каждой из приведенных выше интерпретаций, анализируя дефиниции этой категории.

Культура как сознание. Индивидуальное сознание определяется уровнем духовности, то есть совокупностью духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными [6, с. 183]. В данном контексте целесообразно учитывать масштабность сознания. Обыденное сознание экстраполирует духовность в субъективных интересах вездесущего. Индивидуальное сознание раскрывается с точки зрения индивидуального бытия человека, которое кристаллизуется смыслом его собственной жизни: «...с ростом осознанности человеком своего бытия растет и его осмысленность, начинается переход от материальных потребностей к духовным, от удовлетворения эгоистических вопросов к творчеству на благо других людей и всего человечества» [5, с. 11 – 12]. Проблема бытия в данном феномене – основной вопрос, позволяющий определить потребности наивысшего уровня (эстетические потребности и потребности в самоактуализации: реализация своих целей, способностей, развитие собственной личности).

С. А. Нижников поиск смысла жизни определяет «творческим процессом», который «не только возводит человека к духовному, но и уже содержит его в себе». Родоначальником идеи свободы и творчества в истории русской философской мысли является Н. А. Бердяев. А. П. Чехов определяет процесс одухотворения как деятельность, направленную на постоянный поиск правды и смысла жизни. «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...». Самостоятельная и творческая личность, отвечающая духовным потребностям, соотносит свое реальное поведение из соображения совести [5, с. 14 – 15].

Идея смысла человеческой жизни прослеживается в концепциях русского писателя Л. Н. Толстого и представителя философии западной мысли И. Канта. «Моральная религия» И. Канта заложила предпосылки для основ нравственного и этического учения Л. Н. Толстого. Практический интерес Канта противопоставляется «мудрости жизни» Л. Н. Толстого.

Вера – структурная единица данных этических концепций. Но, с точки зрения И. Канта, вера существует в «пределах разума», тогда как у Л. Толстого – в душе человека [4, с. 168].

Идея «духа» прослеживается в трудах И. Бентама, А. Шопенгауэра, И. Канта и Л. Н. Толстого. В их работах особое значение уделяется нравственному совершенствованию личности. В работе И. Бентама «Введение в основания нравственности и законодательства» в качестве духа, высшей силы одухотворенности перед нами предстает Высшее Существо, или Бог, распоряжающееся религиозными санкциями в отношении индивидуально-нравственных свершений человека. Религиозные санкции властвуют над человеком в качестве «суда Божьего» посредством духовных удовольствий или страданий. Например, «Удовольствия благочестия – те, которые сопровождают веру человека, что он приобретает или владеет благоволением или милостью Высшего Существа, и, как плод этого, что он может насладиться удовольствиями, которые получаются по особой Божией воле в этой жизни или в будущей. Они могут также называться удовольствиями религии, удовольствиями религиозного расположения или удовольствиями религиозной санкции» [1, с. 37, 49]. В свою очередь, «Страдания благочестия, те которые сопровождают убеждение человека, что он подвержен неблагоприятию Высшего Существа – и вследствие этого подвержен известным страданиям, посылаемым Его особенными решениями...» [1, с. 54]. Немаловажное значение для исследования индивидуального сознания в рамках концепции И. Бентама играют нравственные санкции, позволяющие проанализировать значимость таких ценностей, как дружба и семья, помощь и поддержка [1, с. 36].

А. Шопенгауэр в качестве максимумов духовного совершенствования называет «духовные силы». Так, «человек с преобладающими духовными силами имеет не только способность, но и потребность к живейшему участию ради одного познания вещей, без всякого вмешательства воли» [9, с. 229]. Артур Шопенгауэр акцентирует внимание на индивидуальности интеллектуального знания, абстрагировании интересов человека от увлечения общества в целом. «Духовные силы» способствуют изолированности человека от общества, определяют уровень благородности и полезность его деятельности [9, с. 229 – 231].

Таким образом, представленные концепции позволяют трактовать индивидуально-личностное сознание в процессе познания бытия и предписаний принципов-максимумов. Анализируя массовое сознание общества и государства, целесообразно акцентировать внимание, базируясь на идее «религиозного духа» А. Тойнби. В условиях современного общества церковь – единственный духовный субъект, способный отразить безнравственность и аморальность бездуховного общества. Нравственное воспитание секулярного общества осуществляется посредством предметов материального мира, исходящих от религиозных институтов: «...институты закрепляют отношения между людьми, выходящими за узкие рамки непосредственного межличностного общения... <...> институт должен искать себе основу в обычае, подкрепляя себя силой. Фактически институты – совершен-

ные отражения нравственного несовершенства человеческой природы...» [9, с. 60]. Религиозное начало общества и государства испускает свои корни в традиции и обычаи, которые сохраняются и чтятся посредством «религиозного духа».

Традиция – одна из основных проблем теории культуры. В настоящее время значимость исследования традиции увеличилась во всем мире. Ежи Шацкий аргументирует следующие причины этого. Во-первых, наблюдается «сочувственное отношение к старой традиции», которая изначально была объектом отвержения. В результате происходит «старение» нового общества и нового образа мышления, которые сами становились все более «традиционными», то есть, утверждая свою законность, ссылались не только на принципы Разума, но также на свою долговечность и «нормальность» [11, с. 9]. Иными словами, отходящие социальные процессы «делают вызов» современности, в результате чего действительность адаптируется к предыдущим социокультурным процессам.

Во-вторых, идеализация действительности и выявление ее слабостей. С этой точки зрения современность оборачивается разрушительной силой, приводящей к распаду социальных связей, ослаблению этических и моральных норм, экономическим кризисам, социальным застоям.

В-третьих, чрезмерное влияние западноевропейской идеологии, угрожающее самобытности развивающихся государств. Е. Шацкий признает ориентир государств на «качество жизни» и повышение уровня жизни, но отрицает заимствование духа западной культуры в проекции на сложившийся уклад жизни [11, с. 9 – 10].

Рассмотрев теории и идеи о развитии духа, создается представление о качественных предпосылках развития человека и общества, ориентированных на содержание смысла жизни и достижение экзистенциальных потребностей. Наблюдается стремление общества к сохранности традиций и обычаев, увековеченных самобытностью государств.

Культура как источник обогащения социокультурных знаний. Народная мудрость преподнесла России ряд пословиц о пользе знаний: «У пространства нет размера, а у знаний нет предела», «Мир освещается солнцем, а человек знанием», «Знание и мудрость украшают человека», «Знание да наука на воротах не висят», «Ученье свет, а неученье тьма». Знание есть результат познания, основной движущий фактор развития цивилизации. Потребность к индивидуальному знанию и формирование «просвещенного» человека – прерогатива эпохи Просвещения. Человек, обладающий знаниями, – ценность государства.

И. Бентам определил количество и качество знания, а также силу умственных способностей как «обстоятельства, принадлежащие к состоянию духа». Знание – идея, представляющая интерес как для самого человека, так и для других: «Когда этих идей много и они имеют значение, о человеке говорят, что это человек просвещенный, если их мало или они не важны, его называют невеждой» [1, с. 61]. Сила умственных способностей, в интерпретации И. Бентама, это способность применить полученное знание и суметь его сис-

темати́зировать по единому критерию. Совокупность данных способностей есть талант или дарование.

Томас Гоббс в работе «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» рассматривает знание в контексте мудрости и благоразумия, в субстанции которых проявляется его полезность, тогда как наивысшая полезность знания – в сочетании данных категорий [3, с. 66 – 67].

Ж.-Ж. Руссо высказал весьма неоднозначный подход к развитию культуры и науки. С одной стороны, являясь противником процесса цивилизации, отстаивал идею естественной духовности. С другой – признавал полезность науки, литературы и искусства для создания видимости добродетели. Руссо остро критикует развитие искусства, поскольку «...искусство обтесало наши манеры и научило наши страсти говорить готовым языком» [8, с. 64 – 65].

В философии Гегеля и Н. А. Бердяева раскрывается яркое противопоставление принципа гуманизма. Гармоничный человек, следуя мировоззрению Гегеля, есть результат искусства, в котором личные интересы сочетаются с интересами общества. Искусство – результат труда человека, в процессе которого происходит облагораживание, эстетическое восприятие, познание чувства прекрасного [11, с. XII – XIII]. Н. А. Бердяев показывает, что идея гуманизма возводит человека на одну ступень с Богом: «Пафос всякого гуманизма – утверждение человека как высшего и окончательного, как Бога, отвержение сверхчеловеческого. Но лишь только отвергается Бог и обоготворяется человек, человек падает ниже человеческого, ибо человек стоит на высоте лишь, как образ и подобие высшего божественного бытия...» [9, с. 110]. В нашем понимании, гуманная личность соответствует политическим и социокультурным требованиям современного общества, воспитывающаяся и приобретающая качественное знание в культурной среде.

Культура как система признанных ценностей для решения актуальных задач. Культурная среда – институты, способствующие формированию и воспитанию нравственного человека. В процессе институционализации знания человек приобретает воспитание, образование, представление о ценностях; формирует мировоззренческую картину, получает представление о добре и зле, достоинствах и пороках, справедливости и неоправданности, гуманности и беспощадности и др. Эти качества находят свое начало в процессе социализации личности, поэтому весьма важно предоставить весь спектр социокультурного знания молодежи. В этом и состоит основная гуманистическая функция культурной политики государства: «Очевидно, что обладающий знаниями, достаточным кругозором, грамотный человек, по сути, застрахован от вируса национализма и нетерпимости» [7].

В гуманной личности сочетаются свобода и достоинство личности, направленные на благо других, человеколюбие, просвещение, образованность и цивилизованность. Концепты «гармоничная» и «гуманная» реализуются в личности, для которой характерно сочетание рациональности и чувственности, разумности и духовности, обогащение материальными и духовными благами. Гуманно-гармоничная личность в рамках цивилизованного общества восходит на определенную

ступень социального развития – самореализацию, которая, в свою очередь, определяет ее качество жизни.

Немаловажное значение в воспитании молодежи играют традиции отечественного просвещения. Так, незаменима в воспитании молодежи роль литературы, истории, русского языка, знание которых формирует и развивает духовно-нравственную и ответственную личность с индивидуальной системой ценностей. Чем выше социокультурное знание, тем выше духовные ценности, следовательно, и качество жизни. В некоторых странах мира наблюдается тенденция разрушения так называемых нравственных и традиционных основ-ценностей.

В Российской Федерации разработан проект Основ государственной культурной политики, подготовленный рабочей группой во главе с руководителем Администрации Президента Сергеем Ивановым, в целях сохранения этих ценностей. Проект документа по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина выносится на общественное обсуждение. В документе определяется важная роль культуры, способствующая обеспечению более высокого качества жизни общества путем «передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности» [7]. В настоящий момент государство ставит основной задачей сохранение этих ценностей для воспроизводства идейных качеств человека. Идея духовного государства является вековой ценностью Российской Федерации. Духовность, нравственность – основа формирования менталитета российского общества, его внутренней энергии.

Культура как комплексный процесс управления в условиях технократии. Н. А. Бердяев в труде «Воля к жизни и воля к культуре» разграничивает категории «культура» и «цивилизация». Культура – явление, характерное для формирования духовных начал человека и дальнейшего качественного развития. Цивилизация – процесс материального овеществления символического искусства, детерминированный «техничностью» и научностью. С данной точки зрения культура приобретает научность. «Познание, наука превращаются в средство для осуществления воли к могуществу..., в исключительное средство для торжества техники жизни, для наслаждения процессом жизни. <...> Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни» [9, с. 300]. Духовный образ жизни модифицируется посредством технократии в «технический образ жизни». Культура обеспечивает техническое оснащение бытия. Родоначальником концепции теории технократии является американский экономист Дж. К. Гэлбрейт. В данной концепции значительное место принадлежит культуре управления в условиях технократии и научному воспитанию индивида-технократа. Субъект эпохи технократии на современном этапе должен обладать комплексным знанием.

Итак, культура в контексте технократического развития приобретает форму технического знания. В рамках нашего исследования, возникает вопрос: влияет ли производство на уровень культуры и наоборот. Культура – совокупность *производственных*, общественных и духовных достижений людей. Потребности индустриального общества требуют от производства

более высокого уровня развития, следовательно, более качественного и современного знания. Развитие производства, как и многих других сфер деятельности человека, непосредственно зависит от уровня развития науки и научных достижений.

Также мы полагаем, что есть некоторое непосредственное влияние культуры на производство, которое заключается, скорее всего, в том, что повышение уровня культуры в целом приводит к повышению уровня культуры производства (безотносительно появления новых научных результатов и достижений – их на некотором рассматриваемом этапе может и не быть). Но кардинально повлиять на повышение уровня производства, появление новых технологий, методов и т. п. культура не в состоянии. Данная прерогатива отводится науке и научному знанию.

Духовное развитие личности немислимо без научного знания, которое также является одним звеном культуры. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ отметил ориентацию развитых стран на расширение культурных и жизненных возможностей, обеспечить продолжение которых «можно только с выходом на новый технологический уклад... Страна, которая не сможет пробиться в круг создателей новых, новаторских технологий... обречена на зависимое положение» [7].

Литература

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 415 с.
2. Гегель Н. В. Сочинения в 14 т. Т. 12. Кн. 1. Лекции по эстетике / пер. Г. В. Столпнера. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 494 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Директ-Медиа, 2002. 1205 с.
4. Нижников С. А. Мораль и политика в контексте духовных интеллектуальных традиций: монография. М.: ИНФРА-М, 2011. 333 с.
5. Нижников С. А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии: монография. М.: НИЦ Инфра-М, 2012. 168 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Президент России: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 17.07.2014).
8. Руссо Ж.-Ж. Избранное. Главы и отрывки из сочинений / пер. с фр.; сост. предисл. и примеч. И. Верцмана. М.: Детская литература, 1976. 190 с.
9. Социальная философия: Хрестоматия. Ч. 1 / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. М.: Высшая школа, 1994. 255 с.
10. Социальная философия: Хрестоматия. Ч. 2 / сост. Г. С. Арефьева, М. И. Ананьева, А. С. Гарбузов. М.: Высшая школа, 1994. – 352 с.
11. Шацкий Е. Утопия и традиция: пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.

Информация об авторах:

Козырева Марина Васильевна – старший преподаватель кафедры социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета, mv_kozyreva@mail.ru.

Marina V. Kozyreva – Senior Lecturer at the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Махалов Максим Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры технологии машиностроения Кузбасского государственного технического университета, maxim_ste@mail.ru.

Maxim S. Machalov – Candidate of Technical Science, Assistant Professor at the Department of Manufacturing Engineering, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2015 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОРОЧЕСТВ

В. Я. Лалуев

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF RELIGIOUS PROPHECIES ANALYSIS

V. Ya. Laluev

В статье рассматриваются методологические принципы анализа религиозных пророчеств как феноменов духовной культуры. Описывается философско-когнитивный подход, метод «истории воздействий», религиозно-ведчески-богословский и герменевтический методы, которые выявляют его философскую сущность. Актуализируется логика божественного Откровения, зафиксированного в пророческом тексте.

The paper deals with the methodological principles of analysis of religious prophecies, as the phenomena of spiritual culture. The philosophic-cognitive approach, and the method of ‘history of exposure’, religious-theological and hermeneutic methods which reveal its philosophical essence are described. Divine revelation logic recorded in the prophetic text is actualized.

Ключевые слова: философско-когнитивный анализ религиозного пророчества, религиозный опыт пророка, апологетическая задача, научное богословие, конфессиональные традиции, междисциплинарный подход, метафорические смыслы пророчества, библейское мышление.

Keywords: religious prophecy, religious experience of the prophet, apologetic task, scientific theology, confessional traditions, interdisciplinary approach, metaphorical meaning of the prophecy, biblical thinking.

По словам еврейского писателя Ш. Бен-Хорина, «между греческой ученостью и библейским мышлением существует большая разница. Греческий мир стремился к тому, чтобы найти такие типовые правила и методы, которые применялись от Аристотеля до Г. Гегеля и выражались в том, что отдельные факты обобщались и подгонялись под предварительно сформированные мнения (правила). Еврейско-христианское же мышление, напротив, следовало от деталей к правилам, – от конкретных наблюдений к идеям» [25, с. 17 – 21]. Следуя логике его суждений, можно признать, что религиозные пророчества не содержат ни догмы, ни системы как таковой, но выражают две основные цели: изложение фактов и раскрытие предписаний закона как руководства к жизни. Или, как поясняет евангелист Лука, что «библейские истины основаны на божественных Откровениях, записанных в Декалоге, пророческих Книгах и не являющиеся «искусственной связкой» (см. Лк. 1:1-4).

Таким образом, особенность религиозных пророчеств показывает, что философско-когнитивный анализ не может раскрыть их сущности по той причине, что как нельзя понять «закон тяготения», разрезав яблоко на кусочки, так феномен пророчества нельзя понять, разобрав его на «части», – он требует анализа «изнутри». Следовательно, научный анализ нужно вести определенным методом, но поиск такого «инструментария» связан с тем, что эсхатологические пророчества Ветхого и Нового Заветов можно интерпретировать только в контексте истории израильского народа и христианской Церкви. С научной же точки зрения «исторический фон» – единственно допустимая модель интерпретации, которую можно отнести к пророчеству.

Такой метод анализа использует в своих исследованиях доктор У. Луц, полагая, что «изучение «исто-

рии толкований» и «истории воздействий», помогает не только интерпретировать религиозные тексты, но и показывает, кем мы стали благодаря им» [10, с. 3 – 12]. В этом он прав. Ведь сознание человека в значительной степени формируется под воздействием истории, способствует личной и социокультурной идентичности. Более того, принцип «истории воздействия» применяемый к религиозным пророчествам, включает и нашу вовлеченность в их сакральный смысл, а использование герменевтических методов открывает прошлое и определяет критерии, субъективные оценки. При этом бытие божественного Откровения можно рассматривать как объект исследования, где «история воздействий» открывает новые аспекты потенциальных значений, принадлежащих и ученым, и атеистам, и философам, и религиоведам, и богословам.

Однако духовный смысл пророческого бытия заключается не в том, чтобы расширить горизонты собственного мировидения, а понять перспективы других научных подходов и традиций. Или, следуя совету Г. Гадамера, «показать какими стали посредством этих текстов другие и осознать связь с традицией» [20, с. 87]. Анализируя пророческие тексты Ветхого Завета, авторы Нового Завета использовали и христологическую, и эсхатологическую интерпретацию, но не «историко-критические» или строго научные методы. Современные критики считают такой подход искусственным, утверждая, что нет такого метода, который бы раскрыл духовный смысл и внутреннюю закономерность религиозного пророчества. Стало быть, для решения этой проблемы нужно использовать такой «инструментарий», с помощью которого можно проникнуть в глубины пророческих тайн.

И такими свойствами обладают не особые объекты, не система догматических утверждений, а когнитивный, религиозно-богословский метод как

форма познания мира, через которую можно получить результаты научной дискуссии. (Понятие *когнитивный* (от лат. *cognitio* – знание, познание) употребляется как синоним понятий «познавательный», «смыслообразующий», связанный с операциями со смыслами, формами репрезентаций, механизмами психологических процессов. В исследованиях феномена пророчества термин *когнитивный* соединяет в себе значения понятий когнитивный (предметный подход) и «когнитологический») методологический подход). Руководствуясь этим методом, И. Локатос «поделит науку на «внутреннюю», в рамках которой достигается «рациональное объяснение роста научного знания», и «внешнюю» – вторичную по отношению к первой, в которой дают «оценку конкурирующих логик научного исследования». Или, следуя логическому выводу Т. Куна, «актуальным становится осмысление методологических оснований научной деятельности» [9, с. 457]. Другими словами, такой подход может стать актуальным лишь в том случае, если отсутствует общепринятая методология научного поиска. Ведь исследовательские программы, основанные на различных методологических подходах, вынуждены, с одной стороны, конкурировать между собой, с другой – искать пути взаимодействия. В этом случае дискуссии ученых вокруг богословия, его научного статуса и отношения к другим наукам наглядно демонстрируют эту проблематику.

Из сказанного становится очевидным, какие критерии и подходы к феномену пророчества можно квалифицировать как научные и есть ли там специфические черты, позволяющие говорить как о научной работе? Автор не имеет в виду «классические» писания Отцов Церкви и богословов, к которым трудно приложить «мерку» научности. К ним не относятся и современные исследования ученых-библеистов (неотомистские, неопротестантские), определяемые как богословские и основополагающие для религиозного сознания. Ответ очевиден: таким критерием является богословие, охватывающее все сферы бытия религии: философию как метафизическую реальность и религиоведение как религиозный опыт человека и общества.

Так считает А. Мак-Грат, полагая, что греческое слово «*teologia*» означает «дисциплину священной науки» и охватывает все христианские доктрины» [11, с. 27], а Э. Жильсон утверждает, что «теология включает в знания о Боге все сведения о совокупности бесконечного бытия, поскольку последнее зависит только от Него» [5, с. 82]. Как показывает история христианской Церкви, вопросам догматизации подвергались такие основания веры, разномыслия вокруг которых грозили существованию Церкви, а по другим вопросам допускалось разномыслие. И что не только в богословии, но и в других науках есть аксиоматические утверждения, которые принимаются на веру и служат основанием для последующих суждений. При этом религиозный опыт пророка в существование «сверхъестественного мира» и метод «исторического воздействия» становятся вектором наших суждений, нормой религиозного сознания, задающего определенную

систему координат проводимого когнитивно-богословского исследования.

Такого же подхода придерживается А. Н. Красников, полагая, что «предметом исследования в пределе может быть абсолютно любым для теологии (в любой форме), главной целью которого считается обоснование бытия Бога и истинности Его Откровения» [8, с. 19]. Это так, но К. О. Польсков считает иначе, полагая, что «для богослова учение о вещах божественных исторически и содержательно занимает первое место в системе его координат, а обоснование ценности божественного Откровения становится задачей раздела богословия – апологетики [13, с. 98 – 99]. Однако в рамках развивающейся реформистской эпистемологии, апологетика уже не считается единственным критерием истинности. Как поясняет богослов А. Плантинг, «все доказательства, приводимые посредством дискурсивных рассуждений, происходят из иной конкурирующей по отношению к вере методологии и не позволяют ей достичь окончательной цели» [13, с. 95].

Как видим, апологетическая задача является важной, но не единственной для научного богословия, и у нее есть другая, не менее важная герменевтическая задача: осуществление коммуникации между различными представителями религиозного мировоззрения и формами культуры. Ясность в решение этого вопроса вносит Б. Лонерган, считающий, что «теология является посредником между религией и культурой, функция которой состоит в прояснении значения ценности религии в любой культуре» [23]. Его утверждение отражает многовековую историю развития богословия, когда в начале христианской эры богословы считали возможным объяснение божественного Откровения языком философии и культуры того времени. И первым, кто представил христианское учение в этом ключе, был апостол Павел в афинском Ареопаге (см. Деян. 17:16-32). Можно найти и другие примеры, но актуальной эта проблема становится в XX – XXI вв., когда богословие сближается с философией, религиоведением, культурологией и выполняет иные функции, чем другие смежные науки.

При этом ни наличие априорных утверждений, нашедших выражение в форме догматов, ни апологетическая цель богословского исследования, не являются существенными свойствами научного подхода. Поиск пути выводит нас на проблему специфического метода, который позволяет получить достоверные результаты в понимании божественного Откровения, данного пророку. Такого метода анализа придерживается А. Н. Красников, полагая, что «предметы религиоведения и богословия частично совпадают, где предмет богословия истолковывается предельно широко, а фундаментальное различие между ними, следует искать в сфере методологии» [8, с. 31 – 32].

Анализируя религиозные тексты, В. Лонерган уделяет внимание не объектам, не результатам, подлежащим анализу, а процессу когнитивно-богословского исследования, т. е. тем операциям и методологическим процедурам, которые применяются для построения этой системы [23, с. 64]. Однако понятие

«богословский метод», утверждает он, нужно применять в узком смысле, как специфический набор приемов и способов, позволяющих решать теоретические и практические задачи богословия. Смысл такого подхода в том, чтобы показать двойственность понятия «богословие», которое сложилось исторически и принимается как факт. С научной же точки зрения этот «неудобный момент» приводит к различному прочтению вопросов, которые относятся к области научного знания.

Следуя логики его суждений, обобщенное описание такого ядра богословского метода можно найти в любом богословском тексте и церковно-исторической практике. «Богословский метод в его широком понимании, – дополняет К. О. Польсков, – это соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованного в рамках конкретной традиции, с целью выявления его сотериологического смысла» [13, с. 96 – 97]. Но прежде чем использовать его в научном исследовании, необходимо, прежде всего, сделать ряд оговорок.

Во-первых, понятие «формализация» следует применять не в духе позитивизма XIX – XX вв., а как материальную фиксацию религиозного сознания в форме, доступной для научного изучения. Ведь не все, что мы изучаем, может быть формализовано и стать предметом научной рефлексии, используя основные операции научного метода в узком смысле, который принадлежит к области иного понимания: не как науки, а опытного «богомыслия».

Во-вторых, о богословском методе, как и научном, можно говорить в широком смысле как о методе познания мира. Однако при этом нельзя не учитывать «специфику», которая имеет место внутри одной и той же богословской традиции. То есть неформализуемый опыт «прямого богообщения» в пророческой деятельности не выносится за «рамки» научного исследования. Это подтверждается опытом христианской аскетики, патрологии как специфических предметов богословия, ставших источником оригинальных идей для ученого, «оказывая, по словам А. Е. Смирнова, влияние на формирование его личности и стиля мышления» [15, с. 19].

В-третьих, научный подход предполагает общедоступность изучаемого явления, независимо от того, верующий это человек, или нет. Верующий человек норму религиозного сознания основывает на Откровении, сравнивает с результатами формализации и проводит процедуру богословского соотнесения. Тем же, кто не верит, нельзя говорить о нормативности такой процедуры и факте признания божественного Откровения. В предлагаемом определении показано, что соотнесение изучаемого богословским методом явления нужно применять не к божественному Откровению, а результатам конкретной богословской традиции и формализации норм религиозного сознания. В частности, независимо от того, признает ли кто ревелационизм или нет, нельзя отрицать факта существования сакральных текстов, корпуса святоотеческих творений, литургической традиции, протестантских доктрин «Нового времени». Они зафиксированы

в материальных носителях как норма религиозного сознания, которая оказывает свое влияние на религиозную жизнь общества.

Употребление термина «божественное Откровение» осложняется еще тем, что для верующего человека оно воспринимается в разных смыслах. А. Мак-Грат эту проблему поясняет так: «Утверждение о том, что божественное Откровение несет информацию о Боге, не отрицает того, что оно служит проводником божественного присутствия или средством преобразования человеческого опыта» [11, с. 346]. Однако, как считает К. О. Польсков, это «понятие нуждается в осмыслении в предлагаемом определении богословского метода. Учитывая, что норма религиозного сознания формализуется, с одной стороны, в Священном Писании, с другой – в символических образах, характерных для религий Откровения. В них пророческие идеи, образы кристаллизуются из познавательного материала всех форм общественного духа, перелагаются на язык искусства и становятся доступными массам. Могут трансформироваться и обратно: из мира искусства в религиозные представления [8, с. 88 – 90]. Они освящаются и подкрепляются организационно, восполняют дефицит информации о социальных и «сверхсоциальных» ценностях» [13, с. 97]. В этом он прав: целое всегда больше, чем сумма частей, жизненность не поддается абстрактно-логическому анализу, и в освоении целого всегда есть место иррациональным формам религиозного опыта.

Иначе говоря, задача исследования – выявить предельные смыслы пророческого Откровения через соотнесение его со Священным Писанием, что, естественно, предполагает разное понимание этого феномена религии. Нельзя не признать также, что пророческий опыт пророка является мистическим и не поддается процедуре формализации. Для его обоснования результаты исследования необходимо соотносить с конфессиональной традицией. Резюмируя вышесказанное, структуру богословского метода можно изобразить как «расходящиеся лучи», предлагающие разные исследовательские подходы. Особый статус Священного Писания и соотнесение с ним исследуемых пророческих текстов, выдаваемых за божественное Откровение, становятся центром междисциплинарного подхода. Кроме этого существуют и другие факторы, существенно влияющие на выводы автора. К ним можно отнести и различные религиозные традиции, к которым принадлежал их основатель (пророк), и окружающий его культурно-исторический контекст, включая и многое другое [13, с. 97].

В целом нужно понять, какой метод исследования является базовым: герменевтический или когнитивно-богословский? Сюда можно отнести ряд и других методов: культурфилософский, религиоведческий, компаративистский – характерных для гуманитарных и социологических исследований. Они выстраивают иерархию используемых в научной работе методов для обоснования результатов, получаемых путем такого применения. К сожалению, компаративистский метод, используемый в научном богословии, не исчерпывает заложенных в нем возможностей, а высту-

пает как вспомогательный. Он связан с характером предмета исследования и хорошо вписывается в культурологическую схему М. М. Бахтина: «от знака к понятию, от понятия к идее» [1, с. 381 – 432]. В концептуальном плане когнитивно-богословский метод содержит герменевтическую направленность, соотносит исследуемые явления и выявляет присущие им разновидности.

Во-первых, метод библейской герменевтики (структурно-семантический) не является «чисто» богословским, хотя результаты его могут послужить основанием для богословских выводов. Он опирается на инструментарий, который вырабатывается религиоведением, культурологией, социологией, философией, филологией, историей и др.

Во-вторых, метод церковно-исторической герменевтики (сотеиологический) выявляет смысл исследуемого явления и опирается на вероучительный авторитет Церкви, религиозные традиции, получает развитие в религии, в рамках которой проводится исследование. Он определяется как эсхатологический и оперирует понятиями, лежащими вне рамок истории, под которыми понимается телеологическая ценность богословского метода.

Прилагая эту модель к исследованию религиозных пророчеств, можно понять, что заложенные методологические принципы становятся вектором научно-богословского анализа спорных вопросов библейской герменевтики. Однако, для реализации этих задач потребуются привлечение фундаментальных трудов ортодоксальной и протестантской библеистики, анализ проблемного поля, основные тенденции развития и методологические факторы, оказывающие влияние на их развитие. Нельзя не учитывать также, что внимание философов, культурологов и феноменологов направлено на философскую герменевтику, которая с Г. Гадамера и М. Хайдеггера является динамично развивающейся областью философской науки.

Поэтому в научных трудах философов XX в. подчеркивается духовно-ценностная направленность герменевтики и методологический уровень познавательной деятельности. В феноменологии культуры Э. Гуссерля в центре мира находится человек (пророк) как исторически конкретный, динамический феномен, который развивается в контексте религии. Экзистенциально-онтологическое понимание герменевтических методов как формы «здесь-бытия» или историко-философского истолкования текста поясняет М. Хайдеггер, который определяет «интерпретацию как познание мира и самого себя с задачей «отыскать», соизмерять с искусством и историей, новые масштабы истины, преодолевая поставленные наукой границы как жизненного опыта, так и познания истины» [16, с. 9].

В философии символических форм Э. Кассирера человек (пророк) не противопоставляется реальности, а познает её, погружаясь в мир библейских значений и символов, интерпретируя онтологическое бытие (божественного Откровения) в тексте. По его словам, историк (или пророк) не является простым повествователем былого, а воссоздает и интерпретирует про-

шлое, связывая его с настоящим и будущим. Он подчеркивает значимость «предзнания», «предмнения» (характерного для понимания смысла божественного Откровения), а Г. Гадамер выводит проблему интерпретации на фундаментальный уровень человеческого бытия. П. Рикер определяет искусство интерпретации как соединение истины и метода, которые реализуют единство семантического, рефлексивного и экзистенциального уровней сознания. Интерпретации текста он придает такое же широкое применение как и символам, где имеется многосложный смысл [14, с. 315].

Ф. Кермод считает иначе, полагая, что «история законов и теории толкования герменевтики», какой она была прежде, пока её не присвоила философия, связана с историей библейской герменевтики. «Экзегеты брали законы, очищали их, проводили различие между разными видами герменевтической деятельности, расширяли круг их изучения. Они стремились понять, как возможно истолкование, как воздействует на него промежуток времени между созданием сакрального текста и его истолкованием? Что в нем контролируется предписанными правилами, а что остается на долю озарения, дарованного истолкователю «свыше»? [22, с. 7]. Наука, к сожалению, не проявила интереса к библейской критике, несмотря на высокий уровень её исследований. Однако влияние, которое оказывает герменевтика, структурализм и постструктурализм на мировоззрение современного человека, говорят о существенном влиянии на нее идей постмодернизма.

Но структурализм как форма научного объяснения отличается от герменевтики тем, что исходит из идеи понимания, а в библейской герменевтике такое разграничение «размыто». Библейские экзегеты чаще употребляют методологически неконкретный термин «истолкование», или его синтез [26]. Или, как считает В. Дильтей, «природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем» [4, с. 16]. Это замечание предполагает проникновение на мотивационный, интенциональный уровень пророческой деятельности, что возможно либо путем психологического «вживления» в цели, намерения, представления и чувства, как у Ф. Шлейермахера, В. Дильтея и Г. Зиммеля. Либо, как считает Ф. Шлейермахер, «если тексты – это застывшая речь, то метод их исследования должен быть диалогичным и включать интерпретатора». По его мнению, существует объективная и субъективная составляющая сакрального текста. Первую он связывает с грамматикой, внешней атрибутикой параметров текста, вторую – с психологической, содержательной стороной. Понимание текста, – дополняет он, – сочетает единение этих компонентов и характерно как для научного трактата, так и для текста искусства.

П. Рикер к этому добавляет, что «конфликт интерпретаций» (т. е. наличие различных и даже противоположных позиций) выражает суть её текстуальной полисемичности в обозначенном единстве семантического, рефлексивного и экзистенциального планов. Объективность интерпретации, по его словам, обусловлена многозначностью характеристик её элементов. В процессе интерпретации происходит существенное изменение интерпретируемых субъектом пер-

воначальных смыслов и значений, что непосредственно влияет как на качество интерпретации, так и на её аутентичность авторскому подходу. Феномен интерпретации как герменевтическая работа с религиозными текстами возможна либо путем депсихологического уяснения семантики деятельности, либо результатами знаковых образований и диалога, как в исследованиях Г. Шпета, Г. Гадамера, П. Рикёра и М. М. Бахтина. Однако, в отличие от герменевтического «понимания» текста, научное объяснение устанавливает общий закон (причину), частными случаями которого являются факты.

Человек в этом случае принадлежит как номологическому порядку причинности, так и свободному порядку мотивации, благодаря чему возможен научно-объяснительный и герменевтический подход исследования. Герменевтика устанавливает с божественным Откровением субъект-объектные, динамичные связи, а наука – субъект-объектные, предметно-познавательные отношения. Герменевтика как бы разговаривает с текстом, а наука говорит о нем. Герменевтика эксплицирует неявные смыслы библейских текстов и подвергает их бесконечным истолкованиям, а наука описывает общезначимые законы, которым подчиняется. Стало быть, исторически подвижные константы герменевтики зависят от культурно-изменяемой «позиции наблюдателя», «а устойчивые результаты науки, по мнению К. Гемпеля, от этого не зависят» [2, с. 11]. При этом в библейской герменевтике различается и толкование, и применение. Или, как считает Г. К. Косиков, «библейский текст допускает разные истолкования, а философский метод XX в. утверждает обратное: «значение текста – это то, что он значит для меня лично» [6, с. 3 – 48].

Однако такой подход, взлелеянный релятивизмом современной культуры, показывает, что изучение того, что «говорит текст, превращается в изучение того, что он говорит отдельному исследователю, или критику». Или, как поясняет Е. Хирш, «это вызывает ряд недоразумений, когда автора произведения «изгоняют» и появляется множество интерпретаций, не соответствующих авторскому значению текста. Изгнание автора, как установителя значения приводит к отвержению нормативного принципа, который помогает истолковать текст» [21, с. 5 – 6]. Если же признать эту точку зрения верной, то в теологии нельзя выявить значимость божественной вести, заложенной в сакральных текстах Библии, и привести к тому, что различие между ортодоксальными и еретическими толкованиями не будет иметь значения. Но Е. Хирш прав в том, что исследование пророческих текстов существенно влияет на экзегезу, потому что ортодоксальный взгляд на истолкование сакральных текстов воспроизводит богодухновенный текст в его целостности, где Бог и человек «сотрудничают вместе», т. е. в соавторстве.

Но какой смысл тогда имеет в виду Автор-Бог и какое значение придает этому Автор-человек? Превосходит ли точка зрения Автора-Бога над теми значениями, которые вкладывает в них Автор-человек? Имеют ли сакральные тексты «высший смысл»

(*sensus plenior*) по сравнению с теми смыслами, которые имеет автор-человек, обсуждается уже многие столетия, но не находит кардинального решения. Доктор Д. А. Хагнер поясняет, почему это происходит: «Принять «*sensus plenior*», значит признать, что есть вероятность большего значения ветхозаветного отрывка, нежели то, что осознает автор оригинала сочинения и тот глубокий смысл, определяемый в результате грамматико-исторического или экзегетического анализа. Такова природа божественного Откровения, что даже авторы Священного Писания не осознавали его высшего значения и конечного применения, что записывали. «Высший смысл» Ветхого Завета, – утверждает он, – можно увидеть ретроспективно «в свете» новозаветного исполнения» [21].

Причем анализ религиозных пророчеств неизбежно выводит нас на одну из острых проблем интерпретации – «проблему авторства», которая определяет отношение пророка к автору божественного Откровения. Вопросы анализа авторского смысла в пророческом тексте, правомерность этих изменений, критерии интерпретационных процедур, – основные критерии для исследователя. Ученые согласны с тем, что эта проблема трудна для решения, потому что божественный смысл недоступен во всей полноте как для пророка, так и тому, что говорит его религиозный текст. Или, как считает Л. Уилкинсон, что «изначальные когнитивные и религиозные предпосылки существенно влияют на выводы исследователя» [17, с. 178].

Такой подход, по его словам, раскрывает значимость «божественного Откровения» независимо от тех предпосылок, которые касаются библейских терминов, допускающих, что Бог передает его через заимствованные религиозные символы и идеи того времени, придавая дополнительную глубину и «новое» содержание старым понятиям и словам. Принимая Библию как единое целое, необходимо, прежде всего, восстановить научно-исторический взгляд на возникновение и развитие пророческих интенций, посредством которых утверждаются экзегетические основы любого пророческого истолкования. Пророк, получая божественное Откровение, последовательно описывает благословения или проклятия через призму сотериологической истории, концентрирует внимание человека или общества на этом пророчестве как на источнике знаний о будущем. В целом можно сказать, что большинство противоречий, возникающих при анализе библейских пророчеств о будущем, объясняются отсутствием четко сформулированных герменевтических принципов истолкования текста [17, с. 178 – 179].

Подытоживая сказанное, отметим, что на основании Библии можно сформулировать три главные задачи библейской герменевтики.

1. Понять, что библейские пророки пытались донести до своих слушателей или читателей (диалоговый фактор).

2. Что Бог как Автор передает людям через слова Писания, которые не всегда ими понимались и принимались (см. 1 Петр. 1: 10-12).

3. Показать, как применяется пророческая весть в современных условиях с учетом формы и содержания (см. Мф. 5: 17-48; 1 Пет. 1:15-16) [3].

Иными словами, библейская герменевтика помогает понять, как сказанное Богом в прошлом, во-первых, связано с настоящим временем и, во-вторых – с будущим. При этом жизнеспособные герменевтические правила библейского истолкования, как считает

Э. Трёльч, «строятся на законных основаниях и систематически выведенных из Священного Писания принципах, образующих внутри «живого» организма Библии объединяющую все Писание структуру» [16, с. 62]. Благодаря такому подходу религиозные тексты раскрывают метафорический смысл пророческих посланий и их художественную образность.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
2. Гемпель К. Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 11 – 12.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. 319 с.
4. Дильтей В. Описательная психология. М.: Алетейя, 1996. С. 16 – 17.
5. Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
6. Косиков Г. К. «Структура или текст» (стратегия современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вст. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 3 – 48.
7. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический проект, 2007. 238 с.
8. Лалуев В. Я., Лесовиченко А. М. Художественные основы духовной жизни пророческих сект XIX в.: монография. Саарбрюккен (Германия): Lap, 2013.
9. Локатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Т. Кун. Структура научных революций. М., 2003.
10. Луц У. Герменевтика «истории воздействий» и история церкви // Страницы. М.: Библейско-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2004. Т. 9. Вып. 1. С. 3 – 12.
11. Мак-Грат А. Введение в христианское богословие. Одесса. 1998. 346 с.
12. Микешина Л. А. Философия познания: полемич. главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 332 – 336.
13. Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 94 – 98.
14. Рикёр П. Существование и герменевтика // Феномен человека: антология. М., 1993.
15. Смирнов А. Е. Герменевтический метод в современном религиоведении: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995. 19 с.
16. Трёльч Э. Об историческом и догматическом методе в богословии // Сравнительное богословие. Немецкий протестантизм XX века (тексты с комментариями). М., 2010. 552 с.
17. Хайдеггер М. Исток художественного // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 264 – 312.
18. Уилкинсон Л. Герменевтика и постмодернистское противодействие «Истине» // Библия в современном мире: аспекты толкования. М.: Триада, 2002. С. 141 – 186.
19. Fredman D. Encyclopedia of Biblical Prophecy. [S. l], 1965. 417 p.
20. Gilbert J. Le messianisme prophetique. Recherches bibliques. Attente du Messie. Bruges, 58. 93 p.
21. Hagner D. A. The Old Testament in the New Testament // Interpreting The Word of God / ed Samuel J. Schultz and Morris Inch. Chicago: Moody, 1976.
22. Hirsch E. D. Validity in Interpretation. New Haven: Yale University, 1967. P. 5 – 6.
23. Kermode F. The Genesis of Secrecy: On the interpretation of Narrative. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1979. P. 7.
24. Lonergan B. J. F. Philosophy of God and Theology. London; Darton: Longman a. Todd, 1973.
25. Shalom Ben-Chorin. Judisher Glaude. 1998. P. 17 – 21.
26. Thiselton A. S. The Two Horizons. Eerdmans, 1980.

Информация об авторе:

Лалуев Владимир Яковлевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС), г. Новосибирск, Российская Федерация, vladimir_laluev@mail.ru.

Vladimir Ya. Laluev – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy and Culture, Siberian State University of Communications.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2015 г.

**НОРМАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Р. С. ПИТЕРСА**
О. О. Пешев

NORMATIVE CONCEPTION OF EDUCATION IN R. S. PETERS'S ANALYTICAL PHILOSOPHY
O. O. Peshev

В статье рассматривается трактовка концепции «образования» Ричарда Стенли Питерса – представителя британской аналитической философии образования. Уникальность его работ заключается в том, что он первым предложил рассматривать образование как единую структуру, включающую в себя логически связанные между собой концепты. Питерс призывает пересмотреть систему образовательных ценностей, проанализировать их. Этот анализ инициирует нас переосмыслить ценности образования и почему они будут именно такими, какие учебные дисциплины и навыки будут нужны людям в будущем.

The paper deals with the interpretation of the concept 'education' by Richard Stanley Peters - a representative of the British analytical philosophy of education. The uniqueness of his work lies in the fact that he first proposed to consider education as a single logical structure that includes logically interrelated concepts. Peters calls to reconsider the system of educational values and analyze them. This analysis initiates us to rethink the value of education and why it will be exactly so, what kinds of learning dispositions and skills people need in the future.

Ключевые слова: концепт, образование, содержание, знание, понимание, семейство процессов.

Keywords: concept, education, content, knowledge, understanding, family of processes.

Никто из представителей аналитической философии образования так не подчеркивал важности «концепции образования», как это делал Р. С. Питерс. В данной статье будет обращено внимание на несколько аспектов деятельности этого британского философа:

1. будет рассмотрена концепция философии образования Питерса как сферы философии, а также обозначены причины, по которым он обращается к логическому анализу концептов;

2. будут выделены некоторые важные (нормативные) особенности образовательной концепции Питерса;

3. будут сделаны предположения относительно того, как философский анализ Питерса может быть использован в современной образовательной системе.

В начале 60-х гг. XX века США претендовали на «первенство» в сфере образовательной философии. Сюда можно отнести труды таких известных философов, как И. Шефлер, Дж. Макмилан, Т. Грин, П. Комисар, Л. Вокс. В свою очередь Ричард Стенли Питерс пытался ввести в данную сферу труды своих британских коллег: П. Херста, Ф. Принга, Д. В. Хайнлина, Дж. Уайта, П. Уайта, которые также хотели сделать философию образования интеллектуально уважаемой во всем мире [14, с. 316; 4]. Ричард Стенли Питерс был глубоко убежден в том, что философия образования является независимым направлением философии, однако при этом он не рассматривал её как дисциплину, которая имеет отдельный статус, такой как эпистемология или этика. Для него философия образования была сферой деятельности, в которой предусматривалось создание «филиалов» философии, где обсуждались бы концепции и вопросы в сфере образования. Это такие концепты, как: «образование», «свобода», «право», «обучение», «изучение», «понимание», «учебный план» и многие другие [9; 10].

Питерс верил, что философскую деятельность в других сферах (политическая философия, этика) можно применить и к образовательным вопросам таким

путем, который позволит осознать уникальные качества образовательного контекста. Таким образом, в своем предисловии к «Философии образования» он пишет про концепт «наказание» и про его использование по отношению к школьной среде: «Большая часть работ по «наказанию» базируется на парадигме функционирования правовой системы. «Наказание» предусматривает ответственность за совершенные действия. Но на какой стадии нужно считать детей ответственными за свои действия? Какие необходимы условия для того, чтобы можно было оправдать наказание детей?» [11; 6].

Питерс понимал, что по такому концепту, как «образование», не было написано существенных философских работ. Он считал, что философы образования должны найти новую концептуальную основу и обозначить её логические точки. По его мнению, начать нужно было с определения того, что есть «образование». «Предположим, что «образование» включает в себя развитие знания и понимания. Существует довольно странная аномалия – есть очень много работ по знанию, но очень мало о понимании. Образование предполагает также некое обучение. Но существует очень мало работ по концепту «обучение» и еще меньше по такой деятельности, как «преподавательская». Именно она и способствует обучению...» [11; 6].

Питерс видел себя в роли первопроходца в сфере аналитической философии образования и хотел создать логически правильную концептуальную систему, которая позволяла бы проводить концептуальный анализ важных образовательных вопросов. Как же он представлял себе такой анализ? И как он участвовал в этом процессе? Один из критиков наследия Питерса Джон Вудс различал формы логического анализа, одна из которых соответствовала способам нашего выражения мыслей [15, с. 30]. В своей парадигме Вудс рассматривал необходимые условия для правильного использования слов в нашей речи. В критике образо-

вательной концепции Питерса Вудс говорит о том, что Питерс анализирует лишь то, как людьми используется термин «образовательные цели» для того, чтобы добиться какой-то далекой цели в далеком будущем. В статье «Цели образования – концептуальное исследование» [11] Питерс реагирует на его критику следующим образом: «Мы разработали определенные способы говорения, в которых используем слово «образование», а не «подготовка учащихся». Теперь, учитывая, что способ говорения отмечает такую разницу, я сделал вот что – прояснил различия, которые лежат за пределами слов. Действительно, главное – стать яснее и яснее, обозначить контуры концепций, которые возникли» [11, с. 44]. Питерс отмечает, что он имеет в виду анализ концептуальных связей, который необходим для того, чтобы показать, что сложные понятия не всегда означают именно то, что попадает под их денотативный смысл [11, с. 45]. В данном случае Питерс неявно обращается к наследию Людвиг Витгенштейна, который говорил об использовании концептов внутри разговоров («языковые игры как формы жизни»). В данных формах жизни есть доминирующие способы использования слов, а также «производные» от них [1, с. 82]. В своей работе «Этика и образование» [9]. Питерс отдает должное Витгенштейну: «Использование слов не всегда попадает под прямое обозначение как, к примеру, в геометрии, где обозначения используются как термины, например, обозначение «треугольника». Скорее, слова связаны формой «семейства», они связаны сложной сетью схожестей, иногда схожестей в деталях, иногда – полностью».

В концептуальном анализе Питерс стремится обозначить наиболее важные концептуальные связи и показать то, насколько глубоко концепты укоренились в наших обычных способах мышления. Такой вид анализа ставит перед собой цель обозначить и прояснить важные проблемы, а также устранить возникающую концептуальную путаницу. Для Питерса образование – это концепт, который имеет логически встроенные в него нормативные связи. Несмотря на это, он признает, что такие науки, как социология и антропология, могут трактовать термин «образование» более нейтрально, обращаясь при этом к его культурному или социальному аспекту.

Питерс выделяет несколько аспектов, из которых, по его мнению, должно состоять образование: 1) образование должно инициировать людей в определенную деятельность, которая имеет определенную ценность; 2) оно должно быть доступно людям с широтой и глубиной понимания; 3) оно должно позволять людям мыслить критически и пересматривать свои убеждения; 4) оно должно заставлять людей подчиняться требованиям разума для обнаружения истины; 5) оно должно осуществляться морально допустимыми способами.

Питерс стремился различать концептуальный анализ, в котором главным является выявление связи между концептами в рамках определенной формы дискурса, и философское обоснование, целью которого является предоставление убедительных этических аргументов для подтверждения основной образовательной концепции. По его мнению, слова приобретают собственный смысл в рамках конкретных куль-

тур и исторических периодов. Термин «образование» на протяжении своей истории использовался для обозначения обучения или воспитания детей. Но в эти ранние исторические периоды широта и глубина знаний были минимальными.

Образование делает человека лучше, инициирует его в какой-то смысл жизни. Таким образом, это и является нормативной концепцией образования. Однако Питерс фокусируется на этимологических корнях образования. Он пишет: «Аргументы из этимологии на самом деле показывают очень мало. В лучшем случае они дают ключ, за которым нужно следить. В данном случае изначальное слово имеет очень обобщенное значение» [12, с. 53].

Ричард Стенли Питерс говорит об еще одном важном аспекте того, как мы используем термин «образование». Это его современное лингвистическое сужение к формальному образованию. «С наступлением эры индустриализма значительно вырос спрос на знания и умения. «Образование» все чаще ассоциируется с «обучением» в специальных учреждениях. Такое большое количество изменений в понимании сути обязательного образования привело к тому, что это слово все чаще используется только по отношению к пониманию и знанию» [127, с. 67].

Хотя Питерс говорит об ассоциации образования и формального обучения, это не является главным в его концептуальном анализе, однако это позволяет выделить еще два важных момента:

- 1) способ, благодаря которому обучение получает статус социально-легитимной формы;
- 2) увеличение вероятности того, что образование может быть «неправильным» больше, чем «правильным» [2, с. 76].

Питерс предположил, что речь идет об образовании школьном, поскольку именно оно имеет отношение к знанию и пониманию. Мы говорим об образовании, которое лингвистически эквивалентно обучению, поскольку обществу необходимы символы успеваемости – дипломы, сертификаты, аттестаты. Они необходимы для конкуренции внутри социально-экономической системы. Обучение стало не просто юридически обязательным, а социально-экономически обязательным. Социально-экономическое давление, лежащее в основе всего, дает уравнение вида «образование» умножить на «обучение» равно «социально-политическая сила» [8, с. 268].

Исходя из этого, можно признать, что для общества более приемлемым является лишь формальное образование. Т. Грин отметил, что во многих развитых странах часто ценятся «вторичные блага» образования – дипломы, сертификаты, аттестаты. Они ценятся больше, чем сами знания, умения и понимание [6, с. 169].

Возвращаясь к концептуальному анализу Питерса, стоит отметить, что слова неоднозначны в своих значениях. Таким образом, образование имеет несколько значений, остается неоднозначным в своих критериях и поэтому к нему можно обратиться как к области исследования. Для Питерса образование не может относиться к конкретному виду деятельности или процессу. Оно должно относиться к определенному «семейству процессов», делать человека лучше [11, с. 55].

Питерс подчеркивает, что критерии, по которым определяется образованность, остаются неясными. «Образование», как и «реформа», имеет собственные нормы, которые в него встроены. Они генерируют цели, которые человек развивает или отвергает. Однако нормы в этом вопросе не последовательны. Для чего человеку становится лучше или иметь желаемую цель? Является ли это развитием критической осторожности в смысле образования?» [11, с. 47].

В данном случае Питерс создает набросок того, что «критерии быть образованным» должны в себя включать, и при этом пытается обосновать то, что он относится к содержанию образования.

Во-первых, он подчеркивает, что понятие «образование» не может относиться к обозначению любого вида деятельности.

Во-вторых, он напоминает, что «образование» как «реформа» является нормативным термином, тем, что Райл назвал «глаголом достижения». «Образование» в отличие от других таких «глаголов» (победа, запоминание и т. д.) не имеет специфичной активности, с которой его можно было бы связать, однако оно должно иметь свою «кульминацию» в виде чего-то ценного.

В-третьих, образование как преднамеренный набор процессов должно инициировать людей в ценностные формы жизни.

В-четвертых, образование обязательно должно иметь связь с широтой и глубиной знания и понимания. Будучи образованными, люди приобретают такие знания, которые позволяют им оценить собственный выбор критически; это также обеспечивает им чувство удовлетворения, поскольку они постигают свою деятельность осознанно.

Как отмечает Питерс, образованная личность будет продолжать такую активность даже тогда, когда больше не будет необходимости делать это, то есть когда, к примеру, закончит школу. В данном случае образование обязательно изменит жизнь человека к лучшему.

«Именно образование делает качество жизни лучше. То, как человек живет, зависит от того, что он видит и как он это понимает. В школах мы можем наблюдать высокую степень концентрации когнитивного контента (литература, наука, история). Но образованный человек не тот, который просто изучает все это, а тот, кто совершает целый спектр действий, углубляет и расширяет свое понимание и чувственность. И данному процессу нет конца» [12, с. 112]. Образованный человек у Питерса – тот, кто работает с точностью, страстью и имеет тягу к интеллектуально ценным вещам [12, с. 10]. Он не является узкоспециализированным и не тем, кто видит обучение как инструмент для достижения других социальных благ, таких как богатство, статус и власть. Хотя образование является нормативным, оно имеет прямое отношение к развитию индивида, а также имеет нормативные, культурные и социальные аспекты. Питерс подчеркивает, что образование является «формой посвящения в какой-то смысл деятельности». Его можно рассматривать как форму передачи культурных ценностей, таких как социальная справедливость, равенство возможностей, уважение людей.

Хотя Питерс признает публичные, социальные и культурные особенности образования, он фокусируется больше на внутренних качествах понятия «быть образованным», ценности традиционных академических предметов, таких как литература, искусство, философия. Такие философы, как Пауло Фрейре, Рональд Глас, Майкл Эпл, Питер Маккларен, сегодня убеждают студентов сделать то, что Питерс, по их мнению, не обозначил в своей концепции образования – анализировать процесс обмена своими культурами и обращать внимание на то, как эти культуры маргинализируют одних и угнетают других [5, с. 275].

Питерс не разделяет некоторые моменты во взглядах на образование таких философов, как Джона Дьюи, Эми Гутман и Имона Колана, которые утверждают, что развивающиеся граждане являются активными участниками политического процесса и стремятся увековечить важные ценности демократии. В данном случае Питерс довольно остро критикует такой подход из-за своего традиционалистского взгляда на гуманитарное образование.

Одним из центральных убеждений концептуального анализа Питерса является разграничение между значением образования и его содержанием. Он утверждает, что образование отличается, к примеру, от медицины, в которой существует довольно четкое определение касательно того, что значит «быть вылеченным». Однако такого консенсуса не существует касательно значения «быть образованным» [12, с. 9]. Питерс фокусируется на двух основных условиях, которые неразрывно связаны с понятием образования – его целесообразности и его связи с широтой и глубиной знаний. Он утверждает, что цели образования остаются в большей степени неопределенными. В качестве неопределенного концепта «образование» является хорошей отправной точкой для пересмотра того, как люди могли бы проводить разумную образовательную политику. Анализ Питерса побуждает переосмыслить цели образования каждому новому поколению. Эти цели должны быть пересмотрены через призму современных политических, социальных и экономических условий. Только так возможно обозначить содержательную сущность, которую можно отнести к идеалу всеобщего образования. В данном случае перед людьми открывается то, что цели образования являются принципиально неопределенными и должны обозначаться согласно каждому конкретному историческому периоду. Питерс подразумевал это, когда цитировал Дьюи: «утверждение цели является предметом заботы в данный момент времени» [3, с. 20]. Цели образования для Питерса не определены. Такая неопределенность может быть довольно полезной, а именно: напоминать политикам и педагогам о том, что невозможно избежать критического диалога по поводу целей и содержания образования. Такой диалог очень важен сегодня, поскольку культурные реалии, с которыми мы сталкиваемся, требуют постановки новых целей и задач. Растущее культурное разнообразие, стремительные технологические изменения заставляют переосмысливать суть образовательного процесса. Система образования, которая была создана на рубеже XX века для того, чтобы адаптировать человека к индустриализации и урбанизации, с

каждым годом приобретает новые черты и особенности [8, с. 262].

По большей части такая система направлена на реализацию того, с чем она успешно справлялась в прошлом веке – социализировать студентов через обучение для их последующей сортировки по учебным достижениям и определения в ячейки социума. Эти функции имеют мало общего с воспитанием, о котором говорит Питерс. Он признает, что многие педагоги и политики рассматривают образование как формальное обучение, как средство, с помощью которого осуществляется поставка трудовых ресурсов [12, с. 27].

Низкая ответственность школы, зависимость успеваемости учащихся от стандартизованных мер является характерной чертой образовательных систем многих стран. Однако стоит отметить, что анализ образования Питерсом необходимо преобразовать в содержательный диалог о текущих образовательных целях. Этот анализ инициирует нас переосмыслить ценности образования, задуматься, почему они будут именно такими, какие виды учебных дисциплин и

навыков будут нужны людям в будущем. Этими вопросами нельзя пренебрегать, если мы хотим, чтобы наши дети жили в XXI веке разумно. Очевидно, что мир, который они унаследуют, будет отличаться от того, в котором жил Питерс, когда писал свои ранние работы. Это будет мир, в котором человек сталкивается с огромным количеством информации и имеет слишком мало времени, чтобы ее обрабатывать и эффективно использовать. Это мир, где воспитание все еще может препятствовать осознанному политическому решению, мир, где различие между богатыми и бедными может стать угрозой экономического благополучия многих социальных групп. Питерс напоминает нам о том, что необходимо думать не только о средствах обучения, но и находить оправдания того, что мы будем считать ценным, смыслом образования. Если отнестись к этому серьезно, то можно активизировать конструктивный диалог по поводу образовательных целей XXI века и доказать, что философское наследие Питерса не было напрасным.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79 – 128.
2. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. 160 с.
3. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. Macmillan. 1916.
4. Ellet F. S., Waks L. J (ed.). Leaders in Education: Intellectual Self-Portraits // Studies in Philosophy and Education. 2010. 29(3). P. 315 – 320.
5. Glass R. D. Education and the Ethics of Democratic Citizenship // Studies in Philosophy and Education. 2000. 19 (3). P. 275 – 296.
6. Green T. F., Ericson D. F., Seidman R. M. Predicting the behavior of the educational system. Syracuse University Press, 1980. 200 p.
7. Katz M. Is There a Right to Education: A Philosophical Analysis through U. S. Lenses // Education, Democracy and the Moral Life. New York, Springer, 2009. P. 31 – 45.
8. Katz M., Denti L. The road to nowhere begins with there we are rethinking the future of American education // Interchange 1996. 27.3(4). P. 261 – 277.
9. Peters R. S. Ethics and education. 5th edn., George Allen & Unwin Ltd, London, 1968.
10. Peters R. S. Introduction // Peters R. S. (ed.). The Philosophy of Education. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 1 – 7.
11. Peters R. S. The Aims of Education – A Conceptual Inquiry // Peters R. S. (ed.). The Philosophy of Education. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 11 – 57.
12. Peters R. S., Hirst P. H. The logic of education. 2nd edn, Routledge&Kegan Paul, London, 1971.
13. Suisa J. Constructions of Parents and Languages of Parenting // Philosophy of Education Yearbook. Vol. 2009. 04.2010. P. 117 – 125.
14. Waks L. J. Knowledge and Understanding as Educational Aims // The Monist. 1968. 52 (1). P. 104 – 119.
15. Woods J. Commentary in R. S. Peters (ed.). The Philosophy of Education. Oxford: Oxford University Press, 1973. P. 29 – 30.

Информация об авторе:

Пешев Олег Олегович – аспирант кафедры философии Мелитопольского государственного педагогического университета им. Богдана Хмельницкого (Украина), oleg_peshev@mail.ru.

Oleg O. Peshev – post-graduate student at Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky (Ukraine).

(Научный руководитель: Волков Александр Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Мелитопольского государственного педагогического университета им. Богдана Хмельницкого (Украина), alex_seng@list.ru.

Research advisor: Alexandr G. Volkov – Ph.D, Professor of the Department of Philosophy of Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky (Ukraine)).

Статья поступила в редколлегию 23.01.2015 г.

**ФИЛОСОФСКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КУЗБАССЕ**
Е. В. Сигарева

**PHILOSOPHO-ECOLOGICAL ASPECT OF THE RESEARCH OF GLOBAL PROBLEMS
AND REGIONAL CHARACTERISTICS OF THE SOCIO-ECOLOGICAL DEVELOPMENT IN KUZBASS**
E. V. Sigareva

В статье актуализируется возможность исследования глобальных экологических проблем после более двадцатилетнего периода реализации стратегии устойчивого развития на национальном и региональном уровнях. По мнению автора, дальнейшее исследование экологических проблем не может ограничиваться тем методологическим подходом, который приводит к формированию оппозиции экономика – экология в контексте экологического неблагополучия. Автором предпринята попытка рассмотреть понятия экономика и экология в их диалектическом единстве, что позволит понимать экологию значительно шире по сравнению с экономикой. По мнению автора, такой подход имеет ряд преимуществ.

In the paper the author updated the possibility of studying global environmental problems after two dozen years of implementation of sustainable development strategies at the national and regional levels. The further research of these environmental problems cannot be only limited to the methodological approach, which leads to the fact that the opposition «economy – environment» has been formed in poor environmental conditions. The paper attempts to examine the concept of economy and ecology in their dialectical unity, which will allow to understand the ecology much wider than the economy. According to the author, this approach has several advantages.

Ключевые слова: глобальные экологические проблемы, региональные экологические проблемы, homo ecologicus.

Keywords: global environmental problems, regional environmental problems, homo ecologicus.

Глобализация экологических проблем была вызвана чрезвычайно возросшими темпами использования человеком экологических ресурсов (ресурсов биосферы), что в свою очередь создало наивысшую угрозу глобальной экологической катастрофы на планете. Актуальность этой проблемы не ограничивается практическим ее аспектом, до сих пор остается не ясным теоретико-философское понимание проблемы и сущностное осмысление тех экологических проблем, которые действительно получили статус глобальных.

В XX веке благодаря глобальному экологическому моделированию была актуализирована проблема истощаемости природных ресурсов, которая сохраняет свою значимость на современном этапе, особенно в экологически неблагополучных регионах, включая Кузбасс [1; 7; 8].

Научная деятельность международного сообщества «Римский клуб», в частности доклады Д. Медоуза «Пределы роста», Дж. Форрестера «Мировая экономика» и разработанная на их основе «теория нулевого роста», вызвали огромный интерес не только ученых, но и общественности к проблеме истощаемости полезных ископаемых. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась международная конференция под эгидой ООН по окружающей среде и развитию, на которой были не только определены глобальные экологические проблемы, но была разработана концепция устойчивого развития как основа всей международной научно-практической деятельности государств, направленная на их разрешение. Спустя десять лет стало понятно, что проблема не решена, а возникли еще более сложные глобальные экологические проблемы.

Впервые в нашей стране в системном виде исследовалась сущность, значение глобальных проблем академиком И. Т. Фроловым в соавторстве с В. В. Загладиным, которые в 80-х гг. XX в. опубликовали

свою ставшую широко известной научную работу «Глобальные проблемы современности» [4]. В этой работе, несмотря на мобильность и динамичность глобальных проблем, И. Т. Фроловым была осуществлена настолько удачная попытка по разработке критериев глобальных проблем, что выстроилась четкая и последовательная иерархия этих проблем: глобальные проблемы всего мирового сообщества, как проблемы войны и мира; проблемы системы «человек – общество», как проблемы экономического развития государств и народов; проблемы взаимодействия общества и природы, как экологические проблемы.

Таким образом, глобальные проблемы были вычленены по трем уровням (общепланетарный или всемирный, в обществе и во взаимодействии общества и природы). Следование избранной методологии привело к технологической результативности: актуализировалась не только значимость глобальных проблем, но и произошло противопоставление этих проблем в их иерархии. Выстраивалась оппозиция экономика – экология. Такая дихотомия как разрушение социально-экономических процессов на экономически выгодное и экологически затратное получила распространение повсеместно. Но такова ли онтологическая реальность?

Обратимся к западноевропейскому опыту, в частности, к опыту Германии, в которой многие экологические проблемы благополучно разрешены, что в свою очередь отразилось на качестве среды человека и продолжительности жизни населения. Немецким журналистом Ф. Альтом проблема оппозиции экономика – экология была заменена на проблему качества из взаимодействия, то есть, возможно, ли развитие экономики на таком технологически новом этапе развития, обеспечивающее если не решение экологических проблем, то снижение экологической опасности [10]. В связи с чем возникает необходимость уточнить содержание

понятия экологии. Известно, что экология – это наука о взаимодействии организмов и человека со средой обитания и между собой. В широком смысле, говоря об экологии, имеется в виду состояние среды обитания на уровне экологического равновесия, или отклоняющегося от нормы. Употребление термина «экологичность» применительно к труду, технике и т. д. означает применение наиболее прогрессивных техник, технологий, производств. Экология перестала быть своего рода маркером, символизирующим низкое качество среды или вредного воздействия ее факторов. Экологичность означает не только внедрение прогрессивных научно-технических разработок, но и общественную одобряемость этих стандартов. На наш взгляд понимание экологии выходит за пределы только науки, становится символом образа жизни, ориентированного на общественную привлекательность. Иными словами уже накоплен хороший положительный опыт экологизации экономики, позволяющий формировать симулякры экологически ориентированного образа жизни и деятельности.

На современном этапе развития понятие «экология» стало более широким и более емким, чем понятие «экономика». Решение экологических проблем приводит в экономике к появлению новых производств, технологий, что решает задачи обеспечения занятости, трудоустройства населения в России и в ее регионах.

Кузбасс – это регион, в котором социальное и экономическое развитие определялось базовыми отраслями промышленности: угольной, металлургической, химической, энергетической и др., причем угольная промышленность оказалась определяющей.

Благодаря ей получили развитие энергетика, химия, транспорт. В угольной промышленности на конец 80-х гг. XX в. оказалось занято более 200 тысяч человек. Это значительная часть трудоспособного населения, которая составляла 57 % от общего числа жителей Кузбасса. Всего же здесь проживало на указанный период 3180,2 тыс. человек.

Добыча угля возросла с 1950 г. по 1990 г. больше чем в 4 раза, и в конце 80-х гг. достигла 159 млн т. В последнее время развитие угольной промышленности резко изменилось. В Кузнецком угольном бассейне работают более 90 угледобывающих предприятий. В результате реструктуризации угольной промышленности в Кузбассе за период 1994 – 2013 гг. прекратили добычу угля и в настоящее время находятся в различной стадии ликвидации 41 шахта.

Развитие Кузбасского региона на период до 2030 г. планируется как поступательное развитие согласно долгосрочной программы развития отрасли угольной промышленности России посредством реализации потенциальных конкурентных преимуществ российских угольных компаний. В рамках осуществления долгосрочной государственной энергетической политики планируется увеличение годовой добычи угля дополнительно на 100 млн т. в год, рост производительности труда в – 5 раз.

С другой стороны в Кузбассе выявился целый ряд негативных тенденций: достаточно однобокое, индустриально направленное развитие; высокая по сравнению с другими областями Сибири скученность населения; односторонне детерминированный характер производственной деятельности и др. Все это интегрировалось в своего рода клише, через которое про-

шла экологическая нестабильность, обретая свои специфические черты.

С этого времени стали активно проводиться исследования, направленные на сохранение природной среды, долгосрочного потенциала полезных ископаемых.

В связи с грядущим постепенным истощением природных источников сырья (нефти, каменного угля, руд цветных и черных металлов) для всех отраслей народного хозяйства приобретает особую значимость полное использование всех видов промышленных и бытовых отходов. Начиная с 1975 г. оценку воздействия на окружающую среду стали проводить во многих странах. В СССР получило развитие экологическое нормирование. Известно, что с 70-х гг. XX века Кемеровская область вышла на первое место в Российской Федерации по загрязнению атмосферного воздуха, причем три ее города вошли в первую десятку городов СССР с наивысшим фоновым загрязнением воздушного бассейна. Поскольку с 80-х гг. XX в. идеи экологического ограничения для экономического роста стали разрабатываться и в России, то в Кемеровской области постепенно стали устанавливаться ограничения (лимиты) в виде разрешений для конкретных предприятий, в целом для города, бассейна реки и т. д.

Проблема обращения с отходами является все более актуальной для Кузбасса, где в силу специфики региона сосредоточено более половины всех образующихся в стране отходов. Поэтому губернатором А. Г. Тулеевым поставлена задача создать в Кемеровской области новую отрасль – отходоперерабатывающую.

Учеными Санкт-Петербургского государственного горного института произведена оценка экологической емкости природной среды Кемеровской области с учетом перспективы развития угольной промышленности. Ими рассматривался вопрос о возможности наращивания производства по добыче угля в области с учетом воздействия на окружающую среду другими отраслями промышленности.

Рекомендации, данные учеными Санкт-Петербурга, сводятся к одному – развитие промышленности в регионе, наращивание производственных мощностей возможно только при условии сокращения нагрузки на компоненты окружающей среды (земля, недра, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, животный и растительный мир и пр.). Дальнейшая технологизация экономики, развитие наукоемких отраслей, реализация комплекса мероприятий инженерной защиты окружающей среды предусматривают: утилизацию отходов производства и потребления, глубокую очистку сточных вод на действующих и проектируемых предприятиях, рекультивацию нарушенных земель и др. [9, с. 137].

Наибольший объем образования отходов приходится на предприятия по добыче полезных ископаемых – 97,20 %, на долю предприятий обрабатывающих производств – 1,81 % и на другие виды экономической деятельности – 0,99 % [2, с. 12].

При благоприятных геологических и гидрогеологических условиях во внутренних отвалах разрезов размещают вскрышную породу, что исключает размещение отходов на земле. Так, в 2009 г. объем использованных вскрышных пород по области составил 921 млн 862 тыс. 400 тонн [6].

Оценка Ростехнадзора о количестве образования отходов в городах Кемерово, Березовский, Киселевск, Междуреченск была дана исходя из сведений об объемах отходов производства и потребления, предоставляемых юридическими лицами, которые зарегистрированы на этих территориях и являются основными предприятиями с максимальным образованием отходов. Например, ОАО «Угольная компания «Кузбассразрезуголь» зарегистрировано на территории города Кемерово, а деятельность осуществляет на всей территории Кузбасса; также и ОАО «Южный Кузбасс» зарегистрировано в городе Междуреченске, а деятельность осуществляет не только в Междуреченске, но и в Мысках.

Еще одна проблема утилизации отходов в регионе – это заполненность золоотвалов, что может привести к приостановке работы практически всех электростанций области [5]. Работа в этом направлении начата, за последние три года использование ЗШО в Кемеровской области выросло почти в два раза: с пяти до десяти процентов.

В настоящее время в золоотвалах электростанций региона находится около 100 млн тонн ЗШО, и около 2 млн тонн электростанции «генерируют» ежегодно. По данным, озвученным представителем Кузбасского филиала Сибирской генерирующей компании, золоотвалы могут полностью заполниться в ближайшие годы.

Предприятиями области разрабатываются планы мероприятий по снижению выбросов и достижению установленных нормативов (ПДВ), внедряются новейшие технологии, проводится замена и реконструкция технологического и газоочистного оборудования. Кроме этого, нельзя не отметить эффективного природоохранного управления со стороны федеральных и региональных контролирующих организаций.

В Кемеровской области в настоящее время работает несколько отходоперерабатывающих предприятий, которые осуществляют первичную сортировку частично разделенных бытовых отходов, переработку отходов пластмасс, древесины, отработанных автомобильных покрышек, отработанных масел, обезвреживание ртутьсодержащих ламп, медицинских отходов. Функционируют уже четыре специализированных предприятия по переработке отработанных ртутьсодержащих ламп от предприятий и организаций: ООО «Дорт» (г. Юрга).

В Новокузнецке действует объединение юридических лиц «Кузбасская ассоциация переработчиков отходов» – некоммерческая организация, объединяющая 12 компаний, работающих в области обращения с отходами. Участники ассоциации осуществляют сбор, транспортировку, использование, обезвреживание, размещение более 150 видов отходов производства и потребления. На основе вторичного сырья участниками ассоциации производится продукция, отвечающая мировым стандартам безопасности, экологичности и качества. Это и специальное резиновое травмобезопасное покрытие для спортивных стадионов и детских площадок, резиновая тротуарная плитка, разноцветная декоративная мульча, полимерная гранула, изделия из пластмасс, несколько сортов макулатуры, синтетические флюсы и огнеупорные материалы.

В Таштагольском районе реализуется проект альтернативной энергетики. В ноябре 2013 г. ООО «Таежный» открыл линию для производства пеллет –

топливных спрессованных гранул цилиндрической формы, изготовленных из высушенного и измельченного сырья растительного происхождения. В Таштагольском районе модернизацию прошли уже пять котельных, где стали устанавливать пеллетные котлы. С вводом нового производства решается задача по санитарной очистке леса и переходу на экологически чистое топливо. Древесные гранулы горят почти без дыма и золы. С выходом всего комплекса производства на проектную мощность к 2018 г. предприятие сможет перерабатывать до 90 тыс. тонн низкосортной древесины, отходов деревопереработки и выпускать 25 тыс. тонн готовой продукции в год [3].

Первый шаг на пути избавления региона от мусора был сделан еще в 2008 г., когда был запущен завод по транспортировке и захоронению отходов в Новокузнецке. В 2010 г. он принял на утилизацию 114 тысяч тонн ТБО.

В Кемеровской области проводится работа по снижению выбросов метана. На сегодняшний день в проектах дегазации и утилизации метана участвуют 9 угольных компаний, на которых проработаны технические проекты утилизации этого газа, а на ряде угольных шахт метан используется для получения тепловой и электрической энергии. За период 2008 – 2009 гг. утилизировано около 1,5 млн кубометров метана, при этом выработано около 5,5 тыс. МВт электрической энергии, из которых 3,3 тыс. МВт использовано на собственные нужды предприятия.

Также можно отметить, что в целях стимулирования производства и применения экологически безопасных видов топлива в Кемеровской области используется природный и сжиженный нефтяной газ в качестве альтернативного вида моторного топлива. На сегодняшний день в качестве моторного топлива сжиженный нефтяной газ используют пассажирские автотранспортные предприятия таких городов, как Белово, Ленинска-Кузнецкого, Кемерово (ПАТП-3), Тяжинского района.

Одним из наиболее эффективных в системе мер по охране воздушного бассейна от загрязнения вредными веществами является направление по экологизации технологических процессов и оптимизации размещения источников загрязнения.

Экологизация технологических процессов заключается в создании замкнутых технологических циклов и вводе в технологический цикл безотходных и малоотходных технологий, которые исключают или снижают попадание в воздух вредных веществ.

Такое направление природоохранных мероприятий предусматривает также создание непрерывных технологических процессов, замену угля и мазута на природный газ и т. п.

В комплекс мер защиты атмосферы включаются также мероприятия по рациональному размещению источников загрязнений. К ним относится вынесение промышленных предприятий в малонаселенные районы с непригодными для сельскохозяйственного использования землями. При этом взаимное расположение предприятий и населенных пунктов определяется по средней розе ветров теплого периода года. Промышленные объекты должны располагаться за чертой населенных пунктов и с подветренной стороны от жи-

лых массивов, чтобы выбросы уносились в сторону от жилых кварталов.

Учитывается расположение промышленных предприятий с учетом топографии местности и розы ветров. Здания и сооружения промышленных предприятий размещаются по потребностям производственного процесса. При недостаточном расстоянии между корпусами загрязняющие вещества могут накапливаться в межкорпусном пространстве, которое оказывается в зоне аэродинамической тени. Цехи, выделяющие наибольшее количество вредных веществ, следует располагать на краю производственной территории со стороны, противоположной жилому массиву. К мероприятиям по рациональному размещению источников загрязнений также относится рациональная планировка городской застройки.

Рассеивание вредных веществ отведением выбросов на большую высоту и устройством санитарно-защитных зон также является важным направлением деятельности по снижению загрязнения атмосферы.

Очистка воздуха от загрязняющих веществ требует больших затрат. Не для всех выбросов разработаны способы очистки. Пока еще нет рентабельного способа очистки от сернистого ангидрида и окислов азота уходящих дымовых газов тепловых электрических станций. В приземном слое атмосферы вблизи крупных энергетических установок и других предприятий содержание вредных веществ в отходящих газах нередко превышает ПДК.

В этих случаях загрязненные выбросы отводят на большую высоту. Выбрасываемые вещества, достигая приземного пространства, рассеиваются, их концентрации снижаются до ПДК, а некоторые из них на большой высоте могут менять свое состояние (конденсируются, вступают в реакции с другими веществами и т. п.). Например, пары ртути осаждаются на поверхности земли, листве, строениях и при повыше-

нии температуры снова испаряются в воздух. Наиболее распространено отведение на большую высоту загрязняющих веществ с помощью труб.

Как видно из вышеизложенного, утилизация отходов в регионе остается сложной проблемой и ее решение не произойдет в самое ближайшее время. Требуется перевод промышленности из угледобывающей в перерабатывающую, для этого необходимо много времени и усилий, развитие экологического мышления специалиста. Решение этой проблемы связано с формированием личности специалистов, молодежи, ориентированной на экологически безопасный способ жизнедеятельности человека. Введение курса «Экология» в учебные учреждения, в том числе и в вузы, способствует развитию экологической культуры молодежи. В преподавании экологии упор делается не на социальном аспекте экологического развития, а на биологическую экологию. Такой подход становится менее эффективным не только из-за возросшей роли антропогенного фактора, но и не вызывает интереса у студентов гуманитарного вуза к экологической проблематике. Если учитывать специфику вуза, то для гуманитарных институтов более интересной и значимой становится социальная экология, чем биологическая.

Критерием формирования экологически ориентированной личности (*homo ecologicus*) должно быть понимание того, что экология – это понятие шире экономики и ее развитие обеспечит эффективное решение многих социально-экономических проблем.

Жизнь человека – это тот путь, который он сумел сконструировать в процессе всей своей жизнедеятельности. Экология предлагает человечеству путь сбалансированного развития людей в окружающей среде, позволяет сохранить место обитания человека, более «мягкий» способ жизнедеятельности по отношению к природе, «мягкую дорогу» [10].

Литература

1. Баранов Г. С., Баранова Н. А. Рынок и этика: К проблеме интерактивности рыночно-экономического и этического сознания. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 183 с.
2. Высокие показатели в ущерб безопасности недопустимы // Стандарт качества. 2011. № 24 – 25.
3. Дайджест. № 18. 2015. С. 50. Режим доступа: <http://www.kemrsl.ru>
4. Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности (Научный и социальный аспекты). М.: Международные отношения, 1981. 240 с.
5. Кастров С. Зола оставит Кузбасс без электричества? // МК в Кузбассе. 2014. № 49 (908). 3 – 10 декабря. С. 8.
6. Райнеш Е. Стабильная напряженность или напряженная стабильность // Кузбасс. 2011. 10 марта. С. 39.
7. Угляница А. В. О разработке технологии экологической ликвидации горных выработок шахт Кузбасса // Материалы Второго молодежного экологического форума. Кемерово: КузГТУ. 2014. С. 318 – 321.
8. Федотенко Н. А. Проблемы управления негативным воздействием на окружающую среду при добыче угля открытым способом. Актуальные решения // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 64 – 66.
9. ЭКО-бюллетень ИнЭКА № 6(137), ноябрь 2009 – январь 2010 года. Режим доступа: <http://ecokem.ru/biblioteka>
10. Alt F. Das ökologische Wirtschaftswunder. Berlin. 2001. 167 с.

Информация об авторе:

Сигарева Елена Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. В. Г. Плеханова, elenasigareva@mail.ru.

Elena V. Sigareva – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Humanities, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2015 г.

РИТМИКА ПРИРОДЫ В МЕТАФИЗИКЕ СВ. АВГУСТИНА

А. А. Тащиан

NATURAL RHYTHMS IN ST. AUGUSTINE'S METAPHYSICS

A. A. Tashchian

Материал статьи подготовлен в рамках проекта «Метафизика ритма Аврелия Августина», грант РГНФ № 13-03-00038.

Проводится историко-философская реконструкция концепции природной ритмики Аврелия Августина на материале его сочинений «О музыке», «Об истинной религии», «О граде Божием» и «Двенадцати книг о Бытии буквально». Для восстановления структурных лакун его концепции привлекается конгениальный текст трактата «О музыке» неоплатоника Аристиды Квинтилиана. В качестве методологического основания реконструкции используется классическая концепция философии природы, разработанная Г. В. Ф. Гегелем, каковая позволяет раскрыть ритмику природы в последовательных аспектах механики, физики и органики. В результате проведенной реконструкции выявляется метафизическая направленность августиновской концепции, характерная для античной философии в целом. Ее наиболее заметный симптом заключается в том, что специфическая ритмика более развитых сфер природы – физической и органической – утрачивает свое отличительное значение: ритмическая определенность физических стихий (земли, воды, воздуха и огня), а также растительного и животного царств органической природы редуцируются к наиболее абстрактной области – к «небесной» механике – как к «чистой» форме воплощения числовых (ритмических) отношений в природе. Полученные выводы важны для понимания античной метафизической традиции в целом.

The paper presents a historico-philosophical reconstruction of St. Augustine's conception of natural rhythmic accomplished on the material basis of the treatises "On Music", "On True Religion", "The City of God", "The Literal Meaning of Genesis". To restore structural lacunas in St. Augustine's conception the congenial Neoplatonic text of Aristides Quintilianus' treatise "On Music" is engaged. The methodological paradigm of the reconstruction is Hegel's classical conception of philosophy of nature permitting to reveal natural rhythmic in its consecutive aspects of mechanics, physics and organics. The reconstruction displays the metaphysical trend of St. Augustine's thought, characteristic of ancient philosophy in general. Its most conspicuous symptom consists in the fact that the specific rhythmic of the more developed spheres of nature – physical and organic – is deprived of its self-dependent significance: the rhythmic determinacy of physical elements as well as that of the region of vegetation and animals is reduced to the most abstract stratum – that of celestial mechanics – as the "pure" form of the realization of numerical (rhythmical) correlations in nature. The achieved results are important for comprehensive understanding of the antique metaphysical tradition as a whole.

Ключевые слова: Августин, ритм, природа, механика, физика, органика, метафизика.

Keywords: St. Augustine, rhythm, nature, mechanics, physics, organics, metaphysics.

Метафизическая концепция ритма Аврелия Августина, развитая им главным образом в его эстетическом трактате «О музыке» (*De musica*), притягательна для историка философии уже потому, что она представляет собой замечательную иллюстрацию того, как в сознании позднеантичной культуры происходило онтологическое восхождение от конечного бренного мира в область нетленных сущностей. Тот знаменательный факт, что это восхождение делалось по «лестнице» ритмов, объясняется своеобразием латиноязычного концепта *numerus*, сочетающего в себе определенность как чувственной стороны ритмики, так и ее интеллектуальной числовой субстанции, отчего он был как раз тем самым средним термином, в форме которого дух совершал свой метафизический подъем. Однако тогда как ритмика «души» в августиновской доктрине изучена более чем обстоятельно, метафизическая иерархия природных ритмов до сих пор оставалась «на задворках» исследовательского внимания, хотя следует признать, что логически требуется начинать движение вверх в этой области именно с ее реконструкции.

Для того чтобы это движение в научном рассмотрении имело прочный онтологический фундамент, необходимо отталкиваться от исходных категорий философии природы – пространства и времени, лежа-

щих в основании ее первой сферы – механики, – и, выявляя ее диалектику, направляться далее к более конкретным областям физики и органики. Вспомним, что в их классическом понимании время выступает в качестве истины пространства, так как пространство само становится временем, ибо в последнем снимается негативность первого как вообще определенного [2, с. 48]. Но поскольку удерживаемые вместе во времени противоположные моменты пространства снимают себя, то время в свою очередь оказывается впадением в безразличие, во внеположность, или пространство. А так как пространство посредством тотальной отрицательности времени перестает быть только внеположностью и становится внутренне конкретным, то возникает категория *места*. Наконец, место, также взятое в определенности, есть своя негативность, другое место, и следовательно, переход. Это прехожжение и новое возникновение пространства во времени и времени в пространстве есть *движение* [2, с. 55, 56]. Теперь посмотрим, как эти натурфилософские категории определены в августиновской ритмике природы.

Начнем с того, что в античности была хрестоматийной дефиниция музыки как науки правильной размеренности (*musica est scientia bene modulandi*). Характерно, что ритмическую «модуляцию», т. е. размерива-

ние, Августин поясняет механическим принципом *движения*, отчего дополняет музыку определением науки правильного движения (*scientia bene movendi*). Таким образом, для него в предмет музыки входит изучение соотношений движений [3, Col. 1082–3]. Нам, впрочем, понятно, что движение, каким бы «правильным» оно ни было в той или иной особенной форме, должно занимать определенную ступень в иерархии природы. При этом необходимо осознавать, что в зависимости от того, насколько логически развит соответствующий уровень природы, настолько, следовательно, оказывается ритмичным и движение в его плоскости.

Наиболее абстрактную — «механическую» — определенность природных ритмов мы находим в тех, что Августин называет «временными» (*temporales numeri*) и «ритмами места» (*locales numeri*). Следует, правда, признать, что августиновское толкование этих форм ритмики не вполне связно и не соответствует их логической определенности. Проблема в том, что Августин убежден, что «временные ритмы» должны предшествовать «ритмам места» (*locales numeros temporales numeri antecedant necesse est*). Он аргументирует свою точку зрения тем, что, к слову, нет такого вида растения, которое бы определенными мерами времени не замещало семя и пускало корни, ростки, не стремилось к небу, не развевало листья, не крепло, не приносило плод или же снова семя [3, Col. 1192]. Это может показаться небезосновательным при первом приближении, ведь категория времени логически предшествует категории места. Однако то, что Августин употребляет выражение «временные ритмы» в «чистом» значении понятия «время», представляется необоснованным. Камень преткновения видится в том, что у него речь идет не об абстрактном, или чистом, времени, а о сфере конечного, преходящего, а потому временного как временного. Кроме того, в его трактате «О музыке» напрочь отсутствует выражение «пространственные ритмы», которое должно быть комплементарным по отношению к «временным ритмам», поскольку «чистое» время имеет своей предпосылкой «чистое» пространство. Правда, британский теолог К. Пиксток, занимаясь метафизикой ритма у Августина, желала показать, что с его точки зрения вся пространственная реальность (*spatial reality*) постоянно порождается из чего-то, не имеющего протяжения, т. е. силой, существенно чуждой этой пространственной реальности. Но она ошибочно не различает в его концепции «пространственные ритмы» и «местные» [6, p. 248]. Следовательно, когда сам Августин говорит о «временных ритмах» дерева как таких, которые предвещают его «местные», то для нас очевидно, что в виду имеется совсем другой аспект, а именно то, что логическое (сущностное) логически же предшествует своей реализации, есть «до» нее. Кстати, эта же мысль высказывается Августином в другом месте и безотносительно к особенной определенности конечного: «Красота, изменяющаяся лишь во времени, предшествует той, что изменяется и во времени и в определенном месте» (*prior est species tantummodo tempore commutabilis, quam ea quae et tempore et locis*) [3, Col. 1186].

В трактате «О музыке» обнаруживается еще одна схожая по смыслу ситуация с употреблением оппозиции «временных» и «местных» ритмов. Так, Августин говорит, что все, что мы перечисляем с помощью плот-

ского ощущения, может, как представляется, удержать и воспринять ритмы места в некотором состоянии покоя, если только временные ритмы, пребывающие в движении, внутренним образом и в тишине не предшествуют им (*locales numeros qui videntur esse in aliquo statu, nisi praecedentibus intimis et in silentio temporalibus numeris qui sunt in motu*) [3, Col. 1192]. В отношении сказанного опять-таки нужно заметить, что если в приведенном отрывке «временные ритмы» оказываются логическим предшествованием (а никакого другого «пространственного» или «временного» предшествования здесь быть не может), то тогда тем более Августину следовало бы задуматься о «пространственных ритмах» (*spatiales numeri*), каковых он, однако, не вводит. Наконец, та же проблематика очевидна в пассаже из сочинения «Об истинной религии», где он говорит о якобы бестелесных ритмах, проникающих во все живое и «не имеющих объема» (*sine tumore*), которым «следует удивляться более, чем тем, что в теле» (*magis ibi mirandi sunt quam in corpore*) [4, Col. 158]. Между тем требуется заключить, что до своей реализации логического еще нет, т. е. что логическое как именно логическое возникает лишь «после» (т. е. в духе).

Как бы то ни было, мы не находим у Августина серьезного внимания к этой еще только «конечной механике». Это понятно потому, что, как и вся античность, ритмичным и размеренным в собственном смысле слова гиппонский епископ признавал такое движение, которое проявлялось как совершенное целое, как такое, о котором говорится, что оно «как бы господствует» (*quasi dominari*), ибо оно свершается ради себя самого (*propter se ipse*) [3, Col. 1084]. Главным выражением подобного движения в природе является «небесная механика». Нам хорошо известно, что она образует одну из ведущих тем античной, средневековой и новоевропейской музыкальной рефлексии. Вдохновляясь ею, неоплатонический «музыколог» Аристид Квинтилиан указывал, что «и в теле вселенной есть явная парадигма музыки» (*Ἔστιν οὖν καὶ τῷ τοῦ παντὸς σώματι παράδειγμα μουσικῆς ἐναργές*), причем «поэты, движимые этим музыкальным ветром, постоянно воспевают его как хор звезд» (*ποιῶσι μὲν γὰρ ταύτην πνοῇ κινούμενοι μουσικῇ διὰ παντὸς ἄδουσιν ἄστρον χορὸν ἐπνομαζόντες*) [1, s. 119]. Сходную мысль высказывает и Августин, утверждая, что все временное подражает неизменной вечности. Это подражание «выражается в обращении неба, которое заставляет вернуться небесные тела к прежнему положению и в смене дней, месяцев, годов, пятилетий и круговом движении звезд подчиняется законам равенства, единства и упорядоченности». В конце концов по поводу всей этой абсолютной механики Августин вдохновенно заключает, что она по своей ритмической последовательности складывается в своеобразное стихотворение вселенной (*orbes temporum suorum numerosa successione quasi carmini universitatis associant*) [3, Col. 1179].

Дальнейший процесс природной ритмики с логической точки зрения заключается в том, чтобы небесная гармония проявилась в каждом определенном существовании, чтоб она реализовалась как развитая самостоятельность «подлунных» формообразований. Это значит, что ритмика должна перестать быть опре-

делением, механическим образом оформляющим материю, каковая остается внутри себя равнодушной к своей форме. Ведь воплощение формы в материи подлинно лишь тогда, когда материальное само порождает из себя свою форму, осуществляя ее как внутренний принцип. Отсюда и возникает необходимость перехода из области «механики» ритма в его «физику», где всеобщая ритмика наличествует как собственная определенность особенного.

Правда, в физическом отношении Августин не столь содержателен. С одной стороны, это можно объяснить тем, что эмпирическая наука в античности оставалась неразвитой. С другой стороны, подобное историческое толкование явно недостаточно, потому что древние мыслители все-таки умели генерировать более развитые идеи о других природных областях, а точнее – о механике и об органическом мире. Полагая, что ответом на вопрос о том, почему именно в физической области обнаруживаются у них наиболее заметные лакуны, является следующее гегелевское соображение. По мнению немецкого классика, раздел физики в философии природы наиболее труден, так как в нем рассматривается конечная телесность. Его проблемность состоит в том, что логическое в нем уже не налично непосредственно, как в механике, но при этом еще не просвечивается как реальное. «Здесь, – как утверждает философ, – понятие скрытно; оно проявляется только как скрепляющая связь необходимости, в то время как являющееся выступает как лишенное понятия» [2, s. 110]. В этой физической «сокровенности» логического античность схватывала лишь ритмику известных ей природных стихий – земли, воды, воздуха и огня.

Августин также в шестой книге трактата «О музыке» счел уместным упомянуть эти стихии. В одном аспекте он заговаривает о них как о том, что составляет субстрат различных органических образований. В другом – важном для нас своей логической характеристикой – он замечает об элементах как о бытии, обнаруживающем себя тождественным со своей определенностью. Тем самым Августин делает выпуклой упомянутую «скрепляющую связь необходимости», в форме которой в физике утверждается ритмика. Так, например, африканец констатирует, что даже земля, которая с традиционной точки зрения и его собственной представляет собой низшую природную стихию, все же обладает общей (с другими элементами) телесной красотой, в которой угадывается и определенное единство, и присутствие ритмов и упорядоченности (*generalem speciem corporis habet, in qua unitas quaedam et numeri et ordo esse convincitur*) [3, Col. 1192]. Более того, высказываясь об этой природной стихии, Августин с необходимостью признает, что если землю лишить этой внутренней соразмерности (*corrationalitas*), то она утратит свою субстанциальную определенность, так что «ничего не останется» (*nihil erit*) [3, Col. 1192]. Это, несомненно, свидетельствует о том, что земля имеет свое бытие именно в своей ритмической форме, и вовсе не безразлична к ней. Сказанное Августином о земле тем более существенно для остальных элементов. Если уже земля по своей красоте как видовому определению (*species*) обнаруживает свойственное ей единство, так как любая часть ее выражает природу целого, а значит, как

поясняет мыслитель, удерживает прочность в соединении и согласованности своих частей, то в еще большей степени это касается водной стихии, ибо в иерархии элементов она стоит выше земли [ритмы воды в представлении гиппонца прекраснее, так как более «видны» (*speciosior*), т. е. более эстетичны, в силу большего подобия частей и удержания порядка и связности]. Далее, подобно тому, как соотносится с землей вода, с водой соотносится воздух. Его природа еще более прекрасная и «видная» по причине того, что его части еще больше стремятся к единству [3, Col. 1192]. Об элементе огня, впрочем, в трактате «О музыке» в особенности ничего не сказано. Однако в таких августиновских сочинениях, как «О граде Божиим» [5, Col. 230] и «Двенадцать книг о Бытии буквально», мы находим традиционное античное представление о четырех природных стихиях с той же традиционной иерархией, сообразно с которой «чистый огонь выше воздуха» (*super aerem purus ignis esse*) [4, Col. 265]. Поэтому мы убеждены, что, с точки зрения Августина, должна соблюдаться та же пропорция в отношении огня к воздуху, что и в отношениях каждого последующего элемента к предшествующему.

Впрочем, теперь стоит внимательно присмотреться к тому, что в августиновской классификации *физических* стихий делает ее *метафизической* в собственном смысле. В трактате «О музыке» огонь называется элементом, «высшем в этом роде красоты» (*summa in hoc genere species*) [3, Col. 1192]. Его существенным признаком является то, что он являет собой «высчайший оборот», которым охватывается вся видимая вселенная [3, Col. 1192]. Однако из этого следует, что природные стихии выстраиваются в иерархию отнюдь не в зависимости от того, насколько они становятся конкретнее в своей физической определенности, а совсем напротив, в соответствии с тем, насколько они ее лишены. Ясно, что принципом их построения оказывается их «дистилляция» до уровня «чистой механики». Именно поэтому земля, которая с логической точки зрения определяется как индивидуализирующий элемент, как целостность, скрепляющая остальные стихии в единство [2, s. 142], получает в августиновской интерпретации уничижительный статус самого презренного элемента (*Quasi vero quidquam sit in eis vilius et abjectius quam terra est*) [3, Col. 1192]. Это означает, что для Августина как античного мыслителя настоящая ценность конечного остается нераскрытой.

Более сложной и развитой формой природного, нежели физика, является органика. В отличие от предшествующих форм, органическое как живое есть положенность различий логического как реальных же. Вместе с тем органическое есть в той же мере их отрицание как различенных лишь реально. Дело в том, что в живом идеальная субъективность понятия подчиняет реальность, отчего телесность проникается этой идеальностью как одушевлением и проявляет логическое. Хотя само органическое начинается логически с геологии, каковая составляет всеобщую структуру жизни, у Августина этот раздел природной ритмики не находит своей реализации. Поэтому для полной реконструкции картины природной ритмики мы решили привести положения Аристиды Квинтилиана, музыкальная концепция которого в этом аспекте родственна августиновской. В процессе жизни

Земли этот неоплатоник выявляет музыкальную определенность атмосферного и морского процессов, какковые свидетельствуют о том, что земная жизнь «симпатична» небесному миру и идет с ним «нога в ногу». К числу подобных аргументов относятся также времена года, климатическое разнообразие, океанические течения и многое другое [1, s. 105]. Наиболее же примечательно в размышлениях Аристиды следующее: подобно тому, как пифагорейцы причисляли определенную геометрическую фигуру каждой из стихий, он каждому времени года назначает определенное число. Так, весна в качестве «воздушного» числа получает восьмерку; лето из-за жары получает число огня – четверку; осень из-за сухости – шестерку как число земли; а зима из-за влажности – двенадцать как число воды. Таким образом, по Аристиду, между временами года складываются музыкальные пропорции. Отношение весны, например, к осени составляет кварту, к зиме – квинту, к лету – октаву [1, s. 119].

Но, конечно же, самая «звучная» ритмика раскрывается в растительной и животной природе. Если говорить о геологическом мире, то его особенности, «члены» пребывают сущими для себя только формально. Дело в том, что геологическое целое как их субъект не рефлегирует обратно из них в себя, отчего его процесс для него самого остается внешним. Растительный же мир, напротив, развивает свои особенности так, что они сами становятся субъектами. В нем поэтому нужно видеть начало органической рефлексии, хотя в этой множественности субъектов и в их внеположности друг к другу еще не осуществлено возвращение в себя как в единый субъект, как в целостность, сохраняющуюся для себя в своих частях. Этим сущим для себя в своей расчлененности субъектом является животное. То, что каждый его член, заключая в себе целое и будучи субъектом, не остается абстрактно самостоятельным, а находится в субъективной связи целого, образует его развитую субъективность – одушевленность.

В книгах «О музыке» Августин отмечает «первобытную» субъективность жизни, обнаруживаемую в деревьях и в остальных растениях (*in arboribus atque stirpibus caeteris*), а также в вегетативных частях животного организма (костях, волосах, ногтях) [3, Col. 1171]. По его мнению, эти растительные формы содержат «сокровеннейшие ритмы» (*occultissimis numeris*) [3, Col. 1192], посредством которых осуществляется их жизненный процесс. Мы полагаем при

этом, что «сокровеннейшими» их следует считать не столько потому, что они составляют субстанциальность органической деятельности, сколько потому, что в них еще не явлена себе самой ритмика организма как целого. Поэтому Августин находит необходимым ставить эти ритмы ниже не только разумной жизни человека, но и ниже жизни животных [3, Col. 1171]. Животная ритмика превосходна по сравнению с растительной потому, что в животных телах расположение членов с большим разнообразием раскрывает их ритмическое равенство (*intervalla membrorum numerosam parilitatem multo magis aspectibus offerunt*) [3, Col. 1192]. Правда, поскольку этот аргумент касается лишь внешности живого существа, он остается еще формальным. Ведь в таком сопоставлении большая ритмичность животного остается механическим отношением, в котором его моменты равнодушны друг к другу, а потому в своей особенности не обнаруживают субъективности целого. Справедливости ради нужно признать, что у Августина есть другой аргумент, вскрывающий проблему с существенной стороны. Сравнивая в одном из пассажей растительный и животный миры, он указывает, что первый отличается высшей степенью *непроницаемости* (*summa stoliditate*). «Непроницаемость» означает здесь, конечно же, отсутствие ощущения, между тем как последнее и есть та форма тотальности живого, в которой его ритмика не только осуществляется вовне, получая наличное бытие, но существует также и для себя, т. е. субъективна. Именно в ощущении ритмика природного вполне воплощает свою одушевленность и, следовательно, обеспечивает переход в следующую форму, в которой она проявляется уже как знающая себя, как дух. Ритмика последнего, однако, – предмет другого исследования.

В заключение проведенной реконструкции августиновской концепции природной ритмики резюмируем, что она, во-первых, воспроизводит в себе логику процесса природы, состоящего в последовательных формообразованиях механики, физики и органики, а во-вторых, выявляет свой метафизический характер, обнаруживающийся, прежде всего, в сведении физической (и, стало быть, определенной ею органической) ритмики к «чистой» механике, которая, будучи наиболее абстрактной по отношению к конечной природной определенности, является, с точки зрения гиппонца, наиболее адекватной формой воплощения числовых (или ритмических) отношений в природе.

Литература

1. Aristidis Quintiliani de Musica libri tres. Leipzig: Teubner Verlag, 1963.
2. Hegel G. W. F. Werke: in 20 Bänden mit Registerband. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1986. Bd. 9.
3. Patrologiae cursus completus: Series Latina / J.-P. Migne. Parisiis, 1877. T. 32.
4. Patrologiae cursus completus: Series Latina / J.-P. Migne. Parisiis, 1887. T. 34.
5. Patrologiae cursus completus: Series Latina / J.-P. Migne. Parisiis, 1900. T. 41.
6. Pickstock C. Music: Soul, City and Cosmos after Augustine // Radical Orthodoxy: A New Theology / ed. by J. Milbank, C. Pickstock, G. Ward. London, New York: Routledge, 1999.

Информация об авторе:

Ташчян Андрей Артемович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Кубанского государственного университета, Краснодар, tashchian@kubsu.ru, www.tashchian.ru.

Andrey A. Tashchian – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Kuban State University.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2015 г.

ДУША РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В «СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ»

Л. П. Типикина

THE SOUL OF THE RUSSIAN CULTURE IN THE "SILVER AGE"

L. P. Tipikina

В статье исследуется своеобразие души русской культуры на рубеже XIX – XX вв. Анализируются дефиниции «душа», «душа культуры», «душа русской культуры». Рассматриваются особенности души русской культуры, выделяемые в философских произведениях О. Шпенглера, Н. Бердяева, И. Ильина; и в поэтических текстах С. Есенина, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилёва, М. Волошина, Б. Пастернака, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, В. Набокова, А. Ахматовой, К. Бальмонта. Душа русской культуры «серебряного века» многослойна, противоречива, многовекторна, неоднозначна. Ей свойственны как христианское смирение, так и языческое буйство; как безоглядная устремлённость в будущее, так и желание не потерять связь с «корнями»; как стремление к вечному, подлинному, так и растворение в мимолётном, иллюзорном; как обострённое чувство несправедливости, так и потеря нравственных ориентиров; как стремление к вселенской гармонии, так и тяга к стихийной деструкции.

The paper the uniqueness of the soul of the Russian culture at the turn of the 19th – 20th centuries. The author analyses of the definition of 'soul', 'soul culture', 'the soul of the Russian culture' and discusses the features of the soul of the Russian culture allocated in the philosophical works of O. Spengler, N. Berdyaev, I. Ilyin; and in poetic texts by S. Esenin, V. Brusov, A. Block, N. Gumilev, M. Voloshin, B. Pasternak, M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, F. Sologub, V. Nabokov, A. Akhmatova, K. Balmont. The soul of the Russian culture of the Silver Age is layered, contradictory, megaventory, ambiguous. It is characterized as Christian humility and pagan riot; as unconditional focus on the future and the desire not to lose touch with the 'roots'; the pursuit of the eternal, authentic, and dissolution in a fleeting, illusory; as a heightened feeling of injustice and the loss of moral values; as the quest for universal harmony and desire for natural degradation.

Ключевые слова: душа, культура, душа культуры, душа русской культуры, «серебряный век», философия, поэзия, противоречивость, христианское, языческое, вечное, мимолётное, божественное, человеческое, гармоничное, деструктивное.

Keywords: soul, culture, soul of culture, soul of the Russian culture, 'Silver Age', philosophy, poetry, contradictions, Christian, pagan, eternal, fleeting, divine, human, harmonious, destructive.

О. Шпенглер даёт определение культуры как символически выраженной смысловой целостности, в которой реализует себя душевная жизнь; культура – это форма ("язык", "образ"), объективация, "тело" души [18 с. 110, 258]. В основании культуры пребывает душа, предстающая «чувствилицем» (Аристотель), совокупностью религиозных, нравственных и эстетических переживаний. О. Шпенглер включает в научный оборот дефиницию "душа культуры", определяя её как "первообраз культуры", "освобожденный от всего затемняющего и незначительного" и лежащий в её основе [18, с. 167, 170]. Под «душой культуры» понимается нечто нематериальное, но запечатленное в особенностях живописи, музыки, архитектуры, поэзии, научного мышления. Она представляет собой "целостный микрокосм", стремящийся к самоосуществлению. Актуализируясь, «душа культуры» взаимодействует с трансцендентным. «Душа культуры» выражает себя через отношение к Богу, прошлому, смерти, космосу и месту человека в нём. В ней сфокусировано своеобразие человеческой жизни, ей свойственны целостность, процессуальность, открытость, творческий порыв, самораскрытие через символы исторической эпохи [11, с. 47 – 48].

К проблеме своеобразия «души» русской культуры на рубеже XIX – XX вв. обращались многие мыслители. Так, по мысли О. Шпенглера русская душа

«нравственно возвышает себя любовью к ближнему», не превозносит себя, не стремится к доминированию [18, с. 368, 489]. Она находится в стадии формирования, в мучительном творческом поиске; ее прасимволом является бесконечная равнина, выраженная в «мягких», округлых, «луковичных» куполах церквей; отсюда необъятность, безграничность, мягкость русской души.

Н. А. Бердяев обосновывает идею «антиномичности» русской души, которой свойственна огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. «Русский народ не был народом культуры... он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [3, с. 5]. Душе русской культуры свойственен «универсализм, всечеловечность, эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [3, с. 6]. В России преобладает женское начало, связанное с культом земли-матери и Богоматери. Для русской души характерна соборность, «единение людей между собой и всех вместе – с церковью». Человек – не самодостаточен, не должен замыкаться в самом

себе, ему необходим выход за собственные пределы – трансцендирование.

И. А. Ильин видит особенности души русской культуры в «мечтательном сердечном созерцании», в «духовной одаренности», делавшей душу щедрой, доброжелательной, отзывчивой на «чужую» боль. В русской культуре творящим актом является «сердечное видение и религиозно совестливый порыв»; она построена «на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы» [10, с. 180]. От природы русскому дана склонность к созерцанию, философскому вчувствованию реальных и духовных черт мира.

Особенности души русской культуры, зримо проявившиеся на рубеже XIX – XX вв., нашли глубокое выражение в поэзии. Для поэзии «серебряного века» (символистов, прежде всего) безграничность, бездонность внутреннего мира человека стала настоящим откровением. Поэзия заговорила голосом «мировой души», несущей в себе гармонию истины, добра и красоты: «...Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом» [7, с. 46]. Или: «...Ибо путь комет – / Поэтов путь. Развешенные звенья / Причинности – вот связь его! / Кверху лбом – / Отчаяйтесь! Поэтов за-тмения / Не предугаданы календарем...» [17, с. 34]. Поэзия «серебряного века» «открыла» нераздельность души человека как микрокосма и вселенной как макрокосма, сосредоточившись на неуловимых переходах-перетеканиях между ними: «...Адам был миром, мир же был Адам. / Он мыслит небом, думал облаками, / Он глиной плотствовал, растеньем рос, / Камнями костенел, зверел страстями, / Он видел солнцем, грезил сны луной, / Гудел планетами, дышал ветрами, / И было все – вверху, как и внизу – / Исполнено высоких соответствий...» [6, с. 81]. Эти же вселенские чувства русской души выразил Б. Пастернак: «И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье – лишь страсти-разряды, / Человеческим сердцем накопленные» [14, с. 72].

Это мироощущение не является особенностью только рубежа веков, оно выражалось и раньше, в частности, в творчестве Ф. И. Тютчева, которого А. Блок называл одним из предтеч русского символизма. «О вещая душа моя! / О сердце, полное тревоги, / О как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. / Так, ты – жилища двух миров...» [16, с. 57]. Но Ф. И. Тютчев только подступил к той бездне, в которой «хаос шевелится» и, ужаснувшись тому, что «нет преград меж ей и нами», завещал поэтам: «О, страшных песен сих не пой...», «О, бурь уснувших не буди...» [16, с. 91, 93]. Символисты же бесстрашно погрузились в эту бездну, черпая вдохновение из ее таинственных глубин, сквозь которые бытие представало как бесконечный поток, струение энергий. Эти энергии преображали все, к чему бы ни прикоснулась поэзия, выражая вечное устремление души к «несказанному», «нездешнему»: «...Чтобы сквозь сны бытийственных мечтаний, / Сбивающих с пути, / Сознаньем несказанных очертаний, / Как с факелом, пройти» [4, с. 45]. «О, я хочу безумно жить: / Все

сущее – увековечить, / Безличное – вочеловечить, / Несбывшееся – воплотить!..». [4, с. 88]. «...И снежные брызги влача за собой, / Мы летим в миллионы бездн... / Ты смотришь все той же пленной душой / В купол все тот же – звездный...» [4, с. 81].

Душа русской культуры «серебряного века» чувствует своё инобытие, родственную связь с трансцендентной реальностью, ностальгически влекущей к себе. «Так ринемся скорей из области томленья – / По мановению эфирного гонца – / В край, где слагаются заоблачные звенья / И башни высятся заочного дворца!..» [12, с. 36] «В хрустальный шар заключены мы были, / И мимо звезд летели мы с тобой, / Стремительно, безмолвно мы скользили / Из блеска в блеск блаженно-голубой. / И не было ни прошлого, ни цели; / Нас вечности восторг соединил; / По небесам, обнявшись, мы летели, / Ослеплены улыбками светил» [13, с. 45].

В стремлении постичь «тайну сущего», уловить, запечатлеть незримые нити, связующие микро и макрокосм, поэты избирают «местом встречи» двух миров Слово – и в его трансцендентной ипостаси (Слово-Логос), и как язык общения души человеческой с «душой мира». Именно Слово способно к выражению «несказуемого» смысла, именно оно стало многозначным посланием, духовной тайнописью, беспредельной в своем значении: «О, есть неповторимые слова, / Кто их сказал – истратил слишком много. / Неистощима только синева / Небесная и милосердье Бога» [1, с. 19].

Россия – страна Слова, но не любого, не слова вообще, а слова правдивого, праведного, совестливого, одухотворенного. Для России Слово – это колокол, будящий души; горная птица, прилетающая в мир дольний и забирающая с собой; «лестница», по которой можно добраться до Бога. Слово – теургичнее, чем дело, так как оно непосредственно взаимодействует с духовной реальностью. Оно – проводник, связующий души людей, непосредственно воздействующий на сущностное в человеке. Более адекватным для России «серебряного века» (и не только) является общение с миром на до/сверх/материальном, метафизическом уровне (молитва, звукопись, образ). Для выполнения теургической роли слову не обязательно быть «озвученным», достаточно быть «чистым», не отягощенным материей. Материализуясь (облекаясь в «одежды мира»), слово теряет надмирность, заземляется. Поэтому «мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев). И молитва и стихи – это путь к Великому Предвечному Молчанию. Внутреннего слова для душеделания достаточно. А русская культура – это, прежде всего, культура души. «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города. / ...Но забыли мы, что осияно / Только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это Бог» [7, с. 78].

Жизнь души русской культуры «серебряного века» – бесконечный «поток», устремленный в Беспредельность. Выход в трансцендентное ощущается интуитивно, он, безусловно, существует, но не опреде-

ляется никаким понятием. Мир запредельный неясен, призрак, неуловим, но тем более притягателен – он манит, зовет, чарует, влечет: *«Я мечтою ловил уходящие тени, / Уходящие тени погасавшего дня, / Я на башню всходил, и дрожали ступени, / И дрожали ступени под ногой у меня. / И чем выше я шел, тем ясней рисовались, / Тем ясней рисовались очертанья вдали, / И какие-то звуки вокруг раздавались, / Вкруг меня раздавались от Небес и Земли...»* [2, с. 33]. *«Отворяются двери – там мерцанье, / И за ярким окошком – виденья. / Не знаю – и не скрою незнанья, / Но усну – и потекут сновиденья...»* [4, с. 79]. *«Там, в сияньи ясного Маира, / Все цветет, все радостно поет. / Там, в сияньи ясного Маира, / В колыханьи светлого эфира, / Мир иной таинственно живет...»* [15, с. 86].

Для души русской культуры «серебряного века» характерно космичное мироощущение. Дыхание Вечности трансформирует чувство пространства-времени: жизненное пространство отождествляется с пространством Космическим, где находит свой инобытийный, несущий отклик всего, чем живет человек на земле: *«Есть другие планеты, где ветры певучие тише, / Где небо бледнее, травы тоньше и выше, / Где прерывисто льются / Переменные светлы, / Но своей переменой только ласкают, смеются. / Есть иные планеты, / Где мы были когда-то, / Где мы будем потом...»* [2, с. 16]. Время «исчезает», либо растворяясь в бесконечном полете, либо сжимаясь в мгновение, отражающее в себе все сущее: *«Длятся часы, мировое несущие. / Ширятся звуки, движенье и свет. / Прошлое страстно глядится в грядущее. / Нет настоящего...»* [1, с. 6]. Особенность души русской культуры – устремленность в будущее, для которого настоящее предстаёт лишь «ступенькой». Настоящее ценно только как путь в будущее, тем самым настоящее теряет свою самоценность, а значит... и теряется из виду. Но будущее – некая эфемерность, в которой так легко затеряться. *«...Все говорит о беспредельном, / Все хочет нам помочь, / Как этот мир, лететь бесцельно / В сияющую ночь!...»* [4, с. 33].

С одной стороны, русская душа, будучи редко удовлетворённой настоящим, устремлена в будущее как в спасительную иллюзию отдохновения и воздаяния за слишком частые лишения («Ах, обмануть меня не сложно, я сам обманываться рад», – восклицал ещё А. С. Пушкин). С другой стороны, русская душа стремилась не потерять связь с «корнями». В статье «Быт и искусство» С. Есенин утверждает: «Все, что выходит из человека, рождает его потребности, из потребностей рождается быт, из быта же рождается искусство, которое имеет место в нашем представлении» [8, с. 81]. Местоположение русской души – между аполлоническим и дионисийским; христианским смирением и языческим буйством; миром, созданным Богом, и миром, созданным человеком; между «сладкой» иллюзией и взыскующими «корнями». С. Есенин усматривал важную особенность русской души в «двояком» отношении к действительности, в котором совмещалось наивно-идеалистическое и стихийно-материалистическое представления; уживались два мира: иллюзорный, религиозно-фантастический и

реальный, повседневно-бытовой. На пересечении религиозно-инобытийственного и обыденного сознания и возникло стремление объединить духовный и материальный миры, выразить одно явление через другое.

В трактате «Ключи Марии» поэт несколько раз говорит о «браке землян с небом». «Человек есть не больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей», и наступает время, когда «опрокинутость землян сольется в браке с опрокинутостью неба». Поэтому небо у Есенина – это «голубая трава», «голубая пыль», «небесный песок», «конь, несущий ввысь запряженную землю, алмазная дверь, корова, рожающая золотого телка – солнце, колокол с языком месяца, ведро лазури, пролитое на землю, звездные нива и нажиты, прорастающие колосьями звезд, море, таящее звездный улов», власозвездная глава самого поэта. Поэт чувствовал себя странником, несущим на плечах «нецелованный мир» вселенной. *«Свят и мирен твой дар. / Синь и песня в речах. / И горит на плечах. / Необъемлемый шар! / Закинь его в небо. / Поставь на столпы! / Там лунного хлеба / Златятся снопы»* [9, с. 91].

Мир, по Есенину – это единство человека и космоса. «Нам является лик человека, завершаемый с обоих концов ногами. Ему уже нет пространства, а есть две тверди. Голова у него уже не верхняя точка, а точка центра, откуда ноги идут, как некое излучение» [8, с. 86]. Стремление к вселенской гармонии – важнейшее свойство русской души. Люди, животные, растения, вещи и стихи – дети единой матери – природы. В самой природе «между сосен, между елок, меж берез кудрявых бус» ему «мерещится Иисус» [9, с. 76]. Тот зовет его в «дуброви», что торжественно преображаются («И горит в парче лиловой Облаками крытый лес») [9, с. 112] и сходит на поэта «голубиный дух, Словно огненный язык», пророческое вдохновение, как когда-то благодать на апостолов. Сама природа в многообразии её стихий и тварей сокращается, предстает как храм, как Богоприрода.

В творчестве С. Есенина отразились религиозные сомнения конца XIX – начала XX веков. Размышляя о вселенской гармонии, он верил, что чудесное исцеление родит теперь в деревне еще более просветленное чувство новой жизни. Но воскрешение «забытых знаков» крестьянской жизни оказывалось невозможным, и «новая символическая черная ряса, очень похожая на приемы православия, которое заслонило своей чернотой свет солнца истины», оказалась слишком прочной и куда более черной. Гармония земли и неба, плоти и духа ожидалась в тот же час, когда «пахарь пробьет... окно не только глазком к Богу, а целым, огромным, как шар земной, глазом» [9, с. 116]. После «выплывывания изо рта» тела Христова (Причастия) и лая, обращенного к Богу-Отцу, вместо молитвы, никакого умиротворенного общения с Господом быть не могло. Язычник по своей природе, С. Есенин, жаждавший «рукой упругой повернуть весь мир», принимая на себя миссию апокалиптического ангела, обещал «божество живых» после столетий покаяния молитвы. Он обращался к Всевышнему, прося его не о приятии души в райские кущи, а о со-

шествии Его на грешную землю, дабы смыть с нее всю грязь, нечисть и сукровицу братоубийственного раздора.

Но «не человек – мера вещей, а мгновение...» [5, с. 61]. «Прошлое сброшу, пустую одежду; / Годы – что полки прочитанных книг! / Я это – ты, ныне вскинутый, между / «Было» и «будет» зажегшийся миг» [5, с. 88]. Живя, в большой мере, в мире кажимостей («всё наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы») [5, с. 92], душа русской культуры прорывается в подлинный мир именно в такой миг («Проступить сквозь атласную прорезь / Мига...») [5, с. 116]. Если же этот порыв есть, то происходит взаимообмен между бытием преходящим и бытием вечным, благодаря которому «все мы живём в вечности» [5, с. 93]. Вечность как подлинное время-место обитания не противопоставляется мигу как такому же континуальному по своей природе акту проникновения русской души в область вечного. Миг двойствен: он апеллирует и к вечности, и к личности, воплощая для неё акт самопостижения. В. Брюсов выражает смену

обычной шкалы ценностей на иную, в которой компоненты равнозначимы. С этой точки зрения, получает совершенно особый статус «уравнивание» различных объектов: «Неколебимой истине / Не верю я давно, / И все моря, все пристани / Люблю, люблю равно. / Хочу, чтоб всюду плавала / Свободная ладья, / И Господа и Дьявола / Хочу прославить я» [5, с. 354].

Мы видим, что душа русской культуры «серебряного века» многослойна, противоречива, многовекторна, неоднозначна. Ей свойственны как христианское смирение, так и языческое буйство; как безоглядная устремлённость в будущее, так и желание не потерять связь с «корнями»; как стремление к вечному, подлинному, так и растворение в мимолётном, иллюзорном; как обострённое чувство несправедливости, так и потеря нравственных ориентиров; как стремление к вселенской гармонии, так и тяга к стихийной деструкции... Сложнейшие переживания, происходившие в душе русской культуры, позволяют лучше понять драматизм бурных событий, захлестнувших Россию на рубеже XIX – XX веков.

Литература

1. Ахматова А. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Дрофа, 2003. 368 с.
2. Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. – 421 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 76 с.
4. Блок А. А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. 298 с.
5. Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1961. 261 с.
6. Волошин М. Избранные стихотворения. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.
7. Гумилев Н. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. Вашингтон: Kamkin, 1962. 234 с.
8. Есенин С. Собр. соч.: в 5-ти т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1962. 561 с.
9. Есенин С. Стихотворения и поэмы. М.: Профиздат, 2009. 356 с.
10. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга – XXI век, 2007. 472 с.
11. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. Кемерово, 2012. 424 с.
12. Мандельштам О. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1973. 301 с.
13. Набоков В. Тень русской ветки. Стихотворения, проза, воспоминания. М.: Эксмо-пресс, 2000. 297 с.
14. Пастернак Б. Л. Избранное: в 2-х т. Т. 1. М., 1985. 623 с.
15. Сологуб Ф. Стихотворения. М.: Академический проект, 2000. 680 с.
16. Тютчев Ф. И. Избранная лирика. М., 1988. 322 с.
17. Цветаева М. Молитва. Стихотворения. Харьков: Фолио, 2009. 276 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

Информация об авторе:

Типикина Лариса Петровна – аспирант кафедры философии КемГУ, преподаватель Кемеровского музыкального колледжа, carbinar@mail.ru.

Larisa P. Tipikina – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University; teacher at Kemerovo Music College.

(Научный руководитель: Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Research advisor: Evgeniy F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 31.03.2015 г.

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНФИНИТИЗМ
В СТАНОВЛЕНИИ-РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ**
М. Н. Щербинин, О. В. Захарова

COGNITIVE INFINITISM IN FORMATION-DEVELOPMENT OF HUMAN ESSENCE
M. N. Shcherbinin, O. V. Zakharova

Предметом рассмотрения данной статьи является процесс формирования человечества как духовной целостности и субъекта деятельности. При этом духовное единство связывается с единством сознания, самосознания, обобщения различных потребностей, интересов целей и идеалов. Практическое единство реализуется в общении, в сфере политики, экономики, социального взаимодействия. Рассмотрены познавательные инструменты, с помощью которых происходит становление человечества: мифология, искусство, рациональность. Продемонстрированы основные этапы укрупнения объемов и форм общения. В статье отмечается, что становление новых форм общения сопровождается процессом раскрытия человеческой сущности, осознания человеческого сообщества человечеством. Отмечены особенности современного этапа этого процесса, его противоречия и перспективы. Результаты исследования могут быть использованы в области философской антропологии, социальной философии, глобалистики. В статье продемонстрирована крайняя динамичность становления человечества и прямое присутствие в нем сознания, самосознания и науки. Сделан вывод о том, что прямые перспективы выстраивания человеческого общения зависят от объемов и масштаба обобщения потребностей, интересов, идеалов.

The paper discusses the process of the formation of the humanity as spiritual integrity and subject of activity. Thus the spiritual unity contacts the unity of consciousness, self-consciousness, generalization of various requirements, balance of interests of the purposes and ideals. The practical unity is realized in communication, in the sphere of policy, economy, social interaction. Tools by means of which humanity is formed are considered: mythology, art, rationality. The main stages of enlarging the rate and forms of communication are shown. The authors note that the formation of new forms of communication is followed by the process of the humanity's revealing the human essence, understanding the human community. Features of the present stage of this process, its contradictions and prospects are outlined. Results of research can be used in the field of philosophical anthropology, social philosophy, global studies. The dynamism of mankind, its dependence on consciousness, consciousness and science are shown in the paper. The conclusion that further prospects of formation of mankind depend on volumes and the scale of generalization of requirements, interests, ideals is drawn.

Ключевые слова: антропология, антропосоциогенез, человечество, сущность человека, рациональность.

Keywords: anthropology, antroposotsiogenesis, humanity, essence of the human, rationality.

Проведенное нами исследование рациональности [6; 4] и ее пределов открыло новые проблемы и горизонты исследования. В частности была поставлена проблема формирования человечества как некоего сущностного единства, обозначены ступени этого формирования, выявлены различные аспекты данной проблемы.

Отмечалось, что для формирования всечеловеческого единства нужны были особые средства и вспомогательные инструменты. Таким инструментами становилась мифология, философия, искусство и т. д. При этом мы полагаем, что «процесс антропогенеза продолжает и продолжает совершенствоваться... Феномен человека и его сущность продолжают находиться в ситуации крайне динамичного и противоречивого развития-становления, в ситуации отсутствия фактора неотвратимости конечного предела и его сознания» [7, с. 10].

Хорошо известно, что аборигены повсеместно и в целом автономно пользовались мифологическим объяснением природного и человеческого бытия. И только лавинообразное нарастание контактов, размывание резких границ между своими и чужими, внутренним и внешним потребовало иных мыслительных средств для бурно развивающегося сознания. Постепенно уходили в прошлое орнаменталистское обозначение бытия как бесконечно фрагментарно повторяющегося этнического своеобразия, «фамильное» обобщение

родового отношения к миру, исключительно конкретное чувственно-наглядное мышление. Родоплеменные пристрастия и суеверия противостояли друг другу, и, следовательно, в целях укрупнения масштаба, объема и форм общения должны были быть укрощены.

Значительное место в постепенном раскрытии человечеством своей сущности занимало искусство: изначально в этом преуспела архитектура, затем скульптура, живопись, театр, музыки и т. д.

Еще одним инструментом открытия человеческого единства стала рациональность. Оказалось, что абстрагирование и широкомасштабное интеллектуальное обобщение положительного опыта межчеловеческого общения стали средством, спасающим людей от взаимоистребления. Именно абстрагирование позволяло отдельным этносам отказаться от переполненной пристрастиями конкретики собственного бытия, не самой существенной, прежде всего, в отношении к иному социуму. Тем самым открывался путь к обобщению усилий, способностей и возможностей уже как к их объединению. Понятно, что наиболее эффективным образом абстрагирование и обобщение проявились в условиях размывания межплеменных, межэтнических границ и возникновения крупных государств.

В истории человечества примитивный коллективизм, родовой строй и доминанта общинного уклада жизни обеспечивали безусловный приоритет локаль-

но общего. Но это доминирование постепенно «размывалось» в условиях обособления больших земельных владений, складывающихся государственных образований, нарастания количества рабов у крупных землевладельцев и т. п. Нарастало содержание оторефлексированного противостояния общего уже как всеобщего (с претензией на всеобщность) и единичного как противостояние социального и индивидуального. При этом на чаше весов оказались отдельное, особенное, обособленное, мое и наше, свое и чужое, выделенное и приобщенное, собственное и обобщенное, государственная сила и личное достоинство, право и особое мнение.

За общим и всеобщим как менее всего очевидным закрепился статус умозрительного и в перспективе даже идеального. Такое общее (и тем более всеобщее) нуждалось в подтверждении дополнительными доказательствами, в опоре на логику и аргументацию.

«Сгущение» социально значимой информации вплоть до образа или фигуры «цепи происхождения» способствовало структурированию крайне распыленного всеобщего. Причинно-следственный характер смыслового связывания социально значимой информации оказался очень продуктивным, полезным для теоретического оформления не только идеализма, но и его мощного оппонента, материализма, для естествознания и для гуманитарного познания в целом.

Изложенная выше прамбула процесса осуществления и становления рациональности вообще и научной рациональности в частности позволяет характеризовать ступени восхождения европейского мышления как все более новые, более прогрессивные, современные формы обобщения («обобщения») суммативного опыта жизни, опыта все более масштабного, разрастающегося человеческого общения в его качественном и количественном многообразии.

После античности и средневековья речь идет уже о содержательной сущности, в которой задействован и сам индивидуальный дух, и содержательная множественность межличностных отношений. От родовой сущности и сущности формальной человеческий мир сдвигается также медленно, как и верно, к всечеловеческой сущности. Н. А. Бердяев пишет: «Человеческий род перерождается в человечество. Этот переход в иной план бытия из плана материального. В этом кризисе рода и материи и в окончательном рождении человека и жизни духа – сущность нашей эпохи» [1, с. 261].

По мере развития общественных отношений интеллектуальный потенциал общения постоянно возрастает и оформляется в виде новых направлений растущей рациональности. Обобщение разных сфер и проявлений человеческой деятельности хорошо наблюдается в экономической, политической, правовой и собственно научной областях, т. е. в реальной жизнедеятельности людей.

Закономерность общественного развития уже в эпоху Возрождения наполняется многочисленными реальными человеческими переживаниями, «человечностью» индивидов, «человекостью» индивидуально, а не только переживаниями избранных и присутствием родового начала или «родового вообще». Естественно, что для такой стадии обобщения в воз-

можном и индивиды, и социум должны были накопить и сосредоточить значительное содержание в самом единстве человеческого разнообразия.

Между тем в действительности XVII век был, скорее, веком разобщения людей в Европе. Войны народов, соперничество властителей, захват территорий и т. п. плодили гнев, боль, страх, жестокосердие, т. е. чувства и эмоции, которые трудно было обобщать через солидарность, свободу, братство всех народов. Наступало время надежды на разум, на просвещение. В таких условиях разум сам абсолютизирует свои собственные возможности, правда, еще только как именно возможности.

Обобщение, таким образом, связывает действительность и возможность. Действительность как уже воплотившая в себе, по Гегелю, «единство сущности и существования или внутреннего и внешнего» [2, с. 312] получает в социуме новую статистически вероятностную перспективу, в противовес однозначной предопределенности исторического развития и механическому детерминизму.

И надо сказать, XVII век в европейской истории оказался на этом пути наиболее представительным. В полемической остроте столкновений янсенизма, иезуитов, пробабиллизма, провиденциализма, ригоризма и строгого детерминизма Спинозы выковывалось более полноценное знание о возможности человеческого разума в самостановлении человека и в его самопознании.

В XIX – XX вв. все отчетливее обнаруживаются пределы рациональности, с одной стороны, и открываются ее новые горизонты, с другой. Рационально выстроенное социальное действие все чаще приводит к социальным катаклизмам, противоречиям, экологическим проблемам и личным трагедиям. Отсюда следует вывод, что рациональность нуждается в глубоком переосмыслении.

Общечеловеческие масштабы человеческой сущности, широко, если не повсеместно, шагнувшей за пределы сущности «родовой», требуют отказаться от безрассудства силы, когда считается, что «сила есть – ума не надо», отказаться от наивного благодушия в характеристиках своего же воздействия на природу, от житейской безалаберности, от сумасбродства идей, от самоубийственной мысли, направленной на уничтожение жизни вообще. Наоборот, специфическим проявлением рациональности в сфере человеческого общения выступает благоразумие. Мы считаем, что разум должен стать самокритичным. В условиях доминанты науки, оставляющей человечество в подвешенном состоянии, перед лицом навязываемой постчеловеческой цивилизации разум должен продемонстрировать свою мудрую силу в самокритичном ограничении безудержных амбиций.

Относительно современности, некоторые авторы полагают, что движение к всечеловеческой сущности проявляется как формирование глобалистского, или общецивилизационного менталитета. Он должен способствовать преодолению конфликтов между цивилизациями и решению общих для человечества проблем [3]. Необходимость совместных решений и действий, например, для преодоления глобальных проблем, заставляет перешагивать узкий горизонт локальных

интересов. И хотя интересы и потребности человеческих сообществ в глобальном мире по-прежнему разнообразны, им все чаще приходится выступать как единое человечество не только в духовном, но и в практическом плане.

Более того, дальнейшее развитие процесса формирования человечества как единого целого открывает вполне реальные перспективы расширения общечеловеческого единства до биосферного [5].

Подводя итоги вышеизложенного, хочется вернуться к вопросу о «вещи в себе» и «вещи для нас». Применительно к человеку и человечеству становится очевидной незаконченность, незавершенность оформления человека и человечества как «вещи в себе», ее крайний динамизм и явная зависимость от сознания, самосознания и науки. Предметно-объектные характеристики человека и общества как непрерывно «собщающихся сосудов жизни», материального и идеального, физиологического и психологического обнаруживаются как крайне противоречивые, спорные, развернутые как бы в бесконечное прошлое и бесконечное будущее, в целостность и полноту ограничено-отдельного, в непостижимость разнообразия [8].

Созревание человечества, историческое взросление человека и «человекости» усиливало интегративность общения и обобщения. Географическая, культурно-историческая, этическая, экономическая и т. д. разобщенность человечества медленно, но верно уступала новому порядку единения всех частей света. Для того чтобы возникло целое, части тоже должны были ощущаться только лишь как именно части, т. е. как не достаточно полноценное и самодостаточное образование. Производственно-ресурсная, хозяйственно-экономическая зависимость колоний от метрополии и, наоборот, зависимость метрополий от коло-

ний питали буржуазную рациональность во все возрастающих масштабах. «Дальнобойность» рациональности предполагала рациональность не только субъекта, но и объектов (людей).

При этом явно возрастала зависимость частей от соединяющего и объединяющего их возможности центра. Концентрация власти и военно-политической мощи, капитала, наконец, подчеркивала опять-таки тот далеко не столь очевидный вывод, что «целое больше суммы частей». Внеэмпирический характер такого вывода, в свою очередь, подчеркивал значение рациональности, прежде всего, в области социального познания, создавая своеобразную защиту для всего феномена центральной власти.

И все-таки целостность общения зависит от обобщения не только мыслей множества индивидов и социальных групп. Выстраивалась грандиозная задача обобщения разнообразных потребностей. За этим возникала необходимость в балансе интересов, целей и идеалов. Работающая в данном направлении рациональность испытывала противоречие между осознанием того, что нужно всем, всем частям, и того, что нужно именно господствующему центру. Да и сама интеллектуальная элита оказывалась часто по разные стороны такой баррикады. Рационализм революционеров явно противостоял рациональному консерватизму представителей власти. В конечном же счете все зависело опять-таки от объемов и масштаба обобщения потребностей, интересов, идеалов с учетом исторической перспективы человечества, возможных будущих поколений. Финитизм государственного прагматизма должен быть достроен инфинитизмом человеческой личности, человечества и самопознания.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1997. Т. 3. 471 с.
3. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1(11). Т. 6. С. 166 – 180.
4. Захарова О. В. Пределы рациональности в решении экологических проблем // Вестник Тюменского государственного университета. (Серия: Философия). 2014. № 10. С. 102 – 109.
5. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
6. Щербинин М. Н., Пупышева И. Н., Павловский А. И. Возможности, задачи и пределы научной рациональности в гуманитарном познании: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. 200 с.
7. Эстетическая антропология: коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 248 с.
8. Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 367 с.

Информация об авторах:

Щербинин Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Mikhail N. Shcherbinin – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Захарова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, kafedrafilosofii@mail.ru.

Olga V. Zakharova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2015 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.128: 81'373 (049.3)

**О СЕРИИ МОНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ З. М. БОГОСЛОВСКОЙ,
ПОСВЯЩЁННЫХ ВАРИАНТОЛОГИИ**
В. П. Васильев, Э. В. Васильева

ON Z. M. BOGOSLOVSKAYA WORKS IN VARIANTOLOGY
V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 15 – 14 – 42002 а / Т.

В рецензии оценивается продуктивность комплексной интерпретации материальной модификации слова и на этой основе подчёркивается теоретико-методологическая обоснованность оформления научной дисциплины – диалектной вариантологии, показывается соответствие исследования лексических форм слова масштабам обозначенной отрасли знания.

The critical paper evaluates the rank of complex interpretation of the word material modification productivity, on the bases of which the theoretico-methodological ground of the dialect variantology as a scientific discipline is emphasized. It also explicitly shows the correspondence of researching the lexical forms of the word to the scale of the field under discussion

Ключевые слова: вариантология, материальная модификация слова, категориальный аппарат, аспекты теории варьирования слова, источниковедение, методология, лексикография.

Keywords: variantology, material modification of the word, category apparatus, the word variation theory aspects, methodology, lexicography, resource ground.

В последние годы в отечественном языкознании появились обобщающие исследования формального варьирования слова в русских народных говорах: монографические работы З. М. Богословской, изданные в Томске [1 – 5]. В них осуществляется глубокая теоретическая проработка явления материальной модификации слова и его подробная лексикографическая, таксономическая и функциональная интерпретация, что позволяет квалифицировать эти исследования как серьёзное теоретико-методологическое обоснование правомерности научной дисциплины – диалектной вариантологии, являющейся частной отраслью вариантологии и вообще вариалогии, – а также как реализация этой области знаний.

Актуальность работ З. М. Богословской обуславливается насущной потребностью в продвинутом решении проблемы материального варьирования слова в контексте постулируемого в языкознании положения о комплексном подходе к изучению его объектов и поиска параметров для установления такой комплексности. Необходимость в обобщённом представлении вариативности диктуется, кроме того, выдвиганием на ведущие позиции в науке эволюционной парадигмы, требующей для кумулятивной деятельности разнообразных научных «заготовки» по своим конкретным проблемам.

В книгах «Формальные варианты в лексикографическом аспекте» [5] и «Аспекты современной вариантологии» [1] определяется прежде всего категориальный аппарат вариантологии, поиски которого ведутся в русле источниковедения, методологии и лексикографии. Источниковая основа вариантологии ос-

мысливается с точки зрения как традиционных подходов, так и современных технологий, и делается вывод о значимости синхронного изучения территориально фиксированного идиома; усматривается зависимость между источниками и методами и обосновывается конструктивность комбинированных методов, одним из которых является лексикографический метод. Лексикографическая параметризация формального варьирования слова находит исчерпывающее рассмотрение, что естественно для представителя Томской диалектологической школы, имеющего богатейший опыт в написании разнотипных словарей, инициатора и создателя «Словаря вариантной лексики сибирского говора» [4].

В монографии «Диалектная вариантология» [2] центральное место занимает раздел «Общие вопросы теории формального варьирования слова», отличающийся основательностью и убедительностью в рассмотрении и решении актуальных для диалектной вариантологии проблем. В нём утверждается лингвистический категориальный статус формального варьирования слова, критерии вариантности, «правила» полевой организации формального варьирования слова и принципы его типологизирования – всё это как результат максимально полного, разнохарактерного, по сути, панорамного описания исследуемого феномена. Как особенно продуктивное следует отметить:

а) разграничение явления варьирования и процесса варьирования,

б) квалификацию формальных вариантов слова в качестве формально-смысловой парадигмы,

в) констатацию «переходной полосы» между тождеством и нетождеством и «прорастания» формы слова в план содержания,

г) выделение вариантных рядов (блоков) на уровне слова-полисеманта,

д) установление иерархии ориентиров, служащих основой для многомерной классификации,

е) обращение к оппозитивному и полювому методам анализа.

В других частях обсуждаемой монографии [2], посвящённых описанию соответственно простых и сложных парадигм формальных вариантов слова в системе современного народного говора села Вершинино Томской области, производится развёрнутое, можно сказать, стереоскопическое филигранно исполненное таксономическое описание анализируемого явления. Трудно представить большую широту экспозиции и глубину интерпретации материала (опозиции по главному материальному различию – по дополнительным различиям, корневые – аффиксальные варианты, качественные – количественные разновидности, варианты с меной звуков, близких и далёких по акустико-артикуляционным признакам, одноместные и неодноместные типы формального колебания слова и т. п.). Избранный способ описания целенаправленно ведёт к обнаружению сети частных закономерностей и к значительным обобщениям. Это, а также характер привлекаемой фактологии, раздвигает границы исследования и повышает статус работы, которая по своему потенциалу претендует быть исследованием формальной модификации слова не в системе конкретного говора, а в русском национальном языке.

Особую значимость обретает прежде теоретически неидентифицированное, но актуальное в практическом смысле истолкование:

а) смешанных вариантных рядов с автономными и (взаимо)зависимыми комбинированными модификациями;

б) вариантных блоков, выделяемых на позиционном уровне «несколько планов выражения – несколько планов содержания», чему соответствуют сложные вариантные парадигмы полисемантов;

в) гиперсловных вариантных блоков, обнаруживающих связь формальных вариантов слова с другими словами.

Монографическое исследование З. М. Богословской «Модификация слова в народно-разговорной речи: функциональный аспект» [3] дополняет структурно-системное направление исследования формальных вариантов слова обсуждением их функциональных качеств, тем самым продолжая уже наметившееся и положительно оцениваемое соотношение рассматриваемого явления со смежными языковыми явлениями – паронимами, паронимазией, квазиомонимией, абсолютной синонимией и пр. Здесь особо тщательно прослеживаются связи мотивации (ремотивации, неомотивации, лексикализации внутренней формы) и формального варьирования, а также выдерживается хорошо зарекомендовавший себя инструментарий квантитативного и полювого (ядерно-периферийного) способа аргументаций и решений. Автор характеризует альтернативные слова под углом зрения их социальной стратификации, промежуточно-

го положения между словоизменением и словообразованием, континуальной природы и отнесённости к элементам речевой народной культуры.

Научная новизна обобщающих и монографических исследований З. М. Богословской состоит в разработке целостной концепции формального варьирования диалектного слова, основанной на интегративном подходе к описанию лексических форм слова. Содержащееся в них всестороннее представление о формальных модификациях слова создаётся не только за счёт внедрения принципов, символизируемых категориями языка и сознания («статика – динамика», «синхрония – диахрония», «социум – индивид», «осознанность – неосознанность»), но и за счёт сопряжения аспектов слова, связанных с «симметрией – асимметрией», «мотивированностью – немотивированностью» и др., а также учёта социо- и психофизиологических параметров диалектоносителей. Нельзя не признать, что заложенное в названных работах многоплановое исследование проблемы материальных видоизменений слова, потребовавшее от автора многолетних усилий по формированию надёжной эмпирической базы, позволяет отнести его к разряду высокопродуктивных научных изысканий, предлагающих понятийно-категориальный аппарат, направления и методы для успешного развёртывания сравнительных наблюдений в вариантологии.

Теоретическая значимость исследований З. М. Богословской в области вариантологии определяется серьёзным вкладом в освоение проблемы тождества и варьирования слова, связанным с утверждением основ диалектной вариантологии и укреплением её за счёт обоснования и оформления нового жанра словаря в региональной и не только в региональной лексикографии.

Достоверность и обоснованность выводов учёного обеспечивается обширностью и богатством фактологической базы исследований, в большей мере полученной в результате многолетних личных наблюдений автора работ; статистической репрезентативностью заключений, отражающих взгляд на природу анализируемого явления как бы из самого языка; использованием адекватного исследовательского аппарата, созданного в результате критического осмысления достижений традиционной и современной лингвистики, а также самостоятельного творческого подхода к решению многих узловых для вариантологии проблем; квалифицированным согласованием разнообразных лингвистических методов и приёмов; корректной координацией теории и практики в конкретном исследовании.

Полученные З. М. Богословской результаты и сами материалы могут применяться при чтении лекций по «Теории языка», «Лексикологии», «Русской диалектологии», при разработке спецкурсов и спецсеминаров.

Высоко оценивая содержание и значимость проведённых З. М. Богословской исследований, считаем необходимым рекомендовать развить весьма продуктивное положение о связи формального и лексикосемантического варьирования в контексте теории звуко-символизма.

Работы З. М. Богословской, неоднократно подерживаемые РГНФ, – это незаурядные, эвристические исследования. Они свидетельствуют о высоком

научном и личностном потенциале автора, который смог предложить достаточную и убедительную аргументацию для выделения новой научной области в

языкознании – вариантологии – и начать её перспективную разработку.

Литература

1. Богословская З. М. Аспекты современной вариантологии // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. № 19. Томск, 2004. 94 с.1.
2. Богословская З. М. Диалектная вариантология. Томск: Изд-во ТПУ, 2005. 271 с.
3. Богословская З. М. Модификация слова в народно-разговорной речи: функциональный аспект. Томск: СПб Графикс, 2011. 134 с.
4. Богословская З. М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Томск: Том. гос. ун-т, 2000. Т. 1: А-К. 304 с.
5. Богословская З. М. Формальные варианты слова в лексикографическом аспекте. Томск: Изд-во ТПУ, 2003. 72 с.

Информация об авторах:

Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, wwpetrovich@rambler.ru.

Vasiliy P. Vasilyev – Candidate of Philology, Assisatnt Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Васильева Элла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, eww85@yandex.ru.

Ella V. Vasilyeva – Candidate of Philology, Assisatnt Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 13.04.2015 г.

УДК 101

ЧТО ЖЕ ДЕЛАЕТСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ?

РЕЦЕНЗИЯ: КТО СЕГОДНЯ ДЕЛАЕТ ФИЛОСОФИЮ В РОССИИ. ТОМ III / АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ А. С. НИЛОГОВ. М.: ООО "САМ ПОЛИГРАФИСТ", 2015. 736 С.: ИЛ.

ISBN: 978-5-00077-142-6

В. И. Красиков

**WHAT IS GOING ON IN MODERN RUSSIAN PHILOSOPHY?
REVIEW OF: KTO SEGODNJA DELAET FILOSOFIJU V ROSSII. TOM III
(WHO IS NOW MAKING PHILOSOPHY IN RUSSIA? VOL. 3)**

/ BY A. S. NILOGOV. M.: ООО "SAM POLIGRAFIST", 2015. 736 P. ISBN: 978-5-00077-142-6

V. I. Krasikov

Эпос под названием "Кто сегодня делает философию в России" в третьей своей части достиг возможных на сей день метафизических пределов – как "вверх", так и "вниз". "Вверх" он замкнут официально-сакральной фигурой академика В. С. Степина, который удостоился тоже чести "делания" и, что самое главное, по-видимому дал добро на включение себя в хотя и неформальный, но все же "пантеон" ныне живущих. Надобно успеть закрепить во всевозможных пантеонах. Если это так, то это означает почти милостивое признание бывшего маргинальным проекта. Как-то неприлично остаться в стороне от "делания".

Однако, может быть, чувствуя некоторую сомнительность подобной ситуации, когда нонконформистский по замыслу проект идет явно на уступку официальной философии – и не только в лице академического небожителя, но и вполне известной "обоймы" имен – вводится фигура трикстера, но трикстера русского. Это сакральный образ юродивого, убогого, непризнанного гения, которых, кстати, реально доволь-

но-таки многовато на просторах и весах любезного нашего отечества. Могу заверить, что самолично неоднократно встречался с подобными ребятами. Я бы их не сопоставлял ни с Ницше, ни Вейнингером – нет у них у них ничего за душой, вернее, за интеллектом. Клинический случай и заключение медэкспертов нужны были, полагаю, автору, во-первых, для уравнивания своего дрейфа к официальным структурам – вполне понятного движения взросления: ну кто не был радикалом в молодости? Во-вторых, свежа еще, вероятно, обида на среду профессионализации, которую и следует назвать "желтым домом 2.0".

Вообще же, как и в предшествующих частях сериала, наиболее интересное – это интервью, философские беседы. Их читать действительно интересно. Так называемые "философские манифесты" не интересны. Потому что они далеко не первой свежести и уже насчитывают чуть ли не десятилетия с того момента, как впервые увидели свет – это давно известно и мало ха-

рактируют творчество авторов, т. е. по сути это не "манифесты".

Я полагаю, что настоящая ценность проекта А. С. Нилогова не только в том, что он попытался, особенно в первых двух частях, выявить интересных и глубоких мыслителей вне официальных структур философской власти, а зачастую и вне вообще философских институций. Худо-бедно – это ему отчасти удалось, при известной спорности тех или иных фигур – ну это уже дело вкуса, о котором спорить смысла большого нет. Он также разворошил благодатный пчелиный улей отечественной философии и, похоже, пчелками был изрядно покусан – тоже герой, страдалец, уважение ему за это.

Думаю, что подлинная ценность именно философских бесед – психолого-ментальное портретирование отечественной философии начала XXI века, находящейся вот уже второе десятилетие в глубоком нокауте. И этот нокаут – не от какого-то идейного или же идеологического противника. Нокаут – от информационной революции, которая возымела действительно неожиданный сокрушительный эффект для интеллектуалов, выразившись в обвальном "обрушении значимости".

Прежнее развитие, в той или иной конкретной духовной сфере, шло через создание его поля общезначимости, конкуренцию трех – шести позиций, прорывы и выстраивание общей преемственности-последовательности. Сейчас же все эти позиции, прежде автономные и самодостаточные (центрированные каждая своей общезначимостью), перемещены (выдворены) из уютных библиотек и сообществ своих носителей (научных, художественных, религиозных, специализированных и пр. сообществ) в огромное, анонимное, скученное и открытое всем ветрам гиперпространство. Это злая пародия на "мир идей" Платона, "трансцендентальную сферу" Канта или же "третий мир" Поппера. Не только имеющаяся необъятная, накопленная веками информация, но и интеллектуальное пространство внимания, прежде разбитое на многочисленные отсеки, гомогенизируется и *переполняется абсолютами*.

Все имеющиеся абсолюты, оригинальные философские идеи сгрудились на одной площадке внимания, мельтешат, превращаются в рядовое и эпизодическое, как и большинство моментов современного существования. Прежде царственные особы, центри-

ровавшие собой особые культурные реальности, сейчас они толпятся в одной представимости-обозримости (одним кликом мышки). Они в толчее простолюдинов – миллионов других, "каких угодно" значений и смыслов, на одном пяточке внимания Интернета и мирового книгопечатания (электронных книг).

Хотя их вроде бы много, чудно и диковинно, исторически и географически, их происхождение, но, благодаря свойствам хранения гигантских объемов информации, они всегда "тут рядом, под рукой" – в мгновенной потенциальной развертываемости, готовности, шаговой доступности. Они все стали сопоставимыми и *рядоположенными* пред оком внимания-ранжирования. Абсолюты выстроены во фронт и пронумерованы, как и монбланы информации вообще. Зачем искать и привносить что-либо еще – вон этого добра сколько! Еще один кирпич в Великую стену или же еще одна песчинка в Сахару – информации или же смысла – не приобщат жизнь этой вот личности к навсегда (?) утерянному Абсолюту (Дао, Логосу, Творцу, космическому сознанию и другому, бесконечно сладостному и высокому).

И вот мы видим, что явно неординарные личности высказывают суждения, более уместные в устах Гильгамеша или же Экклезиаста, пребывая в тенетах можно сказать "вселенской усталости". "Наши розы по-прежнему цвели медленно и неторопливо, а их (*переводы оригинальных западных учений – В. К.*) каждый день самолетами подвозили в неисчислимом количестве. У нас она была одна (*наша философия – В. К.*), а их заваливали разноцветьем, в котором мы потерялись. Не исключено, что отсюда пренебрежение, неуважение и нежелание видеть то, что видно" [2, с. 114]. "Сейчас у нас наступают новые старые времена – времена оплёвывания того, что сделано предшествующими поколениями" [3, с. 142]. "Тем паче, что в ближайшие 3 – 5 лет нас всех очипуют "Чипизируют" [1, с. 90].

Подобные ступор и протрацию надо, конечно, преодолевать "пройдет и это" – как говорит известная притча. В наше время, время, похоже, крушения прежних моделей эволюции сообществ интеллектуалов, когда действительно реальной уже представляется "смерть философии" и "смерть субъекта", книги, подобные нашему эпосу становятся просто необходимыми – как для поддержания идентификации, так и в большей мере – для ее переформатирования.

Литература

1. Кутырев В. А. Бытие или Ничто // Кто сегодня делает философию в России. Т. III / Автор-сост. А. С. Нилогов. М.: Сам Полиграфист, 2015.
2. Неретина С. С. Пути к универсалиям // Кто сегодня делает философию в России. Т. III / Автор-сост. А. С. Нилогов. М.: Сам Полиграфист, 2015.
3. Огурцов А. П. Этос философии науки // Кто сегодня делает философию в России. Т. III / Автор-сост. А. С. Нилогов. М.: Сам Полиграфист, 2015.

Информация об авторе:

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства (ГИТИС), KrasVladIv@gmail.com.

Vladimir I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of History, Philosophy and Literature, Russian University of Theatre Arts.

Статья поступила в редколлегию 18.03.2015 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

**Международная научно-практическая конференция
«Профессиональное образование и занятость молодёжи: XXI век.
Преемственность в деятельности профессиональных образовательных организаций региона
в условиях модернизации» (Кемерово, 18 – 19 марта 2015 г.)**

**International scientific and research conference
“Professional education and youth employment: the 21st century.
Succession in the work of the region’s educational institutions
under the conditions of modernization” (Kemerovo, 18-19 March 2015)**

В Кемерово 18 – 19 марта 2015 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Профессиональное образование и занятость молодёжи: XXI век. Преемственность в деятельности профессиональных образовательных организаций в условиях модернизации». Организаторами конференции выступили департамент образования и науки Кемеровской области, Академия педагогических наук Казахстана, ФГБНУ «Институт педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования», ГОУ «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» (ГОУ «КРИПО») и ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВПО «КемГУ»).

В конференции приняли участие научные и педагогические работники, руководители образовательных организаций, специалисты органов управления образованием из 11 субъектов Российской Федерации, входящих в состав 5 федеральных округов (в том числе из 4 регионов Сибирского федерального округа), представители академического сообщества из Белоруссии, Казахстана и Китая, а также студенты и аспиранты ГОУ «КРИПО» и ФГБОУ ВПО «КемГУ» – всего 417 человек, 272 из которых приняли очное участие.

В сборник материалов конференции были представлены 195 статей, в которых анализируются опыт, проблемы и перспективы:

- правового и экономического регулирования занятости молодёжи, приведения структуры подготовки рабочих (служащих) и специалистов в соответствие с запросами рынка труда, развития государственно-частного партнёрства в области подготовки квалифицированных кадров;
- совершенствования системы профориентации подростков и молодёжи, моделей психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся, механизмов содействия трудоустройству и адаптации выпускников;
- обновления содержания и повышения качества профессионального образования (обучения), формирования системы независимой оценки качества образования, создания механизмов общественной аккредитации образовательных организаций и профессио-

нально-общественной аккредитации реализуемых ими образовательных программ, развития кадрового потенциала профессиональной школы;

– совершенствования системы подготовки и повышения квалификации педагогических работников в учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования, взаимодействия организаций, осуществляющих образовательную деятельность, со службами занятости и работодателями при разработке (корректировке) и реализации дополнительных профессиональных программ для молодёжи;

– создания в образовательных организациях здоровьесберегающей и безопасной образовательной среды, повышения уровня компетентности педагогических работников по вопросам сохранения и укрепления здоровья обучающихся, формирования у обучающихся культуры здорового и безопасного образа жизни, разработки и реализации здоровьесберегающих образовательных технологий, современных методов и форм профилактики социально значимых болезней и профессионально обусловленных заболеваний.

На пленарном заседании и пяти секциях были заслушаны и обсуждены 84 доклада. В рамках конференции проведены 5 мастер-классов ведущих российских учёных и круглый стол на тему «Современные вызовы и модернизация систем образования в России и странах СНГ». Основные мероприятия конференции транслировались в режиме on-line.

Заслушав и обсудив представленные доклады, участники конференции констатируют, что в современном обществе образование является главным фактором и основным механизмом успешной социализации молодёжи, формирования у неё активной нравственной и гражданской позиции, развития её творческих сил и интеллектуальных способностей. В то же время участники конференции выражают обеспокоенность ухудшением качества образования школьников и, как следствие, студентов, а также снижением их учебно-познавательной и профессиональной мотивации, что создаёт опасность интеллектуальной и духовно-нравственной деградации молодого поколения. В связи с этим, по мнению участников конференции, необходимым обеспечить:

- создание педагогических условий для подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров в соответствии с требованиями профессионального стандарта, запросами общества и государства, задачами интеллектуального, культурного и профессионального развития личности, удовлетворения потребностей граждан в углублении и расширении своего образования;

- повышение в организациях, осуществляющих подготовку педагогических кадров, качества преподавания педагогики, психологии, других основообразующих учебных дисциплин и модулей (в том числе путём совершенствования методики их преподавания);

- расширение взаимодействия организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций с целью корректировки реализуемых ими образовательных программ в соответствии с требованиями ФГОС нового поколения и привлечения специалистов-практиков к подготовке педагогических кадров на принципах социального партнёрства;

- сохранение и развитие целенаправленной, систематической работы с мотивированными и одарёнными обучающимися, включая проведение с их участием предметных и межпредметных олимпиад, научных (научно-практических) конференций, творческих конкурсов и др.

В связи со сказанным выше участники конференции отмечают, что на современном этапе роль системы профессионального образования в содействии социализации, самоопределению и самореализации подрастающего поколения, в стимулировании творческой активности молодёжи и создании условий для её эффективной занятости существенно возрастает. С учётом этого основные усилия участников образовательного сообщества и их социальных партнёров предлагается сосредоточить на реализации Стратегии развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций на период до 2020 г. (одобрена на заседании Коллегии Минобрнауки России 18 июня 2013 г.) с учётом положений Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016 – 2020 гг. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-Р).

Участники конференции считают плодотворным состоявшийся обмен мнениями и накопленным опытом. По результатам совместной работы они выработали следующие рекомендации.

Оргкомитету конференции:

- опубликовать настоящую резолюцию и статьи по материалам лучших докладов, рекомендованных руководителями секций и экспертами, в журнале «Профессиональное образование в России и за рубежом»;

- представить настоящую резолюцию для опубликования в журналах «Педагогика», «Вестник Академии Педагогических Наук Казахстана», «Вестник Кемеровского государственного университета» и для размещения на официальных сайтах организаторов конференции.

Организаторам конференции:

- принять решение о придании конференции статуса ежегодной, предусмотрев возможность её проведения в форме Интернет-конференции с целью расширения её целевой аудитории;

- организовать работу по обобщению накопленного в Кемеровской области опыта модернизации системы профессионального образования и профессиональной ориентации, предусмотрев подготовку по результатам этой работы доклада и печатного (электронного) издания.

Руководителям образовательных организаций общего, среднего профессионального и высшего образования:

- активнее разрабатывать программы (планы) профориентационной работы, дополнительные общеразвивающие и предпрофессиональные программы с целью содействия профессиональному самоопределению обучающихся, формированию и развитию у них ключевых компетенций, обеспечивающих востребованность на рынке труда и успешность в будущей профессиональной деятельности;

- обеспечить разработку, апробацию и реализацию в рамках ФГОС общего образования программ урочной и внеурочной деятельности по проблемам профессионального самоопределения детей и молодёжи, а также преемственность содержания программ профориентационной работы с обучающимися на всех этапах (ступенях) их обучения и воспитания;

- шире использовать современные формы и методы профориентационной работы, в том числе дистанционные (on-line-мероприятия), привлекать студентов старших курсов к проведению профориентационной работы в общеобразовательных организациях;

- развивать инклюзивное образование, обеспечивающее равный доступ к реализуемым образовательным программам для всех желающих с учётом разнообразия их запросов и индивидуальных возможностей (включая образовательные программы, адаптированные для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья);

- обеспечить разработку и реализацию дополнительных образовательных программ (спецкурсов, курсов по выбору), направленных на формирование у будущих выпускников навыков здорового и безопасного образа жизни, эффективного поведения на рынке труда;

- в образовательных организациях, осуществляющих подготовку педагогических кадров, разработать и включить в учебные планы спецкурс по организации профориентационной работы с подростками и молодёжью (включая лиц с ограниченными возможностями здоровья);

- развивать взаимодействие с органами местного самоуправления, центрами занятости населения, работодателями и общественными объединениями с целью поддержки трудоустройства выпускников, их адаптации на рабочем месте и профессионального роста;

- осуществлять мониторинг трудоустройства и профессионально-трудовых траекторий выпускников

очной формы обучения с использованием механизмов социального партнёрства;

- эффективно использовать возможности сетевого взаимодействия (в том числе на базе ресурсных центров и многофункциональных центров прикладных квалификаций) при реализации профессиональных образовательных программ, разработать методическое обеспечение сетевых форм реализации таких программ;

- включить в перечень показателей эффективности деятельности педагогических работников показатели, отражающие результаты их участия в профориентационной работе и в работе по оказанию содействия трудоустройству выпускников по полученной специальности (профессии);

- создать условия для сохранения и укрепления здоровья, личностного, интеллектуального, социального развития обучающихся (воспитанников) и других участников образовательного процесса;

- проводить диагностику и мониторинговые исследования уровня физического и психического развития обучающихся, сформированности у них культуры здоровья и безопасного образа жизни, состояния образовательной среды;

- осуществлять комплексную психолого-педагогическую и медико-социальную помощь и поддержку обучающимся, воспитанникам, их родителям, педагогическому коллективу, администрации образовательной организации по выявлению, профилактике и преодолению отклонений в развитии, обучении и социализации обучающихся в процессе реализации ФГОС;

- осуществлять просветительскую деятельность по развитию культуры здорового и безопасного образа жизни;

- способствовать распространению и внедрению в практику образовательных организаций новейших достижений в области отечественной и зарубежной психологии, педагогики, физиологии с целью повышения эффективности реализации ФГОС.

Руководителям организаций (структурных подразделений) дополнительного профессионального образования:

- обеспечить разработку и реализацию дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки для работников образовательных организаций, ответственных за профориентационную работу и за содействие трудоустройству, социальной и профессиональной адаптации выпускников, а также для специалистов, осуществляющих профессиональное обучение и переобучение работников на предприятиях (в организациях) реального сектора экономики;

- активнее разрабатывать и внедрять методические материалы по организации и проведению профориентационной работы с детьми, молодёжью и родителями (законными представителями).

- предусмотреть регулярное проведение учебных курсов, семинаров, консультаций и мастер-классов по разработке и реализации программ предпрофильного, профильного, профессионального обучения и профессионального образования на основе компетентностно-

го подхода, с использованием современных образовательных и информационно-коммуникационных технологий;

- шире использовать в работе опыт деятельности ведущих отраслевых ресурсных центров и многофункциональных центров прикладных квалификаций с целью использования их в качестве площадок для проведения выездных занятий со слушателями.

Руководителям органов управления образованием, органов по труду и занятости населения, органов по молодёжной политике субъектов Российской Федерации:

- обеспечить обобщение и распространение передового российского и зарубежного опыта организации и проведения профориентационной работы с детьми и молодёжью;

- рассмотреть возможность разработки региональных краткосрочных (среднесрочных) планов профориентационных мероприятий для детей и молодёжи;

- при разработке (корректировке) региональных программ развития образования акцентировать внимание на последовательном проведении региональной профориентационной политики как неотъемлемой части образовательной и кадровой политики региона;

- постоянно осуществлять мониторинг профессиональной ориентации учащейся молодежи в регионе;

- активизировать работу по организации и проведению региональных конкурсов для обучающихся и педагогических работников на лучшие профориентационные материалы и (или) мероприятия;

- рассмотреть возможность введения в штатные расписания подведомственных образовательных организаций штатной единицы специалиста по профориентационной работе.

Руководителям государственных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

- продолжить разработку и реализацию региональных и муниципальных программ развития кадрового потенциала с использованием опыта Республики Карелия, Амурской, Кемеровской и Новосибирской областей, городов Ижевска, Иркутска, Ульяновска, Челябинска;

- рассмотреть возможность разработки (корректировки) среднесрочного прогноза баланса трудовых ресурсов для региона и расположенных на его территории крупных муниципальных образований в соответствии с программными ориентирами их социально-экономического развития и Стратегией субъекта РФ в области обеспечения благоприятного инвестиционного климата;

- продолжить совершенствование системы мониторинга и прогнозирования потребностей рынка труда в квалифицированных кадрах с целью осуществления опережающей подготовки персонала на основе регионального заказа;

- продолжить работу по формированию инновационной инфраструктуры региональной системы профессионального образования, включающей терри-

ториальные образовательно-производственные кластеры, многофункциональные центры прикладных квалификаций, ресурсные центры, инновационные площадки, экспертные сообщества и общественные объединения, участвующие в процедурах независимой оценки качества профессионального образования и сертификации профессиональных квалификаций, добровольной общественной аккредитации учреждений профессионального образования и профессионально-общественной аккредитации реализуемых ими образовательных программ;

– содействовать развитию дуального образования, создавая нормативную основу и привлекая основных работодателей к обеспечению практического обучения и частичной занятости на производстве обучающихся;

– разработать систему мер стимулирования работодателей региона, обеспечивающих условия для непрерывного повышения работниками образовательного и квалификационного уровня, а также участвующих в профориентационной работе с подростками и молодёжью, работе наблюдательных и попечительских советов образовательных учреждений, разработке и реализации профессиональных образовательных программ (в том числе в рамках целевой контрактной подготовки квалифицированных кадров);

– способствовать созданию условий для развития природных возможностей и психофизиологических способностей личности, обеспечению физического и личностного становления, социального созревания подрастающего поколения, а также нравственному, физическому самосовершенствованию и профессиональному самоопределению учащихся старших классов, формированию и развитию у студентов и педагогов общих и профессиональных компетенций.

Участники конференции постановили просить:

– **бюро отделения профессионального образования Российской академии образования:**

– заслушать и обсудить на заседании отделения доклад о накопленном в Кемеровской области опыте модернизации региональной системы профессионального образования.

– **Министерство образования и науки Российской Федерации:**

1. Рассмотреть вопрос о подготовке изменений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», позволяющих профессиональным образовательным организациям совместно с образовательными организациями высшего образования разрабатывать и реализовывать

в сетевых формах образовательные программы прикладного бакалавриата с присвоением лицам, успешно освоившим такие программы и прошедшим итоговую государственную аттестацию, квалификации «бакалавр, специалист среднего звена».

2. Разработать и утвердить нормативные правовые акты:

а) устанавливающие порядок создания и деятельности в организациях реального сектора экономики структурных подразделений ведущих организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций;

б) определяющие порядок организации и осуществления мониторинга учебных и внеучебных достижений обучающихся, результатов трудоустройства выпускников, их дальнейших образовательных и трудовых траекторий.

3. Рассмотреть возможность:

а) проведения эксперимента по внедрению реализованной в Республике Казахстан модели повышения заработной платы педагогических работников в соответствии с достигнутым ими уровнем квалификации и с учётом достижений их учеников (три уровня, предусматривающих увеличение зарплаты на 30 %, 70 % и 100 % соответственно);

б) перехода от подготовки педагогических работников с высшим образованием в рамках бакалавриата к их подготовке в рамках специалитета при сохранении возможности их дальнейшего обучения по программам подготовки магистров и по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре;

в) разработки и принятия федерального закона о профориентационной деятельности;

г) включения в перечни направлений подготовки и специальностей высшего образования и среднего профессионального образования направления (специальности) «Профориентационная деятельность» с последующей разработкой соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов;

д) создания межведомственного совета по решению задач профориентации с участием представителей педагогической и родительской общественности, объединений работодателей и других социальных партнёров.

4. Инициировать создание механизма координации деятельности образовательных организаций, позволяющего реализовать систему непрерывного здоровьесберегающего и безопасного сопровождения образовательного процесса на всех этапах (уровнях) обучения и воспитания.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащение научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом *статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно*.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.
Например:
Ссылка на полный текст документа [6].
Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].
12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.
13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.
14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.
Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).
15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.
16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.
17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 01.06.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 08.06.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 31,25. Уч.- изд. л. – 31,7.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в